ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2025, Том 8, №8

Подписано к публикации: 12.12.2025

Главный редактор журнала

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук
Акмурзаева Зухра Магомедаминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентинова Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек)– доктор исторических наук, профессор
Гарсаев Лейчий Магамедович (РФ, г. Грозный) – доктор исторических наук, профессор,
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

E-mail: hb-journal@yandex.ru
Сайт: https://hb-journal.ru

DOI:10.58224/2658-5685-2025-8-8

© Исторический бюллетень, 2025

Содержание

Курков В.В., Симакова В.Н.
Конвенция Монтре как наследие советской политики в современных противоречиях России и НАТО: к вопросу об изучении режима черноморских проливов в школьном курсе истории 6-11

Некрылова О.Г., Хомякова Н.Н.
«Воловская Хатынь» и другие преступления немецко-фашистских захватчиков на территории воловского района современной Липецкой области 12-17

Ожирельев Н.В.
Трансформация каббалистических и герметических идей в византийской медицинской культуре 18-36

Лим Сунгжае
Александра Ким-Станкевич в научной и художественной литературе Южной Кореи XXI в. 37-42

Житин Р.М., Топильский А.Г., Николашин В.П.
Франкоязычная литература в личных библиотеках дворянской аристократии России первой четверти XVIII века. К вопросу о русско-французских книжных связях 43-50

Чэнь Цзяи
Элементы китайской культуры в таштыкской культуре 51-58

Атласова С.С., Емельянов Р.И.
Социально-экономические изменения у эвенков в советское время 59-63

Курков В.В., Никандрова А.А.
Исторический процесс распространения буддизма в США и ES: к вопросу об отборе учебного материала при изучении глобализации в рамках школьных курсов истории и обществознания 64-69

Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А.
Функционирование Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период конца 1970-х – первой половины 1980-х годов и его влияние на формирование городской инфраструктуры 70-75

Лелякова А.С.
Вопросы охраны окружающей среды в первые десятилетия существования Советского государства: источниковедческое исследование 76-82

Перышкин М.О.
Эволюции образа Германии в российской прессе начала XX века с точки зрения экономического противостояния России и Германии (в современной отечественной историографии) 83-88

Сигал Д.Е.
Американские транснациональные корпорации и эволюция международных отношений в условиях цифровизации мировой экономики 89-95

Скопа В.А.
Мировоззрение масонов в контексте русского просвещения XVIII века 96-101

Сулейманов А.А.
Материалы комиссии по изучению Якутской республики как источник
по антропологии сухопутных путей сообщения в Якутии первой четверти XX в. 102-108

Топильский А.Г., Житин Р.М.
Отраслевая структура и особенности модернизации животноводческой отрасли
в крупных хозяйствах Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века 109-117

Волков А.С.
Хронологические таблицы годов жизни знаменитых исторических личностей Древней Греции,
Древнего Рима и Малой Азии на промежутке времени между первым годом эры
Набонассара и годами правления в Византии императора Юстиниана I
(согласно датировкам, полученным методом астрономической хронологии) 118-130

Кабуров А.Р.
От державного вождя к гражданину Романову: образ императора
Николая II в газетах Москвы (июль 1914 – февраль 1917 гг.) 131-138

Махмудов А.Р.
Особенности комплектования коллекции традиционного костюма башкир
этнографа С.Н. Шитовой в Музее археологии и этнографии г. Уфы 139-147

Середа С.П.
Место и роль религии и церкви в становлении и развитии древнерусского общества
и государства и централизованного Московского государства в период с IX по XVII века 148-155

Хафизова З.А., Куделин А.А.
Конструирование образа «исламиста» в СМИ Таджикистана и Узбекистана 156-161

Баязитова Р.Р.
Формы трансляции женских рукодельных навыков в башкирской культуре 162-166

Володина Ю.А., Юргина О.М.
Роль Пироговских съездов в формировании системы государственной санитарной
службы России (1 часть 1885-1900 гг.) 167-173

Гаевская И.И., Подтелков В.В., Руденко Ю.Е.
К.Ш. Шадунц: научное наследие в области механики грунтов и фундаментостроения 174-181

Галлямов Р.Р.
Ношение хиджаба в российских образовательных учреждениях: вызов общественному
порядку или исполнение религиозных традиций? 182-188

Майоров Г.А., Майорова Е.И.
Историческое развитие КПРФ в Сибирском регионе: становление партийных
структур и электоральная динамика в 1990-е годы 189-198

Кельбеханова М.Р., Махадов А.К.
Политический строй вольного общества Ахты – пара в первой половине XIX века 199-203

Хассан Х.Дж.
Цифровая трансформация Ирака (1990-2022 гг.) и её влияние на
внешнюю политику и международные отношения 204-210

Кузнецов А.Н., Штепа А.В., Моисеенко Н.А.
К вопросу об изучении М.Е. Шереметевой историко-этнографических районов на территории Калужской губернии в 1925-1929 годах по материалам Государственного архива Калужской области 211-221

Шувалов Е.Г.
Семен Федорович Казанский. Основоположник отраслевой железнодорожной гигиены 222-229

Антонов И.В.
Башкиры и Сибирское ханство: обзор историографии 230-243

Гизатуллина Д.Н., Иванов Г.А., Заляев Р.И.
Татарская волшебная сказка в работах фольклористов 40-х-80-х гг. XX в. 244-249

Шуралёв А.В.
Психология личности российского казака 250-253

Исламова Р.Х.
Традиционный башкирский нагрудник: мост между прошлым и будущим 254-260

Карпов Д.В.
Туризм в России: исторический опыт и вызовы современности 261-267

Кузнецов А.Н., Штепа А.В.
К вопросу о письменных источниках изучения традиционного женского костюма жителей Калужской губернии 268-279

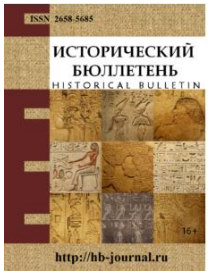
Панов С.В.
Память о польских восстаниях в Советском Союзе на примере журнала «Польша» в 1968-1985 гг. 280-285

Першин Я.В.
Образ православия в «Откровениях» Биргитты Шведской: к вопросу об идеологии похода Магнуса Эрикссона на Новгород в 1348 г. 286-291

Гизатуллина Д.Н.
Татарская волшебная сказка в трудах ученых конца XX века – начала XXI века 292-299

Махмудов А.Р.
Формирование и обзор этнографических коллекций пермских башкир в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН 300-306

Тотх Даниел
Процесс выработки развязок пограничных конфликтов и пути реализации национальных интересов 307-313



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94 (5)

Конвенция Монтре как наследие советской политики в современных противоречиях России и НАТО: к вопросу об изучении режима черноморских проливов в школьном курсе истории

[1] Курков В.В.,
[1] Симакова В.Н.,
[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статья построенной на основе анализа современной отечественной и зарубежной историографии применительно к потребностям школьного курса истории анализируется исторический процесс заключения и сохранения до текущих десятилетий XXI в. основных положений конвенции Монтре, в качестве последнего этапа в истории сложнейшего узла мировой политики вокруг проливов Босфор и Дарданеллы. Ключевое внимание авторы уделяют анализу попыток ревизии важнейших положений данной конвенции со стороны руководства Турецкой республики и НАТО на фоне конфликта Российской Федерации с коллективным Западом в связи с началом СВО. Авторами делается вывод о необходимости изучения в школьном курсе (прежде всего – в рамках элективных курсов нацеливающих учащихся на подготовку к ОГЭ и ЕГЭ) конвенции Монтре, вплоть до наших дней определяющей порядок прохождения судов через Черноморские проливы.

Ключевые слова: Босфор и Дарданеллы, Турция, СССР, конвенция Монтре, Российская Федерация, СВО, НАТО.

***Для цитирования**: Курков В.В., Симакова В.Н. Конвенция Монтре как наследие советской политики в современных противоречиях России и НАТО: к вопросу об изучении режима черноморских проливов в школьном курсе истории // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 6 – 11.*

Поступила в редакцию: 18 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The Montreux Convention as a legacy of Soviet policy in contemporary Russia-NATO controversies: on the question of studying the Black Sea straits regime in school history curriculum

[1] Kurkov V.V.,
[1] Simakova V.N.,
[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: this article, based on an analysis of contemporary Russian and foreign historiography and applied to the needs of a school history curriculum, examines the historical process of concluding and maintaining the main provisions of the Montreux Convention until the current decades of the 21st century, as the final stage in the history of the complex nexus of global politics surrounding the Bosphorus and Dardanelles Straits. The authors focus on analyzing attempts by the leadership of the Republic of Turkey and NATO to revise the most important provisions of this convention against the backdrop of the conflict between the Russian Federation and the collective West in

connection with the beginning of the Second World War. The authors conclude that the Montreux Convention, which to this day determines the procedure for the passage of ships through the Black Sea straits, needs to be studied in school curricula (primarily within the framework of elective courses aimed at preparing students for the Basic State Exam and the Unified State Exam).

Keywords: Bosphorus and Dardanelles, Türkiye, the USSR, Montreux Convention, the Russian Federation, SMO, NATO

***For citation**: Kurkov V.V., Simakova V.N. The Montreux Convention as a legacy of Soviet policy in contemporary Russia-NATO controversies: on the question of studying the Black Sea straits regime in school history curriculum. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 6 – 11.*

The article was submitted: August 18, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

История русско-турецких отношений образует один из важных разделов учебных исторических курсов – тринадцать военных конфликтов российской державы с Османской империей (от неудачной попытки турок овладеть Астраханью при Иване Грозном вплоть до Первой мировой войны) трижды дополняются эпизодами союзнических отношений (при Павле I – в рамках второй антифранцузской коалиции, при Николае I – в ходе египетского кризиса, и в советский период – союз с революционной Турцией Мустафы Кемаля) [10, с. 234]. Столь широкий по хронологии и противоречивый по содержанию характер взаимоотношений двух стран наглядно демонстрирует с одной стороны важность этих взаимоотношений для России и Турции, буквально обреченных географией на неизбежное партнерство, а с другой – объективно порождает серьезные трудности и для преподавателей, и для учащихся при изучении данной тематики – особенно на уровне подготовки к ОГЭ и ЕГЭ. При этом в центре проблематики русско-турецких отношений неизменно оказывается проблема Черноморских проливов – от походов древнерусских князей на Царьград (Константинополь) через все аспекты Восточного вопроса и вплоть до значения Босфора и Дарданелл для современной России в условиях СВО – для преподавателя постоянно присутствует актуальная проблема разъяснения для учебной аудитории геополитического значения этих проливов для российского государства. Показательно, что вопросы, связанные с Черноморскими проливами, неоднократно появляется в пособиях для подготовки учащихся к ЕГЭ [15, с. 125, 167. 173, 177]. Все это диктует необходимость изучения в школьном курсе (прежде всего – в рамках элективных курсов) конвенции Монтре, вплоть до наших дней определяющей порядок прохождения судов через Черноморские проливы – тем более, что в едином учебнике истории для 10 класса под редакцией В.Р. Мединского этот важный документ не упоминается.

Материалы и методы исследований

Статья построена на основе анализа современной отечественной и зарубежной историографии применительно к потребностям школьного курса истории – практический опыт авторов в преподавании учебных исторических дисциплин на школьном и вузовском уровне позволяет на основе метода педагогического эксперимента осуществить отбор материала, позволяющего раскрыть в доступной для учебной аудитории форме нынешнее состояние проблемы Черноморских проливов и значение конвенции Монтре как актуального механизма международного регулирования данной проблематики в условиях развивающихся на фоне СВО противоречий РФ и НАТО. Использование сравнительно-исторического метода позволяет представить в статье историческую логику подписания и сохранения до текущего времени основных положений конвенции Монтре, равно как и попыток ее ревизии.

Результаты и обсуждения

С позиций геополитики и политической географии Черноморские проливы начиная с эпохи когда Древнерусское государство еще только формировалось вдоль пути «из варяг в греки» и первые русские князья совершали свои походы на расположенный на берегу Босфора Константинополь, через всю череду русско-турецких войн и проблематику Восточного вопроса и вплоть до современных противоречий РФ с НАТО, являются точкой притяжения и своего рода ахиллесовой пятой для российского государства и поэтому неизбежно занимают важное место в рамках школьного курса истории, актуализируя знание картографического материала и межпредметные связи с географией. Черноморские проливы в силу именно географических причин просто обречены на русское влияние в их исторической судьбе – даже в период максимального расцвета и влияния Осман-

ской империи – когда Черное море было фактически турецким озером, а Россия не имела ни выхода к морю, ни морского флота – донские и запорожские казаки совершали свои набеги на берега Босфора [9]. При этом столкновение в зоне проливов Российской империи с Англией в XIX в., подробно освещенное в отечественной историографии [1], фактически может рассматриваться как историческая предтеча противоречий РФ и НАТО в этом же регионе уже в XXI в.

Современный школьник, готовящийся к итоговым испытаниям в рамках ОГЭ и ЕГЭ должен четко представлять стратегическое значение Черноморских проливов для России и их детерминирующую роль в ходе русско-турецких войн и союзов:

– открытие проливов для русских кораблей в 1798 г. обеспечило успех эскадры Ушакова на Средиземном море при штурме французской крепости на о. Корфу;

– проход через проливы флотов Англии и Франции обернется поражением России в Крымской войне [11, с. 117; 12. с. 157];

– закрытие проливов для русских кораблей в 1904 – 1905 гг. станет одной из причин поражения России не сумевшей использовать Черноморский флот в русско-японской войне;

– проход через проливы в 1914 г. кораблей ВМС кайзеровской Германии «Гебен» и «Бреслау» будет иметь для России катастрофические последствия (о чем, к сожалению, не упоминается в большинстве учебников) – недаром Черчилль охарактеризует эти немецкие крейсера, как корабли которые принесли смерти и разрушений больше всех в мировой истории: «Гебен» как дредноут, до ввода в строй русских современных линкоров был сильнее любого российского броненосца на Черном море, а «Бреслау» – быстрее, в итоге их действий Турция вступит в мировую войну на стороне Германии (что позволит немцам по признанию Людендорфа продержаться в этой войне на два года дольше). Российская же империя, получив нового врага и лишившись южного, наиболее удобного для поставок от союзников коридора, не выдержит испытаний 1914-1918 гг. и потерпит крах [14, с. 58-59].

Представляя для учащихся конвенцию Монтрё, преподавателю необходимо прежде всего охарактеризовать общую концепцию проливов в международном праве. Как справедливо отмечают турецкие исследователи Арслан Гёкхан и Сезер Реджеп, в международном праве отсутствует единое определение «пролива», но в целом под ним понимается «естественный узкий водный путь между двумя участками суши» [5, с. 82-83]. Понятие «турецких проливов» охватывает не только Босфор и Дарданеллы, но и соединяющее их Мраморное море, образуя единую географическую и геополитическую систему. Их особый статус был впервые обнародован в Лозаннском мирном договоре 1923 г. Уникальность проливов заключается в том, что они представляют собой единственные естественные ворота из закрытого Черного моря в Мировой океан, что на протяжении веков делало их объектом имперских амбиций [5, с. 86; 17].

До подписания конвенции Монтрё режим проливов неоднократно менялся. После неудачной для СССР Лозаннской конвенции 1923 г., был взят курс на ее пересмотр. Конференция в Монтрё, проходившая с 22 июня по 20 июля 1936 г., стала дипломатической победой Советского Союза. Она восстановила суверенитет Турции (дружественно настроенной в тот момент по отношению к советскому государству) над проливами, предоставив ей право их ремилитаризации и сделав ее «хранительницей» этого стратегического коридора. Ключевые статьи конвенции, как отмечает А.А. Головенченко, закрепили дифференцированный подход к черноморским и нечерноморским государствам [6, с. 52]. Для последних были установлены жесткие ограничения: предельный тоннаж кораблей в момент транзита, общий лимит на одновременное присутствие в акватории Черного моря (до 45 тыс. тонн) и срок их пребывания, не превышающий 21 суток. В то же время черноморские державы получили право практически свободно проводить через проливы свои военные корабли любого класса, согласовав это с Турцией. [4, с. 134].

Период холодной войны подтвердил значение данной конвенции как инструмента геополитического противостояния. Как отмечает Н. П. Петров, особую роль играют статьи, регулирующие режим в военное время. Согласно им, если Турция не является воюющей стороной, проливы остаются открытыми для флотов всех государств. Однако если Турция считает себя под прямой военной угрозой или сама участвует в конфликте, решение о пропуске военных судов полностью переходит в ее ведение, что предоставляет ей мощный инструмент политического влияния [16, с. 136]. Эта позиция не привела к пересмотру документа, и конвенция продолжила действовать в первоначальном виде, став одним из стабилизирующих факторов, ограничивавших военно-морское присутствие США и НАТО в Черном море.

А.И. Шумилин в своей статье, показывает, что Турция и ранее использовала свое положение «хранительницы проливов» в сложных международных условиях и гибко трактовала свои полномочия. В течение Второй мировой войны, фор-

мально сохраняя нейтралитет, Турция блокировала проход через проливы как для стран Оси, так и для кораблей союзников, что затрудняло оказание военной помощи СССР. Этот прецедент демонстрирует, что Турция даже в те годы трактовала конвенцию, руководствуясь прежде всего собственными интересами [18, с. 24].

В постсоветский период, как указывает Т.В. Каширина, с 2014 г. давление на режим конвенции Монтре усилилось. США и НАТО, стремясь нарастить свое военное присутствие в Черном море, начали открыто обсуждать возможность пересмотра ее положений. Автор приводит примеры неоднократных нарушений данной конвенции кораблями ВМС США, которые превышали установленные лимиты по тоннажу и срокам пребывания [7, с. 16].

Турция, в свою очередь, предпринимала попытки усилить национальный контроль над проливами. В 1994 г. она ввела Регламент судоходства, который, по мнению причерноморских государств, противоречил духу конвенции Монтрё, так как предусматривал, по словам А.В. Вотинова, право Турции на приостановление морского прохода через пролив Босфор, что часто объяснялось экологическими рисками [3, с. 84]. Как пишет А.Ю. Коломойцева, в Турции заявляли о сотнях аварий в проливах, связанных с интенсивным судоходством, в том числе с танкерами. Однако, по мнению автора, экологические аргументы зачастую служили прикрытием для политических и экономических целей, включая давление на страны-экспортеры нефти с целью перенаправления потоков в пользу альтернативных маршрутов, таких как трубопровод Баку – Тбилиси – Джейхан. Несмотря на протесты, Турция продолжила курс на укрепление своего суверенитета над проливами [8, с. 114].

Говоря про современные реалии, подчеркнём, что начало СВО в феврале 2022 г. стало испытанием на прочность для режима конвенции Монтрё. 27 февраля Турция, сославшись на ст. 19, объявила о закрытии проливов для стран-участниц конфликта. Это решение, несмотря на некоторые расхождения с буквой Конвенции (которая не предусматривает автоматического запрета для кораблей нечерноморских государств, если Турция не воюет), было фактически принято всеми ключевыми игроками, включая Россию и страны НАТО.

Как отмечает О.А. Москаленко, для России такое решение имело двойственный эффект: с одной стороны, ограничивало маневр Черноморского флота, а с другой – блокировало возможность укрепления позиций военно-морской группировки НАТО в регионе [13, с. 658]. Российская позиция, как подчеркивает А.А. Головенченко, утверждает, что Конвенция является краеугольным камнем системы региональной безопасности, которая основана на принципе суверенного права черноморских государств самостоятельно урегулировать свои дела и ограждать регион от влияния внешних сил [6, с. 59].

Тем не менее, США и НАТО открыто заявляют о своем нежелании мириться с ограничениями. В 2022 г. в Конгресс США был внесен «Акт по безопасности в Черном море», в котором констатируется, что конвенция устарела и не учитывает реалий современных военных флотов [13, с. 654]. В американской экспертной среде звучат призывы к полной отмене конвенции Монтре и подчинения судоходства в проливах нормам конвенции ООН по морскому праву 1982 г., что привело бы к установлению режима свободного прохода для военных судов без действующих ограничений.

Дополнительным фактором неопределенности является проект строительства канала «Стамбул», который, по замыслу Турции, должен разгрузить Босфор. Вопрос о правовом положении канала остается спорным и неоднозначным. Турция заявляет, что он будет регулироваться национальным законодательством, а не конвенцией Монтрё [4, с. 137]. Это создает потенциальную возможность для Турции устанавливать собственные правила прохода военных кораблей через канал, выводя их из-под действия конвенции. К.В. Власова в своей статье обращает внимание, что возникает риск формирования двух параллельных правовых режимов, что может подорвать устоявшуюся систему региональной безопасности и еще больше усилить позиции Турции как ключевого регулятора [2, с. 113]. Эта ситуация, как и в прошлом, показывает, что экологическая и экономическая риторика (разгрузка Босфора) может служить прикрытием для серьезных геополитических маневров. Все эти факторы делают невозможным формирование активной общественной позиции учащихся на основе понимания логики исторических процессов и современных политических событий без изучения проблемы Черноморских проливов и конвенции Монтре, как ныне функционирующего механизма разрешения этой проблематики.

Выводы

Парадигма российско-турецких отношений на современном этапе имеет очень сложный и противоречивый характер. С турецкой стороны в отношении России регулярно проявляются вполне очевидные враждебные шаги, заставляющие вспомнить несколько столетий военного противостояния и соперничества: сбитый турками российский бомбардировщик и погибший летчик Олег Пешков

в 2015 г. во время военной кампании ВС РФ в Сирии, убийство российского посла Андрея Карлова в Турции в 2016 г., непризнание турецкой стороной факта присоединения Крыма к России, закрытие Турцией Черноморских проливов для прохождения военных кораблей РФ после начала СВО, поставки турецких беспилотников ВСУ, возвращение на Украину через Турцию боевиков батальона «Азов».

На другой чаше политических весов не менее значимые факторы свидетельствующие в пользу сотрудничества двух стран: стабильно высокий товарооборот между Россией и Турцией, устойчивый поток российских туристов на турецкое побережье, строительство «Росатомом» первой турецкой АЭС «Аккую», закупка Турцией несмотря на всестороннее противодействие США и НАТО российских зенитных ракет и, наконец, стабильные поставки российского газа по газопроводу «Турецкий поток».

В итоге, именно проблема Черноморских проливов (точнее – ее обострение на фоне конфликта России и НАТО, или, наоборот, ее конструктивное решение) может склонить неустойчивый вектор российско-турецких отношений в негативное или позитивное русло. Таким образом, без исторического анализа целого ряда аспектов, связанных с конвенцией Монтре, практически невозможно сформировать у учащихся понимания логики как исторических, так и современных политических процессов, затрагивающих российско-турецкие отношения, равно как и развитие всего черноморского региона.

Список источников

1. Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М.: Наука, 1985. 336 с.

2. Власова К.В. Стамбульский канал: турецкий прожект или скорая реальность? // Современная Европа. 2022. № 4 (111). С. 108 – 121.

3. Вотинов А.В. Оценка возможностей экспорта нефти и нефтепродуктов через черноморские проливы // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. № 5. С. 80 – 93.

4. Высоцкий П.А. Геополитические последствия для Черноморского региона строительства Турцией судоходного канала «Стамбул» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2025. № 1. С. 129 – 141.

5. Гёкхан А., Реджеп С. Турецкие проливы и концепция турецких проливов // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 181. С. 80 – 87.

6. Головенченко А.А. К вопросу о конвенции Монтре – роль документа сегодня и завтра // Власть. 2022. № 4. С. 52 – 59.

7. Каширина Т.В. Реализация конвенции Монтрё 1936 года в контексте современных вызовов и угроз в черноморском регионе // Парадигмы истории и общественного развития. Вып. 23. 2021. С. 15 – 17.

8. Коломойцева А.Ю. Вопрос безопасности турецких проливов – экология или политика? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. №8. С. 110 – 117.

9. Королев В.Н. Босфорская война. М.: Вече, 2007. 608 с.

10. Курков В.В., Пименов Е.А. Таблицы и логические схемы как актуальный инструмент систематизации знаний при изучении истории русско-турецких войн // Вестник педагогических наук. 2022. № 7. С. 234 – 240.

11. Курков В.В. К вопросу об изучении причинно-следственных связей в школьном курсе истории на примере Крымской войны 1853-1856 гг. // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 5. С. 113 – 121.

12. Курков В.В. Севастополь и Порт-Артур: к истории героической обороны и падения главных приморских крепостей Российской Империи – сравнительно-исторический метод в учебном процессе // Исторический бюллетень. 2025. Т.8. № 6. С. 155 – 161.

13. Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. № 4. С. 643 – 661.

14. Муженков В.Б. Немецкие линейные крейсера Первой мировой. М.: Яуза-пресс, 2018. 176 с.

15. Пазин Р.В. История. ЕГЭ. Картографический практикум: тетрадь-тренажер. 10-11-е классы: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Легион-М, 2024. 288 с.

16. Петров Н.Д. Интересы западных стран и СССР в черноморском регионе в контексте конвенции Монтрё 1936 и 1945 гг. // Постсоветский материк. 2023. № 2 (38). С. 134 – 140.

17. Стегний П.В. Еще раз о Греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. № 4. 2002. С. 52 – 78.

18. Шумилин А.И. Южный маршрут ленд-лиза для СССР: коварный «нейтралитет» Ирана и Турции // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 2. С. 19 – 27.

References

1. Vinogradov V.N. Great Britain and the Balkans: from the Vienna Congress to the Crimean War. Moscow: Nauka, 1985. 336 p.

2. Vlasova K.V. Istanbul Canal: Turkish Project or Imminent Reality? Modern Europe. 2022. No. 4 (111). P. 108 – 121.

3. Votinov A.V. Assessing the Possibilities of Oil and Oil Product Exports through the Black Sea Straits. Priority Research Areas: from Theory to Practice. 2013. No. 5. P. 80 – 93.

4. Vysotsky P.A. Geopolitical Consequences of Turkey's Construction of the Istanbul Shipping Canal for the Black Sea Region. RUDN University Bulletin. Series: Political Science. 2025. No. 1. P. 129 – 141.

5. Gökhan A., Recep S. The Turkish Straits and the Concept of the Turkish Straits. Ethnosociety and Interethnic Culture. 2023. No. 181. P. 80 – 87.

6. Golovenchenko A.A. On the Montreux Convention: the Role of the Document Today and Tomorrow. Vlast. 2022. No. 4. P. 52 – 59.

7. Kashirina T.V. Implementation of the 1936 Montreux Convention in the Context of Modern Challenges and Threats in the Black Sea Region. Paradigms of History and Social Development. Issue 23. 2021. P. 15 – 17.

8. Kolomoitseva A.Yu. The Security Issue of the Turkish Straits: Ecology or Politics? Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations. 2009. No. 8. P. 110 – 117.

9. Korolev V.N. The Bosphorus War. Moscow: Veche, 2007. 608 p.

10. Kurkov V.V., Pimenov E.A. Tables and Logical Schemes as a Relevant Tool for Systematizing Knowledge in Studying the History of the Russo-Turkish Wars. Bulletin of Pedagogical Sciences. 2022. No. 7. P. 234 – 240.

11. Kurkov V.V. On the Study of Cause-and-Effect Relationships in the School History Course Using the Crimean War of 1853-1856 as an Example. Historical Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 5. P. 113 – 121.

12. Kurkov V.V. Sevastopol and Port Arthur: On the History of the Heroic Defense and Fall of the Main Coastal Fortresses of the Russian Empire – a Comparative Historical Method in the Educational Process. Historical Bulletin. 2025. Vol. 8. No. 6. P. 155 – 161.

13. Moskalenko O.A., Muradov G.L., Irkhin A.A., Demeshko N.E., Nagornyak K.I. The Montreux Convention after the Beginning of the Second World War. Status Quo or Denunciation: The Discourse of International Actors and Possible Geopolitical Consequences for the Black Sea Region. Bulletin of RUDN University. Series: International Relations. 2023. No. 4. P. 643 – 661.

14. Muzhenikov V. B. German Battlecruisers of World War I. Moscow: Yauza-press, 2018. 176 p.

15. Pazin R.V. History. Unified State Exam. Cartographic Workshop: Workbook-Simulator. Grades 10-11: Study Guide. Rostov-on-Don: Legion-M, 2024. 288 p.

16. Petrov N.D. Interests of Western Countries and the USSR in the Black Sea Region in the Context of the Montreux Conventions of 1936 and 1945. Post-Soviet Continent. 2023. No. 2 (38). P. 134 – 140.

17. Stegniy P.V. Once Again on Catherine II's Greek Project. New Documents from the Archives of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Modern and Contemporary History. No. 4. 2002. P. 52 – 78.

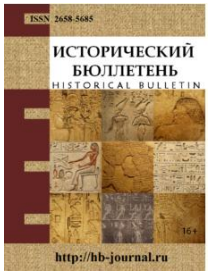
18. Shumilin A.I. The Southern Lend-Lease Route for the USSR: the insidious "neutrality" of Iran and Turkey. Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 2. P. 19 – 27.

Информация об авторах

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Симакова В.Н., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., Симакова В.Н., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47).084.8

«Воловская Хатынь» и другие преступления немецко-фашистских захватчиков на территории Воловского района современной Липецкой области

[1] Некрылова О.Г.,
[1] Хомякова Н.Н.,
[1] Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Аннотация: в 2025 г. Россия отмечает великий праздник, посвященный 80-летию Победы в Великой отечественной войне и освобождению территории нашей страны от немецко-фашистских захватчиков. Однако тема войны, истории военных операций и подвига советского народа, еще долгие годы будет оставаться в поле зрения историков, краеведов, так как многие факты до сих пор мало изучены и требуют научного анализа. Тема геноцида гражданского населения на оккупированных территориях советского государства, навсегда останется в истории ВОВ наиболее сложной и болезненной, с точки зрения, как научного изучения, так и морального обоснования и изложения. Открытие архивных документов, изучение воспоминаний очевидцев дает возможность объективного анализа и детального изучения трагических событий военного лихолетья на региональном уровне, особенно на территориях подвергшихся длительной немецко-фашистской оккупации, что определяет актуальность темы исследования.

В годы Великой отечественной войны, Воловский район входил в состав Курской области и подвергался оккупации дважды – в ноябре-декабре 1941 г. и с июля 1942 г. по январь 1943 г. В ходе проведенного исследования, анализа архивных документов, установлены факты геноцида в отношении мирных жителей, расстрелов ипримененние смертной казни, сожжения заживо людей («Воловская Хатынь»), организации концлагерей для военнопленных и гражданского населения, повсеместного расхищения и уничтожения материальных ценностей, что способствовало увеличению смертности среди мирного гражданского населения. Авторы приходят к выводу, что геноцид советского народа, совершенный нацистскими преступниками и их пособниками это не рецидив каких-то отдельных действий, а целенаправленная идеологически проработанная политика, именно поэтому извлечение уроков из истории нацистского режима и развязанной им агрессивной войны необходимо для предотвращения фальсификации истории и искажения фактов, связанных с одним из самых кровопролитных конфликтов в истории человечества.

Ключевые слова: геноцид, Великая Отечественная война, Воловский район, «Воловская Хатынь», оккупация

***Для цитирования**: Некрылова О.Г., Хомякова Н.Н. «Воловская Хатынь» и другие преступления немецко-фашистских захватчиков на территории воловского района современной Липецкой области // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 12 – 17.*

Поступила в редакцию: 19 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

"Volovskaya Hatin" and other crimes of the Nazi invaders in the territory of the Volovsky district of the modern Lipetsk region

[1] *Nekrylova O.G.,*
[1] *Khomyakova N.N.,*
[1] *Bunin Yelets State University*

Abstract: in 2025, Russia celebrates a great holiday dedicated to the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War and the liberation of the territory of our country from Nazi invaders. However, the theme of war, the history of military operations and the feat of the Soviet people, for many years will remain in the field of view of historians, local historians, since many facts are still little studied and require scientific analysis. The theme of the genocide of the civilian population in the occupied territories of the Soviet state will forever remain in the history of the Second World War of the most complex and painful, from the point of view, both scientific study and moral justification and presentation. The discovery of archival documents, the study of eyewitnesses of eyewitnesses makes it possible to objective analysis and detailed study of the tragic events of the military at a regional level, especially in the territories of a long-term German-fascist occupation, which determines the relevance of the research topic.

During the Great Patriotic War, the Volovsky district was part of the Kursk region and was occupied twice-in November-December 1941 and from July 1942 to January 1943. In the course of the study, analysis of archival documents, facts of genocide in relation to civilians, executions and the application of the death penalty, and burning of people ("Volovskaya Khatyn", organization) concentration camps for prisoners of war and civilian population, widespread plunder and destruction of material and cultural values, which contributed to an increase in mortality among the civilian civilian population. The author concludes that the genocide of the Soviet people, committed by Nazi criminals and their accomplices, is not related to any individual actions, but purposeful ideologically worked out policy, and the extraction of lessons from the history of the Nazi regime and his unleashed aggressive war is necessary to prevent falsification of the history and distorting the facts related to one of the most bloody conflicts in history humanity.

Keywords: genocide, Great Patriotic War, Volovsky district, "Volovskaya Hatin", occupation

***For citation**: Nekrylova O.G., Khomyakova N.N. "Volovskaya Hatin" and other crimes of the Nazi invaders in the territory of the Volovsky district of the modern Lipetsk region. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 12 – 17.*

The article was submitted: August 19, 2025; Approved after reviewing: October 17, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Несомненно, что история Великой отечественной войны – это ключевая точка памяти современного российского общества, а осознание фактов геноцида, который целенаправленно осуществлялся на территории Советского союза в отношении его гражданского населения, позволяет нам дать ответ на очень сложные вопросы в современном геополитическом пространстве. Нацистская политика завоевания СССР, основанная на доктрине высвобождения жизненного пространства для немецкой нации и овладения ресурсами, изначально не предполагала сохранения человеческого ресурса на оккупированной территории, что означало уничтожение государственности, культуры и касалось всего славянского народа.

Еще накануне нападения на СССР нацистскому руководству были представлены ряд директив по осуществлению экономической политики на будущих оккупированных территориях, известные в истории как «План голода» («План Бакке») [10] и протокол PS-1317 (план «Ольденбург») [11, с. 367-368]. В соответствии с указанными директивами, с оккупированных территорий СССР должно было организовываться снабжение немецких армий, а излишки сельскохозяйственной продукции отправляться в Германию, тем самым предусматривалось политика тотального уничтожения местного славянского населения на предназначенном для немцев будущем «жизненном пространстве». Архивные документы о фактах истребления детей, женщин, больных и беззащитных стариков дают понимание человеконенавистнической природы самой нацистской идеологии и реализуемой ими экономической политики на оккупированных территориях, в том числе в районах современной Липецкой области.

Материалы и методы исследований

Первый период фашисткой оккупации на территории Воловского района современной Липецкой области начался 26 ноября 1941 г., после прорыва обороны Брянского фронта и стремительного захвата территории Курской, Орловской, Воронежской областей. Результатом молниеносного наступления гитлеровцев стал захват 4 декабря 1941 г. с. Волово и оккупация 10 сельсоветов Воловского района. Первая немецкая оккупация этих районов продлилась с 26 ноября по 8 декабря 1941 г. К декабрю 1941г. ожесточенные бои под г. Москвой достигли своего пика. 6 декабря 1941 г. Западный фронт, перехватив стратегическую инициативу начал активно теснить врага от столицы, а Юго-Западный фронт успешно реализовывал Елецкую наступательную операцию. Воловский район в ходе советского контрнаступления был очищен от немецко-фашистских захватчиков 8 декабря 1941 г. За недолгий период оккупации немецко-фашистские захватчики, совершили ряд военных преступлений, сведения о которых мы получаем из разведсводки от 22 декабря 1941 г. [6, Л. 43-45]. В этом документе отмечается общий характер немецкого отступления – применение тактики «выезженной земли», уничтожение сел, убийства мирных жителей и угон населения на запад. В оккупированных селах и деревнях немцы, расстреливали всех мужчин, которые не успели эвакуироваться, в деревне Ефимовка Спасского сельсовета на третий день после захвата были расстреляны 17 мирных жителей среди которых трое несовершеннолетних детей [9, Л. 18-18об.]. Из воспоминаний жителя села Спасское Кузьмы Александровича Сулохина: «После обстрела из орудий и минометов пошла пехота, нас выгоняли из погребов и окопов, а кто долго не выходил, бросали гранаты, несмотря на то, что там находились старики и дети» [12, с. 2].

После проведенной диверсии советской фронтовой разведки, в ходе которой в селе Вышнее Большое были убиты 11 военнослужащих вермахта, фашисты на рассвете 7 декабря 1941 г. согнали в избу 58 человек из числа мирных жителей и военнопленных солдат, после чего помещение подожгли. Людей пытавшихся спастись из охваченного пламенем здания расстреливали на месте. В результате погибло 56 человека, спастись удалось только двоим, среди которых Дорофей Иванович Руднев, спрятавшийся в печи, и неизвестный пленный красноармеец. Местная жительница М.М. Пикалова вспоминала: «Хорошо помню то утро. И эту хату помню – она стояла рядом с моей, в ней немцы держали лошадей. А потом лошадей вывели и в хату загнали мужиков и совсем еще мальчишек. Плеснули что-то у окон, крича друг на друга “Шнель! Шнель!”. И мигом все отбежали от хаты подальше. Хата горела недолго, но немцы крутились около нее до вечера – грели руки, подставляли к догорающим бревнам спины. А когда они ушли, я и другие бабы осмелились посмотреть. Какой ужас! Сколько людей заживо сгорели!» [2, с. 44]. Именно после этих трагических событий село Вышнее Большое называют «Воловской Хатынью». На месте свершившейся трагедии поставлен обелиск, на котором выгравированы имена только 12 человек, сгоревших заживо, к сожалению, данные о других, так и остались неизвестными, у подножия обелиска камни – единственное, что осталось от фундамента сгоревшей хаты.

Отступая с захваченных территорий, фашистские оккупанты угнали в рабство 30 человек, сожгли в с. Казинка 12 хозяйств, 15 – в с. Гордеевка. Над трупами некоторых убитых советских граждан совершались издевательства. Так, отступая из деревни Замарайка фашисты дотла сожгли совхоз «Красный луч», в пламени горящего дома сгорела 6-летняя девочка Селищева Валя [5, Л. 61]. Таким образом, в соответствии со сведениями разведсводки за 22 декабря 1941 г., в селах Воловского района было сожжено 30 дворов, убито в ходе карательной акции 60 человек, в том числе двухлетний ребёнок, 16 местных девушек подверглись насилию. Безусловно, эта сводка не охватывает всех совершённых за короткий период первой оккупации преступлений, исчерпываясь только сведениями, зафиксированными в отчётах НКВД. Тем не менее, архивные документы наглядно демонстрируют, преступления захватчиков на оккупированных территориях строго в соответствии с установленными директивами и распоряжениями руководства нацисткой Германии. У местного населения изымались любые предметы быта, которые могли понадобиться захватчикам, проводились карательные акции, чинился произвол, и проявлялась неоправданная жестокость к мирному населению. Лишь быстрое и успешное контрнаступление Юго-Западного фронта в ходе Елецкой наступательной операции не позволило немцам полноценно реализовать преступную политику геноцида.

Второй период оккупации Воловского района начался в середине лета 1942 г., когда фашистские захватчики устремились в южные районы нашей страны. Летом 1942 г. в немецкую зону оккупации попали территории современной Липецкой области. Оккупация Воловского района началась 2 июля 1942 г. На этот раз захватчикам удалось закрепиться на новых рубежах, поскольку все силы

и резервы советской армии летом 1942 г. были брошены на защиту Сталинграда. Захваченные районы оставались под оккупацией вермахта более полугода и были освобождены лишь в конце января 1943 г. в ходе Воронежско-Касторненской наступательной операции.

Во время второй немецко-фашистской оккупации юго-запада современной Липецкой области масштаб совершенных немцами военных преступлений был гораздо значительнее. В Воловском районе начинают формироваться немецко-фашистские органы управления, комендатура, гестапо, устанавливается комендантский час, а местным жителям выдаются новые документы – «аусвайсы». По воспоминаниям местных жителей: «Работать заставляли с темна и до темна всех от 12 и до 60 лет, за опоздание на работу избивали, штрафовали от 30 до 50 граммов хлеба каждого опоздавшего. За малейшее опоздание или невыход на работу сажали в подвал» [5, Л. 17-17об.]. В рамках борьбы с партизанами проводились жестокие показательные казни. Так, летом 1942 г. немцами были захвачены в плен два подростка: 15-летний Владимир Бачурин и 16-летний Николай Пикалов, которые пересекали линию фронта и собирали сведения для советской артиллерии. Подростки были пойманы и отправлены в концентрационный лагерь, который немцы организовали в с. Шатиловка. После заключения там партизаны были, по свидетельствам некоторых очевидцев, похоронены заживо в Сербеевском лесу (по другим данным расстреляны).

Шатиловский концлагерь, расположенный в д. Ивановка Воловского района был расположен на краю оврага, где расстреливали узников, а тела погибщих, сбрасывали в овраг. Из воспоминаний Е.Е. Серовой, жительницы деревни Ивановка: «Вокруг лагеря была охрана. По обе стороны деревни – тоже охрана. Ежедневно немецкий комендант Шван приказывал людям, как и где, работать. Кто не подчинялся, бил плеткой» [2, с. 45]. К зиме 1943 г. в концлагере содержалось лишь около 200 человек мирного населения (старики, женщины, дети), которых оккупанты обрекали на смертельные муки. К сожалению, активное наступление советской армии 25 января 1943 г. оборвало жизнь узников Шатиловского концлагеря. Начавшийся артобстрел, заставил немцев поджечь барак, а тех, кто в смертельных муках пытался спастись из горящего здания, ждали пулеметные очереди. Сегодня, не возможно установить количество замученных в лагере советских солдат и местных жителей. Также в с. Волово в период оккупации действовал 3-й армейский сборно-пересыльный пункт 126 Дулага (Durchgangslager). Из воспоминаний майора С. Пенчалова: « …Немцы издевались над советскими людьми в каждом селе, в каждой деревне… Из хат выгоняли, люди жили в погребах, в землянках. Но в этом нет ничего нового. Так было в каждом селении. А вот Нижне-Большое, так там осталось сразу 60 семей сиротами… Немцы собрали на сходку всех взрослых мужчин. А потом бандиты вышли из помещения, заперли все двери и подожгли здание. Все, кто пришел на «сходку» сгорели… » [9].

Архивные материалы, дают следующие сведения о жертвах второй немецко-фашистской оккупации: всего за семь месяцев оккупационные власти и военнослужащие вермахта убили 287 человек в Воловском районе. Из них были заживо сожжены 19 человек, расстреляны 53 человека, еще 4 числятся пропавшими без вести, 211 человек были убиты в ходе боевых действий или во время бесчинств оккупантов. Было полностью или частично уничтожено 24 колхоза [4, Л.20]. Из архивных материалов по расследованию преступлений совершенных немецко-фашистскими захватчиками следует, что на территории только деревни Казаково Спасского сельского совета Воловского района от 2 февраля 1943 г.: «Немецко-фашистские бандиты расстреливали и забрасывали гранатами в оставшихся жителей, всего расстреляно и убито – 17 человек и 4 ранено. Расстреливали всякого, кто попадется на глаза... Сожгли и разрушили 21 дом, и мы жили по 3-5 семей в одном доме. Угнали 140 овец, 60 коров, вытаскивали из окон стекла. Занимались насилованием над женщинами, подростками и девочками» [4, Л. 17]. В период второй немецко-фашистской оккупации 6 сельсоветов Воловского района находились на линии фронта, в 15 колхозах остались единицы домой, в 9 колхозах не осталось ни одного дома, поэтому от этих населенных пунктах остались только признаки жилья.

За семь месяцев оккупации враг создал хорошо укрепленную оборонительную полосу из естественных и искусственных препятствий. В результате, Воловский укрепрайон стал одной из точек кровопро литных сражений Воронежско-Касторненской операции. В особенности тяжелым было взятие высоты 194,0 – так называемой высоты «Огурец», которую в публицистике называют Липецким «Мамаевым курганом». В боях за неё погибло более 5 тыс. советских военнослужащих, а в ее окрестностях – более 15 тыс. человек.

Результаты и обсуждения

Введение в научный оборот комплекса архивных материалов дает возможность с одной стороны говорить о масштабах преступной политики, которая коснулась практически каждой семьи на

оккупированных территориях, с другой сохранить историческую правду о сущности нацизма.

Общая оценка жертв второй оккупации Воловского района, приводимая в архивных материалах по истории Липецкой области, составляет 387 человек, из которых 239 было казнено, 102 человека изувечены. Фашистские преступники убили 61 ребенка и 71 женщину. Кроме того, более 300 детей и подростков были угнаны в Германию в качестве остарбайтеров. Эти данные дополняют рассмотренные нами сведения из архивных документов по вопросу о количестве жертв политики геноцида. Материальный ущерб району суммарно составил порядка 594 млн. рублей [5, Л. 10].

Большой пласт научной информации о геноциде немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях содержат сборники опубликованных архивных документов по Липецкой и Курской областям, а также публикации воспоминаний местных жителей в периодической печати [2, 3, 1 3]. Научные работы Антипова В.В. [1], Ковалева Б.Н. [7], Мельникова А.Р. [8], Щукина Е.П. [14] дают возможность ввести в научный оборот многочисленные сведения о преступлениях нацистов на оккупированных территориях, что, несомненно, делает изучение проблем, связанных с функционированием нацистского оккупационного режима более обоснованным и детальным.

Выводы

В заключение, можно сделать вывод, что оккупационная политика нацистской Германии, проводимая на захваченных территориях СССР, носила характер геноцида. Расстрелы и массовые казни приобрели колоссальные размеры, солдаты и офицера Вермахта, пренебрегая международными соглашениями и конвенциями о законах ведения войн, повсеместно совершали чудовищные расправы над гражданским населением. Эта политика не носила локальный характер, а проводилась повсеместно, в каждом населенном пункте оккупированном войсками Третьего рейха, что показано на примере Воловского района современной Липецкой области.

Рассмотренные в данной статье нацистские преступления, совершенные в рамках оккупации Воловского района, наглядно показывают, что оккупация этих территорий проводилась в соответствии с идеологическими нацистскими установками в отношении местного населения. Региональные аспекты изучения политики геноцида, показывают, что она затронула практически каждую семью на оккупированных территориях и попытки ее реабилитации, культивирования отдельных компонентов, сегодня очень опасны и не должны повториться.

Список источников

1. Антипов В.В. Маленькая родина моя. Страницы истории Воловского района Липецкой области. Липецк: Липецк-Плюс, 2016. 765 с.

2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Липецкая область : Сборник архивных документов / сост. Е.В. Герчу, О.И. Орлова, Е.А. Панова, И.В. Перова, В.Б. Поляков, О.И. Сладких, Е.П. Щукина. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательство «Кучково поле», 2020. 480 с.

3. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Курская область: Сб. док. / Отв. ред. В.В. Раков. М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. 488 с.

4. ГАКО. Ф. Р3605. Оп. 1. Д. 237. Л. 10. 10об.

5. ГАКО. Ф. Р3605. Оп. 1. Д. 244. Л. 17-20.

6. ГАООФ. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 6. Л. 43-45.

7. Ковалев Б.Н. Оккупация. Как выживали под германским игом - URL: http://lhistory.ru/statyi/okkupaciya (дата обращения: 16.06.2025)

8. Мельникова А.Р. Воловский район Липецкой области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2023. № 1. С. 100 – 106.

9. Пенчалов С. Трагедия в селе Нижне-Большое Воловского района // Газета «Социалистический труд». 18 апреля 1943 г. №23.

10. План голода: полный текст нацистских директив. URL: https://histrf.ru/read/articles/vstupitelnaya-statya (дата обращения: 04.06.2025)

11. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Т. II: пер. с англ. и сост.: С. Мирошниченко. Москва-Новочеркасск :Милитера, 2019. С. 625.

12. Сулохин К.А. Живите под мирным небом // Газета «Вперед». 2009. № 4. С. 2.

13. Сулохина З.М. Вот здесь мы прятались от немцев // Газета «Вперед». 2011. С. 3.

14. Щукина Е.П. О военных преступлениях нацистов против мирного населения на территории Липецкой области в 1941-1943 гг. // Геноцид советского народа. План рейха. Жестокие уроки истории: сборник докладов и статей Международной научно-практической конференции. Брянск: Издательство Брянского филиала РАНХиГС, 2022. С. 251 – 267.

References

1. Antipov V.V. My Little Homeland. Pages of the History of the Volovsky District of the Lipetsk Region. Lipetsk: Lipetsk-Plus, 2016. 765 p.

2. No Statute of Limitations: Crimes of the Nazis and Their Collaborators Against the Civilian Population in the Occupied Territory of the RSFSR During the Great Patriotic War. Lipetsk Region: Collection of Archival Documents. compiled by E.V. Gerchu, O.I. Orlova, E.A. Panova, I.V. Perova, V.B. Polyakov, O.I. Sladkikh, E.P. Shchukina. Moscow: Svyaz Epoch Foundation: Kuchkovo Pole Publishing House, 2020. 480 p.

3. No Statute of Limitations: Crimes of the Nazis and Their Collaborators Against the Civilian Population in the Occupied Territory of the RSFSR During the Great Patriotic War. Kursk Oblast: Coll. Doc. Ed. V.V. Rakov. Moscow: Svyaz' Epokh Foundation, 2020. 488 p.

4. GAKO. F. R3605. Op. 1. D. 237. L. 10. 10 rev.

5. GAKO. F. R3605. Op. 1. D. 244. L. 17-20.

6. GAOOF. F. K-72. Op. 1. Por. 6. L. 43-45.

7. Kovalev B.N. Occupation. How They Survived Under the German Yoke. URL: http://lhistory.ru/statyi/okkupaciya (accessed: 16.06.2025)

8. Melnikova A.R. Volovsky District of Lipetsk Oblast During the Great Patriotic War. Bulletin of the A.P. Chekhov Taganrog Institute. 2023. No. 1. P. 100 – 106.

9. Penchalov S. Tragedy in the Village of Nizhne-Bolshoye, Volovsky District. Sotsialistichesky Trud Newspaper. April 18, 1943. No. 23.

10. Hunger Plan: Full Text of Nazi Directives. URL: https://histrf.ru/read/articles/vstupitelnaya-statya (date of access: 04.06.2025)

11. Transcript of the Nuremberg Trials. Vol. II: translated from English and compiled by: S. Miroshnichenko. Moscow-Novocherkassk: Militera, 2019. P. 625.

12. Sulokhin K.A. Live Under a Peaceful Sky. Vperyod Newspaper. 2009. No. 4. P. 2.

13. Sulokhina Z.M. Here We Hid from the Germans. Vperyod Newspaper. 2011. P. 3.

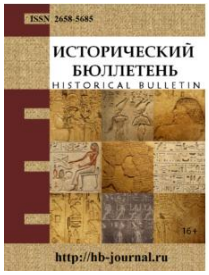
14. Shchukina E.P. On Nazi War Crimes against Civilians in the Lipetsk Region in 1941-1943. Genocide of the Soviet People. The Reich's Plan. Cruel Lessons of History: A Collection of Papers and Articles from the International Scientific and Practical Conference. Bryansk: Publishing House of the Bryansk Branch of RANEPA, 2022. P. 251 – 267.

Информация об авторах

Некрылова О.Г., кандидат исторических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, 1, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0594-9907, nekrylova_80@mail.ru

Хомякова Н.Н., Институт культуры, истории и права, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28,1, natalya.chomyakowa@gmail.com

© Некрылова О.Г., Хомякова Н.Н., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94 (495)

Трансформация каббалистических и герметических идей в византийской медицинской культуре

[1, 2] Ожирельев Н.В.,
[1] Тюменский государственный университет,
[2] Тюменский государственный медицинский университет

Аннотация: статья исследует трансформацию каббалистических, гностических и герметических представлений об исцелении в византийской медицинской культуре поздней античности и Средневековья. Цель – выявить и систематизировать гностические элементы в Талмуде и ранней каббале и проследить их влияние на ритуально-терапевтические практики Византии, где слово, имя и символ функционируют как инструменты «текст-терапии». Исследование опирается на герменевтический и компаративный анализ религиозных текстов и медицинских трактатов, а также на привлечение археологического материала (амулеты, формулы, графические матрицы) для реконструкции практик врачевания. Методологически сочетаются сопоставление гностических и талмудических источников с контекстуальным анализом византийских литургических и врачебных корпусов. Показано, что ключевые гностические мотивы – идея болезни как духовного дисбаланса, микрокосмическая модель тела, сакральная действенность Имени – были адаптированы в иудаизме (в т.ч. через «Сефер Йецира») и переосмыслены в византийской среде (Евхологионы, амулетные корпуса), образуя устойчивую парадигму взаимодействия сакрального и медицинского знания. Византийские источники и археологические находки подтверждают использование имен ангелов, числовых рядов и заклинательных формул в практике врачей и духовенства, что свидетельствует о межконфессиональной циркуляции ритуальных технологий исцеления. Главный вывод: переход от сакральной к рациональной медицине не был линейным – он происходил как длительный диалог традиций, в котором мистические техники структурировали представления о теле и лечении наряду с натурфилософскими объяснениями.

Ключевые слова: каббала, гностицизм, герметизм, византийская медицина, амулеты, «Сефер Йецира», Евхологион; ангелология, текст-терапия

***Для цитирования**: Ожирельев Н.В. Трансформация каббалистических и герметических идей в византийской медицинской культуре // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 18 – 36.*

Поступила в редакцию: 20 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The transformation of kabbalistic and hermetic ideas in the Byzantine medical culture

[1, 2] Ozhirelev N.V.,
[1] University of Tyumen,
[2] Tyumen State Medical University

Abstract: the article explores the transformation of kabbalistic, gnostic, and hermetic beliefs about healing in the Byzantine medical culture of late Antiquity and the Middle Ages. The aim is to identify and systematize gnostic elements in the Talmud and early Kabbalah and trace their influence on the ritual therapeutic practices of Byzantium, where the word, name and symbol function as tools of "text therapy". The research is based on a hermeneutic and comparative analysis of religious texts and medical treatises, as well as on the use of archaeological material (amulets, formulas, graphic matrices) to reconstruct healing practices. Methodologically, the comparison of Gnostic and Talmudic sources is combined with a contextual analysis of Byzantine liturgical and medical buildings. It is shown that key Gnostic motives – the idea of illness as a spiritual imbalance, the microcosmic model of the body, the sacred efficacy of the Name – were adapted in Judaism (including through the Sefer Yetzira) and reinterpreted in the Byzantine environment (Euchologions, amulet buildings), forming a stable paradigm of the interaction of sacred and medical knowledge. Byzantine sources and archaeological finds confirm the use of angel names, numerical series, and incantation formulas in the practice of doctors and clergy, which indicates the interfaith circulation of ritual healing technologies. The main conclusion is that the transition from sacred to rational medicine was not linear – it took place as a long-term dialogue of traditions, in which mystical techniques structured ideas about the body and treatment along with natural philosophical explanations.

Keywords: kabbalah, gnosticism, hermeticism, Byzantine medicine, amulets, Sefer Yetzira, Euchologion; angelology, text therapy

***For citation**: Ozhirelev N.V. The transformation of kabbalistic and hermetic ideas in the Byzantine medical culture. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 18 – 36.*

The article was submitted: August 20, 2025; Approved after reviewing: October 17, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

В истории религиозной и медицинской мысли существует множество примеров пересечения сакрального знания и прикладных практик врачевания. Особенно интенсивно эти взаимосвязи проявились в иудейской традиции, где медицина, мистика и богословие на протяжении веков формировали единое поле духовно-телесной терапии. Центральным источником таких представлений выступают Талмуд и каббалистическая литература, в которых, начиная с позднеантичного периода, фиксируются элементы, восходящие к гностической парадигме. Несмотря на различие в теологической основе, гностическая и иудейская традиции демонстрируют сходные онтологические и символические схемы, лежащие в основе понимания болезни и путей её исцеления.

Гностицизм, как религиозно-философское течение, возникшее во II-III веках н.э. на пересечении иудаизма, раннего христианства и эллинистической философии, сформировал особую модель восприятия мира, в которой тело – это темница души, болезнь – проявление духовного искажения, а исцеление – путь восстановления связи с высшим знанием (гнозисом). Эти идеи – дуализм духа и материи, представление о теле как микрокосме, сакральная роль имени, формулы и числа – получили отклик в ряде еврейских источников, особенно в аггадической и каббалистической литературе. В Талмуде, в трактатах «Шаббат», «Санхедрин» и других, встречаются упоминания об использовании амулетов, ангельских имён и письменных формул, применявшихся для исцеления от болезней, изгнания злых духов и восстановления душевного равновесия. Эти элементы выходят за рамки чисто ритуального действия – они представляют собой сформированную религиозно-мистическую концепцию врачевания.

Особое значение в этой парадигме приобретает «Сефер Йецира» – один из древнейших каббалистических текстов, в котором представлена философская модель мироздания, основанная на взаимодействии букв, чисел и элементов природы. В этой системе человек выступает как отражение космоса – микрокосм, состоящий из тех же сил, что и внешний мир. Болезнь в таком контексте –

это нарушение буквенной или числовой гармонии, а лечение – восстановление внутреннего порядка через сакральный текст, имя Бога, структурированные формулы и ритуальные действия. Эта структура мышления близка к гностическому мировоззрению, где познание имени, чисел и иерархии сущностей позволяет душе преодолеть падшее состояние.

Тем не менее, влияние этих идей не ограничивалось рамками еврейской традиции. В эпоху Византии многие из вышеуказанных элементов получают широкое распространение в рамках магико-религиозных медицинских практик. Византийская врачебная культура, особенно в восточных провинциях (Палестина, Сирия, Египет), активно взаимодействовала с иудейскими, гностическими и христианскими источниками, заимствуя и адаптируя их подходы. Археологические находки амулетов, медицинских текстов, ритуальных формул с именами ангелов (Рафаэль, Михаэль, Самаэль), числовыми рядами и буквенными кодами демонстрируют высокий уровень взаимопроникновения. Эти предметы свидетельствуют о синкретизме – переплетении традиций, в результате которого складываются оригинальные формы религиозной медицины, опирающиеся на текст, символ и звук как основные инструменты воздействия.

Несмотря на наличие богатой источниковой базы и интерес со стороны отдельных исследователей, византийская магико-медицинская традиция с акцентом на гностико-каббалистические элементы до сих пор остаётся фрагментарно изученной. В центре внимания историков, как правило, оказывались либо ортодоксальные христианские подходы к исцелению, либо отвлечённые философские системы. При этом практические аспекты – ритуалы, амулеты, вербальные формулы, буквенные конструкции и их взаимосвязь с еврейскими мистическими источниками – по-прежнему остаются на периферии научного анализа. Особенно слабо исследованы случаи, когда византийские целители, включая врачей, христианских священников и монахов, использовали еврейские тексты, псалмы, символику и ангельские имена как средства борьбы с болезнями, дурным глазом или демоническими влияниями.

Таким образом, становится очевидной необходимость объединения двух исследовательских направлений – гностико-каббалистических представлений о болезни и исцелении в иудейской традиции, и практик врачевания в византийской культуре, впитавших эти идеи в своей конкретной, ритуальной реализации. Именно в точке их пересечения формируется уникальный феномен – сакральная медицина поздней античности и Византии, основанная на слове, имени, символе и ритуале. Этот феномен требует комплексного, междисциплинарного подхода, включающего герменевтику религиозных текстов, археологию магико-медицинских артефактов, а также культурологический анализ символических форм тела, болезни и лечения.

Предлагаемое исследование направлено на то, чтобы раскрыть эту связующую ткань – показать, как элементы гностической онтологии, талмудической демонологии, каббалистической лингвистики и византийской ритуальной медицины формируют устойчивую традицию мистического врачевания. Изучение этих пересечений позволяет не только реконструировать забытые формы религиозной медицины, но и глубже понять, каким образом сакральное знание в исторической перспективе использовалось как инструмент воздействия на человеческое тело, душу и судьбу.

Целью настоящего исследования является выявление, систематизация и интерпретация гностических элементов, присутствующих в Талмуде и каббалистической литературе, а также анализ их трансформации и влияния на мистико-медицинские практики византийского периода. Исследование стремится рассмотреть эти два феномена – гностико-каббалистические концепции исцеления в иудаизме и магико-медицинские практики врачевания в Византии – как части единого культурно-религиозного поля, где текст, ритуал, имя и символ выступают универсальными средствами восстановления утраченной гармонии между телом, духом и космосом. Таким образом, работа направлена на формирование комплексной модели понимания исцеления как сакрального действия, возникшего на стыке гностической философии, иудейской мистики и византийской целительской традиции.

Материалы и методы исследований

Методологически работа основана на сравнительном анализе текстов и культурных практик. Применяется герменевтический подход к интерпретации религиозных и философских текстов, а также контекстуальный анализ исторических источников и археологических артефактов. Сопоставление гностических и талмудических источников позволяет выявить структурные и смысловые аналогии. Амулеты, магические формулы, описания обрядов и обычаев рассматриваются как материал для реконструкции религиозной медицинской практики.

Религиозные еврейские тексты, в первую очередь Талмуд, агадическая литература и каббалистические трактаты, сформировали фундамент мистико-медицинских практик в иудаизме. Эти тек-

сты не только отражали идеи о духовной природе болезни, но и задавали структуру ритуалов исцеления, основанных на использовании сакральных слов, имен и чисел.

Данный научно-исследовательский контекст отражен в работах зарубежных ученых за последние вековой период. Гершом Шолем в своем фундаментальном труде «Основы течения еврейской мистики» заложил основы академического изучения еврейской мистической традиции [1]. Его работа стала первой масштабной попыткой системного анализа каббалы как важнейшего духовного и интеллектуального явления в иудаизме, а не как маргинального или оккультного движения. Г. Шолем затронул многие аспекты еврейской мистической традиции. В вопросах, касающихся происхождении и эволюции каббалы, он исследует истоки мистицизма в древнем иудаизме (меркава, хехалот) и формирование классической каббалы в XIII в. в Провансе и Испании. Затрагивая вопросы символики и метафизики, роли языка и букв, мистики молитв и божественного присутствия в вопросах священного иврита, как носителя божественного творческого потенциала, он оставил без внимания и не стал углубляться в исследовательском формате касаясь вопросов практической магии и медицинской мистики. Шолем сознательно отделяет мистику от магии, уделяя мало внимания амулетам, заклинаниям, ритуалам исцеления – хотя в реальной практике они были тесно связаны с каббалой. Рассматривая связь между духовной практикой и магико-медицинскими методами, он мало уделял внимания использованию гематрии, сакральным именам, талисманам во врачебных целях. Сосредотачиваясь в основном на европейской (ашкеназской и сефардской) традиции, в меньшей степени затрагивал византийские, арабские и восточные влияния. В его работе было поверхностно затронуто упоминание о «Сефер Йецира» как раннем источнике, но без обсуждения его исторического функционирования в Византии. Это не было предметом его специального исследования. Гершом Шолем глубоко разработал европейские традиции еврейской мистики, особенно сефардскую, ашкеназскую и лурианскую. Он почти не касался византийского, арабского и сирийского контекста, не рассматривал, например, влияние гностических и коптских практик, магических чаш, арабоязычной еврейской каббалы и перекрёстных заимствований в Византии. Избегал магико-практической стороны их применения в прикладных аспектах медицины. Эти пробелы были частично восполнены в трудах Гидеона Бохара, Питера Шеффера, Розали Дэвид и Юлии Либерман.

Питер Шеффер сделал выдающийся вклад в понимание истоков еврейской мистики, рассматривая её в диалоге с гностицизмом и ранними христианскими движениями. Он особенно силён в текстологическом и филологическом анализе, однако его работы мало касаются прикладных, антропологических и ритуально-медицинских аспектов мистической традиции. Межконфессиональные заимствования и вопрос влияния иудаизма на христианскую или мусульманскую мистику почти не поднимается, хотя контексты Средиземноморья и Византии предполагают тесные взаимосвязи [2].

Джозеф Дан существенно расширил поле исследования еврейской мистики, введя в научный оборот магико-практические, народные и социальные аспекты. Его подход ближе к антропологическому и культурологическому анализу, нежели к чисто теологической или философской истории. Он восполнил важные пробелы в работах Шолема и Шеффера, но сам не всегда стремился к систематичности и глубокому текстологическому разбору [3].

Гидеон Бохар внёс решающий вклад в материальное и документальное исследование еврейской магии, доказав, что она была интегральной частью религиозной практики, а не отклонением от неё. Его подход эмпиричен, археологически и текстологически обоснован, но ограничен тематически. Он не занимается философией, мистикой в строгом смысле, мессианизмом или духовной антропологией. Это делает его работы прекрасным дополнением к более метафизически и теологически ориентированным авторам. В рамках античной магико-религиозной практики он рассматривает медицинские амулеты анализируя формулы изгнания болезней, наложения имен ангелов (например, Рафаэль), и тексты против "духов болезни" (*руах раа*) (Примеры: магические чаши с фразами вроде *"во имя ЯХВЕ, изгони жар, боль, безумие..."*.) [4, с. 186]. Он впервые стал рассматривать связь между болезнью и грехом – духовным дисбалансом, подчёркивая, что в еврейской позднеантичной традиции болезнь воспринималась не только телесно, но и духовно, а магия была средством восстановления гармонии. Имя Бога и ангелов в его трактовке выступало как лечебный инструмент. Он описывает Шем ха-Мефораш и ангельские иерархии как «формулы» в медицинских текстах. Указывает на функцию ритуального слова в лечении бессонницы, параличей, горячки. Но, он не трактует это как «каббалу», а как дорелигиозную, полуфольклерную магию, хотя формы пересекаются. Гидеон Бохар – это исследователь магии и ритуала в иудаизме поздней античности, а не каббалы как теософской системы. Он даёт по-

дробный анализ медицинских и защитных обрядов в ране еврейской традиции. Показывает, как имена, текст и ритуал использовались как инструменты исцеления и защиты. Он не выходит за хронологические рамки позднеантичного периода. Не включает в анализ каббалистические и хасидские источники, оставляя это поле другим исследователям (Шолем, Дан, Шеффер) [5]. В агадических текстах развиваются идеи о болезни как последствии греха или духовного воздействия. В ответ на это предписываются вербальные формулы, молитвы, и даже построение буквенных последовательностей для изгнания вредоносных духов. Примеры таких текстов обнаруживаются в мишнаитских и гаонитских источниках, где «Имя» Бога (Шем ха-Мефораш) считается ключевым инструментом исцеления [4, 6].

Ян Ассман – теоретик религии как культурной памяти, акцентирующий внимание на тексте, идентичности, границах и институциональной трансформации веры. Его вклад бесценен для понимания роли сакрального текста в формировании религий, особенно иудаизма. Однако мистическая, ритуальная, магическая и медицинская составляющая иудаизма остаётся вне его зоны интереса. В этом смысле он – не практик и не источниковед, а культурный философ и идеологический критик [7].

Джозеф Дан также затрагивал аспект изучения болезни как духовного феномена. Он рассматривает духовную этиологию болезни как центральную тему в агадической и каббалистической мысли, анализируя образы болезни как наказания, испытания или проявления дисбаланса между телом и душой. Автор подробно исследует каббалистическую практику использования имени Бога и гематрии, уделяя внимание магико-религиозной функции текста, особенно в ритуалах исцеления, экзорцизма, защиты от «дурного глаза» и духовных недугов. Особый акцент у него приходится на литературной структуре таких текстов – повтор, аллитерация, числовые коды и их символика. Дан показал, как традиционные формы «магии» были трансформированы в рамках религиозной ортопрактики, особенно в гаонитской и раннекнижной эпохах. Однако, остался недостаточно охваченным в его работах анализ Мишны и Талмуд с точки зрения прикладной медицины. Уделяя большое влияние текстуальной интерпретации, он меньше делал аспект на практике исполнения ритуалов, подчеркивая символическую и вербальную сторону мистико-медицинских практик, углубляя понимания роли греха и слова как причины и лекарства болезни [8, 9]. Аналогичный контекст исследований затронут в работах Gideon Bohak, Jan Assmann и др. [4, 10, 11, 12].

Каббалистические трактаты, начиная с «Сефер Йецира», систематизируют знание о связи между буквами, органами тела и элементами природы. Эти идеи получили развитие в поздней каббале, где текст, число и звук стали средствами восстановления духовной и физической гармонии. Таким образом, религиозные тексты не только описывали, но и нормативно оформляли практики врачевания, заложив основу целостной мистической медицины. Исследование этого аспекта знаний, посвященных изучению связи между буквами, органами тела и элементами природы в каббалистической традиции, с «Сефер Йецира», занимались ряд зарубежных исследователей. Арье Каплан предлагал подробный комментарий с «Сефер Йецира» и «Бахира», исследуя связь между буквами, элементами и органами тела, изучая различные формы еврейской медитации, включая мантры, визуализации и концентрацию на именах Бога, рассматривая их как средство духовного исцеления [13, 14, 15].

Жан Баумгартен, показал, как каббалистические концепции были адаптированы для повседневной религиозной практики через идишскую литературу. Однако, уделяя меньше внимания практическим аспектам использования мистических текстов в лечебных и защитных ритуалах, он обратил внимание на важность этических текстов на ишиде в формировании религиозного сознания [16, 17, 18].

Кроме того, гностические тексты отразили глубокую связь между познанием, словом и исцелением. В трудах, таких как «Апокриф Иоанна» и «Евангелие от Фомы», подчеркивается, что болезнь есть отражение отрыва души от света и знания [19-22]. Исцеление в этих системах осуществляется через произнесение сакральных имен, например, множественных форм имени Иисуса как Логоса или Софии как божественной Мудрости. Эти имена действуют не как обозначения, а как активные сущности, участвующие в восстановлении целостности. Этот контекст в исследовательской практике привлекал внимание ряда ученых [23, 24, 25, 26].

Исследование гностических текстов, содержащих формулы изгнания духов, схемы эонов и архонтов, сопровождаемые числовыми последовательностями и магическими словами занималась ряд ученых. Надо отметить, что такие структуры встречаются в таких источниках как «Пистис Софии» и «Книге Иеу», где знание о космической иерархии позволяет душе избежать влияния демонических сил. Врачевание в этих текстах – это ри-

туал восстановления внутреннего света через откровение. Эти элементы служили не только теоретическими конструкциями, но и практическими инструментами для восстановления внутреннего света души через откровение [27, 28, 29].

Работы представленных в анализе учёных заложила многослойное понимание еврейской мистической традиции – от философско-теологических конструкций каббалы до прикладной магико-религиозной практики, включая ритуалы защиты, очищения и врачевания. Каждый из исследователей сфокусировался на определённом аспекте и методе анализа. За рамками исследования остались не изученными прикладные аспекты направленности мистико-медицинских практик врачевания в Византии, сформировавшиеся на данных территориях в телесно-религиозном измерении иудализма.

Результаты и обсуждения

Исследование показывает, что гностические элементы, присутствующие в Талмуде и ранней каббале, оказали значительное влияние на формирование врачебных практик в иудаизме. Эти элементы включают в себя использование сакральных имён, числовых систем (гематрия), символики букв и элементов природной философии. В частности, книга Сефер Йецира демонстрирует концептуальное сходство с гностической космологией, но адаптирует её в рамках монотеистической системы.

Практики ношения амулетов, произнесения имен и использования ритуальных текстов представляют собой устойчивую традицию, распространившуюся в христианском мире. Византийские источники подтверждают наличие еврейских магико-медицинских знаний в обращении у христианских врачей и священников. Это свидетельствует не только о контактах между культурами, но и о глубоком влиянии еврейской традиции на формирование религиозной медицины в целом [30-37].

Таким образом, обнаруженные параллели между гностической и еврейской традициями позволяют говорить о существовании общей парадигмы, в которой исцеление рассматривалось как восстановление утраченной гармонии между духом, телом и словом.

Гностическая онтология и тело как пространство борьбы

Гностическая мысль предполагает дуализм между духом и материей [5]. Материя, воспринимается как падшее состояние, а тело – как темница для высшей субстанции – души [40, 41]. Такое представление не только определяет отношение к миру, но и формирует особую медицинскую и духовную антропологию. В гностических школах (например, у Валентина или Маркоса) тело – это не самостоятельная ценность, а результат действия низших божественных сил (эонов или демиурга), который создал несовершенный мир в отрыве от Высшего Света [42].

Болезнь в этой системе координат – не биологическое событие, а симптом духовного разрыва, отражение глубинного несоответствия между изначальным светом и материальным носителем. Душа, запертая в теле, страдает не только от телесных недугов, но и от космической изоляции. Лечение, таким образом, связано не столько с физическим восстановлением, сколько с пробуждением к знанию – гнозису, который способен освободить душу и привести её к свету.

В гностических практиках применяются особые формулы, имена, символические числа и знаки, направленные на "очищение" тела и раскрытие его как сосуда для божественного света. В «Евангелии от Филиппа» имя понимается как действенная сила: «имена… не пустые», они передают власть и делают «таинства» эффективными, что прямо коррелирует с лечебной функцией сакрального слова [41]. О «магико-числовой» и ономастической практике у гностиков-маркосиан (сила букв и именований как оперативная энергия) свидетельствует Ириней Лионский. Описанные им ритуалы задают образец «имя дает власть» [42].

Сравнимо с этим, в иудаизме талмудической эпохи, возникает представление о болезни как результате духовной несбалансированности. В Талмуде неоднократно обсуждаются "духи болезни" (руах раа), дурное начало (йецер хара), а также способы очищения через текст, ритуал и имя [7]. В частности, идея о том, что словом можно исцелять, что имя может изгнать зло – является прямым пересечением с гностическими ритуалами, где имена (например, множественные вариации имени Бога или ангелов) играют роль сакральных ключей к восстановлению порядка. Эти имена не произносятся как обычная речь, а используются в структуре магико-обрядового языка. Нормативная сила произнесения «Шем га-мефораш» в Йом-Кипур, практики против «руах ра’а», а также допустимость лечебных амулетов (*камия*) показывают признание эффективности текста и Имени в восстановлении порядка [43]. К этому примыкает и экзорцистская практика «именами Божьими», зафиксированная Иосифом Флавием [44].

Дополнительным гностическим элементом в еврейском врачевании становится представление о теле как микрокосмосе. В «Сефер Йецира» карта 10 сефирот и 22 буквы задают символическую анатомию, в которой лечение мыслится как пере-

настройка корреляций «буквы – качества – направления» [46]. В позднеантичной мистике (включая элементы каббалы) тело символически делится на сферы, связанные с буквами, направлениями, свойствами. Это делает его не просто объектом лечения, но отражением устройства мира, и всякое врачевание – попыткой восстановить гармонию не только в человеке, но и во вселенной. Эта модель конкретизируется в позднеантичных и средневековых сборниках практической каббалы, где исцеление достигается комбинацией времени, материала и рядов божественных, ангельских имён – от «Сефер ха-Разим» и «Меча Моисея» до «Сефер Разиэль ха-Малах» [47, 48]. Материальные свидетельства – амулетные ламеллы и подвески с «ΙΑΩ/Σαβαώθ» и именами архангелов – демонстрируют Имя как активатор защиты тела и изгнания болезни [49].

Таким образом, мы видим, что гностическая онтология, в которой болезнь есть результат искажения духовной структуры, оказала значительное влияние на еврейское представление о целительстве как процессе, соединяющем текст, имя, ритуал и знание. Это влияние формировало фундамент мистических подходов к исцелению, развивавшихся в Византии и в каббалистических практиках Средневековья.

Гностические следы в талмудических и агадических источниках

Талмуд содержит множество примеров использования амулетов, имён ангелов, букв алфавита и специфических текстов для исцеления [7]. В трактате "Шаббат" обсуждается допустимость лечебных амулетов с текстами, по форме близких к гностическим сигиллам [38]. Центральным становится использование "имени" как медиума власти. Именно имя позволяет восстановить порядок и изгнать болезнь. Имя как оперативная сила в еврейском магико-медицинском своде имело большое значение (*Sefer ha-Razim*): «If you wish to heal a man who has had a stroke and half of [his body…» – рецепт исцеления через назначенные ангельские имена – ритуал. Полный перевод на русский звучит так: «Если ты желаешь исцелить человека, у которого случился удар, и половина его тела иссохла – будь то от злого духа или от колдовства, – возьми нардовое масло и три меры мёда. Стань лицом к восходящему солнцу и произноси трижды каждый день в течение семи дней имя больного и имя его матери, а также имена ангелов, которые стоят на шестой ступени. Далее: высечь на серебряной ламелле имена этих ангелов с указанными знаками, сделать из неё амулет и повесить его на шею больного на (шнуре из) «асбеста» вместе с благовонным кадилом. Напиши (амулет) так в двадцатый день месяца – и преуспеешь.» [50, с. 51-52].

Особое внимание заслуживает тот факт, что в гностической и талмудической традициях имена действуют как энергетические сущности, способные вступать в контакт с духовными структурами мира. В обоих случаях имя – это не просто знак, а живая сила, раскрывающая доступ к иному уровню реальности. Так, в иудаизме появляется концепт "Шем хамефораш" – раскрытого имени Бога, которое в ритуальной практике используется не только для молитвы, но и для изгнания болезней и духов.

Гностические параллели проявляются также в построении текстов как магических формул. В агадической литературе известны примеры "вспомогательных текстов" – своего рода вербальных конструкций, способных вызывать или подавлять духов. Эти тексты содержат аллитерации, повторения, числовые коды, и даже псевдонимы Бога – всё это имеет аналогии в гностических заговорах и мистериях. [24]. В агадической традиции «вспомогательные тексты» – ритмизованные формулы, числовые цепочки и игра с именами – работают как речевые действия, воздействующие на духовные силы и болезнь. Уже в «Шаббат» узаконивается терапевтическое слово-ритуал – допустимость *камия* и целого набора антилекарственных формул с семикратными повторами («семь от семи…», завязывания, произнесения), где числовая структура и вербальная матрица образуют лечебный механизм [51, листы 67а – 67в]. Параллельно «Авода Зара» описывает ночной риск у воды и предписывает аллитеративную редукцию имени демона (*шабрири → брири → рири → ири → ри*), демонстрируя, как «разбор» имени лишает дух силы — образцовая вербальная конструкция с повторами и звуковой игрой [52, лист 12в; 53, лист 112а - в]. Более того, ангельская иерархия в Талмуде (Михаэль, Гавриэль, Рафаэль и пр.) функционально соотносится с гностическими эонами или архонтами, охраняющими доступ к божественному свету. Врачи-мистики апеллировали к этим фигурам не как к абстрактным существам, а как к агентам в духовной системе исцеления [39]. В «Мече Моисея» исцеление привязывается к перечислению «ста священных имён» и заклинанию «именем Бога… Михаэль, Гавриэль, Рафаэль», показывая, что перечисление, произнесение Имён – это «операция» над духами болезни [54, p. 22]. Материальный слой той же логики дают амулетные ламеллы с «ΙΑΩ/Σαβαώθ» и именами архангелов. Имя, нанесённое на металл и активированное ритуальным ношением или произнесением, вы-

ступает агентом защиты тела и «вывода» болезни [55].

Роль букв и их графического начертания также приобретает значение. В позднеталмудической практике появляются письменные амулеты, где сочетания букв служат не для чтения, а для влияния на реальность. Такие амулеты имеют параллели с гностическими текстами на коптском и греческом языках, где символическое письмо используется как энергетическая матрица.

Таким образом, талмудическая традиция не только включает отдельные элементы гностического наследия, но и развивает их в специфически еврейском ключе – подчиняя сакральный язык монотеистической структуре. Эти формы ритуального языка легли в основу как литургических текстов, так и прикладных методов врачевания в Византии.

В византийском Евхологионе (ритуале) экзорцизмы построены как «текст-терапия». Последовательные инвокации многих божественных имён и атрибутов и императивы изгнания («запрет, выйди, рассеяйся»), причём описываемое «вылечивание» адресуется и душе, и телу – формулы прямо перечисляют части тела, откуда должно уйти «нечистое» (напр.: «от ума, от души, от сердца… от всех членов»). Пример экзорцизм, атрибутируемый свт. Василию Великому (Евхологион, раздел молитв перед Крещением): «Ἔξελθε καὶ ἀπόστηθι ἀπὸ τοῦ πλάσματος τούτου…» – «выйди и отступи от этого создания…», далее: «ἀπὸ νοός, ἀπὸ ψυχῆς, ἀπὸ καρδίας… ἀπὸ πάντων τῶν μελῶν.» – «всем умом, всей душой, всем сердцем… всем телом (всем существом).» [56, p. 578-584]. Другой пример – экзорцизм, атрибутируемый свт. Иоанну Златоусту: «Κύριος ἐπιτιμᾷ σοι… ἔξελθε, καὶ πορεύου εἰς γῆν ἄνυδρον καὶ ἀβάτον…» – «Господь запрещает тебе… выйди и иди в землю безводную и ненаселённую…» [56, p. 578-584]. Таким образом, литургический корпус закрепляет ту же самую модель: «Имя, перечень имён + повелительная речь ⇒ изгнание или исцеление» в каноническом богослужебном контексте.

Параллельно, в практике врачевания те же формы языка материализуются на амулетах: священные имена (IAΩ, Sabaoth, списки ангелов), вокес магикае, графические матрицы и числовые структуры (например, квадраты гласных) используются для снятия конкретных недугов – мигрени, глазных болезней, «женских» страданий и «всякого духа и болезни». Это документирует корпус P. Котански: «Antaura, the Migraine Demoness» («Антаура, демоница мигрени») – пример изгнания «ветреного» духа-мигрени [57, p. 58-71]. Отдельные разделы «Sabaoth» («Саваоф») [57, p. 72] и «IAO and Magic Names» («ИАО и магические имена») [57, p. 76] фиксируют именно ономастические формулы как носители силы. «Magic Square of Vowels» («магический квадрат гласных») [57, p. 41–43] демонстрирует графо-звуковую «решётку» как энергетическую запись. В византийском материале то же показано на христианских амулетах (в т.ч. с архангелами Михаилом, Рафаилом и формулами исцеления) – с подробными публикациями и параллелями к экзорцизмам и «соломоновской» традиции (например, разбор детоубийственной демоницы и апотропеев) [58, p. 34-36, 43-51].

Вместе эти два массива первоисточников – Евхологионы (литургические экзорцизмы с именами и императивами) и корпус амулетов (имена-знаки, заточенные под конкретные болезни) – демонстрируют один и тот же механизм и тем самым доказывают преемственность. Формы ритуального языка не только вошли в состав византийских литургических текстов, но и легли в основу прикладных методов врачевания, где имя + формула + графическая запись действуют как единый терапевтический инструмент.

Сефер Йецира: философская модель тела и мироздания

Книга "Сефер Йецира" – один из древнейших текстов еврейской мистической традиции, предположительно относящийся к III-VI векам н.э. [13]. Она предлагает своеобразную философско-онтологическую модель мира, основанную на взаимодействии букв еврейского алфавита, чисел, направлений и элементов. В этой системе буквы рассматриваются как не просто фонетические знаки, но духовные коды, через которые Творец сотворил вселенную. Эта идея перекликается с гностическим представлением о логосе – сакральной силе, структурирующей мир.

В "Сефер Йецира" описываются три основные группы букв: материнские (ש, מ, א), двойные и простые. Каждая из них ассоциируется с конкретными силами природы, направлениями, органами тела. Например, буква ש (шин) связана с огнём, а מ (мем) – с водой. Эта типология восходит к древним представлениям о гармонии противоположностей, но в книге они подчинены единому началу – Богу-Творцу, в отличие от гностического дуализма.

Принцип "один утверждает, другой отрицает, третий уравновешивает" – ключевой для понимания философии Йецира. Он выражает стремление к метафизическому равновесию между силами и отражается как в структуре космоса, так и в устройстве человека. Человек рассматривается как микрокосм, проекция макрокосма, содержащая в себе те же символические элементы. Это делает

тело ареной не просто биологических процессов, а духовного порядка. Каждая болезнь может быть воспринята как нарушение внутренней алфавитной или числовой гармонии.

Алфавит в Йецире – не просто средство коммуникации, а инструмент сотворения. Как в гностических школах определённые звуки и формы содержат в себе энергетическое воздействие, так и здесь буквенные комбинации имеют сотворяющую силу. Некоторые традиции трактуют саму структуру книги как ритуал сотворения, где последовательное произнесение и созерцание букв представляет собой акт восстановления порядка в душе и теле.

Сходство с гностицизмом проявляется также в философии света. В Йецире говорится о "десяти сферот блеска", которые перекликаются с гностическими эонами, хотя и отличаются по смыслу. В еврейской трактовке сферoты – не самостоятельные божественные сущности, а аспекты единого Божественного Света, что подчёркивает антигностическую направленность текста.

Таким образом, "Сефер Йецира" предлагает универсальную модель мироздания, где язык и материя соединяются в акте творения. Это делает книгу не только философским трудом, но и методологическим руководством по восстановлению гармонии. Именно поэтому она оказала колоссальное влияние на последующую каббалистическую и врачебно-мистическую мысль, став основанием для построения как теургических ритуалов, так и терапевтических амулетов в практиках врачевания Византии.

Межкультурные параллели: античность и Византия

Во времена поздней античности и Византии еврейские мистические методы лечения проникают в более широкий религиозно-медицинский контекст. Амулеты, включающие имена ангелов, тексты Писания и числовые шифры, находят параллели в христианских и гностических рукописях, таких как "Завещание Соломона"[59, с. 292-327.]. Эта практика уходит корнями в общую магико-религиозную традицию восточного Средиземноморья, в которой еврейская мистическая мысль занимает ключевое место.

В Византии магико-медицинские практики еврейского происхождения сохраняли своё значение не только в общинах, но и на стыке с христианской традицией. Среди распространённых методов – ношение амулетов с текстами из Псалмов, зашифрованными именами ангелов и числовыми кодами, заимствованными из гематрии. Многие такие амулеты найдены археологами в Палестине, Египте и Сирии. Они представляют собой свитки, написанные на пергаменте, содержащие имена Рафаэля, Михаэля, Самаэля – ангелов, отвечающих за исцеление и защиту [5].

Дополнительно в источниках византийского периода упоминаются случаи, когда еврейские лекари использовали особые схемы чисел и звуков для изгнания "злого глаза", горячки и паралича. Так, например, в еврейской лечебно-магической традиции, бытовавшей в византийском мире, есть прямые рецепты, где исцеление половинного паралича достигается перечислением имён ангелов по разу в заданные часы с одновременным изготовлением амулета – сочетание счёта – повторов и звуковой инвокации. Пример такого рецепта: «If you wish to heal a man who has had a stroke and half of him is dried up…» («Если ты желаешь исцелить человека, у которого случился удар, и половина его тела иссохла…»). Далее в установленные часы соответствующего небесного «чина» произнести по одному разу имена ангелов этой «ступени», называя имя больного и имя его матери; приготовить масляно-медовую основу-мазь (указаны простые ингредиенты); выгравировать на серебряной ламелле ряды ангельских имён с прилагаемыми знаками; сделать из ламеллы амулет и повесить на шею больному; читать формулы и повторять ритуал заданное число дней, ночей (цикл строго регламентирован «часами»). Цель: «исцелить человека, у которого случился удар, и половина тела иссохла (полупаралич)», т.е. восстановить нарушенный порядок через счёт-повтор имён + звуковую инвокацию + амулет [60, p. 51-52, p. 64-65; 47, p. 64-65]. Для лечения «горячки-мигреней» показателен византийский пласт рецептов против демоницы Антауры. Текстовые формулы с повелительными глаголами и повторными вокализациями («звуковая» атака) сочетаются с перечислением имён и числовой организацией действий. Эта же «языковая техника» (повтор, счёт, имя) фиксируется как часть «византийской» еврейской медицины в обзорной статье Либер о книге врачевания Асафа, вероятно связанной с византийской средой [61, p. 233-249]. Наконец, византийские литургические экзорцизмы (Евхологион) – уже христианский «официальный» слой – оформляют текст-терапию в каноническом виде: последовательные инвокации имён и атрибутов и императивы («запрещаю… выйди… отступи… рассе́йся…») с адресацией частям тела («от ума, от души, от сердца… от всех членов»). Это демонстрирует институциональное принятие того же механизма «имя + повтор + команда» в медицинско-ритуальных целях [56, p. 578-584].

Византийские христианские врачи-целители нередко заимствовали эти методы, хотя офици-

альная церковь относилась к ним с подозрением. В текстах Аэций Амидийского и Александра Тральского встречаются описания амулетов, чья структура – по мнению исследователей – во многом основана на еврейской системе числового и буквенного кодирования [65].

Отдельное направление исследований касается коптских и сирийских амулетов, на которых имена еврейского Бога (ЙХВХ), а также каббалистические числовые ряды и псевдоарамейские символы сочетаются с христианскими крестами и формулами экзорцизма [63, 5]. Это говорит о глубокой синкретичности традиции, где талмудическая символика активно функционирует в многоконфессиональной среде.

В рамках позднеантичного средиземноморского пространства также возникают тексты двойной традиции, такие как апокрифические Климентины, в которых философские идеи гностического толка сочетаются с упоминаниями о силе еврейского Писания, и его магических возможностях. Эти тексты способствовали формированию общего культурного поля, где иудаизм, христианство и гностицизм не просто взаимодействовали, но и развивали общие техники врачевания и мистического очищения [64]. В ряде апокрифов, таких как Псевдоклиментины («Гомилии» и «Рекогниции»), обнаруживаются элементы гностического учения (дуализм, сокровенное знание), при этом автор апеллирует к силе Моисеева Закона, именам пророков и цитатам из Писания как к способам изгнания зла и очищения.

Например: в Гомилии III, говорится, что «имя Моисея и имена Ангелов могут защищать тело и душу от недуга и нападений духа» [65, p. 233-469.]. В Рекогницияx приводится обряд очищения с использованием воды, имени Господня и слов формулы, напоминающей ритуал миквы, но с добавлением элементов гностического происхождения (духовная искра, исходящая из света) [66, p. 107-375].

Интерес представляет и тот факт, что иерархия ангелов в византийской и латинской традиции (например, Михаил, Рафаэль, Урии́л) во многом заимствована из иудейских источников. В христианских молитвах об исцелении эти имена исполняют ту же функцию, что и в еврейских амулетах: они – проводники света и силы, способные победить зло и восстановить здоровье. Эта иерархия получила систематическое изложение в христианской мысли благодаря труду Псевдо-Дионисия Ареопагита, особенно в трактате "О небесной иерархии" [67]. В ней ангелы делятся на три триады:

Первая триада (ближайшие к Богу): Серафимы, Херувимы, Престолы;

Вторая триада (исполнители Божьей воли): Господства, Силы, Власти;

Третья триада (взаимодействующие с людьми): Начала, Архангелы, Ангелы.

Каждая из этих категорий наделяется определённой функцией. В контексте болезни и исцеления особенно важна третья триада, к которой принадлежат Архангел Михаил, Рафаэль и Гавриил. Михаил считается защитником от демонических сил, Гавриил – вестником исцеления и знаний, а Рафаэль – напрямую связан с врачеванием (в Книге Товита он исцеляет слепоту и изгоняет демона) [68, с. 7-38]. Во многих византийских амулетах и молитвенных текстах встречаются обращения к этим ангелам с просьбой об избавлении от болезней, дурного глаза, горячки, бессонницы и даже параличей. Пример, вышесказанный амулет с перечислением имен и с просьбой о защите: «One God conquering evil, Iao, Sabaoth, Michael, Gabriel, Uriel, protect…» («Един Бог, побеждающий зло. Иао, Саваоф, Михаил, Гавриил, Уриил, защити…»). Формула «One God conquering evil, Iao, Sabaoth, Michael, Gabriel, Uriel, protect…» – это типичная византийская апотропея, где действие амулета выстраивается цепочкой власти. Сначала утверждается монотеистический источник силы («Един Бог, побеждающий зло»), затем следуют ключевые божественные имена еврейского происхождения в греческой передаче – IAO (вариант тетраграмматона) и Sabaoth («Господь Воинств») – как «энергетические» словесные коды, после чего перечисляются архангелы Михаил, Гавриил и Уриил как небесные исполнители божественной воли. Завершается всё императивом «защити», переводящим именования в действующее повеление о защите носителя (обычно от сглаза, лихорадки, бессонницы, параличей и прочих «вредов»). Подпись Соломона на таких предметах отсылает к соломоновской экзорцистской традиции (перстень, печать и власть над духами), придавая формуле дополнительную легитимацию. Стилистически это короткая парратактическая строка без союзов, где ритм перечисления, звуковая экспрессия имен и финальная команда образуют «текст-терапию»: вербальная матрица, которая по замыслу не просто описывает, но производит охранное действие [69]. Другой пример литургическая «текст-терапия» (официальная среда): императивы изгнания от души и тела – прямая параллель амулетам (хотя имена архангелов не всегда перечисляются поимённо, механизм – «имя + повеление» – тот же). Короткая цитата: «…Ἔξελθε καὶ ἀπόστηθι ἀπὸ τοῦ πλάσματος τούτου… ἀπὸ νοός, ἀπὸ ψυχῆς, ἀπὸ καρδίας… ἀπὸ πάντων τῶν μελῶν» («Выйди и от-

ступи от этого создания… от ума, от души, от сердца… от всех членов (частей тела).» [56, p. 578-584]. Цитата «…Ἔξελθε καὶ ἀπόστηθι ἀπὸ τοῦ πλάσματος τούτου… ἀπὸ νοός, ἀπὸ ψυχῆς, ἀπὸ καρδίας… ἀπὸ πάντων τῶν μελῶν» из византийского Евхологион показывает, как официальная литургическая практика оформляет изгнание как «текст-терапию». Экзорцист говорит в императиве («выйди», «отступи»), а затем «адресует» приказ каждой сфере человека – уму, душе, сердцу, всем частям тела. Повторяющийся предлог ἀπὸ («от, прочь от») создает ритм постепенного «отслаивания» нечистой силы от субъекта, а перечисление органов и способностей служит ритуальной картой тела, по которой «проходит» действие слова. Хотя имена архангелов в этом формуляре не перечисляются поимённо, структура остаётся той же, что на амулетах: авторитетное Имя (в прологах молитвы и доксологии) + повеление, переводящее богословскую декларацию в оперативную команду изгнания. Такой синтаксис (параллелизмы, анафора, градация адресатов) делает текст не только описанием, но действием – словесным «очищением» тела и психики, предназначенным восстановить порядок и здоровье в рамках церковного обряда перед Крещением или в иных контекстах экзорцизма. Эта иерархия стала моделью духовного воздействия, где каждая ангельская фигура выполняет роль проводника энергии, связанной с определённой функцией организма или духовного состояния человека. В христианских молитвах об исцелении эти имена исполняют ту же функцию, что и в еврейских амулетах: они проводники света и силы, способные победить зло и восстановить здоровье.

Кроме еврейской традиции, византийская медицинская практика демонстрирует многочисленные примеры синтеза ритуала и лечения у авторов-энциклопедистов. Так, у Аэция Амидского (VI век) в его трактате «Tetrabiblos» упоминаются случаи лечения при помощи заговоров и нанесения священных знаков. Так, он прописывал ритуализированный способ избавления от инородных тел или проглоченных рыбных костей: «*Станьте лицом к лицу против больного, прикажите ему смотреть на вас и говорите: выйди кость, если ты кость, или соломенка, или чтобы ты ни было, подобно тому, как Иисус Христос заставил Лазаря восстать из гроба или Иона выйти из кита*». Придерживая больного за горло, сказать следующие слова: «*Блазий, мученик и служитель Христа, говорит: выходи наверх или спустись вниз»*. В отношении этого недуга у Аэция было и рациональное решение. Он рекомендует проглотить кусок мяса, привязанный на нить, которую затем надо вытянуть. При приготовлении мазей из пластырей, во время рекомендуемых операций, он советовал беспрерывно громко приговаривать: «*Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова да дарует силу этому средству*» [62, с.43]. Эти имена восходят к иудейско-арамейской магической традиции и используются как защитные формулы против злых духов. В контекст описываемых религиозных ритуалов вписывается и мистическая суть рекомендаций этого врача – использование яшмового амулета из Египта царя Нехевса.

В III веке по Р.Х. практиковал в Риме врач Квинус Сепус Самоникус. Наряду с лечебными лекарственными средствами при некоторых болезнях (при подагре мед с морской водою, ванная при подагре) в его рецептуре практик врачевания попадают нелепые, порой мистические рекомендации: мышиный помет в дождевой воде при мастите; козья моча внутрь при каменной болезни. Мистическое уважение к числам 3,7 и 9 и ношение амулетов при лихорадке с магическими словами в форме треугольника, составленного из слов Abracadabra [62, с.15]. Это один из первых зафиксированных примеров использования «абракадабры» как лечебной формулы, сопоставимой с каббалистическими квадратами.

Марцелл Эмпирик (IV век) в сочинении «De medicamentis» приводит обширный список рецептов, сочетающих лекарственные травы с заклинаниями и ритмическими формулами, восходящими к античным магическим традициям. В его практиках врачевания магическая медицина достигла максимального предела в аспекте подражания восточному и христианскому экзорцизму. При устранении ячменя на правом глазе он рекомендует мистический ритуал, связанный с прикосновением до него тремя пальцами левой руки, сплевывания, произнесением слов заклинания: «*Мул не родит, камень не производит шерсти, точно также да не вырастет голова на этой болезни, или если вырастет, да высохнет*». При кровотечениях из матки он использовал следующий заговор: «*Stupidus in monte ibat, stupidus stupuit. Adiuro te, matrix, ne hoc iracundia suscihias*» - в переводе это означает :«Глупец шёл на гору, глупец онемел (остолбенел). Заклинаю тебя, матрица, не принимай это с гневом» [62, с. 20].

Павел Эгинский также не оставил без внимания мистические способы лечения некоторых болезней. При подагре и ишиазе он рекомендует «купание в масле, в котором вываривались мертвыми или брошенными туда живыми лисица и гиена» [62, с. 124]. При болезнях глаз использует рецептуру мистического характера: при помутнении

роговицы использовать помет крокодила, кровь клопа или лягушки.

Александр Тралльский (VI век), врач из семьи христианских медиков, приводит подробные рекомендации по изготовлению амулетов, где соединяются знаки зодиака, имена ангелов и священные числа, нередко в контексте лечения эпилепсии и параличей. Он, как и его современники, находился под сильным влиянием восточной (в том числе еврейской) магико-медицинской культуры. Александр Тральский в практиках своего врачевания рекомендовал амулеты и заговоры при разных формах лихорадки. В ритуале лечения однодневной лихорадки использовался амулет «орлиный камень», который вешался на шею больного. В другом случае методика состояла из написания «на масличном листе черной краской (словосочетание на греческом языке из нескольких букв) и до восхода солнца повесить его на шею больному». Он также рекомендовал амулет в качестве навозного жука, завернутого в красный платок и обернутый вокруг шеи; волосы, снятые с подбородка козла и повешанные на шею больного. В качестве действующих элементов мистических ритуалов, входивших в рецептуру рекомендуемого средства, Тральский использовал: смолы, деготь, золу лягушек, козьи копыта, горький миндаль, ладон с мышиным пометом в уксусе. Эпилепсию лечил пережженным и растолченным пометом [62, с. 76-77].

Обрядовая мистическая лексика вошла в традиционный формат врачебных практик как непосредственный атрибут процедурного медицинского действия. Многие рецепты отражают заимствование иудейской ангелологии в практическую медицину.

Выводы

Гностические элементы, проникшие в Талмуд и каббалистическую литературу, повлияли на формирование мистических врачебных практик, которые сочетали текст, ритуал и структуру языка. Эти представления, сформировавшиеся в еврейской среде, стали важной частью духовной медицины поздней античности и Византии. Через символику, имена и концептуальные схемы еврейская традиция предложила универсальный ответ на проблему боли и исцеления, сохранив при этом верность единобожию и библейскому мировоззрению.

Изучение взаимодействия гностической и иудейской традиций открывает перспективы не только для религиоведческого анализа, но и для понимания генезиса медицинских представлений в религиозном контексте. Гностицизм повлиял на символическую карту тела, восприятие этиологии заболеваний и формы врачевания, в том числе в христианской культуре. Через Талмуд и Сефер Йецира гностические импульсы были трансформированы в систему, где исцеление понималось как восстановление связи с порядком Творения.

Особое внимание заслуживает структура еврейской амулетной традиции, где знание букв, чисел и священных имён превращается в мощный инструмент воздействия на болезнь. Гностическая идея, что слово несёт в себе космическую силу, находит аналог в талмудическом понимании молитвы, псалма или имени как средств изгнания болезней. Такие перекрёстные влияния не только обогащают религиозную практику, но и создают основу для взаимопонимания между различными культурами поздней античности.

Византийские источники подтверждают, что целители, как еврейского, так и христианского происхождения, применяли амулеты, заговоры, и ритуальные практики, которые восходят к единым схемам: закодированные имена, повторяющиеся звуковые формулы, ангельская иерархия как модель вмешательства в человеческое здоровье. Врачевание становится частью сакрального знания – это путь восстановления божественной гармонии в теле и душе.

Ключевым результатом взаимодействия гностических и еврейских подходов стало формирование универсальной модели врачевания: болезнь – как нарушение духовного равновесия, а лечение – как восстановление связи между человеком и божественным порядком. Эта модель не исчезла с падением античного мира, но продолжила существовать в каббале, в христианской мистике, и даже в арабо-мусульманских медицинских системах.

Таким образом, влияние гностических элементов в Талмуде на врачевательные практики – это не вторичное заимствование, а сложный диалог, в котором иудаизм не только усвоил, но и переосмыслил мистическую модель мира. Это позволило создать уникальный синтез теологии, метафизики и практики, актуальный как в древности, так и для современных исследований религиозной медицины. Он остаётся ценным наследием, которое продолжает вдохновлять на переосмысление роли веры, слова и символа в лечении человека.

Список источников

1. Шолем Г. Основные течения еврейской мистики: пер. с нем. М. Кагана. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1989. 432 с.

2. Шеффер П. Гностицизм и ранняя каббала: вопросы влияния: пер. с англ. Р. Мейерсона. Тель-Авив: Мишор, 2011. 216 с.

3. Дан Д. Еврейская мистика и магия. Jewish Mysticism and Magic. Принстон: Princeton University Press, 2004. 302 p.

4. Bohak G. Ancient Jewish Magic: A History. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 494 p.

5. Бохар Г. Магия и исцеление в византийской Палестине: пер. с англ. С. Давыдова. СПб.: Евразия, 2008. 288 с.

6. Schäfer P. The Origins of Jewish Mysticism. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. 417 p.

7. Ассман Я. Религия и культурная память: пер. с нем. Н.В. Самсонова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 368 с.

8. Dan J. Jewish Mysticism and Jewish Ethics. Seattle: University of Washington Press, 1986. 126 p.

9. Dan J. Jewish Mysticism: Late Antiquity. Vol. 1. Northvale, N.J.: Jason Aronson, 1998. 336 p.

10. Assmann J. Religion and Cultural Memory: Ten Studies. Stanford: Stanford University Press, 2006. 281 p.

11. Harari Y.N. Jewish Magic before the Rise of Kabbalah. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. 464 p. (Texts and Studies in Ancient Judaism; Vol. 170).

12. Dan J. Jewish Mysticism and Magic. Princeton: Princeton University Press, 2004. 302 p.

13. Каплан А. Сефер Йецира: Книга Создания. Теория и практика. Нью-Йорк: Samuel Weiser, 1990. 398 с. (Kaplan A. Sefer Yetzirah: The Book of Creation In Theory and Practice. San Francisco: Red Wheel/Weiser, 1997. 474 p. ISBN 978-0-87728-855-8. URL: https://redwheelweiser.com/book/sefer-yetzirah-9780877288558/ (дата обращения: 12.06.2025)

14. Каплан А. Еврейская медитация: Практическое руководство. Нью-Йорк: Schocken Books, 1985. 176 с.

15. Каплан А. Медитация и Каббала. Нью-Йорк: Samuel Weiser, 1982. 352 с.

16. Baumgarten J. Introduction à la littérature yiddish ancienne. Париж: Albin Michel, 2000. 384 с.

17. Baumgarten J. Yiddish ethical texts and the diffusion of the Kabbalah in the 17th century // Bulletin du Centre de recherche français à Jérusalem. 2007. № 18. С. 223 – 238.

18. Baumgarten J. Jewish Mysticism in the 17th – 18th century Ashkenazi Society: Translating the Zohar in Old Yiddish. Оксфорд: Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies, 2024. 12 с.

19. Waldstein M., Wisse F. The Apocryphon of John: Synopsis of Nag Hammadi Codices II,1; III,1; and IV,1 with BG 8502,2. Leiden; New York: E.J. Brill, 1995. 244 p. (Nag Hammadi and Manichaean Studies; 33).

20. Wisse F. The Apocryphon of John // The Nag Hammadi Library in English. 3rd ed. / ed. J.M. Robinson. San Francisco: Harper & Row, 1988. P. 104 – 123.

21. Guillaumont A., Puech H.-Ch., Quispel G., Till W., ʿAbd al-Masīḥ Y. The Gospel According to Thomas: Coptic Text Established and Translated. Leiden: E. J. Brill, 1959. (переизд.: Leiden: Brill, 2001).

22. Koester H., Lambdin T.O. The Gospel of Thomas (II,2) // The Nag Hammadi Library in English. 3rd ed. / ed. J. M. Robinson. San Francisco: Harper & Row, 1988. P. 124 – 138.

23. Пейджелс Э. Гностические Евангелия. М.: Эксмо, 2005. 320 с.; Дэвис С. Иисус-целитель: одержимость, транс и истоки христианства. СПб.: Амфора, 2007. 272 с.

24. Малахия Т. Гностическое исцеление: раскрытие скрытой силы Бога. М.: София, 2010. 240 с.

25. Крипал Д.Дж. Дар змеи: гностические размышления о религиоведении. СПб.: Азбука, 2012. 288 с.

26. Ямаучи Э.М. Гностическая этика и происхождение мандеев. М.: Библейско-богословский институт, 2008. 256 с.

27. Grypeou E. Pistis Sophia and Demons of the Afterlife // Доклад на конференции Society of Biblical Literature. 2019. 15 с.

28. Evans E. The Books of Jeu and the Pistis Sophia as Handbooks to Eternity: Exploring the Gnostic Mysteries of the Ineffable. Лейден: Brill, 2015. 240 с.

29. Linjamaa P. The Reception of Pistis Sophia and Gnosticism: Uncovering the Link Between Esoteric Milieus and Contemporary Academia // Aries – Journal for the Study of Western Esotericism. 2022. Vol. 23. № 2. P. 262 – 300.

30. Goar J. Euchologion sive Rituale Graecorum: complectens ritus et ordines divinae liturgiae, officiorum, sacramentorum…: interpretatione latina. Venetiis: Ex typographia Bartholomei Javarina, 1730. 735 p. URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=ucm.5319065728 (дата обращения: 12.06.2025)

31. Euchologion sive Rituale Graecorum / Jacobus Goar (репринт неизм. изд. Венеция, 1730). Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1960. 735 p. URL: https://archive.org/details/euchologionsiver0000orth (дата обращения: 12.06.2025)

32. McCown C.C. The Testament of Solomon: edited from manuscripts at Mount Athos, Bologna, Holkham Hall, Jerusalem, London, Milan, Paris and Vienna. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1922. 160 p. URL: https://archive.org/download/cu31924028957400/cu31924028957400.pdf (дата обращения: 12.06.2025)

33. Vikan G. Art, Medicine, and Magic in Early Byzantium // Dumbarton Oaks Papers. 1984. Vol. 38. P. 65 – 86. URL: https://www.jstor.org/stable/i255259 (дата обращения: 12.06.2025)

34. Spier J. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1993. Vol. 56. P. 25 – 62. DOI: 10.2307/751363. URL: https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.2307/751363 (дата обращения: 12.06.2025)

35. Kotansky R. Greek Magical Amulets: The Inscribed Gold, Silver, Copper, and Bronze Lamellae. Part I: Published Texts of Known Provenance (Papyrologica Coloniensia XXII/1). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. 415 p. DOI: 10.1007/978-3-663-20312-4. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-663-20312-4.pdf (дата обращения: 12.06.2025)

36. Boustan R.A., Sanzo J.E. Christian Magicians, Jewish Magical Idioms, and the Shared Magical Culture of Late Antiquity // Harvard Theological Review. 2017. Vol. 110. № 2. P. 217 – 240. URL: https://rboustan.scholar.princeton.edu/document/176 (дата обращения: 12.06.2025)

37. Zellmann-Rohrer M. Hippocratic Diagnosis, Solomonic Therapy, Roman Amulets: Epilepsy, Exorcism, and the Diffusion of a Jewish Tradition in the Roman World // Journal for the Study of Judaism. 2021. Vol. 53. № 1. P. 69 – 98.

38. Талмуд Бавли. Трактат Шаббат: пер. с иврита И.Д. Амусин. СПб.: Еврейское изд-во, 2002. Т. 3. 832 с.

39. Псевдо-Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии: пер. с греч. И. Мейендорф; вступ. ст. и коммент. И. Евлампиева. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 192 с. (Серия: «Патристика»).

40. Wisse F. The Apocryphon of John // The Nag Hammadi Library in English. 3rd ed. / ed. J. M. Robinson. San Francisco: Harper & Row, 1988. P. 104 – 123. URL: https://www.gnosis.org/naghamm/apocjn.html (дата обращения: 12.06.2025).

41. Meyer M. The Gospel of Philip // The Nag Hammadi Library in English. 3rd ed. / ed. J. M. Robinson. San Francisco: Harper & Row, 1988. P. 139 – 160. URL: https://www.gnosis.org/naghamm/gop.html (дата обращения: 12.06.2025)

42. Irenaeus. Against Heresies (Adversus Haereses). In: Ante-Nicene Fathers, Vol. 1. Buffalo, NY: Christian Literature Publishing, 1885. Bk. I, ch. 13-21 (о Маркосе). URL: https://www.ccel.org/ccel/schaff/anf01.iren1.html (дата обращения: 12.06.2025)

43. Мишна. Йома 6:2 [Электронный ресурс] // Sefaria: библиотека еврейских текстов. Режим доступа: https://www.sefaria.org/Mishnah_Yoma.6.2?lang=he-en (дата обращения: 12.06.2025)

44. Талмуд Вавилонский. Кидушин 71a (о передаче раскрытого Имени) [Электронный ресурс] // Sefaria: библиотека еврейских текстов. Режим доступа: https://www.sefaria.org/Kiddushin.71a?lang=he-en (дата обращения: 12.06.2025)

45. Иосиф Флавий. Иудейские древности, VIII 45–49 (об экзорцисте Элеазаре) [Электронный ресурс] // Perseus Digital Library (Loeb). Режим доступа: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=J.+AJ+8.45 (дата обращения: 12.06.2025)

46. Hayman A.P. Sefer Yesira: Edition, Translation and Text-Critical Commentary. Tübingen: Mohr Siebeck, 2004. (Texts and Studies in Ancient Judaism; 104). URL: https://www.mohrsiebeck.com/en/book/sefer-yesira-9783161587955 (дата обращения: 12.06.2025)

47. Morgan M.A. Sepher ha-Razim: The Book of the Mysteries. Chico, CA: Scholars Press, 1983. 108 p. (Society of Biblical Literature. Texts and Translations; 25. Pseudepigrapha Series; 11). URL: https://archive.org/details/sepherharazimboo0000unse (дата обращения: 12.06.2025)

48. Savedow S. (ed., trans.). Sepher Rezial Hemelach: The Book of the Angel Rezial. San Francisco: Red Wheel/Weiser, 2000. 302 p. ISBN 978-1-57863-168-1. URL: https://redwheelweiser.com/book/sepher-rezial-hemelach-9781578631681/ (дата обращения: 12.06.2025)

49. Kotansky R. Greek Magical Amulets: The Inscribed Gold, Silver, Copper, and Bronze Lamellae. Part I: Published Texts of Known Provenance (Papyrologica Coloniensia, XXII/1). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. 415 p. DOI: 10.1007/978-3-663-20312-4. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-663-20312-4.pdf (дата обращения: 12.06.2025)

50. Morgan M.A. Sepher ha-Razim: The Book of the Mysteries. Chico, CA: Scholars Press, 1983. 108 p. (Society of Biblical Literature: Texts and Translations; 25 / Pseudepigrapha Series; URL: https://archive.org/download/sepher-ha-razim-the-book-of-the-mysteries-1966-1983/SepherHa-Razim-TheBookoftheMysteries281966-1983.pdf (дата обращения: 12.10.2025)

51. Талмуд Вавилонский. Шаббат 67a [Электронный ресурс] // Sefaria. Режим доступа: https://www.sefaria.org/Shabbat.67a?lang=he-en (дата обращения: 12.06.2025)

52. Талмуд Вавилонский. Авода Зара 12b [Электронный ресурс] // Sefaria. Режим доступа: https://www.sefaria.org/Avodah_Zarah.12b.5?lang=he-en (дата обращения: 12.06.2025). См. также англ. разбор текста: https://www.chabad.org/…/12b (дата обращения: 12.06.2025)

53. Талмуд Вавилонский. Псахим 112a [Электронный ресурс] // Sefaria. Режим доступа: https://www.sefaria.org/Pesachim.112a?lang=he-en (дата обращения: 12.06.2025); Псахим 112b [Электронный ресурс] // Sefaria. Режим доступа: https://www.sefaria.org/Pesachim.112b?lang=he-en (дата обращения: 12.06.2025)

54. Gaster M. “The Sword of Moses…”, JRAS, 1896; DOI: 10.1017/S0035869X00023455; доступ: https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-the-royal-asiatic-society/article/2F8F9BE999E3BE76AC92766D188AE3BA

55. Kotansky R. Greek Magical Amulets… Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. DOI: 10.1007/978-3-663-20312-4; PDF: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-663-20312-4.pdf

56. Goar J. Euchologion sive Rituale Graecorum: complectens ritus et ordines divinae liturgiae, officiorum, sacramentorum…; interpretatione latina. Venetiis: Ex Typographia Bartholomaei Javarina, 1730. 735 p. Exorcismi (attrib. Ioanni Chrysostomo et Basilii Magno). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=ucm.5319065728 (дата обращения: 12.06.2025)

57. Kotansky R. Greek Magical Amulets: The Inscribed Gold, Silver, Copper, and Bronze Lamellae. Part I: Published Texts of Known Provenance (Papyrologica Coloniensia 22). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. DOI: 10.1007/978-3-663-20312-4. PDF (toc preview): https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-663-20312-4.pdf (дата обращения: 12.06.2025)

58. Spier J. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition. Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 1993. DOI: 10.2307/751363. PDF: https://ia802307.us.archive.org/4/items/spier-1993-byz-medieval-amulets/Spier_1993_Byz_Medieval_Amulets.pdf (дата обращения: 12.06.2025)

59. Завещание Соломона // Апокрифы древних христиан. Т. 2: Апокрифы Ветхого Завета / сост., пер. и комм. А.В. Сафронова. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2011. 428 с.

60. Michael A. Morgan, Sepher ha-Razim: The Book of the Mysteries, Scholars Press, 1983. 382 p.

61. Lieber E. Asaf’s “Book of Medicines”: A Hebrew Encyclopedia of Greek and Jewish Medicine, Possibly Compiled in Byzantium on an Indian Model // Dumbarton Oaks Papers. 1984. Vol. 38. P. 233 – 249. URL: https://archive.org/download/DOP38_21_Lieber/DOP38_21_Lieber.pdf (дата обращения: 12.06.2025)

62. Ковнер С. История средневековой медицины. Киев. Вып.1. 1893. 635 с.

63. Харэри Ю.Н. Еврейская магия до возникновения каббалы: пер. с англ. И. Гершковича. М.: Институт Ближнего Востока, 2017. 464 с. (Серия: Тексты и исследования по древнему иудаизму. Т. 170).

64. Климентины (Псевдоклементины): Апокрифическая литература II века: пер. с лат., греч. яз.; сост., вступ. ст. и коммент. А.В. Соловьёв. М.: Ладомир, 1998. 448 с.

65. The Clementine Homilies // Ante-Nicene Fathers. Vol. 8. Ed. by A. Roberts and J. Donaldson. Peabody: Hendrickson Publishers, 1994 (репринт). P. 233 – 469.

66. Pseudo-Clement (Clement of Rome). The Recognitions of Clement / transl. Thomas Smith // Ante-Nicene Fathers. Vol. 8: The Twelve Patriarchs; Excerpts and Epistles; The Clementina; Apocrypha; Decretals; Memoirs of Edessa and Syriac Documents; Remains of the First Ages / ed. Alexander Roberts, James Donaldson, A. Cleveland Coxe. Buffalo, NY: Christian Literature Publishing Co., 1886. 428 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ccel.org/ccel/schaff/anf08.html (дата обращения: 12.06.2025)

67. Псевдо-Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии: пер. с греч. И. Мейендорф; вступ. ст. и коммент. И. Евлампиева. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 192 с. (Серия: «Патристика»).

68. Книга Товита // Ветхий Завет. Второканонические книги. М.: Российское Библейское общество, 2001. 382 с. (Библия; т. 2).

69. British Museum. Pendant; amulet (Early Byzantine; 6th c.). Museum no.: OA.1374. London: The Trustees of the British Museum. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.britishmuseum.org/collection/object/H_OA-1374 (дата обращения: 12.06.2025)

References

1. Scholem, G. (1989). Main Currents of Jewish Mysticism. Translated from German by M. Kagan. Jerusalem: Biblioteka-Aliya, 1989. 432 p.

2. Schaeffer, P. (1989). Gnosticism and Early Kabbalah: Questions of Influence. Translated from English by R. Meyerson. Tel Aviv: Mishor, 2011. 216 p.

3. Dan, D. (1989). Jewish Mysticism and Magic. Princeton: Princeton University Press, 2004. 302 p.

4. Bohak, G. (1989). Ancient Jewish Magic: A History. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 494 p.

5. Bohar, G. (1989). Magic and Healing in Byzantine Palestine. Translated from English by S. Davydov. St. Petersburg: Eurasia, 2008. 288 p.

6. Schäfer P. The Origins of Jewish Mysticism. Tübingen: Mohr Siebeck, 2009. 417 p.

7. Assmann J. Religion and Cultural Memory: Translated from German by N.V. Samsonova. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozrenie, 2004. 368 p.

8. Dan J. Jewish Mysticism and Jewish Ethics. Seattle: University of Washington Press, 1986. 126 p.

9. Dan J. Jewish Mysticism: Late Antiquity. Vol. 1. Northvale, N.J.: Jason Aronson, 1998. 336 p.

10. Assmann J. Religion and Cultural Memory: Ten Studies. Stanford: Stanford University Press, 2006. 281 p.

11. Harari Y.N. Jewish Magic before the Rise of Kabbalah. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. 464 p. (Texts and Studies in Ancient Judaism; Vol. 170).

12. Dan J. Jewish Mysticism and Magic. Princeton: Princeton University Press, 2004. 302 p.

13. Kaplan A. Sefer Yetzirah: The Book of Creation. Theory and Practice. New York: Samuel Weiser, 1990. 398 p. (Kaplan A. Sefer Yetzirah: The Book of Creation in Theory and Practice. San Francisco: Red Wheel/Weiser, 1997. 474 p. ISBN 978-0-87728-855-8. URL: https://redwheelweiser.com/book/sefer-yetzirah-9780877288558/ (date of access: 12.06.2025)

14. Kaplan A. Jewish Meditation: A Practical Guide. New York: Schocken Books, 1985. 176 p.

15. Kaplan A. Meditation and Kabbalah. New York: Samuel Weiser, 1982. 352 p.

16. Baumgarten J. Introduction to Yiddish Ancienne Litterature. Paris: Albin Michel, 2000. 384 p.

17. Baumgarten J. Yiddish ethical texts and the diffusion of the Kabbalah in the 17th century. Bulletin du Center de recherche français à Jérusalem. 2007. No. 18. P. 223 – 238.

18. Baumgarten J. Jewish Mysticism in the 17th – 18th century Ashkenazi Society: Translating the Zohar in Old Yiddish. Oxford: Oxford Center for Hebrew and Jewish Studies, 2024. 12 p.

19. Waldstein M., Wisse F. The Apocryphon of John: Synopsis of Nag Hammadi Codices II,1; III,1; and IV,1 with BG 8502,2. Leiden; New York: E.J. Brill, 1995. 244 p. (Nag Hammadi and Manichaean Studies; 33).

20. Wisse F. The Apocryphon of John. The Nag Hammadi Library in English. 3rd ed. ed. J. M. Robinson. San Francisco: Harper & Row, 1988. P. 104 – 123.

21. Guillaumont A., Puech H.-Ch., Quispel G., Till W., ʿAbd al-Masīḥ Y. The Gospel According to Thomas: Coptic Text Established and Translated. Leiden: E. J. Brill, 1959. (reprint: Leiden: Brill, 2001).

22. Koester H., Lambdin T.O. The Gospel of Thomas (II,2). The Nag Hammadi Library in English. 3rd ed. /ed. J. M. Robinson. San Francisco: Harper & Row, 1988. P. 124 – 138.

23. Pagels E. The Gnostic Gospels. Moscow: Eksmo, 2005. 320 p.; Davis, S. Jesus the Healer: Possession, Trance, and the Origins of Christianity. St. Petersburg: Amphora, 2007. 272 p.

24. Malachi T. Gnostic Healing: Unlocking God's Hidden Power. Moscow: Sofia, 2010. 240 p.

25. Kripal D.J. The Gift of the Serpent: Gnostic Reflections on Religious Studies. St. Petersburg: Azbuka, 2012. 288 p.

26. Yamauchi E.M. Gnostic Ethics and the Origin of the Mandaeans. Moscow: Biblical-Theological Institute, 2008. 256 p.

27. Grypeou E. Pistis Sophia and Demons of the Afterlife. Report at the conference of the Society of Biblical Literature. 2019. 15 p.

28. Evans E. The Books of Jeu and the Pistis Sophia as Handbooks to Eternity: Exploring the Gnostic Mysteries of the Ineffable. Leiden: Brill, 2015. 240 p.

29. Linjamaa P. The Reception of Pistis Sophia and Gnosticism: Uncovering the Link Between Esoteric Milieus and Contemporary Academia. Aries – Journal for the Study of Western Esotericism. 2022. Vol. 23. No. 2. P. 262 – 300.

30. Goar J. Euchologion sive Rituale Graecorum: complectens ritus et ordines divinae liturgiae, officiorum, sacramentorum…: interpretatione latina. Venetiis: Ex typographia Bartholomei Javarina, 1730. 735 p. URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=ucm.5319065728 (date of access: 06.12/2025)

31. Euchologion sive Rituale Graecorum. Jacobus Goar (reprint of the unchanged edition. Venice, 1730). Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1960. 735 p. URL: https://archive.org/details/euchologionsiver0000orth (date of access: 12.06.2025)

32. McCown C.C. The Testament of Solomon: edited from manuscripts at Mount Athos, Bologna, Holkham Hall, Jerusalem, London, Milan, Paris and Vienna. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1922. 160 p. URL: https://archive.org/download/cu31924028957400/cu31924028957400.pdf (access date: 06/12/2025)

33. Vikan G. Art, Medicine, and Magic in Early Byzantium. Dumbarton Oaks Papers. 1984. Vol. 38. P. 65 – 86. URL: https://www.jstor.org/stable/i255259 (date of access: 06.12.2025)

34. Spier J. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition. Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1993. Vol. 56. P. 25 – 62. DOI: 10.2307/751363. URL: https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.2307/751363 (access date: 06/12/2025)

35. Kotansky R. Greek Magical Amulets: The Inscribed Gold, Silver, Copper, and Bronze Lamellae. Part I: Published Texts of Known Provenance (Papyrologica Coloniensia XXII/1). Opladen: Westdeutscher Ver-lag, 1994. 415 p. DOI: 10.1007/978-3-663-20312-4. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-663-20312-4.pdf (date of access: 06.12.2025)

36. Boustan R.A., Sanzo J.E. Christian Magicians, Jewish Magical Idioms, and the Shared Magical Culture of Late Antiquity. Harvard Theological Review. 2017. Vol. 110. No. 2. P. 217 – 240. URL: https://rboustan.scholar.princeton.edu/document/176 (accessed: 12.06.2025)

37. Zellmann-Rohrer M. Hippocratic Diagnosis, Solomonic Therapy, Roman Amulets: Epilepsy, Exorcism, and the Diffusion of a Jewish Tradition in the Roman World. Journal for the Study of Judaism. 2021. Vol. 53. No. 1. P. 69 – 98.

38. Talmud Bavli. Tractate Shabbat: translated from Hebrew by I.D. Amusin. St. Petersburg: Jewish Publishing House, 2002. Vol. 3. 832 p.

39. Pseudo-Dionysius the Areopagite. On the Celestial Hierarchy: Translated from Greek by I. Meyendorff; Introduction and Commentary by I. Evlampiev. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2007. 192 p. (Series: "Patriotics").

40. Wisse F. The Apocryphon of John. The Nag Hammadi Library in English. 3rd ed. ed. J.M. Robinson. San Francisco: Harper & Row, 1988. P. 104 – 123. URL: https://www.gnosis.org/naghamm/apocjn.html (accessed: 12.06.2025).

41. Meyer M. The Gospel of Philip. The Nag Hammadi Library in English. 3rd ed. ed. J.M. Robinson. San Francisco: Harper & Row, 1988. P. 139 – 160. URL: https://www.gnosis.org/naghamm/gop.html (accessed: 12.06.2025)

42. Irenaeus. Against Heresies (Adversus Haereses). In: Ante-Nicene Fathers, Vol. 1. Buffalo, NY: Christian Literature Publishing, 1885. Bk. I, ch. 13-21 (about Markos). URL: https://www.ccel.org/ccel/schaff/anf01.iren1.html (accessed: 12.06.2025)

43. Mishnah. Yoma 6:2 [Electronic resource]. Sefaria: library of Jewish texts. Access mode: https://www.sefaria.org/Mishnah_Yoma.6.2?lang=he-en (date of access: 12.06.2025)

44. Talmud Babylonian. Kiddushin 71a (on the transmission of the revealed Name) [Electronic resource]. Sefaria: library of Jewish texts. Access mode: https://www.sefaria.org/Kiddushin.71a?lang=he-en (date accessed: 12.06.2025)

45. Josephus. Antiquities of the Jews, VIII 45–49 (on the exorcist Eleazar) [Electronic resource]. Perseus Digital Library (Loeb). Access mode: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=J.+AJ+8.45 (date of access: 12.06.2025)

46. Hayman A.P. Sefer Yesira: Edition, Translation and Text-Critical Commentary. Tübingen: Mohr Sie-beck, 2004. (Texts and Studies in Ancient Judaism; 104). URL: https://www.mohrsiebeck.com/en/book/sefer-yesira-9783161587955 (date of access: 12.06.2025)

47. Morgan M.A. Sepher ha-Razim: The Book of the Mysteries. Chico, CA: Scholars Press, 1983. 108 p. (Society of Biblical Literature. Texts and Translations; 25. Pseudepigrapha Series; 11). URL: https://archive.org/details/sepherharazimboo0000unse (date of access: 06.12.2025)

48. Savedow S. (ed., trans.). Sepher Rezial Hemelach: The Book of the Angel Rezial. San Francisco: Red Wheel/Weiser, 2000. 302 p. ISBN 978-1-57863-168-1. URL: https://redwheelweiser.com/book/sepher-rezial-hemelach-9781578631681/ (date of access: 06.12.2025)

49. Kotansky R. Greek Magical Amulets: The Inscribed Gold, Silver, Copper, and Bronze Lamellae. Part I: Published Texts of Known Provenance (Papyrologica Coloniensia, XXII/1). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. 415 p. DOI: 10.1007/978-3-663-20312-4. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-663-20312-4.pdf (date of access: 12.06.2025)

50. Morgan M.A. Sepher ha-Razim: The Book of the Mysteries. Chico, CA: Scholars Press, 1983. 108 p. (Society of Biblical Literature: Texts and Translations; 25. Pseudepigrapha Series; URL: https://archive.org/download/sepher-ha-razim-the-book-of-the-mysteries-1966-1983/SepherHa-Razim-TheBookoftheMysteries281966-1983.pdf (date of access: 12.10.2025)

51. Talmud Babylonian. Shabbat 67a [Electronic resource]. Sefaria. Access mode: https://www.sefaria.org/Shabbat.67a?lang=he-en (date of access: 12.06.2025)

52. Talmud Babylonian. Avoda Zarah 12b [Electronic resource]. Sefaria. Access mode: https://www.sefaria.org/Avodah_Zarah.12b.5?lang=he-en (date of access: 12.06.2025). See also the English text analysis: https://www.chabad.org/…/12b (date of access: 12.06.2025)

53. Talmud Babylonian. Pesachim 112a [Electronic resource]. Sefaria. Access mode: https://www.sefaria.org/Pesachim.112a?lang=he-en (accessed on 12.06.2025); Pesachim 112b [Electronic resource] // Sefaria. Access mode: https://www.sefaria.org/Pesachim.112b?lang=he-en (date of access: 12.06.2025)

54. Gaster M. “The Sword of Moses...", JRAS, 1896; DOI: 10.1017/S0035869X00023455; access: https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-the-royal-asiatic-society/article/2F8F9BE999E3BE76AC92766D188AE3BA

55. Kotansky R. Greek Magical Amulets... Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. DOI: 10.1007/978-3-663-20312-4; PDF: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-663-20312-4.pdf

56. Goar J. Euchologion sive Rituale Graecorum: complectens ritus et ordines divinae liturgiae, officio-rum, sacramentorum...; interpretatione latina. Venetiis: Ex Typographia Bartholomaei Javarina, 1730. 735 p. Exorcismi (attrib. Ioanni Chrysostomo et Basilii Magno). [Electronic resource]. Access mode: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=ucm.5319065728 (date of access: 06.12.2025)

57. Kotansky R. Greek Magical Amulets: The Inscribed Gold, Silver, Copper, and Bronze Lamellae. Part I: Published Texts of Known Provenance (Papyrologica Coloniensia 22). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. DOI: 10.1007/978-3-663-20312-4. PDF (toc preview): https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-663-20312-4.pdf (date of access: 12.06.2025)

58. Spier J. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition. Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 1993. DOI: 10.2307/751363. PDF: https://ia802307.us.archive.org/4/items/spier-1993-byz-medieval-amulets/Spier_1993_Byz_Medieval_Amulets.pdf (date of access: 12.06.2025)

59. Testament of Solomon. Apocrypha of the Ancient Christians. Vol. 2: Apocrypha of the Old Testament. compiled, translated, and commented by A.V. Safronov. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2011. 428 p.

60. Michael A. Morgan, Sepher ha-Razim: The Book of the Mysteries, Scholars Press, 1983. 382 p.

61. Lieber E. Asaf’s “Book of Medicines”: A Hebrew Encyclopedia of Greek and Jewish Medicine, Possibly Compiled in Byzantium on an Indian Model. Dumbarton Oaks Papers. 1984. Vol. 38. pp. 233–249. URL: https://archive.org/download/DOP38_21_Lieber/DOP38_21_Lieber.pdf (date of access: 12.06.2025)

62. Kovner S. History of Medieval Medicine. Kyiv. Issue 1. 1893. 635 p.

63. Hareri Yu.N. Jewish Magic before the Emergence of Kabbalah: Translated from English by I. Gershkovich. Moscow: Institute of the Middle East, 2017. 464 p. (Series: Texts and Studies on Ancient Judaism. Vol. 170).

64. Clementines (Pseudo-Clementines): Apocryphal Literature of the 2nd Century: Translated from Latin and Greek; compiled, introduced, and commented by A.V. Solovyov. Moscow: Ladomir, 1998. 448 p.

65. The Clementine Homilies. Ante-Nicene Fathers. Vol. 8. Ed. by A. Roberts and J. Donaldson. Pea-body: Hendrickson Publishers, 1994 (reprint). P. 233 – 469.

66. Pseudo-Clement (Clement of Rome). The Recognitions of Clement. transl. Thomas Smith. Ante-Nicene Fathers. Vol. 8: The Twelve Patriarchs; Excerpts and Epistles; The Clementina; Apocrypha; Decre-tals; Memoirs of Edessa and Syriac Documents; Remains of the First Ages. ed. Alexander Roberts, James Donaldson, A. Cleveland Coxe. Buffalo, NY: Christian Literature Publishing Co., 1886. 428 r. [Electronic resource]. Access mode: https://www.ccel.org/ccel/schaff/anf08.html (access date: 06/12/2025)

67. Pseudo-Dionysius the Areopagite. On the Celestial Hierarchy: trans. from the Greek by I. Meyendorff; introduction and commentary by I. Evlampiev. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2007. 192 p. (Series: "Patriotics").

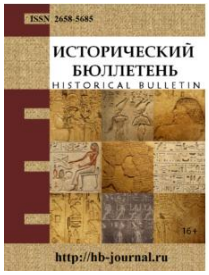
68. The Book of Tobit. Old Testament. Deuterocanonical books. Moscow: Russian Bible Society, 2001. 382 p. (Bible; vol. 2).

69. British Museum. Pendant; amulet (Early Byzantine; 6th c.). Museum no.: OA.1374. London: The Trustees of the British Museum. [Electronic resource]. Access mode: https://www.britishmuseum.org/collection/object/H_OA-1374 (date of access: 06.12. 2025)

Информация об авторе

Ожирельев Н.В., аспирант, Тюменский государственный университет; ассистент, Тюменский государственный медицинский университет, 754979@gmail.com

© Ожирельев Н.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 930.85 (47)

Александра Ким-Станкевич в научной и художественной литературе Южной Кореи XXI в.

[1] Лим Сунгжае,
[1] Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина

Аннотация: в статье рассматривается феномен переосмысления исторической памяти в современной Южной Корее на примере жизни и деятельности А.П. Ким-Станкевич – первой корейской женщины-революционерки, участницы российского коммунистического движения. Анализируется трансформация общественного восприятия личности Ким-Станкевич в южнокорейском обществе XXI века, отражённая в научной и художественной литературе. Особое внимание уделяется исследованию роли А.П. Ким-Станкевич в борьбе за права корейских рабочих в России и её вкладу в движение за независимость Кореи. В работе рассматриваются современные литературные произведения (роман Чон Чжольхуна и графический роман Ким Кымсук), освещающие жизненный путь революционерки, а также анализируется их значение для формирования нового исторического нарратива в Южной Корее. Статья демонстрирует, как переосмысление исторического наследия способствует преодолению идеологических барьеров и расширению понимания путей достижения национальной независимости.

Ключевые слова: А.П. Ким-Станкевич, Республика Корея, историческая память, революционное движение, национальное освобождение в Корее, художественная литература в Республике Корея, графический роман, Чон Чжольхун, Ким Кымсук

***Для цитирования**: Лим Сунгжае Александра Ким-Станкевич в научной и художественной литературе Южной Кореи XXI в. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 37 – 42.*

Поступила в редакцию: 21 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Alexandra Kim-Stankevich in the scientific and fiction literature of South Korea of the 21st century

[1] Lim Sungjae,
[1] Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract: the article examines the phenomenon of rethinking historical memory in South Korea using the example of A.P. Kim-Stankevich. Alexandra Kim-Stankevich was the first Korean revolutionary woman and a member of the Russian communist movement. The article analyzes the transformation of public perception of the personality of Kim-Stankevich in South Korean society of the 21st century, reflected in scientific and fiction literature. Special attention is paid to the study of the role of A.P. Kim-Stankevich in the struggle for the rights of Korean workers in Russia and her contribution to the Korean independence movement. The paper examines modern literary works, including the novel by Jung Jeol-Hoon and the graphic novel by Kim Geumsuk, that highlight the formation of a new historical narrative in South Korea. The article demonstrates how rethinking historical heritage helps to overcome ideological barriers and expand understanding of ways to achieve national independence.

Keywords: A.P. Kim-Stankevich, Republic of Korea, historical memory, revolutionary movement, national liberation in Korea, fiction in the Republic of Korea, graphic novel, Jeong Jeol-Hoon, Kim Geumsuk

***For citation**: Lim Sungjae Alexandra Kim-Stankevich in the scientific and fiction literature of South Korea of the 21st century. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 37 – 42.*

The article was submitted: August 21, 2025; Approved after reviewing: October 18, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

В последнее десятилетие среди широкой аудитории в Республике Корея появился определенный интерес к темам, которые ранее не обсуждались, либо те, о которых не было известно в достаточной степени. В период после 2017 года, с приходом к власти в Республике Корея президента Мун Чжеина и празднованием 100-летней годовщины Первомартовского движения в 2019 году, повысился интерес к деятельности корейских борцов за независимость, включая сторонников коммунистического движения, таких как Хон Бомдо, Александра Петровна Ким-Станкевич, Ли Инсоп, Тэ-Хун и др. В южнокорейских СМИ появился целый ряд публикаций по этой теме, было опубликовано несколько художественных произведений [6, p. 44].

Следует отметить, что фигура А.П. Ким-Станкевич была действительно уникальной в контексте того времени. При рождении (22 февраля 1885 года) она носила иное имя: Ким Эрим. Её отец – Ким Дусу – был весьма известным переводчиком. В 1895 он отправился в Манчжурию, где принял участие в антияпонской борьбе. После его кончины в 1902 году, над ней взял опекунство друг семьи – Петр Станкевич. Получив достойное образование, в 1914 году Александра Петровна устроилась на работу переводчиком. Она принимала активное участие в революционной деятельности, вела политическую активность в среде эмигрантов из Кореи. Она вступила в РСДРП(б) в 1916 году, вела активную агитационную деятельность, принимала участие в формировании отрядов Красной гвардии. Стоит отметить, что А.П. Ким-Станкевич рассматривала партийный статус в том числе, как эффективное средство для борьбы с за независимость Кореи. Она была арестована белыми и японскими войсками и была ими убита в 1918 году. По ряду свидетельств, несмотря на крайне негативное отношение к ней и жестокое обращение в плену, она не утратила силы духа [1, с. 13-14].

Достаточно продолжительное время роль А.П. Ким-Станкевич в борьбе Кореи за независимость не могла получить должной оценки и признания, главным образом, по причине широко распространенного «табу» в Республике Корея на положительную оценку персоналий, так или иначе связанных с коммунистическим движением. Лишь в 2009 году она была посмертно удостоена награды Республики Корея «За заслуги в создании государства», что являлось признанием её вклада в движение за независимость Кореи, но, несмотря и на это, она была практически неизвестна широкой публике [4].

Материалы и методы исследований

Материалы исследования включают в себя опубликованные и неопубликованные архивные документы из российских и южнокорейских источников, включая материалы о деятельности А.П. Ким-Станкевич в революционном движении, ее биографические данные, а также участие в движении за освобождение Кореи от японской оккупации, оказание помощи корейским рабочим, находившимся на российской территории. Опубликованные документы, в своем большинстве, представлены в книге «Александра Петровна Ким-Станкевич: очерки, документы и материалы» [1], Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК). Исторические документы о положении корейских рабочих в Российской империи, включая материалы о трудовых конфликтах на уральских лесозаготовках представлены в нескольких уральских архивах, таких как Государственный архив Свердловской области (ГАСО) [2], Государственный архив Пермского края (ГАПК) и др.

В качестве литературных источников использовались роман Чон Чжольхуна «Ким Александра», графический роман Ким Кымсук «Ким Александра, Дочь Сибири», а также целый ряд научных публикаций по истории корейского освободительного движения.

Что касается методологии проведения исследования, при анализе взаимодействия исторических фактов и их художественного осмысления использовался междисциплинарный и комплексный подход. Для изучения жизненного пути А.П. Ким-Станкевич и её деятельности применялся историко-биографический метод, сравнительный метод был использован для сопоставления различных источников информации. Для изучения контекста формирования общественного мнения о

фигуре А.П. Ким-Станкевич потребовалось применение культурно-исторического метода.

К характерным особенностям данного исследования относятся комплексный подход к изучению исторического материала, сочетание исторического и литературоведческого анализа, учет современных тенденций в переосмыслении исторического наследия, анализ влияния политических и социальных факторов на формирование общественного мнения.

Результаты и обсуждения

Широкую известность в Республике Корея А.П. Ким-Станкевич получила в 2020 году, когда был издан графический роман «Ким Александра, Дочь Сибири» писательницы Ким Кымсук, которая в прошлом привлекла внимание широкой общественности другими графическими романами, такими как «Трава» (он был переведен на русский язык) [4]. Графический роман был основан на произведении писателя Чон Чжольхуна «Ким Александра. Роман», повествующем о жизни А.П. Ким-Станкевич [8].

Чон Чхольхун южнокорейский поэт, журналист, автор романов и литературный критик. Он получил образование в Российской федерации, защитил диссертацию в области исторических наук в Академии Министерства иностранных дел России. Помимо романа о Ким Александре, им были созданы более десятка поэтических сборников, а также романы «Сад Каина» «Все благословения мальчику», «Советский Союз жив», «Ельцин и Россия XXI века», «Чон Чжунчхэ: крестный отец северокорейского кино» и многое другое [4, с. 48].

Главная героиня романа – Ким Александра, кореянка, которая активно участвовала в Октябрьской революции. Автор отмечает, что она начала свою жизнь революционерки в 1915 году с устного перевода для рабочих, подвергавшихся эксплуатации на лесозаготовках на Урале, в Пермской губернии и на Надеждинских рудниках. Автор описал жизнь Ким Александры Петровны, основываясь на архивных материалах, собранных лично. Роман начинается с того, что сын А.П. Ким Огай Борис Васильевич в старости перечитывает письма матери и пытается оживить воспоминания о своей матери. В первой и третьей частях произведения второй сын Ким Александры выступает в роли рассказчика, часть событий является вымыслом, но канва событий такова, как и в официальной биографии революционерки.

Автор отмечает, что Ким Александра была лидером большевистского движения в 1910-х годах, первым человеком в Корее, создавшим социалистическую организацию – Корейскую социалистическую партию, и революционеркой, которую очень любил и русский, и корейский народ, но в жизни своих сыновей она не смогла принять активного участия, выбрав революционный путь. Получив письмо от коллеги своей матери Ли Инсопа, Борис садится в транссибирский поезд, который следует по следам революции.

Рассказчиком второй части, «Дочери Урала», является Ким Александра, которая выступает в качестве рассказчика от первого лица чтобы реалистично описать напряженность и неотложность дел в вихре революции. Действие происходит в революционном пространстве под названием «Урал» в середине 1900-х годов, и в этом произведении прослеживается реальная жизнь реальных людей. В книге рассказывается о биографии героини. Александра Петровна Ким (Станкевич) выросла среди рабочих, находясь на стройке КВЖД, а также одной из веток Транссибирской магистрали, где переводчиком работал ее отец. Отец очень рано ушел из жизни, когда Александре было 10 лет, но благодаря его воспитанию она также знала несколько иностранных языков (корейский, русский, китайский, французский) и усвоила уважительное отношение к простым рабочим, стремилась им помогать. В 1915 году она оставила свою семью и отправилась на лесозаготовки в Надеждинске на Урале, чтобы представлять интересы корейских рабочих, которых обманывали заводчики и подрядчики, которые не получали жалование и работали в тяжёлых условиях, и работала переводчицей. Там А.П. Ким-Станкевич основала Союз уральских рабочих. В 1916 году она вступила в Российскую социал-демократическую партию. В романе подробно описаны тяжелые условия жизни корейских рабочих.

Графический роман Ким-Жандри Кымсук «Александра Ким, кореянка из Сибири» пока не переведен ни на русский, ни на другие иностранные языки. В нем также подробно описываются похожие события. На обложке графического романа есть следующий подзаголовок: «Первая корейская большевичка-революционерка, мечтавшая о всеобщем равенстве». Центральной темой остается борьба за независимость исторической родины и жертвы, которые Ким для этого принесла, несмотря на то что сражалась на стороне коммунизма, неприемлемого в капиталистической Республике Корея.

Автор графического романа также подробно рассказывает об отце А.П. Ким Ким Дусу, бедном уроженце Кёнхуна, провинция Северный Хамгён. Он был издольщиком в Хуньчуне (Китай), работал чернорабочим в России, где выучил китайский и русский языки. Одним из мест его работы была строительная площадка железной дороги на

Дунчэн, главной ветки Сибирской железной дороги. На этом объекте, где абсолютное большинство работников составляли корейцы и китайцы, Ким Дусу выполнял функции переводчика инструкций русского менеджера и переводил требования рабочих. Однако ему никак не удалось улучшить положение рабочих. Автор подчеркивает, что жизнь корейских рабочих, переехавших в то время в Российскую империю, была «хуже, чем у лошадей российской императорской армии». Рабочие ни разу не попали в больницу, даже если получили травмы на работе, а когда погибали в результате несчастного случая, их хоронили в глуши. Юная Ким Александра, которая наблюдала за всеми этими сценами, рано познала гнев рабочих, «голодающих, угнетенных» [8, с. 68].

В возрасте 20 лет Ким Александра начала участие в полноценном рабочем движении. По словам автора, она стала не только «ртом рабочего, а также его руками и ногами». Когда в 1914 году началась Первая мировая война, ей было двадцать девять лет, и она уехала в Пермь, на лесозаготовки к западу от Уральских гор. Пермь, где развивались деревообрабатывающая и сталелитейная промышленность, была своего рода форпостом для производства военных припасов и «живым адом для людей» [7, с. 72].

Заключенные из Австрии, Великобритании и Германии, а также корейцы и китайцы, прибывшие туда после принудительной мобилизации или посулов подрядчиков, работали более 16 часов в день. Каждый десятый работал с производственными травмами, но не мог убежать из-за железной колючей проволоки. К переводчику относились с большим уважением, но А.П. Ким отказалась от привелегий и разделяла сложности с рабочими. А.П. Ким вместе с Ли Енсопом возглавляли забастовки и создали Федерацию уральских рабочих.

Тот факт, что иммигрантка, женщина, сделала это без поддержки какой-либо организации, дошел до ушей помощников Ленина. “Вы уже совершили революцию, освободив рабочих без поддержки партии". Ким Александра, завоевавшая такое доверие, становится первым корейским большевиком и вместе с Ли Донхи играет решающую роль в создании Социалистической партии Кореи. Эта информация также появилась в публикациях нескольких южнокорейских газет, таких как «Ханкёре». Они были приурочены к публикациям романов.

В статье профессора Им Кёнсока из университета Сонгюнгкван говорится, что Ким Александра обратила внимание на эксплуатацию корейцев на лесозаготовках на Урале по вине подрядчика Ким Бёнхака. Ему авансом выплачивалась заработная плата корейским рабочим. Он также был влиятельным членом корейского сообщества в Приморье, сколотил состояние на строительстве Транссибирской железной дороги и закупках говядины для российской армии. В 1912 году он занимал такие должности, как президент гражданского общества деревни Синхан во Владивостоке и глава отдела иностранных дел организации «Национальное движение». Рабочим приходилось терпеть муки рабского труда. Их страдания закончились более чем через год, в июне 1917 года. Можно предположить, что русская революция, произошедшая в феврале того же года, повлияла на их судьбу. Также им помогла Ким Александра, организовавшая протесты в защиту прав и интересов корейских рабочих на Урале. Она организовала корейских рабочих, выступая на переговорах по трудовым спорам в качестве их представителя. Параллельно также использовалась тактика подачи иска в окружной суд от имени корейских рабочих. Произошла Февральская революция, и судебный процесс по делу корейских рабочих привлек внимание общественности. Суд вынес решение в пользу корейских рабочих [6].

После Февральской революции кадеты военной школы вернулись в Приморье, получили 1200 рублей от подрядчика Ким Бёнхака и пожертвовали эти деньги на подготовку вооруженной борьбы против японцев от имени 31 члена Союза уральских рабочих. К сожалению, один кореец погиб на лесозаготовках. В результате их усилий был создан фонд, который поддерживал усилившееся движение за независимость Чосон [6].

Выводы

Таким образом, в последнее десятилетие в Республике Корея возрос интерес к переосмыслению роли участников коммунистического и антияпонского движений, таких как Александра Петровна Ким-Станкевич, Ли Инсоп, Чо Хун. Исследование жизни А.П. Ким-Станкевич и её отражение в современной южнокорейской литературе демонстрирует не только переосмысление исторического наследия, но и формирование нового взгляда на роль отдельных личностей в истории страны, преодоление идеологических барьеров и расширение понимания путей достижения национальной независимости. После длительного периода табуирования коммунистической тематики в Республике Корея начали предприниматься попытки объективно оценить их вклад в исторический процесс.

Историческая значимость А.П. Ким-Станкевич как первой корейской женщины-революционерки, вступившей в ряды большевиков, получила в Республике Корея должное признание только в XXI

веке. Её деятельность, включавшая организацию рабочих движений, борьбу за права корейских иммигрантов в России и создание социалистических организаций, демонстрирует уникальный пример синтеза корейского национализма и интернационального революционного движения.

Культурное переосмысление личности А.П. Ким-Станкевич в современной южнокорейской литературе (роман Чон Чжольхуна и графический роман Ким Кымсук) свидетельствует о значительном сдвиге в общественном восприятии истории страны. Эти произведения не только восстанавливают историческую справедливость, но и создают новый культурный нарратив, в котором революционная деятельность рассматривается как важный аспект борьбы за независимость.

Графический роман Ким Кымсук «Ким Александра, Дочь Сибири» и другие публикации способствуют популяризации этой темы среди широкой аудитории в Республике Корея. Изучение истории трудовой миграции корейцев на Урал и роли А.П. Ким-Станкевич в борьбе за права рабочих и независимость Кореи способствует более глубокому пониманию исторических процессов того времени и их влияния на современные отношения между Кореей и Россией.

Список источников

1. Александра Петровна Ким-Станкевич: очерки, документы и материалы / Отв. ред. Ю.В. Ванин. М., 2008. 239 с.

2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 45. Оп. 1. Д. 263.

3. Осетрова М.Е. Русские реалии в современной южнокорейской прозе и их связь с образом России в Республике Корея // Современные проблемы Корейского полуострова: 2024 / Рос. акад. наук; Инт Китая и совр. Азии РАН. М., 2024. 184 с.

4. 김금숙. 시베리아의 딸, 김알렉산드라. 서해문집, 2020. 240 p. (Ким Гымсук. Ким Александра, Дочь Сибири. Сеул: изд-во «Сохэмунчжип», 2020. 240 с.).

5. 낯선 혁명가 김알렉산드라, 얼굴을 얻다 [Неизветсная революционерка Ким Александра обрела лицо. Газета «Ханкёрэ»] https://www.hani.co.kr/arti/culture/book/937468.html?utm_source=copy&utm_medium=copy&utm_campaign=btn_share&utm_content=20250619 (дата обращения: 25.05.2025)

6. 러시아 벌목장, 막일하는 사관생도들 [Корейские курсанты военной школы на российских лесозаготовках. Газета «Ханкёрэ»]. https://h21.hani.co.kr/arti/culture/culture/50852.html (дата обращения: 25.05.2025)

7. 박환. 러시아 한인 유적 답사기. 국학자료원, 2008. 370 p. (Пак Хван. По следам борцов за независимость Кореи в России. Сеул, изд-во «Кукхакчарёвон», 2008. 370 с.).

8. 정철훈. 소설 김알렉산드라. 실천문학사, 2009. 260 p. (Чон Чольхун. Ким Александра. Роман. Сеул: Изд-во «Сидэыйджан», 2009. 260 с.).

9. 정철훈. 알렉산드라 페트로브나 김. 시대의창, 2021. 592 p. (Чон Чольхун. Александра Петровна Ким. Сеул: Изд-во «Сидэыйджан», 2021. 592 с.).

References

1. Alexandra Petrovna Kim-Stankevich: essays, documents, and materials. Ed. Yu.V. Vanin. Moscow, 2008. 239 p.

2. State Archives of the Sverdlovsk Region (GASO). Fund 45, Op. 1, D. 263.

3. Osetrova, M.E. Russian realities in modern South Korean prose and their connection with the image of Russia in the Republic of Korea. Modern problems of the Korean Peninsula: 2024. Rus. Academy of Sciences; Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences. Moscow, 2024. 184 p.

4. Russian Realities in Modern South Korean Prose, Russian Realities in the Republic of Korea. Kim Geumsuk. Kim Alexandra, Daughter of Siberia. Seoul: Sohaemunchip Publishing House, 2020. 240 p.).

5. Unknown Revolutionary Kim Alexandra Finds a Face [Unknown Revolutionary Kim Alexandra Finds a Face]. [Korean military school cadets in Russian logging sites. Hankyore Newspaper]. https://www.hani.co.kr/arti/culture/book/937468.html?utm_source=copy&utm_medium=copy&utm_campaign=btn_share&utm_content=20250619 (date of access: 25.05.2025)

6. Korean military school cadets in Russian logging sites. Hankyore Newspaper]. https://h21.hani.co.kr/arti/culture/culture/50852.html (date of access: 25.05.2025)

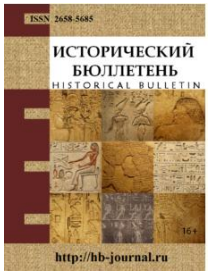
7. Korean military school cadets in Russian logging sites. 러시아 한인 유적 답사기. 국학자료원, 2008. 370 p. (Pak Hwan. In the footsteps of the fighters for Korean independence in Russia. Seoul, Kukhakcharevon publishing house, 2008. 370 p.).

8. 정철훈. 소설 김알렉산드라. 실천문학사, 2009. 260 p. (Jeon Cheolhun. Kim Alexandra. Novel. Seoul: Sideuijan Publishing House, 2009. 260 p.).
9. 정철훈. 알렉산드라 페트로브나 김. 시대의창, 2021. 592 p. (Jeon Cheolhun. Alexandra Petrovna Kim. Seoul: Sideuijan Publishing House, 2021. 592 p.).

Информация об авторе

Лим Сунгжае, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина

© Лим Сунгжае, 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Франкоязычная литература в личных библиотеках дворянской аристократии России первой четверти XVIII века. К вопросу о русско-французских книжных связях

[1] Житин Р.М.,
[1] Топильский А.Г.,
[1] Николашин В.П.,
[1] Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Аннотация: целью статьи является рассмотрение особенностей распространения франкоязычной литературы на территории Российской империи в первой четверти XVIII века. Определена роль как самого Петра I, так и его сподвижников в организации трансфера литературы из европейских стран. Охарактеризован порядок командировок дворян в Европу, показано место закупки иностранной литературы в их служебной деятельности. Рассмотрен рост популярности французского языка в стране, на который сильно влияли трансграничные путешествия русских дворян, в том числе визит Петра I в Париж в 1717 г. Особая роль отведена пополнению библиотеки Академии наук, которой Петр I уделял большое внимание. Рассмотрена передача ей частных книжных коллекций, в том числе митавской библиотеки герцога Курляндского, в которой следует выделить издания гуманитарной тематики, напечатанные в XVI-XVII вв. Определена роль личных собраний А.А. Виниуса, П.П. Шафирова, А.П. Ганнибала и А.Ф. Хрущева в расширении библиотеки Академии наук. На основании рассмотренного материала сделан вывод, что западная литература способствовала освоению передовых европейских идей, их рецепции в условиях петровской модернизации.

Ключевые слова: чтение, библиотеки, Российская империя, культурный трансферт, дворяне, Просвещение, французская литература

***Для цитирования**: Житин Р.М., Топильский А.Г., Николашин В.П. Франкоязычная литература в личных библиотеках дворянской аристократии России первой четверти XVIII века. К вопросу о русско-французских книжных связях // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 43 – 50.*

Поступила в редакцию: 21 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

French-language literature in the personal libraries of the Russian noble aristocracy of the first quarter of the 18th century. On the issue of Russian-French book relations

[1] Zhitin R.M.,
[1] Topilsky A.G.,
[1] Nikolashin V.P.,
[1] Derzhavin Tambov State University

Abstract: the purpose of the article is to consider the peculiarities of the distribution of French-language literature in the territory of the Russian Empire in the first quarter of the XVIII century. The role of Peter I himself and his associates in organizing the transfer of literature from European countries is determined. The order of business

trips of nobles to Europe is described, the place of purchase of foreign literature in their official activities is shown. The article considers the growing popularity of the French language in the country, which was strongly influenced by the cross-border travels of Russian nobles, including the visit of Peter the Great to Paris in 1717. A special role is assigned to the replenishment of the library of the Academy of Sciences, to which Peter the Great paid great attention. The transfer of private book collections to her, including the Mitava library of the Duke of Courland, is considered, in which humanitarian publications printed in the XVI-XVII centuries should be highlighted. The role of the personal collections of A.A. Vinius, P.P. Shafirov, A.P. Hannibal and A.F. Khrushchev in the expansion of the library of the Academy of Sciences is determined. Based on the reviewed material, it is concluded that Western literature contributed to the development of advanced European ideas and their reception in the context of Peter the Great's modernization.

Keywords: reading, libraries, the Russian Empire, cultural transfer, nobles, Enlightenment, French literature

***For citation**: Zhitin R.M., Topilsky A.G., Nikolashin V.P. French-language literature in the personal libraries of the Russian noble aristocracy of the first quarter of the 18th century. On the issue of Russian-French book relations. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 43 – 50.*

The article was submitted: August 21, 2025; Approved after reviewing: October 18, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Массовое распространение франкоязычной литературы в эпоху реформ Петра I – важнейшая веха в истории российской книжной культуры [22]. В начале XVIII века, благодаря демократизации книжного рынка, французскими изданиями комплектовались как частные, так и ведомственные библиотеки страны. При этом централизованные закупки изданий за рубежом были характерным и самым распространенным способом пополнения всех видов (казенных, личных) книжных коллекций. Так, практически каждая командировка за рубеж государственного или частного лица сопровождалась закупкой иностранных литературы. Во многом этот принцип ввел сам Петр I, который не только лично закупал издания европейских классиков в ходе своих зарубежных командировок, но и приказывал делать это своим подчиненным [24, с. 5]. В результате уже в первой четверти XVIII века местные библиофилы могли похвастаться довольно значительными собраниями западноевропейской книги, ничуть не уступающими по объему и разнообразию собраниям европейских букинистов.

Материалы и методы исследований

В качестве методов исследования следует отметить сравнительно-исторический метод, позволивший установить соотношение роли государства и частных лиц в распространении печатной продукции в Российской империи. Важную роль в исследовании сыграло применение метода компаративного анализа, благодаря которому удалось комплексно изучить роль иностранцев в процессе книготорговли в Российской империи XVIII века. Метод количественного анализа дал представление о динамике распространения книг – как в Санкт-Петербурге и Москве, так и в провинции. Значительный вклад в исследования культуры с позиции системного подхода внес П. Сорокин, у которого она (культура) отождествляется с взаимодействием людей: значение – ценность – норма. Тем самым применение системного подхода обеспечило понимание того, как распространение литературы влияло на изменение представлений среди образованных слоев населения. Теория модернизации объясняет процесс трансформации и усложнения культурных традиций российской провинции до революции, позволяя оценить тот огромный информационный потенциал, который имели личные библиотеки и которые являлись фактором для успешного творчества и в целом развития личности самого образованного сословия Российской империи.

Результаты и обсуждения

Рост трансферта зарубежной книги в страну способствовал рецепции западного опыта социально-экономической модернизации. Судя по всему, российский самодержец не боялся испортить русские умы западным влиянием. По приказу Петра I в Россию поступала литература всех отраслей знаний. Так, не меньше 17 книг привез в библиотеку Посольского приказа П. В. Постников. Об этом сообщалось в письме к посольским дьякам Г. И. Головкина (18 декабря 1710 г.) «Которые книги по указу великого государя купил во Франции и в Голландии доктор Петр Посников и привез к Москве… те пришлите сюда с подъячим... понеже изволит государь тех книг спрашивать» [21, с. 3]. В результате данной покупки в России оказалась весьма редкая книга «Наука кораблями плавать» (Milliet de Châles C.-F. L’Art de naviger. Paris, 1677, 4°), или классика европейской военной ис-

ториографии - «Универсальная паука фортификацей Французских, Галанских, Гншпанских и Талканских и компанованных …» (Du Breuil J. L'Art universel des fortifications françoises, hollandoises, espagnoles, italiennes et composées. Paris, 1674) [21, с. 5].

Помимо служебных командировок, Петр I направлял за рубеж и отдельных специалистов, которые должны были не только обучаться нужным наукам, но и закупать для страны необходимую литературу [12]. Характерный пример этому – заграничное путешествие капитан-поручика. К. Н. Зотов, который в январе 1715 г он был направлен в Европу для обучения теории западного кораблестроения. При этом в служебной командировке, выданной Петром I, отмечалось: «Все, что ко флоту надлежит на море, отыскать книги» [18, с. 74]. В октябре 1715 года, находясь во Франции добросовестный ученик К. Н. Зотов писал Петру I: «Некоторые книги купил, из которых сделав таблички, ныне посылаю к Вашему Величеству» [19. С. 377].

Интерес к французским книгам в России определялся ростом популярности французского языка среди российской аристократии [7]. В этот период культура Франции доминировала в Европе, постепенно захватывая в свою орбиту все новые слои европейского дворянства. Даже в Англии, славившейся незыблемостью своих культурных традиций, уже в первой половине XVIII века доминировал французская речь. Об этом вспоминал дипломат Б.И. Куракин: «Сегодня, ввечеру был на аудиенции у ея королевского величества. А какову речь говорил по-французски» [5, с. 24]. Что касается России, то на рост популярности французского языка в стране сильно влияли трансграничные путешествия русских дворян, в том числе визит Петра I в Париж в 1717 г. [23]. И хотя процессы галломании получили распространение в русской образованной среде только во второй половине XVIII столетия, наличие в личных коллекциях отечественных библиофилов сотен томов франкоязычных изданий свидетельствовало о широком интересе россиян к французским авторам уже в начале XVIII века.

Одним из богатейших фондов франкоязычной книги в России первой половины XVIII века располагала библиотека петербургской Академии наук. Это учреждение было создано по распоряжению Петра (сам указ не сохранился) в 1713 году, а с сентябрь 1714 года оно уже приступило к обслуживанию читателей [8, с. 18]. Основой для комплектования местной коллекции стали частновладельческие собрания русских аристократов, которые поступали библиотеку в качестве дара или в ходе конфискации. При этом благодаря точному учету и каталогизации переданных изданий мы знаем о количественном составе и книжных интересах целого ряда известных российских букинистов первой четверти XVIII века.

В 1716 г. благодаря семейному завещанию библиотека получила крупное пополнение от родственников герцога Фридриха Вильгельма Курляндского (умер в 1711 г.) [10, с. 323-328]. Его митавская коллекция считалась одной из самых крупных в стране. Среди 2763 томов, переданных в государственные фонды в 1716 г., 175 было на французском языке [2]. В основном это были издания гуманитарной тематики (140 томов), напечатанные в XVI-XVII вв. Среди прочего здесь можно выделить чрезвычайно популярные в Европе «Жизнеописания кардинала Ришелье», написанные Шарлем Виалара (Vialart Charles. Histoire du ministère d'Armand-Jean Du Plessis, cardinal, duc de Richelieu. Paris, 1650), «Общий очерк истории Франции», опубликованные Жаном де Серра (Jean de Serres. «Inventaire général de l'histoire de France». Paris, 1643), «Хроники Франции, Англии, Шотландии, Испании, Бретани и Фландрии», подготовленные Жаном Фруассара (Jean Froissart. Le Premier volume de Messire Jehan Froissart, lequel traicte des choses dignes de mémoire advenues tant ès pays de France, Angleterre, Flandres, Espaigne. Paris, 1530).

Из негуманитарной тематики митавской библиотеки герцога Курляндского следует выделить 12 томов по военному делу. Это были известные европейские издания по истории фортификации, обороны, военной тактики XVII века. Отметим также труды выдающегося французского военного инженера Антуана Девиля «Обязанности губернатора крепости» (Antoine Deville. De la charge des gouverneurs des places. Rouen, 1668°), долгое время считавшиеся классикой военной инженерии в Европе, а также знаменитую работу Франсуа Блонделя «Новая манера укреплению городов» (François Blondel. Nouvelle manière de fortifier les places. La Haye, 1684), русский перевод которой был опубликован в 1711 году по поручению Петра I.

В 1718 г. книжные фонды Библиотеки пополнились собранием одного из самых образованных людей своего времени А.А. Виниуса. Созданию этой букинистической коллекцией в буквальном смысле способствовала богатая служебная карьера ее владельца. Как переводчик Посольского приказа, сотрудник Аптекарского, Сибирского и Артиллерийского приказов Андрей Андреевич был вынужден постоянно знакомиться с огромным объемом зарубежных сочинений [9, с. 10]. Многие их

них были куплены в ходе личных заграничных путешествий. После смерти Виниуса все его книги (по распоряжению Петра I) были огосударствлены. В академическом «Каталоге виниусовым книгам, принятым в 1718 году» значатся 375 томов (363 названия), в том числе 180 на французском языке [3].

Практически все франкоязычные издания виниусовской коллекции относились к категории филологических пособий. Например, здесь можно было встретить один из самых авторитетных языковых справочников первой четверти XVIII века «Великий французский словарь Жана Луи», изданный Д'Арси в амстердамской типографии в 1699 г. (Le Grand dictionnaire françois-flaman de Jean Louis D ’Arsy. Amsterdam, 1699, 4). Из неязыковых франкоязычных трудов, интересовавших Андрея Андреевича, следует отметить справочник по математике (Cours de mathématique. Paris, 1697), труд Себастьена де Вобан по теории фортификаций (Sébastien Le Prestre de Vauban «Le Directeur général des fortifications. La Haye, 1685), а также произведения классиков античной философии (Флавия Арриана, Плутарха) и мыслителей нового времени (Джованни Боккаччо, Баттисты Гварнни).

Уже упоминавшийся нами «Каталог виниусовым книгам», изданный академической библиотекой в 1718 г., возможно, отражает не все книги из коллекции А. А. Виниуса. По данным П. И. Хотеева, в каталоге не отражено еще около 40 изданий, которые были конфискованы в пользу Аптекарского приказа после самовольного отъезда Андрея Андреевича в Голландию (1708 г.). Только после возвращения опального чиновника Петр I вернул владельцу его собрание. Однако «несколько десятков книг», по всей видимости, «все же осталось в Аптекарском приказе» [24, с. 11].

По владельческим надписям в библиотеке Академии наук Н.А. Копанев обнаружил как минимум шесть франкоязычных книг, ранее принадлежавших А.А. Виниусу. Все они помечены авторской надписью «Ex lib. And. Winius» [24, с. 11]. Наибольший интерес среди выявленных изданий представляет популярный в Европе языковой учебник Бартелеми Пьела, который, по словам самого автора, «позволял легко и быстро выучить французский язык за короткое время» (Barthélemy Piélat. Méthode royale pour aprendre facilement promptement et en peu de tems la langue françoise. Amsterdam, 1684) [26]. Также можно отметить языковой разговорник для изучающих французский язык «Диалоги Франсуа и фламандца Клода Могера» (Les Dialogues françois et flamands de Claude Mauger. Utrecht, 1683). В целом, личная библиотека А.А. Виниуса имеет явный филолого-гуманитарный уклон, который обуславливался профессиональной переводческой деятельностью ее владельца.

Удивительна судьба книжного собрания Арчибальд Питкэрна, которое в 1713 году пополнило фонды петровской библиотеки [8, с. 18]. Он не был поданным Российской империи и не мог относиться к сподвижникам Петра I. Однако широкие книжные интересы этого «врача, поэта, драматурга, сатирика, библиофила» были известны далеко за пределами родной Шотландии [20, с. 32]. Русский император, массово закупавший книги за рубежом, поручил приобрести «питчеровкую» библиотеку сразу после известия о кончине ее владельца (Эдинбург, 20 октября 1713) [13, с. 378]. Приказ был исполнен и в России оказалось 2000 томов собраний Питкэрновской библиотеки [16].

Более 200 томов из купленной библиотеки Арчибальд Питкэрна относились к франкоязычным. Тематико-хронологический обзор французской части его коллекции частично выполнил П. И. Хотеев [24, с. 13]. По его подсчетам в поступившем собрании имелось не менее 27 томов по математике, не менее 22 тома по медицине, и не менее 21 тома по естественным наукам. При этом владелец мог похвастаться подшивками старейшего научно-литературного издания Европы «Журнал учёных» за 1665-1709 гг. («Journal des sçavans»), собраниями периодических выпусков «История произведения ученых» за 1687-1705 гг («Histoire des ouvrages des sçavans»), академическим ежегодником «Журнал Треву» за 1701-1709 гг. (Mémoires pour l ’histoire des sciences et des beaux arts) и другой периодикой. Также примечательна книга Клода Жандрона «Исследования природы и лечения рака» (Recherches sur la nature et la guérison des cancers. Paris, 1700), на которой владельцу был оставлен инскрипт на французском языке: Доктору Арчибальду Питкэрну от его покорного слуги Дж. Хэя. 7 октября 1701 («For Dr Archibald Pitcairne from his humble servant J. Hay. London 7 oct. 1701»).

Франкоязычная литература гуманитарной направленности в коллекции А. Питкэрна представлена только 23 томами. На удивление скромные цифры для такой энциклопедической библиотеки могут свидетельствовать об интересе владельца к сочинениям на других европейских языках. Арчибальд Питкэрн считался хорошим знатоком классической литературы и умело и оригинально мог писать стихи на латинском. Одновременно он был соавтором комедии «Ассамблея, или Шотландская Реформация» (1690) и сатирической поэмы «Вавилон» (1685), содержащей остроумные зарисовки видных пресвитерианских богословов

своего времени [25]. Во французской части его библиотеки можно отметить произведения Пьера Гассенди, Джона Локка, переводы Теренция, Вергилия, Горация, Петрония, Плавта.

Большое значение для комплектования библиотеки Академии наук сыграло книжное собрание П.П. Шафирова. Он принадлежал к яркой плеяде умных и образованных государственных деятелей эпохи Петра I, сопровождал его во время многочисленных зарубежных поездок (в Германию, Голландию, Англию и Австрию) [15, с. 553-567]. Свою служебную карьеру Петр Павлович начал в Посольском приказе, «где тогда, кроме официальных бумаг, переводились с иностранных языков и целые книги» [15, с. 556]. Известно, что П. П. Шафиров мог свободно читать как минимум на французском, немецком, латинском, польском, голландском, итальянском языках [14, с. 48]. При этом именно он подготовил к публикации русско-немецкие переводы «Календаря о малобывающих вещах Ягана Гендриха Фохта, королевского свейского математика на 1695 лето», его же «Исторического календаря» на 1696 год, «Математических хитростных тонкостей календаря на 1697 лето от Р.Х.». Литературная известность и профессиональные качества Петра Павловича позволили ему получить назначение на должность вице-канцлера России (1709 г.), а позже и вице-президента Коллегии иностранных дел (1710 г.).

Блестящая служебная и писательская карьера П.П. Шафиров оборвалась в 1723 году, когда он рассорился с князем А.Д. Меншиковым и обер-прокурором сената Г.Г. Скорняковым-Писаревым. Конфликт закончился ссылкой в Нижний Новгород и конфискацией личной книжной коллекции. Однако благодаря передаче этого собрания в фонды библиотеки Академии наук все конфискованные издания сохранились до настоящего времени.

В отошедшей государству коллекции значится более 500 книг по гуманитарным дисциплинам [17]. Многие тома содержат авторский знак владельца – простую надпись: «Bar. Schapyroff» (барон Шафиров). Значительный компонент франкоязычной литераторы в шафировском собрании (202 тома или 41 % от общего количество изданий) говорит о значении французских сочинений в книжной культуре ее владельца. При этом здесь практически не было языковых справочников, что отличает шафировкое собрание от коллекции А.А Виниуса, который использовал личною библиотеку в профессиональной переводческой деятельности. Объясняя этот феномен, П.И. Хотеев отмечал близость П.П. Шафирова к библиотеке Посольского приказа, которую он мог использовать в ходе изучения теории и практики международных отношений [24]. Его поддерживал С.П. Луппов, писавший, что «барон обращался к личным книгам, по-видимому, чаще всего тогда, когда хотел развлечься и отдохнуть» [10, с. 229].

Значительное количество изданий в библиотеке П.П. Шафирова относилось к беллетристике (78 томов). Здесь были «Мещанский роман» Антуана Фюретьер (Antoine Furetière. Le Roman bourgeois. Amsterdam, 1704), парижское издание «Дон Кихота» Сервантеса, а также известнейший роман Ф. Фенелона «Похождения Телемака» («Les Avantures de Télémaque»). Наличие большего количества театральных пьес (23 тома) свидетельствует о большом интересе владельца к драматургии. В составе коллекции имелись переводы комедий «Плутус и облако» Аристофана («Le Plutus et les Nuées d'Aristophane», Paris, 1684), шесть комедий Теренция («Comédies de Térence», Paris, 1710), парижские издания классика французского театра Жана Батиста Мольера. Назовем также женевское издание собрания сочинений Никола Буало (Nicolas Boileau-Despréaux. OEnvres de Mr. Boileau Despréaux avec des éclaircissemens historiques, donnez par lui-même. Genève, 1716), пользовавшегося большой полярностью в Европе. Отметим, что подобные произведения были практически у каждого владельца крупной библиотеки начала XVIII века [10, с. 229].

Среди исторических изданий в коллекции П.П. Шафирова выделяется произведение П.-Ф. Бюше «Краткая история царя Петра Алексеевича, с описанием нынешнего состояния Московии», которое было подготовлено парижским издательством Рибу-Дюпюи в 1717 году (Abrégé de l 'histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une relation de l 'état présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passé de plus considérable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour» (Paris, 1717). Это цельный историографиечкий труд, в котором впервые западному читателю рассказывалось о России, а также описывались обстоятельства визита Петра I в Париж в 1717 г. И хотя издание содержало в себе ряд фактических ошибок, оно внесло важный вклад в знакомство европейских обывателей с культурой России начала XVIII века. Близко знавший Петра I П. П. Шафиров просто не мог пройти мимо франкоязычной историографии деяний российского самодержца.

Большую культурную и историческую ценность имела личная коллекция русского военного инженера, предка А.С. Пушкина Абрама Петровича Ганнибала. Она включало в себя 347 книжных наименований [4], в том числе не менее 300 франкоязычных книг универсального содержания. В 1725 г., опасаясь политического преследования, он

решил продать свое все собрание академической библиотеке [6]. Сумма сделки была оценена в 200 руб. [8, с. 50]. Благодаря этому государству перешли франкоязычный «Разговор о всемирной истории» Ж.Б. Боссюэ (Bossuet Jacques-Bénigne. Discours sur l'histoire universelle. Paris, 1707-1708) и языковой справочник Пола Пасси «Сокращение французского произношения, фонетики и орфоэпии» (VeneroniGiovanni. Abrégé de la prononciation française. Paris, 1703). Отметим так же французское издание нидерландского путешественника Стрейса Яна Янсона «Путешествия Иоанна Струйса в Московию, Тартарию, Персию, Индию» (Struys Jan. Les Voyages de Jean Struys en Moscovie, etc. Rouen), в котором была описана Россия времен царствовании Алексея Михайловича Тишайшего. Кроме того, эта книга содержала оригинальную гравюру Астрахани конца XVII века.

В 1742 г. Библиотека Академии наук приобрела книжное собрание российского государственного деятеля, советника Адмиралтейской конторы А. Ф. Хрущева, обвиненного в государственной измене и повешенному в 1740 г. [11, с. 227-234]. При этом для комплектования библиотечного фонда были выбраны не все произведения владельца а только 391 тома (215 назв.), остальные книги (41 назв.) отправились на продажу в академическую книжную лавку [1]. В числе франкоязычных изданий хрущевской коллекции можно выделить трактат Франсуа Фенелона «Образование девочек» (Fénelon. L'Education des filles». Amsterdam, 1697) и труд Тротти де Ла Шетарди «Инструкция для юной принцессы» (Chevalier Trotti de La Chétardie. Instruction pour une jeune Princesse, ou l 'idée d'une honneste femme. Amsterdam, 1697).

Все издания из собрания А.Ф. Хрущева подписаны его личным именем («А. Хрущов»). При этом анализ маргиналий из его коллекции позволяет заключить, что большинство книг он приобретал лично в заграничных путешествиях и только некоторые произведения попали в библиотеку благодаря дарению. Так, на одном их томов значилась русскоязычная надпись: «Пожаловал, подарил Богдан Васильевич Оладин» [24, с. 38]. При этом ниже дано дополнение на латинице: «Amsterdam, d. 11. April. 1717». Инскрипт свидетельствует о том, что издание было подарено Андрею Федоровичу еще время его учебы в Амстердаме.

Другой интересный инскрипт был размещен на произведении графа де Турвиля по морской навигации, изданном в 1693 году («Exercice en général de toutes les maneuvres qui se font à la mer, en toutes les occasions qui se peuvent presenter. Havre de Grace, 1693). На форзаце это книги рукой А.Ф. Хрущева было записано: «Пожаловал Конон Никитич чрез Василья Григорьевича в знак своей милости. Амстердам. 30 марта s. v. 1718» [24, с. 40]. Надпись позволяет однозначно указывает на автора подарка – известного сподвижника Петра I Конона Никитича Зотова. В 1715-1718 гг. по поручению самодержца он отправился заграницу изучать специфику иностранного кораблестроения. Известно, что, находясь в Европе, К. Н. Зотов оказывал посильную помощь своим соотечественникам.

Выводы

Таким образом, характеристика частных фондов крупнейших библиофилов первой половины XVIII века показывает большой интерес читающей публики к франкоязычной литературе. Уже в эпоху Петра I местные ценители книги располагали многочисленными изданиями трудов известных французских авторов, читали их естественнонаучные, исторические и богословские произведения. В сформированных коллекциях находилась новейшая по тем временам литература, закупаемая букинистами во время заграничных командировок. Западная литература способствовала освоению европейских идей, их рецепции в условиях петровской модернизации. При этом целый ряд частных собраний первой половины XVIII века был в последующем переведены в состав фондов библиотеки петербургской Академии наук, что создавало возможности для их публичного использования.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01330, https://rscf.ru/project/25-28-01330/

Список источников

1. Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 3. Оп. 1. № 64. Л. 21-28.
2. АРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 210.
3. АРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 212.
4. АРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 225.

5. Архив князя Ф.А. Куракина, издаваемый под ред. М.И. Семевского: Архив князя Федора Алексеевича Куракина, издаваемый под ред. М.И. Семевского: книга 1-10. Кн. 4. Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева, 1893. 498 с.

6. Ганнибал А.С. Ганнибалы: Новые данные для их биографий // Пушкин и его современники: Материалы и исследования: в 39 вып. Вып. 17-18. СПб., 1913. С. 231 – 238.

7. Житин Р.М., Топильский А.Г. Франкоязычные издания в структуре книготорговых интересов академических книжных лавок XVIII века // Былые годы. 2024. 19 (1). С. 58-65.

8. История Библиотеки Академии наук СССР. 1714-1964 / Акад. наук СССР. Б-ка. Москва-Ленинград: Наука, 1964. 599 с.

9. Козловский И.П. Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого: (1641-1717 гг.). Санкт-Петербург: тип. т-ва п/ф «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1911. 79 с.

10. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Ленинград: Наука, 1973. 372 с.

11. Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. 1725-1740. Ленинград: Наука, 1976. 383 с.

12. Мазин К.А. «Окно в Европу» и начало российского «академического зарубежья» // Новый исторический вестник. 2009. №. 4 (22). С. 5 – 14.

13. Материалы для истории Императорской академии наук. в 10 т. Т. 6: 1716-1730. Санкт-Петербург: Тип. Императорской акад. наук, 1885. 635 с.

14. Пекарский. П.П. Наука и литература в России при Петре Великом: исследование П. Пекарского. В 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: издание Товарищества «Общественная польза», 1862. 578 с.

15. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова: в 25 т. Т. 22: Чаадаев-Швитков. Санкт-Петербург: Императорское Русское историческое общество, 1905. 642 с.

16. Санкт-петербургский филиал Архива российской академии наук. Ф. 158. Оп. 1. Д. 213.

17. Санкт-петербургский филиал Архива российской академии наук. Ф. 158. Оп. 1. Д. 215.

18. Собрание писем императора Петра Первого к разным лицам с ответами на оные. Ч. 1. Санкт-Петербург: Морская тип., 1829. 343 с.

19. Собрание писем императора Петра Первого к разным лицам с ответами на оные. Ч. 2. Санкт-Петербург: Морская тип., 1829. 393 с.

20. Стасевич В.А. Как выявить книги из библиотеки Арчибальда Питена // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. ст. / Отделение историко-филологических наук РАН; отв. ред. М.Б. Свердлов. Санкт-Петербург, 2020. Т. 39. С. 32 – 54.

21. Токмаков И.Ф. Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей: вып. 1-2. Вып. 1. С.-Петербург: Издание ред. журнала «Библиограф», 1885. 17 с.

22. Токмакова Т.Н. Французская книга в частных коллекциях первой четверти XVIII века в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (17). С. 3 – 11.

23. Трачевский А.С. Государственные висельники во Франции и Петр Великий // Исторический вестник. 1888. Т. 31. № 1-3. С. 434 – 452.

24. Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории / АН СССР, Б-ка; отв. ред. С.П. Луппов. Ленинград: Наука, 1986. 252 с

25. Guerrini A. Pitcairne, Archibald (1652-1713) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. Vol. 44. P. 422 – 425.

26. Introduction à la géographie universelle ou Nouvelle méthode pour apprendre facilement & en peu de tems les élémens de cette science = Nouvelle méthode pour apprendre facilement & en peu de tems les élémens de cette science. Londres: Dunoyer, 1731. XVII, 59 p.

References

1. Archives of the Russian Academy of Sciences (ARAS). Fund 3. Op. 1. No. 64. P. 21 – 28.

2. ARAS. Fund 158. Op. 1. No. 210.

3. ARAS. Fund 158. Op. 1. No. 212.

4. ARAS. Fund 158. Op. 1. No. 225.

5. Archives of Prince F.A. Kurakin, edited by M.I. Semevsky: Archives of Prince Fyodor Alekseevich Kurakin, edited by M.I. Semevsky: Book 1-10. V. 4. St. Petersburg: V.S. Balashev Printing House, 1893. 498 p.

6. Gannibal, A.S. The Hannibals: New Data for Their Biographies. Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research: in 39 issues. Issues 17-18. St. Petersburg, 1913. P. 231 – 238.

7. Zhitin R.M., Topilsky A.G. French-Language Publications in the Structure of Bookselling Interests of Academic Bookshops of the 18th Century. Bylye Gody. 2024. 19 (1). P. 58 – 65.

8. History of the Library of the USSR Academy of Sciences. 1714-1964. Academy of Sciences of the USSR. Library. Moscow-Leningrad: Nauka, 1964. 599 p.

9. Kozlovsky I.P. Andrei Vinius, Colleague of Peter the Great: (1641-1717). St. Petersburg: printing house of the p/f "Electro-type. N. Ya. Stoykova", 1911. 79 p.

10. Luppov S.P. The Book in Russia in the First Quarter of the 18th Century. Leningrad: Nauka, 1973. 372 p.

11. Luppov S.P. The Book in Russia in the Post-Petrine Time. 1725-1740. Leningrad: Nauka, 1976. 383 p.

12. Mazin K.A. "A Window to Europe" and the Beginning of the Russian "Academic Diaspora". Novyi Istoriicheskie Vestnik. 2009. No. 4 (22). P. 5 – 14.

13. Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences. in 10 vols. Vol. 6: 1716-1730. St. Petersburg: Type of the Imperial Academy of Sciences, 1885. 635 p.

14. Pekarsky. P.P. Science and Literature in Russia under Peter the Great: A Study by P. Pekarsky. In 2 volumes. Vol. 1. St. Petersburg: Published by the "Public Benefit" Society, 1862. 578 p.

15. Russian Biographical Dictionary. Published under the supervision of the Chairman of the Imperial Russian Hist. Society A. A. Polovtsov: in 25 volumes. Vol. 22: Chaadaev-Shvitkov. St. Petersburg: Imperial Russian Historical Society, 1905. 642 p.

16. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences. F. 158. Op. 1. D. 213.

17. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences. F. 158. Op. 1. D. 215.

18. Collection of Letters of Emperor Peter the Great to Various Persons with Replies Thereto. Part 1. Saint Petersburg: Morskaya Printing House, 1829. 343 p.

19. Collection of Letters of Emperor Peter the Great to Various Persons with Replies Thereto. Part 2. Saint Petersburg: Morskaya Printing House, 1829. 393 p.

20. Stasevich V.A. How to Identify Books from the Library of Archibald Peeten. Auxiliary Historical Disciplines: Collection of Articles. Department of Historical and Philological Sciences, Russian Academy of Sciences; Ed. M.B. Sverdlov. Saint Petersburg, 2020. Vol. 39. P. 32 – 54.

21. Tokmakov I.F. Materials for the History of Russian and Foreign Bibliography in Relation to the Book Trade: Issue. 1-2. Issue 1. St. Petersburg: Published by the journal "Bibliographer", 1885. 17 p.

22. Tokmakova T.N. French books in private collections of the first quarter of the 18th century in Russia. News of higher educational institutions. Volga region. Humanities. 2011. No. 1 (17). P. 3 – 11.

23. Trachevsky A.S. State gallows in France and Peter the Great. Historical Bulletin. 1888. Vol. 31. Nos. 1-3. Pp. 434 – 452.

24. French books in Russia in the 18th century: historical essays.USSR Academy of Sciences, Library; ed. S.P. Luppov. Leningrad: Nauka, 1986. 252 p.

25. Guerrini A. Pitcairne, Archibald (1652-1713). Oxford Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. Vol. 44. P. 422 – 425.

26. Introduction à la géographie universelle ou Nouvelle méthode pour apprendre facilement & en peu de tems les élémens de cette science = Nouvelle méthode pour apprendre facilement & en peu de tems les élémens de cette science. Londres: Dunoyer, 1731. XVII, 59 p.

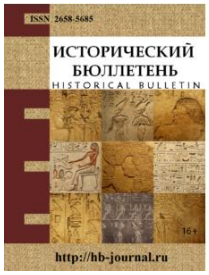
Информация об авторах

Житин Р.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-6031-6088, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, istorik08@mail.ru

Топильский А.Г., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID https://orcid.org/0000-0001-9416-1312, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, a-topil@yandex.ru

Николашин В.П., доктор исторических наук, доцент, ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-3595-8556, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, nikolashin.vadim@yandex.ru

© Житин Р.М., Топильский А.Г., Николашин В.П., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 902.01

Элементы китайской культуры в таштыкской культуре

[1] Чэнь Цзяи,
[1] Хэбэйский педагогический университет, Китай

Аннотация: таштыкская культура (II в. до н.э. – V в. н.э.) Южной Сибири демонстрирует тесные связи с культурой эпохи Хань. В погребальных обрядах таштыкцев прослеживаются элементы китайских традиций – кремация, вторичные захоронения, зерно в инвентаре. В могильнике Оглахты обнаружены китайские шелка с иероглифическими надписями и орнаментами, аналогичными образцам из Синьцзяна. Архитектурные детали «дворца Ли Лина» отражают ханьские строительные формы. Совокупность археологических данных подтверждает активное культурное взаимодействие между Китаем и Южной Сибирью, указывая на распространение элементов китайской цивилизации на северные территории через Синьцзян.

Ключевые слова: таштыкская культура, элементы китайской культуры, эпоха Хань, кремация, шёлк.,дворец Ли Лин

***Для цитирования**: Чэнь Цзяи Элементы китайской культуры в таштыкской культуре // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 51 – 58.*

Поступила в редакцию: 22 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Chinese elements in the Tashtyk culture

[1] Chen Jiayi,
[1] Hebei Normal University, China

Abstract: Tashtyk culture (2nd century BCE – 5th century CE) of Southern Siberia demonstrates close connections with the culture of the Han dynasty. Chinese traditions can be traced in the Tashtyk burial rites – cremation, secondary burials, and the inclusion of grain in grave goods. Chinese silk fabrics bearing hieroglyphic inscriptions and ornaments similar to those from Xinjiang have been discovered in the Oglakhty burial site. Architectural details of the “Li Ling Palace” reflect Han-style construction forms. The totality of archaeological evidence confirms active cultural interaction between China and Southern Siberia, indicating the spread of Chinese civilization elements northward through Xinjiang.

Keywords: Tashtyk culture, Chinese elements, Han dynasty, cremation, silk, Li Ling Palace

***For citation**: Chen Jiayi Chinese elements in the Tashtyk culture. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 51 – 58.*

The article was submitted: August 22, 2025; Approved after reviewing: October 19, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Таштыкская культура – археологическая культура Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э., расположенная вдоль Енисея в Минусинской котловине, является одним из наследников тагарской культуры и одной из важнейших культур древней Южной Сибири. Таштыкская культура, получившая своё название от реки Таштык (речки Таштык), была выделена С.А. Теплоуховым. Одной из наиболее характерных её черт является своеобразный погребальный обряд. Кремационные обряды, гипсовые маски и бюсты, деревянная скульптура, а также китайский шёлк и китайская архитектура – важные культурные явления таштыкской культуры. Таштыкская культура располагалась на восточной окраине скифо-сарматского культурного круга и выступала важным культурным узлом, связывающим степную зону с горными районами Южной Сибири, Монгольским плато и Китаем эпохи Хань. По комплексу вещей и погребальной обрядности таштыкская культура унаследовала ряд элементов ранней Тагарской культуры (Тагарская культура) и одновременно испытала многоплановое влияние скифов, сарматов, хунну и центральнокитайской культуры ханьского времени. Она сохраняла черты кочевой культуры степного бронзового – раннежелезного века, такие как верховая езда, пастушеское хозяйство и зоолатрия, и вместе с тем воспринимала новые элементы торговых культур Средней Азии, Ближнего Востока и древнего Центрального Китая. Будучи звеном в эволюции древних культур Южной Сибири, таштыкская культура характеризовалась ярко выраженной трансрегиональностью и межкультурным взаимодействием. Многие предметы из таштыкских комплексов носят элементы древнекитайской культуры – шёлк, лаковые изделия, бронзовые зеркала ханьского типа и бронзовые маски с типичными признаками древнекитайской культуры, – сходные, изоморфные либо генетически связанные, что свидетельствует о наличии обменов и взаимодействия между древнекитайской и таштыкской культурами.

Материалы и методы исследований

Основу данного исследования составляют два метода:

Во-первых, метод исследования письменных источников. На основе собранных русскоязычных материалов, прежде всего работ и археологических отчётов известных археологов, возможно детально проследить историю и динамику развития таштыкской культуры; затем с привлечением собранных китайскоязычных материалов, особенно древнекитайских письменных источников, уточняются процессы этнических изменений и взаимодействий в древности, что позволяет комплексно изучить китайские элементы в таштыкской культуре.

Во-вторых, метод сравнительного исследования: путём сопоставления предметов, найденных в комплексе таштыкской культуры, прежде всего артефактов с китайскими признаками, с аналогичными предметами древнего Китая, особенно эпохи Западной и Восточной Хань, установить, являются ли китайские элементы в таштыкских изделиях характеристиками цивилизации именно ханьского времени.

Результаты и обсуждения

I. Элементы китайской культуры в погребальной культуре

1. Формы погребения

В некрополях таштыкской культуры существовало несколько способов погребения. Первый – непосредственное захоронение тела или мумии; в археологии его обычно называют «первичным погребением». Это одно из ключевых понятий при изучении погребальной практики и означает первое, полное и систематическое помещение тела умершего в определённое место после смерти. Такое погребение, как правило, сохраняет анатомические взаиморасположения останков (т. е. порядок костей не был искусственно нарушен), что отражает исходный способ обработки тела в ходе обряда. К нему относятся прямое захоронение в грунт (напр., ямная могила, каменный ящик/саркофаг) либо помещение в пещеру, погребальную камеру и иные места с фиксированной пространственной структурой; оно может сопровождаться инвентарём, контейнерами (напр., гробом) и следами обряда (поза и ориентировка тела, покрытия и т. п.) как культурными компонентами. Исследование первичных погребений позволяет археологам рассматривать представления древних коллективов о жизни и смерти, социальную стратификацию, религиозные верования, способы санитарной обработки и аспекты коллективной памяти.

Второй способ – противопоставляемое ему вторичное погребение. В археологии вторичное погребение – это форма погребальной обрядности, при которой после первоначального захоронения останки подвергаются повторной обработке и повторному помещению. Вторичное (или повторное) погребение означает, что после первичного захоронения, экспонирования, кремации либо по истечении определённого времени и произошедших изменений человеческие кости вновь собираются и повторно размещаются в могиле либо ином ме-

сте. Эта форма характерна для ряда культурных традиций и обладает специфическим религиозным или социальным значением. Признаки вторичного погребения включают: кости часто упорядочиваются, раскладываются, складываются в куче или помещаются в контейнер; иногда сопровождаются обжигом, омовением, соскабливанием костей; расположение или тип могилы могут отличаться от первичного погребения; нередко отражаются обычаи почитания предков, верования в душу или практики коллективных захоронений.

Третий способ – кремация. В археологии «кремация» обозначает форму погребального обряда, ключевой признак которой состоит в сожжении тела умершего до состояния золы. Это практика, при которой труп подвергается воздействию огня и превращается в пепел; она широко засвидетельствована в культурах разных регионов мира и в различные исторические периоды. Археологические следы кремации обычно включают обугленные человеческие кости, золу, кремационные ямы и кострища, урны (или сосуды) с прахом и т.п. Анализ кремационных комплексов позволяет исследовать погребальные представления, религиозные верования, социальную организацию и технологические приёмы соответствующих сообществ. Кремация может быть первичной (непосредственное сожжение тела) либо вторичной (предварительное экспонирование или трупоположение с последующим извлечением костей и их сожжением) и нередко сопровождается инвентарём или особыми ритуальными действиями.

Могилы таштыкской культуры представлены преимущественно двумя типами погребальных сооружений – грунтовыми и каменными (камерными) могилами; при этом в обоих типах фиксируются следы кремации. Относительно происхождения кремационного обряда. В литературе наиболее распространенными являются три точки зрения: от автохтонной культуры; от миграционной культуры; от комплексной культуры. Сторонники автохтонной концепции полагают, что кремация возникла в скифское время в среднем течении Енисея; согласно миграционной концепции, кремационный обряд был заимствован Минусинской котловиной извне; синтетическая концепция связывает происхождение кремации с переселением населения из Синьцзяна (Китай, где имеет связь с тагарской культурой) [5]. Согласно синтетической концепции, в кремационном обряде таштыкской погребальной культуры могли присутствовать отдельные элементы влияния кремационной традиции китайского Синьцзяна.

Кремация в срединных районах Китая эпохи Хань не была распространена; она в основном существовала на пограничных территориях и в зонах влияния иноземных религий (буддизма). Относительно явления кремации имеются упоминания уже в древних источниках. Так, в сочинении эпохи Чжаньго «Мо-цзы. Цзе цзан (нижняя часть)» описали, что к западу от государства Цинь существовало государство под названием Ицюй (Ицюй, являлось важной ветвью западных жунов и самым сильным из восьми государств западных жунов), где люди, когда умирали их родственники, складывали хворост и сжигали тела. Когда пламя вздымалось вверх, они называли это «дэн ся» (то есть вознесение души на небо). Лишь поступив так, человека считали сыном, проявившим сыновнюю почтительность. Это свидетельствует о существовании кремационного обряда уже со времени периода Чжаньго (Воюющих царств).

В книге «Хоу Хань Шу» (История Поздней Хань) однозначно зафиксировано, что у племенных объединений народов на юго-западной окраине ханьского государства также существовал обычай сжигать тела умерших. Одновременно в I в. н. э. с проникновением буддизма была принесена идея «кремации», и огненное погребение постепенно стало распространяться; ранние формы «реликвии после кремации»(шэли) и «погребение в ступах »(тацзан))также начали практиковаться среди части монашествующих. Однако письменные свидетельства о буддийской кремации сравнительно поздние и оформились лишь в эпоху Вэй, Цзинь и Южных и Северных династий. Например, «Гао сэн чжуань » (соч. Хуэйцзяо, эпоха Лян) фиксирует несколько случаев кремации выдающихся монахов после их кончины.

В настоящее время понимание ранних кремационных практик опирается преимущественно на археологические находки, такие как выявленные в Синьцзяне, Юньнани и Сычуани кремационные комплексы. В области Синьцзяна, именовавшейся в древности Западным краем (Сиюй), археологические данные фиксируют существование кремации уже со времён бронзового века; высокая степень сходства между кремационным обрядом Синьцзяна и обрядом таштыкской культуры дополнительно подтверждает обоснованность синтетической теории происхождения. Во-первых, это касается способов кремации: в Синьцзяне различаются внутримогильная и внегробничная кремация. Внутримогильная кремация предполагает прямое сожжение тела в погребальной камере, тогда как внегробничная означает кремацию вне камеры с последующим сбором крупных фрагментов костей для захоронения. В таштыкской культуре на тепсейском этапе в Маринском степном районе были широко представлены как внутримогильное,

так и внегробничное сожжение останков [4]. Одно отличие состоит в том, что население таштыкской культуры помещало прах после кремации в различные сосуды для последующего захоронения.

Во-вторых, это вторичное погребение (или вторичное захоронение): как в кремационных могилах Синьцзяна, так и в погребальной культуре таштыкцев существовал обычай вторичных захоронений. Вторичное погребение является одной из наиболее распространённых форм для ранних кремационных могил Синьцзяна; под ним понимается такой способ, при котором умерший сначала подвергается первичному захоронению, после разложения мягких тканей основные кости извлекаются и перезахораниваются в другом месте либо вынимаются для повторного совместного захоронения с другими лицами [2]. Способ вторичного захоронения человеческих останков в таштыкской культуре согласуется со способом вторичных погребений в Синьцзяне. Например, Э.Б. Вадецкая обнаружила на некрополе, что кости при вторичном погребении аккуратно и по определённым правилам укладывались, а также обёртывались в плотные упаковочные материалы; одной из особенностей синьцзянских вторичных захоронений является повторное упорядочивание костей по определённой схеме либо их обёртывание войлоком и тканями с последующим повторным захоронением. Кроме того, в обоих случаях череп занимает важное место: в синьцзянских вторичных погребениях череп относится к главным извлекаемым костям, тогда как в таштыкских вторичных погребениях череп размещается отдельно.

В-третьих, человеческие жертвоприношения и погребения с сопровождающими (жертвенными) лицами. В археологии под человеческими жертвоприношениями понимается практика, при которой в древних культурах или в рамках определённого социального контекста живые люди выступали объектами жертвоприношения или сопогребения – для почитания божеств, предков либо с целью сопутствовать умершему; её наличие подтверждается и анализируется по распределению человеческих останков, структуре погребений и сопутствующим культурным материалам при раскопках. И в кремационных погребениях Синьцзяна, и в таштыкских могильниках фиксируется явление человеческих жертвоприношений, причём позы размещения останков также обнаруживают сходство. На кладбище Сянбаобао на Памирском плато Синьцзяна выявлены кремационные погребения с жертвенными людьми: в погребальной камере обнаружены фрагментированные конечности – рабы, расчленённые для сопогребения, а также детские захоронения жертвенного характера. Кроме того, в одном из памирских погребений выявлена камера с насильственно погребённой заживо рабыней, тело которой находилось в неестественном положении [11]. Наиболее ранняя фиксация явления человеческих жертв в таштыкских погребениях принадлежит Л.Р. Кызласову: при исследовании таштыкской гробницы № 2 памятника Изых (Изыхский чаа-тас) была обнаружена женская особь с беспорядочно разбросанными костями; эти останки были интерпретированы как жертвенная рабыня. Э.Б. Вадецкая указывает, что в гробнице № 2 на Сабинке, раскопанной Д.Г. Савиновым, зафиксировано явление человеческих жертвоприношений: множественные расчленённые останки, размещённые в неестественных позах; всё это – погребения жертвенного характера [1]. Кроме того, в рамках ритуалов жители таштыкской культуры обычно приносили в жертву быков, лошадей и овец; в кремационных могилах Синьцзяна также существовал обычай сопогребения животных, преимущественно быков, лошадей и овец.

В совокупности обряды кремации, вторичных захоронений и человеческих жертв в погребальной практике таштыкской культуры демонстрируют высокую степень соответствия аналогичным явлениям в Синьцзяне Китая. Этот комплекс культурных совпадений служит веским подтверждением «синтетической теории происхождения» и указывает на то, что в ходе своего развития таштыкская культура, с большой вероятностью, восприняла погребальные представления и ритуальные традиции, происходящие из китайского Синьцзяна.

2. Погребальные обычаи – зерно в составе погребального инвентаря

В древних погребальных обычаях существовала практика вкладывания зерна в могилу; под этим понимается помещение в захоронение сельскохозяйственных культур (например, проса, чумизы, риса, пшеницы, бобовых) в качестве «пищи потустороннего мира» для умершего либо как символического средства жизнеобеспечения, что отражает верования «служить умершим как живым» и в существование души после смерти. Относительно данной практики в древнекитайских письменных источниках имеются соответствующие свидетельства. В «И ли. Ши сан ли» («Книга этикета и церемоний. Погребальные обряды для служилого человека) упоминается подготовка к захоронению жареного проса и чумизы. А согласно «Хоу Хань Шу» (История Поздней Хань), в погребальной системе эпохи Хань в качестве сопогребального зерна использовались восемь различных видов сельскохозяйственных культур. Зерновые, обнаруженные при археологических раскопках ханьских могил, также подтверждают существование традиции

вкладывания зерна в погребения. В погребениях эпох Западной и Восточной Хань в районе Сианя из керамических зернохранилищ извлечены остатки нескольких видов зерновых культур. Зернохранилища для запасов продовольствия являлись типичными сопогребальными предметами в ханьских захоронениях. Поскольку настоящие амбары были слишком велики, их изготавливали как керамические минци, помещая внутрь зерно [9]. На этом основании как письменные источники, так и археологические находки показывают, что уже в ханьскую эпоху вложение зерна в погребения стало одним из обычаев древнекитайского погребального ритуала. В могильниках таштыкской культуры Оглахты, Салбык и Комарков под головой умерших обнаружено множество зёрен проса; А.В. Адрианов считал, что это китайское просо [1]. Хотя их назначение не было разъяснено, это позволяет предположить, что в погребальной культуре таштыкцев мог существовать обычай вкладывания зерна в могилы. Таким образом, исходя из типичной для ханьской эпохи практики вложения зерна в погребения, из обнаруженного в таштыкских могилах проса (возможно, китайского проса), а также с учётом частичного временного совпадения (таштыкская культура: II в. до н.э. – V в. н.э.; две Хань: II в. до н.э. – II в. н.э.), можно предположить, что данный погребальный обычай таштыкской культуры – сопровождение захоронений зерном – мог находиться под влиянием Китая ханьского периода.

В издании «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии» отмечается, что в древнем Китае было широко распространено представление о связи проса (粟, «мелкое просо») с душами умерших. Во всём Северном Китае на раннем этапе праздника Цинмин существовал обычай почитания проса и конопли: стебли проса размещали у входных дверей, у очага, перед домашним алтарём; снопы проса клали у главных ворот, раскладывали на семейных кладбищах либо сжигали иным образом. В китайских народных преданиях умершие, возвращаясь в объятия Матери-Земли, оберегают семена новой жизни. Э.Б. Вадецкая, в свою очередь, указывает, что обычай таштыкцев помещать в погребения стебли проса может быть объяснён межцивилизационными контактами [1].

В целом обычай вкладывания зерна в погребения в таштыкской культуре в значительной мере соответствует погребальным практикам эпохи Хань, что наглядно свидетельствует о присутствии в таштыкской культуре ханьских элементов и косвенно указывает на интенсивные цивилизационные контакты местного населения таштыкского времени с древним Китаем, особенно с Китаем ханьской эпохи.

3. Погребальные одежды – шёлк

В древности шёлк представлял собой преимущественно текстиль из нити шелкопряда и происходил из Китая. Шёлк был специфически китайским продуктом; китайский шёлк – драгоценное достояние традиционной культуры и ремесла Китая, с многовековой историей, восходящей к неолиту, с изящными образцами и уникальными технологиями, пользующееся всемирной славой. Согласно преданию о происхождении шёлка, первая супруга Хуан-ди, Лэйцзу, изобрела способы разведения тутового шелкопряда и выращивания шелковицы, а также техники сматывания нити и ткачества; с того времени в древнем Китае появился шёлк. В древности шёлк символизировал социальный статус и материальное благосостояние; его использование также носило сословный характер. В китайской культуре шёлк означал не только материал для изготовления одежды; в древности он был прерогативой знати и состоятельных людей, мог использоваться как высококачественная валюта и одновременно являлся важным предметом заморской торговли. В могильниках эпохи таштыкской культуры обнаружено множество шелковых тканей; особенно шёлк из некрополя Оглахты сходен с шёлком, найденным в Синьцзяне (Китай), прежде всего из ханьских погребений.

Оглахтинский могильник, расположенный на левом берегу Енисея в Минусинской котловине, относится к раннему этапу таштыкской культуры. Шёлковые ткани, найденные в этом могильнике, по ряду признаков сходны с шёлком, обнаруженным в погребениях Синьцзяна (Китай). Особого внимания заслуживает то, что на четырёх фрагментах шёлковой ткани, служившей окаёмкой колчана, обнаружены китайские иероглифы, включая «deng gao» （дэн гао, 登高), «gao ming» (гао мин, 高明), «shou wei» (шоу вэй, 寿为) и «deng» (дэн, 登) [7]. Находки этих фрагментов шёлковых тканей с китайскими иероглифами дополнительно подтверждают наличие в могильнике Оглахты текстиля, выполненного в китайской шелковой манере. Многоцветные шёлка из погребения № 4 могильника Оглахты изготовлены в сложной технике лицевого составного полотняного переплетения; такие ткани в китайской терминологии относятся к разряду «цзинь». Кроме того, большинство многоцветных шёлковых тканей из погребения № 4 Оглахты обнаруживает многочисленные сходства с частью шёлков из памятников южной части Таримской впадины в Синьцзяне.

Так, упомянутые выше фрагменты окаёмки колчана с иероглифами «дэн гао»(登高), «гао мин»(高明) соответствуют аналогичным надписям на шёлках из Лоуланя в Таримской впадине; ещё более близкими к оглахтинским изделиям являются шёлка типа «дэн гао», найденные на памятнике Иньпань в уезде Юйли и датируемые ханьско-цзиньским временем: сходны как орнаментальные мотивы вокруг иероглифов, так и общая цветовая гамма (при неидентичности отдельных цветовых сочетаний).

В могильнике Оглахты шёлк выполнял различные функции: им покрывали поверхность тела, обёртывали головы антропоморфных фигур, использовали как украшение для кос и в качестве окаёмки колчанов. Эти способы применения шёлка во многом коррелируют с практиками использования шёлка в ханьских погребениях Синьцзяна. Так, в ряде синьцзянских некрополей зафиксированы тела, покрытые шёлковыми тканями, – соответствующие археологические следы и находки обнаружены, например, на могильниках Сяохэ, Гумугу, Иньпань и на памятнике Ния. По хронологическим данным, подобный погребальный обычай – покрывать тело шёлком – существовал в Синьцзяне уже в поздний бронзовый век.

В могильнике Оглахты также обнаружены трёхцветные ткани, украшенные лентами с облачным и завитковым орнаментом; на облачных лентах изображены различные звери, а между фигурами животных в ткань вплетены китайские иероглифические надписи, одна из которых сохранилась сравнительно полно: «Годы ваши да продлятся, пусть ваше долголетие увеличится, пусть будут сыновья и внуки». По рисунку, иероглифам и их смыслу они во многом сходны с восточноханьской , найденной в Лоулане у Жоцяна (Синьцзян): между облачными завитками также чередуются изображения животных, символизирующие благополучие и долголетие. Согласно китайским источникам, во многих ханьских парчах вплетены надписи; многочисленные образцы парчи с иными орнаментами также несут тексты с благопожеланиями продления жизни и процветания потомства [6]. Очевидно, что шёлковые ткани из могильника Оглахты с надписями о долголетии, «дэн гао» и т. п. имеют тесную связь с ханьскими образцами парчи.

Таким образом, многие особенности шёлковых тканей из могильного комплекса Оглахты таштыкской культуры во многом сходны с шёлками, обнаруженными на памятниках Синьцзяна, особенно в ханьских погребениях, – как по иероглифическим надписям на шёлке, так и по орнаменту и колористическому строю. Ещё важнее то, что китайский шёлк очень рано начал распространяться за пределы Китая различными каналами. Во II в. до н. э. император Хань У-ди, стремясь заручиться поддержкой ряда малых государств к западу от Памирского плато и в долине реки Или для совместных действий против хунну, часто тревоживших северные рубежи Хань, дважды направлял Чжан Цяня для первоначального установления контактов с Западным краем, что связало местные власти Средней и Передней Азии с ханьским двором. Проходившая через современную территорию Синьцзяна коммуникация, соединявшая Чанъань с прибрежными районами Средиземноморья, тогда делилась на южную и северную трассы; после этого китайско-западная торговля шёлком стала ещё более интенсивной, а ареал торговли расширился от Синьцзяна и Западного края до заморских территорий. Китайский шёлк обнаружен в Южной Сибири России, на берегах Байкала и в монгольском Нойне-Уле. Некоторые исследователи даже указывают, что «китайские фрагменты шёлка из оглахтинского могильника первоначально обращались на территории современного Синьцзяна, где были переработаны на месте, а затем лишь попали в среднее течение Енисея» [7]. Всё это как раз и свидетельствует о высокой вероятности того, что шёлк, обнаруженный преимущественно в оглахтинских погребениях таштыкского времени, был принесён из древнего Китая по «Шёлковому пути».

II. Китайский дворец таштыкского времени – дворец Ли Лин

Расположенный в окрестностях Абакана обнаружилидворцовый комплекс, С.В. Киселёв в своей работе обозначил как «дворец Ли Лин»; следовательно, по его реконструкции данный китайский дворец является домом Ли Лина. С.В. Киселёв считает, что на основании анализа артефактов, обнаруженных при раскопках архитектурного комплекса, время его создания относится к эпохе Хань, то есть периоду таштыкской культуры. Во всём облике дворца отчётливо проявляются элементы китайской культуры. Прежде всего, это касается композиции: вокруг центрального помещения обнаружена кровельная черепица с торцовыми дисками желобчатой черепицы (瓦当), что позволило С.В. Киселёву предположить, что здание имело китайскую четырёхскатную (вальмовую) крышу, а весь комплекс представлял собой типичную для Китая планировочную схему четырёхстороннего двора (四合院) – квадратное в плане строение с доминирующим центральным помещением и фланкирующими его восточным и западным корпусами.

Во-вторых, архитектурный элемент – торцовые диски желобчатой черепицы (瓦当). Торцовые диски желобчатой черепицы – небольшой декоративный элемент на карнизе древнекитайских построек, то есть свисающая торцевая часть тубусной черепицы; его функция – защищать концы стропил карниза от воздействия дождя и ветра, а также украшать здание. На найденных здесь торцовые диски желобчатой черепицы имеются иероглифические надписи; одну из плиток академик В.М. Алексеев перевёл так: «Сыну Неба (то есть императору) – десять тысяч лет мира, а той, которой мы желаем (то есть императрице), – тысячу осеней радости без горя» [3]. Для ханьского времени как раз характерны надписные торцовые диски желобчатой черепицы; тексты на них в большинстве своём представляют собой благопожелательные формулы. Эти торцовые диски желобчатой черепицы с надписями чрезвычайно близки к надписным плиткам периода Цинь (в 3 веке до новой эры) и Хань найденным в провинции Шэньси; там также обнаружены черепицы с формулами «Тысяча осеней и десять тысяч лет», «с Небой» и т.п. [10]. Это вновь подтверждает атрибуцию дворца ханьским временем.

Кроме того, небольшой флакон из хотанского нефрита и меч с кольцевым навершием, обнаруженные на близлежащем поселении-усадьбе, относятся к эпохе династии Хань. В то же время меч с кольцевым навершием и бронзовая дверная ручка, найденные при раскопках данного дворца, сходны с мечом с кольцевым навершием и бронзовыми масками из Люшунькоу, Лаотешань (г. Далянь, пров. Ляонин), однако бронзовые маски этого региона представляют собой переработку и творческое переосмысление китайских элементов [3].

Кроме того, согласно «Исторические записки (Ши цзи)», из сведений о Ли Лине следует, что в 99 году до н.э.(период правления Хань У-ди) Ли Лин во главе пяти тысяч пехотинцев выступил из Цзюйаня и продвинулся к северу более чем на тысячу ли с целью рассредоточить силы хунну, однако на обратном пути попал в их засаду и понёс тяжёлые потери убитыми и ранеными; впоследствии из-за исчерпания продовольствия и отсутствия подкреплений он в конечном итоге сдался шаньюю. После этого шаньюй выдал свою дочь за Ли Лина замуж и даровал ему высокое положение [8]. Следовательно, вследствие перехода Ли Лина на сторону хунну можно предполагать, что в этот период ханьские элементы с высокой вероятностью проникали в Южную Сибирь.

В целом дворцовая постройка эпохи Хань, возведённая в таштыкский период, насыщена китайскими элементами и стилем эпохи Хань: как планировка и способы строительства, так и обнаруженные артефакты обладают типичными ханьскими признаками. Это подтверждает о том, что некоторые китайцы были здесь вместе с другими кочевыми народами в таштыкский период, или, иначе говоря, свидетельствует о том, что ханьская культура взаимодействовала с другими культурами.

Выводы

Из изложенного следует, что таштыкская культура свидетельствует о том, что элементы китайской культуры тоже отмечаются в данной культуре. Её погребальные обычаи и традиции сопроводительного инвентаря тесно связаны с погребальной культурой эпохи Хань и, вероятно, восходят к единой культурной системе. Вещественные свидетельства – цветные шелка и китайские иероглифы на шелковых тканях, обнаруженные на таштыкских некрополях, – ясно запечатлели следы китайской цивилизации. Архитектурные детали из раскопок дворцового комплекса Лилина, такие как черепичные торцевики с китайскими иероглифами и бронзовые дверные накладки-«пушоу», обладают ярко выраженными ханьскими культурными признаками и ещё более наглядно отражают глубокое воздействие ханьской культуры в данном регионе. Китайские элементы, зафиксированные в таштыкской культуре, не только свидетельствуют об обменах и взаимном заимствовании между цивилизациями Китая в эпоху Хань и Южной Сибири, но и показывают, что кроме культур других народов, древнекитайская культура оказывала и свое влияние.

Список источников

1. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. С. 87, 191 – 192.

2. Ван Илинь Исследование доисторических кремационных могил Синьцзяна // Исследования Западного края. 2022. № 2. С. 89 – 98, 171.

3. Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 9. С. 268, 270.

4. Корнеева Ю.С. Погребальный обряд населения таштыкской культуры: типология и локальные варианты для склепов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. С. 164 – 174.

5. Корнеева Ю.С. О происхождении и семантике погребальных масок таштыкской культуры // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 95 – 99.

6. Кун D., Чжао Фэн, Цюй Чжижэнь и др. Китайское искусство шёлка. Пекин: Изд-во иностр. лит.; Нью-Хейвен: Изд-во Йельского ун-та, 2012. С. 152 – 157.

7. Панкова С.В., Миколайчук Е.А. Китайские шелковые ткани из Оглахтинского могильника (раскопки 1969 года) // Искусство древнего текстиля: методы изучения, сохранность, реконструкция: сб. материалов. Москва, 2010. С. 108 – 141.

8. Сыма Цянь «Исторические записки (Ши цзи)»:Биография генерала Ли» // Ши цзи: выверенное и исправленное издание «Двадцати четырёх историй». Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2014. Цз. 109.

9. Чжао Чжицзюнь Идентификация и анализ растительных остатков из керамических зернохранилищ, обнаруженных в погребениях двух ханьских династий района Сианя // Институт охраны памятников и археологии г. Сианя (сост.). Погребения эпохи Восточной Хань в Сиане. Пекин: Вэньу, 2009. С. 1077 – 1088.

10. Шэнь Юнъянь Исследование древнекитайских торцовых дисков желобчатой черепицы: дис. … канд. искусствоведения. Аспирантура Академии общественных наук КНР, 2002. С. 39 – 89.

11. Юань Мэнцзэ Предварительный анализ явления древней кремации в Синьцзяне: дис. … канд. ист. наук. Центральный университет национальностей, 2012.С. 1 – 48.

References

1. Vadetskaya E.B. Tashtyk era in the ancient history of Siberia. SPb., 1999. Pp. 87, 191 – 192.

2. Wang Yilin. Study of prehistoric cremation graves of Xinjiang. Studies of the Western Region. 2022. No. 2. P. 89 – 98, 171.

3. Kiselev S.V. Ancient history of Southern Siberiaю Materials and research on archeology of the USSR. 1949. No. 9. Pp. 268, 270.

4. Korneeva Yu.S. Funeral rite of the Tashtyk culture population: typology and local variants for crypts. Bulletin of NSU. Series: History, Philology. 2009. P. 164 – 174.

5. Korneeva Yu.S. On the Origin and Semantics of Funeral Masks of the Tashtyk Culture. Almanac of Modern Science and Education. Tambov: Gramota, 2009. No. 1 (20): in 2 parts. Part II. P. 95 – 99.

6. Kun D., Zhao Feng, Qu Zhizhen, et al. Chinese Silk Art. Beijing: Foreign Literature Publishing House; New Haven: Yale University Press, 2012. P. 152 – 157.

7. Pankova S.V., Mikolaichuk E.A. Chinese Silk Fabrics from the Oglakhtinsky Burial Ground (Excavations of 1969). Ancient Textile Art: Study Methods, Preservation, Reconstruction: Collection of Materials. Moscow, 2010. P. 108 – 141.

8. Sima Qian “Historical Records (Shi ji): Biography of General Li”. Shi ji: Revised and Corrected Edition of the “Twenty-four Histories”. Beijing: Zhonghua shuju, 2014. Sec. 109.

9. Zhao Zhijun Identification and Analysis of Plant Remains from Ceramic Granaries Discovered in the Tombs of Two Han Dynasties in the Xi’an Area. Xi’an Institute of Monument Protection and Archaeology (compiled). Eastern Han Tombs in Xi’an. Beijing: Wenwu, 2009. P. 1077 – 1088.

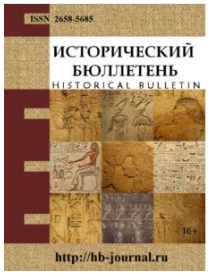
10. Shen Yongyan A Study of Ancient Chinese End Discs of Grooved Roof Tiles: Diss. … Cand. of Art History. Postgraduate Program of the Chinese Academy of Social Sciences, 2002. P. 39 – 89.

11. Yuan Mengze Preliminary Analysis of the Phenomenon of Ancient Cremation in Xinjiang: Diss. … Cand. Sci. (Hist.). Central University for Nationalities, 2012. P. 1 – 48.

Информация об авторе

Чэнь Цзяи, Хэбэйский педагогический университет, Китай

© Чэнь Цзяи, 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 908

Социально-экономические изменения у эвенков в советское время

[1] Атласова С.С.,
[1] Емельянов Р.И.,
[1] Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Аннотация: эвенки – коренные малочисленные народы Севера РФ. Цель данной публикации осветить основные социально-экономические преобразования в жизни эвенков Якутии в советский период. В жизни коренных народов Севера в советское время произошли многие кардинальные перемены, такие как переход от традиционного кочевого образа к оседлому. В ходе подготовки статьи были исследованы архивные материалы, обработаны статистические данные, изучены имеющиеся научные публикации. В результате проделанной работы отчетливо видно, что советская эпоха наложила очень большой отпечаток на весь дальнейший путь развития эвенкийского народа.

Ключевые слова. тунгусы, эвенки, советский период, социально-экономическое, оленеводство, охота, Якутия

***Для цитирования**: Атласова С.С., Емельянов Р.И. Социально-экономические изменения у эвенков в советское время // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 59 – 63.*

Поступила в редакцию: 23 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Socio-economic changes among the Evenks during the Soviet period

[1] Atlasova S.S.,
[1] Yemelyanov R.I.,
[1] North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov

Abstract: the Evenks are an indigenous people of the North in the Russian Federation with a small population. This paper aims to highlight the major socio-economic transformations that occurred in the life of Evenks in Yakutia during the Soviet period.

During this time, significant changes took place in the lives of indigenous peoples in the North, including the transition from a nomadic to a settled lifestyle. Archival materials, statistical data, and available academic publications were reviewed to prepare this paper. The results show that the Soviet era had a significant impact on the subsequent development of the Evenki people.

Keywords: Tungus, Evenks, Soviet period, socio-economic, reindeer husbandry, hunting, Yakutia

***For citation**: Atlasova S.S., Yemelyanov R.I. Socio-economic changes among the Evenks during the Soviet period. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 59 – 63.*

The article was submitted: August 23, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

С первых дней СССР начались существенные перемены в жизни коренных народов Севера, которые актуальны для изучения до сих пор.

Наибольший интерес для изучения эвенков всегда вызывает их самобытная культура. Эвенками интересовались многие видные дореволюционные ученые такие, как И.И. Майнов, В.И. Иохельсон, В.Л. Серошевский, М.К. Патканов и др. В советское время По итогам этнографической экспедиции была издана книга С.И. Николаева про эвенов и эвенков Юго-Восточной Якутии [1]. Отдельным страницам истории эвенков Якутии, посвящены кандидатские диссертации С.С.Атласовой и И.И. Винокурова [2,3]. За последнюю пятилетку имеются различные публикации. В той или иной форме интересующие нас вопросы затрагиваются в разных по тематике научных работах этнографического, демографического, экономического или социологического характера. Все исследователи сходятся во мнении, что в советское время произошли значительные культурные преобразования в жизни эвенков, но много реформ было и социально-экономического плана. Солидарны все и в том, что существенные изменения в жизни эвенков начались после гражданской войны.

Материалы и методы исследований

Методологическую базу работы составляют общие принципы и подходы к историческим исследованиям. В статье использованы архивные документы и публикации советского периода. Основной использованный материал изучен в фондах Национального архива Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)) и его филиала (ФНА РС(Я)), в которых выявлены сведения по различным вопросам социально-экономического развития эвенков Якутии. Большую ценность представляют протоколы партийных собраний, пленумов, кроме того описания экономического состояния округов и районов, сведения о численности населения, отчеты районных органов власти. Привлечены различные опубликованные источники, как статистические сборники, законодательные акты, тематические сборники и отчеты. Из периодической печати использован материал газеты “Алданский рабочий”.

Результаты и обсуждения

В обществе существовали различные мнения по поводу проводимой политики, тем не менее перевес получил вывод о бесперспективности кочевания. Доктор политических наук Ю.Д. Петров писал, что обсуждались различные варианты территориального устройства малых народов Севера, но возможными считались два варианта: первый – «резервации» или американский тип, а второй - создание национальных районов [4]. Повсеместно по стране началось формирование национальных районов, с переходом на оседлость. В 1924 г. был образован Комитет Содействия народностям северных окраин России, а в 1925 г. создан Якутский Комитет Севера, председателем последнего был П.А. Ойунский, известный советский общественный деятель [5]. В эти годы эвенки были отнесены к отдельной социальной категории «малые народы Севера».

С первых лет советской власти началась широкомасштабная государственная политика перевода кочующего населения на оседлость. Кочевание стало рассматриваться как неэффективная форма ведения хозяйства. Государством принимались различные меры стимулирования перехода на оседлость. В 1928 г. СНК ЯАССР издал постановление “О размерах и сроках кредитования хозяйств малых туземных народностей, переходящих на оседлость”, согласно которому на одно хозяйство предоставлялся кредит в размере 1 000 руб. [6]. Около 50 % выдаваемой ссуды являлось безвозвратной, и 50% – долгосрочным кредитом. Уплату кредитов предполагалось взимать с третьего года оседлости в течение последующих 7 лет: первые три года – 10%, вторые два года – 15% и остальные в два года – по 20%. Кредитование производилось через сельскохозяйственные товарищества.

В 1929-1930 гг. на устройство земельных территорий, 50 оседающих хозяйств было запланировано направить 18 000 руб. С 1932-1937 гг. на мероприятия по оседанию было затрачено по Якутии 598 269 руб., в том числе из госбюджета 488 569 руб [6]. Постепенно, но все коренные малые народы Севера стали переходить на оседлость. В местах проживания эвенков открывались школы, больницы, библиотеки, клубы. С 1931 года начали издавать литературу на эвенкийском языке. Нововведения отразились на подрастающем поколении, которое отвыкало от традиционного кочевого образа жизни.

До 1931 г. эвенки были широко известны как тунгусы. Александр Сергеевич Пушкин в 1836 г. писал в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…», что о нём будут помнить и гордый внук славян, и финн, и тунгус, и калмык. Но все же советское правительство приняло решение официально ввести в оборот этноним эвенки в отношении тунгусов, который основывался на самоназвании отдельных его групп.

Изменилось в советское время и отношение к охоте. Охотничий промысел исконный вид деятельности коренных народов Севера стал контро-

лироваться. Охота стала регламентироваться, организовывались охотничьи и охотничье-транспортные артели [7]. В первую очередь, в состав артели принимались бедняки. По принятому положению артелей предусматривалось объединение в них не менее пяти членов. Только по одному наслегу Томмотского района Якутии насчитывалось 114 охотников, которые охотились на более чем 18 910 кв. км. Вступительный взнос оплачивался в размере 2 руб. с паевым взносом по 10 руб.; для батраков и кумаланов, 15 руб. с бедняков и по 30 руб. с середняков. Кроме этого, в 1920-30-х гг. впервые перед охотниками были установлены нормативы.

Большую роль в выполнении плановых заданий играли социалистические соревнования по пушнозаготовкам у охотников. Пушнина была основной формой вклада коренных народов Севера в победу в Великой Отечественной войне. В 1941-1945 гг. пушнина была важным источником пополнения валютного фонда страны. С целью повышения производительности и эффективности труда охотники-промысловики в помощь фронту собственноручно обрабатывали добытое сырье на теплые вещи бойцам действующей армии. В результате развернувшейся трудовой инициативы в годы войны, к 1943 г. только один Тимптонский район выполнил план на 218,2%, а Томмотский – на 137,8% [8]. Охотники сдавали по несколько норм добычи. Вместе с тем в отдельных местностях отмечались сбои в работе. Так не справились с планом в 1943 г. в Аллах-Юньском и Учурском районах, об этом писали в газете «Алданский рабочий» [9]. Причину этого работники районных управлений видели в отсутствии должного “большевистского” контроля за проведением заготовок. Трудности были из-за мобилизации на фронт охотников-промысловиков. Эвенки впервые в отечественной истории были призваны в армию и участвовали в масштабных военных сражениях.

После войны возвращение к мирной жизни было очень трудным. В послевоенные годы ухудшились показатели оленеводства, которое было традиционным видом деятельности эвенков Якутии [10]. Так, в Алданском районе в 1946 г. в колхозах 82,5% прироста стада ушло в непроизводительные расходы. В Тимптонском районе эти данные составили 68,4%. Снижение поголовья общественного оленеводства в колхозах Аллах-Юньского района с 1 469 до 1 141 голов или на 22,4 %, Томмотском – с 2 114 до 1 846 или на 8,4 %; Учурском – с 1 293 до 1 158 голов или на 10,5 %. В колхозах Томмотского района непроизводительные отходы оленей не покрывались даже новым приплодом тугутов по стаду и составляли ко всему приходу оленей 131,1 %, в Аллах-Юньском – 110,7 % и в Учурском – 101,7 %. Погибало больше оленей, чем ежегодный приплод тугутов. Объяснить это можно тем, что в годы войны было истощение и потеря хороших стадных воспроизводителей.

В советское время на территориях проживания эвенков развернулась широкомасштабное промышленное строительство. Однако при развитии промышленности отмечалось сокращение площади сельскохозяйственных угодий [11]. Уменьшение земельных угодий приводило к истощению используемых сельским хозяйством местностей, что сказывалось на качественном росте поголовья оленей. Шло уничтожение массивов ягельников, являющихся основным кормом оленей и пастбища углублялись всё дальше в непроходимые территории. Когда промышленные объекты занимали пастбищные угодья, оленеводы были вынуждены изменять маршруты кочевий. В результате около 80 % общего количества оленей эвенков рассредоточилось в горно-таежной зоне. Эвенки были вынуждены модернизировать технологию содержания оленей, применяя огороженные пастбища.

В советское время начались трудности обеспечения оленеводства молодыми кадрами. Малая заинтересованность молодежи, выросшей в отрыве от кочевых условий жизни оленеводов, а также техническая отсталость отрасли привели к падению престижа профессии оленевода. Оленеводческое хозяйство советского времени сохраняло почти все традиционные методы ведения работы, за исключением применяемых в быту некоторых технических новшеств, таких как рация и радио.

По данным Института экономики комплексного освоения природных ресурсов Севера и Дальневосточного комплексного НИИ СССР, в социологических опросах 1970-х среди эвенков как бесперспективные были охарактеризованы оленеводство – 27,1% и охотничий промысел – 31,2 % [12]. Из эвенков более 20,8% не знали, что ответить о будущем оленеводства, и 15,7% – об охотничьем промысле. В результате, 51,1% опрошенных считали дальнейшую судьбу оленеводства малоперспективной, а 52,1% – охоту. Среди работающих в традиционной сфере почти каждый второй по республике эвенк или 46% пытались сменить работу в поздний советский период. Около 59% всех опрошенных утверждали, что не пойдут работать в оленеводство ни при каких обстоятельствах. Кроме того, желание сменить место жительства выражали 18% эвенков. В годы СССР возникла ситуация, когда традиционные отрасли столкнулись с проблемой кадрового обеспечения. При этом у оленеводов и охотников по сравнению с другими

категориями работников совхозов заработная плата была несколько выше. За 1985 г. при среднемесячной заработной платы работников совхозов 320 руб., у оленеводов она составляла – 425 руб.[13].

В годы перестройки коренные малочисленные народы начали создавать национальные общественные объединения. В декабре 1989 г. прошел Учредительный съезд малочисленных народов Севера Якутии, образовавший Ассоциацию народов Севера. Повсеместно на местах проживания эвенков на добровольной основе организовывались общины с полным самофинансированием. Материально-техническая база общин основывалась на долях выделенных из собственности колхозов, из состава которых эвенки выходили. Создание общин было нацелено на возрождение традиционной хозяйственной деятельности народов Севера. Первые общины в Якутии были эвенкийские объединения “Тяня” и “Талба”. В ходе развала СССР коренные народы Якутии пытались возродить традиции и сохранить социально-экономическую стабильность.

Выводы

В советский период эвенки Якутии прошли непростой исторический путь. От кочевого традиционного образа жизни перешли на оседлый, поменяли свое название, пережили трудные военные годы, адаптировались к промышленному соседству и многое другое. По переписи 1989 г. эвенками считались 14 428 человек, а по данным переписи 2020 г. в Якутии 24 334 эвенков [14]. Положительная динамика роста численности эвенков наблюдается, но с конца XX в. остро стоит вопрос обеспечения традиционных отраслей кадрами, что отражается на его состоянии.

В 1990 г. по республике оленей было 361 556 голов, а в 2024 г. поголовье насчитывает всего 164 тыс. голов [15]. Наблюдается сокращение поголовья оленей. В поддержку оленеводства с 2020 г. в Якутии введены социальные выплаты для молодых оленеводов. С 2024 г. размер выплат увеличился до 2 миллионов рублей. В перспективе рассматривается еще большее увеличение финансирования и социальных пособий для работников оленеводства. Остро стоит вопрос сохранения древнейшего промысла народов Севера в современных условиях.

В соответствии со статьей 19 Федерального закона № 209-ФЗ от 2009 г. «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» охотой эвенки могут заниматься на льготных условиях [16]. По данным Министерства экологии, природопользования и лесного хозяйства РС(Я) спецотметку в охотбилеты имеют около 3 000 жителей республики, относящих себя к коренных малочисленным народов [17].

В целях сохранения малочисленных народов Севера нужно проводить более последовательную государственную политику по обеспечению сохранения малочисленных народов Севера, гарантируя социально-экономическое развитие.

Список источников

1. Николаев С.И. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. Якутск: Якутское книжное издательство, 1964. 204 с.

2. Атласова С.С. Эвенки Южной Якутии в XX в.: социально-экономический и этнодемографический аспекты: дис. … канд. историч. наук. Якутск, 1999. 190 с.

3. Винокуров И.И. Эвенки зоны Байкало-Амурской магистрали: историко-демографический аспект (1976-1990 гг.): автореф. дис. … канд. историч. наук. Якутск, 1994. 22 с.

4. Петров Ю.Д. К вопросу о национальном самоуправлении малочисленных народов Республики Саха // Человек и Север: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Ч. 2. Якутск, 1992. С. 25 – 41.

5. Сборник постановлений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Якутской АССР. Якутск, 1925. № 1-2. 126 с.

6. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 5.

7. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 464. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.

8. Филиал Национального архива Республики Саха (Якутия). Ф. 3. Оп. 184/54. Д. 20. Л. 3.

9. Ликвидировано отставание // Алданский рабочий. 1 января 1943.С. 4.

10. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 70. Оп. 70. Д. 9. Л. 14.

11. Ефимов И.К. Южная Якутия. Якутск, 1957. С. 109.

12. Бам и народы Севера. Новосибирск, 1979. С. 145.

13. Корнилова З.А. Особенности регионального воспроизводства в условиях Севера. Новосибирск: Наука. 134 с.

14. Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 20.06.2025)

15. Министерство сельского хозяйства и продовольственной политики РС(Я): офиц. сайт. URL: https://minsel.sakha.gov.ru (дата обращения: 05.06.2025)

16. Федеральный закон от 24.07.2009 №209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89923/ (дата обращения: 05.07.2025)

17. Министерство экологии, природопользования и лесного хозяйства РС(Я): офиц. сайт. URL: https://minpriroda.sakha.gov.ru/ (дата обращения: 05.07.2025)

References

1. Nikolaev S.I. Evens and Evenks of southeastern Yakutia. Yakutsk: Yakut book publishing house, 1964. 204 p.

2. Atlasova S.S. Evenks of Southern Yakutia in the twentieth century: socio-economic and ethnodemographic aspects: dis. ...cand. historical Sci. Yakutsk, 1999. 190 p.

3. Vinokurov I.I. Evenks of the Baikal-Amur Mainline zone: historical and demographic aspect (1976-1990): abstract. dis. ...cand. historical Sci. Yakutsk, 1994. 22 p.

4. Petrov Yu.D. On the issue of national self-government of small peoples of the Republic of Sakha. Man and the North: historical experience, current state, development prospects. Part 2. Yakutsk, 1992. P. 25 – 41.

5. Collection of resolutions and orders of the workers' and peasants' government of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Yakutsk, 1925. No. 1-2. 126 p.

6. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). F. 55. Op. 1. D. 240. L. 5.

7. National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia). F. 464. Op. 1. D. 4. L. 29.

8. Branch of the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). F. 3. Op. 184/54. D. 20. L. 3.

9. The backlog has been eliminated. Aldan worker. January 1, 1943.S. 4.

10. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). F. 70. Op. 70. D. 9. L. 14.

11. Efimov I.K. Southern Yakutia. Yakutsk, 1957. P. 109.

12. Bam and the Peoples of the North. Novosibirsk, 1979. P. 145.

13. Kornilova Z.A. Features of Regional Reproduction in the North. Novosibirsk: Nauka. 134 p.

14. Federal State Statistics Service: official website. URL: https://rosstat.gov.ru (date of access: 20.06.2025)

15. Ministry of Agriculture and Food Policy of the Republic of Sakha (Yakutia): official website. URL: https://minsel.sakha.gov.ru (date of access: 05.06.2025)

16. Federal Law of 24.07.2009 No. 209-FZ "On Hunting and the Conservation of Hunting Resources and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89923/ (date of access: 05.07.2025)

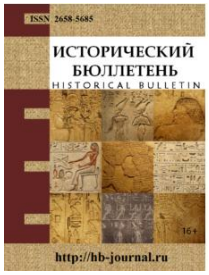
17. Ministry of Ecology, Nature Management, and Forestry of the Republic of Sakha (Yakutia): official website. URL: https://minpriroda.sakha.gov.ru/ (date of access: 05.07.2025)

Информация об авторах

Атласова С.С., кандидат исторических наук, доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, ул. Белинского, 58, каб. 520, ss.atlasova@s-vfu.ru

Емельянов Р.И., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К., г. Якутск, ул. Белинского, 58, каб. 410, history11@inbox.ru

© Атласова С.С., Емельянов Р.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94 (5)

Исторический процесс распространения буддизма в США и ES: к вопросу об отборе учебного материала при изучении глобализации в рамках школьных курсов истории и обществознания

[1] Курков В.В.,
[1] Никандрова А.А.,
[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: статья посвящена анализу исторического процесса распространения буддизма в ЕС и США с целью отбора учебного материала, который может быть использован на современном уроке истории или обществознания в рамках профильных и элективных курсов. В статье на основе анализа современной отечественной историографии посвященной данной проблеме, представлены основные этапы и детерминанты исторического пути буддизма, распространившегося к началу XXI в. из первоначальных восточных регионов в западные социумы ЕС и США, равно как и всесторонние последствия данного исторического феномена. Авторы констатируют что буддистские регионы РФ демонстрируют политическую стабильность и поучительные примеры национальной и религиозной толерантности, поэтому в этой связи одним из способов сохранения и приумножения гуманистического наследия буддизма в современных условиях является достойное отражение актуальных аспектов этой мировой религии в школьных курсах истории и обществознания (в том числе и мирного прогрессирующего процесса распространения буддизма в западных странах).

Ключевые слова: буддизм, США, ЕС, буддология, глобализация, миграция населения, взаимовлияние культур, культурный диалог

***Для цитирования**: Курков В.В., Никандрова А.А. Исторический процесс распространения буддизма в США и ES: к вопросу об отборе учебного материала при изучении глобализации в рамках школьных курсов истории и обществознания // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 64 – 69.*

Поступила в редакцию: 23 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The historical process of the spread of Buddhism in the USA and the EU: on the question of selection of educational materials for the study of globalization in the framework of school history and social studies

[1] Kurkov V.V.,
[1] Nikandrova A.A.,
[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: this article analyzes the historical spread of Buddhism in the EU and the US, with the goal of selecting educational material that can be used in modern history or social studies classes within core and elective courses. Based on an analysis of contemporary Russian historiography on this topic, the article presents the main stages and determinants of the historical path of Buddhism, which by the beginning of the 21st century had spread from its

original eastern regions to the Western societies of the EU and the US, as well as the comprehensive consequences of this historical phenomenon. The authors note that the Buddhist regions of the Russian Federation demonstrate political stability and instructive examples of national and religious tolerance. Therefore, one way to preserve and enhance the humanistic heritage of Buddhism in modern conditions is to adequately reflect the relevant aspects of this world religion in school history and social studies courses (including the peaceful and progressive spread of Buddhism in Western countries).

Keywords: Buddhism, the USA, thheEU, Buddhology, globalization, population migration, cultural influence, cultural dialogue

***For citation**: Kurkov V.V., Nikandrova A.A. The historical process of the spread of Buddhism in the USA and the EU: on the question of selection of educational materials for the study of globalization in the framework of school history and social studies. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 64 – 69.*

The article was submitted: August 23, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Различные аспекты как истории, так и современного состояния мировых религий и представляющих их конфессий (включая буддизм) традиционно получают необходимое отражение в учебных курсах истории и обществознания в современной российской школе [10]. В этом плане изучение буддизма прежде всего определяется его гуманистическим наследием и исторической ролью в качестве традиционной религии для ряда народов России (калмыков, бурят, тувинцев и алтайцев). Однако не менее важен и международный аспект влияния буддизма – его прогрессирующее развитие в рамках мировой культуры, обусловленное процессами современной глобализации – исторический феномен, когда эта религия успешно распространяется в западном социуме. Достаточно распространенной ошибкой является одностороннее представление о глобализации как о процессе экспорта западной цивилизацией продуктов своей массовой культуры в страны Востока. В то время как обратное направление подобного культурно-духовного воздействия не менее важно – тем более что оно опирается на огромные миграционные потоки, устремляющиеся со всех континентов в западные страны. Одновременно, надо учитывать, что очень часто внимание учебной аудитории акцентируется на противоречивых и болезненных последствиях миграции в ЕС и США из мусульманских стран, и тем самым упускается возможность изучения того гуманистического духовного потенциала, который демонстрирует распространение буддизма в западном социуме.

Материалы и методы исследований

Обязательный принцип историзма в данном исследовании позволяет представить основные этапы и детерминанты исторического пути буддизма, распространившегося к началу XXI в. из первоначальных восточных регионов в западные социумы ЕС и США. Использование авторами сравнительно-исторического метода нацелено на выявление общих закономерностей и конкретных особенностей интеграции буддистской религии в общественном сознании западных стран, равно как и на определение всесторонних последствий данного исторического феномена. Сравнительный подход необходим и для оценки значимости буддизма как традиционной религии ряда народов России – актуальность данной оценки становится более весомой на фоне мирового опыта мирной интеграции буддизма в западных социумах по сравнению с болезненными последствиями распространения в этих же странах ислама. Анализ современной отечественной историографии по проблеме распространения буддизма в США и ЕС позволяет реализовать с учетом программных требований к школьным курсам истории и обществознания отбор материала, который может быть востребован на современном уроке в рамках профильных и элективных курсов.

Результаты и обсуждения

Современная тенденция к развитию профильного обучения на основе углубленного изучения выбранных учащимися предметов в специализированных классах и группах, а также широкое внедрение элективных курсов, открывают для преподавателя и учебной аудитории дополнительные возможности по изучению наиболее актуальных и проблемных вопросов в сфере гуманитарных наук, в том числе и по религиоведческой тематике – охватывая и сложные темы по истории религий Востока, включая буддизм.

При этом духовное наследие буддизма представляет несомненный интерес и в плане воспитательной работы, предлагая современному педагогу уникальный потенциал, накопленный в течении длительной истории этой мировой религии. В

сложной, до предела насыщенной конфликтами и противоречиями современной эпохе, тысячелетние традиции и духовный опыт буддизма могут быть востребованы как в вопросах самосовершенствования личности, так и целях воспитания столь необходимой в настоящее время толерантности – то есть в тех вопросах, которые могут определить судьбу молодого поколения.

Буддизм в XXI веке представляет собой сложное и динамичное религиозно-социокультурное явление, развитие которого неразрывно связано с процессами глобализации. Его проникновение в страны Западной Европы и Северной Америки является не просто фактом религиозной жизни, но и значимым феноменом, отражающим глубинные трансформации современного общества, что делает его перспективной темой для изучения в рамках школьного курса истории и обществознания. Анализ этого процесса позволяет проследить взаимовлияние культур, кризис традиционных ценностей и поиск новых духовных и этических ориентиров в западном мире.

Исторически распространение буддизма на Западе началось отнюдь не в конце XX в., а имеет глубокие корни. Первые контакты восходят к эпохе эллинизма, а в Новое время знакомству Европы с буддизмом способствовали труды путешественников и миссионеров [15, с. 55]. Однако ключевым фактором стала массовая иммиграция из стран Азии. Как отмечает Ж.А. Аякова, более века назад буддизм пришел в Америку с рабочими из Китая и Японии, которые начали прибывать в Калифорнию и на Гавайи в середине 1800-х гг. [2, с. 32]. XX в. ознаменовался новыми волнами иммиграции, вызванными политическими и социальными потрясениями в Азии: после китайской интервенции в Тибет, войны во Вьетнаме и других конфликтов в США хлынули потоки беженцев из Тибета, Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и других буддистских стран [2, с. 33]. Эти иммигрантские общины стали оплотом буддизма, создавая храмы, которые служили не только местами отправления культа, но и центрами сохранения культурной и национальной идентичности. Для мигрантов буддизм был духовной опорой, помогавшей преодолеть трудности адаптации и социальный дискомфорт в новой стране [2, с. 39].

Параллельно с этим развивался иной процесс – обращение в буддизм представителей западной интеллигенции и широких слоев населения, не связанных с азиатской диаспорой. Этот феномен был во многом подготовлен развитием академической буддологии в XIX и XX вв. Ученые, такие как Эжен Бюрнуф, Рис Дэвидс и другие, заложили основы научного изучения буддизма, представив его как глубокую философскую и рациональную систему [1, с. 36]. Этот образ буддизма как «религии без Бога», с акцентом на личный опыт и практику, а не на догматическую веру, оказался крайне привлекательным для западного человека, переживавшего кризис традиционных религиозных и рационалистических ценностей [11]. Интерес к буддизму таких мыслителей, как А. Шопенгауэр и Ф. Ницше, уже свидетельствовал об определенном разочаровании в европейской рационалистической традиции [1, с. 37].

Особую роль в популяризации буддизма на Западе сыграли отдельные учителя и направления буддизма. Японский дзэн-буддизм стал одним из первых, получивших широкую известность. Как отмечает Н.В. Кузнецова, дзэн-буддизм отличается от других школ своей прямотой, простотой, практичностью и непосредственностью, неразрывно связанной с обычной жизнью, а также такими чертами, как внезапность, парадоксальность и интуитивизм [9, с. 81]. Благодаря деятельности Дайсэцу Тэйтаро Судзуки, который читал лекции в американских университетах и интерпретировал учение в понятных западному читателю терминах, дзэн проник в интеллектуальную среду [6, с. 84]. Именно эти особенности дзэн, такие как «пренебрежение всеми правилами» и адогматичность, сделавшие его антифилософским и антирассудочным учением, основанным на собственном опыте, особенно привлекли западных интеллектуалов, искавших новые формы свободы от условностей [9, с. 83]. Для таких писателей и поэтов, как Джек Керуак, Аллен Гинзберг и Гэри Снайдер, дзэн стал формой протеста против «общества потребления», оправданием стремления к свободе, спонтанности и бегству от материалистических ценностей. В романе Джека Керуака «Бродяги Дхармы» дзэн предстает как философия бедности, простоты и медитации, противопоставленная американской показухе и конформизму. Однако, как справедливо отмечают исследователи, рецепция дзэн битниками была во многом поверхностной и представляла собой «битнический дзэн», который являлся скорее оправданием собственного образа жизни, нежели глубоким погружением в традицию [8, с. 121].

С 1960-х гг. на Западе начинает распространяться тибетский буддизм, чему способствовала трагическая история Тибета и харизматическая фигура Его Святейшества Далай-ламы XIV [15, с. 57]. Первым учителем тибетского буддизма в США стал калмыцкий геше Вангьял, ученик известного хамбо-ламы Агвана Доржиева. Основанный им в Нью-Джерси Тибетский буддийский образовательный центр «Лабсунг Шедруб Линг»

стал важным очагом распространения учения. Ученики геше Вангьяла, такие как профессор Роберт Турман, впоследствии стали видными пропагандистами тибетского буддизма в академической среде [4, с. 85]. Тибетский буддизм привлек западных адептов своей мистической насыщенностью, разработанной системой психотехник и фигурой Далай-ламы, воспринимавшегося не только как духовный лидер, но и как борец за мир и права человека [15, с. 58].

Одной из наиболее характерных черт западного буддизма является его активный диалог с современной наукой. Как подчеркивает А.М. Шустова, в эпоху глобализации буддизм не замкнулся в себе, а, напротив, актуализировал свой философский потенциал, обратившись к наследию древнего индийского университета Наланда [16, с. 298]. Важную роль в этом процессе играет институт «Ум и жизнь» (Mind and Life Institute), основанный в 1987 г. и объединяющий ведущих ученых-нейробиологов, психологов, физиков с буддийскими учителями во главе с Далай-ламой. Регулярные конференции и совместные исследования посвящены таким темам, как природа сознания, эмоции, нейропластичность. Исследования, проведенные, в частности, в Висконсинском университете, показали, что длительная медитативная практика способна вызывать положительные изменения в мозге, активируя области, ответственные за чувство благополучия и сострадания [3, с. 182]. Это привело к широкой популярности буддийских медитативных практик, особенно осознанности, которые стали применяться не только в духовной, но и в клинической, корпоративной и образовательной сферах для снижения стресса и повышения эффективности [3, с. 183]. Таким образом, буддизм на Западе все чаще предстает не как религия в традиционном понимании, а как практическое учение, метод работы с сознанием, что делает его привлекательным для секулярного общества.

Еще одним значимым явлением стал социально ангажированный буддизм, который активно развивается в США и Европе. Это направление, связанное с именем вьетнамского монаха Тик Нат Хана, предполагает активное участие буддистов в решении социальных, политических и экологических проблем [5, с. 103]. Его истоки лежат в антивоенном движении времен войны во Вьетнаме. Тик Нат Хан сформулировал Четырнадцать заповедей Ордена Взаимобытия, в основе которых лежат буддийские принципы ненасилия, сострадания и осознанности, призванные направлять практикующих в их социальной активности [5, с. 105].

Далай-лама XIV также уделяет огромное внимание продвижению светской этики, утверждая, что в современном взаимозависимом мире базовые человеческие ценности – сострадание, доброта, терпимость – первичны по отношению к религиозным различиям. Он выступает за разоружение, защиту окружающей среды и развитие диалога как основу для разрешения конфликтов [16, с. 303]. Этот аспект буддизма представляет особую ценность для образовательного процесса, так как демонстрирует возможность применения древних философских принципов к решению актуальных глобальных проблем.

Однако процесс адаптации буддизма к западной почве не был простым и сопровождался значительными трансформациями. Американский исследователь Гленн Уоллис в своей книге «Критика западного буддизма: Руины буддийского Реального» подвергает резкой критике то, что он называет «западным буддизмом» [7, с. 129]. С его точки зрения, на Западе произошла подмена подлинного буддийского учения идеологией, удобной для поддержания существующего экономического и политического порядка. Уоллис утверждает, что западный буддизм, с его акцентом на позитивное мышление, осознанность и личный комфорт, превратился в конформистскую силу, которая не столько отрицает мир страданий, сколько помогает в нем приспособиться. Буддийские практики, такие как медитация, используются для повышения продуктивности и снижения стресса, то есть для более успешного функционирования внутри системы, которую классический буддизм стремился преодолеть [7, с. 132]. Эта критика указывает на важный аспект культурного диалога: заимствование и адаптация всегда сопряжены с риском упрощения, искажения и подмены исходных смыслов.

В итоге следует отметить, что феномен распространения буддизма в США и ЕС является многогранным процессом, отражающим ключевые вызовы современной глобализированной цивилизации: поиск идентичности в условиях культурного разнообразия, кризис традиционных ценностей, стремление к интеграции научного и духовного знания, необходимость выработки новой глобальной этики. Для школьного курса истории и обществознания изучение этой темы позволяет на конкретном примере показать механизмы межкультурного взаимодействия, диалектику традиции и модернизации, роль религии и философии в современном мире. Отбор учебного материала должен учитывать все аспекты этого явления: исторический контекст иммиграции, философские основания буддизма, его диалог с наукой, социальную

активность его последователей, а также критический анализ процессов адаптации и трансформации учения в новой культурной среде. Это позволит сформировать у учащихся целостное представление о буддизме не как о застывшем догматическом учении, а как о живой, развивающейся традиции, продолжающей находить отклик в умах и сердцах людей по всему миру.

Выводы

Ознакомление учащихся с феноменом распространения буддизма в западном социуме в качестве яркого примера последствий глобализации важно и в плане формирования причин и предпосылок современных этнических и конфессиональных конфликтов или же, наоборот противодействия данной негативной тенденции, что фактически и происходит в случае духовного экспорта буддизма из традиционных восточных регионов его распространения в США и ЕС. В то время как миграционные потоки из мусульманского мира порождают ряд серьезных проблем для западного общества – и в первую очередь – болезненный вызов со стороны уже своего «доморощенного» исламского экстремизма, буддизм мирно интегрируется в сознание американцев и европейцев.

Данная проблема актуальна и для Российской Федерации: несмотря на сложное историческое наследие – в прошлом буддистских народов России были свои трагические страницы и в имперский, и в советский периоды – драматический исход калмыков в Китай [12], сталинская депортация калмыцкого народа [13]. Последняя трагедия получила известность и у мировой общественности, и в ООН [14, с. 180-181]. Тем не менее, буддистские регионы РФ демонстрируют политическую стабильность и поучительные примеры национальной и религиозной толерантности.

И в этой связи одним из способов сохранения и приумножения гуманистического наследия буддизма в современных условиях является достойное отражение актуальных аспектов этой мировой религии в школьных курсах истории и обществознания. Тем более, что в российских регионах традиционного распространения буддизма – прежде всего в Калмыкии и Бурятии – накоплен уникальный опыт сохранения и изучения духовного наследия данной религии [10], который может быть востребован и применен уже в общегосударственной практике как школьного образования, так и молодежной политике в целом, ибо как показывает мировой опыт, интерес именно молодежной аудитории к буддизму остается достаточно высоким.

Список источников

1. Аюшеева Д.В. Социокультурные предпосылки распространения тибетского буддизма в западных странах // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. №4 (16). С. 34 – 41.

2. Аякова Ж.А. Буддийская иммиграция в США // Евразийство и мир. 2015. № 1. С. 32 – 39.

3. Аякова Ж.А. Медитативный буддизм в США // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 14А. С. 181 – 184.

4. Аякова Ж.А. О тибетском буддизме в США // Гуманитарные науки. 2015. № 1 (38). С. 84-86.

5. Аякова Ж.А. Социально ангажированный буддизм в США // Гуманитарные науки. 2014. № 3 (36). С. 103 – 106.

6. Аякова Ж.А. О социальных аспектах дзен-буддизма в США // Гуманитарные науки. 2014. № 3 (36). С. 83 – 86.

7. Бурмистров С.Л. К вопросу о рецепции буддизма в современной западной культуре // Философия религии: аналитические исследования. 2020. Т. 4. № 1. С. 128 – 137.

8. Гришин М.В. Субкультура битников и их рецепция дзэн-буддизма в США (вторая половина 50-х – середина 60-х годов XX века) // Вестник МГУКИ. 2015. № 5 (67). С. 117 – 123.

9. Кузнецова Н.В. Буддизм и дзен-буддизм – трансформация идей буддизма в течении дзен-буддизма // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 4. С. 80 – 84.

10. Марзаева М.Б. О преподавании основ буддизма в школах Калмыкии // Буддизм Ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию. II Международная научно-практическая конференция. 2011. С. 825 – 831.

11. Соколова Е.Ю. Буддизм на Западе // Studia Culturae. 2014. № 22. С. 167 – 171.

12. Тепкеев В.Т., Кабульдинов З.Е. Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 756 – 768.

13. Убушаев В.Б., Авлиев В.Н. Депортация калмыков 1943 г. в трудах калмыцких исследователей // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2015. № 5. С. 99 – 110.

14. Убушаев В.Б., Авлиев В.Н. Зарубежная историография о ссылке калмыцкого народа // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2012. № 3. С. 178 – 181.

15. Уланов М.С. Распространение буддизма на Западе в контексте феномена миграций // Великие евразийские миграции: Материалы Международной научной конференции. ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова». 2016. С. 54 – 60.

16. Шустова А.М. Буддизм в XXI веке: новые тенденции развития // Буддизм в современном мире. М., 2018. С. 298 – 304.

References

1. Ayusheeva D.V. Sociocultural Prerequisites for the Spread of Tibetan Buddhism in Western Countries. Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 4 (16). P. 34 – 41.

2. Ayakova Z.A. Buddhist Immigration to the USA. Eurasianism and the World. 2015. No. 1. P. 32 – 39.

3. Ayakova Z.A. Meditative Buddhism in the USA. Bulletin of the Buryat State University. 2015. Issue 14A. P. 181 – 184.

4. Ayakova Z.A. On Tibetan Buddhism in the USA. Humanitarian Sciences. 2015. No. 1 (38). P. 84 – 86.

5. Ayakova Z.A. Socially Engaged Buddhism in the USA. Humanities. 2014. No. 3 (36). P. 103 – 106.

6. Ayakova Z.A. On the Social Aspects of Zen Buddhism in the USA. Humanities. 2014. No. 3 (36). P. 83 – 86.

7. Burmistrov S.L. On the Reception of Buddhism in Modern Western Culture. Philosophy of Religion: Analytical Studies. 2020. Vol. 4. No. 1. P. 128 – 137.

8. Grishin M.V. The Beat Subculture and Their Reception of Zen Buddhism in the USA (Second Half of the 1950s – Mid-1960s). Bulletin of MGUKI. 2015. No. 5 (67). P. 117 – 123.

9. Kuznetsova N.V. Buddhism and Zen Buddhism – Transformation of Buddhist Ideas in the Zen Buddhism Movement. Culture. Spirituality. Society. 2013. No. 4. P. 80 – 84.

10. Marzaeva M.B. On Teaching the Basics of Buddhism in Schools of Kalmykia. Vajrayana Buddhism in Russia: From Contacts to Interaction. II International Scientific and Practical Conference. 2011. P. 825 – 831.

11. Sokolova E.Yu. Buddhism in the West. Studia Culturae. 2014. No. 22. P. 167 – 171.

12. Tepkeev V.T., Kabul'tdinov Z.E. Kalmyk-Kazakh Relations during the Period of the Kalmyk Migration from Russia to China in 1771. Oriental Studies. 2023. Vol. 16. No. 4. P. 756 – 768.

13. Ubushaev V.B., Avliev V.N. The Deportation of the Kalmyks in 1943 in the Works of Kalmyk Researchers. Vestnik Prikaspiya: Archaeology, History, Ethnology. 2015. No. 5. P. 99 – 110.

14. Ubushaev V.B., Avliev V.N. Foreign Historiography on the Exile of the Kalmyk People. Vestnik Prikaspiya: Archaeology, History, Ethnology. 2012. No. 3. P. 178 – 181.

15. Ulanov M.S. The Spread of Buddhism in the West in the Context of the Migration Phenomenon. Great Eurasian Migrations: Proceedings of the International Scientific Conference. Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. 2016. P. 54 – 60.

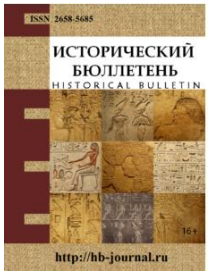
16. Shustova A.M. Buddhism in the 21st Century: New Development Trends. Buddhism in the Modern World. Moscow, 2018. P. 298 – 304.

Информация об авторах

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Никандрова А.А., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., Никандрова А.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 9.908

Функционирование Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период конца 1970-х – первой половины 1980-х годов и его влияние на формирование городской инфраструктуры

[1] Лаврентьева М.А.,
[1] Дубиненко Н.А.,
[1] Кубанский государственный технологический университет

Аннотация: статья посвящена исследованию истории Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период конца 1970-х – первой половины 1980-х годов.

Целью данного исследования является анализ функционирования Краснодарского хлопчатобумажного комбината в указанный период для выявления его реальной роли в процессе становления современного облика города, развития его инфраструктуры, в жизни краснодарцев, имевших отношение к данному предприятию. Среди задач исследования можно выделить: сбор информации с целью составления описания деятельности хлопчатобумажного комбината в период конца 70-х – первой половины 80-х годов XX века; проведение анализа собранного материала для выявления вклада конкретного предприятия в развитие городской инфраструктуры; изучение характерных черт эпохи конца 1970-х – первой половины 1980-х годов на примере конкретного предприятия текстильной отрасли промышленности.

Для достижения поставленной цели применялись следующие научные источники: нормативно-правовая документация; материалы, опубликованные в краснодарских газетах; архивные материалы, находящиеся в открытом доступе; данные из личных архивов работников предприятия.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения материалов в рамках общего изучения текстильной промышленности в СССР. Также оно может быть полезно в проведении общекраеведческих исторических исследований.

Научная новизна представленного материала заключается в анализе деятельности конкретного предприятия в период конца 1970-х – первой половины 1980-х годов и его влияния на судьбы краснодарцев. В процессе исследования были сделаны выводы о некоторых особенностях функционирования Краснодарского хлопчатобумажного комбината в указанный исторический период, а также о его влиянии на развитие инфраструктуры города Краснодара.

Ключевые слова: Краснодарский край, Краснодарский хлопчатобумажный комбинат, городская инфраструктура, функционирование предприятия

***Для цитирования**: Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А. Функционирование Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период конца 1970-х – первой половины 1980-х годов и его влияние на формирование городской инфраструктуры // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 70 – 75.*

Поступила в редакцию: 23 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The functioning of the Krasnodar Cotton Mill during the late 1970s and the first half of the 1980s and its impact on the formation of urban infrastructure

[1] *Lavrentieva M.A.*,
[1] *Dubinenko N.A.*,
[1] *Kuban State Technological University*

Abstract: the article is devoted to the study of the history of the Krasnodar cotton mill in the period of the late 1970s – the first half of the 1980s.

The purpose of this study is to analyze the functioning of the Krasnodar cotton mill during this period in order to identify its real role in the formation of the modern appearance of the city, the development of its infrastructure, and in the lives of Krasnodar residents who were involved in this enterprise. Among the objectives of the research are: collecting information in order to compile a description of the activities of the cotton mill during the late 70s – the first half of the 80s of the XX century; analyzing selected material to identify the contribution of a particular enterprise to the development of urban infrastructure; studying the characteristic features of the era of the late 1970s and the first half of the 1980s using the example of a specific textile industry.

To achieve this goal, the following scientific sources were used: regulatory and legal documentation; materials published in Krasnodar newspapers; archival materials in the public domain; data from the personal archives of the company's employees.

The practical significance of the research lies in the possibility of using materials as part of a general study of the textile industry in the USSR. It can also be useful in conducting general historical research.

The scientific novelty of the presented material lies in the analysis of the activities of a particular enterprise in the period of the late 1970s – the first half of the 1980s and its impact on the fate of Krasnodar residents. In the course of the research, conclusions were drawn about some of the features of the functioning of the Krasnodar Cotton Mill in the specified historical period, as well as about its impact on the development of the infrastructure of the city of Krasnodar.

Keywords: Krasnodar Territory, Krasnodar cotton mill, urban infrastructure, operation of the enterprise

***For citation**: Lavrentieva M.A., Dubinenko N.A. The functioning of the Krasnodar Cotton Mill during the late 1970s and the first half of the 1980s and its impact on the formation of urban infrastructure. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 70 – 75.*

The article was submitted: August 23, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

История хлопчатобумажного производства в Краснодаре началась в 1960-е годы с появлением нового предприятия на городской окраине. С течением времени на Краснодарском хлопчатобумажном комбинате налаживали выпуск продукции, появлялись новые производственные линейки. Своего пика предприятие достигло к концу 1970-х годов, когда численность его сотрудников составила свыше 11 тыс. чел. и действовала обширная система социального обеспечения. В этот период комбинат уже внёс свой вклад в развитие городской инфраструктуры.

Актуальность данной темы подтверждается масштабом предприятия (комбинат был одним из крупнейших в отрасли), его значительным влиянием на становление современного облика города Краснодара и на судьбы десятков тысяч краснодарцев. Также стоит заметить, что изучение исторической науки основывается на многих частных моментах, из которых складывается единое целое. Именно поэтому необходимо на основании истории конкретных текстильных предприятий в период конца 1970-х – первой половины 1980-х годов формировать общие выводы о состоянии данной отрасли промышленности.

Изучение функционирования хлопчатобумажного комбината может стать основой для оценки целого комплекса работ по развитию инфраструктуры в городе Краснодаре в период планового хозяйствования. Таким образом, подтверждается важность проведения исследования деятельности конкретного комбината в контексте развития исторического процесса.

Материалы и методы исследований

История и процесс функционирования предприятий промышленности в период существования СССР является объектом исследования многих

авторов [1]. Некоторые работы посвящены конкретно истории предприятий текстильной отрасли [2, 3]. Также в ряде статей широко описывается функционирование и развитие предприятий в ряде городов Краснодарского края (в особенности это касается регионального центра, г. Краснодара, и г. Тимашевска) [4, 5].

Представленная статья является логическим продолжением обширного исследования, посвященного истории хлопчатобумажного комбината в Краснодаре. Её научная новизна заключается в формировании подробного описания функционирования предприятия в период конца 1970-х – первой половины 1980-х годов и его влияния на развитие городской инфраструктуры.

В рамках данного исследования применялись архивные материалы и нормативно-правовая документация Краснодарского хлопчатобумажного комбината, находящиеся в открытом доступе [6]. Использовались данные из архивов семей работников предприятия, статьи, опубликованные в газете, издаваемой при Краснодарском хлопчатобумажном комбинате [7, 8].

Результаты и обсуждения

Принято считать, что расцвет Советского Союза, пиковый период его развития, приходится на 70-е годы XX века. В этот же период вершины своего развития достиг и Краснодарский хлопчатобумажный комбинат. Поставки хлопка, сырья, имеющего крайнюю необходимость для обеспечения работоспособности предприятия, проводились из республик Средней Азии, в частности, из Узбекистана. Готовая продукция комбината (различные ткани) в значительном количестве доставлялась в республики Прибалтики. Помимо этого, некоторые ткани поставляли в другие регионы СССР, а также за границу [5].

На базе предприятия функционировал целый комплекс социального обеспечения населения: предоставлялось жильё (сначала комнаты в общежитии, а затем квартиры); функционировала городская больница №3, детские сады и школа; автобусы и трамваи обеспечивали транспортную доступность непосредственно до места расположения комбината; обеспечивались достойные условия для труда и отдыха; издавалась газета «За коммунистический труд»; работники комбината принимали участие в общественно-политической жизни страны.

Стоит заметить, что ХБК в Краснодаре предоставлял наибольший объём социального обеспечения своим сотрудникам, что позволяло привлекать молодых специалистов из разных городов РСФСР и даже из других союзных республик [7]. Особенно много людей приехало на комбинат в период 1970-х годов (впоследствии им выделялись места в общежитиях). Кроме того, на комбинат приглашали рабочих из Социалистической Республикой Вьетнам.

Вплоть до конца 70-х годов XX века на Краснодарском ХБК проводили модернизацию. Положительные итоги были после переоснащения производства в меланжевых цехах: производительность труда поднялась на 48 %, объём выпускаемой ткани увеличился в 8 раз [5, 7]. При этом, достаточно спорным оказалось решение о запуске нового жаккардового производства, от данного нововведения пришлось отказаться [5].

В 1980-х годах на хлопчатобумажном комбинате стали заметны новые тенденции в сфере обеспечения рабочих жильём. Так, к началу 1980-х годов многие текстильщики, которые в 70-е годы XX столетия приехали на ХБК из других городов СССР, поочерёдно получали квартиры либо в микрорайоне при комбинате, либо в других районах восточной части города Краснодара (в первую очередь квартиры получали специалисты-мастера и партийные активисты).

На момент конца 70-х – 80-х годов XX века в жилом массиве комбината не велось жилищное строительство, вследствие чего людей расселяли в другие части города. Например, многие получили квартиры в пятиэтажных домах посёлка Гидростроителей, из-за чего постепенно обострялась проблема транспортировки рабочих до предприятия. Впоследствии посёлок Гидростроителей всё больше и больше обживался и интегрировался в единое пространство с остальными частями Краснодара и с посёлком Пашковским.

Также Краснодарский хлопчатобумажный комбинат совместно с горисполкомом возводил многоквартирные жилые дома на восточной окраине города. В этот период восточные территории активно росли и осваивались, формировался новый Комсомольский микрорайон. Комбинат реализовывал строительство по десятипроцентной системе совместно с городскими властями (такие дома назывались «десятипроцентки», предприятие выполняло 10 % работ, а остальное – горисполком, квартиры распределялись в такой же пропорции).

Из-за расселения рабочих по городским окраинам обострилась транспортная проблема, вызванная большими расстояниями от новых районов до рабочих мест (и Комсомольский микрорайон и посёлок Гидростроителей находились на достаточном отдалении от хлопчатобумажного комбината). Бороться с ней решили путём переустройства существующих автобусных маршрутов, многие из них продлили до новостроек в Комсомольском микрорайоне. Практически сразу стало очевидно,

что автобусы не справляются с пассажиропотоком, поэтому логичным решением виделось строительство новой линии электротранспорта, а именно троллейбуса.

Контактная сеть троллейбуса была сооружена по улице Селезнёва, вдоль южной окраины ХБК. Новые троллейбусные маршруты связали комбинат с такими направлениями, как: Комсомольский микрорайон, посёлок Гидростроителей, аэропорт, троллейбусное депо № 1, Центральный колхозный рынок (данные маршруты формировались в период с 1983 года по 1985 год) [9].

В связи с тем, что руководству города и комбината была очевидна проблема организации транспортного сообщения с отдалёнными районами, было решено построить несколько домов на свободной территории внутри микрорайона ХБК. Так началось уплотнение жилой застройки, проводимое под руководством Крымова А.И., одного из директоров ХБК. Важно заметить, что объекты будут сданы лишь к концу десятилетия несмотря на то, что домов будет построено немного (всего 2 жилых здания).

В начале 80-х годов XX века всё больше людей получало собственное жильё, и, как следствие, освобождалось места в общежитиях. Данная тенденция привела к тому, что многие здания, выполнявшие роли общежитий, были переделаны в обычные многоквартирные дома. По воспоминаниям живших там людей, квартиры в бывших общежитиях были просторные (например, площадь трёхкомнатных квартир составляла 100 м^2), имелись большие кухни (25 м^2) и лоджии. С этого момента работники Краснодарского ХБК стали получать жильё и в данных зданиях.

На самом комбинате в вышеуказанный период, как и на многих других предприятиях страны, стало наблюдаться падение качества тканей, также проявлялись и другие тенденции, характерные для СССР периода «застоя» [6]. Во многом это было обусловлено отсутствием заинтересованности работников в результатах своего труда, ведь в это время экономика государства работала не в полную меру эффективно, использовались экстенсивные методы развития, основанные на вложениях, полученных в секторе энергоресурсов [10, с. 78]. В этот же период рабочие хлопчатобумажного комбината впервые столкнулись с дефицитом ряда товаров народного потребления.

В ответ на падение качества тканей на Краснодарском хлопчатобумажном комбинате были предприняты меры командно-административного регулирования. Так, с целью поддержания должного уровня выпускаемой продукции на комбинате в каждом цехе были организованы группы качества, которые должны были контролировать ритмичную работу на производстве, выполнение планов, равномерные поставки сырья [6].

В начале 80-х годов XX века модернизация на хлопчатобумажном производстве в Краснодаре практически не велась, что было характерно также для других предприятий СССР, где современные технологии внедрялись с большим трудом [11]. В масштабах страны всё больше рабочих занималось ручным и малоквалифицированным трудом, в частности, на Краснодарский ХБК активно приглашались граждане Вьетнама, необученные текстильному делу [5, 11].

Стоит заметить, что несмотря на некоторые кризисные явления в экономике Советский Союз занимал ведущие позиции в мировой статистике по ряду отраслей промышленности [12]. В большинстве случаев трудящиеся стабильно получали достойную заработную плату, государство выполняло все свои обязательства в сфере социального обеспечения. Для решения основных проблем исторические реалии требовали проведения экономических реформ, но в начале 1980-х годов таких действий не последовало, в том числе из-за консервативных настроений в рядах коммунистической партии [13, с. 142].

Выводы

Результаты исследования могут быть представлены в виде следующих тезисов, кратко характеризующих работу предприятия – Краснодарского хлопчатобумажного комбината и его влияние на формирование городской инфраструктуры:

1. В конце 1970-х – начале 1980-х годов Краснодарский ХБК выполнял роль одного из важнейших предприятий текстильной отрасли. В масштабе города Краснодара данный комбинат был одним из крупнейших объектов индустриального сектора, на нём работало свыше 11 тыс. чел.;

2. В указанный период Краснодарский хлопчатобумажный комбинат продолжал выполнять все обязательства перед трудящимися, в том числе в сфере обеспечения достойного отдыха и улучшения жилищных условий;

3. Неоднозначные реформы, проводимые на предприятии в период конца 1970-х годов, сказались на его функционировании в начале 1980-х годов. Также стали проявляться некоторые кризисные явления, характерные для всей страны в целом;

4. Сохранялись тенденция закупок сырья, обеспечивающего функционирование хлопчатобумажного комбината, исключительно из республик Средней Азии. Впоследствии это критично скажется на работе предприятия;

5. Продукция комбината в том числе в большом количестве поставлялась в Прибалтийские республики, что не являлось критичным фактом во время существования СССР, но дало о себе знать после распада страны.

Таким образом, даже несмотря на некоторые кризисные явления, характерные для всей страны в целом, в указанный период Краснодарский хлопчатобумажный комбинат оказывал непосредственное влияние на развитие инфраструктуры города Краснодара и становление его архитектурно-планировочного облика. На основании этого можно сделать вывод об актуальности исследования деятельности указанного предприятия в последующий исторический период.

Список источников

1. Лебедева П.А. История развития машиностроительного предприятия АО «Армалит» // Морской вестник. 2017. № 2 (62). С. 60 – 62.

2. Базеян К.Р. К истории межкультурных связей в Армении: Ленинаканский текстильный комбинат (20 – 80-е годы XX века) // Наследие веков. 2023. № 2. С. 46 – 53.

3. Воробьева М.И. История Барнаульского меланжевого комбината 1930-х годов и развитие женского стахановского движения // Вестник филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Барнауле. 2010. № 13. С. 23 – 27.

4. Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А. История становления современного архитектурно-планировочного облика города Тимашевска // Вектор гуманитарной мысли. 2025. № 2. С. 43 – 59.

5. Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А., Гаевская И.И., Костенко Р.В. Деятельность Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период 60-х – 70-х годов XX века и его вклад в развитие инфраструктуры города Краснодара // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8, № 6. С. 202 – 210.

6. Краснодарский хлопчатобумажный комбинат (ХБК) Министерства легкой промышленности РСФСР г. Краснодар. Государственное казенное учреждение Краснодарского края «Государственный архив Краснодарского края». Фонд № Р-1653 / Архивный путеводитель Alertino.com [Электронный ресурс]. URL: https://alertino.com /ru/322347

7. Татаринова О.А. Краснодар 60 лет спустя: раньше мы производили, а теперь мы все покупаем и потребляем // Родная Кубань. 2022.

8. За коммунистический труд : орган парткома, фабкома, комитета ВЛКСМ и дирекции объединения «Краснодарский ХБК» / Национальная электронная библиотека: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/ 000199_000009_004502601/

9. Троллейбусы Краснодара – история / Общественный транспорт Кубани и Адыгеи. Интернет-энциклопедия по пассажирскому транспорту Краснодарского края и Республики Адыгея [Электронный ресурс]. URL: http://www.kubtransport.info/krasnodar/trolleys3.html

10. Давыдова Ю.А., Громенко В.В. Экономические реформы в период «застоя» // Теория и практика общественного развития. 2014. № 7. С. 76 – 80.

11. Застой 1970 – 1980 гг. Причины и последствия [Электронный ресурс]. URL: https://studfile.net/preview/8669264/page:17/

12. Дементьев Б.П. «Застой» («развитой социализм») в СССР: мифы и реальность // Большая перемена: трансформация общественного сознания в 1953-1985 гг : Сборник научных статей по материалам VIII Всероссийской научной конференции, Пермь, 19-21 октября 2023 года. Пермь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет». 2024. С. 148 – 154.

13. Упоров И.В. Годы «застоя» в СССР (1960-е – начало 1980-х годов): причины и последствия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 9 – 2 (115). С. 140 – 145.

References

1. Lebedeva P.A. History of the development of the machine-building enterprise JSC Armalit. Marine Bulletin. 2017. No. 2 (62). P. 60 – 62.

2. Bazeyan K.R. On the history of intercultural relations in Armenia: Leninakan Textile Mill (1920s – 1980s). Heritage of the Centuries. 2023. No. 2. P. 46 – 53.

3. Vorobyova M.I. History of the Barnaul Melange Mill of the 1930s and the development of the women's Stakhanovite movement. Bulletin of the branch of the All-Russian Correspondence Finance and Economics Institute in Barnaul. 2010. No. 13. P. 23 – 27.

4. Lavrentyeva M.A., Dubinenko N.A. The History of the Formation of the Modern Architectural and Planning Appearance of the City of Timashevsk. Vector of Humanitarian Thought. 2025. No. 2. P. 43 – 59.

5. Lavrenteva M.A., Dubinenko N.A., Gaevskaya I.I., Kostenko R.V. Activities of the Krasnodar Cotton Mill in the 1960s–1970s and its Contribution to the Development of the Infrastructure of the City of Krasnodar. Historical Bulletin. 2025. Vol. 8, No. 6. P. 202 – 210.

6. Krasnodar Cotton Mill (KhBK) of the Ministry of Light Industry of the RSFSR, Krasnodar. State Budgetary Institution of Krasnodar Krai "State Archives of Krasnodar Krai". Collection No. R-1653. Alertino.com Archive Guide [Electronic resource]. URL: https://alertino.com /ru/322347

7. Tatarinova O.A. Krasnodar 60 Years Later: We Used to Produce, Now We Buy and Consume Everything. Rodnaya Kuban. 2022.

8. For Communist Labor: organ of the party committee, factory committee, Komsomol committee and the directorate of the Krasnodar Cotton Mill association. National Electronic Library: official website [Electronic resource]. URL: https://rusneb.ru/catalog/ 000199_000009_004502601/

9. Trolleybuses of Krasnodar – History. Public Transport of Kuban and Adygea. Internet Encyclopedia of Passenger Transport of Krasnodar Krai and the Republic of Adygea [Electronic resource]. URL: http://www.kubtransport.info/krasnodar/trolleys3.html

10. Davydova Yu.A., Gromenko V.V. Economic reforms during the period of "stagnation". Theory and practice of social development. 2014. No. 7. P. 76 – 80.

11. Stagnation of the 1970s – 1980s. Causes and consequences [Electronic resource]. URL: https://studfile.net/preview/8669264/page:17/

12. Dementyev B. P. "Stagnation" ("developed socialism") in the USSR: myths and reality. Big change: transformation of public consciousness in 1953-1985: Collection of scientific articles based on the materials of the VIII All-Russian scientific conference, Perm, October 19-21, 2023. Perm: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Perm State Humanitarian and Pedagogical University". 2024. P. 148 – 154.

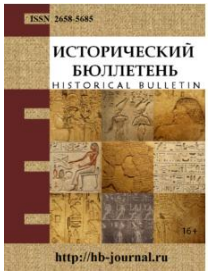
13. Uporov I.V. The Years of "Stagnation" in the USSR (1960s – Early 1980s): Causes and Consequences. Economy and Business: Theory and Practice. 2024. No. 9-2 (115). P. 140 – 145.

Информация об авторах

Лаврентьева М.А., кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет, tabar1@rambler.ru

Дубиненко Н.А., лаборант, Кубанский государственный технологический университет, nikita-dubinenko@yandex.com

© Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 930.2

Вопросы охраны окружающей среды в первые десятилетия существования Советского государства: источниковедческое исследование

[1] Лелякова А.С.,
[1] Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: в статье представлены результаты источниковедческого исследования, отражающего особенности обеспечения охраны окружающей среды в первые десятилетия существования Советского государства в контексте развития текстильной и легкой промышленности. Определены релевантные исторические источники, в которых на законодательном уровне отражались вопросы охраны окружающей среды; проведен анализ содержания выбранных источников; выделены аспекты экологической повестки, отражаемые в анализируемых источниках. В рамках проведения исследования использованы историко-сравнительный метод, историко-системный метод, метод исторической периодизации. в первые десятилетия существования Советского государства на законодательном уровне закреплены меры по охране и регламентированию использования природы и отдельных природных ресурсов. Сформулированы выводы: во-первых, о закреплении на законодательном уровне в первые десятилетия существования Советского государства мер по охране и регламентированию использования природы и отдельных природных ресурсов; во-вторых, об уделении особого внимания вопросам охраны объектов природы, которым грозило исчезновение, о создании природоохранных зон и заповедников; в-третьих, об учете возможностей ведомственного подхода к различным проблемам для решения вопросов охраны природы; в-четвертых, о рассмотрении проблематики рационального использования природных ресурсов в первую очередь с позиции социалистического строительства, активного развития промышленности, а не с позиции охраны природы; в-пятых, об отсутствии единой законодательной базы, регулирующей негативные проявления производственных процессов текстильной и легкой промышленности.

Ключевые слова: природа, экология, окружающая среда, охрана природы, исторические источники, СССР, Советский Союз

***Для цитирования**: Лелякова А.С. Вопросы охраны окружающей среды в первые десятилетия существования Советского государства: источниковедческое исследование // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 76 – 82.*

Поступила в редакцию: 24 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Environmental protection issues in the first decades of the Soviet state: a source study

[1] Lelyakova A.S.,
[1] Russian State University for the Humanities

Abstract: the article presents the results of a source study reflecting the features of environmental protection in the first decades of the Soviet state in the context of the development of the textile and light industry. The relevant historical sources that reflected environmental protection issues at the legislative level have been identified; the content of the selected sources has been analyzed; aspects of the environmental agenda reflected in the analyzed sources have been highlighted. The study used the historical-comparative method, the historical-systemic method, and the method of historical periodization. In the first decades of the Soviet state, measures to protect and regulate the use of nature and certain natural resources were enshrined in law. The following conclusions are formulated: firstly, on the enshrining at the legislative level in the first decades of the Soviet state of measures to protect and regulate the use of nature and certain natural resources; secondly, on paying special attention to the issues of protecting natural objects that were in danger of extinction, on the creation of nature conservation zones and reserves; thirdly, on taking into account the possibilities of a departmental approach to various problems for solving nature conservation issues; Fourthly, on the consideration of the problem of rational use of natural resources primarily from the perspective of socialist construction and the active development of industry, and not from the perspective of environmental protection; fifthly, on the absence of a unified legislative framework regulating the negative manifestations of production processes in the textile and light industries.

Keywords: nature, ecology, environment, nature protection, historical sources, the USSR, the Soviet Union, textile and light industry

***For citation**: Lelyakova A.S. Environmental protection issues in the first decades of the Soviet state: a source study. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 76 – 82.*

The article was submitted: August 24, 2025; Approved after reviewing: October 21, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Проблематика изучения влияния текстильной и легкой промышленности на окружающую среду является актуальной в исторической ретроспективе, так как по мере развития производственных технологий усиливается пагубное влияние производственных процессов на природу. В СССР вопросы охраны окружающей среды являлись востребованными на уровне общества. В официальных государственных документах затрагивались вопросы охраны и рационального использования природных ресурсов, экологические аспекты производства, вопросы влияния производственных процессов на окружающую среду и человека.

Развитие текстильной и легкой промышленности в Советском Союзе (1922-1991 гг.) сопровождалось постепенным формированием государственной политики в сфере охраны природы. В первые десятилетия индустриализации экологические вопросы рассматривались преимущественно с точки зрения санитарных условий труда и здоровья рабочих, а не в контексте защиты окружающей среды. К 1960-1980-м годам охрана природы стала важной частью государственной повестки, закрепленной в партийных решениях и законодательстве [7, с. 450]. В настоящей статье приведем результаты источниковедческого анализа официальных документов, принятых в первые десятилетия существования Советского Союза (1920-1930-е гг.), в рамках которых рассматривается проблематика охраны окружающей среды.

Материалы и методы исследований

При проведении настоящего источниковедческого исследования использованы следующие методы: историко-сравнительный метод, историко-системный метод, метод исторической периодизации. В рамках применения историко-сравнительного метода были изучены первичные источники – релевантные цели и задачам исследования тексты законодательных документов. В рамках применения историко-системного метода выявленные особенности в текстах законодательных документов были структурированы и упорядочены. В рамках метода исторической периодизации полученные результаты анализа выстроены в формате определения периодов, в которых обозначены различные этапы природоохранной политики в контексте влияния советской текстильной и

легкой промышленности на окружающую среду.

Цель исследования: на основе исторических источников в виде законодательных документов изучить особенности обеспечения охраны окружающей среды в Советской России в обозначенный исторический период (1920-1930-е годы).

Для достижения цели исследования были решены задачи по выявлению релевантных исторических источников в виде законодательных документов, в которых вопросы охраны окружающей среды рассматривались в контексте развития текстильной и легкой промышленности; по проведению анализа содержания выбранных источников; по выделению аспектов экологической повестки, отражаемых в анализируемых источниках; по формулированию выводов.

Объект исследования: вопросы охраны окружающей среды в 1920-1930-е годы в Советской России.

Предмет исследования: источники в виде законодательных документов, отражающих проблематику охраны окружающей среды в 1920-1930-е годы в контексте развития текстильной и легкой промышленности.

Результаты и обсуждения

В первые годы советской власти в условиях исторических реалий последствий революционных событий и гражданской войны наблюдалось бесконтрольное воздействие человеческого общества на окружающую среду, что отражалось в вырубке лесов; уничтожении парков, садов; уничтожении диких животных [8, с. 34].

В основном документе Советского государства – в Конституции РСФСР, принятой участниками V Всероссийского съезда Советов на заседании 10 июля 1918 года в третьем разделе «Конструкция Советской власти» главе восьмой «О Совете Народных Комиссаров» статье 37 зафиксирована основная функция Совета Народных Комиссаров («общее управление делами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики») [6, с. 248]. Отметим, что для осуществления функций руководства отдельными сферами деятельности Советского государства и отраслями народного хозяйства были выделены Народные комиссариаты, в частности Народный комиссариат земледелия, Народный комиссариат торговли и промышленности, Высший Совет Народного хозяйства.

Однако, в первые годы существования советской власти на законодательном уровне основные функции охраны природы были возложены на Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями («Главнаука») [9, с. 35]. Данное управление являлось структурным подразделением Народного комиссариата просвещения. Передача функций охраны окружающей среды управлению, курирующему научно-образовательную деятельность и реализующему научный подход подчеркивает значимость вопросов охраны окружающей среды и стремление использовать научные методы для решения вопросов гармоничного взаимодействия общества и природы.

В первые годы становления советского государства были приняты управленческие решения, направленные на создание нормативной и законодательной базы в области охраны окружающей среды; созданы ведомства и отделы, курирующие деятельность по охране природы и рационального использования природных ресурсов.

В 1920-м году при Народном комиссариате просвещения было образовано первое в Советской России ведомство, сотрудники которого осуществляли работу по сохранению уникальных природных объектов и обеспечению охраны окружающей среды, – Государственный комитет по охране памятников природы, в функции которого входили охрана памятников природы и экологическое просвещение населения [3, с. 74].

В 1921 году при Народном комиссариате просвещения РСФСР учрежден отдел по охране природы, сотрудники которого призывали широкие слои советского общества участвовать в природоохранных мероприятиях и не оставаться равнодушными к вопросам защиты окружающей среды [12, с. 130]. Также в 1921 году принят Декрет Совета народных комиссаров «Об охране памятников природы, садов и парков», который является одним из первых советских нормативных актов в области обеспечения охраны природы [4].

В 1922 году создана Государственная санитарная инспекция, в функционал которой входило осуществление общего контроля за состоянием окружающей среды (санитарная охрана воды, воздуха, почвы и др.) [15, с. 161]. Государственная санитарная инспекция осуществляла контроль за деятельностью предприятий, фабрик, заводов, предписывала ограничения и нормы государственного регулирования.

В 1924 году образовано Всероссийское общество охраны природы с целью научного сопровождения вопросов защиты окружающей среды, осуществления практической деятельности по охране природы [13, с. 75].

На рубеже второго десятилетия XX века было принято несколько десятков законодательных актов, содержание которых отражало вопросы охраны и использования природных ресурсов; а также созданы комитеты, основной деятельностью кото-

рых являлось обеспечение охраны окружающей среды. В частности, в 1919 году был создан Центральный комитет водоохранения отдела химической промышленности для обеспечения охраны водоемов страны от загрязнения сточными водами фабрик, заводов и других предприятий [10, с. 71].

В обозначенный период проблематика охраны окружающей среды признается актуальной, обсуждается на законодательном уровне, принимаются декреты о создании заповедных зон и охранных районов, в которых подчеркивается необходимость принятия решений по охране окружающей среды от пагубного воздействия результатов человеческой деятельности.

В Декрете Совета народных комиссаров РСФСР от 5 октября 1925 года об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение отмечается, что «полные заповедники представляют собой участки природы, в отношении которых воспрещается хозяйственное использование…» [5]. То есть на территории заповедных зон не допускается расположение промышленных предприятий и ведение иных хозяйственных видов деятельности. На рубеже 1920-х годов вопросы охраны окружающей среды решались посредством создания заповедных зон.

Государственный Межведомственный комитет по охране природы был создан в 1925 году при Главном управлении научными, научно-художественными и музейными учреждениями. В состав комитета вошли представители разных наркоматов, общественных и научных организаций. Комитет выполнял важную функцию координации деятельности разных ведомств в отношении природопользования («упорядочение и управление политикой различных комиссариатов и правительственных учреждений, относящейся к охране природы») [2, с. 90]. Однако, по причине недостаточного финансирования деятельность комитета была мало эффективной: постановления о регулировании и способах защиты окружающей среды зачастую оставались на бумаге, так как не было возможности внедрить природоохранные меры в жизнедеятельность людей, в производственные процессы.

На местах в разных регионах создавались локальные межведомственные комиссии по охране природы, сотрудники которых занимались вопросами охраны природы на местном уровне, а также курировали решение вопросов, имеющих не только локальное, но и общенациональное значение.

Со второй половины 1920-х годов процессы индустриализации становятся более интенсивными, потребности советского общества и советских граждан росли, что приводило к освоению новых земель, к быстрым темпам строительства фабрик и заводов.

К концу 1920-х годов произошло переструктурирование существующих фабрик легкой промышленности: обувной, швейной, шелковой и трикотажной промышленности. Начато строительство новых фабрик легкой промышленности: хлопчатобумажных фабрик, шелкоткацких, суконно-камвольных и др. В ряде советских городов были построены крупные предприятия, многие из которых продолжают функционировать в настоящее время: в Смоленске, Вологде, Орше – предприятия льняной промышленности; в Барнауле, Ташкенте – предприятия хлопчатобумажной промышленности; в Московской области и Семипалатинске – шерстяные фабрики [1, с. 40]. Отметим, что в годы Великой Отечественной войны многие предприятия легкой промышленности были частично разрушены, несмотря на это советская армия была обеспечена обувью, одеждой и другими предметами.

В большинстве случаев проявления индустриализации сопровождались пагубным воздействием на окружающую среду: не учитывалось отрицательное воздействие промышленных процессов на природу, недостаточно контролировались и нивелировались негативные факторы потенциального и реального воздействия промышленных процессов на окружающую среду.

Негативные проявления экологического характера в первую очередь имели локальный контекст: проявлялись в городах, в которых функционировали промышленные производства. Снижение качества питьевой воды, ухудшение воздуха, загрязнение почв – основной перечень фактов проявления нарушения экологического равновесия.

Проблематика промышленного загрязнения окружающей среды выходит на первый план в научных дискуссиях конца 1920-х – начала 1930-х годов [14, с. 230]. Ученые подчеркивали необходимость постановки и решения экологических вопросов на правительственном уровне.

В 1929 году в Москве состоялся Всероссийский съезд по охране природы, участниками которого выступили представители государственных структур, общественных движений, ученые. Основными результатами работы участников съезда являются: во-первых, постулирование идеи о том, что природа должна быть сохранена и рационально использоваться на благо человечества; во-вторых, необходимо формирование сети охраняемых природных территорий; в-третьих, задачи охраны природы связывались с задачами хозяйственного развития регионов страны; в-четвертых, предла-

гался научный подход к использованию и сохранению природных ресурсов.

Межведомственный государственный комитет содействия развитию и охране природных богатств был образован в 1930-м году за счет реорганизации Межведомственного государственного комитета по охране природы, который в течение пяти лет успешно выполнял координирующую функцию. В функционал нового комитета были добавлены задачи по обеспечению рационального использования природных богатств и их приумножению. Соответственно, на первый план в работе комитета выходит обсуждение производственных планов различных организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность, выдача разрешений на осуществление хозяйственной деятельности. Отметим, что, несмотря на необходимость обеспечения рационального использования природных богатств, зачастую комитетом принимались решения в пользу быстрой индустриализации, а не охраны окружающей среды.

В 1933 году проведен первый Всесоюзный съезд по охране природы, в резолюции которого представлены основные направления работы по охране природы; постулируется идея о том, что охрана природы в СССР не может проводиться обособленно от задач социалистического строительства.

В первых пятилетних планах развития советского социалистического общества вопросы охраны природы не отражены, акцент делался на быстром росте материального производства, производительности труда, на подготовке квалифицированных кадров для разных областей хозяйственной деятельности.

Лишь к концу 1940-х годов был разработан специальный план с учетом необходимости решения экологических проблем. 20 октября 1948 года принято Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) 3960 «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР», в котором обозначены конкретные решения по нивелированию проблем повторяющихся засух и суховеев в степных и лесостепных районах европейской части СССР. Отметим, что в тексте документа предлагаются конкретные решения по созданию системы лесных полос; по совершенствованию защитных лесонасаждений в черте колхозов и совхозов; по закреплению песков; по выращиванию посадочного материала в государственных, колхозных и совхозных лесных питомниках; по развитию системы орошения; по созданию искусственных прудов и водоемов; по механизации сельскохозяйственных работ и др. [11]. Однако, в тексте документа отсутствуют решения, непосредственно связанные с регулированием производственных процессов на фабриках и заводах, которые приводят к загрязнению окружающей среды и нарушению баланса в природных процессах.

Выводы

На основе проведенного анализа сформулируем выводы об особенностях обеспечения охраны окружающей среды в первые десятилетия существования Советского государства в контексте развития текстильной и легкой промышленности.

Во-первых, в первые десятилетия существования Советского государства на законодательном уровне закреплены меры по охране и регламентированию использования природы и отдельных природных ресурсов.

Во-вторых, особое внимание было уделено вопросам охраны объектов природы, которым грозило исчезновение, создавались природоохранные зоны и заповедники.

В-третьих, для решения вопросов охраны природы учитывалась возможность ведомственного подхода к различным проблемам, что способствовало более предметному и сфокусированному на определенной проблеме подбору инструментов и способов ее решения.

В-четвертых, проблематика рационального использования природных ресурсов в первую очередь рассматривалась с позиции социалистического строительства, активного развития промышленности, а не с позиции охраны природы.

В-пятых, единой законодательной базы, регулирующей негативные проявления производственных процессов текстильной и легкой промышленности, не существовало, что приводило к пагубному воздействию индустриализации в целом на окружающую среду.

Список источников

1. Бурденко Е.В. Ретроспективный анализ развития легкой промышленности в России // Экономика и управление. 2010. № 27 (162). С. 38 – 43.

2. Вайнер Д. Экология в Советской России: архипелаг Свободы, заповедники и охрана природы. М.: Прогресс, 1991. 396 с.

3. Гололобов Е.И., Дурновцев В.И. Экологическая история Севера Западной Сибири (1917-1991 гг.): исследовательский потенциал архивных источников // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 72 – 86.

4. Декрет Совета народных комиссаров «Об охране памятников природы, садов и парков» // «Известия Всероссийского Центрального исполнительного комитета советов». №227. 11 октября 1921 г. Электронный ресурс: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350583 (дата обращения: 18.06.2025)

5. Декрет Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров от 5 октября 1925 года об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение // «Известия Центрального исполнительного комитета Союза ССР и ВЦИК». №244. 24 октября 1925 г. Электронный ресурс: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_2689.htm (дата обращения: 18.06.2025)

6. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Раздел 3. Глава 8. Статья 37. 10 июля 1918 г. Электронный ресурс: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm (дата обращения: 18.06.2025)

7. Макеева Е.Д. Архивные документы Государственного комитета по охране природы СССР как источник по экологической истории России конца 1980-х – начала 1990-х гг. // Вестник архивиста. 2024. №2. С. 441 – 458.

8. Макеева Е.Д. Власть и общество в России: взаимоотношения в сфере охраны природы (1917-1991 гг.). Самара: СНЦ, 2021. 551 с.

9. Макеева Е. Д. Становление системы государственного управления охраны природы в России в 1917-1920-х гг. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. №1. С. 34 – 39.

10. Постановление Высшего Совета Народного Хозяйства. О Центральном Комитете Водоохранения (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М.: 1943. С. 71 – 72. Электронный ресурс: https://istmat.org/node/35548 (дата обращения: 18.06.2025)

11. Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) 3960 «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». 20 октября 1948 г. Электронный ресурс: https://istmat.org/node/17970 (дата обращения: 18.06.2025)

12. Рыбальский Н.Г., Чернов Д.И. 100 лет на страже природы России: к вековому юбилею Всероссийского общества охраны природы // Жизнь земли. 2025. №1. С. 128 – 135.

13. Скрипко Е.А. Организация охраны природы в Советской России (1919-1924 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 8 (29). С. 73 – 81.

14. Цинцадзе Н.С. Государство, общество и природа в России конца XIX – первой трети XX века: танго втроем. СПБ.: Алетейя, 2019. 570 с.

15. Шмыглева А.В. Природоохранная политика Советского государства: основные этапы формирования и механизм реализации // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Сборник научных трудов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 159 – 171.

References

1. Burdenko E.V. Retrospective Analysis of the Development of Light Industry in Russia. Economy and Management. 2010. No. 27 (162). P. 38 – 43.

2. Weiner D. Ecology in Soviet Russia: the Freedom Archipelago, Nature Reserves, and Nature Conservation. Moscow: Progress, 1991. 396 p.

3. Gololobov E.I., Durnovtsev V.I. Environmental History of the North of Western Siberia (1917-1991): the Research Potential of Archival Sources. Herald of the Archivist. 2017. No. 2. P. 72 – 86.

4. Decree of the Council of People's Commissars "On the Protection of Natural Monuments, Gardens, and Parks". "Bulletin of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets." No. 227. October 11, 1921. Electronic resource: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350583 (date of access: 06.18. 2025)

5. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of October 5, 1925 on the Protection of Natural Areas and Individual Works of Nature That Are Primarily of Scientific or Cultural-Historical Significance. Izvestiya of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee. No. 244. October 24, 1925. Electronic resource: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_2689.htm (date of access: 06.18.2025)

6. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. Section 3. Chapter 8. Article 37. July 10, 1918. Electronic resource: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm (date of access: 18.06.2025)

7. Makeeva E.D. Archival documents of the State Committee for Nature Protection of the USSR as a source on the environmental history of Russia in the late 1980s – early 1990s. Archivist's Bulletin. 2024. No. 2. P. 441 – 458.

8. Makeeva E.D. Power and Society in Russia: Relationships in the Sphere of Environmental Protection (1917–1991). Samara: SNC, 2021. 551 p.

9. Makeeva E.D. Formation of the System of State Management of Environmental Protection in Russia in the 1917 – 1920s. Bulletin of KSU im. N.A. Nekrasov. 2016. No. 1. P. 34 – 39.

10. Resolution of the Supreme Council of the National Economy. On the Central Committee for Water Protection (Regulations). Collection of government regulations and orders for 1919. Administration of the Council of People's Commissars of the USSR. Moscow: 1943. P. 71 – 72. Electronic resource: https://istmat.org/node/35548 (date of access: 18.06.2025)

11. Resolution of the Council of Ministers of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) No. 3960 "On the plan for shelterbelt afforestation, the introduction of grassland crop rotations, the construction of ponds and reservoirs to ensure high and stable yields in the steppe and forest-steppe regions of the European part of the USSR." October 20, 1948. Electronic resource: https://istmat.org/node/17970 (date of access: 06.18.2025)

12. Rybalsky N.G., Chernov D.I. 100 Years Guarding Russia's Nature: On the Centenary of the All-Russian Society for Nature Conservation. Life of the Land. 2025. No. 1. P. 128 – 135.

13. Skripko E.A. Organization of Nature Conservation in Soviet Russia (1919-1924). Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Criticism. Linguistics. Cultural Studies. 2017. No. 8 (29). P. 73 – 81.

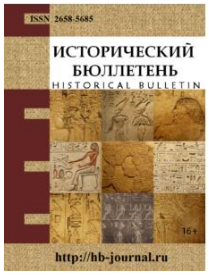
14. Tsintsadze N.S. State, Society, and Nature in Russia in the Late 19th – First Third of the 20th Century: A Three-Man Tango. St. Petersburg: Aleteya, 2019. 570 p.

15. Shmygleva A.V. Environmental Policy of the Soviet State: Main Stages of Formation and Implementation Mechanism. 1917 in Russia: Socialist Idea, Revolutionary Mythology, and Practice. Collection of Scientific Papers. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2016. P. 159 – 171.

Информация об авторе

Лелякова А.С., аспирант, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-7655-9278, Российский государственный гуманитарный университет, agatafil96@gmail.com

© Лелякова А.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94 (47+57) 1914/1918

Эволюции образа Германии в российской прессе начала XX века с точки зрения экономического противостояния России и Германии (в современной отечественной историографии)

[1] Перышкин М.О.,
[1] Псковский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу формирования и трансформации образа Германии как экономического противника в российской прессе накануне Первой мировой войны. В рамках исследований образов стран обычно рассматриваются сюжеты, посвященные политическим, социальным, культурным и военным вопросам. Экономические новости выступают чаще всего общим контекстом, а не самостоятельным объектом изучения. В тоже время, Россию связывало с Германией как долгое сотрудничество, так и соперничество, а вопрос немецкого засилья, в том числе и в экономике, серьезно беспокоил общество. Исследование показывает, что изначально нейтральный образ Германии в публицистике постепенно сменился призывами к противодействию экономической агрессии со стороны Германии.

Ключевые слова экономическое противостояние, экономическая политика, историческая имагология, образ государства, Германия, Российская империя, Первая мировая война, образ врага

***Для цитирования**: Перышкин М.О. Эволюции образа Германии в российской прессе начала XX века с точки зрения экономического противостояния России и Германии (в современной отечественной историографии) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 83 – 88.*

Поступила в редакцию: 24 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Evolution of Germany's image in the Russian press in the early 20th century from the perspective of the economic confrontation between Russia and Germany (in contemporary Russian historiography)

[1] Peryshkin M.O.,
[1] Pskov State University

Abstract: this article analyzes the formation and transformation of Germany's image as an economic adversary in the Russian press on the eve of World War I. Studies of country images typically examine stories on political, social, cultural, and military issues. Economic news often serves as a general context rather than an independent object of study. At the same time, Russia and Germany were linked by both long-standing cooperation and rivalry, and the issue of German dominance, including in the economy, was a serious public concern. The study shows that the initially neutral image of Germany in publicist writing gradually gave way to calls for resistance to Germany's economic aggression.

Keywords: economic confrontation, economic policy, historical imagology, state image, Germany, Russian Empire, World War I, enemy image

***For citation**: Peryshkin M.O. Evolution of Germany's image in the Russian press in the early 20th century from the perspective of the economic confrontation between Russia and Germany (in contemporary Russian historiography). Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 83 – 88.*

The article was submitted: August 24, 2025; Approved after reviewing: October 22, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Экономика Российской империи в предвоенный период находилась в состоянии перехода от аграрной к индустриальной модели развития. Россия начинала активно интегрироваться в мировую экономику и искать своё место на международных рынках. В обществе шла активная дискуссия о том, что должно стать источником роста для российской экономики. Это находило отражение как в таможенном регулировании: шел активный спор между сторонниками протекционизма и фритредерством [5, 7].

Параллельно велись дискуссии о модернизации промышленной политики: в обществе были разные мнения о том, следует ли концентрировать усилия только на создании крупных компаний как локомотивов индустриализации, или же, необходимо и стимулировать развитие малого и среднего бизнеса. Важным аспектом этих дискуссий были вопросы о роли иностранного капитала в этих процессах [1, 12].

Несмотря на обширную дискуссию о путях развития экономики, в стране сохранялась сильная дифференциация по уровню развития между территориями, отраслями промышленности, а также среди населения по качеству жизни, уровню доходов и образованию. Пока одна часть общества жила в индустриальной эпохе, другая часть сохраняла традиционный уклад, что находило отражение в культуре и влияло и на принятие экономических решений. Так в работе «Немецкий дух и русский менталитет в литературном и деловом мире России до 1917 г.» отмечается, что «общественность предавала анафеме всех торговых посредников» а также всю деятельность, направленную на извлечение сверхприбыли, что соответственно оказывало влияние на их экономическое поведение и решения [18].

В работе «Особенности российского таможенного протекционизма начала XX В.» автор фиксирует нерациональность таможенной политики того времени. В тоже время, говорить об однозначно негативном влиянии таможенной политики нельзя, так как торговые договоры сближали страны, способствовали развитию экономики и торговли, поддерживали прогрессивные тенденции в развитии страны [8].

Германия являлась одним из ключевых торговых партнеров России. Из России экспортировался хлеб в Германия, а в Россию из Германии – импортировались промышленные товары. Однако, устоявшийся порядок стал меняться, когда Германия сама вышла на мировой рынок хлеба, что и привело к росту конкуренции между двумя странами и вытеснению России с традиционных для неё рынков, например, росло доминирование немецкого хлеба в Финляндии. Такая динамика торговли стала восприниматься как прямая угроза российской экономики.

Давление германской экономической мощи ощущала не только Россия, но и другие будущие члены Антанты – Англия и Франция. Как отмечают Рыбаков С. В. «каждая из стран Антанты уступала Германии и понимала, что отставание в промышленном росте приведет к сдаче позиций не только в экономическом, но и в геополитическом соревновании» [14].

Материалы и методы исследований

При написании настоящей статьи использовались как общенаучные, так и специально-исторические методы исследования. К числу используемых специально-исторических методов можно отнести историко-сравнительный метод и инструментарий исторической имагологии.

Результаты и обсуждения

К рассмотрению образа Германии начала XX века, формируемого периодической печатью, обращались такие отечественные авторы С.Н. Синегубов, С.П. Шилов [16], В.В. Фролов [17], Л.В. Антонова [3, 4], Л.В. Алиева [2], И.К. Богомолов [6] в своих работах, посвященных образу Германии, фокусируются на его политических, идеологических или военных аспектах. Экономические причины часто служат лишь общим контекстом, а не самостоятельным объектом изучения.

Значительный вклад в изучение исследуемой темы вносит статья Б.С. Котова «Русско-германские торговые отношения накануне Первой мировой войны в оценке русской прессы» [11]. Борис Сергеевич отмечает, что понимание экономической невыгодности торгового договора для России было в прессе единодушным. Однако пути решения этой проблемы виделись по-разному: от радикального разрыва отношений и таможенной войны до признания текущей зависимости и необходимости долгосрочного повышения эффектив-

ности национальной экономики. Особое беспокойство вызывала экспансия германских сельхозпроизводителей на рынке зерна, где Россия традиционно занимала лидирующие позиции.

Котов резюмирует, что в российской печати нарастала тревога относительно характера двусторонних связей, а возникшая дискуссия свидетельствовала и о тревоге в обществе, что хозяйственная зависимость со временем повлечет за собой и политическое подчинение России Берлину. При этом сам автор считает, что пресса сгущала краски, а её риторика отражала неуверенность русского общества перед лицом мощной, экономически развитой Германии.

В другой работе К. Хеллер так же анализируется отношение к немецкой торговле в деловой прессе, но если Б.С. Котов рассматривает отношение к Германии как стране – участниц таможенной войны, то К. Хеллер анализирует отношение к представителям Германии, но уже в внутри страны. Так, автор отмечает, что несмотря на уважение к деловым качествам немецких предпринимателей, среди населения России, они не всегда вызывали симпатию. Однако, до объединения германских земель и начала бурного роста немецкой экономики, германофобство не было массовым и носило больше сравнение культурных различий двух народов. В Российской империи была обширная немецкая диаспора, которая была представлены во всех слоях общества того времени [18].

С усилением политического давления на мировой арене со стороны Германии и доминирования на рынках росло и напряжение к представителям немецкой общины в России. Так, Хеллер приводит в пример газету «Утро России», издаваемую купцом П. Рябушинским, где печатались материалы о возрастающем недовольстве о экономическом могуществе Германии. В тоже время сам автор отмечает, что в Москве, где издавалась газета шли активные процессы реформирования купечества из замкнутого сословия в открытую современную буржуазию. Автор подчеркивает, что целью вытеснения немцев было не только желание получить экономическую выгоды от ухода конкурентов, но и для формирования «чувства собственной национальной ценности».

Изменение образа Германии было ответом на внешние события. Если раньше в карикатурах «Русского слова» Германия изображалась как старый сентиментальный ученый Михаэль в ночном колпаке, то теперь ночной колпак был заменен на прусский шлем с пикой – как символе новой Германии и ее внешней политики [13].

К началу Первой мировой войны еще не был сформирован образ Германии как врага или конкурента в российской прессе. По мнению Поршневой О.С. «специфика исторической ситуации в России в начале XX в. обусловила слабость официальной «патриотической» пропаганды и идейно-психологической подготовки к войне». Образ немца того периода – комическая фигура, которую будет нетрудно победить в бою. И если к началу войны в Германии уже был сформирован образ России как противника Германии, то в России образ Германии как противника формировался в ходе Первой мировой войны.

Значительный вклад в формирование образа Германии как врага и конкурента России был сделан в период «газетной войны». В начале 1914 года в ряде крупных изданий России и Германии вышли статьи с взаимной критикой проводимой международной политики, в том числе в них были затронуты и вопросы экономических взаимоотношений двух стран [9]. «Первый «выстрел» был сделан германской прессой, обвинившей Россию в наращивании вооружения. Российская печать ответила резко, называя требуемые уступки Германии «издевательством» и призывали к «репрессиям экономического характера».

Анализируя реакцию русских газет, Котов Б.С. приходит к выводу, что ряд издания (такие как «Русское слово» и «Новое время») видели причину германской агрессии именно в желании Берлина сохранить выгодные условия торгового договора 1904 года. Рассуждения в немецкой прессе о превентивной войне трактовались как предупреждение России против его пересмотра. В тоже время ряд газет по мнению автора видели причину антирусских выступлений в немецкой прессе не в желании сохранить выгодный для Германии торговый договор, объясняя происходящее общей политической напряжённостью в Европе [10].

В дискурсе отечественной прессы появляются яркие метафоры, характеризующие Германию как экономического агрессора: «народ-добытчик», «промышленно-торговый спрут» «щупальца, высасывающий живые соки народов», «привилегию всемирного грабежа». Котов фиксирует формирование в прессе образа Германии как страны-«шантажиста», стремящейся получить экономические преференции от России угрозами войны. В дискурсе газет виден переход от тезиса «давления Германии на Россию» к тезису «давление Германии на всю Европу» через такие фразы: «свившийся в центре Европы в громадный кулак», «Берлин присвоил привилегию».

Цель такой политики по мнению авторов было обеспечение «счастья многомиллионной тевтонской расы» «путем военного разгрома соседней страны и обложения ее военной данью». Если

раньше такой жертвой выступала Франция, то сейчас по мнению А.А. Столыпина эта роль уготована России. Инструменты для достижения этой цели определяются как «большую дубинку», мощный фактор силы в лице армии и флота Германии.

С началом войны антигерманские настроения, естественно, выросли. Эти настроения так же затронули и вопросы экономического взаимодействия с Германией и её представителями, в том числе и тех, кто проживает в России и является её подданными.

Ратников Г.Н. приводит выдержку из Газеты «Вечернее время» где 1 сентября 1914 г. было напечатано открытое письмо «группы русских» с призывом к «бескровной борьбе с немецким началом в России». Автор подчеркивает, что материалы со схожими тезисами были опубликованы и другими изданиями, а сами тезисы были поддержаны широкой общественностью, в том числе и интеллигенцией. Так же затрагивались и вопросы присутствия германского капитала на территории России. В газете «Новое время» выходят материалы, посвященные защите русских предпринимателей от конкуренции со стороны иностранного капитала [14].

В исследуемом материале автора газета «Утро России» трезво оценивала уровень экономического развития России и утверждала, что победа над Германией может быть достигнута только «дорогой ценой». В тоже время, прослеживает автор и надежды на более выгодные для России экономические условия взаимодействия.

Кроме публикаций в новостных изданиях выходили и публикационные материалы отдельных обществ, одним из таких обществ было «Общество 1914 года», которое в 1916 году издавало собственную газету – «Известия Общества 1914 года», одной из целей которого была борьба с немецким присутствием в российской жизни. В одном из номеров указывалось, что «вся Россия покоится на покровительстве немцам и всему немецкому со стороны правительственных кругов, на стеснении самодеятельности русских путем устарелого законодательства и недоверии к творческим силам русского народа…». Другим схожим образом действовало общество «За Россию» в Москве. Данное общество публиковало списки «вражеских германских фирм», ставя перед собой цель выяснить размеры «немецкого засилья» в городе.

Шубина А.Н. приводит такие негативные черты немцев: «немецкому народу «внушили мысль, что он первый народ в мире, что он самый ученый, умный, лучший организатор, умеет использовать всякие средства и призван править другими народами». В тоже время, в материалах отмечается, что у немцев есть свои достоинства – трудолюбие, сплоченность, знания, но, по его мнению, все это служит им только для собственной пользы и обогащения [19].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что российская пресса начала XX века сыграла ключевую роль в формировании и трансформации образа Германии как экономического противника России. Изначальный образ Германии в общественном сознании был далек от враждебного и носил нейтральный характер.

Рост напряженности в международных отношениях между Германией и Россией вывел вперед в общественном дискурсе вопросы несправедливости торгового договора и немецкого засилья в экономике России. Через экономические новости формировался образ Германии как враждебной, агрессивной и эксплуататорской силы, что в значительной степени подготовило общественное мнение к восприятию войны как экономического и национального освобождения.

В период «газетной войны» 1914 года Германия стала изображаться как угроза экономической и, как следствие, политической самостоятельности России. Этот образ был окончательно закреплен с началом Первой мировой войны.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00480, https://rscf.ru/project/25-18-00480/

Список источников

1. Алиев Э.Г., Мамишев В.И. Причины и влияние торговых пошлин на развитие производства: таможенная война России и Германии (1892-1912) // π-Economy. 2014. № 1 (187). С. 157 – 164.

2. Алиева Л.В. Образ «чужого» и «чуждого» на страницах журнала «Нива» в годы Первой мировой войны // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 7 – 12. DOI 10.37882/2223-2982.2025.01.01

3. Антонова Л.В. «The Times» о российско-германских отношениях накануне Первой мировой войны // Россия – Германия в образовательном, научном и культурном диалоге: сборник материалов Международного научно-просветительского форума, Псков, 16-17 сентября 2021 года. Псков: Международная академия КОНКОРД (Editions du JIPTO), 2021. С. 10 – 15. DOI 10.37490/de2021/002

4. Антонова Л.В., Борисенко В.Н., Демичева Т.М. и др. «Другой» колонизатор: очерки имперского колониального соперничества: коллективная монография. Псков: ООО "Логос", 2024. 176 с. ISBN 978-5-605-31129-4

5. Барсукова С.Ю. Условия эффективного протекционизма. Размышления С.Ю. Витте и Д.И. Менделеева // ЭКО. 2011. № 7 (445). С. 157 – 171.

6. Богомолов И.К. Русская печать о причинах и истоках первой мировой войны (август 1914 г.) // РСМ. 2014. № 3 (84). С. 133 – 142.

7. Гаркавенко И.С. Дискуссии о торговой и таможенной политике в период таможенной войны России и Германии (1900-1914-е гг.) // ПСЭ. 2013. № 4 (48). С. 414 – 417.

8. Иванов К.Е. Особенности российского таможенного протекционизма начала XX В. // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2015. № 1 (23).

9. Кострикова Е.Г. Русско-германская «Газетная война» начала 1914 года // Вестник НовГУ. 2011. № 63 С. 45 – 48.

10. Котов Б.С. "Что можно германскому Зевсу...": образ Германии в русской прессе в период "газетной войны" весны 1914 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 3. С. 87 – 97.

11. Котов Б.С. Русско-германские торговые отношения накануне Первой мировой войны в оценке русской прессы // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 104 – 118.

12. Погребинская В.А. Промышленная политика России в конце XIX – начале XX в // Вестник Московского университета. Серия 6, Экономика. 2008. № 3. С. 3 – 13.

13. Поршнева О.С. Взаимовосприятие России и Германии в контексте назревания предпосылок Первой мировой войны // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. № 12. Сер.: Германика. Вып. 1. Екатеринбург: Издательский отдел УрГПУ, 2022. С. 65 – 81.

14. Ратников Г.Н., Агеева Е.А. Германский капитал в российской империи в годы Первой мировой войны // Научные записки молодых исследователей. 2014. № 3. С. 78 – 84.

15. Рыбаков С.В. К вопросу о российско-германских отношениях в канун Первой мировой войны // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2015. № 1 (137). С. 97 – 112.

16. Синегубов С.Н., Шилов С.П. Российские издания 1914-1917 гг. О Германии: политика и аналитика // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2017. № 47. С. 128 – 134.

17. Фролов В.В. Образ Германии на страницах газеты «Русский инвалид» в первые годы Первой мировой войны (1914-1915 гг.) // Журнал Фронтирных Исследований. 2024. № 4. С. 267 – 289.

18. Хеллер К. Немецкий дух и русский менталитет в литературном и деловом мире России до 1917 г // Экономическая история: ежегодник. 2010. Т. 2010. С. 94 – 108.

19. Шубина А.Н. Формирование «Образа врага»: отношение к российским немцам в годы Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2011. № 4. С. 119 – 131.

20. Bogomolov I. The image of the german army in the russian press (1914-1915) // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 2020. Vol. 68. No. 2. P. 197 – 221. DOI 10.25162/JGO-2020-0007

References

1. Aliyev E.G., Mamishev V.I. Causes and Impact of Trade Tariffs on Production Development: The Customs War between Russia and Germany (1892-1912). π-Economy. 2014. No. 1 (187). P. 157 – 164.

2. Alieva L.V. The Image of the “Alien” and “Foreign” on the Pages of the Niva Magazine During the First World War. Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2025. No. 1. P. 7 – 12. DOI 10.37882/2223-2982.2025.01.01

3. Antonova L.V. "The Times" on Russian-German relations on the eve of the First World War. Russia – Germany in educational, scientific and cultural dialogue: collection of materials from the International scientific and educational forum, Pskov, September 16-17, 2021. Pskov: CONCORD International Academy (Editions du JIPTO), 2021. P. 10 – 15. DOI 10.37490/de2021/002

4. Antonova L.V., Borisenko V.N., Demicheva T.M., et al. "The Other" Colonizer: Essays on Imperial Colonial Rivalry: a collective monograph. Pskov: Logos LLC, 2024. 176 p. ISBN 978-5-605-31129-4

5. Barsukova S.Yu. Conditions for effective protectionism. Reflections of S.Yu. Witte and D.I. Mendeleev. ECO. 2011. No. 7 (445). P. 157 – 171.

6. Bogomolov I.K. Russian press on the causes and origins of the First World War (August 1914). RSM. 2014. No. 3 (84). P. 133 – 142.

7. Garkavenko I.S. Discussions on trade and customs policy during the customs war between Russia and Germany (1900-1914). PSE. 2013. No. 4 (48). P. 414 – 417.

8. Ivanov K.E. Features of Russian customs protectionism in the early 20th century. Theory and practice of service: economics, social sphere, technology. 2015. No. 1 (23).

9. Kostrikova E.G. The Russo-German "Newspaper War" of Early 1914. Vestnik of Novgorod State University. 2011. No. 63. P. 45 – 48.

10. Kotov B.S. "What Can German Zeus Do...": The Image of Germany in the Russian Press During the "Newspaper War" of Spring 1914. Vestnik of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2011. No. 3. P. 87 – 97.

11. Kotov B.S. Russo-German Trade Relations on the Eve of World War I as Assessed by the Russian Press. History Issues. 2012. No. 2. P. 104 – 118.

12. Pogrebinskaya V.A. Russia's Industrial Policy in the Late 19th – Early 20th Centuries. Vestnik of Moscow University. Series 6, Economics. 2008. No. 3. P. 3 – 13.

13. Porshneva O.S. Mutual perception of Russia and Germany in the context of the maturing prerequisites for the First World War. Imagines mundi: Almanac of studies of general history of the 16th-20th centuries. No. 12. Series: Germanika. Issue 1. Yekaterinburg: Publishing department of the Ural State Pedagogical University, 2022. P. 65 – 81.

14. Ratnikov G.N., Ageeva E.A. German capital in the Russian empire during the First world war. Scientific notes of young researchers. 2014. No. 3. P. 78 – 84.

15. Rybakov S.V. On the issue of Russian-German relations on the eve of the First world war. Bulletin of the Ural Federal University. Series 3, Social Sciences. 2015. No. 1 (137). P. 97 – 112.

16. Sinegubov S.N., Shilov S.P. Russian publications of 1914-1917. About Germany: policy and analytics. Vestn. Tomsk. state University. History. 2017. No. 47. P. 128 – 134.

17. Frolov V.V. The image of Germany on the pages of the newspaper “Russian Invalid” in the first years of the First World War (1914-1915). Journal of Frontier Studies. 2024. No. 4. P. 267 – 289.

18. Heller K. The German spirit and Russian mentality in the literary and business world of Russia before 1917. Economic history: yearbook. 2010. Vol. 2010. P. 94 – 108.

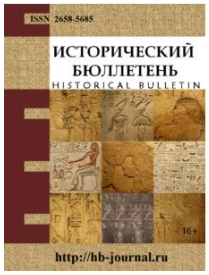
19. Shubina A.N. Formation of the “Image of the Enemy”: Attitudes toward Russian Germans during the First World War. Bulletin of Moscow University. Series 8, History. 2011. No. 4. P. 119 – 131.

20. Bogomolov I. The Image of the German Army in the Russian Press (1914-1915). Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 2020. Vol. 68. No. 2. P. 197 – 221. DOI 10.25162/JGO-2020-0007

Информация об авторе

Перышкин М.О., старший преподаватель, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности», Псковский государственный университет

© Перышкин М.О., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
УДК 327.7

Американские транснациональные корпорации и эволюция международных отношений в условиях цифровизации мировой экономики

[1] Сигал Д.Е.,
[1] Казанский (Приволжский) Федеральный университет

Аннотация: в статье рассматривается эволюция роли американских транснациональных корпораций в системе международных отношений в условиях цифровизации мировой экономики. Показано, что корпорации утратили статус исключительно экономических акторов и превратились в элементы глобального управления, способные оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств. Особое внимание уделено цифровым корпорациям США, контролирующим инфраструктуру данных, коммуникационные сети и алгоритмы, что позволяет им формировать новые формы легитимности и политического воздействия. Выявлены противоречия между глобальными стратегиями корпораций и принципом государственного суверенитета, а также обозначены перспективы эволюции международных отношений в условиях роста цифровой зависимости. Сделан вывод о необходимости разработки новых моделей взаимодействия государств и корпораций для поддержания устойчивости мирового порядка.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, цифровизация, международные отношения, глобализация, суверенитет, цифровая экономика

***Для цитирования**: Сигал Д.Е. Американские транснациональные корпорации и эволюция международных отношений в условиях цифровизации мировой экономики // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 89 – 95.*

Поступила в редакцию: 25 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 23 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

American transnational corporations and the evolution of international relations in the context of the digitalization of the global economy

[1] Sigal D.E.,
[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article examines the evolution of the role of American transnational corporations in the system of international relations under the conditions of the digitalization of the global economy. It demonstrates that corporations have lost the status of purely economic actors and have transformed into elements of global governance capable of influencing both domestic and foreign policy of states. Special attention is paid to U.S. digital corporations controlling data infrastructure, communication networks, and algorithms, which enables them to shape new forms of legitimacy and political influence. The study identifies contradictions between corporate global strategies and the principle of state sovereignty, as well as the prospects for the evolution of international relations under growing digital dependence. It concludes on the need to develop new models of state–corporate interaction to ensure global stability.

Keywords: transnational corporations, digitalization, international relations, globalization, sovereignty, digital economy

***For citation**: Sigal D.E. American transnational corporations and the evolution of international relations in the context of the digitalization of the global economy. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 89 – 95.*

The article was submitted: August 25, 2025; Approved after reviewing: October 23, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Современная мировая экономика и система международных отношений переживают этап глубоких структурных преобразований, обусловленных цифровизацией. Появление новых технологий радикально изменило характер глобальной конкуренции, усилило взаимозависимость государств и обусловило формирование новых центров власти в лице транснациональных корпораций. Американские корпорации функционируют не только как экономические структуры, извлекающие прибыль из транснациональной деятельности, но и как субъекты глобального управления. Они формируют инфраструктуру международной коммуникации, контролируют финансовые потоки, информационные платформы и алгоритмы, обеспечивающие функционирование цифровой экономики. Их способность оказывать воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государств свидетельствует о том, что роль этих компаний выходит за рамки традиционной бизнес-деятельности и приближается к функции политических акторов.

Цифровизация мировой экономики усилила потенциал корпораций, поскольку именно они стали операторами сетей, баз данных и платформ, определяющих новые формы взаимодействия между обществами и государствами. Тем самым возникла уникальная ситуация: корпорации, изначально встроенные в систему рыночных отношений, превратились в структурный элемент международных отношений, способный конкурировать с национальными правительствами.

Актуальность изучения данной проблематики определяется необходимостью осмысления новых тенденций в международных отношениях, где американские корпорации выступают важнейшими проводниками либеральной модели глобализации и одновременно источниками противоречий, связанных с размыванием государственного суверенитета. Задача исследования заключается в выявлении особенностей влияния американских транснациональных корпораций на эволюцию международных отношений в условиях цифровизации мировой экономики, а также в определении перспектив их взаимодействия с государствами и международными институтами.

Материалы и методы исследований

На протяжении второй половины XX – начала XXI века в политической науке сложился широкий спектр теоретических интерпретаций природы и роли корпораций, отражающих их многомерный характер.

Первоначально ТНК рассматривались преимущественно в рамках экономического анализа. Классическая концепция «максимизации прибыли при минимизации затрат» объясняла логику трансграничной деятельности корпораций. Однако по мере того как ТНК начали оказывать прямое воздействие на национальные экономики и политические процессы, экономических моделей оказалось недостаточно для описания их влияния. Они, являясь изначально экономическим институтом, способны оказывать заметное влияние на мировые политические процессы с целью реализации не только не своих корпоративных, но и политических интересов. Следовательно, транснациональными корпорациями сложно управлять, поскольку их бизнес, активы и центры управления диверсифицированы и находятся на территории разных государств.

В политологической литературе акцент постепенно сместился в сторону понимания корпораций как негосударственных акторов международных отношений [2, 7]. С одной стороны, они не обладают суверенитетом и территориальной юрисдикцией, но, с другой стороны, способны формировать глобальную надстройку, сопоставимую по масштабу с институтами национальных государств. Концепция «негосударственного мира», представленная в прогнозах американского Национального разведывательного совета, указывает на нарастающую роль корпораций и других негосударственных структур как факторов, определяющих будущий облик мировой политики.

Методологически значимой стала идея сетевого анализа, позволяющая рассматривать ТНК не как изолированные субъекты, а как узлы глобальных экономических и политических сетей [10]. Подобный подход объясняет, каким образом корпорации обеспечивают устойчивое присутствие на разных континентах, используя механизмы транснационального транзита капитала, персонала и техноло-

гий. Сетевая методология позволяет фиксировать горизонтальные связи, которые выходят за рамки традиционной модели взаимодействия между государствами и основаны на иной логике – логике гибких коалиций, проектных альянсов и временных партнерств.

Существенный вклад внесла институциональная школа, подчеркивающая, что корпорации функционируют в пространстве норм, регулируемых как национальными, так и международными институтами. Нации-государства продолжают сохранять лидерство на международной арене, но при этом успешность их внешней и внутренней политики все больше становится зависимой от поддержки и лояльности корпораций, включающих эти страны в зоны своих торгово-экономических и финансовых интересов.

Необходимо также учитывать критический подход, рассматривающий корпорации в качестве инструмента экспансии глобального капитализма. В рамках данного направления ТНК анализируются как носители либеральной идеологии, способные размывать суверенитет государств и навязывать собственные стандарты в области экономики, политики и культуры. Именно в этой логике объясняется доминирование американских корпораций, выступающих проводниками либеральной модели глобализации и поддерживаемых политико-военной мощью США [9].

Результаты и обсуждения

Американские ТНК возникли и окрепли в условиях послевоенного мироустройства, когда Соединенные Штаты сформировали ядро нового глобального экономического порядка. Предпосылкой для этого стало именно военное время, когда для выполнения армейских заказов начали спешно создаваться международные компании. В мирное время значение межгосударственных связей увеличилось, так как из-за разрушенной войной экономики, нехватки производственных мощностей и различных товаров значительно возрастала роль международной торговли, происходило соединение национального и зарубежного производства. Уже в 1950-1960-е годы корпорации США начали активно выстраивать сеть дочерних предприятий в Европе, Латинской Америке и Азии, превращаясь в опорные элементы глобальной экспансии американского капитала.

С окончанием холодной войны их роль значительно возросла. В условиях распада биполярной системы американские корпорации стали не только инструментами продвижения экономических интересов, но и проводниками либеральной модели глобализации. Международные институты, созданные под эгидой США – Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация, – способствовали закреплению условий, выгодных для корпораций, а тем самым укрепляли их политическое влияние [1, с. 173].

Особенность американских корпораций заключается в тесной связи бизнеса и государственной власти. Государственные структуры обеспечивали военную защиту, дипломатическое сопровождение и правовую поддержку глобальной экспансии корпораций, а сами корпорации предоставляли ресурсы для реализации внешнеполитической стратегии США. Под контроль международных монополий попали важнейшие мировые рынки сбыта: железорудный, кофейный, табачный, нефтяной и другие рынки ресурсов. Численность сотрудников корпораций порой сравнима с численностью отраслевых работников крупной страны.

Примером подобного взаимодействия стали нефтяные корпорации, чьи интересы определяли долгосрочную вовлеченность США на Ближнем Востоке. Схожая логика прослеживается в деятельности военно-промышленных компаний, обеспечивавших экспорт вооружений и технологическую зависимость союзников. В XXI веке аналогичные функции выполняют цифровые корпорации, которые формируют глобальную инфраструктуру коммуникации и контроля над потоками данных.

Американские ТНК постепенно превратились в акторов, способных оказывать влияние на внутреннюю политику других стран, формируя альтернативные каналы давления и контроля. Их экономическая мощь, подкрепленная политико-дипломатическим сопровождением государства, позволила им не только закрепить свое доминирование, но и трансформировать саму архитектуру международных отношений, где корпорации начали восприниматься как равноправные участники наряду с государствами [4, с. 3069].

Историческая эволюция американских корпораций от индустриальных гигантов второй половины XX века до глобальных игроков начала XXI века логично подводит к следующему этапу их трансформации, связанному с цифровизацией мировой экономики. Взрывное развитие инновационных технологий имеет как положительные, так и отрицательное воздействие на структуру и уровень развития экономики стран. Так уже сегодня видно, что крупные сырьевые корпорации безусловно проигрывают цифровую гонку более молодым инновационным компаниям. При этом от их стремительного развития страдают не только крупные, средние и малые копании, но и государственные образования.

Переход к цифровым технологиям превратил корпорации США в операторов ключевой инфраструктуры, определяющей новые правила глобальной конкуренции. Google, Microsoft, Amazon, Apple и другие компании заняли позиции монопольных посредников в сфере обработки данных, электронной коммерции, социальных коммуникаций и облачных сервисов. В отличие от традиционных корпораций индустриальной эпохи, деятельность которых ограничивалась материальными потоками, цифровые корпорации контролируют информационные ресурсы, ставшие главным фактором производства и власти в XXI веке.

Появился феномен «цифровой легитимности», когда решения о признании или непризнании политических акторов принимаются не международными организациями, а глобальными платформами.

Достаточно вспомнить ситуацию в Венесуэле, когда социальные сети фактически закрепили политический статус оппозиционного лидера раньше, чем это сделали межгосударственные институты.

Наиболее показательным примером стала ситуация в Венесуэле в 2019 году. После того как лидер Национальной ассамблеи Хуан Гуайдо провозгласил себя временным президентом, именно американские цифровые корпорации оказались среди первых структур, подтвердивших его статус в информационном пространстве. Twitter и Facebook предоставили верификацию его аккаунтов в качестве «официального представителя государства», что фактически легитимировало его политическую позицию для миллионов пользователей. YouTube и другие платформы обеспечили приоритетное распространение его обращений, а одновременно ограничивали доступ к заявлениям действующего президента Николаса Мадуро [6, с. 39].

Аналогичные механизмы проявились и в других кризисах. В ходе протестов в Египте в 2011 году корпорация Google совместно с Twitter разработала сервис Speak2Tweet, позволивший обходить ограничения правительства на доступ к интернету и обеспечивший оппозиции канал коммуникации с внешним миром. В Беларуси в 2020 году деятельность протестующих также была во многом организована через Telegram и Twitter, а решения платформ о блокировке или маркировке контента определяли динамику политического процесса [8, с. 115].

Соединенные Штаты институционализировали взаимодействие государства и корпораций в этой сфере, активно используя социальные сети в дипломатической практике. Концепция twiplomacy демонстрирует, что цифровые платформы превратились в инструмент внешнеполитической стратегии США, а корпорации – в партнеров государственного аппарата.

Наряду с возможностями цифровизация усилила зависимость государств от корпораций. Управление алгоритмами, доступ к массивам данных и контроль над цифровой инфраструктурой поставили правительства в положение пользователей глобальных сервисов, а не их собственников. Это обстоятельство придало корпорациям качества политических акторов нового типа, обладающих возможностью оказывать структурное давление на государства, выходя далеко за пределы классических форм экономического влияния.

Рост влияния американских цифровых корпораций в условиях глобальной цифровизации закономерно привел к обострению противоречий между их стратегиями и суверенными интересами государств. Одним из ключевых проявлений этих противоречий становится способность корпораций вмешиваться в политические процессы принимающих стран. Ограничение доступа к информационным ресурсам, выборочная модерация контента и алгоритмическое продвижение определенных повесток трансформируют цифровые платформы в политические арбитры. Государства, особенно обладающие ограниченными ресурсами, оказываются неспособными обеспечить защиту информационного суверенитета.

Американские корпорации, действуя в рамках глобальных стратегий, ориентированы на расширение рынков и сохранение контроля над ключевыми технологиями. Однако эти стратегии вступают в противоречие с национальными интересами государств, стремящихся к защите внутреннего рынка, сохранению культурной идентичности и контролю над данными граждан. Конфликты вокруг регулирования деятельности Google и Amazon в Евросоюзе, Индии и Китае свидетельствуют о нарастающем сопротивлении государств попыткам корпораций установить универсальные стандарты цифровой экономики [3].

Концентрация массивов персональных данных в руках корпораций создает угрозу их использования в интересах внешнеполитических стратегий Соединенных Штатов. Массовая культура и медиаиндустрия, контролируемые американскими корпорациями, формируют универсалистскую модель ценностей, что воспринимается как угроза национальной идентичности и традиционным социальным структурам. Распространение голливудских стандартов, цифровой рекламы и социальных сетей создает дополнительное давление на госу-

дарства, пытающиеся сохранить собственные культурные ориентиры [5].

В конечном счете возникает структурная асимметрия: государства действуют в рамках национальной юрисдикции, а корпорации строят глобальные стратегии, ориентированные на трансграничное пространство. Это не только снижает эффективность традиционных инструментов государственного регулирования, но и ставит под вопрос способность государств самостоятельно определять стратегию развития в условиях цифровой зависимости.

Противоречия между государственным суверенитетом и глобальными стратегиями корпораций не только фиксируют современное состояние международных отношений, но и задают направление их дальнейшей трансформации. Обострение этих противоречий показывает, что цифровизация становится не просто технологическим процессом, а фактором, определяющим конфигурацию мирового порядка.

Одним из вероятных сценариев является институционализация симбиоза государств и корпораций. В Соединенных Штатах подобная модель уже реализована: цифровые компании действуют как инфраструктурные партнеры правительства, предоставляя ресурсы для кибербезопасности, разведки и дипломатии.

Альтернативный сценарий предполагает усиление тенденции к цифровому протекционизму. Китай, Индия и ряд государств Евросоюза уже реализуют программы по ограничению влияния американских платформ и созданию собственных экосистем. В перспективе это может привести к фрагментации цифрового пространства и формированию нескольких технологических блоков, каждый из которых будет контролировать собственные стандарты и инфраструктуру.

Нельзя исключать и усиление конфликтного сценария. В условиях конкуренции между США, Китаем и другими центрами силы корпорации могут превратиться в своеобразные «экономические армии», обслуживающие стратегические интересы государства происхождения. В таком случае цифровизация мировой экономики будет сопровождаться ростом числа конфликтов, связанных с ограничением доступа к данным, технологиям и инфраструктуре.

Наконец, перспективы международных отношений будут зависеть от способности мирового сообщества выработать универсальные правила регулирования цифровой экономики. Создание новых институтов глобального управления, ориентированных на баланс интересов государств и корпораций, могло бы снизить риски одностороннего давления и обеспечить большую устойчивость международной системы. Однако отсутствие консенсуса по ключевым вопросам – от защиты данных до цифрового налогообложения – делает этот сценарий менее вероятным в краткосрочной перспективе.

Выводы

Эволюция транснациональных корпораций в международных отношениях свидетельствует о том, что их роль вышла за пределы традиционного экономического измерения и приобрела политическое значение. Наиболее отчетливо это проявляется в деятельности американских компаний, которые в течение второй половины XX – начала XXI века стали неотъемлемым элементом мировой политико-экономической системы. Цифровизация мировой экономики придала корпорациям новые качества. Контроль над инфраструктурой данных, сетями коммуникации и алгоритмами превратил их в посредников между государствами и обществом, а также в регуляторов информационных потоков и источников легитимности. Примеры политического воздействия цифровых корпораций в кризисных ситуациях показали, что их решения способны оказывать влияние на легитимность национальных правительств и ход международных процессов. Однако усиление корпораций сопровождается обострением противоречий с государственным суверенитетом. Американские ТНК, действующие как проводники либеральной глобализации, одновременно становятся факторами нестабильности и источниками конфликтов в мировой политике. Перспективы международных отношений в условиях цифровизации определяются балансом между симбиозом государств и корпораций и ростом протекционистских тенденций. С одной стороны, формирование гибридных коалиций открывает возможности для совместного решения глобальных проблем, с другой – фрагментация цифрового пространства и конкуренция технологических блоков усиливают риски конфронтации.

Список источников

1. Агошкова Н.А., Деревянко В.А., Слинько А.А. Интернационализация мирового экономического и политического пространства // Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 1 (56). С. 172 – 176.
2. Белюсов П.Н., Терешенков А.М. Роль высокотехнологичных транснациональных корпораций в системе международных отношений в условиях цифровизации // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 6 (82). С. 2004 – 2021.
3. Захидов О.Х., Алиджанова А.Х. Анализ регионализма в современной теории мировой политики // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2021. № 3-2. С. 255 – 261.
4. Казарян С.А. Влияние корпоративной социальной ответственности транснациональных компаний Соединенных Штатов Америки в развивающихся странах // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 6-2 (94-2). С. 3068 – 3076.
5. Кислицын С.В., Гужева А.А. Транснациональный бизнес в условиях геоэкономической фрагментации // Общественные науки и современность. 2024. № 1. С. 60 – 73.
6. Сергеев Г.С. Империализм-XXI: монополистическая планомерность в системе отношений позднего капитализма // Российский экономический журнал. 2023. № 5. С. 36 – 45.
7. Сигал Д.Е., Пеньковцев Р.В. Технологическое соперничество и геополитические стратегии как фактор воздействия американских ТНК на внешнюю политику США // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. Т. 15. № 3 (120). С. 505 – 512.
8. Столетов О.В. Проблемы глобализации и модернизации современного мира в условиях глобальной турбулентности // Материалы ежегодной Международной заочной научно-практической конференции. 2021. № 2. С. 108 – 130.
9. Фадеева И.А. Вызовы, проблемы интеграции и государственной политики Европейского Союза // Финансовый менеджмент. 2024. № 12. С. 195 – 205.
10. Юдин Н.О. Место транснациональных компаний в современном политическом мире: национальная и международная политика // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 10 (62). С. 3013 – 3026.

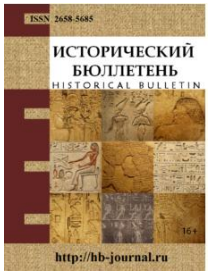
References

1. Agoshkova N.A., Derevyanko V.A., Slinko A.A. Internationalization of the world economic and political space. Region: systems, economy, management. 2022. No. 1 (56). P. 172 – 176.
2. Belyusov P.N., Tereshenkov A.M. The role of high-tech transnational corporations in the system of international relations in the context of digitalization. Voprosy politologii. 2022. Vol. 12. No. 6 (82). P. 2004 – 2021.
3. Zakhidov O.Kh., Alijanova A.Kh. Analysis of regionalism in the modern theory of world politics. Bulletin of the Tajik National University. Series of socio-economic and social sciences. 2021. No. 3-2. P. 255 – 261.
4. Kazaryan S.A. The Impact of Corporate Social Responsibility of Transnational Companies of the United States of America in Developing Countries. Voprosy politologii. 2023. Vol. 13. No. 6-2 (94-2). P. 3068 – 3076.
5. Kislitsyn S.V., Guzheva A.A. Transnational Business in the Context of Geoeconomic Fragmentation. Social Sciences and Modernity. 2024. No. 1. P. 60 – 73.
6. Sergeev G.S. Imperialism-21: Monopolistic Regularity in the System of Relations of Late Capitalism. Russian Economic Journal. 2023. No. 5. P. 36 – 45.
7. Sigal D.E., Penkovtsev R.V. Technological rivalry and geopolitical strategies as a factor in the influence of American TNCs on US foreign policy. Issues of national and federal relations. 2025. Vol. 15. No. 3 (120). P. 505 – 512.
8. Stoletov O.V. Problems of globalization and modernization of the modern world in the context of global turbulence. Proceedings of the annual International correspondence scientific and practical conference. 2021. No. 2. P. 108 – 130.
9. Fadeeva I.A. Challenges, problems of integration and public policy of the European Union. Financial management. 2024. No. 12. P. 195 – 205.
10. Yudin N.O. The place of transnational companies in the modern political world: national and international policy. Issues of political science. 2020. T. 10. No. 10 (62). P. 3013 – 3026.

Информация об авторе

Сигал Д.Е., аспирант, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, dsigal17@mail.ru

© Сигал Д.Е., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(470.1/2) «18/19»

Мировоззрение масонов в контексте русского просвещения XVIII века

[1] Скопа В.А.,
[1] Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: мировоззрение масонов в контексте русского Просвещения XVIII века представляло собой сложное и противоречивое явление, альтернативное магистральным интеллектуальным течениям эпохи. Если европейское Просвещение утверждало культ разума, прогресса и научного знания, то русские масоны предложили принципиально иную систему воззрений. Они выступали последовательными критиками рационалистической парадигмы, настаивая на приоритете духовного опыта над интеллектуальным постижением мира. Ключевые идеологи масонского движения – Н.И. Новиков, И.В. Лопухин, А.Ф. Лабзин развивали концепцию внутреннего самосовершенствования личности через мистическое богопознание. Характерными чертами их философии были: религиозный мистицизм; приоритет трансцендентального опыта; критика материалистических воззрений; идея морального самообразования. Масонское братство фактически предложило альтернативную модель просвещения – не внешнюю, интеллектуальную, а внутреннюю, духовную трансформацию человека. Масонство оказало существенное влияние на развитие российской интеллектуальной среды, став катализатором общественной мысли и предпосылкой для будущих социальных трансформаций. Братство не просто транслировало определенный набор философских воззрений, но и предложило уникальную модель общественного служения, где личностное развитие и моральная зрелость выступают фундаментальными принципами гражданской позиции.

Ключевые слова: история, просвещение, масонство, Российское государство, мистицизм, империя

***Для цитирования**: Скопа В.А. Мировоззрение масонов в контексте русского просвещения XVIII века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 96 – 101.*

Поступила в редакцию: 26 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 23 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The worldview of the masons in the context of the Russian enlightenment of the 18th century

[1] Skopa V.A.,
[1] Altai State Pedagogical University

Abstract: the Freemasons' worldview, within the context of the 18th-century Russian Enlightenment, represented a complex and contradictory phenomenon, an alternative to the mainstream intellectual currents of the era. While the European Enlightenment affirmed the cult of reason, progress, and scientific knowledge, Russian Freemasons proposed a fundamentally different system of thought. They consistently criticized the rationalist paradigm, insisting on the priority of spiritual experience over intellectual understanding of the world. Key ideologists of the Masonic movement – N.I. Novikov, I.V. Lopukhin, and A.F. Labzin – developed the concept of inner self-improvement through mystical knowledge of God. Characteristic features of their philosophy included religious mysticism; the priority of transcendental experience; a critique of materialistic views; and the idea of moral self-

education. The Masonic brotherhood effectively proposed an alternative model of enlightenment – not an external, intellectual one, but an internal, spiritual transformation of the individual. Freemasonry had a significant influence on the development of the Russian intellectual community, becoming a catalyst for social thought and a prerequisite for future social transformations. The Brotherhood not only communicated a specific set of philosophical views but also offered a unique model of public service, in which personal development and moral maturity were fundamental principles of civic engagement.

Keywords: history, education, Freemasonry, Russian state, mysticism, empire

***For citation**: Skopa V.A. The worldview of the masons in the context of the Russian enlightenment of the 18th century. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 96 – 101.*

The article was submitted: August 26, 2025; Approved after reviewing: October 23, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

В эпоху Просвещения масонство стало уникальным интеллектуальным движением, которое оказало существенное влияние на формирование общественной мысли в России. Российские масоны XVIII столетия представляли собой особую интеллектуальную общность, которая соединяла европейские просветительские идеи с национальной духовной традицией. Идеи братства, самосовершенствования и духовного роста, характерные для масонского учения, находили благодатную почву среди просвещенных представителей российской аристократии. Российские масоны, такие как Н.И. Новиков, И.В. Лопухин и А.М. Кутузов, активно способствовали распространению просветительских идей. Они основывали типографии, библиотеки и образовательные кружки, которые стали центрами интеллектуального обмена и формирования нового мировоззрения [11].

Философские воззрения масонов базировались на идеях внутреннего совершенствования личности, противостоя невежеству и стремясь к гармоничному развитию общества. Они пропагандировали идеи гуманизма, веротерпимости и взаимного уважения, что существенно отличалось от господствующих в то время социальных норм. Масонские ложи становились площадками для обсуждения передовых научных и философских концепций, способствуя формированию критического мышления и распространению европейских просветительских идей в российском обществе [5].

По своим идеологическим установкам представители масонского движения фактически являлись сторонниками крупного землевладения и монархической системы, выступая солидарно с консервативными кругами и церковными деятелями. Их противоречия с государственной властью носили исключительно ситуативный характер и были обусловлены незавершенностью формирования официальной государственной идеологии. При этом православная церковь, отличавшаяся крайне ригидным мировоззрением, не сумела распознать потенциального союзника в масонских организациях.

Масонство в различных системах представляет собой теоретически расплывчатое явление, аккумулирующее комплекс своеобразно интерпретированных воззрений, легенд и обрядовых практик [1]. Его корни уходят в духовное наследие древнеегипетского жречества, религиозные традиции Ближнего Востока, культовые практики античной эпохи и средневековые верования. На формирование масонской философии оказали существенное влияние богословские трактаты церковных деятелей, реформационные христианские течения – преимущественно мистические направления [2, 7]. Значительный отпечаток оставили также научные и псевдонаучные концепции того времени как магические учения, каббалистические воззрения, алхимические изыскания. Важную роль сыграли и просветительские идеи XVIII столетия, которые нашли своеобразное отражение в масонской идеологии.

Материалы и методы исследований

Представленное исследование опирается на теорию модернизации как фундаментальную историософскую парадигму и цивилизационный подход, интегрирующий комплексное понимание социальных трансформаций. Научный базис изучения философских воззрений и социокультурного воздействия масонского братства на интеллектуальное пространство России в эпоху Просвещения составили принципы историзма и объективности научного познания; компаративистский подход к исследованию идейных течений; системный метод изучения социально-культурных трансформаций; диалектическая концепция взаимовлияния общественных идей; структурно-функциональный метод интерпретации исторических процессов. Такой методологический инструментарий позволил комплексно и многоаспектно реконструировать интеллектуальную парадигму масонского движе-

ния, его ценностные ориентиры и механизмы трансляции идей в российское просветительское пространство XVIII столетия.

Результаты и обсуждения

Мировоззрение масонства представляет собой сложное интеллектуальное пространство, где синтезированы разнообразные религиозные и философские воззрения. Его становление происходило через глубокий поиск универсальных начал духовной мудрости. Елагин И.П., признанный классик российского масонства, метко охарактеризовал это учение как интегральное знание, собранное «из различных источников – светских, духовных и мистических» [3, с. 114]. Его определение подчеркивает эклектичный характер масонской философии, которая стремится объединить разрозненные интеллектуальные традиции в целостную систему понимания мироустройства.

Эклектическая природа российского масонства XVIII столетия характеризовалась исключительной восприимчивостью к западноевропейским интеллектуальным течениям. В сравнении с альтернативными направлениями общественно-философской мысли того времени, масонство отличалось парадоксальной особенностью – почти полным отсутствием критического переосмысления европейских философских концепций. Примечательно, что при минимальной аналитической трансформации заимствованных идей, данное течение демонстрировало максимально плотные организационные и идеологические связи с европейскими масонскими сообществами [12]. Это создавало уникальную ситуацию интеллектуальной зависимости и одновременно тесного международного взаимодействия.

Теоретические построения российских масонов испытывали существенное влияние духовных мыслителей XVII-XVIII веков, которые находились за пределами канонической церковной традиции. Труды таких неординарных философов и богословов, как Якоб Беме, Парацельс, Эммануил Сведенборг и Фридрих Этингер, становились предметом настойчивых переводческих усилий. Рукописные копии сочинений этих мыслителей активно распространялись в среде «вольных каменщиков», формируя особое интеллектуальное пространство [10].

Масонство второй половины XVIII века занимало особую позицию в религиозном ландшафте, демонстрируя известную близость к православной церкви, но при этом отличаясь принципиально иным, более гибким и светским подходом. Эта специфика создавала потенциальную угрозу традиционным церковным установкам, провоцируя определенные идейные противоречия. Показательна позиция И. В. Лопухина, который критиковал формальный характер религиозного воспитания того времени. По его мнению, существующая система образования механически провозглашала христианские заповеди, не формируя внутренней духовной сущности. Такой поверхностный подход не только не укреплял веру, но и провоцировал обратный эффект – распространение атеистических настроений и нравственный упадок.

Масонство позиционировало себя как движение, нацеленное на глубинное моральное преображение личности. Основной задачей провозглашалось внутреннее перерождение человека, формирование истинно христианской натуры через индивидуальный духовный опыт, а не через формальное следование канонам [8]. Принципиальным моментом масонской антропологии становилось убеждение в необходимости не просто декларировать христианство, а проживать его личностно, трансформируя собственную сущность.

Теоретические конструкции масонов о человеческой природе принципиально базируются на интроспективном подходе. На первый план выдвигается не объективное познание внешнего мира, а углубленное самоисследование, предполагающее скрупулезный внутренний анализ и обязательную практику покаяния. Показательным является материал из журнала «Вечерняя заря», который провозглашал принципиальную последовательность духовного становления: от морального самоочищения – через практики самопознания к откровению внутреннего божественного начала [10]. Лишь после тотальной внутренней трансформации индивид получал возможность осмысленного контакта с внешним миром. Ключевая идея масонского подхода заключается в том, что через последовательный самоанализ, молитву и покаяние в человеческом сознании пробуждаются сакральные, трансцендентные энергии. Самопознание трактуется как единственно верный путь к духовному просвещению и контакту с божественными силами.

Масонская антропологическая концепция интегрирует теологические элементы, отдельно затрагивая христологические идеи. Христос представляется не просто религиозной фигурой, а абсолютным архетипом человеческой духовности, совершенным эталоном поведения и внутреннего развития. В рамках масонского философского дискурса процесс самопознания приобретает сакральное измерение, фактически отождествляясь с богопознанием [7, 14]. Человек рассматривается как потенциальное воплощение божественного начала, а путь личностного становления как восхождение к духовному идеалу, персонифициро-

ванному в образе Христа. Показательным является утверждение, что утрата христианского идеала неминуемо приводит к полной потере подлинного понимания собственной сущности. Самопознание трактуется как духовная практика наибольшего приближения к божественному эталону. Масонская философская антропология солидарна с церковной теологией, и отстаивала концепцию субстанциального дуализма человеческой природы [10]. Человек интерпретировался как одухотворенное воплощение «земного праха», что обусловливало принципиальную бинарность его сущности – противоположность физического и духовного начал. Принципиальным моментом масонского учения было особое понимание взаимодействия души и тела. Задача духовного преображения формулировалась не как радикальное отторжение физического, а как глубинная трансформация природы, ее последовательное одухотворение.

В эзотерической литературе братств утверждается, что божественная сущность, наделив индивида интеллектом и свободой воли, одновременно предначертала ему траекторию следования согласно внутреннему разумению, которое по сути совпадает с высшим замыслом [4, 12]. Перманентное метафизическое воздействие осуществляется не столько через явные феномены – чудеса, пророческие видения или благодать, сколько посредством пробуждения в человеческом сознании особой интуитивной модальности, которая полунамеком и полубессознательно выступает проводником сакральных инструкций, направляющих на подлинный путь [6, 8]. Представители братства подчеркивают, что человек представляет собой не механическое соединение, а уникальное онтологическое единство души и физической оболочки, близкое к неоплатонической концепции гармоничного сосуществования без слияния. Взаимодействие духовного и материального начал формирует целостную сущность, где разнородные компоненты образуют интегральный организм [9].

Философская парадигма братства настаивает на холистическом подходе к изучению человека, отвергая редукционистское разделение телесного и духовного. С позиции идеалистического монизма, эти субстанции изначально тождественны по своей глубинной природе. В философском дискурсе русских просветителей, особенно в трудах И.В. Лопухина, И.Г. Шварца, частно И.П. Елагина и других, получила оригинальную трактовку концепция человека как микрокосма [10, 11]. В течение интеллектуальной эволюции эта метафора претерпевала значительные трансформации. В античной философской парадигме тождество индивида со всеобъемлющей космической субстанцией подразумевало редуцированное, количественно и качественно ограниченное отражение универсума. Начиная с эпохи Возрождения, перспектива кардинально менялась: микрокосм начинает восприниматься как концентрированное средоточие всех потенций макрокосма. Важно отметить, что в истории философской мысли сосуществовали разные интерпретационные подходы – от натуралистических и материалистических до религиозно-идеалистических, которые по-разному раскрывали сущность этой фундаментальной концепции. Таким образом, эволюция представлений о микрокосме у масонов демонстрирует сложную диалектику взаимосвязи индивида и универсальных онтологических структур.

Взаимосвязь человека с природным и космическим универсумом в духовно-философских учениях христианства и масонства интерпретируется принципиально нетрадиционно. Во-первых, это родство рассматривается не как естественная детерминированность, а как сакральный божественный промысел. В отличие от материалистических концепций, здесь акцентируется метафизическое, трансцендентное измерение взаимодействия индивида и мироздания. Во-вторых, близость к природе не воспринимается как преимущество или привилегия, а наоборот – как онтологическое ограничение человеческой сущности. Представители братства считали подлинную сущность личности не в биологической или физической плоскости, а в духовной реальности. Высшее предназначение человека они видели в аскетическом отрицании телесного, природного начала в пользу подъема духовного компонента [2. 8, 10].

Перед лицом интеллектуальных трансформаций представители братства демонстрировали заметную эпистемологическую гибкость. Их стратегия заключалась в тонкой балансировке между необходимостью адаптации к прогрессивным научным парадигмам и сохранением традиционных духовно-идеалистических концептов. Осознавая неизбежность интеллектуальной эволюции, масоны не стремились категорически отвергать современные научные достижения. Они пытались интегрировать новое знание в существующую метафизическую картину мира, трансформируя классические религиозно-философские формулы. Их подход характеризовался своеобразным герменевтическим маневрированием. Критически переосмысливая устаревшие концепции, они стремились сохранить их глубинную онтологическую сущность. Это была утонченная интеллектуальная стратегия адаптации и реинтерпретации традиционных духовных наставлений в контексте новых эпистемологических реалий. Таким образом, ма-

сонская философская мысль демонстрировала уникальную способность к диалогу между традицией и современностью, избегая как догматической закостенелости, так и полной интеллектуальной капитуляции перед рационалистическими тенденциями.

Теоретики братства последовательно отмечали принципиальную вероятностную природу чувственного опыта и производных от него эмпирических наук, научных теорий и гипотез. В контексте интеллектуальной атмосферы второй половины XVIII века, когда метафизическая идея совершенно несгибаемого знания стремительно утрачивала авторитет, масонская гносеология демонстрировала сильную рефлексию эпохальных трансформаций. В этом плане показательна позиция И.В. Лопухина, утверждавшего: «Где господствует только вероятность, там настоящий разум не может достичь полной убежденности, какой бы убедительной не казалась эта вероятность» [15, с. 74].

Теорию происхождения знаний посредством ощущений мамоны интерпретировали через призму эпистемологического скептицизма с отчетливыми агностическими тенденциями. Это означало критическое отношение к возможности абсолютного познания реальности, последовательное проблематизирование претензий рационализма на исчерпывающее понимание действительности. Представители братства демонстрировали радикальное неприятие интеллектуальных течений деизма и материализма, решительно противостоя атеистическим концепциям эпохи Просвещения [14]. Выдающихся европейских мыслителей Спинозу, Бейля, Руссо, Ламетри, Гельвеция и Вольтера они категорически клеймили как морально деградированных и интеллектуально беспринципных провокаторов. В их оптике эти философы представлялись не столько как серьезные интеллектуалы, сколько идеологические манипуляторы, подрывающие традиционные духовные устои общества. Масонская критика имела не только теоретическое, но и глубоко нравственное направление. Они видели в материалистических теориях не просто альтернативную эпистемологию, но и опасную интеллектуальную деконструкцию нравственных и метафизических основ человеческого бытия. Их позиция основывалась на убеждении, что механистические и редукционистские концепции лишают человека сакрального измерения экзистенции, нивелируя духовные измерения личности и общества [9, 10, 13].

Традиционные масонские нарративы о зарождении вселенной, природе божественный сущности, бессмертии души – это не простая теоретизация. Скорее это утонченная символизация мистических порядков, своеобразная эмблематика интуитивно обозримого божественного смысла. Их подход представляет уникальную герменевтическую стратегию, сочетающую рациональную критичность и метафизическую чувствительность, интеллектуальную строгость и духовную интуицию. Ключевой тезис заключается в понимании ограниченности чисто рационального познания и необходимости холистического, синтетического подхода к постижению реальности. В философской концепции масонства краеугольным камнем выступает идея сотворенности универсума. Божественное начало рассматривается как первопричина всего сущего, где природа представляет собой производное от абсолютной божественной силы. Абсолют предстает как трансцендентный источник, относительно которого любые проявления бытия носят вторичный характер [2, 13]. Для масонского мировоззрения характерно восприятие мироздания исключительно через призму божественного присутствия. При этом принципиально важно не отождествлять саму природу и Творца, а рассматривать их как взаимосвязанные, но не тождественные субстанции. Подобное умозаключение выступает классическим общехристианским подходом к интерпретации мироздания и красной нитью проходит через философские размышления и риторику масонских деятелей.

Выводы

В целом, в России второй половины XVIII столетия масонство сформулировало концепцию человека, принципиально противоположную просветительским идеям. Эта концепция отличалась глубоким религиозным и мистическим подходом. Ключевые масонские мыслители последовательно утверждали примат духовного начала над материальным. В гносеологической плоскости представители братства решительно отвергали как рационалистический, так и сенсуалистический подходы. Взамен они предлагали концепцию интуитивного постижения реальности, основанную на религиозной вере и мистическом откровении. Познание, с их точки зрения, должно базироваться не на логике или чувственном опыте, а на сверхразумном, сакральном восприятии. Центральной идеей становилось возвышение духовного начала человека, его способность преодолевать физические ограничения и устремляться к божественному.

Список источников

1. Брачев В.С. Масоны в России: от Петра I до наших дней. СПб., 2000. 351 с.
2. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1917. 285 с.
3. Елагин И.П. Опыт повествования о России. М., 1803. 215 с.
4. Карпачев С.П. Тайны масонских орденов. М., 2007. 348 с.
5. Касаров Г.Г. Из истории масонства. Дмитров, 1996. 53 с.
6. Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. 289 с.
7. Некрасов С.М. Масонство в России во второй половине XVIII века и критика просветителями его религиозно-мистической идеологии: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1978. 20 с.
8. Пыпин А.Н. Русское масонство в XVIII в. // Вестник Европы. 1867. № 2. С. 92 – 94.
9. Серков А.И. 1845-1945. История русского масонства. СПб., 1997. 447 с.
10. Скопа В.А. Взгляды русского масонства XVIII века на проблему человека: исторический анализ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 11-2. С. 85 – 88.
11. Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). М., 1999. 172 с.
12. Соколовская Т.О. Статьи по истории русского масонства. М., 2008. 336 с.
13. Соловьёв О.Ф. Масонство в России // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 3 – 25.
14. Тукалевский В.Н. Искания русских масонов. СПб., 1911. 73 с.
15. Суровцев А.Г. Иван Владимирович Лопухин. Его масонская и государственная деятельность: Биографический очерк. СПб. 1901. 124 с.

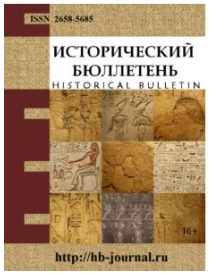
References

1. Brachev V.S. Masons in Russia: from Peter the Great to the Present Day. St. Petersburg, 2000. 351 p.
2. Vernadsky G.V. Russian Freemasonry during the Reign of Empress Catherine II. St. Petersburg, 1917. 285 p.
3. Elagin I.P. An Essay on Russia. Moscow, 1803. 215 p.
4. Karpachev S.P. Secrets of the Masonic Orders. Moscow, 2007. 348 p.
5. Kasarov G.G. From the History of Freemasonry. Dmitrov, 1996. 53 p.
6. Moramarko M. Freemasonry in the Past and Present. Moscow, 1990. 289 p.
7. Nekrasov S.M. Freemasonry in Russia in the Second Half of the 18th Century and the Enlightenment's Criticism of Its Religious-Mystical Ideology: Abstract of a Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Moscow, 1978, 20 p.
8. Pypin A.N. Russian Freemasonry in the 18th Century. Vestnik Evropy. 1867. No. 2. P. 92 – 94.
9. Serkov A. I. 1845-1945. History of Russian Freemasonry. St. Petersburg, 1997. 447 p.
10. Skopa V.A. Views of 18th-Century Russian Freemasonry on the Problem of Man: A Historical Analysis. Sovremennaya Nauka: Urgent Problems of Theory and Practice. Series: Humanitarian Sciences. 2022, No. 11-2, P. 85 – 88.
11. Sokolovskaya T.O. Russian Freemasonry and its Significance in the History of Social Movements (18th and First Quarter of the 19th Century). Moscow, 1999. 172 p.
12. Sokolovskaya T.O. Articles on the History of Russian Freemasonry. Moscow, 2008. 336 p.
13. Solovyov O.F. Freemasonry in Russia. Questions of History. 1988. No. 10. P. 3 – 25.
14. Tukalevsky V.N. Searches of Russian Masons. St. Petersburg, 1911. 73 p.
15. Surovtsev A.G. Ivan Vladimirovich Lopukhin. His Masonic and State Activities: Biographical Sketch. St. Petersburg. 1901. 124 p.

Информация об авторе

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, sverhtitan@rambler.ru

© Скопа В.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(571.56)“190/192”

Материалы комиссии по изучению Якутской республики как источник по антропологии сухопутных путей сообщения в Якутии первой четверти XX в.

[1] Сулейманов А.А.,
[1] Федеральный исследовательский центр Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Аннотация: в статье выполнена историко-антропологическая реконструкция особенностей эксплуатации сухопутных путей сообщения Якутии в первой четверти XX столетия на основе материалов Комиссии по изучению Якутской АССР, включая данные Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР (1925-1930). Источниковой основой для проведения исследований стали, главным образом, документы, которые хранятся в фонде 47 Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, а также материалы из фондов Государственного архива Иркутской области и научная литература. Показано, что сухопутная транспортная сеть региона представляла собой систему государственных, земских и коммерческих трактов, тесно связанных с речным судоходством. Центральное значение имел Иркутско-Якутский тракт, обеспечивавший основное сообщение Якутии с внешним миром, тогда как северные маршруты – Верхоянский и Усть-Янский – отличались экстремальными природно-климатическими условиями и крайне слабым развитием инфраструктуры. На материале наблюдений астронома Е.Ф. Скворцова выявлены антропологические аспекты функционирования трактов: быт станций, организация питания и отдыха путешественников, специфика передвижения в условиях господства холода, снега, льда и «вечной мерзлоты».

Ключевые слова: Арктика, Якутия, история науки, Академия наук СССР, пути сообщения, тракты, холод, криогенные ресурсы

***Для цитирования**: Сулейманов А.А. Материалы комиссии по изучению Якутской республики как источник по антропологии сухопутных путей сообщения в Якутии первой четверти XX в. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 102 – 108.*

Поступила в редакцию: 27 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Materials of the commission for studying the Yakut republic as a source on the anthropology of land routes of communication in Yakutia in the first quarter of the XX century

[1] *Suleymanov A.A.*,
[1] *Federal Research Center Yakut Science Center Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

Abstract: the article provides a historical and anthropological reconstruction of the operational features of land communication routes in Yakutia in the first quarter of the 20th century, based on the materials of the Commission for the Study of the Yakut ASSR, including data from the Yakut Integrated Expedition of the USSR Academy of Sciences (1925-1930). The research is primarily based on documents stored in Collection 47 of the St. Petersburg Branch of the RAS Archives, as well as materials from their collections in the State Archives of the Irkutsk Region and scientific literature. It is shown that the region's land transport network was a system of state, zemstvo, and commercial roads, closely linked to river shipping. Of central importance was the Irkutsk-Yakutsk Road, providing Yakutia's main link with the outside world, while the northern routes – Verkhoyansk and Ust-Yansk – were characterized by extreme natural and climatic conditions and poor infrastructure. Based on the observations of astronomer E.F. Skvortsov identified anthropological aspects of the routes' functioning: the way of life at stations, the organization of food and rest for travelers, and the specifics of travel in conditions of cold, snow, ice, and permafrost.

Keywords: Arctic, Yakutia, history of science, USSR Academy of Sciences, communication routes, routes, cold, cryogenic resources

***For citation**: Suleymanov A.A. Materials of the commission for studying the Yakut republic as a source on the anthropology of land routes of communication in Yakutia in the first quarter of the XX century. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 102 – 108.*

The article was submitted: August 27, 2025; Approved after reviewing: October 24, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

В апреле 2025 г. научное сообщество Якутии отметило знаменательную дату – 100 лет с начала реализации одной из самых выдающихся исследовательских инициатив в истории интеллектуального освоения Северо-Востока России – Якутской комплексной экспедиции Академии наук (ЯКЭ АН) СССР. Изысканиями ее участников в 1925-1930 гг. были охвачены все административные округа Якутии, а также некоторые прилегающие к региону территории других субъектов РСФСР. Проблематика выполненных работ, в организации и проведении которых принимали участие лучшие умы отечественной науки своего времени, затрагивала широкий круг вопросов – от проблем медико-санитарного и демографического плана до изучения геологических условий и поиска месторождений полезных ископаемых. Инициатива, таким образом, носила действительно комплексный характер.

Юбилейные даты подобного масштаба традиционно становятся поводом для обращения к малоизученным аспектам исторических событий, переосмысления их значения и вклада в развитие науки. Несмотря на то, что ЯКЭ АН СССР посвящены монографические исследования Ю.Н. Ермолаевой [8] и Е.П. Виттенбург [5], а также целый ряд научных статей, рассматривающих как отдельные направления работы экспедиции [1, 2, 10, 13, 15 и др.], так и деятельность ее ключевых участников [3, 4, 7 и др.], история организации и проведения данной инициативы по-прежнему содержит множество историографических лакун.

Отвечала за организацию ЯКЭ АН СССР Комиссия по изучению Якутской АССР (КЯР). Члены комиссии наряду с решением данной, основной, задачи занимались и другими вопросами, включая аккумулирование и подготовку к публикации материалов исследований, которые проводились в Якутии ранее – в конце XIX – начале XX вв. и оставались неизданными. Одной из интересных и малоизученных сторон этих материалов, а также сведений, полученных участниками ЯКЭ АН СССР, являлись данные, имеющие отношение к характеристике «человеческого измерения» состояния и функционирования транспортной инфраструктуры в Якутии. В этой связи целью данного исследования является реконструкция на основе материалов, собранных КЯР, истории особенностей эксплуатации сухопутных путей сообщения в регионе в первой четверти XX в. через призму ее антропологического измерения.

Материалы и методы исследований

Исследование базируется, прежде всего, на материалах, выявленных в ходе работы с документами, которые отложились в фонде 47 Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук «Комиссия по изучению Якутской АССР (1924–1930)». В процессе их анализа и обработки использовались в основном специально-исторические подходы: принцип историзма, историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы.

Результаты и обсуждения

Прежде чем переходить, собственно, к анализу заявленной проблематики, необходимо пояснить, что, как и в настоящее время, в рассматриваемый период функционирование сухопутных путей сообщения в Якутии было самым тесным образом связано с речным судоходством. В частности, как и сейчас, существовал и имел ключевое значение «перевоз» (переправа) через Лену у местности Даркылах в районе г. Якутска, который находился в ведении подрядчиков. Например, в 1909 г. таким подрядчиком выступал «инородец Прокопий Алексеев», в распоряжении которого было 8 человек рабочих-гребцов (против 12 по условиям подряда), 3 лодки и 2 каюка (против 10 лодок, способных помимо пассажиров взять на борт от 40 до 60 пудов груза, и 2 каюков на груз до 500 пудов)» [6, л. 3-3об.0].

В плане характеристики состояния транспорта, являющегося «артериями, венами и капиллярами» [14] экономики любого региона, в Якутии первой четверти XX в. показательны замечания, сделанные участниками ЯКЭ АН СССР. Так, они отметили следующее: «Ужасающее бездорожье и необъятные пространства делают работающих в этом направлении (распределение и перевозка товаров – *А.С.*) беспомощными. Связано данное обстоятельство было с тем, что «почти все существующие в Якутии “дороги” носят наименование дорог лишь благодаря тому, что судьбою им предопределено выполнять роль и значение транспорта. Не имея для этого, собственно, никаких фактических данных. Ни по внешнему виду, ни по содержанию на них перевозочных средств, редкие вьющиеся тропинки, часто теряющиеся в болотах и каменистых местах, не оправдывают наименование дорог. Назвать их дорогами можно лишь весьма условно и только вследствие отсутствия каких-либо других путей сообщения» [11, л. 12].

Исследователи отметили, что основных грузовых дорог, через которые в рассматриваемый период производилось товароснабжение Якутии, три – и все они являлись дорогами, связующими р. Лену с Сибирской железнодорожной магистралью через территорию на тот момент Иркутского округа Сибирского края. К данным сухопутным путям сообщения относились: Иркутско-Якутский тракт (Иркутская пристань, Качуг), Малышевский или Шелашниковский тракт (ст. Тыреть – прист. Жигалово), а также Ангаро-Ленский или Илимский тракт, соединяющий р. Ангару (у с. Б. Мамырь) с началом судоходной части Лены у пр. Усть-Кут. Из указанных трех трактов преобладающее значение в отношении грузопропускной способности принадлежало Иркутско-Якутскому тракту. В частности, в 1926 г. по нему было перевезено 18449 т грузов, в 1928 г. – 28663 т, тогда как Малышевскому тракту – 4870 и 9046 т., соответственно, а по Илимскому – 3733 т в 1926 г. и 3499 т годом спустя [12, л. 15].

При этом ученые оговорили, что хотя «Шелашниковский тракт, вернее – Шелашниковское направление и удлиняет гужевую доставку грузов, перевозимых к р. Лене, на 35 км против Якутского тракта (Иркутского-Якутского – *А.С.*), однако, представляет ряд преимуществ перед последним, т.к. выходит на Лену в значительно более удобном пристанском пункте (пр. Жигалово) в 176 км ниже Качуга» [11, л. 16]. Вместе с тем, они уточнили, что «в настоящее время тракт в этом направлении фактически не существует, а есть лишь заброшенная дорога, допускающая сколько-нибудь интенсивное движение гужа только в зимний период при санном пути (зимник)» [11, л. 15-16].

В целом же в рассматриваемый период сухопутная компонента транспортной системы Якутии включала в себя совокупность государственных и земских почтовых, а также коммерческих и обывательских трактов [9, с. 4].

Далее рассмотрим, что же представляла из себя эксплуатация данных путей сообщения в ее антропологическом измерении. Важным подспорьем в этом отношении стала подготовленная к изданию в рамках работы КЯР рукопись астронома Ленско-Колымской экспедиции 1909 г. Е.Ф. Скворцова «По тундрам Северной Якутии…». В ходе реализации указанной инициативы, занявшей по подсчетам ученого 289 суток, значительная часть которых пришлась на арктические широты, он, в частности, стал свидетелем практик использования Иркутско-Якутского, Верхоянского и Усть-Янского трактов.

Е.Ф. Скворцов прибыл в Якутию в марте 1909 г. и начал свой путь из Якутска далее на север в апреле. 4 (17 апреля) он прибыл на первую станцию Верхоянского тракта – Туруяхскую. Станция, как вспоминал исследователь, представляла собой «обычную якутскую юрту, к которым скоро привыкаешь настолько, что считаешь их нормальным

типом человеческого жилища. Первое время впечатление совсем иное. Это низенькое деревянное строение имеет форму усеченной пирамиды, у коей основанием служит прямоугольник. Вся она обмазана серой глиной. Одна дверь, обыкновенно обитая оленьей шкурой, открывается непосредственно в самое помещение юрты. В имеющиеся в юрте два, три окна, т.е. квадратных отверстия со сторонами не больше ½ аршина (35 см) вставлены стекла лишь поблизости от Якутска, далее же стекла почти не встречаются, вместо них натягивается налим или, что лучше всего, вставляются толстые льдины» [12, л. 25].

На Туруяхской станции Е.Ф. Сворцову пришлось ждать лошадей, причем «значительно дольше, чем на станках Якутского тракта». За станцией дорога шла по берегу лесного ручья, в лесу, состоящем «исключительно из лиственницы, да ползучего кедра». Целый день путешественники ехали до следующей станции – Хомустахской. Здесь им пришлось прождать несколько часов. В этой связи исследователь сделал еще одно репрезентативное сопоставление с антропологией функционирования Иркутско-Якутского тракта: «вообще, чем дальше на север, тем дольше ожидаешься перевозочных средств. Прежде, бывало, на Якутском тракте, если через три четверти часа не дают лошадей, начинаешь уже браниться и торопить с запряжкой, здесь же несколько часов дожидаться в порядке вещей. В смысле расстояний между станками – тоже большая разница с предыдущим трактом. Там оно равно в среднем 18–25 верстам (км), здесь же уже около 50, а в некоторых перегонах и до 75 верст (80 км), при этом еще версты здесь как будто побольше, чем были раньше. Должно быть баба клюкой меряла!» [12, л. 25]

Еще более специфической была ситуация, отмеченная Е.Ф. Скворцовым на Усть-Янском тракте. Последний являлся, на взгляд исследователя, «единственным в своем роде». В частности, «здесь на расстоянии 900 верст (950 км) между Верхоянском и селом Казачьим имеются только две станции – Кулкуаху-сохъ и Джоелахъ-джани. Расстояния между станциями и по Верхоянскому тракту велики, так что трудно из проезжать на слабых животных, здесь же эти расстояния таковы: 280, 270 и 350 верст (300, 290 и 370 км)» [12, л. 39]. Очевидно, что подобные расстояния было невозможно проезжать без остановок и ночевок для отдыха оленей. В этой связи вдоль тракта строились небольшие юрты – поварни, в которых путники могли найти приют от непогоды, переночевать, поесть и т.д. [12, л. 37-39].

На вопрос, что же, собственно, представляли собой тракты, проложенные в Заполярной Якутии, дают характерный ответ следующие замечания Е.Ф. Скворцова: 16(29) апреля днем мы с казаком Турантаевым выехали из Верхоянска; замелькали юрты городка и скоро – через каких-нибудь 10 минут – мы были уже за городом и быстро катили по хорошей дороге – ровному льду реки Яны. К сожалению, по хорошей дороге долго ехать не приходится, дорога сворачивает в чахлую, но густую тайгу, где снегу уже мало, да к тому же дорога поднимается вверх к высокому перевалу… Да и что такое, собственно говоря, здешние дороги – только просеки, вырубленные в лиственничной тайге; в открытых же местах только вешки через 150-200 саженей (320-430 м) указывают, что здесь, действительно, проложена дорога [12, л. 39]».

До первой станции Усть-Янского тракта Е.Ф. Скворцов и его спутники добрались только 18 апреля (1 мая) …: «в 2 часа дня прибыли мы, наконец, на первую станцию тракта – Кулкуаху-сохъ (что в переводе на русский язык значит “без ушей”)…На станции встретили исправника Верхоянского округа барона Дершау, возвращающегося из поездки в Булун… Исправник вез с собою весьма интересны бивень мамонта, небольшой, но загнутый почти до полного круга, что представляет большую редкость» [12, л. 43].

Назвал Е.Ф. Скворцов и рацион питания, предлагаемого путешественникам на станциях. В частности, на одной из них его угостили коньяком и рябиновкой, закуской к которым служили мороженное молоко и строганина. Последнее блюдо исследователь отметил особо: «Строганина – это очень вкусная вещь, представляет она собой просто-напросто мерзлую сырую рыбу, в которой здешние сильные морозы произвели такое изменение, что она совсем потеряла неприятный запах сырой рыбы, и превратили ее в нежное лакомство» [12, л. 60].

В плане антропологического измерения особенностей эксплуатации сухопутных путей сообщения в Якутии, влияния их на распорядок дня путешественников и вынужденное изменение активного времени суток интерес представляет оставленные ученым замечания, характеризующие практики обслуживания нарт. Опирались они на природные условия региона – господство холода, снега и льда. В частности, полозья нарт для уменьшения сопротивления покрывались слоем льда. Для того же, чтобы этот слой льда дольше держался в пути в условиях постепенного повышения температуры воздуха, исследователи вынуждены были перемещаться ночью, а отдыхать днем [12, л. 68].

В плане положительного значения холодного климата Якутии для состояния сухопутных путей

сообщения репрезентативен пример из обратней дороги Е.Ф. Скворцова в г. Якутск, который он начал из района р. Индигирки в сентябре 1909 г. Ученый и его спутники достаточно долго не могли преодолеть одну из проток, протекающих поперек маршрута их движения. Лишь в начале октября с наступлением морозов и формированием ледового покрова, который спутники астронома укрепили посредством намораживания дополнительных слоев, поливая создаваемый «мост» водой, эта преграда была преодолена [12, л. 304].

В противоположность всем лишениям, описанным в отношении перемещений участников экспедиции в летне-осенний период, Е.Ф. Скворцов с установлением стабильных отрицательных температур воздуха отметил следующее: «с 28 сентября (11 октября) можно считать начало зимы. Установилась уже настоящая зимняя дорога. В 1 час дня, распрощавшись со всем громадным для здешних пустынь количеством народу, тронулись мы в дальнейший путь. Олени лихо понесли наши нарты по прекрасной снежной дороге. Вышло солнце, залив своим светом яркую белизну равнины, которая снова засверкала, напоминая далекую весну [12, л. 317]».

Кроме того, исследователь на обратном пути дополнил характеристику состояния Верхоянского тракта: «…через некоторое время обоз наш останавливается против темного силуэта станции (речь про ночное время – *А.С.*). Юрта пуста, ни души. Вот тебе и станция!... Входим в поварню, на чем свет стоит браня содержателя станции. Ну что теперь делать? Как сменить теперь уставших оленей, а также и ямщиков, ведь они не могу все время ехать с нами, да еще вопрос, знают ли они дальше дорогу. Они ведь привыкли ездить в районе Джлоелахъ-Кулгуаху, да и то, как мы видели, сбивались с дороги несколько раз. Впрочем, нужно сознаться, что это действительно не мудрено, даже лучше сказать, мудрено здесь не сбиться, ибо какая же это дорога? Назвать этот путь “трактом”, как оно официально прозывается, можно только по недоразумению» [12, л. 334-335].

Далее, однако, в особенности после пересечения Верхоянского хребта и по мере ритмичного понижения температуры воздуха, состояние пути сообщения, по которому следовали Е.Ф. Скворцов и его спутники, стало улучшаться. В этом отношении, а также в плане понимания цены, которую за поддержание трактов в рабочем состоянии платил, например, животный мир Якутии, характерна следующая ремарка исследователя, свидетельствующая одновременно и о его совестливости: «за Верхоянским перевалом много снегу и дорога прекрасная, каковой она остается уже до самого Якутска. 1-го (14) ноября двинулись дальше до станции Нера, проехали Сеген-Кюельскую, и поздно вечером прибыли на Сордонгнахскую, где сменили, наконец, оленей на лошадей. Здесь прощаемся ними, бывшими все время нашей опорой и нашей надеждой. В большой долгу мы перед ними: сколько мы загубили этих несчастных животных на нашем пути – линия нашего следования отмечена трупами этих славных животных!» [12, л. 347].

Выводы

Таким образом, анализ выявленного источникового материала показал, что в первой четверти XX в. сухопутные пути сообщения в Якутии представляли собой сеть трактов. Состояние этих трактов в значительной степени зависело от их роли. Государственный Иркутско-Якутский почтовый тракт, являвшийся фактически ядром архитектуры сообщения Якутии с внешним миром в рассматриваемый период, отличался регулярным обслуживанием и относительно неплохим для региона состоянием. Эксплуатация же трактов, проложенных в высоких широтах, представляла для человека больший вызов – наряду с экстремально низкими температурами воздуха, которыми отличаются северные районы Якутии, где расположены два населенных пункта, относящихся сейчас к условным полюсам холода северного полушария нашей планеты, для этих трактов были характерны значительные расстояния между станциями и их несовершенное обслуживание. Вместе с тем, отмеченные специфические климатические условия зимнего времени, которое в Заполярной Якутии достигает 8 месяцев в году, являлись и определенным гарантом безопасности эксплуатации трактов: с формированием устойчивого ледового и снежного покровов повышались эффективность и надежность их использования. Холод и сопутствующие ему криогенные процессы при этом использовались для организации работы станций – из льда делались окна, криогенное воздействие применялось для приготовления блюд, которым угощали путешественником и т.д.

Список источников

1. Боякова С.И. Материалы северных отрядов Якутской экспедиции АН СССР 1925-1930 гг. как источник по истории научного освоения Арктики // Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях: Сборник научных статей. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2018. С. 8 – 17. DOI: 10.25693/571.56.985.2018_002

2. Винокурова Л.Е. Якутская комплексная экспедиция 1925-1930-х гг. и ее вклад в развитие коневодства // Проблемы устойчивого развития табунного коневодства, Якутск, 4-7 сентября 2006 г. Якутск: ЛЕНАРТ, 2006. С. 129 – 131.

3. Винокурова Л.И. Рукопись И.П. Сойкконена в аспекте изучения зимней повседневности якутов первой трети XX в. // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 3. С. 501 – 518. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-501-518

4. Винокурова Л.И. Слепцов Петр Вонифатьевич. Хатанго-Анабарские тетради. Якутск: СВФУ, 2023. 48 с.

5. Виттенбург Е.П. Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925-1930 гг.). Организация и методика работы. Якутск: Бичик, 2008. 200 с.

6. Государственный архив Иркутской области. Ф. 31. Оп. 1. Д. 298.

7. Ермолаева Ю.Н. М.К. Аммосов и организация якутской экспедиции АН СССР // Вестник Якутского государственного университета. 2005. № 1. С. 12 – 16.

8. Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925-1930 гг.: развитие науки в Якутии. Новосибирск: Наука, 2001. 162 с.

9. Казарян П.Л. Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII в. – 1920 г.). Якутск: СВФУ, 2012. 143 с.

10. Николаев В.П. Медико-санитарный отряд Якутской экспедиции АН СССР (1925-1926 гг.) // Наука и образование. 2006. № 2. С. 133 – 136.

11. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 47. Оп. 2. Д. 36.

12. СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 152.

13. Соломонов Н.Г. Зоологические исследования Якутской экспедиции АН СССР (1925-1930) // Вестник Якутского государственного университета. 2005. № 2. С. 37 – 42.

14. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года // http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document123/ (дата обращения: 27 декабря 2021 г.)

15. Ширина Д.А. Деятельность геоморфологического отряда Якутской академической комплексной экспедиции в контексте истории Колымского края. 1929-1930 гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2011. № 2. С. 18 – 25.

References

1. Boyakova S.I. Materials of the northern detachments of the Yakut expedition of the USSR Academy of Sciences 1925-1930. as a source on the history of scientific development of the Arctic. The Arctic and the North in modern humanitarian research: Collection of scientific articles. Yakutsk: IGIiPMNS SB RAS, 2018. P. 8 – 17. DOI: 10.25693/571.56.985.2018_002

2. Vinokurova L.E. Yakut complex expedition of 1925-1930s. and its contribution to the development of horse breeding. Problems of sustainable development of herd horse breeding, Yakutsk, September 4-7, 2006. Yakutsk: LENART, 2006. P. 129 – 131.

3. Vinokurova L.I. Manuscript by I.P. Soikkonen in the aspect of studying the winter everyday life of the Yakuts in the first third of the twentieth century. Oriental Studies. 2022. T. 15. No. 3. P. 501 – 518. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-501-518

4. Vinokurova L.I. Sleptsov Petr Vonifatievich. Khatango-Anabar notebooks. Yakutsk: NEFU, 2023. 48 p.

5. Wittenburg E.P. Commission of the Academy of Sciences for the study of the productive forces of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic (1925-1930). Organization and methodology of work. Yakutsk: Bichik, 2008. 200 p.

6. State archive of the Irkutsk region. F. 31. Op. 1. D. 298.

7. Ermolaeva Yu.N. M.K. Ammosov and the organization of the Yakut expedition of the USSR Academy of Sciences. Bulletin of the Yakut State University. 2005. No. 1. P. 12 – 16.

8. Ermolaeva Yu.N. Yakut complex expedition 1925-1930: development of science in Yakutia. Novosibirsk: Nauka, 2001. 162 p.

9. Kazaryan P.L. Land communications of North-Eastern Russia (XVII century – 1920). Yakutsk: NEFU, 2012. 143 p.

10. Nikolaev V.P. Medical and sanitary detachment of the Yakut expedition of the USSR Academy of Sciences (1925-1926). Science and education. 2006. No. 2. P. 133 – 136.

11. St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). F. 47. Op. 2. D. 36.

12. SPbF ARAN. F. 47. Op. 2. D. 152.

13. Solomonov N.G. Zoological studies of the Yakut expedition of the USSR Academy of Sciences (1925-1930). Bulletin of the Yakut State University. 2005. No. 2. P. 37 – 42.

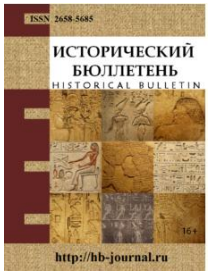
14. Transport Strategy of the Russian Federation through 2030. http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document123/ (date of access: 12.27.2021)

15. Shirina D.A. Activities of the Geomorphological Detachment of the Yakut Academic Complex Expedition in the Context of the History of the Kolyma Territory. 1929-1930. North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2011. No. 2. P. 18 – 25.

Информация об авторе

Сулейманов А.А., кандидат исторических наук, Федеральный исследовательский центр Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

© Сулейманов А.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Отраслевая структура и особенности модернизации животноводческой отрасли в крупных хозяйствах Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века

[1] Топильский А.Г.,
[1] Житин Р.М.,
[1] Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Аннотация: целью статьи является рассмотрение особенностей процессов модернизации помещичьего животноводства Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в. Проанализирована динамика поголовья по основным направлениям (крупнорогатое скотоводство, овцеводство, свиноводство, птицеводство, молочное хозяйство), структуральные сдвиги в использовании земли и кормовой базы, а также животноводческие, технологические и коммерческие новации (метизация, селекционно-племенная работа, рационализация кормления, склады-холодильники и фабрично-колбасные цеха). Показано, что ускоренная коммерциализация и концентрация земельных ресурсов обеспечивали лидирующую роль крупных латифундий в модернизации отрасли, а внедрение новых ветеринарных и технологических практик повышало продуктивность сельскохозяйственного производства. На основании приведенного материала утверждается, что в конце XIX – начале XX века тамбовские помещики перешли к активной модернизации сферы животноводства. Совершенствование ветеринарных практик, селекции скота, внедрение новых форм агротехники способствовало прогрессу в сфере владельческого скотоводства, росту его показателей.

Ключевые слова: Тамбовская губерния, животноводство, овцеводство, свиноводство, коневодство, птицеводство, модернизация

***Для цитирования**: Топильский А.Г., Житин Р.М. Отраслевая структура и особенности модернизации животноводческой отрасли в крупных хозяйствах Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 109 – 117.*

Поступила в редакцию: 27 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The sectoral structure and features of modernization of the livestock industry in large farms of Tambov province in the late 19th – early 20th century

[1] Topilsky A.G.,
[1] Zhitin R.M.,
[1] Derzhavin Tambov State University

Abstract: the purpose of the article is to consider the specifics of the modernization of landed livestock farming in the Tambov province in the late 19th and early 20th centuries. The dynamics of livestock in the main areas (cattle breeding, sheep breeding, pig breeding, poultry farming, dairy farming), structural shifts in the use of land and fodder, as well as livestock, technological and commercial innovations (metization, breeding, rationalization of feeding, refrigerator warehouses and sausage workshops) are analyzed. It is shown that accelerated commercialization and concentration of land resources ensured the leading role of large latifundia in the modernization of the in-

dustry, and the introduction of new veterinary and technological practices increased the productivity of agricultural production. Based on the above material, it is argued that in the late 19th and early 20th centuries, Tambov landlords began to actively modernize the livestock sector. The improvement of veterinary practices, livestock breeding, and the introduction of new forms of agricultural technology have contributed to progress in the field of livestock farming and the growth of its indicators.

Keywords: Tambov province, animal husbandry, sheep breeding, pig breeding, horse breeding, poultry farming, modernization

***For citation**: Topilsky A.G., Zhitin R.M. The sectoral structure and features of modernization of the livestock industry in large farms of Tambov province in the late 19th – early 20th century. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 109 – 117.*

The article was submitted: August 27, 2025; Approved after reviewing: October 24, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Период конца XIX – начала XX века отмечен бурным ростом помещичьего животноводства. Снижение роли натурального хозяйства, расширение товарных связей, рост спроса на мясо, а также внедрение новых ветеринарных и селекционных практик толкали владельческую экономику вперед, формировало новые формы ее рационализации. При этом экономическая трансформация отраслей помещичьего скотоводства являлась важным фактором развития всего аграрного сектора, задавая тон и направления в его модернизации. Ключевую роль в данном процессе играли передовые хозяйства, в которых применялись наиболее современные способы ухода за животными. Развитие животноводства не было возможным без расширения товарных отношений в этой отрасли. Для реализации продукции строились крупные хранилища, цеха по переработке, что позволяло скупать яйца, птицу и мясо.

Материалы и методы исследований

Главной источниковой базой исследования послужили материалы земской статистики Тамбовской губернии 1880-х гг. по Тамбовскому, Кирсановскому, Лебедянскому и Моршанскому уездам, а также сведения губернского статистического комитета на начало XX века. Применение историко-сравнительного метода позволило сопоставить динамику развития отдельных поместий региона, а историко-генетического – проследить внедрение новаций передовыми землевладельцами. Историография охватывает труды как дореволюционных, так и советских и современных исследователей.

Результаты и обсуждения

Крупнорогатое скотоводство – наиболее крупная отрасль помещичьего животноводства. По данным центрального статистического комитета, если в 1897 году поголовье тамбовских помещичьих стад оценивалась в более чем 90 тыс. единиц, то в 1900 году его численность составляла уже 124 тыс. [8, с. 298]. При этом наблюдалась явная монополизация направления помещиками-латифундистами. Так, в частных имениях Тамбовского и Козловского уездов до 77 процентов крупнорогатого скота (9,5 тыс. голов) находилось в имениях площадью от 1000 и более десятин. Специфические факторы развития тамбовского скотоводства (такие как наличие пастбищ, размеры поместий, концентрация частной собственности) сильно влияли на особенности размещения местных животноводческих комплексов. Основная часть поголовья помещичьего скота была сосредоточена в Тамбовском (11,9 тыс. голов), Козловском (11,5 тыс. голов), Кирсановском (11 тыс. голов), в совокупности объединявших до 50% частновладельческого стада региона [8, с. 298].

Отраслевую специфику развития помещичьего скотоводства характеризовало разделение владельческого поголовья на рабочий и продуктивный скот мясного и молочного направления. Огромные размеры латифундий и подчиненность отрасли полеводству делали выращивание рабочих животных важным фактором модернизации поместий. Ряд тамбовских латифундий обладали значительным стадом волов. Так, в 1904-1911 гг. наблюдался трехкратный рост рабочего поголовья Ново-Покровского имения. В совокупности на приобретение новых житных владелец потратил более 350 тыс. руб., а в абсолютных числах их количество в 1911 году составило 1188 единиц. При этом из местного стада достаточно эффективно выводились ненужные животные. Продажа выбракованных голов принесла владельцу более 250 тыс. руб. (табл. 1). Показатели Ново-Покровского стада были одним из лучших в России [3, л. 1-15.]. Среди других лидеров – Чутовское имение Юсуповых, где одновременно находилось более 1700 голов, в Угроедском владении семьи Харитоненко было поголовье в 1100 единиц [12, с. 225].

Таблица 1

Показатели рабочего скота в Новопокровском имени Орловых-Давыдовых.

Table 1

Draft cattle indicators in Novopokrovskoe named after the Orlovs-Davydovs.

Годы	Количество	Куплено			Продано		
		Количество	Средняя цена	Итого	Количество	Средняя цена	Итого
1901	404	1	40	40			0
1902	374	1	40	40			0
1903	351	296	69,42	20548,3	169	84,4	14270,4
1904	408	211	62,58	13204,4	118	88,8	10479,6
1905	497	111	65,45	7264,95	80	87,5	7000
1906	492	148	65,62	9711,76	125	89,6	11205
1907	476	253	79,44	20098,3	186	101,5	18890,2
1908	495	424	104,86	44460,6			0
1909	788	1208	104,28	125970		99,8	74218,3
1910	1179	310	99,98	30993,8	227	147,3	33457,5
1911	1188	675	116,13	78387,8	589	141,4	83290,5

Развитие молочного и мясного скотоводства отражало общие направления модернизации тамбовских имений. Молочная направленность стимулировалась хорошими ценами на продукцию. В начале XX века продажа молока на сыроварни могла оцениваться в 35 копеек за ведро, приготовление топленого русского масла по 12 рублей за пуд. Это побуждало тамбовских владельцев «заводить новейшие приборы и применять приемы маслоделия, требующие особенно тщательной технической подготовки дела» [8, с. 299-300] В целях интенсификации данной отрасли Министерство земледелия даже специально командировало в Тамбовскую губернии мастерицу по молочному делу А.А. Попову, которая консультировала помещиков-рационализаторов [8, с. 299-300]

Одной из важных форм повышения продуктивности тамбовского скотоводства являлась метизация. Самым популярным вариантом для скрещивания долгое время оставался пашковские коровы, выведенные в имении Пашковых еще в 1776 году (на основе смешение русских и английских животных). Скот получился достаточно удачный: коровы были «крепки, широки, мясисты, способны к хорошей откармливости, обладали хорошей молочностью» [11, с. 100]. Альтернативой пашковцам часто признавались рубашевские коровы, выведенные в имении Рубашевского из симментальских и холмогорских животных Они отличались значительной молочностью (до 1590 ведер в год) и хорошей мясистостью [13, с. 10].

Большое значение в модернизации помещичьих имений отводилось повышению качества содержании и кормления скота. Так, одном из «очень хорошо поставленных молочных хозяйств» Тамбовской губернии в качестве питания практиковалась смесь сена, овсяной или просяной соломы, пшеничных отрубей и жмыха. Сено отпускалось 10 фунтов, отрубей – 6 фунтов, жмыха – 2 фунта. Первые 6 недель телят поили цельным молоком, затем они переходили на обезжиренное (отпой до 4 месяцев) и только после этого они приучались к сену, овсу или траве [8, с. 300]. В другом поместье региона практиковалось трехразовое питание телят, причем утром животные получали 15 фунтов пареной яровой соломы, днем 15 фунтов яровой мякины, вечером 15 фунтов сена. При этом если имелись корнеплоды, то их «давали по 20 фунтов вместо мякины», в противном случае «в корм прибавляли по 3 фунта отрубей» [8, с. 302].

В Моршанском поместье С.И. Попова у животных был следующий рацион: в 6 часов утра их кормили 10 фунтами среднего качества сена, в 8 часов утра отпаивали тремя ведрами воды (температура не ниже 8 градусов) с добавлением льняных жмыхов, в 9 часов утра давали 15 фунтов сена, в час дня они ели 15 фунтов запаренной овсяной соломы с 1 фунтом льняного жмыха, в 6 часов вечера следовал усиленный водопой, наконец в 17 часов вечера скот получал 10 фунтами сена. В результат молочность данного стала не опускалась ниже 160 веден на одну голову [8, с. 302].

Проблемы организации рационального птицеводства в тамбовских имениях – периферийный сюжет развития частного животноводства края. В конце XIX века промышленное значение данной отрасли определялось «почти исключительно развитием крестьянских поместий, продающих огромное количество птицы (преимущественного кур и гусей) и яиц» [8, с. 306]. В помещичьих имениях «птицы разводилась почти исключительно для потребностей хозяйства или для незначитель-

ной продажи в ближайшие города» [8, с. 306]. По свидетельству эксперта В.М. Калмыковской, в Тамбовской губернии куры (наиболее популярное направление отрасли) выращивались «преимущественно простые, беспородные, различной окраски и оперения» [5, л. 30.]. Тем не менее, год от года динамика тамбовского птицеводства росла. В 1912-1913 гг. с территории Тамбовщины было вывезено 804 пуда яиц и 208 пудов живой и битой птицы. При этом данный прогресс был связан как с крестьянским, так и с помещичьим хозяйством [26, с. 599].

Птица породистых видов разводилась только в ряде имений Тамбовской губернии. При этом специалистами отмечалось общая перспективность птицеводства для развития имений, так как оно позволяло выгодно «использовать многие отбросы при очистке зерновых продуктов, приносило сравнительно высокий доход по отношению к затратам на содержание» [15, с. 12]. В Кариан-Знаменском имении Строгоновых имелась крупная ферма, где выращивались улучшенные виды уток, кур и даже павлинов. Корреспондент Тамбовских губернских ведомостей, подчеркивал рациональность строгоновского хозяйства, прекрасное обустройство дорожек, флигелей и гнезд для птиц [1].

Наиболее популярными породами кур являлись французская мясная, фаверольи, черные орпингтоны. Данные птицы разводились в Платоновском имении Яркиных [22, с. 108] и питомнике Дмитриевых (г. Тамбов) [22, с. 106]. Хорошие показатели выращенных здесь птиц позволяли продавать их на мясо, сбывать в живом виде и для откорма. В имении К. П. Недре при селе Мутасьева Моршанского уезда разводились куры «белая брама». В Моршанском поместье Марышевых содержались «темная брама» [24, с. 39]. Авторитетный дореволюционный журнал «Птицеводное хозяйство» ставил лангшан «...на первом месте из числа общепользовательных пород». Они «подкупают крупным ростом, красивой внешностью...» [7, с. 100]. Именно эти куры были представлены на седьмой тамбовской аукционной выставке 1906 г. [24, с. 32].

Из гусей наибольшей популярностью пользовалась холмогорская порода, которая выведена в Центральном Черноземье в 1885 году. Один из самых крупных питомников находился в рассказовском имении Сатиных, активно сбывавших гусятину на внутреннем рынке. Ленточные гуси разводились в Христорождественском имении Дмитриевых, гуси тульские и эденские содержались в Усманском поместье Дербизовых [22, с. 106-108].

В Никольском имении Урилихов разводились утки Эйльсбюри. При этом владелец не только реализовывал утиное мясо, но и продавал живых животных для создания племенных курятников и метизации птицы. Руанские утки содержались в имении Анино семьи Бланков [22, с. 107]. Сбывались они в Петербург и Москву. Большое утиное хозяйство имелось в экономии Д.В. Чикирова. За экземпляры «чикировской птицы» его поместье было награждено серебряной медалью на московской сельскохозяйственной выставке (с. Мосоловка Кирсановского уезда) [6, л. 12 об.].

Наиболее популярной видом индейки в тамбовских имениях был диндон. Племенная ферма по выращиванию этой птицы находилась в рассказовском владении семьи Скворцовых. Все продукты фермы владельцы сбывали на внутреннем рынке. В Никольском имении Урелих выращивались белые французские индейки [7, с. 108-109]. При этом помещиком практиковалась «продажа племенной птицы, племенных яиц, продажа яиц в пищу, продажа битой птицы в откормленном и не откормленном виде, продажа цыплят». В начале XX века за экземпляры французских индюков И.И. Сатину была вручена малая серебряная медаль [6].

Только в начале XX века в помещичьих имениях Тамбовщины начинают появляться промышленные очаги рационального птицеводства. Наибольшего успеха достиг английский подданный Р. Барсельман, устроивший под станцией Есипово юго-восточной железной дороги центр откорма, убоя и хранения птицы. Современники отмечали, что его «предприятие вполне совершенно, обладает большими средствами и все дело поставлено на капиталистическую ногу». Для длительного содержания товара помещик даже возвел пятиэтажное здание склада-холодильника [8, с. 308]. Это давало владельцу преимущество перед другими участниками рынка, так как его товар «мог лежать без порчи, выжидая наиболее благоприятные для его отправки моменты». Общая вместимость холодильника оценивалась в 250 вагонов. Для хранения яиц было отведено 30 камер (по 8 вагонов в каждой), 6 камер (до 9 вагонов в каждой) предназначалась для битой птицы [25, с. 668]. Годовое производство склада-холодильника Р. Барсельмана превышало 1,3 млн руб. [2, л. 5].

Конкурентом Р. Барсельмана в тамбовской губернии был английский торговый дом «Братья Вестей». В 1905 году при селе Иноковка Кирсановского уезда (район линии Рязанско-Уральской железной дороги) они построили четырехэтажное здание склада-холодильника и цех для забоя птицы [16, л. 8-11]. Предприятие было рассчитано на единовременное содержание около 70 тыс. куриных тушек. Для вывоза за границу (преимуще-

ственно в Англию) предприятие ежегодно закупало у поставщиков более 10 млн. яиц, 300 тыс. кур, 12 тыс. уток, 8 тыс. гусей и 10 тыс. свиней. Годовой оборот бизнеса Братьев Вестей превышал 500 тыс. руб. [17, с. 117].

Коневодство – центральная отрасль тамбовского животноводства. По данным центрального статистического комитета, в начале XX века у помещиков региона числилось 79 тыс. лошадей, из которых на рабочий скот приходилось не менее 40 тыс. [8, с. 294]. Таким образом, на одно животное приходилось не менее 33 десятин владельческой запашки. По количеству скота резко выделялись Кирсановский, Тамбовский и Козловский уезды, которые объединяли 25 тыс. голов (56 % от общего поголовья) [8, с. 294].

О доходах коннозаводчиков можно судить по оборотам конских ярмарок, многих из которых имели общегубернский статус. Так, в 1902 году на 54 торговых площадках региона было продано 2758 рысаков, 24531 рабочих и 13430 упряжных лошадей. Сумма выручки составила 218843 руб. Наиболее крупными были ярмарка г. Тамбова, на которой сбыли 6800 голов общей стоимостью 500000 руб., и г. Кирсанова, где за 114630 руб. удалось реализовать 3500 лошадей [23, с. 29].

Строительство тамбовских конезаводов стимулировалось «постоянным спросом на скот в воинских частях, в столице и даже за границе» [23, с. 28]. Именно поэтому помещики предпочитали держать наиболее ценных на рынке рысистых и упряжных породы, а «выращивание рабочих лошадей» шло на «втором плане, верховых на третьем». В 1903 г. в Тамбовской губернии насчитывалось 273 конных завода, причем большая их часть концентрировалась в районах максимальной концентрации латифундиального земелевладения. В Тамбовском уезде размещалось 86 предприятий, в Кирсановском – 49, в Козловском – 29, в Борисоглебском и Елатомском – по 21 [23, с. 29].

Один из самых крупных конезаводов тамбовской губернии находился в Новотомниковском имении Воронцовых-Дашковых. Здесь разводили орловских рысаков, английских скакунов и рысистых американцев. Родоначальником местной заводской «династии» стал жеребец Задорный (родился в 1854 году от Горностая и Богатырки) [14, с. 21]. Он был победителем многих соревнований, а после блестящей беговой карьеры прибыл Новотомниково и дал ценное потомство. От Задорного линия была продолжена по жеребцам Свет, Аламан и кобыле Подагре [14, с. 21].

В 1904 году на заводе находилось 23 жеребца и 85 маток, а ежегодный приплод составлял 50 голов. Уже в самом начале работы Новотомниковского конезавода его продукция охотно скупалась на рынках, его лошади участвовали в столичных бегах [10, с. 10]. Ежегодно с завода продавалось до 12 голов в возрасте 2-4 лет. При этом каждый экземпляр обходился в среднем по 4000 рублей. А. Р. Воронцов-Дашков поддерживал связи с известными частными заводами С.Д. Коробьина, графа Кутайсова, князя Л.Д. Вяземского, В.Я. Тулинова [10, с. 10].

Одной из причин стимулировавших развитие новотомниковского конезаводства являлось «изобилие в пастбищных земель» и усиленный спрос на кобыл в тамбовской кавалерийской службе. Немалое значение имел и личный интерес к заводу А.Р. Воронцова-Дашкова, являвшегося большим ценителем лошадей. Граф применял вводное скрещивание с использованием двух жеребцов английской чистокровной породы. При этом улучшая свое поголовье, он стремился рационализировать коневодство окрестных крестьян, выделяя из своего стада выбракованных животных и передавая из нуждающимся крестьянам. В последующем граф планировал полностью заменить больной и старый скот в окрестных общинных стадах [14, с. 22].

Новотомниковские рысаки не раз получали медали и призы на Всероссийских выставках в Москве (1869) и Петербурге (1872, 1882, 1883). Лошади графа неоднократно выигрывали большой Императорский приз, а в 1910 году на Всероссийской сельскохозяйственной выставке группа маток с Новотомниковского завода получила золотую медаль. Лучшие кобылы поступали на императорские конюшни, покупались видными государственными деятелями – А.А. Половцовым, П.П. Дурново, Л.Д. Вяземским, П.А. Столыпиным [14, с. 23].

Тамбовский помещичий скот покупался не только частными владельцами, но и крестьянами. в связи с этим специалист З. Н. Брунгин отмечал, что для «улучшения своих лошадей, крестьяне пользовались прежде всего владельческими рысаками, а затем жеребцами казенной конюшни или производителями тяжеловозных пород – клайдесдальской, суффольской, першеронами и ардерами» [23, с. 28].

Важным элементом рационализации конезаводской деятельности являлось правильное кормление скота. Наибольшего прогресса в этой сфере добились крупные владельцы. В Моршанском имении В.М. Романовича жеребята питались от маток в течение 5 месяцев, после чего им давалась овсянка. На четвертом году жизни они начинали получать по 1 гарнцу овца в день [18, с. 261]. Круглогодичное скармливание овса, зимнее пита-

ние сеном, практиковались в Ново-Покоровском имении Орловых-Давыдовых, Матчеровской экономии Пашковых, в Ивановском поместье Лейхтенбергских и других правильно поставленных животноводческих хозяйствах края [9].

Огромную роль в структуре помещичьего животноводства Тамбовской губернии в начале XX века играло овцеводство. Его подсобное значении состояло «в утилизации подножных и всяких гуменных кормов , удобрении полей, получение в необходимого в имении продовольственного продукта» [20, с. 103]. При этом наличие значительной кормовой базы, требующейся для воспроизводства овец, стимулировало развитие данной отрасли именно в латифундиальных хозяйствах региона.

Особенность тамбовского помещичьего овцеводства в регионе – развитие мериносных стад животных. По наблюдениям экспертов, мериносы давали «лучшую оплату кормов», предоставляли «ценный продукт при грубом питании» и «удовлетворительно выносили местные климатические условия» [21, с. 181]. В этой связи земские деятели единогласно констатировали: «Крупные хозяева, за исключением некоторых, сделавших своей специальностью коневодство, наиболее соответствующей местным условиям отраслью скотоводства признали тонкорунное овцеводство» [21, с. 181]. В 1889 г. среднее стадо мериносов в экономиях Тамбовского уезда насчитывало 2400 голов, тогда как средний размер стада простой овцы составлял только 70 голов. В Кирсновском уезде на 61 тыс. негретти приходилось только 9 тыс. простых животных [19, с. 255].

У тамбовских помещиков разводились преимущественно тонкорунные овцы типа негретти, впоследствии скрещенные с французскими и немецкими рамбулье. В начале XX века помеси этих пород имелись во всех имениях региона. В 1880 году в Гавриловскую экономию Сатиных были выписаны превосходные экземпляры рамбулье, в Елатомском владении Балашовых имелись производители камвольного русского черноморского типа [8, с. 305].

Как в другие отраслях помещичьего животноводства, прогресс частного тамбовского овцеводства зависел от качества кормления стад. В имениях Л.В. Вышеславцева Тамбовского уезда стадо из 4400 мериносов всю зиму ело солому, в то время как ягнятам давалось сено. Значительные полеводческие пространства имения позволяли владельцу с весны до осени держать овец на подножных кормах. В хозяйстве В. А. Орлова-Давыдова Тамбовского уезда племенное стадо из 12442 голов (182) в зимнее месяцы не менее 2 раз в неделю получали сено (в остальное время – солому) [21, с. 183]. При этом местные ягнята питались только соломенным кормом. Усиленные рационы приносили свои результаты. В хозяйстве Орлова-Давыдова наблюдался рост сбора шерсти: в 1887 г. с одной овцы собирали по 8 фунтов 9 золотн., в 1889 г. этот показатель вырос до 8 фунтов 55 золотн. В имении А.П. Сатиной Кензарь одно животное могло давать до 13 фунтов шерсти.

В начале XX века большого прогресса достигла отрасль помещичьего свиноводства. Если в 1897 году за частными владельцами региона числилось 413 тыс. свиней, в 1900 году их количество возросло до 470 тыс. голов. В этой связи современники отмечали: «Редкое владельческое хозяйство не заводило у себя улучшенные породы свиней, и если не часто встречается разведение пород в чистом, то в большинстве содержались метисы местной породы и беркширов или еркширов». Основная часть свиноводческой продукции сбывалась «на столичные рынки, где тамбовские окорока пользовались хорошей репутацией» [8, с. 305-306].

Прогресс в тамбовском свиноводстве был связан с созданием собственным очагов распространения племенных животных В рассматриваемый период на территории региона находилось не менее 6 племенных свинарен [8, с. 310-312]. В Моршанском имения Вяземских, владении Липовка Долгоруких, Гавриловской экономии Сатиных, Никольском поместье Любощинских предлагали чистокровных йоркширов, в Матчеровскм имении Пашковых развивали беркширское напраление (производители выписывался из Англии). В Слоимском владении Кашкаревых содержались белые английские поросята [8, с. 310-312].

В хозяйствах с племенными свинарнями большое внимание уделялось питанию скота. Согласно самым распространенным практикам, помещичьих животных кормили картофелем, отрубями, мукой низких сортов, сорным зерном. В мякину добавлялись грубую ржаную муку, иногда – жмых. В Ново-Покровской экономии А. В. Орлова-Давыдова с мощным сахарным заводом в пищу свиньям шла свекла. При этом здесь культивировалось одно из самых крупных стад региона (662 головы: 8 хряков, 114 маток, 219 боровов, 221 поросенок) [21, с. 184].

Существенно расширило возможности для реализации свиноводческой продукции помещиков строительство в Тамбовской губернии складов-холодильников. В 1905 г. фирмой «Братья Вестей» (Vestey Brothers) в г. Козлове был построен четырехэтажный комплекс для заморозки продукции местных боен с целью их дальнейшей транспортировки по железной дороге. В 1912 г. здесь же воз-

водится цех по заготовки соленого свиного мяса, для загрузки которого фирма арендует государственную свинобойню в п. Грязи Липецкого уезда. Одновременно предприниматели входят в состав товарищества «Склад холодильник «Унион» [4, л. 8.] и используют их козловский комплекс «двухэтажную свинобойню; трехэтажный колбасный завод» для расширения собственного производства. В 1911 г. конкурент «Братьев Вестей» Р. Барсельман открывает при станции Ртищево склад-холодильник с бойней, подвалом для солки свинины и колбасным отделением. Общая вместимость комплекса оценивалась в 200 вагонов [17, с. 127].

Выводы

Таким образом, в конце XIX – начале XX века тамбовские помещики перешли к активной модернизации сферы животноводства. Совершенствование ветеринарных практик, селекции скота, внедрение новых форм агротехники способствовало прогрессу в сфере владельческого скотоводства, росту его показателей. Устойчивому развитию подвергались как традиционные направления скотоводства (коневодство, овцеводство), так и новые виды производства (молочное хозяйство, птицеводство, свиноводство). При этом наибольшего прогресса добились крупные владения, располагающие большими экономическими и природными ресурсами для трансформации скотоводческой деятельности. Предлагаемые ими решения обогащали отечественную агрономию, являлись фактором коммерциализации отрасли.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01520, https://rscf.ru/project/24-28-01520/

Список источников

1. Выдающиеся русские хозяйства // Тамбовские губернские ведомости. 1897. 20 мая (№ 50). С. 3
2. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 46. Оп. 1. Д. 2732.
3. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 102.
4. ГАТО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3122.
5. ГАТО. Ф.51. Оп. 1. Д. 316.
6. ГАТО. Ф.51. Оп.1. Д. 234.
7. Горбачева Н.С. Породы кур и их содержание в приусадебном хозяйстве. Москва: Искусство и мода, 1993. 143 с.
8. Дьяков В.Н. Животноводство в Тамбовской губернии // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов: типо-литогр. губ. правл., 1903. С. 282 – 308.
9. Житин Р.М., Топильский А.Г. Животноводство в структуре хозяйственных интересов тамбовских помещиков в начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26. № 193. С. 180 – 188.
10. Завод Графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, Тамбовской губернии Шацкаго уезда в селе Ново-Томников: основан в 1859 г. Санкт-Петербург: Тип. Месника и Римана, 1884. 15 с.
11. Исследование современного состояния скотоводства в России. Вып. 1. Рогатый скот. Москва: Тип. М. Н. Лаврова и К., 1884. 168 с.
12. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 1. Санкт-Петербург: тип. В. Киршбаума, 1900. 519 с.
13. Лисаневич И.А. Скотоводство Тимофея Ивановича Рубашевского. Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1892. 30 с.
14. Мизис Ю.А. Новотомниково. Воронеж: Центр духов. возрождения Черноозем. края, 2002. 157 с.
15. Обзор Тамбовской губернии за 1902 год. Тамбов: Тип. губернского правления, 1904. 58 с.
16. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 40. Оп. 1. Д. 58.
17. Рязанско-Уральская железная дорога и её район. Санкт-Петербург: Типо-литография Н.И. Евстифеева, 1913. 395 с.
18. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Т. 15. Частное землевладение Моршанского уезда. Тамбов, 1890. 504 с.
19. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Т. 16. Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1891. 673 с
20. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Т. 17. Частное землевладение Лебедянского уезда. Тамбов: Губернская земская типография, 1891. 187 с.

21. Сборник статистических данных по Тамбовской губернии: в 24 т. Т. 19. Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1894. 370 с.

22. Сведения о некоторых хозяйствах и технических предприятиях Тамбовской и других губерний. Тамбов: Тип. губернского земства, 1912. 124 с.

23. Статистический обзор Тамбовской губернии. Тамбов: типо-литогр. губ. правл., 1903. 112 с.

24. Указатель седьмой аукционной выставки лошадей, рогатого скота, овец и свиней (с дополнительными отделами): 1906 г. Моршанск: Тип. М. Прокофьева, 1906. 26 с.

25. Холодильники в Тамбовской губернии // Сельскохозяйственная жизнь. 1913. № 18. С. 667 – 669.

26. Челинцев А. Н. Опыт изучения организации сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков: Книгоизд-во «Союз» Харьковского кредитного союза кооперативов, 1919. 654 с.

References

1. Outstanding Russian Farms. Tambov Provincial Gazette. 1897. May 20 (No. 50). P. 3

2. GATO (State Archives of Tambov Oblast). F. 46. Op. 1. D. 2732.

3. GATO. F. 195. Op. 1. D. 102.

4. GATO. F. 46. Op. 1. D. 3122.

5. GATO. F. 51. Op. 1. D. 316.

6. GATO. F. 51. Op. 1. D. 234.

7. Gorbacheva N.S. Chicken Breeds and Their Keeping on a Private Farm. Moscow: Art and Fashion, 1993. 143 p.

8. Dyakov V.N. Animal Husbandry in Tambov Province. Collection-Calendar of Tambov Province for 1903. Tambov: Typo-lithographic Provincial Government, 1903. P. 282 – 308.

9. Zhitin R.M., Topilsky A.G. Animal Husbandry in the Structure of Economic Interests of Tambov Landowners at the Beginning of the Twentieth Century. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. Tambov, 2021. Vol. 26. No. 193. P. 180 – 188.

10. Plant of Count Illarion Ivanovich Vorontsov-Dashkov, Tambov Province, Shatsky District, in the village of Novo-Tomnikov: founded in 1859. St. Petersburg: Typ. Mesnik and Riemann, 1884. 15 p.

11. A Study of the Current State of Livestock Breeding in Russia. Part 1. Cattle. Moscow: M.N. Lavrov i K. Publishing House, 1884. 168 p.

12. Brief Reference Information on Some Russian Farms. Part 1. St. Petersburg: V. Kirshbaum Publishing House, 1900. 519 p.

13. Lisanevich I.A. Cattle Breeding of Timofey Ivanovich Rubashevsky. Voronezh: V.I. Isaev Publishing House, 1892. 30 p.

14. Mizis Yu.A. Novotomnikovo. Voronezh: Center for the Spiritual Revival of the Black Earth Region, 2002. 157 p.

15. Review of Tambov Province for 1902. Tambov: Provincial Government Publishing House, 1904. 58 p.

16. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 40. Op. 1. D. 58.

17. Ryazan-Ural Railway and its Region. St. Petersburg: N.I. Evstifeev's Typo-lithography, 1913. 395 p.

18. Collection of statistical information on Tambov Province: in 24 volumes. Vol. 15. Private land ownership of Morshansky District. Tambov, 1890. 504 p.

19. Collection of statistical information on Tambov Province: in 24 volumes. Vol. 16. Private land ownership of Kirsanovsky District. Tambov: Publishing House Tambov Provincial Zemstvo, 1891. 673 pages

20. Collection of statistical information on Tambov Province: in 24 volumes. Volume 17. Private land ownership of Lebedyansky District. Tambov: Provincial Zemstvo Printing House, 1891. 187 pages

21. Collection of statistical data on Tambov Province: in 24 volumes. Vol. 19. Private land ownership of Tambov District. Tambov: Tambov Provincial Zemstvo Publishing House, 1894. 370 pages

22. Information on some farms and technical enterprises of Tambov and other provinces. Tambov: Provincial Zemstvo Printing House, 1912. 124 pages

23. Statistical review of Tambov Province. Tambov: Typo-lithographic gubernia government, 1903. 112 p.

24. Index of the seventh auction exhibition of horses, cattle, sheep, and pigs (with additional sections): 1906. Morshansk: Type. M. Prokofieva, 1906. 26 p.

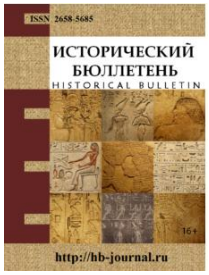
25. Refrigerators in Tambov province. Agricultural life. 1913. No. 18. P. 667 – 669.
26. Chelintsev A.N. An experience of studying the organization of agriculture for the purpose of substantiating public and cooperative-agronomic assistance using Tambov province as an example. Kharkov: Soyuz Publishing House of the Kharkov Credit Union of Cooperatives, 1919. 654 p.

Информация об авторах

Топильский А.Г., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID https://orcid.org/0000-0001-9416-1312, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, a-topil@yandex.ru

Житин Р.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-6031-6088, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, istorik08@mail.ru

© Топильский А.Г., Житин Р.М., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 930.24

Хронологические таблицы годов жизни знаменитых исторических личностей Древней Греции, Древнего Рима и Малой Азии на промежутке времени между первым годом эры Набонассара и годами правления в Византии императора Юстиниана I (согласно датировкам, полученным методом астрономической хронологии)

[1] Волков А.С.,
[1] историк-исследователь, юрист, индивидуальный предприниматель, г. Санкт-Петербург

Аннотация: статья посвящена воссозданию подлинных годов жизни знаменитых личностей Древней Греции, Древнего Рима и Малой Азии временной эпохи между первым годом эры Набонассара и годами правления в Византии императора Юстиниана I. В работе были использованы результаты исследований, проведённых за последнее время, во-первых, по обобщению и уточнению хронологических данных об основных исторических событиях военно-политического, культурного и природного характера, а во-вторых, историко-биографических данных о жизни знаменитых личностей изучаемых регионов мира, в указанный временной период. В ходе выполнения исследования были сформированы таблицы биографических данных знаменитых исторических личностей. Даты их жизни были воссозданы и хронологически согласованны с датами создания произведений литературы Древней Греции и Рима, трудами Геродота, Фукидида, Ксенофонта и других классиков исторической науки, датировками исторических фактов занесённых в «Паросскую хронику» и другие сохранившиеся летописи. В таблицах, в хронологическом порядке, были зафиксированы подлинные годы жизни, во-первых, деятелей науки и культуры, а во-вторых, царей, государственных деятелей и военачальников. В ходе проведения исследования были дополнены и уточнены отдельные биографические данные знаменитых исторических личностей изучаемых регионов и временной эпохи полученные в предыдущих исследованиях с использованием метода астрономической хронологии. Историко-биографические данные о жизни знаменитых исторических личностей, воссозданные в этой работе, помогут установить достоверные даты важнейших исторических событий исследуемой и последующих временных эпох в Европе, Малой Азии и в других регионах мира.

Ключевые слова: история, хронология, эра Олимпиад, эра Набонассара, Древняя Греция, Древний Рим, Малая Азия, Византийская империя, император Юстиниан I

Для цитирования: *Волков А.С. Хронологические таблицы годов жизни знаменитых исторических личностей Древней Греции, Древнего Рима и Малой Азии на промежутке времени между первым годом эры Набонассара и годами правления в Византии императора Юстиниана I (согласно датировкам, полученным методом астрономической хронологии) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 118 – 130.*

Поступила в редакцию: 28 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Chronological tables of the years of life of famous historical figures of Ancient Greece, Ancient Rome and Asia Minor in the period between the first year of the era of Nabonassar and the years of the reign of Emperor Justinian I in Byzantium (according to the dating obtained by the method of astronomical chronology)

[1] Volkov A.S.,
[1] Historian-Researcher, Lawyer, Individual Entrepreneur, St. Petersburg

Abstract: this article aims to reconstruct the authentic dates of the lives of famous figures from Ancient Greece, Rome, and Asia Minor during the period between the first year of the Nabonassar era and the reign of Emperor Justinian I in Byzantium. The work draws on recent research, firstly, to summarize and refine chronological data on key military-political, cultural, and natural historical events, and secondly, to examine historical and biographical data on the lives of famous figures from the studied regions during this time period. During the course of the study, tables of biographical data for famous historical figures were compiled. Their life dates were reconstructed and chronologically aligned with the dates of creation of ancient Greek and Roman literary works, the works of Herodotus, Thucydides, Xenophon, and other classics of historical science, and the dating of historical facts recorded in the Parian Chronicle and other surviving chronicles. The tables, arranged chronologically, recorded the actual years of life of, first, scientists and cultural figures, and second, kings, statesmen, and military leaders. During the study, individual biographical data on famous historical figures from the studied regions and time periods, obtained in previous studies using astronomical chronology, were supplemented and refined. The historical and biographical data on the lives of famous historical figures, reconstructed in this work, will help establish reliable dates for the most important historical events of the studied and subsequent eras in Europe, Asia Minor, and other regions of the world.

Keywords: history, chronology, Olympian era, Nabonassar era, Ancient Greece, Ancient Rome, Asia Minor, Byzantine Empire, Emperor Justinian I

***For citation**: Volkov A.S. Chronological tables of the years of life of famous historical figures of Ancient Greece, Ancient Rome and Asia Minor in the period between the first year of the era of Nabonassar and the years of the reign of Emperor Justinian I in Byzantium (according to the dating obtained by the method of astronomical chronology). Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 118 – 130.*

The article was submitted: August 28, 2025; Approved after reviewing: October 25, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

За последнее время в исторической науке, исследовавшей, с применением современной исследовательской техники и новейших методов, в том числе метода астрономической хронологии, письменные источники периода времени между первым годом эры Набонассара и годами правления в Византии императора Юстиниана I, вновь получено и уточнено значительное количество датировок событий военно-политического, культурного, природного и астрономического характера, произошедших на территориях Древней Греции, Древнего Рима, Малой Азии и Византийской империи. Кроме того, несмотря на то, что биографические данные о жизни знаменитых людей, деятелей науки и культуры, а также государственных деятелей и военачальников, того периода времени, живших в указанных регионах уже сложились в исторической хронологии и описаны достаточно давно, исследования в этом направлении исторической науки проводятся достаточно активно. Надо отметить, что в основном эти научные изыскания касаются письменных трудов, созданных этими историческими личностями. Например, что касается древних авторов, то исследования затрагивают, главным образом, не их биографические данные, а вопросы построения сюжетных линий, специфики языка персонажей, особенности театральной постановки их литературных произведений. Среди работ, посвящённых в том числе изучению хронологических аспектов жизни и деятельности знаменитых исторических личностей этой исторической эпохи можно отметить следующие работы по Древней Греции, включая период Македонского владычества [1-32]; по государствам Малой Азии, начиная от Вавилона, Мидии, Лидии и до Византийской империи [33-36]; по Древнему Риму [37-50].

Настало время сопоставить и при необходимости уточнить полученные в этих работах хроноло-

гические данные с датировками из «Хронологических таблиц основных исторических событий в Европе, Египте и Малой Азии на промежутке времени между первой Олимпиадой и годами правления в Византии императора Юстиниана I» [51], а также с историко-биографическими сведениями о знаменитых личностях из работ Геродота [52], Фукидида [53], Ксенофонта [54], Евсевия Кесарийского [55], Диодора Сицилийского [56], Плутарха [57], Диогена Лаэртского [58], Клавдия Птолемея [59], Исаака Ньютона [60] и других историков. Исходя из этих соображений актуальность проводимого исследования заключается в том, что позволят воссоздать, в интересах исторической науки, подлинные датировки годов жизни знаменитых исторических личностей этих временных эпох: во-первых, деятелей науки и культуры, а во-вторых, царей, государственных деятелей и военачальников. Воссозданные историко-биографические сведения будут способствовать нахождению достоверных хронологических данных об исторических событиях исследуемого и последующих промежутков времени не только в Древней Греции, Древнем Риме и Малой Азии, но и в других регионах мира.

Материалы и методы исследований

Методологическую структуру выполняемой научной работы образуют принципы: 1) историографической традиции – учёт результатов предшествующих научных работ; 2) опоры на исторические источники – детальный анализ документов и других материалов, недопустимость субъективизма и искажённого толкования; 3) опора на достоверные факты не подогнанные под заранее заданные схемы; 4) системность – рассмотрение предмета с его внутренними и внешними связями; 5) историзм – связь события (факта) с прочими объектами процесса, а также недопустимость рассмотрения личности или события без учёта фактора времени; 6) всесторонность – изучение явления с учётом его культурных, военно-политических, природных и социальных аспектов.

Главными инструментами в проводимом исследовании являются историко-типологический и историко-сравнительный методы, кроме того для изучения и воссоздания хронологии во всей полноте событий и их участников были подключены системно-функциональный и историко-генетический методы.

Целью исследования является воссоздание, подлинных годов жизни знаменитых исторических личностей Древней Греции, Древнего Рима и Малой Азии, временной эпохи между первым годом эры Набонассара и годами правления в Византии императора Юстиниана I.

Предполагается, базируясь на полученных за последние несколько десятилетий результатах работ, посвящённых изучению хронологических аспектов жизни и деятельности знаменитых исторических личностей, на биографических сведениях о них, сохранившиеся трудах классиков исторической науки, а также на датировках основных исторически значимых событий культурного, военно-политического и природного характера в Древней Греции, Древнем Риме и Малой Азии исследуемой исторической эпохи, полученных с использованием в том числе метода астрономической хронологии, решить следующие задачи. Сформировать хронологические таблицы с воссозданными, подлинными датировками годов жизни знаменитых исторических личностей Древней Греции, Рима и Малой Азии временной эпохи между первым годом эры Набонассара и годами правления в Византии императора Юстиниана I: во-первых, деятелей науки и культуры; во-вторых, царей, государственных деятелей и военачальников.

Результаты и обсуждения

Результаты проведённого в данной работе исследования представлены в виде хронологических таблиц, при составлении которых, как было указано выше, были использованы труды классиков исторической науки от Геродота до Исаака Ньтона, а также данные об историческиж событиях исследуемой исторической эпохи зафиксированные в «Паросской хронике» и в других летописных документах. Некоторые датировки, полученные ранее методом астрономической хронологии в ходе данного исследования были уточнены. Воссозданные в работе подлинные годы жизни знаменитых исторических личностей Древней Греции, Рима и Малой Азии деятелей науки и культуры приведены в табл. 1, царей, государственных деятелей и военачальников в табл. 2. Все датировки даны в годах новой эры. Погрешность для обеих дат ± 2 года, в скобках представлены альтернативные датировки.

Таблица 1

Подлинные датировки годов жизни знаменитых исторических личностей деятелей науки и культуры Древней Греции, Древнего Рима и Малой Азии.

Table 1

Authentic dates of the lives of famous historical figures in science and culture of Ancient Greece, Ancient Rome, and Asia Minor.

№	Историческая личность	Сфера деятельности	Годы жизни (г.н.э.)	Источники датировок
Деятели науки				
1	Гиппарх	Астроном	конец 12 века - первая половина 13 века	[33], [48 - 50], [59]
2	Фалес	Астроном, математик	1267 - 1343 (1356) г.	[14], [34], [38, стр.32], [51], [58]
3	Гелланик	Историк	1396 - 1460 г.	[22], [24, стр.506], [26], [51], [52], [60]
4	Анаксагор	Философ	1394 - 1462 г.	[14], [51], [58]
5	Геродот	Историк	1406 - 1465 г.	[13], [22], [24, стр.505], [26], [51], [52], [60]
6	Сократ	Философ	1420 - 1490 (1421 - 1489) г.	[14], [23], [25], [51], [58]
7	Метон Афинский	Астроном, хронолог	ок. 1425 - 1505 г.	[21, стр.507], [22], [33], [35], [51], [60]
8	Фукидид	Историк	ок. 1430 - 1490 г.	[20], [22], [24, стр.506], [26], [51], [53], [56], [60]
9	Гиппократ	Врач	1430 - (между 1513 и 1534) г.	[24, стр.507], [51]
10	Ксенофонт	Историк	(между 1448 - 1460) - (между1522 и 1534) г.	[14], [20], [22], [25], [26], [51], [54], [56], [58], [60]
11	Платон	Философ	1462 - 1543 г.	[14], [51], [59]
12	Птолемей Клавдий	Астроном	вторая половина 15 века - начало 16 века	[33], [50 - 51], [59 - 60]
13	Луций Анней Сенека	Философ, поэт	1473 (6) - 12 апреля 1546 г.	[51], [55]
14	Диоген	Философ	1478 - 1567 г.	[14], [58]
15	Каллимах из Киррены	Поэт, библиограф	1485 - 1545 г.	[24, стр.510]
16	Плиний Старший	Историк	1503 (1505) - 1560 г.	[38, стр.98], [51]
17	Аристотель	Философ	1506 (7) - 1568 (9) (1570) г.	[14], [23], [27 - 33], [51], [58], [60]
18	Эратосфен Кирренский	Астроном, хронолог	1520 - 1601 г.	[24, стр.510]
19	Теофраст	Философ	ок. 1520 (30) - 1603 (6) г.	[14], [23], [51], [58]
20	Публий Корнелий Тацит	Историк, писатель	середина 1530-х - 1601 г.	[38, стр.98]
21	Гай Светоний Транквилл	Историк, писатель	ок. 1551 - после 1603 г.	[38, стр.98]
22	Эпикур	Философ	1546 - 1618 г.	[14], [58]
23	Плутарх из Херонеи	Философ, биограф	1540 (1545) - 1620 (1625) г.	[46], [47], [51], [55], [57]
Деятели культуры				
1	Гомер	Поэт	середина 13 века - первая половина 14 века.	[1 -13], [19], [24, стр.511], [51]
2	Эзоп	Баснописец	вторая половина 13 века - первая треть 14 века	[24, стр.503]
3	Гесиод	Поэт	середина 14 века - первая половина 15 века.	[15], [16], [19], [24, стр.504], [51]
4	Эсхил	Драматург	1365 - 1434 г.	[17 - 19], [24, стр.512], [51]
6	Софокл	Драматург	1393 - 1484 г	[19], [24, стр.512], [51]
7	Публий Овидий Назон	Поэт	1395 - 1456 г.	[24, стр.508], [51], [55]
8	Фидий	Скульптор, архитектор	ок. 1400 - ок. 1458 г.	[23], [51], [53]

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

9	Еврипид	Драматург	1404 (1405) - 1482 г.	[19], [21], [23], [51]
10	Публий Вергилий Марон	Поэт	1411 - 1461 г.	[24, стр.514], [37], [51], [55]
11	Аристофан	Комедиограф	1445 - 1515 г.	[19], [24], [51]
12	Аполлоний Родосский	Поэт	1500 - 1580 г.	[24, стр.510], [51]
13	Франческо Петрарка	Поэт	1505 - 1575 г.	[24, стр.508], [51]
14	Джованни Боккаччо	Поэт	1514 - 1576 г.	[24], [51]
15	Публий Папиний Стаций	Поэт	1521 - 1577 г.	[38, стр.162 - 228], [51]
16	Данте Алигьери	Поэт	май 1525 - сентябрь 1581 г.	[38, стр. 229 - 253], [51]
17	Джотто ди Бондоне	Художник, архитектор	1526 (7) - 8 января 1597 г.	[38, стр. 253]
18	Апулей	Писатель	1564 - 1610 г.	[24, стр.510], [51]

Таблица 2

Подлинные датировки годов жизни знаменитых исторических личностей царей, государственных деятелей, военачальников Древней Греции, Древнего Рима и Малой Азии.

Table 2

Authentic dates of the lives of famous historical figures kings, statesmen, and military leaders – of Ancient Greece, Ancient Rome, and Asia Minor.

№	Историческая личность	Сфера деятельности	Годы жизни (г.н.э.)	Источники датировок
1	Набонасар	Царь Вавилона	конец 11 века - 02 февраля 1156 г.	[22], [33], [51], [52], [59], [60]
2	Навуходоносор	Царь Вавилона	середина 13 века - 10 января 1328 г.	[22], [33], [51], [52], [59], [60]
3	Кипсел	Царь Коринфа	1201 - 1269 г.	[22], [23], [38, стр.32], [51], [52], [60]
4	Периандр	Царь Коринфа	1229 - 1309 г.	[14], [23], [38, стр.32], [51], [52], [58], [60]
5	Солон	Афинский политик, законодатель	середина 13 века - первая треть 14 века	[14], [22 - 23], [34], [51 - 52], [57 - 58], [60]
6	Киаксар	Царь Мидии	ок. 1230 (40) - 1293 г.	[22], [51], [52], [60]
7	Алиатт	Царь Лидии	1256 - 1336 г.	[22], [23], [34], [38, стр.31], [51], [52], [60]
8	Кир Великий	Царь Персии	ок. 1295 - 02.01.1360 г.	[22], [23], [33], [51], [52], [59], [60]
9	Крез	Царь Лидии	1301 - 1350 г.	[23], [33], [38, стр.31], [51 - 52], [60]
10	Камбиз	Царь Персии	ок. 1320 - 31.12.1368 г.	[22], [33], [51], [52], [59], [60]
11	Дарий I	Царь Персии	1340 - 1404 г.	[22], [23], [26], [33], [51], [52], [59], [60]
12	Константин Великий	Император Византии	1359 - 1424 г.	[35], [36], [51]
13	Фемистокл	Государственный деятель, полководец	1366 - 1431 г.	[22], [23], [26], [51], [52], [57]
14	Ксеркс I	Царь Персии	1368 - 1425 г.	[22], [23], [26], [33], [51], [52], [59], [60]
15	Перикл	Государственный деятель, полководец	ок. 1396 - 1461 г.	[22], [23], [26], [51], [53], [56], [57]
16	Артаксеркс I	Царь Персии	1400 - 1466 г.	[22], [23], [25], [26], [33], [51], [54], [60]
17	Никий	Государственный деятель, полководец	1415(1420) - 1477 г.	[22], [23], [26], [51], [53], [56], [57]

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

18	Лисандр	Флотоводец и военачальник	1438 - 1495 г.	[22], [23], [25], [26], [51], [54], [56], [57]
19	Алкивиад	Государственный деятель, полководец	ок. 1440 - 1486 г.	[22], [23], [25], [26], [51], [54], [56], [57]
20	Пелопид	Государственный деятель, полководец	ок. 1474 - 1528 г.	[22], [23], [25], [26], [51], [54], [56], [57]
21	Эпаминонд	Государственный деятель, полководец	ок. 1481 - 1529 г.	[22], [23], [25], [26], [51], [54], [56]
22	Агесилай	Царь Спарты	1445 (6) - ок. 1532 г.	[22], [23], [25], [26], [51], [54], [56], [57]
23	Деметрий Фалерский	Государственный деятель	1540 (1) - 1608 (12) г.	[14], [23], [51], [54], [55], [58]
24	Дарий III Кодоман	Царь Персии	1508 - 13.11.1558 г.	[22], [33], [59], [60]
25	Нерон	Император Рима	1517 (9) - 1548 (51) г.	[33], [51], [55], [59]
26	Веспасиан	Император Рима	1490 - 1559 г.	[33], [55], [59]
27	Тит	Император Рима	1520 - 1561 г.	[33], [39 - 44], [51], [55], [57], [59]
28	Домициан	Император Рима	1532 - 1576 (1577) г.	[33], [51], [55], [59]
29	Александр Македонский	Царь Македонии	1533(4) – 11.11.1566 (1567) г.	[14], [22 - 23], [27 - 33], [51], [55 - 60]
30	Нерва	Император Рима	1511 (15) - 1578 (9) г.	[33], [55], [59]
31	Траян	Император Рима	1533 (4) - 1598 (9) г.	[33], [55], [59]
32	Пдиний Младший	Государственный деятель, писатель	1542 (3) - 1594 (6) г.	[39 - 45], [51]
33	Адриан	Император Рима	1557 - 1619 (20) г.	[33], [55], [59]
34	Антонин Пий	Император Рима	1567 (9) - 1642 (3) г.	[33], [55], [59]
35	Юстиниан I	Император Византии	ок. 1571 – 1653 г.	[35], [36], [51]

Выводы

В статье на основании работ, проведённых за последнее время по обобщению и уточнению хронологических данных об основных исторических событиях военно-политического, культурного и природного характера, а также историко-биографических исследований жизней знаменитых исторических личностей Древней Греции, Древнего Рима и Малой Азии временной эпохи от первого года эры Набонассара до годов правления в Византии императора Юстиниана I, были воссозданы, подлинные датировки годов жизни: во-первых, деятелей науки и культуры, а во-вторых, царей, государственных деятелей и военачальников. Воссозданные историко-биографические данные о жизни знаменитых исторических личностей помогут установить достоверные даты важнейших исторических событий исследуемой и последующих временных эпох в Европе, Малой Азии и в других регионах мира.

Список источников

1. Kelly Adrian D. «Biographies of Homer» // Chapter in The Homeric Encyclopedia. 2011/12/01. Vol. I. P. 129 – 130. DOI: 10.1002/9781444350302.wbhe0243

2. Kelly, Adrian D. «Homerica».// Chapter in the book: "The Homeric Encyclopedia". 2011/12/01. Vol. II. P. 364 – 365. DOI: 10.1002/9781444350302.wbhe0606.

3. West, Martin Litchfield "The Homeric Question Today" // Proceedings of the American Philosophical Society. 12/01/2011. Vol. II. P. 362 – 364. JSTOR 23208780.

4. Raaflaub, Kurt. «Historicity of Homer» // Chapter in book: «The Homer Encyclopedia» Margalit Finkelberg 2012/12/01. Vol. II. P. 359 – 361. DOI: 10.1002/9781444350302.wbhe0601

5. West, Martin. «Date of Homer» // Chapter in book: «The Homer Encyclopedia» Margalit Finkelberg. 2011/12/01. Vol. I. P. 197 – 198. DOI: 10.1002/9781444350302.wbhe0330

6. Грациози Б. «Изобретая Гомера: раннее восприятие эпоса» // Журнал эллинских исследований. Издательство Кембриджского университета, Англия, 01.01.2003. DOI: 10.2307/3246273

7. Рузене Ф. «Гомер и история: рефлексы о поэтической гомерике для официального историка». // Лица де Клио. Электронный студенческий журнал аспирантуры по истории Федерального университета Жуиси-ди-Фора. Бразилия. 14.08.2025. Т. 12. С. 82 – 102. DOI: 10.34019/2359-4489.2025.v12.48118

8. Космопулос М.Б. «Мир Гомера: археология, социальная память и возникновение греческой эпической поэзии» // Издательство Кембриджского университета, Англия, 14 августа 2025 г. 370 с. ISBN: 978-1009582889.

9. Эфендиев Э. «Астрономические циклы в «Илиаде» Гомера: доказательство методом компьютерной симуляции» // Электронный сборник статей «Новая Хронология». 2020. Вып. 17. https://new.chronologia.org/volume17/index.php Сайт: Новая Хронология. https://new.chronologia.org/ (дата обращения: 30.07.2025)

10. Волков А.С. «Илиада» год написания. Санкт-Петербург, Типография Михаила Фурсова, 2016. 272 с. ISBN 978-5-9908487-1-9. DOI: 10.61726/5827.2024.51.61.001

11. Байкаузис К., Магнаско М. «Описано ли в «Одиссее» затмение?» // Труды Национальной академии наук США. 2008-07-01. Т. 105, вып. 26. С. 8823 – 8828. DOI: 10.1073/pnas.0803317105

12. Волков А.С. «Одиссея» год написания. Санкт-Петербург, Типография Михаила Фурсова, 2016. 206 с. ISBN 978-5-9908487-0-2. DOI: 10.61726/7350.2024.44.61.001

13. Хейвуд Я. «Гомеровские аллюзии в «Истории» Геродота». // Published by Histos. Опубликовано в книге / под ред. Ивана Матияшича «Геродот – самый гомеровский историк?» (HISTOS Supplement 14). С. 59 – 90. 16.07.2025. DOI: 10.29173/histos55, ISSN (онлайн): 2046-5963 (печатная версия): 2046-5955

14. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка первого года эры Олимпиад // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6, № 4. С. 161 – 167. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/07/istor.-bjul.-tom-6-4-2023.pdf (дата обращения: 30.07.2025). DOI: 10.61726/6137.2024.60.74.001

15. Лукарини К. «Состязание Гомера и Гесиода в «Алкидаманте» и гомеровская биографическая традиция от истоков жизни Пс.-Геродота» // Гиперборей. Россия. Т. 24. С. 89 – 120, DOI: 10.36950/hyperboreus.TBDT9028

16. Койв М. «Заметка о датировке произведений Гесиода» // The Classical Quarterly, Лондон. декабрь 2011 г. Т. 61, вып. 2. С. 355 – 377, DOI: 10.1017/S0009838811000127

17. Кэрнс Д., Лиапис В. «Дионис-Александр: очерки об Эсхиле и его коллегах-трагиках в честь Александра Ф. Гарви» // Классическая пресса Уэльса, 2006, 300 стр., ISBN (печатная версия) 9781905125135.

18. Деформ Б. «Жизнь с Эсхилом» // Издательство: Les Belles Lettres, сборник «Правда мифов», Париж, 2010, 304 стр. ISBN: 978-2-251-32458-6.

19. Лефковиц М.Р. «Жизнь греческих поэтов» (второе издание). Издательство: Johns Hopkins University Press, Балтимор, 2 апреля 2012 г., 240 с. ISBN: 978-1421404639.

20. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Затмений Фукидида» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 78 – 86. URL: https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725 (дата обращения: 30.07.2025). DOI: 10.61726/2620.2024.46.81.001

21. Волков А.С. «Еврипид – датировка драматических произведений методом астрономической хронологии»: в 2-х т. Санкт-Петербург, Типография Михаила Фурсова, 2022. (Т 1. 371 с. ISBN 978-5-9908487-8-8, DOI: 10.61726/8182.2024.74.41.001). Т. 2. 348 с. ISBN 978-5-9908487-9-5. DOI: 10.61726/7855.2024.30.44.001)

22. Постников М.М. «Критическое исследование хронологии Древнего мира»: в 3 т. М., Крафт+ и Леан, 2000. Античность. 444 с. ил., карт.. ISBN 5-85929-065-9; Библия. 398 с. ил.. ISBN 5-85929-086-1; Восток и средневековье. 399 с. ISBN 5-85929-066-7.

23. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Парросской хроники» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 2. С. 8 – 19. URL: https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725 (дата обращения: 30.07.2025) DOI 10.61726/8559.2024.17.44.001

24. Волков А.С. «Аристофан комедии, Джованни Боккаччо «Тесеида» – хронологическое исследование и датировка». Санкт-Петербург, Типография Михаила Фурсова, 2022. 531 с. ISBN 978-5-6048708-0-8. DOI: 10.61726/5336.2024.83.93.001

25. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование с использованием методов астрономической хронологии, официально принятых в исторической науке датировок Элейской, Коринфской и Беотийских войн // Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». https://hb-journal.ru. 2025. Т. 8. № 6. С. 138 – 148. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (дата обращения: 30.09.2025), DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-6-138-148

26. Фоменко А.Т. «Четыреста лет обмана». Москва: АСТВКТ, 2010: Астрель. 350 с. : ил. ISBN 978-5-17-063267-1; 978-5-17-043506-7; 978-5-271-25928-9; 978-5-226-01955-5.

27. Полкаро В.Ф., Вальсекки Г.Б., Вердераме Л. «Затмение битвы при Гавгамелах: археоастрономический анализ» // Средиземноморская археология и археометрия. January 2008. Т. 8. № 2. С. 55 – 64. // URL: https://www.researchgate.net/publication/267713196_The_Gaugamela_battle_eclipse_An_archaeoastronomical_analysis (дата обращения: 30.07.2025)

28. Котельников А.Л. «Загадки походов Александра Македонского» // Электронный альманах Арт&Факт. 2018. № 2 (10). http://artifact.org.ru/content/view/420/5/ Сайт Арт&Факт. http://artifact.org.ru/ (дата обращения: 30.07.2025)

29. Лендеринг И. «Александр Македонский. Падение Персидской империи» // Athenaeum-Polak & Van Gennep, Амстердам. 2004. стр. 407. ISBN 9025331440.

30. Лендеринг И. «Астрономические дневники» // http://www.pothos.org/content/index.php?page=astronomical-diaries, 14 мая 2011, Веб-сайт Александра Македонского: http://www.pothos.org/ (дата обращения: 30.07.2025)

31. Спаравинья А.К. «К вопросу о датировке лунного затмения Александра Македонского и битвы при Гавгамелах: обсуждение данных и использование археоастрономии в хронологии» // Электронный журнал SSRN., 01.01.2019, DOI: 10.2139/ssrn.3412747

32. Спаравинья А.К. «Датировка лунного затмения Александра и битвы при Гавгамелах: обсуждение данных и использование археоастрономии в хронологии» // Электронный журнал SSRN. 30.06.2019, DOI: 10.5281/zenodo.3263733

33. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка первого года эры Набонассара // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 5. С. 58 – 65. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/10/istor.-bjul.-tom-6-5-2023.pdf (дата обращения: 30.07.2025)

34. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка «Затмения Фалеса» // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 2. С. 171 – 177. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/05/istor.-bjul.-tom-6-2-2023.pdf (дата обращения: 30.07.2025). DOI: 10.61726/2235.2024.68.70.001

35. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. «Семь чудес света. Библейская Русь. Календарь и Пасха. Рождество Христа и Никейский собор. Пророчество Даниила. Подземная Москва XVI века – прообраз знаменитого «античного» лабиринта». Москва: АСТ, 2016. 575 с. ISBN 978-5-17-096593-9.

36. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка с использованием методов астрономической хронологии основания города Константинополя, столицы Византийской империи, императором Константином Великим // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2024. Т. 7. № 6. С. 101 – 109. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (дата обращения: 30.07.2025). DOI: 10.58224/2658-5685-2024-7-6-101-109

37. Волков А.С. «Энеида» год написания. Санкт-Петербург, 2024. 175 с. ISBN 978-5-6048708-2-2, DOI: 10.61726/2164.2024.46.96.001

38. Волков А.С. «Взятие легендарной Трои, строительство пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина, извержение вулкана Везувий, основание и взятие Константинополя, датировка исторических событий методом Астрономической хронологии. «Фиваида» Публий Папиний Стаций, «Божественная комедия» Данте Алигьери, «Апокалипсис» откровение Иоанна Богослова – годы написания». Санкт-Петербург, Типография Михаила Фурсова, 2021. 310 с. ISBN 978-5-9908487-7-1

39. Тюрин А.М. Состояние датирования события «Извержение Везувия 79 года» по фактическим данным // Электронный альманах Арт&Факт. 2007. № 4 (8). http://artifact.org.ru/content/view/361/81/, Сайт Арт&Факт: http://artifact.org.ru/ (дата обращения: 30.07.2025)

40. Тюрин А.М. «Гибель Помпей в 1631 году через кривые зеркала профессионального археолога» // Электронный сборник статей «Новая Хронология». 2020. Вып. 17. https://new.chronologia.org/volume17/index.php Сайт: Новая Хронология. https://new.chronologia.org/ (дата обращения: 30.07.2025)

41. Лантратов А.В. Когда погибли Помпеи, или как «учёные» ведут борьбу с «лженаукой» // Электронный сборник статей «Новая Хронология». 2020. Вып. 17. https://new.chronologia.org/volume17/index.php Сайт: Новая Хронология. https://new.chronologia.org/ (дата обращения: 30.07.2025)

42. Шуршиков Е.Н. Помпеи, 1631 год. // Электронный альманах Арт&Факт. 2007. № 1 (5). 2007. http://artifact.org.ru/content/view/92/81/ Сайт Арт&Факт. http://artifact.org.ru/ (дата обращения: 30.07.2025)

43. Нарвидас В. «Помпейские фрески и Ренессанс: Очная ставка». // Электронный альманах Арт&Факт 2007. № 1 (5). Сайт Арт&Факт. http://artifact.org.ru/, http://artifact.org.ru/content/view/268/79/ (дата обращения: 30.07.2025)

44. Чурилов Андреас «Гибель Помпеи: как лгут историки». Москва: Алгоритм, 2014. - 318, [1] с. ISBN 978-5-4438-0719-5

45. Данн Д. «В тени Везувия: Жизнь Плиния» // Издательство: William Collins, Лондон, 2020, 338 с. ISBN 9780008211127.

46. Стивенсон Ф. Ричард, Фатухи Луай Дж. «Полное солнечное затмение, описанное Плутархом» // История: Электронный журнал античной историографии / Университет Дарема (Великобритания). 1998. Т. 2. С. 72 – 82. DOI: 10.29173/histos175

47. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка с использованием методов астрономической хронологии Солнечного затмения, описанного Плутархом из Херонеи в произведении «De facie in orbe lunae» («О лике, видимом на диске Луны») // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2025. Т. 8. № 1. С. 38 – 48. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (дата обращения: 30.07.2025). DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-38-48

48. Гизemберг В., Уильямс П., Зингг Эм. «Новые доказательства существования Звёздного каталога Гиппарха, полученные с помощью многоспектральной съёмки» // Journal for the History of Astronomy. 18 октября 2022. Т. 53. С. 383 – 393. DOI: 10.1177/00218286221128289

49. Аабо А «О Вавилонском происхождении некоторых Гиппарховых параметров» // «Центавр». 26.07.2007. Т. 4. С. 122 – 125. DOI: 10.1111/j.1600-0498.1955.tb00619.x

50. Калашников В.В., Носовский Г.В., Фоменко А.Т. (1942-2001). «Звезды свидетельствуют: датировка звездного каталога «Альмагеста»». Москва: Астрель, 2012. 557 с., ISBN 978-5-271-37700-6.

51. Волков А.С. Хронологические таблицы основных исторических событий в Европе, Египте и Малой Азии на промежутке времени между первой Олимпиадой и годами правления в Византии императора Юстиниана I (согласно датировкам, полученным методом астрономической хронологии) // Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». https://hb-journal.ru. 2025. Т. 8. № 7. С. 151 – 161. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (дата обращения: 10.07.2025). DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-7- 151-161

52. Геродот. История: пер. и прим. Г.А. Стратановского. Статья В.Г. Боруховича. Л.: Наука, 1972. 600 с.

53. Фукидид. История: пер. и прим. Г.А. Стратановского / Отв. ред. Я. М. Боровский. (Серия: «Литературные памятники»). Л.: Наука, 1981. 543 стр.

54. Ксенофонт Анабасис. Греческая история / Ксенофонт. М.: АСТ: Астрель, 2011. 638, [2] с. ISBN 978-5-17-073863-2, ISBN 978-5-271-36347-4.

55. Евсевий Кесарийский Хронологические каноны (Евсевий «Хроника») в переводе Иеронима от 520 до н.э. до 379 г., часть 2 (с. 188-332), URL: https://tertullian.org/fathers/jerome_chronicle_03_part2.htm (дата обращения: 30.09.2025).

56. Диодор Сицилийский. Диодор Сицилийский в двенадцати томах с английским переводом К.Х. Олдфэзера. Том 4-8. / Кембридж, Массачусетс: Harvard University Press; Лондон: William Heinemann, Ltd. 1989, URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus3atext3a1999.01.0084 (дата обращения: 30.07.2025)

57. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т.: пер. с древнегреч.] / Изд. подготовили С.П. Маркиш и С.И. Соболевский; Послесл. С.И. Соболевского. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961-1964.

58. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов: пер. М.Л. Гаспарова]; АН СССР, Ин-т философии. 2-е изд., испр. Москва: Мысль, 1986. 570,[1] с.

59. Альмагест, или Математическое сочинение в тринадцати книгах / Клавдий Птолемей: пер. с древнегреч. И.Н. Веселовского; послесл. Г.Е. Куртика, Г.П. Матвиевской; Коммент. Г.Е. Куртика и др.]; РАН. Ин-т истории естествознания и техники. Москва: Наука. Физматлит, 1998. 671 с.

60. Ньютон Исаак Исправленная хронология древних царств. М.: Издательство «РИМИС», 2007. 656 с.

References

1. Kelly Adrian D. “Biographies of Homer”. Chapter in The Homeric Encyclopedia. 2011/12/01. Vol. I. P. 129 – 130. DOI: 10.1002/9781444350302.wbhe0243

2. Kelly, Adrian D. “Homerica”. Chapter in the book: “The Homeric Encyclopedia”. 2011/12/01. Vol. II. P. 364 – 365. DOI: 10.1002/9781444350302.wbhe0606.

3. West, Martin Litchfield “The Homeric Question Today”. Proceedings of the American Philosophical Society. 01/12/2011. Vol. II. P. 362 – 364. JSTOR 23208780.

4. Raaflaub, Kurt. “Historicity of Homer”. Chapter in book: “The Homer Encyclopedia” Margalit Finkelberg 2012/12/01. Vol. II. P. 359 – 361. DOI: 10.1002/9781444350302.wbhe0601

5. West, Martin. “Date of Homer”. Chapter in book: “The Homer Encyclopedia” Margalit Finkelberg. 2011/12/01. Vol. I. P. 197 – 198. DOI: 10.1002/9781444350302.wbhe0330

6. Graziosi B. "Inventing Homer: Early Receptions of the Epic". Journal of Hellenic Studies. Cambridge University Press, England, 01.01.2003. DOI: 10.2307/3246273

7. Ruzene F. "Homer and History: Reflections on Poetic Homerics for an Official Historian". Faces of Clio. Electronic Student Journal of the Graduate School of History, Federal University of Juiz de Fora. Brazil. 14.08.2025. Vol. 12. P. 82 – 102. DOI: 10.34019/2359-4489.2025.v12.48118

8. Kosmopoulos M.B. “Homer’s World: Archaeology, Social Memory, and the Emergence of Greek Epic Poetry”. Cambridge University Press, England, August 14, 2025. 370 p. ISBN: 978-1009582889.

9. Efendiev E. “Astronomical Cycles in Homer’s Iliad: Evidence from Computer Simulation”. Electronic Collection of Articles “New Chronology”. 2020. Issue 17. https://new.chronologia.org/volume17/index.php Website: New Chronology. https://new.chronologia.org/ (date of access: 30.07.2025)

10. Volkov A.S. "The Iliad" year of writing. St. Petersburg, Mikhail Fursov Printing House, 2016. 272 p. ISBN 978-5-9908487-1-9. DOI: 10.61726/5827.2024.51.61.001

11. Baikauzis K., Magnasco M. "Is an eclipse described in the Odyssey?". Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. 2008-07-01. Vol. 105, issue. 26. pp. 8823 – 8828. DOI: 10.1073/pnas.0803317105

12. Volkov A.S. "The Odyssey" year of writing. St. Petersburg, Mikhail Fursov Printing House, 2016. 206 p. ISBN 978-5-9908487-0-2. DOI: 10.61726/7350.2024.44.61.001

13. Heywood I. "Homeric Allusions in Herodotus's Histories." Published by Histos. Published in the book edited by Ivan Matijašić "Herodotus – the Most Homeric Historian?" (HISTOS Supplement 14). P. 59 – 90. 16.07.2025. DOI: 10.29173/histos55, ISSN (online): 2046-5963 (printed version): 2046-5955

14. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating of the first year of the Olympic era. International research journal "Historical Bulletin". 2023. Vol. 6, No. 4. P. 161 – 167. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/07/istor.-bjul.-tom-6-4-2023.pdf (date of access: 30.07.2025). DOI: 10.61726/6137.2024.60.74.001

15. Lucarini K. "The Contest between Homer and Hesiod in Alcidamas and the Homeric Biographical Tradition from the Origins of the Life of Ps. Herodotus". Hyperboreus. Russia. Vol. 24. P. 89 – 120, DOI: 10.36950/hyperboreus.TBDT9028

16. Koiv M. "A Note on the Dating of Hesiod's Works". The Classical Quarterly, London. December 2011. Vol. 61. No. 2. P. 355 – 377. DOI: 10.1017/S0009838811000127

17. Cairns D., Liapis V. “Dionysus-Alexander: Essays on Aeschylus and His Fellow Tragedians in Honour of Alexander F. Garvey”: Wales Classical Press, 2006, 300 pp., ISBN (print version) 9781905125135.

18. Desforges, B. “Life with Aeschylus”: Les Belles Lettres, Publisher: The Truth of Myths, Paris, 2010, 304 pp., ISBN: 978-2-251-32458-6.

19. Lefkowitz, M.R., “The Lives of the Greek Poets” (second edition). Publisher: Johns Hopkins University Press, Baltimore, April 2, 2012, 240 p. ISBN: 978-1421404639.

20. Volkov A.S. Astronomical Chronology in the Literature of Ancient Greece and the Dating of Thucydides' Eclipses. Scientific and Practical Electronic Journal "Original Research (ORIS)". 2019. Vol. 9. Issue 3. P. 78 – 86. URL: https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725 (date of access: 07.30.2025). DOI: 10.61726/2620.2024.46.81.001

21. Volkov A.S. "Euripides: Dating Dramatic Works Using Astronomical Chronology": in 2 volumes. St. Petersburg, Mikhail Fursov Printing House, 2022. (Vol. 1. 371 p. ISBN 978-5-9908487-8-8, DOI: 10.61726/8182.2024.74.41.001). Vol. 2. 348 p. ISBN 978-5-9908487-9-5. DOI: 10.61726/7855.2024.30.44.001)

22. Postnikov M.M. "A Critical Study of the Chronology of the Ancient World": in 3 volumes. Moscow, Kraft+ and Lean, 2000. Antiquity. 444 p. ill., cart.. ISBN 5-85929-065-9; The Bible. 398 p. ill. ISBN 5-85929-086-1; The East and the Middle Ages. 399 p. ISBN 5-85929-066-7.

23. Volkov A.S. Astronomical chronology in the literature of Ancient Greece and the dating of the "Parian Chronicle". Scientific and practical electronic journal "Original Research (ORIS)". 2019. Vol. 9. Issue 2. P. 8 – 19. URL: https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725 (accessed: 30.09.2025) DOI 10.61726/8559.2024.17.44.001

24. Volkov A.S. "Aristophanes of Comedy, Giovanni Boccaccio's "Theseid" – a chronological study and dating". Saint Petersburg, Mikhail Fursov Printing House, 2022. 531 p. ISBN 978-5-6048708-0-8, DOI: 10.61726/5336.2024.83.93.001

25. Volkov A.S. Historical and chronological research using methods of astronomical chronology, officially accepted in historical science for dating the Eleatic, Corinthian and Boeotian wars. Research journal "Historical Bulletin". https://hb-journal.ru. 2025. Vol. 8. No. 6. P. 138 – 148. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (date of access: 30.07.2025). DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-6-138-148

26. Fomenko A.T. “Four Hundred Years of Deception”. Moscow: ASTVKT, 2010: Astrel. 350 p. : ill. ISBN 978-5-17-063267-1; 978-5-17-043506-7; 978-5-271-25928-9; 978-5-226-01955-5.

27. Polcaro V.F., Valsecchi G.B., Verderame L. "The Eclipse of the Battle of Gaugamela: An Archaeoastronomical Analysis". Mediterranean Archaeology and Archaeometry. January 2008. Vol. 8. No. 2. P. 55 – 64. URL: https://www.researchgate.net/publication/267713196_The_Gaugamela_battle_eclipse_An_archaeoastronomical_analysis (accessed: 30.07.2025)

28. Kotelnikov A.L. "Riddles of Alexander the Great's Campaigns". Electronic Almanac Art&Fact. 2018. No. 2 (10). http://artifact.org.ru/content/view/420/5/ Art&Fact website. http://artifact.org.ru/ (date of access: 30.07.2025)

29. Lendering I. "Alexander the Great. The Fall of the Persian Empire". Athenaeum-Polak & Van Gennep, Amsterdam. 2004. p. 407. ISBN 9025331440.

30. Lendering I. "Astronomical Diaries". http://www.pothos.org/content/index.php?page=astronomical-diaries, May 14, 2011, Alexander the Great's website: http://www.pothos.org/ (date of access: 30.07.2025)

31. Sparavigna A.K. "On the Dating of Alexander the Great's Lunar Eclipse and the Battle of Gaugamela: Discussion of the Data and the Use of Archaeoastronomy in Chronology". SSRN Electronic Journal, 01.01.2019, DOI: 10.2139/ssrn.3412747

32. Sparavigna A.K. "Dating Alexander's Lunar Eclipse and the Battle of Gaugamela: Discussion of the Data and the Use of Archaeoastronomy in Chronology". SSRN Electronic Journal. 30.06.2019, DOI: 10.5281/zenodo.3263733

33. Volkov A.S. Historical and Chronological Study of Documentary Sources and Dating of the First Year of the Nabonassar Era. International Research Journal "Historical Bulletin". 2023. Vol. 6. No. 5. P. 58 – 65. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/10/istor.-bjul.-tom-6-5-2023.pdf (date of access: 30.07.2025)

34. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating of the "Eclipse of Thales". International research journal "Historical Bulletin". 2023. Vol. 6. No. 2. P. 171 – 177. URL: https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/05/istor.-bjul.-tom-6-2-2023.pdf (date of access: 30.07.2025). DOI: 10.61726/2235.2024.68.70.001

35. Nosovsky G.V., Fomenko A.T. “Seven Wonders of the World. Biblical Rus'. Calendar and Easter. The Nativity of Christ and the Council of Nicaea. The Prophecy of Daniel. Underground Moscow of the 16th Century – the Prototype of the Famous “Antique” Labyrinth.” Moscow: AST, 2016. 575 p. ISBN 978-5-17-096593-9. 36. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating using methods of astronomical chronology of the foundation of the city of Constantinople, the capital of the Byzantine Empire, by Emperor Constantine the Great. International research journal "Historical Bulletin". 2024. Vol. 7. No. 6. P. 101 – 109. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (accessed: 30.07.2025). DOI: 10.58224/2658-5685-2024-7-6-101-109

37. Volkov A.S. "Aeneid" year of writing. St. Petersburg, 2024. 175 p. ISBN 978-5-6048708-2-2, DOI: 10.61726/2164.2024.46.96.001

38. Volkov A.S. “The Capture of Legendary Troy, the Construction of the Pyramids of Cheops, Khafre, and Mycerinus, the Eruption of Mount Vesuvius, the Foundation and Capture of Constantinople, Dating Historical Events Using Astronomical Chronology. The Thebaid by Publius Papinius Statius, The Divine Comedy by Dante Alighieri, The Apocalypse, the Revelation of John the Theologian – Years of Writing.” St. Petersburg, Mikhail Fursov Printing House, 2021. 310 p. ISBN 978-5-9908487-7-1

39. Tyurin A.M. The state of dating the event "The eruption of Vesuvius in 79" based on factual data. Electronic almanac Art&Fact. 2007. No. 4 (8). http://artifact.org.ru/content/view/361/81/, Art&Fact website: http://artifact.org.ru/ (date of access: 30.07.2025)

40. Tyurin A.M. "The death of Pompeii in 1631 through the distorting mirrors of a professional archaeologist". Electronic collection of articles "New Chronology". 2020. Issue 17. https://new.chronologia.org/volume17/index.php Website: New Chronology. https://new.chronologia.org/ (date of access: 30.07.2025)

41. Lantratov A.V. When Pompeii Perished, or How "Scientists" Fight "Pseudoscience". Electronic Collection of Articles "New Chronology". 2020. Issue 17. https://new.chronologia.org/volume17/index.php Website: New Chronology. https://new.chronologia.org/ (date of access: 30.07.2025)

42. Shurshikov E.N. Pompeii, 1631. Electronic Almanac Art&Fact. 2007. No. 1 (5). 2007. http://artifact.org.ru/content/view/92/81/ Art&Fact Website. http://artifact.org.ru/ (date of access: 30.07.2025)

43. Narvidas V. "Pompeian Frescoes and the Renaissance: A Confrontation". Electronic almanac Art&Fact 2007. No. 1 (5). Art&Fact website. http://artifact.org.ru/, http://artifact.org.ru/content/view/268/79/ (date of access: 30.07.2025)

44. Churilov Andreas, “The Death of Pompeii: How Historians Lie”. Moscow: Algorithm, 2014. 318, [1] p. ISBN 978-5-4438-0719-5.

45. Dunn, D., “In the Shadow of Vesuvius: The Life of Pliny”. Publisher: William Collins, London, 2020, 338 p. ISBN 9780008211127.

46. Stevenson F. Richard, Fatouhi Louai J. "The Total Solar Eclipse Described by Plutarch". Istoriya: Electronic Journal of Ancient Historiography. University of Durham (UK). 1998. Vol. 2. P. 72 – 82. DOI: 10.29173/histos175

47. Volkov A.S. Historical and Chronological Study of Documentary Sources and Dating Using Methods of Astronomical Chronology of the Solar Eclipse Described by Plutarch from Chaeronea in His Work "De facie in orbe lunae" ("On the Face Visible on the Disk of the Moon"). International Research Journal "Historical Bulletin". 2025. Vol. 8. No. 1. Pp. 38–48. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (date of access: 30.07.2025). DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-38-48

48. Gisemberg V., Williams P., Zingg E. “New evidence for the existence of the Hipparchus star catalog obtained using multispectral imaging”. Journal for the History of Astronomy. October 18, 2022. Vol. 53. P. 383 – 393. DOI: 10.1177/00218286221128289

49. Aabo A. “On the Babylonian Origin of Some Hipparchus Parameters”. “Centaur”. July 26, 2007. Vol. 4. P. 122 – 125. DOI: 10.1111/j.1600-0498.1955.tb00619.x

50. Kalashnikov V.V., Nosovsky G.V., Fomenko A.T. (1942-2001). “The Stars Testify: Dating the Almagest Star Catalog”. Moscow: Astrel, 2012. 557 p., ISBN 978-5-271-37700-6.

51. Volkov A.S. Chronological tables of the main historical events in Europe, Egypt and Asia Minor in the period between the First Olympiad and the years of the reign of Emperor Justinian I in Byzantium (according to the datings obtained by the method of astronomical chronology). Research journal "Historical Bulletin". https://hb-journal.ru. 2025. Vol. 8. No. 7. P/ 151 – 161. URL: https://hb-journal.ru/archives/category/publications (date of access: 10.07.2025). DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-7-151-161

52. Herodotus. History: trans. and approx. G.A. Stratanovsky. Article by V.G. Borukhovich. L.: Nauka, 1972. 600 p.

53. Thucydides. History: trans. and approx. G.A. Stratanovsky. Rep. ed. Ya. M. Borovsky. (Series: “Literary monuments”). L.: Nauka, 1981. 543 p.

54. Xenophon Anabasis. Greek history. Xenophon. M.: ACT: Astrel, 2011. 638, [2] p. ISBN 978-5-17-073863-2, ISBN 978-5-271-36347-4.

55. Eusebius of Caesarea. Chronological Canons (Eusebius "Chronicle") in Jerome's translation from 520 BC to 379, part 2 (pp. 188-332), URL: https://tertullian.org/fathers/jerome_chronicle_03_part2.htm (accessed: 30.09.2025).

56. Diodorus Siculus. Diodorus Siculus in twelve volumes with an English translation by K.H. Oldfeather. Vols. 4-8. Cambridge, MA: Harvard University Press; London: William Heinemann, Ltd. 1989, URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus3atext3a1999.01.0084 (date of access: 30.07.2025)

57. Plutarch. Comparative Biographies: in 3 volumes: trans. from ancient Greek]. Published by S.P. Markish and S.I. Sobolevsky; Afterword by S.I. Sobolevsky. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961-1964.

58. Diogenes Laërtius. On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers: trans. by M.L. Gasparov]; USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy. 2nd ed., corrected. Moscow: Mysl', 1986. 570,[1] p.

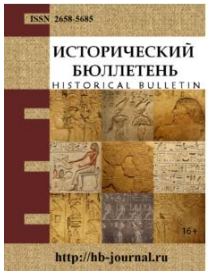
59. Almagest, or Mathematical Work in Thirteen Books. Claudius Ptolemy: trans. from the ancient Greek by I.N. Veselovsky; afterword by G.E. Kurtik, G.P. Matviyevskaya; Commentary by G.E. Kurtik, and others]; RAS. Institute of the History of Natural Science and Technology. Moscow: Nauka. Fizmatlit, 1998. 671 p.

60. Newton Isaac Corrected chronology of ancient kingdoms. M.: Publishing house "RIMIS", 2007. 656 p.

Информация об авторе

Волков А.С., историк-исследователь, юрист, индивидуальный предприниматель, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-6781-820X, г. Санкт-Петербург, fbsystem@yandex.ru

© Волков А.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

От державного вождя к гражданину Романову: образ императора Николая II в газетах Москвы (июль 1914 – февраль 1917 гг.)

[1] Кабуров А.Р.,
[1] Московский городской педагогический университет

Аннотация: целью статьи является исследование образа императора Николая II, формируемого в общественно-политических газетах Москвы в годы Первой мировой войны. Изучению этого вопроса способствует привлечение в качестве источников газет, принадлежащих к различным идеологическим течениям. Важным аспектом работы выступает как контекст, так и характер упоминаний в прессе императора. Часть рассмотренных нами газет предпочитала не концентрировать внимание читателя на фигуре и действиях царя, ограничиваясь лишь публикацией официальных сообщений. На примере московских изданий в исследовании показано, что даже в самом начале войны, в условиях патриотического подъёма, царствующий император не пользовался особой популярностью на страницах периодической печати, не принадлежащей к монархической. В ходе войны внимание прессы к фигуре монарха ослабевает. Публикации газет после Февральской революции демонстрируют критику самодержавного строя, отождествляемого с Николаем II. Последний император критикуется даже монархистами, что выявляет произошедшую за 1914-1917 года перемену в восприятии печатью и обществом образа царя. Подобные исследования помогают получить целостное представление об общественном мнении России в годы Первой мировой войны и революции.

Ключевые слова: Первая мировая война, Николай II, газеты, периодическая печать, Москва, Российская империя, общественное мнение

***Для цитирования**: Кабуров А.Р. От державного вождя к гражданину Романову: образ императора Николая II в газетах Москвы (июль 1914 – февраль 1917 гг.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 131 – 138.*

Поступила в редакцию: 28 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

From sovereign leader to citizen Romanov: the image of Emperor Nicholas II in the newspapers of Moscow (July 1914 – February 1917)

[1] Kaburov A.R.,
[1] Moscow City Pedagogical University

Abstract: the purpose of the article is to study the image of Emperor Nicholas II, formed in the socio-political newspapers of Moscow during the First World War. The study of this issue is facilitated by the involvement of newspapers belonging to various ideological trends as sources. An important aspect of the work is both the context and the nature of the mentions in the emperor's press. Some of the newspapers we examined preferred not to focus the reader's attention on the figure and actions of the tsar, limiting themselves only to the publication of official reports. Using the example of Moscow publications, the study shows that even at the very beginning of the war, amid a patriotic upsurge, the reigning emperor was not particularly popular on the pages of non-monarchical peri-

odicals. During the war, the media's attention to the monarch's figure weakens. Newspaper publications after the February Revolution demonstrate criticism of the autocratic system, identified with Nikolai Alexandrovich. The last emperor is criticized even by monarchists, which reveals the change that took place in 1914-1917 in the perception of the image of the tsar by the press and society. Such studies help to gain a holistic view of public opinion in Russia during the First World War and the Revolution.

Keywords: World War I, Nicholas II, newspapers, periodicals, Moscow, the Russian Empire, public opinion

***For citation**: Kaburov A.R. From sovereign leader to citizen Romanov: the image of Emperor Nicholas II in the newspapers of Moscow (July 1914 – February 1917). Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 131 – 138.*

The article was submitted: August 28, 2025; Approved after reviewing: October 25, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Вступление России в Первую мировую войну стало чрезвычайно значимым для российского общества событием. Ещё до объявления Германией войны России крупные города империи были охвачены антинемецкими и патриотическими демонстрациями, а газеты следили за развитием июльского кризиса. День 20 июля (все даты в приводятся по старому стилю), когда император Николай II объявил своим манифестом начало войны с Германией, стал апофеозом патриотического подъёма и развязкой (для России) политического кризиса. Б.И. Колоницкий, рассматривая в своей книге «"Трагическая эротика": Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны» проблему репрезентации императорской власти, пишет о первых днях войны: «Император был главным действующим лицом важного в политическом отношении церемониала объявления войны, он же, очевидно, был главным его сценаристом и режиссёром» [13, с. 81].

Естественно, центром общественного движения тогда стала столица. В дальнейшем императора могли лицезреть жители посещаемых им городов, солдаты и офицеры некоторых частей, раненые в посещаемых царём госпиталях. Но основным проводником всевозможных образов оставалась периодическая печать. Газеты освещали как общий ход войны, так и различные аспекты общественной жизни в контексте военного времени. С этой точки зрения представляет интерес формирование и особенности восприятия в периодической печати образа императора Николая II.

Материалы и методы исследований

Главным источником в настоящей работе выступают различные по своим взглядам общественно-политические газеты Москвы, издававшиеся в 1914-1917 годах: монархические «Московские ведомости» и «Голос русского», либерально-демократические «Русские ведомости» и «Русское слово», орган партии прогрессистов «Утро России». Воспользовавшись историко-сравнительным и историко-типологическим методами, мы проанализировали номера названных газет, соответствующие определённым моментам, когда император появлялся в информационном поле. Для нашего исследования важным аспектом стал характер освещения в газетах фигуры царя и его деятельности. О приоритетах в информационной повестке печати свидетельствует формат публикуемого материала и его место в номере. Газета могла посвятить императору передовые статьи, стихотворения, авторские заметки, либо могла ограничиться лишь публикацией официальных сообщений, предоставленных министерством двора и прочими органами власти. Это позволяет нам понять, усматривало ли то или иное издание особую роль императора в жизни страны в военное время.

Результаты и обсуждения

Об официальном вступлении страны в противостояние с Германской, Австро-Венгерской и Османской империями население узнавало из царских манифестов. Передовицы газет 20-х чисел июля содержали манифест о начале войны с Германией. Монархисты в сложившихся условиях прежде всего ориентируются на царя, выступающего покровителем русских сил. В «Московских ведомостях» читаем: «К кому же могут нестись все помыслы русского народа в эти страстные дни нашей родины, как не к Божьему Помазаннику, как не к Вождю русских сил, как не к нашему возлюбленному Самодержцу» [11]. Привлекает внимание газеты не только фигура царя, но и текст манифеста, который воспринимается как руководство к действию. Николай II при этом сравнивается не только с предшествующими правителями России, отразившими нападение врага (Александр Невский, Пётр Великий, Александр I), но и с библейскими персонажами – именуется «кротким Царственным Давидом» [32]. «Обожаемый Монарх с полным доверием обратился к Своим подданным – и в ответ гремят общие овации Верховному Вождю нашей родины!» – резюмирует обозреватель «Московских ведомостей» [14]. Как ви-

дим, превалирует образ царя-вождя, пользующегося авторитетом и влиянием среди своих подданных.

27 июля в газетах публикуется второй манифест, о начале войны с Австро-Венгрией. Он вызвал меньший, но всё же заметный отклик в прессе: «Вся печать единогласно называет день 26 июля, когда раздались слова Государя, великим историческим днём. Произнесённые твёрдо и ясно они потрясли до глубины души присутствовавших и объединил их в одну семью, дружно сплотившуюся вокруг Царя-Отца и Матери России» [31]. В этих строках видим упоминание монарха в патерналистском ключе.

Как и в случае с Австрией, война с Турцией ожидалась и соответствующий манифест сам по себе не стал громким инфоповодом. На первый план вышло не само противостояние с новым противником, но дата, в которую оно началось. А дата эта связывалась с персоной Николая II. Подписание возвещающего о вступлении в войну Турции манифеста совпало с днём восшествия Николая II на престол, что наложило особый отпечаток на освещение этого момента в печати. В очередной раз подчёркивается вся тяжесть ответственности, несомой монархом. Через характеристику царя как «чуткого хранителя правды, врага неоправданных насилий» [7] подчёркивается справедливый характер участия России в конфликте. Если прежде речь шла о германском натиске на славян, то теперь война ведётся и против «традиционного» угнетателя христиан и славян. И это даёт газете повод называть Николая Александровича не только Русским Царём, но и «Царём Славянским» [7]. Отмечается также, что русского царя чтут теперь носителем мощи и правды в республиканской Франции и парламентарной Англии.

Другое монархическое издание, «Голос русского», в эти дни именует императора «Державным Вождём Армии и Флота» [3]. Возвышенный и даже сентиментальный образ царя присутствует в публикуемых газетой стихотворениях: «Врага спокойно вызов принят, - // не страшен он родной стране, // где пыл любви к Царю не стынет, // таясь в сердечной глубине. // Народа тесно с Ним слияние. // В Его решении видит он // на Божью милость упование/ и высшей мудрости закон» [1]., «и в Нём утешенье пошли // Отцу нашей Родины милой, // Печальнику Русской земли» [27]., «Юных воинов очередная рать // перед Батюшкой-царём предстала // … // Жаждут все узнать любимого Царя // вещий смысл напутственного слова» [2].

Но в других газетах, не относящихся к монархическим, публикации гораздо скромнее в своём отношении к императору. «Русские ведомости» и «Русское слово» ограничиваются публикацией манифестов о начале войны, не делая акцент на монархе. «Утро России» также не демонстрирует особенного отклика на царские манифесты об объявлении войны. Но, будучи газетой купцов и промышленников, не могло не отметить ответ императора московскому купечеству, совпавший с моментом вступления в войну Турции: «Слова Русского Царя, которыми осчастливлена купеческая Москва, раздались в день объявления войны с Турцией. … Но прежде всего слова Государя воодушевлят гордость и опору России, наши доблестные войска, к новым победным подвигам. Государево слово ударом грома раздаётся над врагами России» [26]. В данном случае подчёркивается сила русского царя, проявляющаяся в его словах, отмечается связь государя с войсками.

Событием особого значения для Москвы стал августейший визит в августе 1914 года. Как первопрестольная была особенно значима для Николая Александровича («В час военной грозы, так внезапно и вопреки моим намерениям надвинувшейся на миролюбивый народ мой, я, по обычаю державных предков, ищу укрепления душевных сил в молитве у святынь московских, в стенах древнего Московского Кремля» [4, с. 118]), так и москвичи дорожили особой связью своего города с царём. Наибольшее значение это имело для монархических деятелей Москвы.

Номер «Московских ведомостей» от 3 августа, в преддверии царского визита публикует материал, одновременно выступающий рефлексией над переживаемыми событиями и исторической справкой о роли Москвы на протяжении веков. Признавая, что жители любого российского города выскажут своему монарху искренние верноподданические чувства, газета подчёркивает, что именно Москва может и должна своими преданиями и святынями сказать Царю напутствие [36]. Перечисляя важнейшие для страны события начиная от деятельности Александра Невского и заканчивая царствованием Александра II, газета напоминает читателям о свершениях московских самодержцев, переживаемых Россией в прошлом невзгодах и месте Москвы в истории страны. Николай II именуется здесь «возлюбленным государем», «глубоким чтителем национально-исторических преданий» и их хранителем, «царственным преемником» всех упомянутых в статье российских правителей, наконец «великим Государем-Самодержцем». Таким образом, акцент делается не столько на настоящих событиях, сколько на богатом историческом наследии, а фигура царствующего императора рассматривается не сама

по себе, а как часть и достойное продолжение славного прошлого.

Описание атмосферы торжества и ожидания чего-то эпохального и великого в городе тоже сопряжено с фигурой императора: «такой гигантский подъём народного чувства центром своим имеет Священную Особу Царя-Самодержца» [37]. Далее газета делает отступление с рассуждением о монархии и монархе вообще: «Народная любовь к Царю – это не пустое идолопоклонство, это не пережиток старого фетишизма. В этой любви сказывается великая мудрость. Царь – это человек, взявший на себя бремя грозной ответственности, это человек, которому принадлежит последнее и бесповоротно решающее слово. Царь – это вечный герой по самому положению своему». Любопытен своим провидческим характером следующий фрагмент: «Помазание Божие Ему даётся на подвиг и на мученичество, ибо Его власть – это мученичество, это таинственная чаша Гефсиманского сада. Раз приявши её от рук Господа, Он должен испить её до конца. … народ плачет о Нём кровавыми слезами жалости, плачет о Нём, видя Его перед собою, как о святом мученике, добровольно шествующем на терзания за Свой народ». Известно, что Николай II именно так воспринимал свою власть – как тяжёлое бремя долга и ответственности перед богом. Известны и трагичный итог жизни последнего императора с последующей канонизацией государя и его семьи Русской Православной Церковью. И это не единственный раз, когда «Московские ведомости» довольно точно прогнозируют последствия событий 1914-1918 годов [9].

В напечатанных в газете небольших стихотворениях читаем о Николае II: «Царь Великий», «Царь-Надёжа, Белый Русский Царь», «Освободитель, славян заря». Из контекста не ясно, как именно воспринимать слова «великий» и «освободитель». Они могут свидетельствовать о желании автора как провести аналогию с Петром I и Александром II, так и указать на величие и освободительный характер политики самого Николая. Один из авторов и вовсе называет Николая II «Солнцем всей России» [15].

Подводя итог посещению государем Москвы, обозреватель, придерживающийся монархических взглядов, пишет: «Великий Монарх, имеющий связь со Своим народом, – это идеал для нас, это заветная цель истинных монархистов. … Ныне наш Государь был нам близок и мы, коленопреклонённые, провожаем Его традиционным кликом: ура!!!» [16]. Царствующий император таким образом становится носителем монархического идеала, каковым Л.А. Тихомиров, недавний редактор «Московских ведомостей», считал Александра III [34, с. 8].

Издания либеральной и прогрессивистской направленности, опять же, уделяют гораздо меньшее внимание фигуре монарха. «Русские ведомости» также прибегли к историческим параллелям, напоминая читателям о визитах Александра I в 1812 и Александра II в 1877 годах. Но Николай II при этом практически не упоминается [19]. «Русское слово» и «Утро России» ограничились публикацией официальных сообщений от министерства императорского двора и московской администрации. Каких-либо суждений, свидетельствовавших об отношении редакции или корреспондентов к царю, в этих материалах не содержится. При этом «Утро России» сопроводило тексты фотографиями с мероприятий, а на первой странице одного из номеров были помещены фотопортреты императора, наследника и верховного главнокомандующего. Августейший визит совпал с опубликованием воззвания к русскому народу верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. С точки зрения содержания авторских статей и передовицы, немонархические газеты в те дни уделяли воззванию и командующему больше внимания, чем царю.

Следующим относительно значимым эпизодом, помещающим царя в центр внимания стала его поездка в освобождённую русскими войсками Галицию. Поездка была знаменательным с точки зрения внутренней политики событием, из сообщений прессы свои выводы делала и императрица [10]. Но среди московских изданий внимание, сравнительно небольшое, этому царскому визиту уделили лишь «Московские ведомости» подчёркивающие роль Николая II в контексте недавних побед над австрийцами: «Среди ликующей толпы своих верных подданных галичан, перед закалёнными в бою рядами наших чудо-богатырей в своей извечной вотчине – старом Львове, залитом весенними лучами солнца, торжествующего свою победу над силами мрака и холода, Государь Император возгласил великие, многознаменательные слова: "Да будет единая, могучая, нераздельная Русь!"» [8].

Не могло остаться незамеченным принятие на себя Николаем II верховного командования армией и флотом летом 1915 года. В отличии от предыдущих сюжетов, этот момент напрямую влиял на дальнейший ход войны. Поэтому теперь газеты не могли отмолчаться и ограничиться публикаций официальных сообщений.

«Московские ведомости» выражают уверенность в благоговейном отклике всех подданных на то, что «возлюбленный Государь Император не

только препоясался мечом, чтобы защищать в беспримерной войне родную землю, но и Сам принял в Свои царственные руки предводительство над всеми сухопутными и морскими силами нашими. Великое и святое решение» [29]. Газета замечает и тот факт, что решение было принято на фоне поражений и чреды отступлений, а не побед, и поэтому «особенно глубоко запечатлеется в народной душе». В прочих заметках, напротив, подчеркиваются военные победы, отмечается, что «русские армии, воодушевлённые прибытием Вождя-Царя, преподнесли Ему и родине прекрасный подарок. Они жестоко отразили тевтонские полчища в Галиции, взяли несколько тысяч пленных, много орудий, пулемётов, военного провианта и т.п.» [17] Решение императора встать во главе войск вызывает его сравнение с такими русскими правителями как Святослав Игоревич, Дмитрий Донской и Пётр I.

Не считая публикации приказов, рескриптов и других официальных сообщений, прогрессистское «Утро России» комментирует принятие Николаем II командования лишь косвенно, в контексте внутриполитической повестки: «Там, на передовых позициях, в тесном общении с армией, Державный Вождь непосредственно оценит значение былой деятельности "многоопытной" власти. Пожелания парламентского блока будут доведены до Высочайшего сведения» [24]. Можно отметить оптимизм газеты, связанный, однако, не с ходом войны, а с изменениями в политическом развитии страны. Причём надежды возлагаются на государя, хотя его деятельность в этот момент времени направлена на решение в первую очередь военных проблем.

«Русские ведомости» характеризуют перемену командования как «акт чрезвычайно государственной важности». Большая часть передовой статьи посвящена не императору, но теперь уже бывшему командующему Николаю Николаевичу. Если прочие газеты пишут о воодушевлении вследствие такого решения царя, то «Русские ведомости» испытывают облегчение в связи с совсем другими факторами: «Государь Император вступает в командование армиями в тяжёлый момент, когда вражеские силы уже проникли вглубь России. Но тяжесть момента ослабляется как сплочением общественных сил для организации тыла, так и столь ясно выраженной в последних общественных заявлениях твёрдой решимости страны идти на все жертвы для достижения победы» [18].

«Русское слово» пишет о значении момента: «Отныне вся Русь, от Верховного её вождя до последнего рядового гражданина, как один человек двинулась в поход … Верховный глава Русского государства воспринял ответственное бремя предводительства в момент тяжких боевых испытаний, "когда враг углубился в пределы империи", – воспринял его для того, чтобы "разделить боевую страду армии и вместе с ней отстоять от покушения врага Русскую землю". И мы верим, что в свободном единении власти со всей русской землёй – залог нашей победы» [6]. Обращает на себя внимание тон «Русского слова». Газета пишет о гражданах государства (а не подданных императора) и о свободном единении власти и населения. Надо полагать, здесь «Русское слово», как и «Русские ведомости» с «Утром России», подразумевает потенциальные перемены в общественных отношениях и тоже затрагивает внутриполитический контекст.

Данные примеры показывают, что принятие Николаем II верховного командования было оценено прессой в целом положительно, но неверно. Принятое императором исходя из положения дел на фронтах решение даёт формирующейся оппозиции (время единения Думы и правительства первых дней войны уже подходит к концу) лишний повод ожидать изменений в политическом развитии страны, что и озвучивается в печати. Кроме того, становится видно, что даже в монархической печати царь уже не упоминается столь часто и ярко. Вместе с тем, по замечанию дворцового коменданта В.Н. Воейкова, одного из самых доверенных приближённых императора в период войны, именно летом 1915 года и на фронте, и в штабах, и в тылу началось брожение. В обществе распространялись зловредные слухи, а в газетах – соответствующие намёки, об императрице и её роли. Уже тогда, по мнению Воейкова, многие стали двуличными подданными царя роли [4, с. 146]. Видимо, эти тенденции затронули и прессу. Естественно, печать не позволяла себе критиковать императора (зато отыгрывалась на правительстве и отдельных министрах), но и свои верноподданнические чувства не выражала. А внутриполитическое положение тем временем становилось всё напряжённее.

Февральская революция подвела черту правления императора Николая II. Но война продолжалась, и персона царя не была забыта. Напротив, теперь, когда утратили силу цензурные ограничения, революция вновь привлекает внимание прессы к фигуре уже бывшего императора. Высказываемые оценки прямо противоположны озвучиваемым ранее.

«Русское слово» демонстрирует относительно умеренную критику не столько личности, сколько режима, олицетворяемого личностью Николая

Александровича: «В лице отрёкшегося от престола императора сошёл с политической сцены последний представитель русского самодержавия … Николай II представлял собой наиболее упорного сторонника безответственного, самодержавного режима» [25].

«Утро России» совсем не такое сдержанное в оценках и не скрывает негативного отношения к личности отрёкшегося монарха. «Правитель, царствование которого довело великую страну до неслыханной разрухи, не мог долее оставаться во главе верховной власти» [20]., «Светлое чувство радости за спасение России от *такого* правления охватывает всю страну» [21]. Публикуемый газетой материал с каждым номером становятся всё резче и начинает переходить на всю династию Романовых: «Мрачный, жалкий символ поражённого на смерть режима, Николай II, - конечно, главный, но не единственный виновник миновавших страданий России. Виновна в них вся семья Романовых» [22]. Следует обвинение отрёкшегося царя и в сговоре с врагом: «Династические интересы Николая II и Вильгельма требовали мира и союза между ними. Ибо Вильгельму выгодно иметь рядом Россию тёмную, хаотичную, неграмотную, промышленно отсталую. То же самое нужно было и Николаю II для усиления деспотической власти. Вот почему Россия не могла до сих пор воевать искренно, изо всех сил» [5].

Бывший в то время корреспондентом «Утра России» Александр Тамарин-Мерецкий в своём репортаже из Царского села и вовсе опускается до оскорблений и муссирования различных слухов: «Н.А. Романов, человек-тряпка, безвольный, робкий и жалкий, спаиваемый специально приставленным к нему для этой цели адмиралом Ниловым» [33]. Уничижительные характеристики даются и ближайшему окружению Николая Александровича – барону Фредериксу, дворцовому коменданту Воейкову.

Если в начале войны газеты сравнивали Николая II с Александром I, поскольку на долю обоих императоров пришлось отражать натиск врага, то теперь усматриваются схожие отрицательные черты их личностей: «та же внешняя обаятельность и то же упорное стремление скрыть свою злую волю и приписать её тем или иным из приближённых» [23]. Николаю II теперь приписывается двуличие и любовь к разговорам о тех или иных людях за их спиной. И даже попытки, казалось бы, обелить царя переходят в новые нелестные характеристики: «В широких кругах русского населения было крепко … распространённое мнение о Николае II, как о человеке слабом, безвольным, не знающем, что творится вокруг. … На самом деле, царь был крайне суров, упрям, любил и умел властвовать» [23]. Находим в газете и такую карикатуру: изображение Царь-колокола, Царь-пушки и Николая II с подписью «Не звонит, не стреляет, не царствует» [35]. Распространение подобного негативного образа отрёкшегося монарха наблюдалась и в столичной, и в провинциальной печати на протяжении всего 1917 года [13, 28].

Не оставили фигуру Николая II без критики даже монархически настроенные «Московские ведомости»: «Вина в этом страшном ударе, нанесённым всему укладу нашей государственной жизни, ложится всецело на бывшего государя. … Приходится считаться с фактом: корабль династии был взорван на воздух самим же капитаном» [30].

Выводы

В первые дни войны в широких слоях общества наблюдался патриотический подъём, что было отражено в печати. Исходя из этого, можно было бы предположить, что война поспособствует популяризации образа царствующего монарха. Но анализ материалов периодической печати Москвы за период с начала войны и до Февральской революции показывает, что этого не произошло. С точки зрения общественно-политических газет к 1914-1917 годам фигура императора уже утратила свою сакральность и власти не успели это исправить. Можно говорить об определённых пиках популярности Николая II на страницах газет, но они оказались кратковременными.

Образ императора Николая II, хотя и был отражён в материалах периодической печати Москвы в годы Первой мировой войны, не играл решающий роли для большинства изданий. Монархические издания рассматривали фигуру императора с патерналистских позиций и упоминали царя относительно часто, но либеральные и прогрессистские органы были склонны либо не фокусировать на правителе своё внимание, либо рассматривать его действия с точки зрения внутриполитической жизни государства. Падение монархии не означало забвения личности Николая II, но продемонстрировало произошедшие за военные годы перемены в отношении прессы к нему.

Список источников

1. Афанасьев Л. Благослови оружие, Господь! // Голос русского. 1914. №23. 24 июля.
2. Балашев В.А. Да сохранится их жизнь! // Голос русского. 1914. №35. 22 октября.
3. Балашев В.А. Наконец-то // Голос русского. 1914. №22. 21 июля.

4. Воейков В.Н. С царём и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М.: ПРОЗАиК, 2019. 379 с.
5. Война и демократия // Утро России. 1917. №64. 7 марта.
6. Государь во главе армии // Русское слово. 1915. №197. 27 августа.
7. День восшествия на Престол Государя Императора // Московские ведомости. 1914. №244. 21 октября.
8. Едина, могучая, нераздельная Русь // Московские ведомости. 1915. №82. 11 апреля.
9. Ершова Т.В., Кабуров А.Р. Отражение начала Первой мировой войны в газетной хронике Москвы // Genesis: исторические исследования. 2025. № 6. С. 19-37. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.6.74211 EDN: ZYKPYN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74211
10. Зимин И.В., Соколов А.Р., Суляк С.Г. Николай II в Галиции в 1915 г.: вместе или врозь // Русин. 2016. № 4 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-ii-v-galitsii-v-1915-g-vmeste-ili-vroz (дата обращения: 01.08.2025)
11. Исторический перелом // Московские ведомости. 1914. №169. 22 июля.
12. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
13. Лиманова С. А. Убить словом. Петроградская и Московская пресса 1917-1918 гг. О судьбе отрекшегося императора и его семьи // РСМ. 2020. №1 (106). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ubit-slovom-petrogradskaya-i-moskovskaya-pressa-1917-1918-gg-o-sudbe-otrekshegosya-imperatora-i-ego-semi (дата обращения: 24.07.2025)
14. Миниатюры // Московские ведомости. 1914. № 169. 22 июля.
15. Миниатюры // Московские ведомости. 1914. № 181. 5 августа.
16. Миниатюры // Московские ведомости. 1914. № 184. 9 августа.
17. Миниатюры // Московские ведомости. 1915. № 197. 27 августа.
18. Москва, 27 августа // Русские ведомости. 1915. № 197. 27 августа.
19. Москва, 4 августа // Русские ведомости. 1914. Экстренное приложение к №178. 4 августа.
20. Москва, 4 марта // Утро России. 1917. № 61. 4 марта.
21. Москва, 5 марта // Утро России. 1917. № 62. 5 марта.
22. Москва, 7 марта // Утро России. 1917. № 64. 7 марта.
23. Николай II и председатели Гос. Думы // Утро России. 1917. № 65. 8 марта.
24. «Объединённая» или «многоопытная» власть? // Утро России. 1915. №238. 29 августа.
25. Отречение // Русское слово. 1917. № 50. 4 марта.
26. Печать Провидения // Утро России. 1914. №257. 21 октября.
27. Прохорович В. Ко дню Рождения Цесаревича. // Голос русского. 1914. № 24. 27 июля.
28. Пыльцын Ю.С. Образ императора Николая II по материалам газет Пермской губернии 1917 года // Церковь. Богословие. История: материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 10-12 февраля 2018 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. С. 68 – 74.
29. Русский Царь во главе Своих войск // Московские ведомости. 1915. № 197. 27 августа.
30. Самоубийство старой верховной власти // Московские ведомости. 1917. № 57. 21 марта.
31. Среди газет // Московские ведомости. 1914. №175. 29 июля.
32. Среди газет. Война и русская печать // Московские ведомости. 1914. № 169. 22 июля.
33. Тамарин-Мерецкий А.А. В Царском селе // Утро России. 1917. № 65. 8 марта.
34. Тихомиров Л.А. Знамение времени. Носитель идеала. М.: Университетская типография, 1895. 16 с.
35. Утро России. 1917. №65. 8 марта.
36. Царь и Москва в её исторических преданиях // Московские ведомости. 1914. № 180. 3 августа.
37. Sursum Corda // Московские ведомости. 1914. № 181. 5 августа.

References

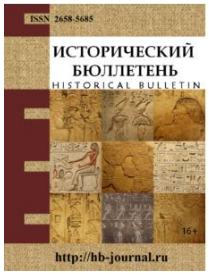
1. Afanasyev, L. "Bless the Arms, Lord!". The Voice of Russia. 1914. No. 23. July 24.
2. Balashev, V. A. "May Their Lives Be Preserved!".The Voice of Russia. 1914. No. 35. October 22.
3. Balashev, V. A. "At Last!". The Voice of Russia. 1914. No. 22. July 21.
4. Voeikov, V. N. "With and Without the Tsar": Memoirs of the Last Palace Commandant of Emperor Nicholas II. Moscow: PROZAiK, 2019. 379 p.
5. War and Democracy. Morning of Russia. 1917. No. 64. March 7.
6. The Tsar at the Head of the Army. The Russian Word. 1915. No. 197. August 27.

7. The Day of the Accession to the Throne of the Sovereign Emperor. Moskovskie Vedomosti. 1914. No. 244. October 21.
8. One, Mighty, Indivisible Rus. Moskovskie Vedomosti. 1915. No. 82. April 11.
9. Ershova T.V., Kaburov A.R. Reflection of the Beginning of World War I in Moscow Newspaper Chronicles. Genesis: Historical Research. 2025. No. 6. P. 19 – 37. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.6.74211 EDN: ZYKPYN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74211
10. Zimin I.V., Sokolov A.R., Sulyak S.G. Nicholas II in Galicia in 1915: Together or Apart. Rusin. 2016. No. 4 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-ii-v-galitsii-v-1915-g-vmeste-ili-vroz (accessed: 01.08.2025)
11. Historical Turning Point. Moskovskie Vedomosti. 1914. No. 169. July 22.
12. Kolonitsky B.I. "Tragic Erotica": Images of the Imperial Family during the First World War. Moscow: Novoye Literary Observer, 2010. 664 p.
13. Limanova S.A. Kill with a Word. Petrograd and Moscow Press 1917-1918. On the Fate of the Abdicated Emperor and His Family. RSM. 2020. No. 1 (106). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ubit-slovom-petrogradskaya-i-moskovskaya-pressa-1917-1918-gg-o-sudbe-otrekshegosya-imperatora-i-ego-semi (accessed: 24.07.2025)
14. Miniatures. Moskovskie Vedomosti. 1914. No. 169. July 22.
15. Miniatures. Moskovskie Vedomosti. 1914. No. 181. August 5.
16. Miniatures. Moskovskie Vedomosti. 1914. No. 184. August 9.
17. Miniatures. Moskovskie Vedomosti. 1915. No. 197. August 27.
18. Moscow, August 27. Russkie Vedomosti. 1915. No. 197. August 27.
19. Moscow, August 4. Russkie Vedomosti. 1914. Extra supplement to No. 178. August 4.
20. Moscow, March 4. Utro Rossii. 1917. No. 61. March 4.
21. Moscow, March 5. Utro Rossii. 1917. No. 62. March 5.
22. Moscow, March 7. Utro Rossii. 1917. No. 64. March 7.
23. Nicholas II and the State Duma Chairmen. Utro Rossii. 1917. No. 65. March 8.
24. "United" or "Experienced" Power? Utro Rossii. 1915. No. 238. August 29.
25. Abdication. Russkoye Slovo. 1917. No. 50. March 4.
26. The Seal of Providence. Utro Rossii. 1914. No. 257. October 21.
27. Prokhorovich V. For the Birthday of the Tsarevich. Golos Russkogo. 1914. No. 24. July 27.
28. Pyltsyn Yu.S. The Image of Emperor Nicholas II Based on Newspapers from Perm Province in 1917. Church. Theology. History: Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Theological Conference (Ekaterinburg, February 10-12, 2018). Ekaterinburg: Ekaterinburg Theological Seminary, 2018. P. 68 – 74.
29. The Russian Tsar at the Head of His Troops. Moskovskie Vedomosti. 1915. No. 197. August 27.
30. Suicide of the Old Supreme Authority. Moskovskie Vedomosti. 1917. No. 57. March 21.
31. Among the Newspapers. Moskovskie Vedomosti. 1914. No. 175. July 29.
32. Among the Newspapers. War and the Russian Press. Moskovskie Vedomosti. 1914. No. 169. July 22.
33. Tamarin-Meretsky A.A. In Tsarskoe Selo. Utro Rossii. 1917. No. 65. March 8.
34. Tikhomirov, L.A. Sign of the Times. Bearer of the Ideal. Moscow: University Printing House, 1895. 16 p.
35. Utro Rossii. 1917. No. 65. March 8.
36. The Tsar and Moscow in Its Historical Legends. Moskovskie Vedomosti. 1914. No. 180. August 3.
37. Sursum Corda. Moskovskie Vedomosti. 1914. No. 181. August 5.

Информация об авторе

Кабуров А.Р., Московский городской педагогический университет

© Кабуров А.Р., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 391.2

Особенности комплектования коллекции традиционного костюма башкир этнографа С.Н. Шитовой в Музее археологии и этнографии г. Уфы

[1] Махмудов А.Р.,
[1] Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра

Аннотация: в статье впервые сделан анализ коллекций башкирской одежды в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН кандидата исторических наук С.Н. Шитовой. Реконструирована история собирания башкирских коллекций на территории Башкортостана и сопредельных областей. Этнографическая коллекция включает в себя женскую и мужскую одежду, головные уборы, украшения и обувь, представляющие различные варианты локальных комплексов башкирского традиционного костюма. Музейные экспонаты пополнялись за счет собирателей-этнографов, с поступлений из других музеев, а также из частных источников. Благодаря анализу экспонатов, книг поступлений, коллекционных описей музея и полевых этнографических дневников С.Н. Шитовой, хранящихся в НА УФИЦ РАН, прослежены особенности комплектования, технологиях изготовления и способах бытования костюмных комплексов башкирского народа.
Ключевые слова: башкиры, этнография, экспедиция, музейная коллекция, одежда, украшения

***Для цитирования**: Махмудов А.Р. Особенности комплектования коллекции традиционного костюма башкир этнографа С.Н. Шитовой в Музее археологии и этнографии г. Уфы // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 139 – 147.*

Поступила в редакцию: 28 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Features of the collection of traditional Bashkir costumes by the ethnographer S.N. Shitova at the Museum of Archaeology and Ethnography in Ufa

[1] Makhmudov A.R.,
[1] R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Center Russian Academy of Sciences

Abstract: the article provides an analysis of the collections of Bashkir clothing in the Museum of Archaeology and Ethnography of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, by S.N. Shitova, Candidate of Historical Sciences. The article reconstructs the history of collecting Bashkir collections in Bashkortostan and neighboring regions. The ethnographic collection includes women's and men's clothing, headwear, jewelry, and footwear, representing various variants of the local complexes of the Bashkir traditional costume. The museum exhibits were collected by ethnographers, from other museums, and from private sources. Based on the analysis of the museum's exhibits, donation books, collection inventories, and S.N. Shitova's field ethnographic diaries, which are stored in the National Museum of the Bashkir People, the article explores the features of the collection, manufacturing techniques, and everyday use of the Bashkir people's costume complexes.
Keywords: Bashkirs, ethnography, expedition, museum collection, clothing, jewelry

***For citation**: Makhmudov A.R. Features of the collection of traditional Bashkir costumes by the ethnographer S.N. Shitova at the Museum of Archaeology and Ethnography in Ufa. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 139 – 147.*

The article was submitted: August 28, 2025; Approved after reviewing: October 25, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Музейные этнографические коллекции играют незаменимую роль в изучении материальной и духовной культуры народов, а публикация их описей и изображений открывает доступ к бесценным историческим свидетельствам. В Музее археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (далее – МАЭ) собраны предметы, характеризующие культуру народов Южного Урала.

В фондах музея хранится 189 этнографических коллекций, включающих 3438 предметов. [1, с. 114]. Экспонаты музея хранятся в его основных и научно-вспомогательных фондах. Эти коллекции представляют собой культуру и быт различных народов Южного Урала, включая национальные костюмы башкир. Большую роль для изучения музейных артефактов играют систематические фондовые каталоги. Сотрудники ИЭИ УФИЦ РАН за последние годы внесли значительный вклад, опубликовав ряд каталогов, посвященных, например, башкирским нагрудным украшениям, экспозиции музея, предметам религиозных культов Южного Урала (христианство), финно-угорским народам, чувашской коллекции [2-6]. Кроме того, этнографические коллекции различных народов стали предметом научных статей, опубликованных Ф.Г. Галиевой, Р.Р. Садиковым, Е.Е. Нечвалодой, З.Ф. Хасановой и другими исследователями [7-11]. Однако, несмотря на проделанную работу, значительное количество экспонатов, в частности по башкирам остается неописанным и не представленным широкой научной общественности.

Целью статьи является изучение вклада кандидата исторических наук С.Н. Шитовой в собирание коллекций башкирской традиционной одежды в МАЭ. Источниками для написания статьи стали: полевые этнографические записи, научные дневники, фотоматериалы С.Н. Шитовой, хранящиеся в НА УФИЦ РАН, учетно-хранительская документации, книги поступлений и коллекционные описи, а также сами этнографические музейные экспонаты МАЭ г. Уфы.

Материалы и методы исследований

Музейные собрания МАЭ г. Уфы являются результатом многолетней работы ученых-этнографов и музейных сотрудников, трудившихся в Институте истории, языка и литературы (ИИЯЛ). Систематическое формирование этнографических коллекций началось с создания МАЭ в 1976 г. Особый вклад в создание МАЭ г. Уфы и формирование его этнографических фондов внесли такие этнографы, как Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова, М.Г. Муллагулов, М.В. Мурзабулатов, Л.И. Нагаева, В.Я. Бабенко, Н.Ф. Гайнуллина, С.Х. Долотказина, И.Г. Кислицина, М.А. Платонова и другие [1, с. 113]. Благодаря их усилиям были собраны обширные коллекции, отражающие этнографическое разнообразие региона, и созданы полноценные музейные экспозиции. В период с 1960-х по 1980-е гг. ученые-этнографы организовали множество научных экспедиций, целью которых было всестороннее изучение хозяйства, материальной и духовной культуры, а также декоративно-прикладного искусства башкир и других народов, проживающих в республике и сопредельных областях.

В результате организации МАЭ г. Уфы были собраны богатые и ценные этнографические коллекции, представляющие народы Южного Урала. Среди них выделяется башкирские собрания, которые дают полное представление о быте и традиционных занятиях, декоративно-прикладном искусстве народа. Этнографическая коллекция, отражающая материальную культуру башкир, насчитывает около 2 тыс. ед., включённые 73 коллекции. В музее храниться коллекция башкирских костюмов, насчитывающая свыше 300 экспонатов [1, с. 114]. Музейная экспозиция представляет собой богатую коллекцию одежды и украшений, головных уборов и обуви, отражающую практически все локальные типы, характерные для разных районов Башкортостана, а также сопредельных областей.

Результаты и обсуждения

Формирование этнографических коллекций МАЭ г. Уфа во многом обязано Светлане Николаевне Шитовой. Выпускница исторического факультета МГУ (1958 г.), С.Н. Шитова (род. 12 февраля 1936 г. в Волгограде) внесла значительный вклад в изучение башкирской культуры. Более сорока лет (1958-2006) она проработала в Институте истории, языка и литературы, где активно занималась полевыми исследованиями. Руководя 25 этнографическими экспедициями, она исследовала быт и культуру башкир, а также других народов Республики Башкортостан [12, с. 5]. Полевые

научные дневники этнографических экспедиций ИИЯЛ 1960-1980-х гг., под руководством С.Н. Шитовой ныне хранятся в Научном архиве УФИЦ РАН. Основным направлением ее научной деятельности стало изучение материальной культуры башкир, включая одежду, жилища, утварь и народное искусство. С.Н. Шитова выделила и подробно описала 7 локальных комплексов башкирской народной одежды, прослеживая эволюцию костюма с древнейших времен до советского периода. Фонды музея начали формироваться, когда народный костюм уже претерпел значительные изменения: покрой стал современнее, появились новые декоративные элементы и промышленные материалы. Тем не менее, наряду с новыми образцами, в музей попали и предметы, выполненные в традиционном стиле.

Именно С.Н. Шитова совместно с другими этнографами внесла большой вклад в создание Музея археологии и этнографии, а также занималась приобретением этнографических материалов, которые впоследствии стали основой музейного фонда. Она являлась соавтором тематико-экспозиционного плана первой экспозиции музея. Из 565 предметов, имевшихся в музее к моменту открытия музея в 1980 г., более 400 было привезено экспедициями С.Н. Шитовой [12, с. 9]. Первоначально этнографическая коллекция музея была скромной – около 50 предметов быта. Здесь в основном содержалась коллекция, пожертвованная населением во время экспедиций 1958 по 1969 гг., под руководством С.Н. Шитовой. Первая значимая коллекция, состоящая из 25 предметов, была собрана в 1970 г. С.Н. Шитовой и Н.В. Бикбулатовым в юго-восточной Башкирии. В 1971 г. коллекция пополнилась еще 39 предметами, которая включала в основном деревянную утварь и детали конской упряжи[13, с. 44]. В 1972 г. С.Н. Шитовой были привезены 11 предметов из районов Курганской и Челябинской областей, где проживают башкиры. Эта коллекция включала в себя вышитые изделия, тканые полотенца и узорные чепраки. На начальном этапе организации музея приступили к более систематическому сбору этнографических материалов. В 1977 г. под руководством С.Н. Шитовой была проведена этнографическая экспедиция в Салаватском, Дуванском, Мечетлинском и Белокатайском районах Башкортостана. В том же году знаковым событием стала передача Государственным музеем этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей) в дар четырех раритетных экспонатов, а именно две стрелы, охотничий лук и кожаный сосуд для кумыса. Башкирский художественный музей имени М.В. Нестерова передал коллекцию музея изделия ткачества и вышивки, включая налобные повязки (хараусы) и узорный занавес (шаршау).

В 1981 г. Музей археологии и этнографии обогатился новыми экспонатами из этнографической экспедиция под руководством С.Н. Шитовой, которая привезла из Кугарчинского, Зианчуринского, Кармаскалинского и Зилаирского районов Башкирии коллекцию из 56 предметов. В собрание вошли образцы одежды, тканые изделия (занавеси, паласы), разнообразная деревянная утварь и предметы хозяйственного назначения. В результате этнографических экспедиций 1982 г. коллекция Музея археологии и этнографии пополнилась новыми поступлениями С.Н. Шитовой, насчитывающая 103 предмета, собранных в Нуримановском, Иглинском, Ишимбайском, Гафурийском, Бурзянском и Белорецком районах Башкирской АССР. В 1984 г. экспедиция под руководством С.Н. Шитовой совершила поездку Нижнесергинский и Красноуфимский районы Свердловской области, Янаульский район БАССР, а также Бардымский район Пермской области. Этнографическая экспедиция пополнила музейную коллекцию 123 предметами по башкирам, татарам и марийцам.

Музейная коллекция одежды отличается большим разнообразием: здесь представлены платья, мужские рубахи, пояса, камзолы, верхняя одежда, обувь, головные уборы и украшения. Особый колорит отличает костюмные комплекты северо-восточных башкир, украшенных тамбурной вышивкой. Среди тканых экспонатов выделяются платья с браным узором и тканые мужские и женские штаны, датируемые первыми десятилетиями XX в. Особую ценность представляют женские и мужские головных уборы. Ценным приобретением стали праздничные женские халаты (елән) из разных районов Башкирии. В музее представлены обувь с белыми суконными голенищами, лыковые лапти и узорные вязаные чулки. Музей обладает впечатляющей коллекцией коралловых и серебряных украшений, демонстрирующей разнообразие традиционных нагрудных украшений, таких как селтәр из юго-восточных районов, сакал из юго-западных районов, муйынса с северо-востока и яга и наспинник из восточного Зауралья. Завершают собрание кольца, перстни, браслеты и серьги различных видов.

Головной убор в коллекции этнографа собирателя С.Н. Шитовой представлен несколькими вариантами: девичий головной убор, а также женские калпачки. Практически в единичном экземпляре в музее хранится девичий головной убор (МАЭ ОФ – 503/34) ободок с двумя поперечными перекрытиями полосами, который был украшен кораллом, бисером и 26 мелкими монетами. Си-

ний. На висках подвески-снизки с бисером и кораллами. Заметим, помимо описанного экспоната, судя по полевым материалам С.Н. Шитовой, существовали и другие типы девичьих головных уборов. В Кугарчинском районе в 1970 г. ею был зафиксирован образец сценической шапочки, характеризующейся высоким бортиком, плоским донышком и наличием накосной полосы. Декоративное оформление основы из темной ткани включало аппликации из фольги и металлические жетоны. В бассейне реки Инзер и верховьях реки Белой распространенным типом девичьего головного убора являлись ободки с перемычками на темени (маңлайса, ҡашмау), которые начинали носить с 5-6 лет. Конструктивной основой служила полоска из бересты, кожи или картона, обтянутая цветным бархатом или хлопчатобумажной тканью. Декоративное оформление включало нашитые перламутровые пуговицы, бисер, бусины, монеты. В ряде случаев бисером формировался орнамент в виде зигзагов или розеток [14, с. 71]. Лобная часть оформлялась бисерной бахромой. Височные области украшались бисерными кистями с монетами, а затылочная – «хвостом» из бус или окрашенных рыбьих позвонков сзади [15, л. 42].

У свердловских башкир было закуплено 2 колпачка для музея (МАЭ ОФ - 855 / 31-32), которые были изготовлены в 1950-1960-х гг., когда было принято по праздникам и на свадьбу надевать традиционный костюм. В отличие от татар, у башкир более распространены были «маленькие» колпачки, а не колпаки мешкообразной формы. В северных и северо-восточных районах Башкирии и Челябинской области эти шапочки часто носили вместе с покрывалами «беркенчек» или «кушъяулык». У пермских башкир из д. Юкшур Бардымского района был приобретен один женский колпачок из коричневого бархата (МАЭ ОФ - 855 / 26), который был спереди вышит серебряной нитью, растительным узором, а между полосками вышивки пришиты монеты.

Коллекция нательной женской одежды включает в себя несколько типов женских рубах, датируемых концом XIX – первой половиной XX в. Из районов центральной Башкирии было привезено платье из клетчатой домотканины с браным узором (МАЭ ОФ - 503/5). Основа красная, на ней клетчатый узор из желтых и синих линий, размер клетки 4,5х4,5 см. Орнамент по основе – маленький ромб, продолжающиеся стороны которого образуют «рога». На подоле узоры крупнее, чем на рукавах и стоячем воротнике. На грудке узоров нет. Передняя часть подола (наподобие фартука) и низ юбки украшены сдвоенными «кистями». На юбке «кисти» расположены полосой между линиями-зигзагами. Такой же узор по низу рукавов. На нагрудной планке строчка. В браном орнаменте использованы желтый, зеленый, синий и другие цвета ниток. Покрой комбинированный. Верх (до талии 27 см) без швов на плечах. В талии вшит «пояс» (6 см). Присборенная юбка длиной 85 см. Плечо 10,5 см. Рукав прямой (длина 47 см, ширина 17 см), с буфой, сужен складочками-защипами. Прямая боковина 14 см высотой, 6,5 см шириной. Ластовиц нет, пройма прямоугольная. Воротник 4 см. Полоса узора на подоле – 7 см шириной, на рукавах – 3,5 см. [14, с. 35, 44-46]. Судя по полевым материалам, данный экспонат, тканое (браное) платье, было закуплено в д. Минзитарово Иглинского района у Исхаковой Амины Шариповны (1931 г.р.), которое принадлежало ее матери Рахиме, родом из д. Истереково Нуримановского района БАССР. С.Н. Шитова предполагает, что возможно, что ткала не мать, а бабушка, и тем самым сделан по всей вероятности был еще в XIX в., сама ткань, а платье сшито позже – по моде 1910-1917 гг. [15, л. 8-8 об].

Для музейной коллекции в д. Серменево Белорецкого района БАССР С.Н. Шитова закупила два туникообразных платья. Одно платье было свадебным, бледно желтого цвета (МАЭ ОФ – 503/35), украшено узкими разноцветными полосами: красными, синими, бордовыми, а по подолу 3 оборки. Воротник-стойка, впереди планка, рукава присборены на манжетах. Подробное описание приобретенного экспоната находим в полевом дневнике С.Н. Шитовой: Гайнетдинова Фархия продала платье своей умершей дочери Дусмухаметовой Магрифы (1928 г.р.), оно было ее свадебным платьем, вышедшей замуж после войны [15, л. 40]. Второе платье было выкуплено у Сафиной Махтимы, было сшито из красного сатина в мелкий сине-желтый рисунок, традиционного покроя с 4 узкими оборками по подолу. Общая длина платья 117 см. (МАЭ ОФ – 503/ 100). Также в коллекции музея хранится женское платье из зеленого штапеля (МАЭ ОФ – 432/45), рукава украшены малиновыми ленточками, а также платье традиционного покроя из пестрого ситца, глухой воротник маленькая стойка, нагрудный разрез прикрыт широкой планкой (МАЭ ОФ – 432/61). Тем самым, тканая и вышитая одежда демонстрирует богатые декоративно-художественные традиции башкирского народа.

Особую ценность представляют башкирские собрания женских вышитых платьев северо-восточных башкир, украшенные тамбурной вышивкой. Для коллекций музея в д. Кутушево, Мечетлинского района БАССР было закуплено женское платье из черного сатина (МАЭ ОФ – 2/13),

на подоле широкая оборка по низу, украшенная вышивкой тамбуром желтыми и синими нитками мулине. Из этой же серии относится женское старинное платье оранжевого цвета (МАЭ ОФ – 2/24), длинными рукавами, вышитые, лиф в клетку, который был приобретен у Шакировой Х.Ф. д. Мунасово Белокатайского района БАССР.

В д. Шокурово Нижнесергинского района Свердловской области были приобретены три комплекта женских вышитых платья. Под МАЭ ОФ – 855/2 зарегистрировано платье платье – кулдек, из черного сатина, отрезное по талии, рукава длинные на широких манжетах; воротник стойка, застегивается на двух пуговицах, грудной разрез прикрыт планкой; юбка присборена, к нижней части юбки (с боков и сзади) пришита широкая оборка из этой же ткани. По всей длине верхней части рукава и на манжетах узор машинной застрочкой. Почти весь подол украшен вышивкой плотным тамбуром, растительный орнамент различного цвета. Длина платья – 108 см. Второе платье – кулдек (МАЭ ОФ – 855/3), отрезное по талии, рукава длинные на широких манжетах; воротник стойка, застегивается на двух пуговицах, нагрудный разрез прикрыт широкой планкой до талии. Юбка присборена неглубокими складками, к низу подола пришита широкая присборенная оборка. Рукава, подол и оборка украшены вышивкой, техника – плотный тамбур, растительный орнамент, узор расположен гнездами. Каждый элемент орнамента раскрашен в свой цвет. Особенность платья на рукавах – непрерывный растительный орнамент. Третье платье женское – кулдэк (МАЭ ОФ - 855 / 37), из хлобчато-бумажной ткани розового цвета. Отрезное по талии, юбка присборена, украшена четырьмя оборками расшитыми вышивкой тамбуром (контурный), орнамент растительный. Узор расположен непрерывной линией по всей длине оборки, вышит черными нитками. Рукава длинные на широких манжетах, украшенных тремя полосками оранжевого цвета. Воротник – стойка. Нагрудный разрез прикрыт планкой, украшенной машинной застрочкой, застегивается на пуговицах.

Вышитые праздничные передники, ставшие частью девичьего и женского костюма, вошли в обиход сравнительно недавно, в первой половине XX в.. Для их изготовления использовали ткани традиционных красных и желтых оттенков. Техника вышивки включала тамбурный и ковровый швы, а также узор «косая сетка». Основное украшение располагалось на груди и подоле. Рисунок, покрывающий всю поверхность передника, отличался насыщенностью, многоцветностью и сложностью. В коллекции имеются несколько комплектов вышитых женских фартуков.

Из д. Яныбаево Белокатайского района БАССР были приобретены несколько фартуков. Фартук из черного сатина (МАЭ ОФ – 2/8), вышитый тамбуром разноцветными нитками, изготовлен в 1955 г., приобретен у Шариповой Р.Г., из д. Яныбаево, Белокатайского района, БАССР. Фартук из красного сатина, вышитый тамбуром разноцветными нитками, вышитый в 1955 г. Шариповой Ф.Г. (МАЭ ОФ – 2/21). Фартук из малинового сатина (МАЭ ОФ – 2/27), вышит тамбуром, грудка пришивная с оборками, застегивался на пуговицу, приобретена у Шакировой Х.Б.. Там же был приобретен фартук вышитый тамбурным швом из зеленого сатина с глухой грудкой и спинкой (МАЭ ОФ – 2/29).

К примеру, от Ахатовой А. за 15 руб. был приобретен фартук – алъяпсык (МАЭ ОФ – 855 / 1), из сатина черного цвета. Спинка и грудка закрыты, грудка, пояс, подол и карманы украшены вышивкой. Техника – тамбур, растительным орнаментом. Узор из веток, листьев, многолепестковых пышных цветов. Цветы – лисья расположены тесно; орнамент заполнен внутри плотными стежками вышивки, идущими по спирали от внешнего контура фигуры к центру. Узор покрывает почти всю грудку и подол. Каждый элемент орнамента раскрашен в свой цвет: желтый, розовый, зеленый, салатный, голубой, красный, оранжевый, серый, коричневый, морковный, сиреневый. Использованы нитки – мулине.

Здесь же в описании представлен второй фартук женский – алъяпкыс (МАЭ ОФ – 855 / 36), из хлопчатобумажной ткани зеленого цвета. Спинка и грудка закрыты. Вся грудка и подол украшены вышивкой. Третий фартук женский – алъяпкыс (МАЭ ОФ – 855 / 38), из х/б ткани зеленого цвета. Спинка и грудка закрыты. Нижние части грудки и подола украшены вышивкой плотным тамбуром. Орнамент – растительный. (МАЭ ОФ - 855 / 38)

Значительно пополнило музейные коллекцию экспонаты, привезенные из Зилаирского района Башкирии. В д. Сабырово были собраны браслет, кольцо, елән, камзол детский, кәзәки детский, два платья женских [16, л. 44]. Из д. Байгужа были привезены камзол, позумент, серебренные и сердоликовые украшения, которые были приобретены у Игебаева Фатаха (1907 г.р.) и Байгужиной Бадренисы его жены [16, л.27, 45].

Собрания башкирских коллекций были пополнены экспонатами одежды в д. Саитово Федоровского района БАССР, где был приобретен женский нагрудник из белого с цветами ситца, в котором нашиты полосы из зеленой саржи, цветного сати-

на, синего шелка и сатина, оранжевого и красного штапеля и желтого капрона (МАЭ ОФ – 7/291). Примечателен тот факт, что по полевым материалам С.Н. Шитовой в этом районе селтәр и һаҡал являлись двумя частями одного украшения. Как отмечает С.Н. Шитова, «алмизеү – здесь новая деталь «южная», дальше она продолжается в сторону юга и востока. Что это такое помнят трудно. Да у них у самих не такое четкое представление, как на юго-востоке. Говорят, что носили его все, он был из монет и из кораллов. Иногда так называют һаҡал. Далее һаҡал как нагрудник, кажется вообще исчезает» [17, л. 59]. В д. Серменево Белорецкого района БАССР от Мингажевой Фагили была приобретена женская нагрудная повязка (тушелдерек) из 8 лоскутков (МАЭ ОФ - 503/101).

Из украшений башкирская коллекция содержит перстень с печаткой, имеющей маленькое круглое отверстие с краю. Нашла Сайма Касимовна Булякова на огороде в 1969 г. (МАЭ ОФ – 9/5). Браслет (беләзек) из металла белого цвета растительный орнамент (МАЭ ОФ – 432/56). А также кольцо (балдак) из металла белого цвета, круглое, тонкое (МАЭ ОФ – 432/57). Примечателен еще один экспонат музея, у Умитбаевой Гульмэхэр из д. Азнагулово Белорецкого р-на, был закуплен браслет из белого металла, украшенный орнаментом-вязью с помощью точечной гравировки. На конце арабским письмом имя «Шакир» (МАЭ ОФ - 503/33).

В музее хранится несколько вариантов верхней одежды башкир из экспедиций С.Н. Шитовой. В коллекции имеется свадебная одежда халат (елән) (МАЭ ОФ – 432/58), который сшит из хлопчатобумажной ткани черного цвета, с вышивкой аппликацией. Покрой рукава, бочки на линии тела украшены кисточками из ниток, подол и полочки по краю тканью красного цвета, пуговицы металические. Этот халат (елән) судя по полевым этнографическим записям С.Н. Шитовой был закуплен в д. Сабырово Зилаирского района у Султангужиной Хакимы, который был подарен ее бабушкой. Изготовлен халат (елән) в начале XX в. [16, л.25 об.- 26]. В музеях можно найти отдельные образцы детской одежды. Например, детский камзол из черного бархата (МАЭ ОФ - 432/59), украшен монетами метал бляшками пуговицами. Полочки из, горловине – вышивкой. Прав подол 11 шт., лев подол 9шт., на спине 3 шт., бляшки 4 шт. перед подолы, 4 шт. на заднем подоле, 21 пуговиц на подоле (7х3) и 1 пуговица застежка. Здесь же представлен женский камзол (МАЭ ОФ – 432/62) из зеленого бархата, с длинными рукавами. Воротник стойка, карманы с отсрочкой, застежка впереди на 5 пуговицах. Камзол безрукавка (МАЭ ОФ – 432/63) желтого, черного, цвета ткань приталенная. Низ и полочки украшены широкой и узкой полосами позумента, горловина полосой зубчатого позумента пришиты бисер белого цвета и монеты по 3 шт. Застежка металлическая, со вставкой из зеленого цвета. Комплект дополнял позумент для украшения воротника камзола, зубчатая (ОФ – 432/49).

Для пошива женских штанов в северо-западных районах использовался холст, обычно белый или с красными полосами. В юго-западных районах чаще применяли покупные ткани, такие как ситец или кумач. В качестве примера можно привести женские штаны из деревни Старые Каращиды (МАЭ ОФ – 503/11), сшитые из красной полосатой домоткани. Средняя часть штанов представляет собой сложенный прямоугольник размером 30х37 см. Штанина состоит из двух частей: прямоугольного полотнища размером 78,5х17,5 см (в сложенном виде) и клина высотой 60 см, шириной 13 см вверху и 3 см внизу. Штаны фиксируются на талии с помощью веревки, продернутой по верхнему краю [18, с. 51].

Из предметов мужской одежды С.Н. Шитова для музея приобрела несколько рубах и штаны. Рубаха-косоворотка мужская (МАЭ ОФ - 2/10), из ситца кремового цвета, рукава длинные. Манжеты, ворот, подол вышиты хлобчато-бумажными нитками черного цвета в технике тамбур. Изготовлено в начале 30-х гг. XX в., приобретено у Каевой Г.Ш., д. Лемез-Тамак, Мечетлинского района БАССР. Вторая мужская рубаха вышитая тамбуром на концах рукавов и воротнике стойке, была закуплена у Хафизовой Н.С., из д. Кутушево, Мечетлинского района БАССР (МАЭ ОФ – 2/12). Также у нее были приобретен старинные мужские домотканые штаны, в белую и темно-синюю полоску на красном фоне (МАЭ ОФ – 2/11).

В Пермской области Бардымского района были приобретены несколько предметов из обуви. Из д. Юкшур чулки женские – тула ойок. Из домашнего сукна белого цвета (МАЭ ОФ – 855 / 24). В д. Старый Чад был приобретен сапог – читек. Мягкий, из кожи черного цвета (МАЭ ОФ – 855 / 76). А также из д. Бардабаш пополнили мужские лапти – сабата (МАЭ ОФ – 855 / 91). В д. Ст. Карашиды Иглинского района от Каримовой Вафиры были приобретены лапти. Длина 27 см. (МАЭ ОФ - 503/42). Также в д. Шокурово Нижнесергинского района Свердловской области были приобретены женские, шерстяные вязанные узорные чулки белого цвета – озон ойок. Узор выполнен теми же нитками, расположен тремя горизонтальными полосами и представлен волнообразными линиями (МАЭ ОФ – 855 / 33). Завершал комплект кисет – кисэт, из хлопчатобумажной ткани красного цвета,

по краям отделан коричневой лентой. Вышитый тамбуром. Орнамент – растительный. Цветы вышиты плотным тамбуром. Снизу на шнурке желтого цвета кисточка из ниток черного цвета (МАЭ ОФ – 855 / 40). Гильмановой Закии Д. Шокурово, был приобретен платок – кул яулык 32х32 см. (МАЭ ОФ – 855 / 39). Свадебный, подарок невесты жениху. Из хлопчатобумажной ткани красного цвета, вышитый контурным тамбуром. Все стороны украшены кисточками из разноцветных ниток, по углам большие тройные кисти.

Выводы

Таким образом, в МАЭ г. Уфы, в одном из самых молодых исторических музеев региона, хранится свыше 300 предметов башкирской одежды. В пополнении коллекций музея большую роль сыграла старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы, кандидат исторических наук С.Н. Шитова, которая привозила экспонаты из различных регионов, включая Башкирию, Пермскую, Свердловскую, Челябинскую и Курганскую области. Особенности комплектования музейных коллекций под руководством С.Н. Шитовой было связано с целенаправленными этнографическими экспедициями, которых пополнялись недостающие музейные экспонаты, а также вышедшие из обихода или утраченные вещи, характеризующий традиционный костюм башкир. При комплектовании коллекции одежды и украшений башкир большое внимание было уделено комплексу содержащий все элементы, которые носили одновременно. Костюмные комплексы МАЭ г. Уфы дают представление о моде конца XIX – первой половины XX в., отражают также влияние городской культуры на башкирскую одежду.

Полевые этнографические дневники С.Н. Шитовой содержат записи локальных особенностей одежды и украшений башкир, фиксируют крой и чертежи костюма. Данные этнографические материалы, а также фотоколлекции ученого-этнографа вызывают интерес как у научных экспертов, так и у широкой общественности: реконструкторов, художников и дизайнеров одежды. Этнографические предметы из коллекции С.Н. Шитовой стали основой музейного фонда МАЭ г. Уфы, которые используются для организации постоянных экспозиций и передвижных выставок. Коллекция С.Н. Шитовой обладает огромной этнографической и этнокультурной значимостью, являясь ценнейшим источником для исследования культуры и быта башкир. Она позволяет выявить уникальные локальные особенности, так и общие черты, объединяющие башкир с другими народами. Благодаря этой коллекции, особенно материалам по традиционному костюму, стало возможным глубокое научное изучение самобытности и богатства декоративно-художественных традиций башкирского народа.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 1022040500512–4–6.1.1 «Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН как фактор сохранения историко-культурного наследия Южного Урала» (2025-2027 гг.)

Список источников

1. Галиева Ф.Г., Садиков Р.Р., Петров И.Г., Нечвалода Е.Е., Хасанова З.Ф. Коллекции Музея археологии и этнографии по этнографии народов Башкортостана // Известия Уфимского научного центра РАН. 2018. №3. С. 113 – 124.

2. Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет / сост. Н.Г. Рутто; вступ. ст. С.Н. Шитова. Уфа: Информреклама, 2006. 92 с.

3. Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН / ответ. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН: Информреклама, 2007. 220 с.

4. Предметы религиозных культов народов Южного Урала из собрания Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. Каталог. Ч. 1. Христианство / составители: А.Б. Юнусова (ответ. ред.), И.Г. Петров, З.Ф. Хасанова, А.И. Тузбеков / спец. фотосъемка А.М. Акбулатова. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 42 с.

5. Финно-угорские народы в коллекциях Музея археологии и этнографии Центра этнологических исследований УНЦ РАН: Каталог / сост. Е.Е. Никонорова; вступ. ст. Р.Р. Садикова; отв. ред. Ф.Г. Ахатова. Уфа: Информреклама, 2006. 120 с.

6. Чувашские коллекции в этнографических фондах Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН: каталог-альбом /сост. И.Г. Петров. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН; ГУП РБ Издательство «Белая река», 2017. 124 с.

7. Галиева Ф.Г. Коллекции русских в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН. //История национального костюма народов Республики Башкортостан: Сборник материалов Всерос. науч.-практ. конференции, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 12 октября 2021 г. / отв. ред. Н.С Мысляева, зам. отв. ред. Л.Я. Юсупова. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2021. С. 56 – 60.

8. Петров И.Г. Чувашские коллекции в фондах Музея археологии и этнографии: история комплектования, количественный и предметный состав // Известия УНЦ РАН. 2011. № 2. С. 50 – 55.

9. Садиков Р.Р. Финно-угорские коллекции в уфимских музеях // Ежегодник финно угорских исследований. 2015. № 1. С. 87 – 98.

10. Никонорова Е.Е. Одежда уральских марийцев в собрании Музея археологии и этнографии (Уфа) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III Региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2006. С. 189 – 199.

11. Хасанова З.Ф. Русские коллекции из Дуванского района Башкортостана в собрании МАЭ ИЭИ УНЦ РАН // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура) историко-этнографические очерки. Уфа, 2012. С. 321 – 356.

12. Светлана Николаевна Шитова: творческий портрет к юбилею. / отв. ред. Р.М. Юсупов. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2006. 36 с.

13. Гайнуллина Н.Ф. Этнографические коллекции Музея археологии Башкирского филиала Академии наук СССР // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии. Уфа, 1984. С. 43 – 49.

14. Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995. 237 с.

15. Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН) Ф. 113. Оп. 1. Д. 23. Л. 42

16. НА УФИЦ РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 22. Л. 27, 45

17. НА УФИЦ РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 11. Л. 59

18. Кутушева Г.Р. Традиционный костюм башкир и татар в Западном Башкортостане (к проблеме этнокультурных взаимодействий). Уфа: Информреклама, 2003. 264 с.

References

1. Galieva F.G., Sadikov R.R., Petrov I.G., Nechvaloda E.E., Khasanova Z.F. Collections of the Museum of Archeology and Ethnography on the ethnography of the peoples of Bashkortostan. Bulletin of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 3. P. 113 – 124.

2. Bashkir pectoral ornaments made of corals and coins. compiled by N.G. Rutto; introduction by S.N. Shitova. Ufa: Informreklama, 2006. 92 p.

3. Museum of Archeology and Ethnography: Catalog of the museum exhibition of the Center for Ethnological Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-chief A.B. Yunusov. Ufa: CER Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: Informreklama, 2007. 220 p.

4. Religious objects of the peoples of the Southern Urals from the collection of the Museum of Archaeology and Ethnography of the R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Catalogue. Part 1. Christianity. Compiled by A.B. Yunusova (responsible editor), I.G. Petrov, Z.F. Khasanova, A.I. Tuzbekov. special photography by A.M. Akbulatov. Ufa: IEI Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2011. 42 p.

5. Finno-Ugric peoples in the collections of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Ethnological Research Center of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: Catalogue. compiled by E.E. Nikonorova; introduction by R.R. Sadikova; responsible editor by F.G. Akhatova. Ufa: Informreklama, 2006. 120 p.

6. Chuvash collections in the ethnographic funds of the Museum of Archeology and Ethnography of the R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: catalog-album. compiled by I.G. Petrov. Ufa: IEI UFC RAS; GUP RB Publishing House "Belaya Reka", 2017. 124 p.

7. Galieva F.G. Collections of Russians in the Museum of Archeology and Ethnography of the IEI UFC RAS. History of the national costume of the peoples of the Republic of Bashkortostan: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, October 12, 2021. ed. N.S. Myslyaeva, deputy ed. L.Ya. Yusupova. Sterlitamak: Sterlitamak branch of BashSU, 2021. P. 56 – 60.

8. Petrov I.G. Chuvash collections in the funds of the Museum of Archaeology and Ethnography: history of acquisition, quantitative and subject composition. Bulletin of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2011. No. 2. P. 50 – 55.

9. Sadikov R.R. Finno-Ugric collections in Ufa museums. Yearbook of Finno-Ugric studies. 2015. No. 1. P. 87 – 98.

10. Nikonorova E.E. Clothing of the Ural Mari in the collection of the Museum of Archaeology and Ethnography (Ufa). Ethnic interactions in the Southern Urals. Proceedings of the III Regional scientific and practical conference. Chelyabinsk, 2006. P. 189 – 199.

11. Khasanova, Z. F. Russian collections from the Duvan district of Bashkortostan in the collection of the MAE IEI Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Russian historical and ethnographic essays of the Ai-Yuryuzan interfluve (history, anthropology, culture). Ufa, 2012. P. 321 – 356.

12. Svetlana Nikolaevna Shitova: creative portrait for the anniversary. ed. R.M. Yusupov. Ufa: DesignPoligraf-Service, 2006. 36 p.

13. Gainullina N.F. Ethnographic collections of the Museum of Archeology of the Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences. Sources and source study of the history and culture of Bashkiria. Ufa, 1984. P. 43 – 49.

14. Shitova S.N. Bashkir folk clothing. Ufa: Kitap, 1995. 237 p.

15. Scientific archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (UFITs RAS) F. 113. Op. 1. D. 23. L. 42

16. AT UFIT RAS. F. 113. Op. 1. D. 22. L. 27, 45

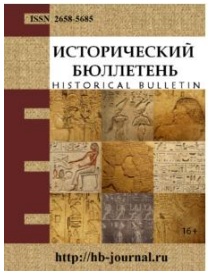
17. AT UFIT RAS. F. 113. Op. 1. D. 11. L. 59

18. Kutusheva G.R. Traditional costume of the Bashkirs and Tatars in Western Bashkortostan (to the problem of ethno-cultural interactions). Ufa: Informreklama, 2003. 264 p.

Информация об авторе

Махмудов А.Р., младший научный сотрудник Отдела учета и хранения научных фондов, аспирант Отдела этнографии, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2449-4255, 450077, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 6, alic3842@yandex.ru

© Махмудов А.Р., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.85

Место и роль религии и церкви в становлении и развитии древнерусского общества и государства и централизованного Московского государства в период с IX по XVII века

[1] Середа С.П.,
[1] Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России

Аннотация: представленная научная статья посвящена посвящена комплексному анализу места и роли религии и церкви в становлении и развитии древнерусского общества и государства, а также централизованного Московского государства в период с IX по XVII века. Актуальность работы обусловлена фундаментальным влиянием религиозного фактора на формирование российской государственности, правовой системы и культурной идентичности. Методологическую основу составили историко-правовой, сравнительно-исторический и системный методы, что позволило провести многоаспектный анализ заявленной темы. В ходе исследования установлено, что уже на ранних этапах языческие верования определяли «дух» и «букву» славянского сакрального права. Ключевым рубежом стало принятие христианства в 988 году, которое способствовало консолидации общества, проникновению письменности, кодификации права («Русская Правда») и рецепции передовых византийских правовых норм. Автор отмечает, что православная церковь сыграла определяющую роль в объединении русских земель, преодолении феодальной раздробленности и монголо-татарского ига, а также в легитимации самодержавной власти. Отечается, что в эпоху Московского царства церковь активно участвовала в государственном управлении и идеологическом обосновании централизации, что отразилось в таких документах, как «Стоглав» и Соборное Уложение 1649 года. В статье обращается внимание на то, что к концу рассматриваемого периода наметилась тенденция к постепенному подчинению церкви светской власти, ограничению ее экономических и политических прав. На основании проведенного исследования автор делает ввод о том, что на протяжении IX–XVII веков религия и церковь (православное вееройчение) выступали ключевым интеграционным фактором, оказавшим фундаментальное влияние на все сферы жизни российского общества и государства.

Ключевые слова: древнерусское общество и государство, централизованное Московское государство, религия и церквь, православие, государственность

Для цитирования: *Середа С.П. Место и роль религии и церкви в становлении и развитии древнерусского общества и государства и централизованного Московского государства в период с IX по XVII века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 148 – 155.*

Поступила в редакцию: 29 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The place and role of religion and the church in the formation and development of Ancient Russian society and the state and the centralized Moscow state in the period from the 9th to the 17th centuries

[1] Sereda S.P.,
[1] Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: the presented scientific article is devoted to a comprehensive analysis of the place and role of religion and the church in the formation and development of Ancient Russian society and the state, as well as the centralized Moscow state in the period from the 9th to the 17th centuries. The relevance of the work is due to the fundamental influence of the religious factor on the formation of Russian statehood, the legal system and cultural identity. The methodological basis was made up of historical-legal, comparative-historical and systematic methods, which allowed for a multidimensional analysis of the stated topic. In the course of the research, it was established that already at the early stages pagan beliefs determined the "spirit" and "letter" of Slavic sacred law. The key milestone was the adoption of Christianity in 988, which contributed to the consolidation of society, the penetration of writing, the codification of law (Russian Truth) and the reception of advanced Byzantine legal norms. The author notes that the Orthodox Church played a decisive role in the unification of the Russian lands, overcoming feudal fragmentation and the Mongol-Tatar yoke, as well as in legitimizing autocratic power. It is noted that during the era of the Muscovite Empire, the church actively participated in public administration and the ideological justification of centralization, which was reflected in such documents as the Stoglav and the Conciliar Code of 1649. The article draws attention to the fact that by the end of the period under review, there was a tendency towards the gradual subordination of the church to secular authority, and the restriction of its economic and political rights. Based on the conducted research, the author introduces the fact that during the 9th–17th centuries, religion and the church (Orthodox religious beliefs) were a key integration factor that had a fundamental impact on all spheres of life of Russian society and the state.

Keywords: ancient Russian society and state, centralized Moscow state, religion and church, Orthodoxy, statehood

***For citation**: Sereda S.P. The place and role of religion and the church in the formation and development of Ancient Russian society and the state and the centralized Moscow state in the period from the 9th to the 17th centuries. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 148 – 155.*

The article was submitted: August 29, 2025; Approved after reviewing: October 26, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Религиозные отношения традиционно занимают важное место в России, являясь частью не только этнического и культурного, но и политического и социально-экономического устройства общества. Россия является уникальным многонациональным и многоконфессиональным государством, в котором отношение к религии всегда играло и продолжает играть значимую роль в жизни каждого человека и общества в целом. Возникнув первоначально как моноконфессиональное государство Россия постепенно пришла к многоконфессиональному составу, объединив в одно общество и государство различные народы и культуры. При этом значительную роль в становлении и развитии России как единого государства, в обретении и защите независимости, и в то же время в объединении различных культур играло и продолжает играть православие и Русская православная церковь (далее – РПЦ).

В этой связи особый интерес и значение представляет исследование исторических предпосылок и основ зарождения и становления религиозности российского общества на ранних этапах становления государственности. Необходимо изучить и определить место и роль религиозных представлений в становлении и развитии Российского государства, особенно роль религии и церкви на ранних этапах его становления.

Материалы и методы исследований

В качестве методологической основы в исследовании использовался диалектический метод, задающий общее направление научному поиску. Для решения конкретных задач был задействован также арсенал общенаучных и специальных методов: историко-генетический, историко-правовой, историко-типологический, формально-логический методы, методы системного анализа и ретроспек-

тивного анализа. Их применение позволило исследовать различные аспекты влияния религии и церкви на становление и развитие древнерусского общества и государства.

Результаты и обсуждения

Несмотря на общие черты в становлении и развитии государственно-правовых отношений у различных народов, российский народ обладает уникальным многовековым опытом становления и развития государственности и права, тесно связанным с религиозной жизнью и религиозными представлениями.

Согласно наиболее устоявшемуся в науке представлению отсчёт документально подтверждённой истории Древней Руси, опирающейся на летописную традицию, начинается с IX века [1]. Письменные источники права появляются позднее, однако общественные отношения уже регулируются нормами обычного права [1]. При этом, уже на ранних этапах становления древнего Русского государства следует отметить ту значительную роль, какую играла религиозные представления славян в этих процессах. Основу традиционного права древних славян составляли, с одной стороны, языческие верования, а с другой – приоритет духовно-нравственной оценки [2]. При этом системообразующим элементом выступало именно сакральное право, определявшее «дух» и «букву», т.е. формальное и идеологическое содержание всех остальных отраслей права.

Сами языческие верования, как отмечают многие специалисты, носили разрозненный, противоречивый характер [3], теряли под влиянием более совершенного и гуманного христианского вероучения свое нравственное значение и уже не отвечали потребностям стремительно развивавшегося древнего русского общества и государства, что предопределило принятие Русью христианства в 988 г. Принятие христианства обеспечило становление и укрепление зарождавшегося древнего Русского государства и оказало существенное положительное влияние на всю его тысячелетнюю историю. Значение крещения Руси для развития древнерусского общества отмечается многими специалистами [4, с. 1308; 5; 6]. При этом, более обоснованной выглядит та точка зрения, что принятие христианства византийского образца на Руси оказалось долгим процессом и не носило насильственного характера [7]. Кроме того, уже первые памятники русского законодательства, в частности договор Игоря с греками 945 года, свидетельствуют о веротерпимости, которой отличалось русское общество [8, с. 85].

С крещением Руси в 988 году широкое распространение получила письменность, что позволило перейти от устных норм к писаным законам и объединить их в кодифицированные акты [9]. При этом сформировавшиеся к этому времени у восточных славян нормы обычного права, правовые традиции, внутренние договоры (ряды) не были отвергнуты и стали основой правовой системы древнего Русского государства. Как отмечают ученые, многие из этих норм были передовыми для своего времени [9]. Но, безусловно, приняв христианство из Византии, Русь одновременно начала заимствовать и римское право. Этот процесс имел свои особенности, связанные с глубокой религиозностью русского общества и ориентацией на восточно-христианскую традицию – православие, которое наиболее полно ей соответствовало. В отличие от стран Европы, рецепция римского права на Руси шла опосредованно – через византийское (греко-римское) право, главным проводником которого выступала церковь [9].

Первым письменным сборником законов, фундаментом всего дальнейшего национального законодательства является «Русская правда», первые восемнадцать статей которой были написаны в 1016 г. [10, с. 28]. В «Русской правде», особенно в первых ее редакциях, отсутствуют нормы, прямо направленные на регулирование религиозной жизни древнерусского общества. Однако, как отмечает В.В. Сорокин, многие отношения на Руси регулировались правом: но не в форме законов государства, а совестью и обычаем (укладом глубоко верующей крестьянской общины) [11, с. 16]. В этой связи, слово «правда» используется в значении справедливости, совести, праведности, законности, безгрешности, истины [11, с. 16]. Не случайно проблемы о соотношении закона и истины, о роли закона – правды подробно анализируются и обосновываются в трактате первого русского по происхождению митрополита Иллариона «Слово о Законе и Благодати» (1051) [1, с. 20].

В свое время В.О. Ключевский (1904) рассматривал Русскую Правду как церковный судебник, регулировавший споры с участием духовенства в тех сферах, которые не подпадали под церковный суд [12, с. 19]. Специалисты отмечают, что в основу Русской Правды положен целый ряд церковно-правовых источников византийского происхождения, однако впоследствии её действие вышло за церковные рамки и было перенесено в княжеские суды [1, с. 40].

После принятия христианства связь и взаимодействие между государством и церковью все больше усиливалось, что, безусловно, оказывало влияние и на правоотношения. В этот период были заложены основы русской государственности, определившие её развитие на столетия вперёд.

Ключевым элементом стало формирование прочного союза между церковной и княжеской (а впоследствии царской) властью в одну власть, провозглашение божественного происхождения власти, постоянная защита церкви со стороны князя (царя), формирование достаточно автономного «церковного общества», защищенного привилегиями, и церковной юрисдикции, опиравшейся на специальные церковные правовые акты [8, с. 92]. При введении христианства стало применяться византийское право [12, с. 16]. Был принят греческий Номоканон, однако он стал применяться только для церковных дел, для регулирования же отношений между церковью и обществом князьями стали приниматься церковные уставы, устанавливавшие гражданские права и привилегии духовенства [8, с. 92]. Отчасти в княжеских уставах отражались нормы семейного права, однако отношения в этой сфере были в корне изменены и стали регламентироваться главным образом нормами канонического права [12, с. 14].

В XI-XIII вв. нормы византийского церковного права, включая как сугубо канонические, так и гражданские установления, содержавшиеся в богослужебных книгах, были усвоены русской правовой системой. Это заимствование затронуло не только внутрицерковную жизнь, но и государственное законодательство, судебную и административную деятельность. Однако их восприятие носило выборочный и адаптированный характер, что в ряде случаев означало и отказ от уголовных, в том числе, членовредительских наказаний [1, с. 37-38]. В свою очередь христианское влияние привело к исключению судебного поединка, а также смертной казни в Русской Правде. Как отмечают специалисты, церковь оказала значительное воздействие на политический строй Древней Руси, привнеся идеи монархической власти, политической централизации и иерархии. Кроме того, она познакомила русское общество с концепциями нравственного совершенствования, нормами закона, новыми представлениями о правителе, а также ввела следственные процедуры и письменное делопроизводство в судебный процесс. Отдельно стоит отметить её глубокое и благотворное влияние на институт семьи [1, с. 50].

Вопросы роли и юрисдикции церкви нашли своё отражение в ключевых правовых документах Руси – Новгородской и Псковской судных грамотах, которые были созданы в XV веке в результате кодификации [12, с. 214].

В период феодальной раздробленности и монголо-татарского ига православная церковь на Руси сыграла значительную роль в сохранении культурно-исторического единства, национальной самобытности и самостоятельности русского народа, формирования материальной базы для начала освободительной борьбы и дальнейшего политического единства, что признают многие специалисты [13, 14]. Сохранение православной веры на Руси означало сохранение независимости от Римского Папы, защиту от натиска римских католических крестоносцев, Польши, Литвы, опасных еретических течений, а также обеспечивало культурно-историческую обособленность русского общества от Золотой Орды, в которой в XIV в. официальной религией становится ислам. Хотя, безусловно, взаимное культурное влияние и обмен имели место, что отражалось и в правовой сфере.

Как отмечают специалисты, в первой половине XVI в. становятся заметны изменения в сторону ужесточения законодательства [10, с. 75]. Это было связано в первую очередь с образованием централизованного Московского государства, объединением русских земель. Безусловно, эти процессы затрагивали и церковно-правовые отношения. Церковь играла значительную роль в формировании и территориальном расширении централизованного Российского государства, во многом определяя идеологию формирующегося самодержавного государства, осуществляя церковную колонизацию, обращая в христианство племена и народности, бывшие язычниками, участвуя в государственном управлении, законодательстве, внешних сношениях государства, и даже способствуя формированию центра единого государства в результате переезда митрополита из Киева вначале во Владимир, а затем и в Москву [1, с. 89]. Принятиехристианства от Византии фактически предопределило и привело к принятию державных прав византийских императоров, а от них и римских цезарей, утверждению титула царя и государя всея Руси, а в XVI в. также и титула самодержца [1, с. 92]. Царская власть была ограничена двумя факторами: нормами церковного канона и сложившимися светскими обычаями, и признавалась данной от Бога.

При этом, ключевым становится вопрос о соотношении церковных и светских властей. Светской властью неоднократно предпринимались попытки ограничить экономические и политические возможности церкви, что выразилось в постепенном ограничении церковно-монастырского землевладения с середины XVI в., в обязательном утверждении царём кандидатур патриарха, митрополитов, архиепископов и епископовв соответствии с «Уложением о патриаршестве» [1, с. 98].

Принятие первых общерусских правовых сводов – Судебника 1497 г. и Судебника 1550 г., было связано с процессами создания единого государ-

ства и необходимостью укрепления в первую очередь именно государственной власти. Появляется понятие государственного преступления. Однако церковные отношения в них практически не затрагивались [15, с. 50]. В Судебнике 1550 г. впервые появляется как самостоятельный вид наказания тюремное заключение [15], а на практике уже существуют монастырские тюрьмы [16, с. 21].

Правовой основой деятельности церкви служили как государственные законодательные акты (уставные и жалованные грамоты, княжеские уставы), так и собственный комплекс норм канонического права, заметную роль среди которых занимает «Стоглав» – итоговый документ Церковного собора 1551 г., призванный снять нараставшие противоречия, обеспечить компромисс между светской и церковной властью, как отмечают специалисты [10, с. 74]. Предусматривалось участие в управлении монастырями чиновников. В то же время нормы церковного права и сама церковь продолжали играть важную роль в регламентации нравственной сферы и обрядовой жизни практически всего русского общества, поведения представителей различных сословий, в том числе поведения и образа жизни царя и его окружения. При этом важную регулирующую роль играли постановления поместных Соборов.

Несмотря на имевшиеся противоречия православие являлось основой и русской государственности, и мировоззрения русского народа, определяя порядок и единство в обществе. Поэтому государство и церковь совместно боролись с посягательствами на основы православия. Значительную опасность представлял раскол внутри самого православия, появление еретических течений**.** Уже в документах XIII века встречаются упоминания о казни через сожжение так называемых «волшебников». Церковный Собор 1504 года ужесточил меры, предписав наказывать обвинённых в ереси урезанием языка, тюремным заключением и сожжением. При этом, в отличие от Западной Европы, в России XV-XVI веков не зафиксировано случаев массовых казней на кострах, по справедливым оценкам специалистов [1, с. 180]. Ряд положений Стоглава регулировал уголовно-правовые отношения, в частности, устанавливая наказания за чародейство, отправление языческих обрядов и лжеприсягу. Далее, Собор 1621 года постановил перекрещивать католиков, лютеран и реформатов при их переходе в Православие, однако это решение было отменено последующими Соборами 1656 и 1667 годов. Наконец, Собор 1667 года подтвердил принцип совместного преследования еретиков как церковными, так и государственными уголовными наказаниями [1, с. 169-170]. Серьезные и длительные негативные последствия для единства русского общества были связаны с религиозным расколом, последовавшим после реформ патриарха Никона, которые даже современными специалистами оцениваются неоднозначно [17]. Однако противоречия и разногласия в религиозной сфере зачастую являлись не только идеологическим противостоянием, но и противостоянием на социально-экономической почве [18].

В то же время русский народ сохранял свою веротерпимость, что в полной мере проявлялось при присоединении новых земель и новых народов в период становления единого Российского государства в XVI-XVII веках, а также и позднее. Российская власть не пошла по европейскому конфронтационному пути, а избрала путь национальной и религиозной терпимости, предоставляя право национальным элитам и населению придерживаться своих традиционных религий [19]. Кроме того, начиная с XVII века российское правительство активно привлекало в страну иностранных специалистов, что вынуждало его предоставлять им свободу вероисповедания [19, с. 57].

Решающую роль Русская православная церковь сыграли в период Смутного времени в России в начале XVII века, вновь обеспечив объединение русского народа в борьбе за независимость от внешнего врага, способствовавдуховному подъему в обществе, а также избранию новой царской династии и дальнейшему стабильному развитию государства и общества, на что обращается внимание в литератре [20].

Особый статус Церкви нашёл отражение в Соборном Уложении 1649 года. Впервые в светском законодательном своде были установлены наказания за преступления против веры, причём соответствующие статьи занимали в документе первое место. Таким образом, государство взяло на себя рассмотрение дел, ранее подлежавших церковному суду, что означало существенное ограничение церковной юрисдикции [1, с. 172]. Систему преступлений против Церкви, начало которой положили «церковная татьба» в Судебнике 1497 года и «церковный мятеж» в Стоглаве, Соборное Уложение 1649 года существенно расширило. В него вошли новые составы: «обида» священнослужителя и ключевое понятие «богохульство», объединявшее неверие, отрицание православия, оскорбление святынь и поношение веры [1, с. 180]. Отдельно устанавливалась ответственность за «совращение в басурманство». Предусматривалось деление осужденных и мест заключения на подчиненные светской и церковной юрисдикции [21, с. 11; 22, с. 16].

Выводы

Таким образом, проведенное историческое исследование позволяет говорить о том, что религиозные верования играли значительную роль в формировании и развитии древнерусского общества, в том числе в формировании и развитии его правовых основ и государственности. Сакральное отношение к форме и содержанию норм права, и в то же время веротерпимость проявляются уже на ранних этапах возникновения и развития государства и права у восточных славян. Значительное влияние на становление и развитие государственности и права на Руси оказало принятие восточно-римской модели христианства – православия. Православное христианство и церковь оказали решающее влияние на объединение русских земель и княжеств в одно государство, сохранение независимости от других государств, расширение границ и в то же время развитие международных связей, формирование эффективной системы государственного управления и системы правовых норм, в том числе восприятие передового византийского (греко-римского) опыта и традиций государственно-правового регулирования и устройства общественной жизни, укрепление и возвышение роли княжеской, а затем и царской власти, и в то же время развитие традиций соборного решения наиболее важных государственных вопросов. Положительное влияние православие оказало и на семейно-бытовую сферу, нравственную сферу общества.

Значительное место в правовой системе занимало церковное право, нормы которого были тесно переплетены с другими правовыми нормами. Церковь принимала активное и непосредственное участие в управлении обществом и государством, однако к концу XVII вв. была фактически подчинена государством, ограничена в экономических и политических правах и возможностях. Это в том числе привело к закреплению в светских источниках права норм, регулирующих религиозные отношения. Однако православие по-прежнему оставалось основной религией в Российском государстве.

Список источников

1. Исаев И.А. История государства и права России: учебник. 4-е изд., стер. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. 800 с.

2. Серегин А.В. Новый взгляд на структуру древнеславянской системы права // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2015. № 3 (5). С. 30 – 31.

3. Помпеев Ю.А. Крещение Руси: к 1025-летию принятия восточного христианства на Руси // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4 (17). С. 92 – 100.

4. Усманова А.Ж., Тихоненкова Е.В. Крещение на Руси, его значимость в истории России // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. Т. 3. № 11. С. 1308.

5. Уткевич В.А. Крещение Руси как основной фактор становления русского народа // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 4. С. 47 – 54.

6. Карабаджан Э.А. Крещение Руси – начало Российской государственности // Альманах мировой науки. 2015. № 3-2 (3). С. 22 – 24.

7. Довнарович М.Н., Худолеев А.Н. К вопросу принятия христианства на Руси // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2015. № 30. С. 19 – 24.

8. Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб.: Лань, 1999. 85 с.

9. Ярушева Л.В. Влияние славянского, римского, немецкого права на формирование российских источников права // Genesis: исторические исследования. 2016. № 1. С. 1 – 16.

10. Земцов Б.Н. История отечественного государства и права: Учебно-методический комплекс. М.: Изд-во, 2009. 28 с.

11. Сорокин В.В. Право и православие: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 166 с.

12. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. 19 с.

13. Сухоруков В.А. Русская православная церковь в период монголо-татарского завоевания // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 169 – 175.

14. Кобылкин Р.А. Понятие «патриотизм»: история и современность // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4. С. 161 – 166.

15. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. 50 с.

16. Фумм А.М. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской империи (конец XVIII – 70-е годы XIX века): дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2004. 180 с.

17. Кричевский Б.В. Деятельность царя Алексея Михайловича по пресечению церковного раскола // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 9. № 47. С. 127 – 133.

18. Панова И.А. Государство и церковь в России XVII века. Раскол в русской православной церкви // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2003. № 2. С. 87 – 108.

19. Миненко С.В. Обращение в православие как закономерный фактор имперской интеграции в России XVIII-XIX вв. // Научный поиск. 2014. № 3.2. С. 57 – 63.

20. Белкин А.И. Церковь в Смутное время // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2010. № 4. С. 34 – 41.

21. Детков М. Г. Наказание в царской России. Система его исполнения / М-во внутр. дел Рос. Федерации. Москва: Информ.-изд. агентство "Интерправо", 1994. 119 с.

22. Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII-XIX вв. : автореферат дис. ... канд. историч. наук. Вологда, 2000. 22 с.

References

1. Isaev I.A. History of the State and Law of Russia: Textbook. 4th ed., reprinted. Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. 800 p.

2. Seregin A.V. A New Look at the Structure of the Ancient Slavic Legal System. Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2015. No. 3 (5). P. 30 – 31.

3. Pompeev Yu.A. Baptism of Rus: on the 1025th Anniversary of the Adoption of Eastern Christianity in Rus. Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts. 2013. No. 4 (17). P. 92 – 100.

4. Usmanova A.Zh., Tikhonenkova E.V. Baptism in Rus, Its Significance in the History of Russia. Bulletin of Medical Internet Conferences. 2013. Vol. 3. No. 11. P. 1308.

5. Utkevich V. A. Baptism of Rus as the Main Factor in the Formation of the Russian People. Language and Text. 2015. Vol. 2. No. 4. P. 47 – 54.

6. Karabadzhan E.A. Baptism of Rus – the Beginning of Russian Statehood. Almanac of World Science. 2015. No. 3-2 (3). P. 22 – 24.

7. Dovnarovich M. N., Khudoleev A. N. On the Adoption of Christianity in Rus'. Intellectual Potential of the 21st Century: Stages of Knowledge. 2015. No. 30. P. 19 – 24.

8. Belyaev I.D. History of Russian Legislation. St. Petersburg: Lan, 1999. 85 p.

9. Yarusheva L.V. The Influence of Slavic, Roman, and German Law on the Formation of Russian Legal Sources. Genesis: Historical Research. 2016. No. 1. P. 1 – 16.

10. Zemtsov B.N. History of the Domestic State and Law: Educational and Methodological Complex. Moscow: Publishing House, 2009. 28 p.

11. Sorokin V.V. Law and Orthodoxy: Monograph. Barnaul: Publishing House of Altynai University, 2007. 166 p.

12. Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 Volumes. Volume 1: Legislation of Ancient Rus'. Moscow: Legal Literature, 1984. 19 p.

13. Sukhorukov V.A. The Russian Orthodox Church during the Mongol-Tatar conquest. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1 (32). P. 169 – 175.

14. Kobylkin R.A. The concept of "patriotism": history and modernity. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 4. P. 161 – 166.

15. Russian legislation of the 10th – 20th centuries: in 9 volumes. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. edited by O.I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature, 1985. 50 p.

16. Fumm A.M. Legal regulation of the execution of criminal punishment in the form of imprisonment in the Russian Empire (late 18th – 1870s): diss. … cand. jurid. sciences. Moscow, 2004. 180 p.

17. Krichevsky B.V. The activities of Tsar Alexei Mikhailovich to suppress the church schism. Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2007. Vol. 9. No. 47. P. 127 – 133.

18. Panova I.A. State and Church in Russia in the 17th Century. Schism in the Russian Orthodox Church. Bulletin of Higher Educational Institutions. Problems of Printing and Publishing. 2003. No. 2. P. 87 – 108.

19. Minenko S.V. Conversion to Orthodoxy as a Natural Factor of Imperial Integration in Russia in the 18th–19th Centuries. Scientific Search. 2014. No. 3.2. P. 57 – 63.

20. Belkin A.I. The Church in the Time of Troubles. Humanitarian: Current Problems of Science and Education. 2010. No. 4. P. 34 – 41.

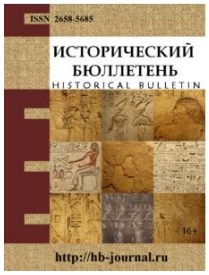
21. Detkov M.G. Punishment in Tsarist Russia. The System of Its Execution. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow: Information and Publishing Agency "Interpravo", 1994. 119 p.

22. Pavlushkov A.R. Penitentiary Practice of Northern Monasteries of the 18th – 19th Centuries: Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Vologda, 2000. 22 p.

Информация об авторе

Середа С.П., кандидат юридических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики Федеральной сужбы исполнения наказаний России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 32.019.5

Конструирование образа «исламиста» в СМИ Таджикистана и Узбекистана

[1] Хафизова З.А.,
[1, 2] Куделин А.А.,
[1] Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
[2] Государственный академический университет гуманитарных наук,

Аннотация: статья посвящена анализу конструирования образа «исламиста» в государственных и окологосударственных СМИ Таджикистана и Узбекистана в период с 2014 года по настоящее время. В исследовании выявляются механизмы использования медиадискурса как инструмента «мягкой силы» для легитимизации политики безопасности и укрепления светской модели государства. На основе сравнительного анализа материалов ведущих СМИ двух стран авторы выделяют ключевые нарративы, используемые при формировании образа «исламиста»: угроза национальной безопасности, внешняя угроза и предательство национальных интересов. Показано, что в таджикских СМИ преобладает эмоционально-трагедийный нарратив, отсылающий к гражданской войне, тогда как в узбекских СМИ доминирует бюрократически-правовой дискурс. Установлено, что, несмотря на различия в риторике, в обеих странах образ «исламиста» целенаправленно упрощается и демонизируется, что способствует консолидации общества вокруг действующей власти и обоснованию существующей модели светского авторитаризма.

Ключевые слова: исламист, СМИ, Таджикистан, Узбекистан, медиадискурс, образ, национальная безопасность, светское государство, нарратив, сравнительный анализ

***Для цитирования**: Хафизова З.А., Куделин А.А. Конструирование образа «исламиста» в СМИ Таджикистана и Узбекистана // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 156 – 161.*

Поступила в редакцию: 29 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 27 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Constructing the image of an “Islamist” in the media of Tajikistan and Uzbekistan

[1] Khafizova Z.A.,
[1, 2] Kudelin A.A.,
[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
[2] State Academic University for the Humanities

Abstract: the article analyzes the construction of the image of the "Islamist" in state and semi-state media in Tajikistan and Uzbekistan from 2014 to the present. The study reveals how media discourse is used as a tool of "soft power" to legitimize security policies and strengthen the secular model of the state. Based on a comparative analysis of materials from leading media in the two countries, the authors identify key narratives used in shaping the image of the "Islamist": a threat to national security, an external threat, and betrayal of national interests. It is shown that Tajik media predominantly use an emotional and tragic narrative referring to the civil war, while Uzbek media are dominated by a bureaucratic and legal discourse. It is established that, despite differences in rhetoric, in

both countries the image of the "Islamist" is deliberately simplified and demonized, which contributes to the consolidation of society around the current government and justifies the existing model of secular authoritarianism.

Keywords: islamist, mass media, Tajikistan, Uzbekistan, media discourse, image, national security, secular state, narrative, comparative analysis

***For citation**: Khafizova Z.A., Kudelin A.A. Constructing the image of an "Islamist" in the media of Tajikistan and Uzbekistan. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 156 – 161.*

The article was submitted: August 29, 2025; Approved after reviewing: October 27, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Средства массовой информации (СМИ) с самого начала своего существования формировали общественное мнение. В мире цифровых технологий СМИ не просто формируют общественное мнение, а действуют как инструмент «мягкой силы» [17]. Этим активно пользуются правительства различных стран в легитимизации государственной политики безопасности. Например, в условиях сохранения угроз религиозно-политического экстремизма в Центральной Азии официальные СМИ Таджикистана и Узбекистана активно конструируют образ «исламиста» для укрепления светской модели государства [15].

Для начала хотелось бы обозначить, кто такой «исламист». В нашем понимании это последователь идей исламизма. И здесь возникает проблема, так как для большинства людей, в том числе и для академических кругов, такое явление как исламизм имеет крайне негативную окраску. Например, Г.И. Мирский, характеризует явление как «политическое движение, базирующееся на радикальной идеологии, суть которой фундаментализм, убежденность в том, что все беды мусульманского мира происходят от забвения основ «чистого, истинного ислама предков», от попыток воспринять чуждые ценности и не подходящий для мусульман светское устройство общества» [9]. С данным определением мы согласится не можем, так как оно характеризует явление только с одной, негативной, стороны. Но есть исследователи, которые дают более полные и общие определения явлению. Например, Л.Е. Гринин, по его мнению, «исламизм – это политическое и социальное направление и идеология, широко распространенная в мусульманском мире. Он основывается на идеях высокой ценности и превосходства ислама … на том, чтобы, сообразуясь современными реалиями, политически объединить мусульман…» [5]. Исходя именно из этого определения, мы будем строить наши дальнейшие выводы по статье.

Ситуация, когда понятие «исламист» стал ассоциироваться у большинства людей, как нечто крайне негативное, возникла как результат работы СМИ в формировании общественного мнения. Массовый характер явление по замене понятий приобретает в связи с антиисламской политикой США, которая берет свое начало 11 сентября 2001 года.

Материалы и методы исследований

Основой для исследования послужили материалы государственных СМИ Таджикистана и Узбекистана, отобранные по следующим критериям: во-первых, принадлежность к медиасистеме страны – для рассмотрения внутреннего дискурса, во-вторых, охват аудитории – рассматривались СМИ с высокой посещаемостью и широким влиянием, в-третьих, тип издания – в основном это те, средства коммуникации, которые представляют официальное мнение правительства, но для более точного анализа, в выборке присутствуют и окологосударственные СМИ. Корпус источников относительно конструирования образа исламиста в Таджикистане состоит из следующих СМИ: Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар» – считается главным источником официальных новостей[13]; «Народная газета» - центральная общественно-политическая газета, также является одним из официальных изданий правительства республики Таджикистан[10]; в противовес полностью государственным СМИ было выбрано одно лояльное с элементами независимости – «Asia – plus Tajikistan» [8]. Корпус материалов по Узбекистану представлен следующими СМИ: государственными информационными агентствами «UZ24» [3], «UZA» [12] и газетой «Gazeta» [1]. Стоит отметить, что все представленные СМИ имеют контент не только на национальном языке, но и на русском, что позволит провести более качественный анализ.

Отбор публикаций проводился по ключевым словам: «исламист», «экстремист», «террорист», «ИГ» (организация, запрещенная на территории РФ), «Талибан», «религиозная безопасность» и тп. Выводы формулировались на основе множества публикаций в СМИ, однако в самой научной работе представлена выборка.

Хронологические рамки определены с 2014 года по настоящее время. Нижняя граница обусловлена провозглашением «Исламского государства» (ИГ, организация, провозглашенная террористической и запрещенная на территории Российской Федерации) и началом массового выезда граждан Центральной Азии в зоны конфликтов на Ближнем Востоке. Это событие знаменует переход от образа «исламиста» как участника локальных политических процессов, например, Гражданской войны в Таджикистане 1992-1997 гг., к образу глобализированного террориста. Данный период характеризуется пиком медиатизации темы, что видно, например, на графике упоминаний слова «исламист» по данным Google books Ngram Viewer (рис. 1)

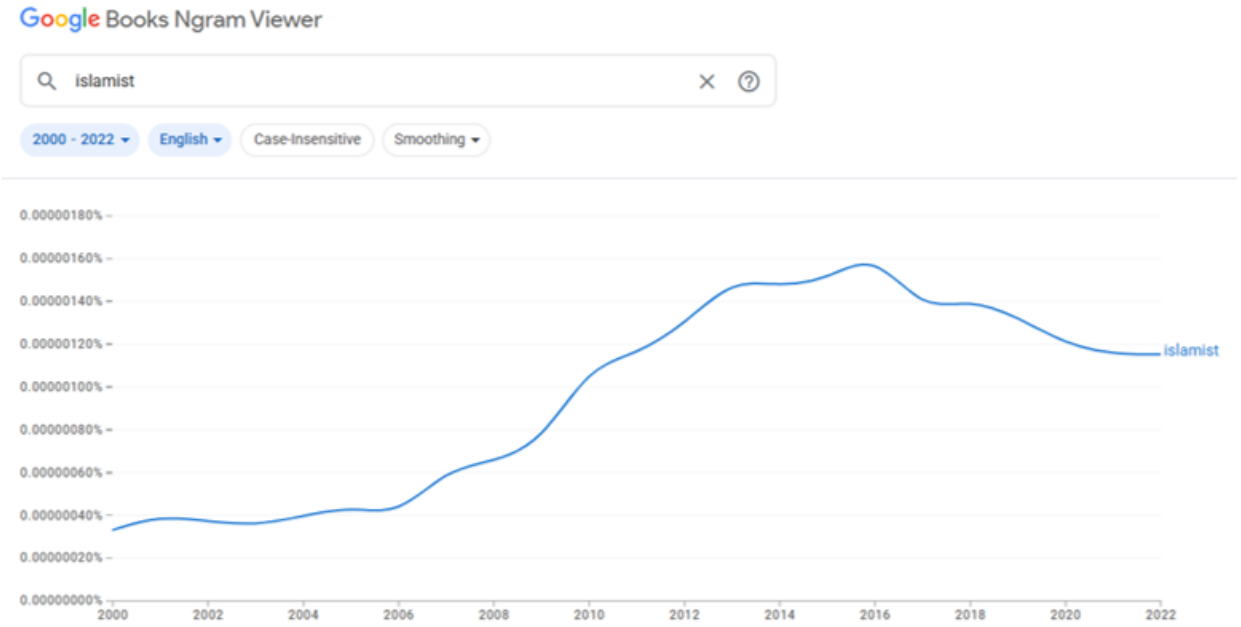


Рис. 1. Динамика упоминаний слова «исламист».
Fig. 1. Dynamics of mentions of the word “Islamist”.

Верхняя граница позволяет включить в анализ реакцию СМИ на установление власти «Талибана» в Афганистане и ее последствия. Это актуализировало образ «исламиста» как близкой и постоянной угрозы у границ, внесло коррективы в нарративы национальной безопасности в медиапространстве обоих государств и позволяет изучить современную конфигурацию изучаемого образа.

Для качественного анализа материалов был применен ряд методов, включавших в себя анализ ярлыков, эпитетов и синонимических рядов, которые отмечены в СМИ, определение национальной специфики освещения одних и тех же событий в СМИ Таджикистана и Узбекистана. Проводился качественный анализ материалов СМИ за период с 2014 по настоящее время для выявления частоты употребления ключевых терминов, тональности публикаций и основных тем, ассоциируемых с образом «исламиста».

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ публикаций в государственных и окологосударственных СМИ Таджикистана и Узбекистана позволил выявить ключевые нарративы в конструировании образа «исламиста». Результаты демонстрируют, что, несмотря на общею цель – укрепление светской модели государства – медийные стратегии двух стран имеют заметную специфику, обусловленную политическим и историческим контекстом.

В СМИ обоих стран наблюдается тотальная синонимизация понятий «исламист», «террорист», «экстремист». Однако в Таджикских СМИ чаще используется эмоционально окрашенная лексика, связанная с врагами и предателями [4] («предатели нации», «недруги»), что отсылает к травме гражданской войны. В этом же ключе, говоря об исламистах, в СМИ часто вспоминают Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) (организация, запрещенная на территории РФ), которая на данный момент признана террористической и запрещена на территории Таджикистана. В узбекских СМИ доминирует более сухой бюрократический язык в рамках правового поля [14] («лица, участвующие в деятельности террористической организации», «члены террористических структур»). Эта разница в лексиконе не случайна, исто-

рический контекст Таджикистана делает нарратив «предательства» особенно резонансным для общественного сознания. В Узбекистане, где сильна традиция авторитарного правления, акцент на юридических формулировках легитимизирует действия силовых структур и выводит образ «исламиста» из поля публичной дискуссии в поле сугубо правоохранительной деятельности.

Анализ показал, что образ «исламиста» вписывается в три основных нарратива. Во-первых, это угроза национальной безопасности и стабильности. В публикациях действия исламистов напрямую связывают с дестабилизацией обстановки, подрывом конституционного строя и угрозой мирной жизни граждан [18]. Данный контекст служит для консолидации общества вокруг действующей власти, которая позиционируется как единственный гарант стабильности. Такая же роль и у иранский СМИ: «все, что реализует руководство страны идет только во благо и направлено на защиты национальных интересов» [10]. Во-вторых, нарратив внешней угрозы и деструктивного влияния. Образ «исламиста» последовательно отрывается от локального контекста и представляется как продукт внешнего влияния. Активно используются формулировки «иностранные боевики», «внешняя угроза». Особенно ярко проявилось в освещении темы ИГ (организация, запрещенная на территории РФ), и талибов [6]. Данный контекст позволяет снять с общества и государства ответственность за возникновение радикальных настроений. Угроза представляется не внутренней политикой государства, а чем-то чужеродным, что оправдывает жесткие меры по защите национальных границ и информационного пространства. В-третьих, контекст предательства национальных интересов. Как уже отмечалось выше, тема предательства более характерна для Таджикистана, ввиду исторических событий прошлого. Здесь, граждане, примкнувшие к исламским группировкам, изображаются не просто как преступники, а как предатели, пошедшие против своей веры и нации [2]. Такой контекст противопоставляет правильный, одобряемый государством традиционный ислам – неправильному, радикальному, ассоциируемому с предательством.

Мы приходим к выводу, что большинство проанализированных публикаций имеют строго негативную тональность по отношению к объекту освещения. Это свидетельствует об отсутствии в официальном медиапространстве попыток дать сложный, многогранный анализ явления. Образ намеренно упрощается и демонизируется для более эффективного воздействия на аудиторию.

Выводы

Таким образом, в обеих странах средства массовой информации выполняют ключевую функцию по легитимизации государственной политики безопасности, целенаправленно формируя единый, упрощенный и сугубо негативный образ «исламиста». Этот образ служит консолидации общества вокруг действующей власти, позиционирующий себя как единственный гарант стабильности и светского развития. Касаемо национальной специфики медийных стратегий, то в СМИ Таджикистана доминирует эмоционально-трагедийных нарратив, насыщенный лексикой «предательства» и «вражды», что является прямым отзвуком гражданской войны и ПИВТ(организация, запрещенная на территории РФ). В узбекских СМИ преобладает бюрократически-правовой дискурс, где «исламист» описывается в рамках сухих юридических формулировок как «член террористической организации». Выявлены три нарратива, через которые подается образ «исламист»: как угроза национальной безопасности, как внешняя угроза и как предательство национальных интересов.

Конструируемый образ «исламиста» является не отражением объективной реальности, а продуктом целенаправленной медиаполитики. Он выполняет важнейшую идеологическую функцию по обоснованию существующей модели светского авторитаризма, маргинализируя и демонизируя любые формы политического ислама. Несмотря на различия в риторике, конечная цель медийного дискурса в обеих странах едина: укрепление существующего порядка через создание образа универсальной и постоянной угрозы.

Финансирование

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема №FZNF2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»)

Список источников

1. «Gazeta»: официальный сайт. Ташкент, 2008-2025. URL: https://www.gazeta.uz/ru/
2. 34 года независимости: нелегкий путь к светлому будущему [Электронный ресурс] // «Народная газета». 2025. URL: https://narodnaya.tj/2025/09/04/34-goda-nezavisimosti-nelegkij-put-k-svetlomu-budushhemu/ (дата обращения: 10.07.2025)
3. UZ24: официальный сайт. Ташкент, 2025. URL: https://uz24.uz/ru
4. В Турции состоялся международный симпозиум под названием «Противостояние террористической организации возрождения» [Электронный ресурс] // НИАТ «Ховар». 2019. URL: https://khovar.tj/rus/2019/02/v-turtsii-sostoyalsya-mezhdunarodnyj-simpozium-pod-nazvaniem-protivostoyanie-terroristicheskoj-organizatsii-vozrozhdeniya/ (дата обращения: 10.07.2025)
5. Гринин Л.Е. Исламизм: история и современность // История и современность. 2019. № 2 (32). С. 3-35. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/islamizm-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 15.05.2025)
6. ИГИЛ расширяет свои сети в Центральной Азии [Электронный ресурс] // НИАТ «Ховар». 2019. URL: https://khovar.tj/rus/2019/04/igil-rasshiryaet-svoi-seti-v-tsentralnoj-azii/ (дата обращения: 10.07.2025)
7. Идеология джихадизма – угроза национальной безопасности [Электронный ресурс] // «Народная газета». 2025. URL: https://narodnaya.tj/2025/03/20/ideologija-dzhihadizma-ugroza-nacionalnoj-bezopasnosti/ (дата обращения: 10.07.2025)
8. Информационное агентство ASIA-Plus Таджикистан: официальный сайт. Душамбе, 1997-2025. URL: https://asiaplustj.info/ru
9. Мирский, Г. И. Радикальный исламизм: идейно-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, июль 2015. 52 с. URL: https://ru.valdaiclub.com
10. Муллахметова Д.И., Куделин А.А. Репрезентация иранской политики кибербезопасности в СМИ Исламской Республики Иран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 1. С. 45 – 55. doi: 10.22363/2312-8127-2023-15-1-45-55
11. Народная газета: официальный сайт. URL: https://narodnaya.tj/
12. Национальное информационное агентство Узбекистана – УзА: официальный сайт. Ташкент. URL: https://uza.uz/ru
13. НИАТ «Ховар»: официальный сайт. Душамбе. URL: https://khovar.tj/rus/
14. Оглашен приговор суда в отношении лица, участвовавшего в деятельности террористической организации [Электронный ресурс]. «UZA». 2023. URL: https://uza.uz/ru/posts/oglashen-prigovor-suda-v-otnoshenii-lica-uchastvovavshego-v-deyatelnosti-terroristicheskoy-organizacii_457644 (дата обращения: 10.07.2025)
15. Ольссон Х. Ислам и светское государство в Узбекистане: государственный контроль над религией и его влияние на понимание светскости [Электронный ресурс]: пер. с англ. Т.П. Прокопенко // Cahiers d'Asie centrale. 2011. № 19-20. С. 485 – 493. Пер. загл.: Islam and Secular State in Uzbekistan: State control of Religion and its implications for the understanding of secularity. URL: https://religious-life.ru/2025/04/ohlsson-islam-and-secular-state-in-uzbekistan/#_ftnref2 (дата обращения: 20.05.2024)
16. Серенко: «Мы можем столкнутся с ситуацией, когда талибы начнут вырастать у нас дома» [Электронный ресурс] // «Азия-плюс Таджикистан». 2021. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20211006/serenko-mi-mozhem-stolknutsya-s-situatsiei-kogda-talibi-nachnut-virastat-u-nas-doma (дата обращения: 10.07.2025)
17. Тилов Т.К. Внешняя политика XXI века: СМИ как инструмент мягкой силы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-xxi-veka-smi-kak-instrument-myagkoy-sily (дата обращения: 11.07.2025)
18. Целью террориста является дестабилизация в обществе [Электронный ресурс] // НИАТ «Ховар». 2018. URL: https://khovar.tj/rus/2018/09/tselyu-terrorista-yavlyaetsya-destabilizatsiya-v-obshhestve-ofitsialnoe-obrashhenie-akademii-nauk-rt-k-organizatsii-po-bezopasnosti-i-sotrudnichestvu-v-evrope-obse/ (дата обращения: 10.07.2025)

References

1. Gazeta: Official Website. Tashkent, 2008-2025. URL: https://www.gazeta.uz/ru/
2. 34 Years of Independence: A Difficult Path to a Bright Future [Electronic Resource]. Narodnaya Gazeta. 2025. URL: https://narodnaya.tj/2025/09/04/34-goda-nezavisimosti-nelegkij-put-k-svetlomu-budushhemu/ (Accessed: 10.07.2025)

3. UZ24: Official Website. Tashkent, 2025. URL: https://uz24.uz/ru

4. An International Symposium Entitled "Confronting the Terrorist Revival Organization" Was Held in Turkey [Electronic Resource]. NIAT Khovar. 2019. URL: https://khovar.tj/rus/2019/02/v-turtsii-sostoyalsya-mezhdunarodnyj-simpozium-pod-nazvaniem-protivostoyanie-terroristicheskoj-organizatsii-vozrozhdeniya/ (date of access: 10.07.2025)

5. Grinin L.E. Islamism: History and Modernity. History and Modernity. 2019. No. 2 (32). Pp. 3-35. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/islamizm-istoriya-i-sovremennost (date of access: 15.05.2025)

6. ISIS Expands Its Networks in Central Asia [Electronic Resource]. NIAT "Khovar". 2019. URL: https://khovar.tj/rus/2019/04/igil-rasshiryaet-svoi-seti-v-tsentralnoj-azii/ (date of access: 10.07.2025)

7. The ideology of jihadism is a threat to national security [Electronic resource]. Narodnaya Gazeta. 2025. URL: https://narodnaya.tj/2025/03/20/ideologija-dzhihadizma-ugroza-nacionalnoj-bezopasnosti/ (date of access: 10.07.2025)

8. ASIA-Plus Tajikistan Information Agency: official website. Dushambe, 1997-2025. URL: https://asiaplustj.info/ru

9. Mirsky G.I. Radical Islamism: Ideological and Political Motivation and Influence on the Global Muslim Community: Report of the Valdai International Discussion Club, Moscow, July 2015. 52 p. URL: https://ru.valdaiclub.com

10. Mullakhmetova D.I., Kudelin A.A. Representation of Iranian Cybersecurity Policy in the Media of the Islamic Republic of Iran. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: General History. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 45 – 55. doi: 10.22363/2312-8127-2023-15-1-45-55

11. Narodnaya Gazeta: official website. URL: https://narodnaya.tj/

12. National News Agency of Uzbekistan – UzA: official website. Tashkent. URL: https://uza.uz/ru

13. NIAT "Khovar": official website. Dushanbe. URL: https://khovar.tj/rus/

14. The court verdict was announced against a person who participated in the activities of a terrorist organization [Electronic resource]. "UZA". 2023. URL: https://uza.uz/ru/posts/oglashen-prigovor-suda-v-otnoshenii-lica-uchastvovavshego-v-deyatelnosti-terroristicheskoy-organizacii_457644 (date of access: 10.07.2025)

15. Olsson H. Islam and the Secular State in Uzbekistan: State Control over Religion and Its Influence on the Understanding of Secularism [Electronic resource]: trans. from English. T.P. Prokopenko. Cahiers d'Asie centrale. 2011. No. 19-20. P. 485 – 493. Trans. title: Islam and Secular State in Uzbekistan: State control of Religion and its implications for the understanding of secularity. URL: https://religious-life.ru/2025/04/ohlsson-islam-and-secular-state-in-uzbekistan/#_ftnref2 (date of access: 20.05.2024)

16. Serenko: "We may face a situation where the Taliban begin to grow up at home" [Electronic resource]. "Asia-plus Tajikistan". 2021. URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20211006/serenko-mi-mozhem-stolnutsya-s-situatsiei-kogda-talibi-nachnut-virastat-u-nas-doma (date of access: 10.07.2025)

17. Tilov TK Foreign Policy of the 21st Century: Media as an Instrument of Soft Power. Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences. 2014. No. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-xxi-veka-smi-kak-instrument-myagkoy-sily (date of access: 11.07.2025)

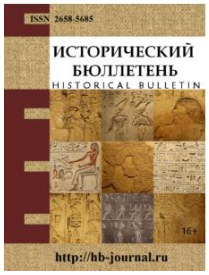
18. The Goal of a Terrorist is to Destabilize Society [Electronic Resource]. NIAT "Khovar". 2018. URL: https://khovar.tj/rus/2018/09/tselyu-terrorista-yavlyaetsya-destabilizatsiya-v-obshhestve-ofitsialnoe-obrashhenie-akademii-nauk-rt-k-organizatsii-po-bezopasnosti-i-sotrudnichestvu-v-evrope-obse/ (date of access: 10.07.2025)

Информация об авторах

Хафизова З.А., Российский университет дружбы Народов им. Патриса Лумумбы, xafizovaz@bk.ru

Куделин А.А., кандидат исторических наук, доцент, Государственный академический университет гуманитарных наук; кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, kudelin_aa@pfur.ru

© Хафизова З.А., Куделин А.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 392.9:396.4

Формы трансляции женских рукодельных навыков в башкирской культуре

[1] Баязитова Р.Р.,
[1] Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы,
Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Аннотация: целью исследования является анализ форм и методов передачи рукодельного опыта в прошлом, а также изучение современных подходов популяризации и сохранения традиционных женских ремесел. Источниковая база исследования включает как опубликованные материалы, так и неопубликованные данные, включая полевые записи, собранные автором в сельских поселениях Республики Башкортостан (далее – РБ) в 2024-2025 гг. В работе использованы аналитический, сравнительно-исторический и описательный методы исследования. Результаты работы быть могут использованы в этнографических и культурологических изысканиях, а также в практике сохранения этнокультурного наследия.

Анализ исторической и современной роли рукоделия в жизни женщин показал, что его функции изменились: от жизненной необходимости к форме проведения досуга. В процессе исследования автором определены разнообразные формы и способы передачи рукодельного опыта: семейные традиции, обучение у мастеров, коллективные работы – помочи («өмә»), деревенские посиделки, общественные объединения женщин, праздники и фестивали ремёсел, а также письменные источники.

Женское рукоделие выступало важным социокультурным инструментом: обеспечивало общение и взаимодействие в обществе, семье, способствовало социализации молодежи, служило механизмом трансляции культурных ценностей.

Ключевые слова: башкиры, женское рукоделие, коллективный труд, фестивали ремесел, ручная работа

***Для цитирования**: Баязитова Р.Р. Формы трансляции женских рукодельных навыков в башкирской культуре // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 162 – 166.*

Поступила в редакцию: 30 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 28 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Forms of transmitting women’s handicraft skills in Bashkir culture

[1] Bayazitova R.R.,
[1] Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the study aims to examine the historical forms and methods through which handicraft knowledge was transmitted, as well as to investigate contemporary approaches to the promotion and preservation of traditional women’s crafts. The source base includes both published and unpublished materials, including field notes collected by the author in rural settlements of the Republic of Bashkortostan in 2024-2025. The research employs analytical, comparative-historical, and descriptive methods. The results may be applied in ethnographic and cultural studies, as well as in practical efforts aimed at safeguarding ethnocultural heritage.

The analysis of the historical and contemporary roles of women’s handicrafts demonstrates a shift in their functions – from a vital necessity to a form of leisure activity. The study identifies diverse mechanisms for transmitting

craft knowledge: family traditions, apprenticeship with skilled artisans, collective work practices such as pomochi (“өмә”), village gatherings, women’s community organizations, craft festivals and celebrations, as well as written sources.

Women’s handicraft practices served as an important sociocultural medium, facilitating communication and interaction within communities and families, contributing to youth socialization, and functioning as a vehicle for the transmission of cultural values.

Keywords: Bashkirs, women’s handicrafts, collective labor, craft festivals, handwork

***For citation**: Bayazitova R.R. Forms of transmitting women’s handicraft skills in Bashkir culture. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 162 – 166.*

The article was submitted: August 30, 2025; Approved after reviewing: October 28, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

С давних времён женщины занимались различными видами рукоделия: создавали одежду, предметы быта и украшения и т. п. Это было для них не развлечением, а способом обеспечить семью материальными благами. Рукоделие было важным аспектом традиционной культуры, особой формой организации общения, передачи жизненного опыта.

Отдельные вопросы декоративно-прикладного искусства башкир получили научное осмысление в трудах таких ученых, как С.А. Авижанская (в соавторстве с Н.В. Бикбулатовым, Р.Г. Кузеевым) [1], а также З.М. Давлетшина [3], Е.Е. Нечвалода [6], С.И. Руденко [8], С.Н. Шитова [10] и др. Важно подчеркнуть, что на протяжении многих лет монография С.И. Руденко «Башкиры» остается основополагающим трудом, где автором очерчены важные аспекты развития материальной культуры, включая декоративное искусство. Однако в трудах названных авторов мало внимания уделялось механизмам трансляции знаний о женских ремеслах. Целью исследования является рассмотрение форм и методов передачи рукодельного опыта в прошлом, а также современные подходы популяризации и сохранения традиционных женских ремесел.

Материалы и методы исследований

Статья подготовлена на основе неопубликованных и опубликованных источников, включая полевые материалы автора (2024-2025 гг.). Исследование проведено с применением аналитического анализа, а также сравнительно-исторического, описательного методов.

Результаты и обсуждения

Декоративно-прикладное искусство башкирского народа формировалось под воздействием разных факторов: природных условий, географического расположения, хозяйственной деятельности, верований и религии, традиций и обычаев, а также взаимодействия с другими народами, развития ремесел и технологий. Наиболее распространёнными видами рукоделия были прядение, ткачество, вышивка, вязание, шитьё, войлоковаляние, изготовление украшений и др.

Популярность изделий ручной работы обусловлена сферой их применения и их функциями. С.Н. Шитова отмечает: «Создаваемые в народном быту вещи имели не только практическое, утилитарное, но и эстетическое, социально знаковое, религиозное значение» [10, с. 5]. В прошлом изделия ручной работы наделялись определенным символическим значением и в зависимости от контекста они передавали различную информацию. Так, предметы интерьера демонстрировали мастерство и социальный статус хозяев, элементы декора одежды выражали положение владельца в обществе, семье, а подарки несли особый смысл, который варьировал в зависимости от ситуации и участников общения. Например, вышитое полотенце выполняло различные функции: «Вручение орнаментированного полотенца свату родителями девушки обозначало согласие на брак, одаривание полотенцем старших мужских родственников супруга (младше его родителей) означало прекращение избегания, вхождение в семью. В народных праздниках полотенце помогало передавать атмосферу праздника, выполняло информативную функцию, помогая определять место проведения мероприятия, родовую принадлежность батыров и т.п. Подготовка подарка в виде вышитого полотенца самой молодой невесткой аула победителю состязаний на празднике символизировало ее принятие в новое общество. В гостевом этикете полотенце выступало предметом дарообмена, закрепляющим родственные, дружеские связи…» [2, с. 290]. В свадебной обрядности часто применялся войлок, вышитые платочки, харауси, нагрудные повязки и другие изделия ручной работы. Жилище башкир также украшалось изделиями ручной работы.

Таким образом, предметы интерьера, одежды и бытового обихода, сделанные вручную, находили

широкое применение в традиционной культуре. Следовательно, в прошлом особое внимание уделяли обучению навыкам рукоделия. В советский период, в связи с развитием массового производства товаров, рукоделие немного отшло на второй план. В современности вновь возрождается интерес к традиционным изделиям, развиваются некоторые женские ремесла.

Рукодельный опыт передавался посредством разнообразных форм и способов: семейные традиции, обучение у мастеров, коллективные работы – помочи («өмә»), деревенские посиделки, общественные объединения женщин, праздники и фестивали ремёсел, а также письменные источники.

Передача навыков и знаний осуществоялось от родителей к детям, от старшего поколения к младшему. Как отмечает С.Н. Шитова: «Вышивание у башкир было самым распространенным видом женского рукоделия. Уже с 8-10 лет девочки начинали вышивать. Овладев мастерством, приступали к подготовке приданого: свадебной вышитой одежды для себя и будущего мужа, подарков для его родственников и для гостей» [7, с. 38]. Сейчас также данная форма обучения остается актуальной. Например, В Альшеевском районе РБ информант Воронцова З.Х. освоила искусство ткачества от своей матери, а та, в свою очередь, научилась этому мастерству у своей родительницы (ПМА 1). Согласно полевым материалам, сегодня наблюдается рост интереса к изготовлению узорных полотенец. Это связано с возрождением этнокультурных традиций и стремлением сохранить национальную идентичность в современных условиях. По данным информантов, узоры для своих полотенец они воспроизводят с тех изделий, которые принадлежали их матерям (ПМА 3). Таким образом происходит сохранение, трансляция культурной памяти, превращение изделий ручной работы в сакральный предмет, объединяющий несколько поколений.

Молодые обучались женским ремеслам у опытных мастеров, перенимая их навыки и знания. Например, в Баймакском районе РБ информант Яхина М.М. научилась ткать ковры у опытной мастерицы этого же района Гафаровой Р.Ш. Чтобы овладеть этим искусством, она специально ездила к ней и освоила процесс изготовления старинного ткацкого станка, а также методы ткачества (ПМА 2). В Альшеевском районе РБ опытные мастерицы проводят обучение по ковроткачеству (ПМА 1).

В прошлом, да и сейчас женщины устраивали помочи («өмә»), особенно при выполнении трудоемких работ, например, при изготовлении войлока. Старшие по возрасту обучали определенному ремеслу, помогали советами, никто не обижался на замечания взрослых: «Эшең миңә булһа, өйрәнеүең үҙеңә» (Помощь оказываешь мне, а навыки приобретаешь себе), – говорят пожилые, подчеркивая значение помочи. Если кого-то не приглашали на «өмә», то это негативно сказывалось на его репутации. Галимжан Таган писал: «На выработку войлока каждый хозяин приглашает участников на общую работу (өмә). Если какую-то девушку или молодайку не приглашают, то это принимается за обиду и оскорбление» [9, с. 102]. Часто в процессе совместной трудовой деятельности присматривали невест для своих сыновей. М. Карим в своей повести писал: «Сноровистая да работящая девушка после “помочи” в цене-достоинстве быстро поднимается. Чаще и старухи-свахи, из чулка правую штанину выпустив, к ней в дом наведываются. На “помочь” зовут с выбором: чтобы днем в работе был толк и вечером за столом не оплошал. Попасть на “помочь” за почет считается. Конечно, есть и такие беззастенчивые, что и приглашения не ждут, сами являются» [4, с. 167-168].

Деревенские посиделки («аулак өй», «урнаш», «кис ултырыу») также имели важное значение в передаче рукодельного опыта, сохранении культурного наследия. «Аулак өй» (свободный дом) у башкир проводился осенью и зимой в отсутствие родителей, обычно под присмотром взрослой женщины. Изначально в посиделках участвовали девушки 14–18 лет, которые занимались различными видами рукоделия: вышивали, вязали, делились опытом, общались. Л.И. Нагаева отмечала, что «аулак өй» выполнял воспитательную функцию и целенаправленно готовил девушек к будущей семейной жизни: «Первоначально это были, очевидно, собрания девушек для совместной работы. Девушки брали с собой пряжу, вязанье, шитье и др. В перерывах между работой они угощались, пили чай, плясали, играли. По домам расходились поздно вечером» [5, с. 91].

Данная традиция сохранялась и в советское время. Женщины проводили зимние вечера вместе у одной из хозяек, занимаясь рукоделием, преимущественно вязанием.

В настоящее время общественные объединения женщин играют важную роль в сохранении и передаче традиций рукоделия. Такие объединения, как «Ағинәйҙәр», «Оҫтабикәләр» и другие создают пространство для творчества, обмена опытом и развития творческих способностей. В процессе сбора полевого материала в 2024-2025 гг. многие мастерицы отмечали, что начали заниматься рукоделием именно благодаря участию в этих сообществах. Например, информант из Баймакского

района изготовила «сергетыш» – накидку на лошадь, налобные украшения в рамках участия в совместных проектах, организованных общественными объединениями женщин (ПМА 2).

В настоящее время наиболее распространенными формами популяризации ручных изделий являются праздники и фестивали ремёсел, где мастера демонстрируют свои работы, делятся опытом с посетителями. В последние годы в республике прошли различные мероприятия, приведем некоторые из них.

Несколько лет подряд в Альшеевском районе РБ проходит Республиканский фестиваль-конкурс башкирского паласа «Веков связующая нить». Данное мероприятие направлено на возрождение и сохранение народных традиций ковроткачества, а также привлечение молодёжи к этому ремеслу. Например, в 2024 г. в названном конкурсе приняло участие 42 мастерицы, из 13 районов РБ. Открытый фестиваль-конкурс «Башкирская шаль» традиционно проходит в Зианчуринском районе РБ, который издавна славится пуховыми шалями. При поддержке Правительства РБ проводится инвест-сабантуй «Зауралье». В Национальном музее РБ, Национальной библиотеке им. А.-З. Валиди в рамках различных праздников проводят мастер-классы по вышивке, изготовлению женских украшений и т. п

Следующая форма трансляции рукодельного опыта – письменные источники, старинные фотографии, музейные коллекции, которые выступают надежным мостом между прошлым и настоящим. Благодаря им осуществляется трансляция культурных ценностей. Многие рукодельницы занимаются реконструкцией одежды, восстановлением традиционных орнаментов, опираясь на описания, фотографии, музейные экспонаты.

Выводы

Таким образом, рукоделие играло важную роль в жизни женщин в прошлом и продолжает оставаться актуальным сегодня. Если в прошлом женское рукоделие было жизненной необходимостью, то сейчас стало своеобразной формой организации досуга, открывающей перспективы для творчества и общения. В современной жизни изделия ручной работы также занимают особое место. Они добавляют индивидуальность и уникальность образу, подчеркивают творческий подход, принадлежность к определенной этнической культуре.

Женское рукоделие, являясь особой формой организации общения и взаимодействия, способствует социализации молодежи, развитию творческих способностей и эстетического вкуса, сохранению культурных ценностей и традиций.

Полевые материалы автора

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Альшеевский район Республики Башкортостан, 2024 г.

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Баймакский район Республики Башкортостан, 2024 г.

ПМА 3 – Полевые материалы автора. г. Уфа, Республика Башкортостан, 2024-2025 гг.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01650, https://rscf.ru/project/24-28-01650/

Список источников

1. Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. 260 с.

2. Баязитова Р.Р. Орнаментированные полотенца в традиционной культуре башкир // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 290 – 299. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.17

3. Давлетшина З.М. Женское рукоделие у башкир (прошлое и настоящее). Уфа: ИП Поляковский Ю.И., 2011. 132 с.

4. Карим М. Долгое-долгое детство: Повесть. М.: Детская литература, 1989. 240 с.

5. Нагаева Л.И. Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. Уфа: Китап, 1999. 160 с.

6. Нечвалода Е.Е. Орнамент как явление культуры // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 4. С. 377 – 383.

7. Ремесла. Башкирское народное искусство / Под общ. ред. С.Н. Шитовой. Уфа: Инеш, 2015. 120 с.

8. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1955. 394 с.

9. Таган Галимжан. Этнографические заметки о башкирах и других тюркских народах. Уфа: Гилем, 2005. 160 с.

10. Шитова С.Н. Народное искусство: войлоки, ковры и ткани у южных башкир (Этнографические очерки). Уфа: Китап, 2006. 200 с.

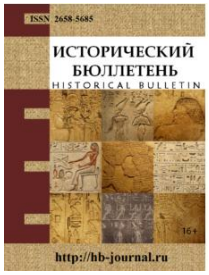
References

1. Avizhanskaya S.A., Bikbulatov N.V., Kuzeev R.G. Decorative and applied art of the Bashkirs. Ufa, 1964. 260 p.
2. Bayazitova R.R. Ornamented towels in the traditional culture of the Bashkirs. New studies of Tuva. 2025. No. 2. P. 290 – 299. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.17
3. Davletshina Z.M. Women's handicrafts among the Bashkirs (past and present). Ufa: IP Polyakovsky Yu.I., 2011. 132 p.
4. Karim M. Long, long childhood: A Tale. M.: Children's literature, 1989. 240 p.
5. Nagaeva L.I. Bashkir folk holidays, rituals and customs. Ufa: Kitap, 1999. 160 p.
6. Nechvaloda E.E. Ornament as a cultural phenomenon. News of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Series: History. Philology. Culture. 2024. Vol. 1. No. 4. pp. 377 – 383.
7. Crafts. Bashkir folk art. Under the general. ed. S.N. Shitova. Ufa: Inesh, 2015. 120 p.
8. Rudenko S.I. Bashkirs. Historical and ethnographic essays. M.-L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 394 p.
9. Tagan Galimzhan. Ethnographic notes on the Bashkirs and other Turkic peoples. Ufa: Gilem, 2005. 160 p.
10. Shitova S.N. Folk art: felts, carpets, and fabrics among the southern Bashkirs (Ethnographic essays). Ufa: Kitap, 2006. 200 p.

Информация об авторе

Баязитова Р.Р., кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

© Баязитова Р.Р., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94.470

Роль Пироговских съездов в формировании системы государственной санитарной службы России (1 часть 1885-1900 гг.)

[1] Володина Ю.А.,
[2] Юргина О.М.,
[1] Благовещенский государственный педагогический университет,
[2] независимый исследователь, г. Благовещенск

Аннотация: в статье рассматривается роль Пироговских съездов в формировании системы государственной санитарной службы России в 1885-1900 гг. Одной из задач в их работе стало ходатайство о создании в России высшего медицинского представительства в форме независимого Министерства здравоохранения. Отмечено, что деятельность Пироговских съездов стала ключевым шагом в формировании основ будущей государственной системы сравнительной статистики общей заболеваемости в стране. Отмечено, что неоднократно поднималась тема городского кризиса в аспекте санитарного состояния городов и условий жизни их населения, что свидетельствовало о высокой актуальности данной социально-экологической проблемы для рассматриваемого периода. Определены ключевые задачи, в частности, курс на совершенствование медицинской помощи населению, основанный на практических достижениях земской медицины, распространение гигиенических знаний среди населения, разработка основ санитарной статистики, а также решение о необходимости реформирования системы управления медико-санитарной отраслью путем создания независимого Министерства народного здравия. Сделан вывод о том, что резолюции съездов легли в основу программ деятельности санитарных врачей по борьбе с малярией, туберкулезом, детской смертностью, улучшению условий быта и труда уязвимых слоев населения.

Ключевые слова: Пироговские съезды, врачи, государственная санитарная служба, санитарное просвещение, Санитарный устав

***Для цитирования**: Володина Ю.А., Юргина О.М. Роль Пироговских съездов в формировании системы государственной санитарной службы России (1 часть 1885-1900 гг.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 167 – 173.*

Поступила в редакцию: 30 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 28 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The role of the Pirogov Congresses in the formation of the state sanitary service system of Russia (part 1, 1885-1900)

[1] *Volodina Yu.A.*,
[2] *Yurgina O.M.*,
[1] *Blagoveshchensk State Pedagogical University*,
[2] *Independent Researcher, Blagoveshchensk*

Abstract: this article examines the role of the Pirogov Congresses in the formation of Russia's public health system from 1885 to 1900. One of their objectives was to petition for the establishment of a supreme medical authority in Russia in the form of an independent Ministry of Health. It is noted that the activities of the Pirogov Congresses were a key step in laying the foundations of the future state system of comparative statistics on general morbidity in the country. It is noted that the topic of the urban crisis was repeatedly raised in terms of the sanitary condition of cities and the living conditions of their populations, demonstrating the high relevance of this socio-environmental issue for the period under review. Key objectives are identified, including a course toward improving medical care for the population based on the practical achievements of zemstvo medicine, the dissemination of hygienic knowledge among the population, the development of the foundations of sanitary statistics, and the need to reform the management system of the medical and sanitary sector by creating an independent Ministry of Public Health. It was concluded that the resolutions of the congresses formed the basis for the programs of activities of sanitary doctors to combat malaria, tuberculosis, infant mortality, and improve the living and working conditions of vulnerable groups of the population.

Keywords: Pirogov Congresses, doctors, state sanitary service, sanitary education, Sanitary Charter

***For citation**: Volodina Yu.A., Yurgina O.M. The role of the Pirogov Congresses in the formation of the state sanitary service system of Russia (part 1, 1885-1900). Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 167 – 173.*

The article was submitted: August 30, 2025; Approved after reviewing: October 28, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

«*Ученые съезды не делают открытий, но оценивая их и популяризируя, они, несомненно, представляют путь к новым научным и практическим завоеваниям» Ф.Ф. Эрисман*

Введение

Продолжая дело выдающегося хирурга и ученого, основавшего оригинальную научную школу, положившего начало таким дисциплинам, как топографическая анатомия, экспериментальная хирургия и военно-полевая медицина, Николая Ивановича Пирогова, с 1885 по 1918 годы регулярно проводились мероприятия, организованные Московско-Петербургским медицинским обществом или Обществом русских врачей имени Н.И. Пирогова.

Инициатива создания общества, получившего позднее название Пироговского, была направлена на формирование профессионального объединения медицинских работников, основной целью которого было достижение научных и практических результатов, касающихся решения актуальных медицинских и санитарно-гигиенических задач, а также вопросов, относящихся к профессиональному быту врачей [7].

С конца XIX века, специализированные секции и подразделения Пироговского съезда занимались всесторонним обсуждением важнейших аспектов гигиены, эпидемиологии и санитарии, результаты которых были зафиксированы в форме докладов и резолюций.

Работа Пироговских съездов внесла значительный вклад в формирование фундаментальных концептуальных подходов и приоритетов оказания медицинской помощи населению, ставших основой для последующего развития структуры государственного здравоохранения. Практическая реализация принятых ими решений существенно повлияла на процесс институализации здравоохранения как важнейшей социальной сферы в процессе изменения государственного устройства Российской империи, оказывая значительное воздействие на дальнейшее развитие российского государства.

Социальная инициатива и внутренняя консолидация медицинского сообщества начинают проявляться в середине XVIII века, когда возникают первые формы общественной организации вне государственных структур. Этот процесс посте-

пенно набирает обороты и достигает своего пика в эпоху реформ Александра II, характеризующихся значительным расширением свободы действий для общественных организаций, что способствует увеличению их числа и усилению влияния.

На рубеже веков медицинская деятельность объединяется в многочисленные профессиональные ассоциации. Среди наиболее известных выделяются Русское общество охраны народного здравия и Российское общество Красного Креста. Помимо общероссийских объединений, добровольные врачебные общества формируются в 139 городах Российской империи. Тем не менее центральное значение приобретает создание пироговских съездов, ставших основным центром координации деятельности представителей различных медицинских специальностей.

Материалы и методы исследований

Первоначально организационные трудности препятствовали официальному признанию мероприятий подобного масштаба. Лишь пятый съезд получил официальное одобрение власти в 1893 году [8]. Первые три съезда приобрели популярность благодаря привлечению большого количества участников из разных регионов страны, обеспечив широкое представительство российских врачей и придав этим встречам характер национальных форумов.

На первом съезде, проходившем в декабре 1885 года, ключевое внимание уделялось вопросам профилактики инфекционных заболеваний и разработке эффективных мер противодействия вспышкам холеры. Доклад профессора Эйхвальда, посвященный стратегии предотвращения распространения эпидемии, стал отправной точкой для регулярных обсуждений аналогичных тем на последующих мероприятиях.

Со временем влияние пироговских съездов выходит за пределы чисто медицинских рамок. Они становятся площадками для выражения мнений общественности и политиков. Это позволило расширить спектр рассматриваемых вопросов, включая социальные и экономические аспекты здравоохранения [1].

Особое внимание привлекали речи выдающихся деятелей медицины, таких как Николай Васильевич Склифосовский и Федор Федорович Эрисман, подчеркнувшие важность роли народной медицины и необходимость улучшения условий труда медицинских работников [8].

Итоги III съезда подтвердили неудовлетворенность медицинским управлением в стране. Отсутствие центрального ведомства, координирующего медицинскую политику, привело к фрагментарности управления здравоохранением, осуществляемого различными ведомствами и учреждениями.

В связи с этим участники конференции выдвигали предложение создать специальное Министерство здравоохранения, которое могло бы осуществлять комплексный контроль над состоянием здравоохранения в стране. Основными функциями нового министерства предлагалось сделать улучшение качества медицинской помощи, профилактику болезней, борьбу с распространением инфекций и повышение уровня санитарной культуры населения [10].

Еще одним важным решением, принятым участниками Пироговских съездов, стала инициатива по повышению информированности медицинских работников путем публикации специализированной литературы. Недостаточность доступного материала по санитарным вопросам и острый дефицит сведений о состоянии здравоохранения в стране подтолкнули к началу выпуска печатного органа Пироговского общества, призванного стать ведущим источником санитарного образования и руководящим органом санитарного дела в России.

По итогам Второго съезда Пироговского общества особое внимание было уделено подготовке обширного справочного издания – «Земско-медицинского сборника», составленного Московской земской санитарной организацией под руководством ведущего специалиста земской медицины Евгения Александровича Осипова и известного гигиениста Федора Федоровича Эрисмана. Данное издание представляло собой систематизированный свод материалов, собранных усилиями сотен земских врачей, работающих в 369 уездах 34 губерний Российской империи.

Кроме основного содержания, сборник содержал библиографический указатель публикаций и исследовательских работ в области земской медицины, выпущенных с момента основания земств до 1890 года. Данный указатель включал около 12 тысяч единиц, охватывающих широкий спектр трудов, посвященных различным аспектам медицины и здравоохранения.

Сборник, помимо своей образовательной ценности, сыграл значительную роль в развитии инфраструктуры сбора и анализа статистической информации, необходимой для принятия обоснованных решений в области здравоохранения. Эта публикация наглядно демонстрирует высокий уровень организованности и методичности, проявленных представителями земской медицины того периода.

Особый вклад в подготовку данного издания принадлежит врачу-земскому специалисту Дмитрию Николаевичу Жбанкову, уроженцу Смолен-

ской губернии, известному своими исследованиями в области этнографии и сельского хозяйства. Его тщательная и скрупулезная работа по компиляции библиографического указателя признана коллегами высокоэффективной и важной для дальнейшего развития медицинской науки и практики.

Таким образом, труд, проделанный московскими специалистами и их коллегами по всей стране, значительно обогатил российскую медицинскую литературу и предоставил врачам ценнейший инструмент для повышения квалификации и внедрения передовых методов лечения и профилактики заболеваний [6].

Также пироговские съезды, даже на своих первых этапах, играли важную роль в формировании общественного сознания относительно важности комплексного подхода к развитию здравоохранения, содействуя формированию устойчивого научного и профессионального сообщества в медицине Российской империи [10].

Результаты и обсуждения

На ранних этапах существования Пироговского общества одной из центральных тем обсуждения стала проблема ухудшения санитарного состояния городов и условий проживания горожан, отражающая острую социальную проблему эпохи индустриализации и урбанизации. Уже на втором съезде состоялось важное событие – образование специальной подсекции общественной медицины, объединившей врачей из различных уголков России. Таким образом началась практика регулярного изучения и осмысления социальных факторов, влияющих на здоровье населения.

Е.А. Осипов, руководитель московской санитарной организации, выступая на открытии форума, подчеркнул значимость земской медицины, предложив рассматривать её как основу рациональной организации санитарной и лечебной деятельности на уровне земств и городских управлений. По инициативе Осипова съезд принял обращение к правительству с предложением передать полномочия по ведению демографической статистики органам местного самоуправления и сформировать специальную комиссию для подготовки нового варианта Санитарного устава.

Третий съезд подтвердил двойственность направлений работы Пироговского общества, разделяя его деятельность на научные и практические аспекты. Именно практическое направление, связанное с деятельностью земских органов, вскоре приобрело доминирующее положение, и земские врачи стали ведущими участниками дискуссий и инициатив общества. Выдающиеся представители земства, такие как Ф.Ф. Эрисман, активно выступали за интеграцию научной мысли и опыта практикующих врачей в деле совершенствования санитарного дела и здравоохранения в целом.

Эта тенденция подчеркивает глубокую связь движения Пироговских съездов с развитием земской медицины и общего процесса модернизации здравоохранения в России, выражаясь в сочетании теоретических разработок и практических шагов по улучшению условий жизни населения [2].

На четвертом Пироговском съезде, прошедшем в 1891 году, основное внимание было сосредоточено на изучении проблемы туберкулеза. За год до этого события, на десятом международном медицинском конгрессе в Берлине, знаменитый ученый Роберт Кох сделал сенсационное заявление о выявленном средстве диагностики и терапии туберкулеза – туберкулине, открывшем новые перспективы борьбы с данным заболеванием, имеющим социальное происхождение.

Ключевыми задачами четвертого съезда являлись усовершенствование санитарного и гигиенического контроля, тесно взаимосвязанных с жизнедеятельностью отдельного индивида, общества и государства. Особое внимание уделялось вопросам систематизации и обработки санитарных данных. Был сформирован специальный комитет из представителей земской медицины, направивших запросы в соответствующие государственные органы для привлечения компетентных сотрудников в сферу санитарного надзора.

Дискуссия на съезде затронула тему медицинской статистики и стандартизации, представленную докладом Михаила Семеновича Уварова («Об объединении программ санитарно-статистических исследований»), который призвал к гармонизации методик обследования и учета заболеваемости в регионах России. Идеи Уварова получили поддержку других участников, таких как Дмитрий Николаевич Жбанков («О необходимой связи между губернскими и уездными земствами») и Александр Викторович Корчак-Чепурковский («О неотложной необходимости наличия собственной санитарно-статистической службы»). Эти дискуссии оказали большое влияние на последующее развитие русской медицины и санитарии [3; 4].

Четвёртый Пироговский съезд, проведённый в 1891 году, внёс важный вклад в развитие отечественного здравоохранения и общественный интерес к проблемам санитарии. Председатель секции общественной медицины, известный специалист по земской санитарии, санитарный врач Саратовской губернской земской управы И.И. Моллесон, подвёл итоги выступлений членов своей секции, сформулировав несколько принципиальных положений, имеющих огромное значение для даль-

нейшего развития национальной системы здравоохранения. Моллесон указал на необходимость создания организованной сети санитарных учреждений, обеспечивающих координацию деятельности всех земских и муниципальных врачей. Он подчеркнул важность передачи функций санитарной статистики общественным организациям и поддержал идею разработки единых стандартов и классификаций заболеваний для всей Российской империи.

Эти идеи стали базой для дальнейших преобразований в области государственного здравоохранения, выразившихся в принятии решений о создании санитарных бюро и формировании центров, интегрирующих усилия медицинского сообщества и других заинтересованных сторон для выработки эффективной санитарно-статистической службы.

В ходе пятого Пироговского съезда, состоявшегося в 1894 году, была образована постоянно действующая комиссия по гигиене, задача которой состояла в пропаганде гигиенических знаний среди широких слоев населения. Эта комиссия должна была способствовать формированию осознанного поведения граждан в отношении профилактических мероприятий и повышению общей грамотности в вопросах санитарии.

Ещё одно значительное достижение Пироговского общества связано с выпуском журнала «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова», под редакцией знаменитого психиатра Сергея Сергеевича Корсакова. Этот журнал стал первым регулярным изданием, посвящённым вопросам общественной медицины, сыгравшим большую роль в популяризации достижений медицинской науки и практики среди широкой аудитории.

Таким образом, деятельность Пироговского общества оказалась весьма плодотворной, воплотившись в конкретные меры по совершенствованию медицинского обслуживания населения и внедрению передовых подходов к изучению и управлению здоровьем нации [9].

В контексте исторического значения VII Пироговского съезда, проходившего в Казани в апрелемае 1899 года, особую важность приобретают моменты, касающиеся острых социальных и экономических проблем, с которыми столкнулась страна в тот период. Заседания седьмого съезда оказались скромнее предыдущих по количеству участников – всего около 600 делегатов, что объяснялось рядом объективных обстоятельств, включая экономический спад и массовый голод, поразившие многие регионы Российской империи.

Основные тезисы, прозвучавшие на съезде, фокусировались на неспособности медицинского сообщества эффективно справляться с возникающими проблемами, такими как распространение эпидемий и ухудшение общего состояния здоровья населения. Было открыто признано, что существующие методы борьбы с болезнями и стихийными бедствиями оказываются недостаточными, особенно в свете недостаточности ресурсов и слабых возможностей государственной системы здравоохранения.

Медицинское сообщество выразило своё недовольство политикой правительства, считая её недостаточно активной и адекватной сложившейся ситуации. Многие выступления звучали критически по отношению к правительственному курсу, подчёркивая необходимость радикальной перестройки подходов к защите здоровья граждан.

Несмотря на ограниченные возможности для полноценной деятельности, медицинское сообщество осознало важность коллективных усилий и решимости противостоять неблагоприятным условиям. Была озвучена идея создания независимой организации, способной координировать работу местных врачей и мобилизовать население на борьбу с заболеваниями и преодоление последствий голода.

Тем не менее, несмотря на попытки инициировать серьёзные преобразования, реальных изменений в структуре и функциях государственной системы здравоохранения в ближайшие десятилетия практически не произошло. Проблемы продолжали нарастать, приводя к новым испытаниям для населения и обостряя противоречия между обществом и властью.

Историческое значение VII Пироговского съезда заключается в осознании беспомощности существующей системы здравоохранения и постановке острой проблемы нехватки необходимых инструментов и механизмов для защиты здоровья граждан в условиях экономического кризиса и роста социальных потрясений [5].

Уже первые Пироговские съезды представляли собой знаковые этапы в развитии российского здравоохранения, демонстрируя постепенный переход от выявления негативных тенденций в состоянии здоровья населения и накопления статистических данных к выработке конкретных практических мер по предотвращению эпидемий, разработке превентивных стратегий и укреплению здоровья народа. Одним из ярких примеров такого перехода стала деятельность секции общественной медицины и гигиены на IV Пироговском съезде врачей 1891 года.

На нем были приняты важные решения, направленные на построение целостной системы государственного здравоохранения. Например,

было решено организовать государственные санитарные бюро и создать межведомственный интеллектуальный центр, который смог бы объединить усилия всех заинтересованных общественных и государственных организаций для формирования базовых элементов санитарно-статистической службы в стране.

Решения, принятые на Пироговских съездах, непосредственно влияли на последующие шаги санитарных врачей, разрабатывавших стратегии борьбы с такими заболеваниями, как малярия, туберкулез, детская смертность, а также улучшением бытовых и трудовых условий для наиболее уязвимых категорий населения.

Таким образом, первая серия Пироговских съездов стала катализатором глубоких перемен в подходе к здоровью населения, проложив путь к современному пониманию здравоохранения как комплексной социальной ответственности государства и гражданского общества.

Выводы

Развитие санитарного дела в России в конце XIX – начале XX века было неразрывно связано с деятельностью Пироговских съездов врачей, собравших лучшие умы отечественной медицины и сыгравших ключевую роль в формировании современной системы здравоохранения. Ключевые итоги первых Пироговских съездов включают:

Разработка курса на модернизацию медицинской помощи: основанная на опыте земской медицины, эта программа предусматривала внедрение лучших практик и технологий, направленных на повышение эффективности оказания медицинской помощи населению.

Распространение гигиенических знаний: внимание к просвещению населения в вопросах личной и общественной гигиены стало необходимым условием для снижения уровня заболеваемости и увеличения продолжительности жизни.

Создание основ санитарной статистики: разработанная классификация и номенклатура болезней, созданная Пироговским обществом в 1900 году, легла в основу официальной медицинской отчетности, введённой Министерством внутренних дел в 1902 году. Она позволила сравнивать показатели заболеваемости в различных регионах страны и проводить полноценный статистический анализ.

Необходимость реформирования системы управления здравоохранением: одной из важных рекомендаций съездов стало предложение о создании самостоятельного Министерства народного здравия, что должно было повысить эффективность руководства системой здравоохранения и обеспечить лучшее распределение ресурсов.

Эти решения, основанные на профессиональном консенсусе и анализе актуальной ситуации, имели долгосрочные последствия для развития санитарного дела в России. Результаты работы Пироговских съездов продемонстрировали способность профессионального сообщества реагировать на вызовы времени и формировать инновационную стратегию развития здравоохранения, ориентированную на нужды населения и требований прогресса.

Список источников

1. Дергунова Ю.А. Пироговские съезды // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2016. № 4 (15). С. 62 – 64.

2. Дневник III съезда Общества русских врачей. Под. ред. Пашутина В.В. СПб., 1889. С.106.

3. Злодеева Е.Б. Пироговские съезды врачей и их роль в становлении системы государственного здравоохранения в России (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. истор. наук / РАНХиГС, 2004. 24 с.

4. Злодеева Е.Б. Пироговское движение врачей России: истоки. URL: https://istprof.ru/2140.html (дата обращения: 20.08.2025)

5. История профсоюзов. VII Пироговский съезд врачей (04-05.1899). URL: https://istprof.ru/2366.html (дата обращения: 20.08.2025)

6. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника. М., 1969. С.83.

7. Петров Б.Д. I съезд общества русских врачей в память Н.И. Пирогова // Гигиена и санитария. 1960. № 12. С. 49-54.

8. Страшун И.Д. Николай Иванович Пирогов (1810-1881) и традиции Пироговских съездов. URL: http://test.npar.ru/journal/2010/4/pirogov.htm (дата обращения: 20.08.2025)

9. Страшунин И.Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями 1907-1917. 1964. С. 17 – 18.

References

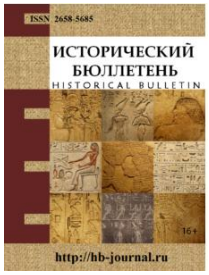
1. Dergunova Yu.A. Pirogov Congresses. Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region. 2016. No. 4 (15). P. 62 – 64.
2. Diary of the III Congress of the Society of Russian Doctors. Ed. by Pashutin V.V. St. Petersburg, 1889. P. 106.
3. Zlodeeva E.B. Pirogov Congresses of Doctors and Their Role in the Development of the Public Healthcare System in Russia (late 19th – early 20th centuries): Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. RAS-KhISG, 2004. 24 p.
4. Zlodeeva E.B. Pirogov Movement of Doctors in Russia: Origins. URL: https://istprof.ru/2140.html (accessed: 20.08.2025)
5. History of Trade Unions. VII Pirogov Congress of Physicians (04-05.1899). URL: https://istprof.ru/2366.html (accessed: 20.08.2025)
6. Mitskevich S.I. Notes of a Social Physician. Moscow, 1969. P. 83.
7. Petrov B.D. I Congress of the Society of Russian Physicians in Memory of N.I. Pirogov. Hygiene and Sanitation. 1960. No. 12. P. 49 – 54.
8. Strashun I.D. Nikolai Ivanovich Pirogov (1810-1881) and the Traditions of the Pirogov Congresses. URL: http://test.npar.ru/journal/2010/4/pirogov.htm (date accessed: 20.08.2025)
9. Strashunin I.D. Russian social medicine in the period between two revolutions 1907-1917. 1964. P. 17 – 18.

Информация об авторах

Володина Ю.А., соискатель ученой степени кандидата исторических наук, преподаватель, Благовещенский государственный педагогический университет, yuliya-volodina@mail.ru

Юргина О.М., независимый исследователь, г. Благовещенск, yurginaom@gmail.com

© Володина Ю.А., Юргина О.М., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 69(092)

К.Ш. Шадунц: научное наследие в области механики грунтов и фундаментостроения

[1] Гаевская И.И.,
[1] Подтелков В.В.,
[1] Руденко Ю.Е.,
[1] Кубанский государственный технологический университет

Аннотация: в работе представлен комплексный анализ жизненного пути, научной и педагогической деятельности выдающегося советского и российского ученого в области механики грунтов и фундаментостроения К.Ш. Шадунца (1933-2017 гг.). Рассмотрены основные этапы его профессионального становления: работа на целине, педагогическая деятельность в Краснодарском политехническом институте и Кубанском государственном аграрном университете. Проанализирован вклад ученого в развитие теории оползневых процессов, устойчивости склонов и проектирования фундаментов в сложных грунтовых условиях Юга России. Особое внимание уделено научному наследию К.Ш. Шадунца, включающему 428 печатных работ, 2 монографии и 112 изобретений. Выявлена практическая значимость его разработок для строительной отрасли, в частности, запатентованных методов устройства свайных фундаментов. Определена роль ученого в формировании научной школы в области геотехники. Впервые представлен комплексный анализ деятельности его учеников и последователей, продолжающих развивать идеи наставника.

Ключевые слова: К.Ш. Шадунц, механика грунтов, фундаментостроение, оползни-потоки, свайные фундаменты, научное наследие, инженерная геотехника, строительная наука, научная школа

***Для цитирования**: Гаевская И.И., Подтелков В.В., Руденко Ю.Е. К.Ш. Шадунц: научное наследие в области механики грунтов и фундаментостроения // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 174 – 181.*

Поступила в редакцию: 31 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 29 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

K.Sh. Shadunts: scientific legacy in the field of soil mechanics and foundation engineering

[1] Gaevskaya I.I.,
[1] Podtelkov V.V.,
[1] Rudenko Yu.E.,
[1] Kuban State Technological University

Abstract: this paper presents a comprehensive analysis of the life, scientific, and pedagogical activities of K. Sh. Shadunts, an outstanding Soviet and Russian scientist in the field of soil mechanics and foundation engineering (1933-2017). The paper examines the main stages of his professional development, including his work on virgin lands and his teaching activities at the Krasnodar Polytechnic Institute and the Kuban State Agrarian University. The contribution of the scientist to the development of the theory of landslide processes, slope stability, and foun-

dation design in the complex soil conditions of the South of Russia is analyzed. Special attention is paid to K. Sh. Shadunts' scientific legacy, which includes 428 published works, 2 monographs, and 112 inventions. The practical significance of his developments for the construction industry, particularly his patented methods for constructing pile foundations, is identified. The role of the scientist in the formation of a scientific school in the field of geotechnics is determined. For the first time, a comprehensive analysis of the activities of his students and followers who continue to develop their mentor's ideas is presented.

Keywords: K.Sh. Shadunts, soil mechanics, foundation engineering, landslides, pile foundations, scientific heritage, engineering geotechnics, construction science, scientific school

***For citation**: Gaevskaya I.I., Podtelkov V.V., Rudenko Yu.E. K.Sh. Shadunts: scientific legacy in the field of soil mechanics and foundation engineering. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 174 – 181.*

The article was submitted: August 31, 2025; Approved after reviewing: October 29, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Развитие строительной науки в России характеризуется выдающимися достижениями в области механики грунтов, геотехники и фундаментостроения. Одной из ключевых фигур в этом направлении во второй половине XX – начале XXI вв. стал Константин Шагенович Шадунц (1933-2017 гг.), чья научная и педагогическая деятельность оказала существенное влияние на формирование современных подходов к проектированию и строительству в сложных инженерно-геологических условиях. Его работы посвящены решению актуальных проблем устойчивости склонов, прогнозирования оползневых процессов и разработке эффективных конструкций фундаментов, что особенно важно для регионов с высокой геодинамической активностью, таких как Юг России.

Актуальность исследования научного наследия К.Ш. Шадунца обусловлена необходимостью сохранения и передачи уникального опыта старших поколений ученых, а также систематизации их вклада для дальнейшего развития строительной науки. Несмотря на значительный вклад К.Ш. Шадунца в инженерную геотехнику, его научное наследие до сих пор не получило целостного осмысления.

Материалы и методы исследований

Целью настоящей работы является комплексный анализ жизненного пути, научных достижений и педагогического наследия К.Ш. Шадунца в контексте развития отечественной школы механики грунтов и фундаментостроения. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: реконструированы основные этапы профессионального становления К.Ш. Шадунца; проанализированы его ключевые научные разработки и их практическая значимость; определена оценка вклада ученого в развитие строительного образования Юга страны; систематизирована информация о его основных публикациях и изобретениях; выявлена преемственность научных идей через призму деятельности его учеников.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые осуществлен всесторонний анализ научного наследия К.Ш. Шадунца с позиций современного состояния геотехники, оценена актуальность его разработок для решения современных инженерных задач. Впервые введены в научный оборот сведения о деятельности малоизвестных учеников К.Ш. Шадунца и их вкладе в развитие научной школы.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования представленных материалов в образовательном процессе при подготовке инженеров-строителей, а также в практической деятельности проектных организаций, специализирующихся на строительстве в сложных грунтовых условиях.

Методология исследования основана на принципах историзма, системности и научной объективности. Использованы историко-биографический, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы. Источниковую базу работы составили опубликованные труды К.Ш. Шадунца, материалы семейного архива ученого, патентная документация, воспоминания его учеников.

Результаты и обсуждения

Основные этапы профессионального становления

Константин Шагенович Шадунц родился 14 апреля 1933 г. в Баку – крупном промышленном и культурном центре Закавказья. Многонациональная среда города с развитой нефтяной промышленностью оказала значительное влияние на формирование личности будущего инженера. Его детство и юность пришлись на сложный период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления, что сформировало такие качества характера, как стойкость и целеустремленность.

В 1955 г. К.Ш. Шадунц с отличием окончил Азербайджанский политехнический институт (ныне Азербайджанский государственный университет нефти и промышленности), получив квалификацию инженера-мостовика [1]. Его специализация предполагала углубленное изучение теории сооружений, сопротивления материалов, механики грунтов и проектирования сложных инженерных конструкций, что заложило прочный фундамент для будущей научной деятельности. Красный диплом стал свидетельством его выдающихся способностей и трудолюбия.

После окончания института К.Ш. Шадунц выбрал путь, связанный с решением практических задач народного хозяйства, отправившись на масштабные стройки страны. Значимым этапом его биографии стала работа в Казахстане, связанная с освоением целинных и залежных земель. Эта всесоюзная кампания, инициированная в 1954 г., предполагала не только сельскохозяйственное развитие ранее не использовавшихся земель, но и создание всей необходимой инфраструктуры.

Молодой инженер-мостовик принимал непосредственное участие в проектировании и строительстве транспортных и инфраструктурных объектов в условиях «голодной степи» Казахстана. За самоотверженный труд и значительный вклад в освоение целины он уже в 1957 г. был удостоен своей первой государственной награды – медали «За освоение целинных земель» [1].

Параллельно с практической деятельностью К.Ш. Шадунц начал заниматься научными исследованиями в области механики грунтов и устойчивости фундаментов в сложных геологических условиях. Накопленный практический опыт стал основой для его будущих научных изысканий. В 1963 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Контрфорсно-вентиляционные дренажи как средство стабилизации глинистых откосов и склонов» в Днепропетровском институте инженеров железнодорожного транспорта (ДИИТ).

В 1965 г. К.Ш. Шадунц переехал в Краснодар – столицу Кубани, быстро развивающийся экономический и культурный центр Юга страны. Этот переезд ознаменовал новый важный этап в его жизни и карьере. В Краснодаре он связал свою судьбу с Краснодарским политехническим институтом (КПИ, ныне Кубанский государственный технологический университет, КубГТУ) и Краснодарским сельскохозяйственным институтом (КСХИ, ныне Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, КубГАУ). Основные этапы его педагогической карьеры в Краснодаре можно представить следующим образом:

- с 1965 по1977 гг. – доцент, заведующий кафедрой строительных конструкций КПИ;
- с 1977 по 2011 гг. – заведующий кафедрой оснований и фундаментов в КСХИ и впоследствии КубГАУ;
- с 2011 по 2017 гг. – профессор кафедры оснований и фундаментов КубГАУ.

На протяжении двенадцати лет работы в КПИ К.Ш. Шадунц занимался активной педагогической и научной деятельностью. Он читал лекции, руководил курсовым и дипломным проектированием, вел научные исследования в области механики грунтов и строительных конструкций. Именно в этот период он сформировался как зрелый учёный и педагог, получив признание в профессиональном сообществе.

В 1976 г. К.Ш. Шадунц достиг вершины академического признания – успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Формирование и механизм развития оползней-потоков в глинистых породах» в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Примечательно, что степень доктора наук была присуждена по геолого-минералогическим наукам, что отражало междисциплинарный характер его исследований, лежавших на стыке строительной механики, геологии и грунтоведения. В этом же году ему было присвоено звание профессора.

Под руководством К.Ш. Шадунца на кафедре были развернуты масштабные исследования устойчивости берегов реки Кубань и берегов Краснодарского водохранилища. Эти исследования имели важное практическое значение для региона, подверженного оползневым процессам.

С 1977 г. начался самый продолжительный и плодотворный этап в карьере К.Ш. Шадунца – работа в КСХИ, где он в 1982 г. возглавил кафедру оснований и фундаментов. Под его руководством кафедра стала ведущим научно-образовательным центром Юга России в области геотехники и фундаментостроения.

К.Ш. Шадунц руководил кафедрой на протяжении 34 лет – до января 2011 г., после чего продолжил работать профессором. В аграрном университете он сосредоточился на исследованиях, имеющих прикладное значение для сельскохозяйственного и промышленного строительства в специфических грунтовых условиях Краснодарского края и всего южного региона.

Под его руководством велась подготовка инженерных кадров для строительной отрасли региона, осуществлялась научная работа, выполнялись исследования по хозяйственным договорам с предприятиями и организациями. Он читал лекционные курсы по механике грунтов, основаниям и

фундаментам, теории надежности в геотехнике и другим дисциплинам.

Профессор К.Ш. Шадунц воспитал несколько поколений инженеров-строителей, многие из которых стали ведущими специалистами в строительной отрасли Кубани и за её пределами. Его педагогический талант сочетался с глубочайшей научной эрудицией и умением передавать знания студентам.

О личной жизни ученого известно не очень много, что характерно для человека, полностью посвятившего себя науке и образованию. Был женат. В браке родилось двое дочерей: Елена и Екатерина, которые также достигли высоких научных результатов. Елена Константиновна стала известным архитектором, краеведом и исследователем, старшим научным сотрудником Переславского музея-заповедника. Екатерина Константиновна в 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук [2].

Константин Шагенович Шадунц скончался 7 октября 2017 г. в Переславле-Залесском, оставив после себя богатое научное и педагогическое наследие.

Научные достижения и вклад в механику грунтов и фундаментостроение

Научное наследие К.Ш. Шадунца впечатляет своим объемом и разнообразием. Он является автором 428 печатных работ, включая 2 монографии, а также обладателем 112 изобретений (авторских свидетельств и патентов). Его работы посвящены в первую очередь исследованию механики грунтов, в частности вопросам оползней и устойчивости склонов.

Ключевые направления научных исследований К.Ш. Шадунца:

1. Механика грунтов и устойчивость склонов: изучение поведения грунтовых массивов под нагрузкой, разработка методов расчета устойчивости склонов и противодействия оползневым процессам.

2. Фундаментостроение в сложных грунтовых условиях: разработка эффективных типов фундаментов для различных сооружений с учетом специфики грунтов Юга России.

3. Оползни-потоки: исследование особого типа оползневых процессов, сочетающих в себе особенности оползня и потока, разработка методов прогнозирования и защиты от них.

4. Оценка рисков в строительстве: создание методик оценки степени риска при проектировании, строительстве и эксплуатации сооружений.

Анализ ключевых научных трудов

Среди наиболее значимых работ К.Ш. Шадунца следует выделить монографию «Оползни-потоки», изданную в Москве издательством «Недра». В этой работе исследуется особый тип оползневых процессов, представляющих серьезную опасность для сооружений и населенных пунктов в горной и предгорной местности [3]. Монография стала фундаментальным трудом в данной области и до сих пор не утратила своей актуальности.

Важное практическое значение имело учебное пособие «Оценка степени риска при проектировании, строительстве и эксплуатации сооружений: (общ. положения)», изданное в КубГАУ. В этой работе профессор К.Ш. Шадунц разработал методические основы оценки рисков в строительстве, что стало значительным вкладом в обеспечение безопасности строительных объектов [4].

Еще одной значимой работой стало учебное пособие «Эффективные типы фундаментов малоэтажных зданий для строительства в Краснодарском крае» (1995), написанное в соавторстве с В.В. Подтелковым. В этой работе рассматриваются оптимальные конструктивные решения фундаментов для специфических условий региона [5].

Изобретательская деятельность и патенты

Многочисленные изобретения и авторские свидетельства профессора К.Ш. Шадунца были направлены на совершенствование методов устройства фундаментов, укрепления грунтов и защиты от оползневых процессов. Среди них особого внимания заслуживает патент RU2026922C1 «Свайный фундамент и способ его возведения», который предлагает инновационное решение для устройства фундаментов в сложных инженерно-геологических условиях.

Сущность изобретения заключается в том, что в свайном фундаменте оболочка выполнена с круговым поперечным сечением и имеет теряемый металлический наконечник. Наконечник имеет на верхнем торце обойму, которая заведена в полость оболочки. Ствол выполнен с поперечным сечением в виде прямоугольника, диагональ которого равна внутреннему диаметру оболочки. В способе возведения оболочку погружают до глубины, не превышающей допустимой осадки фундамента, затем в полость оболочки вставляют ствол до упора в обойму наконечника и погружают ствол с наконечником до проектной отметки [6].

Это изобретение позволило повысить надежность и несущую способность сваи за счет уменьшения отрицательного трения по боковой поверхности и упрощения конструкции, что имело важное прикладное значение для строительной отрасли всего Южного региона России.

Классификация грунтов в работах Шадунца

В своих исследованиях К.Ш. Шадунц активно

использовал и развивал положения ГОСТ 25100-2011 «Грунты. Классификация». Его работы по механике грунтов и фундаментостроению учитывали классификационные особенности различных типов грунтов, их физико-механические свойства и поведение под нагрузкой. Научный деятель разработал уточненные классификационные критерии для глинистых грунтов Юга России, учитывающие их специфические свойства, такие как склонность к набуханию, просадочность и оползневую активность.

Особое внимание в работах профессор уделял классификации глинистых грунтов как связных грунтов, состоящих в основном из пылеватых и глинистых (не менее 3%) частиц, обладающих свойством пластичности. Он разработал методики определения гранулометрического состава грунтов и характеристик пластичности, что позволяло более точно прогнозировать их поведение под нагрузкой и разрабатывать эффективные конструктивные решения фундаментов [7].

Педагогическая деятельность и научная школа

Педагогическая деятельность Константина Шагеновича характеризовалась глубокой интеграцией научных исследований и образовательного процесса. Он разрабатывал и читал лекционные курсы по механике грунтов, основаниям и фундаментам, теории надежности в геотехнике и другим дисциплинам, постоянно обновляя их содержание с учетом новейших достижений науки и практики [8]. Особенностью его педагогического подхода было сочетание фундаментальной теоретической подготовки с прикладной направленностью. Студенты под его руководством приобретали не только прочные теоретические знания, но и практические навыки решения реальных инженерных задач, что особенно ценилось работодателями.

За годы педагогической деятельности К.Ш. Шадунц создал собственную научную школу в области механики грунтов и фундаментостроения. Под его руководством сформировалось несколько поколений инженеров-строителей, многие из которых стали ведущими специалистами в строительной отрасли Кубани и за её пределами.

Среди многочисленных учеников и последователей Константина Шагеновича особое место занимает Василий Владимирович Подтелков – кандидат технических наук, доцент. В.В. Подтелков окончил КубГТУ в 1979 г. по специальности «Промышленное и гражданское строительство». Его профессиональная деятельность связана с КубГАУ, где он проработал более 40 лет. Наиболее значимым свидетельством научного сотрудничества К.Ш. Шадунца и В.В. Подтелкова является их совместная работа «Эффективные типы фундаментов малоэтажных зданий для строительства в Краснодарском крае» (1995). Этот труд, изданный как учебное пособие, стал результатом их совместных исследований в области оптимизации фундаментостроения в специфических условиях региона [5].

Елена Дмитриевна Осенняя пополнила число учеников профессора. Работая в КубГТУ, она продолжила развитие идей К.Ш. Шадунца в области механики грунтов. Сферой ее научных интересов стало исследование устойчивости склонов и противодействие оползневым процессам. Под его научным руководством она защитила кандидатскую диссертацию по проблемам стабилизации глинистых откосов в условиях Краснодарского края, стала автором свыше 30 научных работ, соавтором методических рекомендаций по расчету устойчивости склонов для строительных организаций южного региона [9].

Под руководством К.Ш. Шадунца защитил кандидатскую диссертацию на тему «Разработка эффективных методов укрепления слабых оснований» Павел Алексеевич Ляшенко – доктор технических наук, профессор, автор более 100 научных работ, 5 монографий и 15 патентов в области геотехники и фундаментостроения. Он и сегодня продолжает развивать научные направления, заложенные К.Ш. Шадунцем, уделяя особое внимание вопросам сейсмостойкости фундаментов в сложных грунтовых условиях [10].

Василий Станиславович Аникин – талантливый ученик К.Ш. Шадунца, доктор технических наук, к сожалению, рано ушедший из жизни. Специализируясь на исследовании оползневых процессов и разработке методов защиты от них, он является автором единственной на настоящий момент теории размокания грунтов. В.С. Аникин участвовал в реализации многих практических проектов по стабилизации склонов в Краснодарском крае. Автор 45 научных работ и 7 изобретений в области геотехники. Его работы по математическому моделированию оползневых процессов получили признание в профессиональном сообществе и продолжают использоваться в научных исследованиях.

Под руководством К.Ш. Шадунца защитил кандидатскую диссертацию, а впоследствии развил многие идеи учителя в своих исследованиях Владимир Петрович Стоян – кандидат физико-математических наук, доцент, специалист в области теории надежности в геотехнике строительных объектов. Автор более 200 научных работ, включая 5 монографий. Разработал усовершенствованные методики оценки степени риска при проектировании, строительстве и эксплуатации сооруже-

ний, основываясь на работах К.Ш. Шадунца [11].

Еще один представитель научной школы и диссертант К.Ш. Шадунца – Олег Юрьевич Ещенко, кандидат технических наук, доцент. Сферой его специализации стало исследование поведения свайных фундаментов в сложных инженерно-геологических условиях. Он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Исследование несущей способности свайных фундаментов в оползнеопасных районах Краснодарского края». Внес значительный вклад в разработку методов расчета и проектирования свайных фундаментов с учетом специфики грунтов Юга России. Автор более 40 научных работ и 3 патентов в области фундаментостроения. Продолжил развитие идей К.Ш. Шадунца в области совершенствования конструкций свайных фундаментов для оползнеопасных территорий.

Под руководством К.Ш. Шадунца защитил кандидатскую диссертацию, а впоследствии развил многие теоретические положения учителя в своей докторской диссертации Сергей Иосифович Маций – доктор технических наук, профессор. Сферой его научных интересов стали проблемы механики грунтов и устойчивости оснований. Автор фундаментальных работ по теории деформирования и прочности грунтов, методов расчета оснований и фундаментов. Разработал усовершенствованные математические модели поведения грунтов под нагрузкой, которые нашли широкое применение в проектной практике. Результаты его деятельности отражены в более чем 120 научных работах, включая 2 монографии и 12 изобретений.

Среди других значимых последователей К.Ш. Шадунца следует отметить Анатолия Ивановича Полищука, возглавившего кафедру оснований и фундаментов КубГАУ после ухода К.Ш. Шадунца на профессорскую должность в 2011 году. А.И. Полищук – доктор технических наук, профессор, заслуженный строитель РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Он является членом Международного общества по механике грунтов и геотехнической инженерии (ISSMGE) и членом Президиума Российского общества по механике грунтов, геотехнике и фундаментостроению (РОМГГиФ).

Преемственность научной школы К.Ш. Шадунца продолжается и в настоящее время [12].

Признание и научное наследие

К.Ш. Шадунц был удостоен многочисленных званий и наград, свидетельствующих о его выдающемся вкладе в науку, образование и строительную отрасль. Академические звания и членства: кандидат технических наук; доктор геолого-минералогических наук; профессор; действительный член Международной академии наук высшей школы (МАНВШ); действительный член Международной академии высшей школы; действительный член Академии промышленной экологии; член Международной научной организации по механике речной почвы и строению основ строительных конструкций; член Российского Общества по Механике Грунтов, Геотехнике и Фундаментостроению (РОМГГиФ); член Международного Общества по Механике Грунтов и Фундаментостроению (ISSMFE).

Почетные звания: «Заслуженный строитель России», «Заслуженный деятель науки России».

Медали: «За освоение целинных земель», «Ветеран труда», Золотая медаль I степени «За выдающийся вклад в развитие Кубани», медаль им. Н.М. Герсеванова Российского общества по механике грунтов и фундаментостроению.

Знаки: «Почётный работник высшего профессионального образования России», «За выдающийся вклад в строительство», «Изобретатель СССР» [1].

Эти награды и звания отражают многогранность его деятельности и признание его заслуг как со стороны государства, так и со стороны профессионального сообщества.

Выводы

Жизнь и деятельность Константина Шагеновича Шадунца представляют собой яркий пример беззаветного служения науке и образованию. Пройдя путь от молодого инженера-целинника до признанного ученого с мировым именем, он внес значительный вклад в развитие механики грунтов, геотехники и фундаментостроения в России.

Его многолетняя работа в КПИ (КубГТУ), КСХИ (КубГАУ) оказала существенное влияние на формирование инженерных кадров южного региона и развитие строительной науки. Его научные труды, насчитывающие сотни публикаций и изобретений, продолжают сохранять свою актуальность и практическую значимость.

Подготовленные им ученики, среди которых достойное место занимают В.В. Подтелков, Е.Д. Осенняя, П.А. Ляшенко, В.С. Аникин, В.П. Стоян и др., продолжают развивать идеи и научные направления, заложенные профессором К.Ш. Шадунцем. Награды и звания, которых был удостоен ученый, являются заслуженным признанием его выдающихся заслуг перед наукой, образованием и строительной отраслью России. Память о К.Ш. Шадунце – ученом, педагоге, гражданине – сохраняется в его трудах, в его учениках и в делах, к которым он приложил свои талант и знания. Его жизнь и работа являются вдохновляющим приме-

ром для новых поколений ученых и инженеров, посвящающих себя служению науке и прогрессу.

Его научное наследие продолжает оказывать влияние на современные исследования в области механики грунтов и фундаментостроения. Разработанные им методы расчета устойчивости склонов и проектирования фундаментов в сложных грунтовых условиях находят применение в современной практике строительства. Его патентные разработки, в частности в области свайных фундаментов, продолжают использоваться и совершенствоваться последующими поколениями исследователей.

Перспективы дальнейшего изучения наследия К.Ш. Шадунца связаны с комплексным анализом его архивных материалов, систематизацией и цифровизацией его научных трудов, а также с применением современных вычислительных методов для развития предложенных им теоретических моделей и практических решений. Особый интерес представляет изучение неопубликованных рукописей и архивных материалов ученого, которые могут содержать ценные идеи, не утратившие своей актуальности и в настоящее время.

Список источников

1. Шадунц К.Ш. Энциклопедия фонда "Хайазг". URL: https://ru.hayazg.info/Шадунц_Константин_Шагенович (дата обращения: 07.08.2025)
2. Материалы из личного архива семьи Шадунц.
3. Шадунц К.Ш. Оползни-потоки. М., 1983. 120 с.
4. Шадунц К.Ш. Оценка степени риска при проектировании, строительстве и эксплуатации сооружений: (Общ. положения). Краснодар, 1997. 28 с.
5. Шадунц К.Ш., Подтелков В.В. Эффективные типы фундаментов малоэтажных зданий для строительства в Краснодарском крае. Краснодар, 1995. 69 с.
6. Патент RU2026922C1 «Свайный фундамент и способ его возведения»./ URL: https://patents.google.com/patent/RU2026922C1/ru (дата обращения: 07.10.2025)
7. ГОСТ 25100-2011. Грунты. Классификация. М., 2013. 38 с.
8. Кафедра оснований и фундаментов // Кубанский государственный аграрный университет. URL: https://kubsau.ru/ (дата обращения: 07.10.2025).
9. Осенняя Е.Д. Методические рекомендации по расчету устойчивости склонов для строительных организаций Южного региона. Краснодар, 2005. 45 с.
10. Ляшенко П.А. Укрепление слабых оснований в сложных инженерно-геологических условиях. Ростов-на-Дону, 2010. 210 с.
11. Стоян В.П. Теория надежности в геотехнике. М., 2015. 320 с.
12. Полищук А.И., Лейер Д.В. Развитие научной школы фундаментостроения в Кубанском государственном аграрном университете // Основания, фундаменты и механика грунтов. 2020. № 5. С. 28 – 32.

References

1. Shadunts K.Sh. Encyclopedia of the Hayazg Foundation. URL: https://ru.hayazg.info/Шадунц_Константин_Шагенович (date of access: 07.08.2025)
2. Materials from the personal archive of the Shadunts family.
3. Shadunts K.Sh. Landslides-flows. Moscow, 1983. 120 p.
4. Shadunts K.Sh. Risk Assessment in the Design, Construction, and Operation of Structures: (General Provisions). Krasnodar, 1997. 28 p.
5. Shadunts K.Sh., Podtelkov V.V. Effective Types of Foundations for Low-Rise Buildings for Construction in Krasnodar Krai. Krasnodar, 1995. 69 p.
6. Patent RU2026922C1 "Pile Foundation and Method for Its Construction". URL: https://patents.google.com/patent/RU2026922C1/ru (date of access: 07.10.2025)
7. GOST 25100-2011. Soils. Classification. Moscow, 2013. 38 p.
8. Department of Foundations and Foundations. Kuban State Agrarian University. URL: https://kubsau.ru/ (date of access: 07.10.2025).
9. Osennyaya E.D. Methodological recommendations for calculating slope stability for construction organizations in the Southern region. Krasnodar, 2005. 45 p.
10. Lyashenko P.A. Strengthening weak foundations in complex engineering and geological conditions. Rostov-on-Don, 2010. 210 p.

11. Stoyan V.P. Reliability Theory in Geotechnics. Moscow, 2015. 320 p.
12. Polischuk A.I., Leyer D.V. Development of the Foundation Engineering Research School at the Kuban State Agrarian University. Foundations, Foundations, and Soil Mechanics. 2020. No. 5. P. 28 – 32.

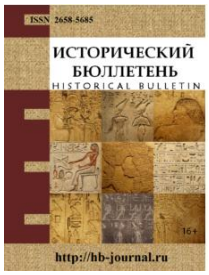
Информация об авторах

Гаевская И.И., кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет, innagaevskaya@yandex.ru

Подтелков В.В., Кубанский государственный технологический университет, vasiliypodtelkov@gmail.com

Руденко Ю.Е., Кубанский государственный технологический университет, urudenko132@gmail.com

© Гаевская И.И., Подтелков В.В., Руденко Ю.Е., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 394.3

Ношение хиджаба в российских образовательных учреждениях: вызов общественному порядку или исполнение религиозных традиций?

[1] Галлямов Р.Р.,
[1] Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Аннотация: статья посвящена анализу вопроса о ношении хиджаба учащимися-мусульманками в отечественных образовательных учреждениях, т.е. проблеме, которая неоднократно волнообразно актуализируется в российском общественном пространстве в течение последних пятнадцати лет. Возникнув сначала на уровне отдельных сельских школ (ногайское село Кара-Тюбе в Ставропольском крае (2013 г.) и татарское село Белозерье в Мордовии (2014 г.)), хотя и приобрела уже на этом этапе своего развития всероссийское скандальное звучание, данная проблема разрослась до такого состояния, что в нынешнем году уже в третьем российском регионе (Владимирская и Воронежская области (2024 г.), Ханты-Мансийский автономный округ (2025 г.) нормативно введен полный запрет на ношение хиджабов в школах. Автор, на основе изучения имеющейся научной литературы и публицистики, синхронного исследования результатов собственного репрезентативного социологического опроса (интервью), провел анализ этой актуальной темы, с акцентом на выяснение именно ее запретительных аспектов, то есть определения того, чем вызвано такое жестко негативное отношение официальных властей к данному вопросу и какова точка зрения к нему представителей самой российской мусульманской уммы.

Ключевые слова: российская исламская умма, образовательные учреждения, хиджаб, запрет на ношение хиджаба

***Для цитирования**: Галлямов Р.Р. Ношение хиджаба в российских образовательных учреждениях: вызов общественному порядку или исполнение религиозных традиций? // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 182 – 188.*

Поступила в редакцию: 31 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 29 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Wearing the hijab in Russian educational institutions: a challenge to public order or a fulfillment of religious traditions?

[1] Gallyamov R.R.,
[1] R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences

Abstract: this article analyzes the issue of wearing the hijab by Muslim female students in Russian educational institutions, an issue that has repeatedly resurfaced in Russian public life over the past fifteen years. Having arisen initially at the level of individual rural schools (the Nogai village of Kara-Tyube in the Stavropol Territory (2013) and the Tatar village of Belozerye in Mordovia (2014)), although it had already acquired an all-Russian scandalous sound at this stage of its development, this problem has grown to such a state that this year already in the third Russian region (Vladimir and Voronezh regions (2024), Khanty-Mansi Autonomous Okrug (2025) a complete ban on

wearing hijabs in schools has been legally introduced. The author, based on a study of the available scientific literature and journalism, a simultaneous study of the results of his own representative sociological survey (interviews), conducted an analysis of this topical issue, with an emphasis on clarifying precisely its prohibitive aspects, that is, determining what caused such a strictly negative attitude of the official authorities to this issue and what is the point of view of representatives of the Russian Ummah Muslim community itself.

Keywords: Russian Islamic Ummah, educational institutions, hijab, ban on wearing hijab

***For citation**: Gallyamov R.R. Wearing the hijab in Russian educational institutions: a challenge to public order or a fulfillment of religious traditions? Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 182 – 188.*

The article was submitted: August 31, 2025; Approved after reviewing: October 29, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Проблема хиджаба, запрета его ношения учащимися-мусульманками в российских образовательных учреждениях чрезвычайно актуализировалась в течение нескольких последних лет, особенно после того, как в текущем году департамент образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) – Югры сообщил об установлении полного запрета на ношение религиозных головных уборов во всех общеобразовательных учреждениях региона. Этот запрет стал уже третьим аналогичным региональным нормативным ограничением, вслед за принятыми в прошлом 2024 году соответствующими решениями руководителей образования Владимирской и Воронежской областей [7].

Несмотря на казалось бы незначительный сегодняшний резонанс этого события, на фоне происходящих в последнее время в нашей стране более животрепещущих коллизий и сложнейшего геополитического положения, в проблеме отношения к хиджабу со стороны гражданского общества и государства, в котором только коренное мусульманское население (не считая иммигрантского) составляет около двадцати процентов от общего числа россиян, заложена колоссальная дифференцирующая составляющая, которая уже в обозримом будущем может спровоцировать своеобразный социальный, или, по крайней мере, духовно-идеологический раскол. Именно поэтому, необходим скрупулёзный научный анализ рассматриваемой проблемы во всех ее возможных аспектах и проявлениях. Отечественная наука, в указанном смысле, к сожалению, еще в большом долгу перед российским обществом.

Хиджаб, как известно, по мнению специалистов, наряду с другими бытующими в мире распространенными комплектами мусульманской женской одежды (абайя, паранджа, никаб, шейла, химар, чадра), разделяется на два основных вида. Во-первых, это хиджаб, или русари – небольшой платок, который, оставляя открытым лицо, прикрывает голову и шею женщины. Во-вторых, это хиджаб-амира – платок, под который надета шапочка бони, скрывающая волосы. Эти два вида хиджаба распространены в основном в регионах Российской Федерации и Турции [1, с. 578-602].

В российских научных публикациях и соответствующем сегменте интернета глубоких аналитических статей о хиджабе, в том числе – критического характера, незначительное количество. Среди них выделяются работы М.С.-Г. Албогачиевой, Г.В. Балтановой, И.А. Бочаровой, Д. Гараева, Л.Р. Вахиуллиной, Т.А. Позднякова, Р.Ю. Рахматуллина, Г.В. Сайфутдиновой, В.Ю. Сморгуновой и др. В большинстве указанных публикаций рассматриваются: либо общерелигиозные проблемы хиджаба, его трактовки в основных источниках исламского вероучения; либо идентификационные начала этого религиозного одеяния; либо соотношения данного явления с основными тенденциями важной для женщин исторической и современной моды; либо понимания хиджаба как своеобразного религиозного дресс-кода. На наш взгляд, наиболее актуальными на сегодняшний день и наименее разработанными, являются аспекты исследования хиджаба о теоретико-практических взглядах, обосновывающих его запрет и, наоборот, доказывающих его обоснованность для реализации в одежде не только у взрослого населения, но и у подрастающего поколения, в том числе – в образовательных учреждениях.

Материалы и методы исследований

Методической основой данного исследования стали: во-первых, результаты текстологического анализа найденных автором размышлений различных экспертов и приводимых ими аргументов о роли хиджаба в формировании духовно гармоничной личности подрастающего поколения и его религиозной культуры; во-вторых, итоги синхронного системного исследования данных авторского социологического опроса, проведенного в форме углубленного стандартизированного интервью еще в июне-июле 2014 году и впервые в полном

объеме опубликованного в 2025 году в отдельной монографии [5, с. 173-251]. Интервью охватило представителей мусульманской интеллигенции и близких к исламу экспертов столицы Башкортостана – города Уфы. Выборка опроса составила 13 респондентов, распределенных на следующие интервьюируемые группы: 4 – представители исламского духовенства высокого уровня (руководители муфтиятов, имам-хатибы крупных городских мечетей), 4 – эксперты из числа ученых различных направлений и чиновников регионального и городского значения, 5 – верующие из числа активистов национальных общественных организаций. В-третьих, автором были проанализированы интернет-ресурсы, в которых в основном аргументировалась, через соответствующую репродукцию представителей СМИ, точка зрения региональных государственных органов с обоснованием их позиции в отношении запрета хиджаба в образовательных учреждениях.

Результаты и обсуждения

Как известно, вопрос о запрете хиджабов в образовательных учреждениях, возникнувший первоначально на уровне отдельных сельских школ, в том числе – в 2013 году в ногайском селе Кара-Тюбе Ставропольского края [9] и в 2014 году в татарском селе Белозерье в Мордовии [11] разросся в последние годы до региональной, межрегиональной и, по-видимому, общероссийской проблемы. Не случайно, в текущем 2025 году уже в третьем российском регионе – Ханты-Мансийском автономный округе – Югра, вслед за Владимирской и Воронежской областями, где это произошло в прошлом 2024 году, нормативно введен полный запрет на ношение хиджабов в школах. Интересно проанализировать точку зрения чиновников, обосновавших подобные решения.

Позиция и аргументация чиновников регионального уровня

В департаменте образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) – Югры уточнили, как отмечается в соответствующей публикации, что локальные акты соответствующего содержания, запрещающие носить хиджабы, утверждены во всех 303 школах округа, при том, что решения «самостоятельно принимались» на уровне администрации учебных учреждений, учитывающей позицию родительских советов и мнение общественности. То есть в данном случае делается ссылка на автономное, самодеятельное решение самих школ, произведенное в «тесном сотрудничестве» с родительской общественностью. В качестве юридико-правового обоснования принятого решения авторы документа ссылаются на реализацию требований введенного в действие с сентября 2025 года нового всероссийского Госстандарта, который вносит особые «рекомендации» к школьной форме, а «администрации школ должны самостоятельно утверждать требования к внешнему виду своих учащихся» [7]. При этом, один из руководителей департамента образования и науки ХМАО, комментируя нововведения, объяснила их необходимостью «создать образовательную атмосферу для занятий, укрепить порядок и дисциплину, сформировать «общую культуру и эстетику» внешности учеников, избавиться от проявлений разного рода различий между школьниками и предупредить развитие психологического дискомфорта в отношениях между одноклассниками» [7].

Как подчеркивает автор анализируемой публикации, одновременно еще один высокопоставленный чиновник, председатель Национального антикоррупционного комитета (НАК) и член президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) поддержал решение школ ХМАО и назвал его даже «нужным примером для всех регионов» страны, а также – «первым разумным шагом» по направлению к изменению миграционной ситуации в регионе и борьбе с созданием «этнического анклава» на его территории. Данный чиновник даже привел в качестве аргумента для введения запрета «необходимость учета непростой обстановки, сложившейся в регионе, которая привела к нарушению культурно-этнического баланса, а также – к росту религиозного радикализма и распространению там чуждых для россиян религиозных традиций».

Точку зрения руководителей образования Воронежской области чиновники обосновали тем, что «Россия по Конституции является светским государством, и одежда учащихся в учреждениях светского образования не должна содержать религиозных атрибутов». Руководство образования и молодежной политики Владимирской области, при принятии соответствующего решения, сослалось на позицию Верховного суда России от 2013 года [10] и якобы «опыт других регионов».

Весьма симптоматично и то, что во всех трех российских регионах, нормативно запретивших хиджаб в образовательных учреждениях, в качестве одного из основных аргументов «правильности и выверенности» своей позиции приводят мнение о том, что официальные мусульманские организации (муфтияты и их лидеры) не высказали своего негативного отношения к позиции властей в этом вопросе, а наоборот, якобы поддержали его и обратились к верующим мусульманам «отнестись к этому решению “с пониманием”».

Позиция мусульманских деятелей сочувствующих исламу активных участников гражданского общества

Несомненно, что картина отношения к рассматриваемой проблеме будет не только не полной, но и в значительной степени искаженной, деформированной, если не рассмотреть позицию и уровень аргументации представителей самой мусульманской уммы и около мусульманских деятелей, входящих в наиболее активный сегмент современного гражданского общества.

К интересным результатам приводит в этом смысле системный анализ результатов проведенного автором стандартизированного интервью. В ходе этого интервью респондентам был задан, в небольших редакционных вариациях, следующий вопрос: *«В последнее время мы все чаще можем видеть женщин в хиджабах, считаете ли Вы, что это признаки истинной религиозности? Ваше отношение к этому явлению? И в связи с этим еще вопрос – о допустимости или недопустимости ношения хиджабов или платков девочками в светских школах? Ведь в некоторых регионах законодательно это запрещено».*

Необходимо подчеркнуть, что и среди опрошенных автором сформировались различия во взглядах на это явление, вызванное, скорее, его религиозным и светским статусом респондентов, уровнем его «погруженности» в мусульманский мир. Например, довольно четко прорисовывается позиция служителей культа, профессионально осуществляющих свою деятельность в этой сфере.

Например, один из проинтервьюированных, представитель духовного управления мусульман Республики Башкортостан, имам, 47 лет, из г. Уфа, ответил следующим образом: *«Очень деликатный вопрос. Однозначно на этот вопрос ответить нельзя. Если по шариату, то это надо. Но мы живем в светском государстве. Поэтому не надо усугублять эту проблему. Руководство этих учреждений, совместно с родителями должны принимать решения о допустимости одежды девочек. Нельзя никого принуждать. Нельзя влезать в этот вопрос. Надо с пониманием к этому относиться».*

Более категорично отвечает на данный вопрос имам – наиб одной из мечетей, расположенной в промышленном микрорайоне г. Уфы, 51 год: *«Хиджаб для женщины – это фарыс. Аллах предписал одевать женщине одежду так, чтобы закрывать харамные части тела. Поэтому, одевать хиджаб для женщины – это обязательно. Кто не одевает – это грешник. Относительно школы, могу сказать, что я с этим вопросом часто сталкиваюсь, как имам я вступаю в спор с директорами школ (у меня у самого дочка в 11 лет, с первого класса одевает платок и длинную юбку). Директора машут приказом из министерства образования и говорят, что в одежде должен быть светский стиль. Я – возражаю: во-первых, где написано, что надо запретить платки, такого нет. Во-вторых, например, после революции женщины тоже проповедовали светский стиль, но они одевали длинные юбки и красные платки. Понятие светский стиль тоже спорное. Вообще в этом проблемы нет, это надуманная проблема».*

Своего рода компромиссную позицию высказал третий мусульманский священнослужитель, имам-хатиб одной из крупных мечетей г. Уфы, 63 года: *«Это-очень тонкий вопрос. Если ответить на него однозначно, то это может обидеть того или иного. Конечно, что одевать человеку в качестве верхней одежды, нижней одежды – это результат желания его самого. Но мы понимаем, что есть жизнь. Например, есть одежда для работы, есть праздничная одежда, есть профессиональные формы. Но есть и религиозная одежда, которую надо одевать, когда идешь в мечеть. Ведь девушки, которые сейчас ходят в хиджабах на улице, я думаю, что не работают в них в саду или, когда у горячей печки, готовят еду. Но если это так, то это демонстрирует уровень их религиозной культуры. Я считаю, что нельзя бороться с этим явлением в школах, если человек желает одеть платок или хиджаб, это его личное дело. Как будто у нас нет других проблем?! Посмотрите, к сожалению, во многих местах процветает наркомани, проституция, алкоголизм. С эти надо бороться, ведь дошло до того, что пропагандируют нетрадиционную сексуальную ориентацию, выступают за изменение пола при помощи хирургических операций. Это же ужас. А мы боремся с хиджабом в школах. Это неправильно и не способствует единению нашего народа».*

Более либеральной позиции в отношении к хиджабу, придерживаются опрошенные нами ученые, различающиеся лишь разным уровнем неприятия этого религиозного одеяния. Так, профессор Башкирского медицинского университета считает, что: «*Хиджаб не обязателен, но у женщины должны быть закрыты части тела, запрещенные для обозрения. А то, что все должны ходить в хиджабах – это совершенно не обязательно».* Второй профессор, обществовед по специальности (69 лет), рассуждает следующим образом: *«Что касается одежды, то с одной стороны – это проблема личной культуры. Есть социальные нормы в одежде, которые надо исполнять. Согласитесь, что выглядит совершенно не уместно пожарник в своем боевом костюме во время при-*

готовления обеда на кухне. Но в то же время, если в аудитории жарко и лучше было бы находиться в шортах, то я все равно не позволю себе снять галстук или рубашку, оставшись в нижней одежде. Есть социальные нормы одежды, которых надо придерживаться. В школах дети должны носить школьную форму и никаких хиджабов. В целом я, конечно, против запретов в одежде».

Несколько особняком стоит позиция общественных деятелей, точка зрения которых во многом согласуется с позиций чиновников городского и регионального уровня. Они выступают против запретов, считая запрет нарушением гражданских конституционных прав. Например, известный оппозиционный лидер Башкортостана и крупный предприниматель отвечает, что: *«Если это внутреннее состояние человека, а не так, чтобы его заставили, если это понимание ребенка – то это можно, он вполне может и должен носить хиджаб»*. Ему вторит другой известный общественный деятель республики, композитор, который считает, что: *«Не обязательно ходить в платках или хиджабах. Кто хочет – пускай одевает, но насильно заставлять или запрещать нельзя».* Наконец, наиболее «правовую» позицию занимает один из лидеров современного общественного и политического движения, лояльный руководству республики, утверждая, что: *«Уверен, что ходить в хиджабах в школе можно и нельзя это запрещать. Если это запрещать, то значит угнетать их религиозные взгляды»*.

Как отмечалось выше, более лояльной государству позиции, что вполне логично, придерживаются опрошенные чиновники. Например, один из руководителей администрации города Уфа эмоционально подчеркивает, что: *«Меня удивляет, например, что в Европе, запрещая ношение хиджабов, при этом разрешают гомосексуальные браки. С этой точки зрения люди сами должны выбирать одежду, тем более, если это предписано религиозными нормами. С другой стороны, определённые социальные нормы в одежде тоже должны существовать».* Второй сотрудник отдела пресс-службы Администрации городского округа «город Уфа», 30 лет, отмечает, что: *«На самом деле, истинный ислам от внешних признаков проявления не зависит, но меня радует, что среди молодежи появляются много представителей, которые придерживаются традиционной мусульманской одежды. Запрещать, я категорически против»*.

Нам представляется, что наиболее концентрированно и аргументировано позицию о ношении хиджаба, хотя я его специально не опрашивал, но много обсуждал с ним эту проблему [4, с. 88-96.] высказал мой друг и коллега, профессор Р.Ю. Рахматуллин, который в своей фундаментальной статье по этой проблеме доказательно написал, что запрещать носить хиджаб соблюдающим мусульманкам не нужно по двум причинам: во-первых, «это их выбор, и этот выбор нужно уважать…лучше направить энергию на воспитание религиозной толерантности у граждан, в особенности в школах, когда закладываются основы мировоззрения; во-вторых, в условиях нарастающей исламофобии во всем мире, хиджаб выступает символом существования ислама, его противодействия антиисламу» [12, с. 95].

Таким образом, во взглядах опрошенных нами респондентов и приведенных точек зрения экспертов, несмотря на определенные разночтения с точки зрения категоричности, присутствует общий императив о том, что запрещение хиджаба в образовательных учреждениях является: а) незаконным, нарушающим конституционные гражданские права в нашей стране; б) несправедливым, так как нарушает процесс формирования конфессиональной и общей социальной идентичности человека, препятствует его гармоничному воспитанию; в) вредным, конфликтогенным, в силу того, что это воспринимается как попытка разрушения мусульманской идентичности, а следовательно – формирует у мусульман чувство ущемленности, а поэтому – интолерантности к представителям других, немусульманских конфессий, в особенности – доминирующих в данном обществе.

Выводы

1. Общеизвестно, что хиджаб – это особая форма религиозной женской одежды, включающая только длинную юбку и небольшой платок, который, оставляя открытым лицо, прикрывает голову и шею женщины. При этом, вопрос о запрете хиджабов в образовательных учреждениях, возникнувший первоначально в России на уровне некоторых сельских школ, разросся на современном этапе до общероссийской проблемы: в текущем году уже в третьем российском регионе нормативно введен полный запрет на ношение хиджабов в школах.

2. Аргументация чиновников регионального уровня, вводящих подобный запрет, основывается на том, что: а) инициатива данного действия исходит локальных (внутришкольных) локальных актов соответствующего содержания, принятых в «в тесном сотрудничестве с родительской общественностью»; б) документ исходит из требований всероссийского Госстандарта; в) необходимо сформировать «общую культуру и эстетику» внешности учеников, предупредить развитие психологического дискомфорта в отношениях между

одноклассниками»; г) предполагает борьбу «с ростом религиозного радикализма и распространением чуждых для россиян религиозных традиций»; д) выступает «реализацией требований Конституции РФ о светском характере образования, которое не должно содержать религиозных атрибутов».

3. Представители самой мусульманской уммы и около мусульманские деятели, составляющие наиболее активный сегмент гражданского общества, категорически не согласны с мнением госчиновников, они исходят из того, что запрещение хиджаба в образовательных учреждениях: а) нарушает конституционные гражданские права; б) разрушает процесс формирования конфессиональной идентичности человека, препятствует его гармоничному воспитанию; в) генерирует очаги конфликтогенности, так как воспринимается как попытка разрушения мусульманской идентичности, формирует у мусульман чувства ущемленности, интолерантности к представителям других, немусульманских конфессий.

Финансирование

Статья выполнена в рамках осуществления государственного задания № АААА-А21–121012290084–6 «Традиционные религии и новые религиозные движения на Южном Урале и в Приуралье: вопросы функционирования, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений» (дата гос. регистрации 22.01.2021 г.)

Список источников

1. Албогачиева М.С.-Г. Хиджаб современной мусульманки: традиция или мода? // Minbar. Islamic Studies. 2020. № 13 (3). С. 578 – 602.

2. Балтанова Г.Р. Хиджаб в школе: надо ли будить спящего льва? // Высшее образование сегодня. 2017. № 5. С. 56 – 62.

3. Бочарова И.А. Хиджаб как особенность мусульманской одежды // Исламоведение. 2010. № 2. С. 4 – 8.

4. Галлямов Р.Р. Вклад профессора Р.Ю. Рахматуллина в российское исламоведение (памяти друга) // Исламоведение. 2023. Т. 14. № 4 (58). С. 88 – 96.

5. Галлямов Р.Р. Ислам и исламоведение в современном Башкортостане: религиоведческие очерки. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025, 274 с.

6. Гараев Д. Хиджаб в Казани: исламские ценности в мусульманской молодежной субкультуре // Россия и мусульманский мир. 2008. № 9. С. 42 – 46.

7. Достоевский Г.В России появился третий регион с полным запретом на хиджабы в школах // https://dzen.ru/a/aN_ofKNCZnqRTGKK?ysclid=mgb6ta0sgs21463628

8. Дудорова А.С., Маркова Н.М. Запрет ношения хиджаба в российских школах: история развития конфликта // Научный журнал. 2019. № 6 (40). С. 58 – 61. URL: https://scientificmagazine.ru/images/PDF/2019/40/Nauchnyj-zhurnal-6-40.pdf?ysclid=lbp7nh5cnu994080624

9. Платочки против хиджабов. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MDSLsP5t24A

10. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2013 г. № 19-АПГ13-2 // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=349305&ysclid=lbp72nvp3165553 5812#M8i26QTsrbO3H2He1

11. Постановление правительства Республики Мордовия от 12 мая 2014 г. № 208 // Российская газета, 2014, 14 мая. URL: https://rg.ru/documents/2014/ 09/19/mordoviya-post208-reg-dok.html.https://rg.ru/documents/2014/09/19/mor-doviya-post208-reg-dok.html

12. Рахматуллин Р.Ю. Страсти по хиджабу в контексте мусульманской идентичности // Исламоведение. 2018. Т. 9. № 1. С. 88 – 96.

References

1. Albogachieva M.S.-G. Hijab of a Modern Muslim Woman: Tradition or Fashion? Minbar. Islamic Studies. 2020. No. 13 (3). P. 578 – 602.

2. Baltanova G.R. Hijab at School: Should We Wake a Sleeping Lion? Higher Education Today. 2017. No. 5. P. 56 – 62.

3. Bocharova I.A. Hijab as a Feature of Muslim Clothing. Islam Studies. 2010. No. 2. P. 4 – 8.

4. Gallyamov R.R. The Contribution of Professor R.Yu. Rakhmatullin to Russian Islamic Studies (in Memory of a Friend). Islam Studies. 2023. Vol. 14. No. 4 (58). P. 88 – 96.

5. Gallyamov R.R. Islam and Islamic Studies in Modern Bashkortostan: Religious Studies Essays. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 2025, 274 p.

6. Garayev D. Hijab in Kazan: Islamic Values in Muslim Youth Subculture. Russia and the Muslim World. 2008. No. 9. P. 42 – 46.

7. Dostoevsky G. A Third Region with a Complete Ban on Hijabs in Schools Appears in Russia. https://dzen.ru/a/aN_ofKNCZnqRTGKK?ysclid=mgb6ta0sgs21463628

8. Dudorova A.S., Markova N.M. Ban on Wearing Hijab in Russian Schools: The History of the Conflict. Scientific Journal. 2019. No. 6 (40). P. 58 – 61. URL: https://scientificmagazine.ru/images/PDF/2019/40/Nauchnyj-zhurnal-6-40.pdf?ysclid=lbp7nh5cnu994080624

9. Headscarves versus Hijabs. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MDSLsP5t24A

10. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of July 10, 2013, No. 19-APG13-2. Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=349305&ysclid=lbp72nvp3165553 5812#M8i26QTsrbO3H2He1

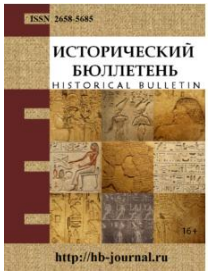
11. Resolution of the Government of the Republic of Mordovia of May 12, 2014 No. 208. Rossiyskaya Gazeta, 2014, May 14. URL: https://rg.ru/documents/2014/09/19/mordoviya-post208-reg-dok.html.https://rg.ru/documents/2014/09/19/mor-doviya-post208-reg-dok.html

12. Rakhmatullin R.Yu. Passions over hijab in the context of Muslim identity. Islam studies. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 88 – 96.

Информация об авторе

Галлямов Р.Р., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Отдела религиоведения, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7080-9150, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450077, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 6, gal-rushan@yandex.ru

© Галлямов Р.Р., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47).084.9

Историческое развитие КПРФ в Сибирском регионе: становление партийных структур и электоральная динамика в 1990-е годы

[1] Майоров Г.А.,
[1] Майорова Е.И.,
[1] Государственный университет управления

Аннотация: статья посвящена исследованию процесса становления и развития Коммунистической партии Российской Федерации в Сибирском макрорегионе в период 1990-х годов. Анализируется специфика адаптации коммунистического движения к постсоветским политическим реалиям в условиях трансформации государственной системы и социально-экономического кризиса. Методологической основой исследования выступает комплексный исторический анализ организационного строительства, электоральной динамики и программной деятельности партии с применением сравнительного метода при изучении региональных различий. Выявлены основные этапы восстановления партийных структур на базе кадрового потенциала бывших комитетов КПСС, механизмы мобилизации протестного электората и особенности формирования региональной политической стратегии. Установлено, что партия продемонстрировала успешную адаптацию к новым условиям, создав разветвленную организационную сеть и достигнув значительных электоральных результатов, особенно в промышленных и аграрных территориях региона. Определена неравномерность развития партийных организаций в различных субъектах Сибири и выявлены внутренние противоречия в стратегических подходах к взаимодействию с региональными властями.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Российской Федерации, Сибирский регион, партийное строительство, электоральное поведение, региональная политика, постсоветский период, организационное развитие

***Для цитирования**: Майоров Г.А., Майорова Е.И. Историческое развитие КПРФ в Сибирском регионе: становление партийных структур и электоральная динамика в 1990-е годы // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 189 – 198.*

Поступила в редакцию: 1 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The historical development of the Communist Party in the Siberian region: the formation of party structures and electoral dynamics in the 1990s

[1] Mayorov G.A.,
[1] Mayorova E.I.,
[1] State University of Management

Abstract: the article is devoted to the study of the formation and development of the Communist Party of the Russian Federation in the Siberian macroregion in the 1990s. The article analyzes the specifics of the Communist movement's adaptation to the post-Soviet political realities in the context of the transformation of the state system and the socio-economic crisis. The methodological basis of the research is a comprehensive historical analysis of the organizational structure, electoral dynamics and programmatic activities of the party using a comparative meth-

od in the study of regional differences. The main stages of the restoration of party structures based on the personnel potential of the former CPSU committees, the mechanisms of mobilization of the protest electorate and the specifics of the formation of a regional political strategy are revealed. It is established that the party has demonstrated successful adaptation to the new conditions, having created an extensive organizational network and achieved significant electoral results, especially in the industrial and agricultural territories of the region. The uneven development of party organizations in various regions of Siberia is determined and internal contradictions in strategic approaches to interaction with regional authorities are revealed.

Keywords: Communist Party of the Russian Federation, Siberian region, party building, electoral behavior, regional politics, post-Soviet period, organizational development

***For citation**: Mayorov G.A., Mayorova E.I. The historical development of the Communist Party in the Siberian region: the formation of party structures and electoral dynamics in the 1990s. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 189 – 198.*

The article was submitted: September 1, 2025; Approved after reviewing: November 1, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Сибирский макрорегион представляет собой особое политическое пространство, характеризующееся спецификой социально-экономических процессов и электоральных предпочтений, существенно отличающих его как от западноевропейской части Российской Федерации – преимущественно Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов с их урбанизированной структурой и развитой инфраструктурой, так и от дальневосточных территорий с их геополитической приграничностью и ресурсной направленностью экономики. Западная часть страны традиционно характеризуется более высокой политической активностью населения, концентрацией административных и финансовых центров, что обуславливает специфику электорального поведения и партийного строительства, тогда как восточные регионы демонстрируют иные особенности политического участия, связанные с особенностями хозяйственной деятельности и демографической ситуации. Сибирь же занимает промежуточное положение, сочетая элементы индустриального развития с сохранением традиционных социальных структур, что, в нашем представлении, создает уникальные условия для функционирования политических партий.

В исторической ретроспективе, как подчеркивают академические исследователи, Сибирь неоднократно выступала ареной значимых социально-политических событий, определявших траектории развития российского государства. Освоение Сибири в XVI-XVII веках [1], строительство Транссибирской магистрали в конце XIX века [2], индустриализация 1930-х годов, создание эвакуационной базы в годы Великой Отечественной войны [3], формирование территориально-производственных комплексов в советский период [4] – все эти процессы формировали особую роль региона в общенациональном развитии. Особое значение приобрел опыт освоения целинных земель в 1950-1960-е годы, когда именно сибирские территории стали полигоном для реализации масштабных социально-экономических экспериментов [5, 6]. События 1991-1993 годов, связанные с распадом СССР и конституционным кризисом, также, как исследовал Степанов В.Е., нашли в Сибири особое преломление, что впоследствии повлияло на формирование региональных политических традиций [7].

Современный этап развития российской политической системы характеризуется активным участием политических партий в борьбе за влияние в сибирских регионах, что обусловлено их экономическим потенциалом и электоральным весом [8]. Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), позиционирующая себя как правопреемница КПСС и крупнейшая оппозиционная сила в стране, на различных этапах своего развития претендовала на роль как системной, так и антисистемной оппозиции, периодически выдвигая амбиции по превращению в партию власти [9]. Исторический опыт взаимодействия КПСС с сибирскими территориями включал создание Сибирского отделения Академии наук СССР (1957), сельскохозяйственную политику (1960-1970-е), политику культурного просвещения (1950-1960-е), реализацию программы БАМа (1970-1980-е), освоение нефтегазовых месторождений Западной Сибири (1960-1980-е), что создало прочную основу для последующей деятельности КПРФ в регионе [10-14]. Встраиваясь в эту историческую логику, КПРФ демонстрирует собственный подход к региональному развитию, продиктованный, с одной стороны, постсоветскими трансформациями и необходимостью адаптации к новым политиче-

ским реалиям, с другой – объективными изменениями самого сибирского региона в условиях рыночной экономики и федеративного устройства. Цель настоящего исследования состоит в определении особенностей становления и развития КПРФ в Сибирском регионе в 1990-е годы, выявлении основных этапов формирования партийных структур и анализе электоральной динамики в условиях постсоветской трансформации политической системы.

Материалы и методы исследований

Исследование базируется на комплексе источников, включающем официальные документы КПРФ (материалы съездов, программные заявления, уставные документы), статистические данные Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах федеральных и региональных выборов 1995-1999 годов, а также аналитические материалы региональных партийных организаций Сибирского макрорегиона. Методологическую основу работы составляет комплексный исторический анализ, сочетающий хронологический подход к изучению этапов партийного строительства, сравнительный метод при исследовании электоральной динамики в различных субъектах Сибири и статистический анализ количественных показателей партийного развития. Применение историко-генетического метода позволило проследить преемственность организационных структур КПРФ с институциональным наследием КПСС, тогда как системный подход обеспечил выявление взаимосвязей между социально-экономическими условиями регионов и электоральными результатами партии. Территориальные рамки исследования охватывают субъекты Сибирского федерального округа, хронологические границы определяются периодом 1993-1999 годов – от официальной регистрации КПРФ до завершения первого десятилетия постсоветской трансформации.

Результаты и обсуждения

Восстановление коммунистического движения в России происходило в условиях глубокого политического кризиса, когда традиционные институты советской власти утратили легитимность, а новые демократические структуры еще не обрели устойчивости [15]. Формирование КПРФ как политической организации стало результатом консолидации различных коммунистических групп и движений, стремившихся сохранить идеологическую преемственность с КПСС в кардинально изменившихся исторических условиях. Процесс институционализации партии начался в период острого конституционного кризиса, когда 13-14 февраля 1993 года в Подмосковье состоялся II Чрезвычайный съезд коммунистов России, официально возобновивший деятельность партии [16-17]. Участники съезда приняли программные документы, определившие идеологические основы и организационные принципы новой партии: был утвержден Устав КПРФ и программное заявление, избран Центральный исполнительный комитет в составе 148 человек [16]. Выбор руководства партии отражал внутрипартийную борьбу различных течений: хотя первоначально предполагалось, что партию возглавит Валентин Купцов, делегаты избрали председателем ЦИК Геннадия Зюганова, что предопределило дальнейшую эволюцию партийной стратегии. Официальная регистрация партии Министерством юстиции Российской Федерации под номером 1618 в марте 1993 года совпала с нарастанием политической напряженности в стране и предоставила КПРФ легальные возможности для участия в политическом процессе [17].

Географическая и демографическая специфика Сибирского региона изначально определила его особую роль в стратегии восстановленной партии. Концентрация промышленного потенциала, значительная доля городского населения, исторические традиции советского периода и социально-экономические проблемы переходного времени создавали благоприятную среду для деятельности коммунистических организаций. Эта ситуация проявилась уже осенью 1993 года в условиях обострения конституционного кризиса, когда сибирские политические элиты предприняли попытку выступить в роли посредников между противоборствующими сторонами. Организация Первого съезда народных депутатов Сибири 29 сентября — 1 октября 1993 года в Новосибирске стала знаковым событием, демонстрировавшим потенциал региональной консолидации в критический момент российской истории [16]. Масштаб мероприятия отражал значимость сибирского региона в общенациональной политике: в город прибыли представители депутатского корпуса и исполнительной власти всех зауральских регионов от Дальнего Востока до Урала. Программа съезда была направлена на поиск компромиссного решения политического кризиса: участники подписали обращение с требованием снять оцепление с Белого дома, провести досрочные выборы и прекратить информационную блокаду парламента [18]. Трагические события 3-4 октября 1993 года, завершившиеся расстрелом парламента, придали новосибирской инициативе символическое значение альтернативного пути разрешения политических противоречий, что впоследствии активно использовалось в риторике сибирских представителей КПРФ, хотя и критиковалось со стороны других

политических активистов коммунистического толка за нерешительность в революционных действиях.

Параллельно с политическими событиями федерального уровня в сибирских территориях началось восстановление партийных структур, опиравшееся на кадровый потенциал и организационную память бывших партийных комитетов КПСС. Процесс формирования региональных отделений КПРФ учитывал административно-территориальную структуру регионов и особенности местных политических элит [16]. В Новосибирской области создание областного комитета партии сопровождалось его позиционированием как координирующего центра для всего Сибирского региона, что отражало геополитическое значение области как транспортного узла и административного центра Сибирского федерального округа. Организационная работа по созданию местных отделений охватывала все районы и города области, где формировались первичные партийные организации на базе производственных коллективов, территориальных общин и профессиональных сообществ. Этот процесс протекал в сложных условиях общественного недоверия к политическим институтам, экономического кризиса и адаптации населения к новым социально-экономическим реалиям, что требовало от партийных организаторов не только идеологической убежденности, но и практических навыков работы в условиях политической конкуренции.

Институционализация партийных структур получила дальнейшее развитие в ходе подготовки к III съезду КПРФ 21-22 января 1995 года, который закрепил организационные принципы партии и внес важные изменения в ее статус [19]. Официальное переименование партии в КПРФ отражало стремление к большей институционализации и создавало более четкую политическую идентичность в преддверии избирательных кампаний. К этому времени в Сибири была практически полностью восстановлена сеть местных партийных организаций, что обеспечивало организационную готовность к участию в предстоящих выборах и формировало основу для долгосрочного политического влияния в регионе.

Первая серьезная проверка электоральных позиций КПРФ в Сибири произошла в ходе выборов в Государственную Думу 1995 года, результаты которых выявили неравномерность поддержки партии в различных сибирских территориях. Анализ электоральной географии показал зависимость результатов от социально-экономической структуры регионов и специфики местных политических процессов. Так, партия получила 25,95% голосов в Алтайском крае, 48,05% в Кемеровской области, что значительно превышало средние показатели по стране (22,3%) и объяснялось концентрацией промышленных предприятий и более активной работой местной партийной организации [20]. Тем не менее, в Республике Хакасия, Омской области, Республике Тыва, результаты были ниже – в 21,57%, 16%, 11,45%, голосов соответственно. В других областях показатели колебались от 9 до 14%, демонстрируя различную степень адаптации партийных структур к новым избирательным технологиям и разную эффективность агитационной работы. Эти результаты стали основой для анализа партийной стратегии и корректировки региональной политики, направленной на усиление влияния в наиболее перспективных территориях. Тем не менее, совокупно они увеличили силу политического присутствия КПРФ: как отмечает Козодой, после выборов 1995 г. «*к прежним регионам сильного влияния КПРФ – Черноземью, ряду областей Северного Кавказа и Поволжья, добавились и другие, в том числе юг Сибири*» [21, с. 79].

Президентские выборы 1996 года продемонстрировали не менее высокий уровень поддержки кандидата от КПРФ Геннадия Зюганова в Сибирском регионе по сравнению с думскими выборами, что свидетельствовало о росте партийного влияния и эффективности предвыборной кампании. География электоральной поддержки отражала социально-экономические особенности различных сибирских территорий и степень адаптации населения к рыночным реформам. В Кемеровской области Зюганов набрал 39,46% голосов, в Алтайском крае – 41,92%, в Кузбассе – 39,46%, в Новосибирске – 35,48% – в каждом из данных субъектов РФ лидер КПРФ занял первое место, опередив Б. Ельцина [22, с. 12]. Высокие результаты коммунистического кандидата в Сибири объяснялись не только протестными настроениями электората, но и эффективной организационной работой региональных отделений партии, которые смогли мобилизовать своих сторонников и обеспечить массовое участие в избирательном процессе. В других сибирских регионах поддержка, однако, составила от 17% до 30% – в Красноярском крае, Иркутской, Томской, Кемеровской областях, где победу одержал, соответственно, Б. Ельцин [16]. В этой связи примечательно, что более низкие показатели в нефтегазодобывающих областях отражали влияние экономической конъюнктуры на электоральные предпочтения населения, тогда как высокая поддержка в промышленных и аграрных регионах (южных регионах Сибири) демонстрировала эффективность коммунистической риторики в условиях социально-экономических трудностей пере-

ходного периода. Во втором туре, как отмечают исследователи, была предпринята масштабная кампания продвижения кандидатуры Б. Ельцина, которая свела «отрыв» Г. Зюганова в отмеченных успешных регионах «*к разнице менее 1 %*», а в и без того проигрышных субъектах сделала расхождение «*подавляющим*» [22, с. 12], однако, несмотря на поражение Г.А. Зюганова на федеральном уровне, в ряде сибирских регионов он сохранил лидирующие позиции, что свидетельствовало о прочности социальной базы КПРФ в данном макрорегионе и специфике местных политических предпочтений [23].

Одновременно с участием в федеральных избирательных кампаниях КПРФ активно включилась в региональную политику, выдвигая своих кандидатов на посты губернаторов и в региональные законодательные собрания. В 1996-1997 годах представители партии одержали ряд значимых побед на региональном уровне: А.М. Тулеев, поддержанный КПРФ, был избран губернатором Кемеровской области, получив 94,54% голосов избирателей, что стало крупнейшим успехом партии в борьбе за региональную власть. В Читинской области коммунист Р.Ф. Гениатулин занял пост губернатора, а в Новосибирской области из 1018 депутатов в районный совет вошло более трети представителей КПРФ (378 человек) [24, с. 94]. Эти победы, следует отметить, позволили партии получить административные ресурсы для дальнейшего развития организационных структур и реализации собственных политических инициатив на региональном уровне.

Организационное развитие партии получило дальнейшее закрепление в ходе IV съезда КПРФ 19-20 апреля 1997 года, на которым были рассмотрены различные вопросы, включая политический отчёт ЦК КПРФ, отчёт ЦКРК, работу коммунистов в Федеральном Собрании РФ и который внес изменения в Устав партии при активном участии сибирских делегатов [25]. К этому времени региональные структуры партии в Сибири достигли организационной зрелости, обеспечивавшей стабильное функционирование и координацию деятельности между различными территориальными отделениями. Как отмечает С. В. Новиков, в период с 1996 по 1999 гг. региональные организации КПРФ в Западной Сибири продемонстрировали как количественный рост, так и институциональное укрепление. Особенно заметна была динамика увеличения числа первичных организаций, что свидетельствовало о расширении базы партии на местах и о её способности закрепляться в местных сообществах (табл. 1) [24, с. 91-93].

Таблица 1

Численность региональных организаций КПРФ и рост первичных отделений в Западной Сибири (1995-1997 гг.).

Table 1

Membership of regional CPRF organizations and number of primary branches in Western Siberia (1995-1997).

Регион	Численность организации, чел.	Первичные организации (1995 → 1997)
Омская область	5 000	74 → 205
Алтайский край	4 700	124 → 356
Кемеровская область	6 000	209 → 281
Новосибирская область	4 202 (1996), +1 000 в 1997	301 → 342
Томская область	1 500 – 2 000	61 → 64

Суммируя, подчеркнем, что опыт 1990-х годов позволил определить основные направления деятельности КПРФ в сибирском регионе, которые сочетали традиционные формы партийной работы с адаптацией к новым политическим условиям, среди них:

- Восстановление организационных структур на базе кадрового потенциала и институциональной памяти бывших партийных комитетов КПСС;
- Систематическое участие в избирательных кампаниях различного уровня с постепенным совершенствованием предвыборных технологий;
- Целенаправленная мобилизация протестного электората в условиях экономического кризиса и социальной нестабильности;
- Разработка альтернативной федеральной власти концепции регионального развития, учитывающей специфику сибирских территорий;
- Создание собственной информационно-пропагандистской базы через развитие региональных СМИ и издательской деятельности.

Примечательно, что после выборов 1995 года КПРФ получила 22,3 % голосов и сформировала крупнейшую фракцию во втором созыве Государственной думы – 157 депутатских мест из 450 [16], однако это не обеспечило партии реальных рычагов влияния на экономическую политику. В условиях острого финансового кризиса 1998 года, как отмечает в официальной статистике, ВВП России

сократился почти на 5,2 %, инфляция превысила 80 % в годовом выражении, а реальная заработная плата упала примерно на треть [26]. В Сибири последствия кризиса были особенно ощутимы: в угольной отрасли Кузбасса фиксировались многомесячные задержки зарплат, снижение уровня заработной платы на 34,5%, уменьшение промышленных предприятий более чем на 50% [27, с. 277], в Омской и Новосибирской областях падал промышленный выпуск, а уровень безработицы в отдельных районах Красноярского края превышал среднероссийский показатель [28]. Несмотря на это, КПРФ, воспринимавшаяся частью избирателей как элемент парламентского статус-кво, сумела в целом сохранить электоральную привлекательность, что и продемонстрировали выборы 1999 года. Парадоксальным образом последствия девальвации рубля к моменту голосования уже способствовали оживлению промышленности: импорт подорожал, а отечественная продукция стала конкурентоспособнее [16]. Это привело к частичной стабилизации экономики, что, однако, не свело на нет социальное недовольство, позволив партии мобилизовать свой базовый электорат.

Выборы в Государственную Думу 1999 года, как свидетельствует официальная статистика [29], продемонстрировали неоднозначную, хотя и в большей степени положительную динамику поддержки КПРФ в Сибирском регионе в сравнении с выборами 1995 года (табл. 2).

Таблица 2

Динамика поддержки КПРФ на выборах в Государственную Думу по субъектам Сибирского федерального округа в 1995 и 1999 гг., %.

Table 2

Dynamics of CPRF electoral support in the State Duma elections by subjects of the Siberian Federal District in 1995 and 1999, %.

Регион	1995, %	1999, %	Изменение (п.п.)
Республика Алтай	25,95	25,63	-0,32
Республика Бурятия	27,88	27,06	-0,82
Республика Тыва	11,45	8,31	-3,14
Республика Хакасия	21,57	25,01	+3,44
Алтайский край	25,98	36,63	+10,65
Красноярский край	18,84	25,29	+6,45
Иркутская область	15,68	23,54	+7,86
Кемеровская область	48,05	28,59	-19,46
Новосибирская область	21,26	28,15	+6,89
Омская область	15,98	29,37	+13,39
Томская область	18,77	16,55	-2,22
Читинская область	21,56	29,40	+7,84
Агинский Бурятский АО	18,02	20,75	+2,73

Как видно, партия сохранила лидирующие позиции в большинстве субъектов федерации, и, как показывают расчеты, в семи из двенадцати регионов СФО ее результат превысил показатели 1995 года. Значительный рост был зафиксирован в промышленно развитых и аграрных регионах: в Омской области (+13,39 п.п.), Алтайском крае (+10,65 п.п.), Иркутской области (+7,86 п.п.) и Новосибирской области (+6,89 п.п.), что свидетельствует о успешной мобилизации протестного голоса. Однако общую картину роста скорректировала Кемеровская область: в отличие от выборов 1995 года, когда А. Тулеев возглавлял региональный список КПРФ, в 1999 году он, оставаясь формально в рядах партии, оказал фактическую поддержку блоку «Единство», что привело к расколу в местном электорате и обвальному падению поддержки коммунистов (–19,46 п.п.) [30, с. 109-110]. Также снижение произошло в Республике Тыва и Томской области. Таким образом, на фоне усиления конкуренции со стороны новых политических сил – блока «Отечество – Вся Россия», «Единства», ЛДПР, – которые смогли привлечь часть электората за счёт иных идейных лозунгов и поддержки региональных элит, итоги голосования 1999 года ознаменовали не общий спад, а начало структурной перестройки электорального ландшафта и усиление региональной дифференциации в поддержке КПРФ.

Дополнительно к этому, на закате XX в. – в 1998-2000 годах – КПРФ в Сибири столкнулась с первыми уже не внешними, а внутренними противоречиями и организационными проблемами, связанными с различными подходами к стратегии партийного развития и отношениям с региональными властями. Как описывает российский историк Ю.Г. Коргунюк, часть партийных функционеров выступала за более конструктивное сотрудни-

чество с губернаторами и региональными администрациями, другая часть настаивала на сохранении оппозиционного характера деятельности и критическом отношении к политике федерального центра [16]. Эти разногласия привели к идейным недопониманиям в ряде региональных отделений [17], что ослабило позиции КПРФ перед парламентскими выборами 2003 года и создало почву для последующих в 2000-ых и 2010-ых гг. партийных расколов и создания альтернативных левых организаций.

Выводы

Итак, исследование процесса становления и развития КПРФ в Сибирском регионе в течение 1990-х годов позволяет констатировать успешную адаптацию коммунистического движения к новым политическим реалиям постсоветского периода. Партия продемонстрировала способность к эффективному восстановлению организационных структур на базе кадрового потенциала и институциональной памяти КПСС, созданию разветвленной сети региональных и местных отделений, мобилизации протестного электората в условиях социально-экономического кризиса. Электоральные успехи КПРФ в Сибири – от думских выборов 1995 года до президентских выборов 1996 года и региональных кампаний конца десятилетия – свидетельствовали о формировании устойчивой социальной базы партии в макрорегионе, особенно в промышленно развитых и аграрных территориях. Организационная структуризация партии к концу 1990-х годов, включавшая создание координационных механизмов между региональными отделениями, развитие информационно-пропагандистской деятельности и формирование программных подходов к региональному развитию, создавала прочную основу для дальнейшего политического влияния.

Вместе с тем анализ показал неравномерность развития партийных структур в различных сибирских территориях, зависимость электоральных результатов от социально-экономической специфики регионов и возникновение внутренних противоречий в стратегических подходах к взаимодействию с региональными властями. Выявленные тенденции становления КПРФ в 1990-е годы – от восстановления после запрета до превращения в влиятельную региональную политическую силу – определили траектории последующего развития партии в Сибири и создали предпосылки для качественных изменений в ее деятельности в 2000-е и 2010-е годы. Дальнейшее исследование эволюции КПРФ в Сибирском регионе в XXI веке, включая анализ электоральных достижений, завоевания региональных властных позиций и адаптации к изменяющимся политическим условиям, составляет перспективу последующих научных изысканий.

Список источников

1. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.

2. Лоскутов С.А. Великая магистраль на Восток: начало Транссиба // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 1 (2). С. 158 – 169.

3. Серазетдинов Б.У. Железнорудная база черной металлургии Сибири во время Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы истории России: сб. ст. М.: АИРО-XXI, 2020. С. 127 – 141.

4. Аджиев М.Э. Сибирь: XX век. М.: Мысль, 1983. 254 с.

5. Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» // Отечественная история. 1998. № 4. С. 23 – 42.

6. Сошнева Е.Б. Освоение целинных и залежных земель и его роль в экономической истории СССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Экономика. 2007. № 4. С. 119 – 127.

7. Степанов В.Е. События 19–21 августа 1991 г. в Западной Сибири. Роль движения «Демократическая Россия» // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 1 (17). С. 89 – 94. DOI: 10.24147/2312-1300.2018.1.89-94.

8. Романов Ю.А. Политические партии и многопартийность современной России. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2013. 178 с.

9. Николенко КД. КПСС и КПРФ: проблемы преемственности и поиски новой политической идентификации (1991-2012 гг.) // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 3 (23). С. 137 – 148.

10. Партийные организации Восточной Сибири в борьбе за построение социализма и коммунизма / отв. ред. А.Н. Зыков. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. Вып. 2. 147 с.

11. Полканов В.Д. Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по повышению производственной активности работников сельского хозяйства (1966-1970 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 1979. 23 с.

12. Макиевский Г.М. Политика КПСС по индустриальному развитию Восточной Сибири (1945–1958 гг.). Б. м., 1972. С. 75 – 104.

13. Сизов СГ. Политика КПСС в области культурного просвещения в 1953-1964 гг. (на материалах Западной Сибири) // Омский научный вестник. 2001. № 15. С. 32 – 36.

14. Котляров М.В. Кадровая политика КПСС в партийных организациях Западной Сибири в период перестройки // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 105 – 108.

15. Кащенко А.С. Распад СССР в исторической политике ключевых партий России // Огарёв-Online. 2025. Т. 13, № 2 (219). С. 173 – 182. DOI: 10.15507/2311-2468.013.202502.173-182.

16. Коргунюк Ю.Г. Современная российская многопартийность. М.: Центр приклад. полит. исслед. «ИНДЕМ», 1999. 384 с.

17. Волохов А.Е. Новейшая история Коммунистической партии: 1990-2003. М.: Импэто, 2003. 136 с.

18. Съезды народных депутатов Сибири: Вехи истории // Официальный сайт КПРФ. URL: https://kprf.ru/dep/96181.html (дата обращения: 14.08.2025)

19. III съезд Коммунистической партии Российской Федерации, 21-22 января 1995 года: материалы и документы. М.: Информпечать, 1995. 127 с.

20. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 1995 года // ЦИК РФ. URL: http://old.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1995/index.html (дата обращения: 14.08.2025)

21. Козодой В.И. Политическая жизнь Сибири в середине 1990-х годов // Гео-Сибирь. 2010. Т. 6. С. 74 – 93.

22. Степанов В.Е. Деятельность движения «Наш дом – Россия» в кампании по выборам Президента РФ в 1996 г. в Западной Сибири // Омский научный вестник. 2008. № 6 (74). С. 9 – 13.

23. Голосов Г.В. Политические режимы и трансформации: Россия в сравнительной перспективе. М.: Рутения, 2024. 404 с.

24. Новиков С.В. Проблемы блокирования КПРФ и АПР в условиях изменения интересов групп влияния. 1996 – август 1999 гг. Из новейшей истории Западной Сибири // Омский научный вестник. 2013. № 1 (115). С. 9 – 11.

25. IV съезд Коммунистической партии Российской Федерации, 19-20 апреля 1997 г.: материалы и документы. М.: ИТРК РСПП, 1997. 125 с.

26. Об итогах работы Министерства финансов Российской Федерации в 1998 году // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=4985 (дата обращения: 14.08.2025)

27. Соловенко И.С. Проблемы в угольной промышленности Кузбасса во время кризиса 1998 года // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2010. № S3. С. 276 – 281.

28. Акбулатов Р.С. Социально-экономическое положение Красноярского края в период проведения «шоковой терапии» // Молодой ученый. 2012. № 7 (42). С. 208 – 212.

29. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 1999 года // ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1999/index.html (дата обращения: 14.11.2025)

30. Асауляк В.В. Участие региональных отделений политических партий в избирательных кампаниях в Кемеровской области (1990-2008 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 1 (53). С. 107 – 113.

References

1. Rezun D.Ya., Vasilievsky R.S. Chronicle of Siberian Cities. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing House, 1989. 304 p.

2. Loskutov S.A. The Great Trunk Line to the East: The Beginning of the Trans-Siberian Railway. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2003. No. 1 (2). P. 158 – 169.

3. Serazetdinov B.U. Iron Ore Base of Ferrous Metallurgy in Siberia during the Great Patriotic War. Actual Problems of Russian History: Collection of Articles. Moscow: AIRO-XXI, 2020. P. 127 – 141.

4. Adzhiev M.E. Siberia: 20th Century. Moscow: Mysl, 1983. 254 p.

5. Zelenin I.E. The Virgin Lands Epic: Development, Adoption, and Implementation of Khrushchev's First "Super-Program". Domestic History. 1998. No. 4. P. 23 – 42.

6. Soshneva E.B. Development of Virgin and Fallow Lands and Its Role in the Economic History of the USSR. Bulletin of St. Petersburg University. Series: Economics. 2007. No. 4. P. 119 – 127.

7. Stepanov V.E. Events of August 19-21, 1991 in Western Siberia. The Role of the Democratic Russia Movement. Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences. 2018. No. 1 (17). P. 89 – 94. DOI: 10.24147/2312-1300.2018.1.89-94.

8. Romanov Yu.A. Political Parties and Multiparty System in Contemporary Russia. Ulan-Ude: VSGUTU Publishing House, 2013. 178 p.

9. Nikolenko K.D. The CPSU and the CPRF: Problems of Continuity and the Search for a New Political Identity (1991-2012). Bulletin of Perm University. Political Science. 2013. No. 3 (23). P. 137 – 148.

10. Party Organizations of Eastern Siberia in the Struggle for Building Socialism and Communism. ed. A.N. Zykov. Irkutsk: Vostochnaya kn. publ., 1974. Issue 2. 147 p.

11. Polkanov V.D. Activities of Party Organizations in Eastern Siberia to Increase the Production Activity of Agricultural Workers (1966-1970): Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Irkutsk, 1979, 23 p.

12. Makievsky G. M. The CPSU Policy on Industrial Development of Eastern Siberia (1945-1958). B. m., 1972, pp. 75-104.

13. Sizov S. G. The CPSU Policy in the Field of Cultural Education in 1953-1964 (Based on Materials from Western Siberia). Omsk Scientific Bulletin. 2001. No. 15. P. 32 – 36.

14. Kotlyarov M. V. The CPSU Personnel Policy in Party Organizations of Western Siberia during Perestroika. Humanitarian Sciences in Siberia. 2009. No. 2. P. 105 – 108.

15. Kashchenko A.S. The Collapse of the USSR in the Historical Policy of Key Russian Parties. Ogarev-Online. 2025. Vol. 13, No. 2 (219). P. 173 – 182. DOI: 10.15507/2311-2468.013.202502.173-182.

16. Korgunyuk Yu.G. Modern Russian Multiparty System. Moscow: Center for Applied Political Research "INDEM", 1999. 384 p.

17. Volohov A.E. Recent History of the Communist Party: 1990-2003. Moscow: Impeto, 2003. 136 p.

18. Congresses of People's Deputies of Siberia: Milestones in History. Official website of the CPRF. URL: https://kprf.ru/dep/96181.html (date accessed: 14.08.2025)

19. III Congress of the Communist Party of the Russian Federation, January 21-22, 1995: materials and documents. Moscow: Informpechat, 1995. 127 p.

20. Elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 1995. Central Election Commission of the Russian Federation. URL: http://old.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1995/index.html (date accessed: 14.08.2025)

21. Kozodoy V.I. Political life of Siberia in the mid-1990s. Geo-Siberia. 2010. Vol. 6. P. 74 – 93.

22. Stepanov V.E. Activities of the "Our Home is Russia" Movement in the 1996 Russian Presidential Election Campaign in Western Siberia. Omsk Scientific Bulletin. 2008. No. 6 (74). P. 9 – 13.

23. Golosov G.V. Political Regimes and Transformations: Russia in Comparative Perspective. Moscow: Ruthenia, 2024. 404 p.

24. Novikov S.V. Problems of Blocking the CPRF and the APR in the Context of Changing Interests of Influence Groups. 1996 – August 1999. From the Modern History of Western Siberia. Omsk Scientific Bulletin. 2013. No. 1 (115). P. 9 – 11.

25. IV Congress of the Communist Party of the Russian Federation, April 19-20, 1997: Materials and Documents. Moscow: ITRK RSPP, 1997. 125 p.

26. On the Results of the Work of the Ministry of Finance of the Russian Federation in 1998. Ministry of Finance of Russia. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=4985 (date of access: August 14, 2025)

27. Solovenko I.S. Problems in the Kuzbass Coal Industry during the 1998 Crisis. Mining Information and Analytical Bulletin (scientific and technical journal). 2010. No. S3. P. 276 – 281.

28. Akbulatov R.S. Socio-economic situation of Krasnoyarsk Krai during the period of "shock therapy". Young scientist. 2012. No. 7 (42). P. 208 – 212.

29. Elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 1999. Central Election Commission of the Russian Federation. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1999/index.html (date of access: 14.08.2025)

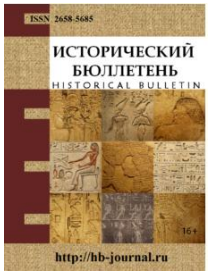
30. Asaulyak V.V. Participation of regional branches of political parties in election campaigns in Kemerovo Oblast (1990-2008). Bulletin of Kemerovo State University. 2013. No. 1 (53). P. 107 – 113.

Информация об авторах

Майоров Г.А., кандидат экономических наук, Государственный университет управления, 109542, Москва, Рязанский проспект, 99

Майорова Е.И., доктор юридических наук, Государственный университет управления, 109542, Москва, Рязанский проспект, 99

© Майоров Г.А., Майорова Е.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94 (470.67)

Политический строй вольного общества Ахты – пара в первой половине XIX века

[1] Кельбеханова М.Р.,
[1]Махадов А.К.,
[1] Дагестанский государственный университет

Аннотация: Ахты – пара в политическом отношения накануне присоединения к России представляла собой феодальную общественно-политическую организацию. Если сравнить со старой родовой организацией, то этот строй отличался, во-первых, разделением населения данного вольного общества по территориальному признаку. Если раньше союзы родовой организации возникали на основе кровного родства, были связаны с определенной территорией, то уже в первой половине XIX века эти связи утратили свое прежнее значение. К началу XIX века в состав Ахты – пара входили общества или джамааты, которые совершенно не были связаны с родством. Например, в состав Ахтыпаринского вольного общества входили не только лезгинские аулы, но и рутульские – Борч и Хнов. Они также оставались в составе вышеуказанного общества и после вхождения Дагестана в состав Российского государства. Территориальные связи, которые возникли на основе частной собственности, давали возможность представителям этого политического образования претворять в жизнь свои общественные права и обязанности, по месту поселения независимо от принадлежности к роду и племени. Описывая государственный строй в так называемых «вольных обществах», представители дореволюционной историографии стремились показать в своих работах ее патриархальность и отрицали существование в них основ государственности.

Ахтыпаринское вольное общество, хотя и сохранило в себе различные формы родоплеменной организации, однако по своему социальному содержанию оно служило орудием противостояния противоборствующих классов. Основными органами управления и источниками власти являлись аксакалы, совет аксакалов, казии (кадии).

Ключевые слова: Ахты, Ахты – пара, Лезгистан, Южный Дагестан, бахтачияры, вольное общество

***Для цитирования**: Кельбеханова М.Р., Махадов А.К. Политический строй вольного общества Ахты – пара в первой половине XIX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 199 – 203.*

Поступила в редакцию: 2 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The political system of the free society of Akhty – para in the first half of the 19th century

[1] *Kelbekhanova M.R.,*
[1] *Makhadov A.K.,*
[1] *Dagestan State University*

Abstract: the Akhty-para was politically a feudal socio-political organization on the eve of joining Russia. If we compare it with the old tribal organization, then this system was distinguished, firstly, by the division of the population of this free society along territorial lines. If earlier unions of the clan organization arose on the basis of blood kinship, were connected with a certain territory, then in the first half of the 19th century these ties lost their former significance. By the beginning of the 19th century, Akhty–para included societies or jamaats that were completely unrelated to kinship. For example, the Akhtyparinsky free society included not only Lezgian villages, but also Rutul villages – Borch and Khnov. They also remained part of the aforementioned society even after Dagestan joined the Russian state. Territorial ties, which arose on the basis of private property, enabled representatives of this political entity to implement their social rights and duties at the place of settlement, regardless of their clan and tribe. Describing the state system in the so-called "free societies", representatives of pre-revolutionary historiography sought to show its patriarchy in their works and denied the existence of the foundations of statehood in them.

The Akhtyparinsky free society, although it retained various forms of tribal organization, nevertheless, in its social content, it served as an instrument of confrontation between opposing classes. The main governing bodies and sources of power were the aksakals, the council of aksakals, and the kazii (kadii).

Keywords: Akhty, Akhty – para, Lezgistan, South Dagestan, Bakhtachiyars, free society

***For citation**: Kelbekhanova M.R., Makhadov A.K. The political system of the free society of Akhty – para in the first half of the 19th century. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 199 – 203.*

The article was submitted: September 2, 2025; Approved after reviewing: November 1, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

В данной статье затрагиваются вопросы политической структуры вольного общества Ахты – пара, а также вопросы социальной структуры в рассматриваемое нами время. Также указывается и территориальный аспект. Территориальные связи, которые возникли на основе частной собственности, давали возможность представителям этого политического образования претворять в жизнь свои общественные права и обязанности, по месту поселения независимо от принадлежности к роду и племени. В статье говорится также о характере судопроизводства в данном вольном обществе, феодальных взаимоотношениях с соседними ханствами и союзами сельских обществ.

Материалы и методы исследований

Для написания данной статьи была изучена и привлечена обширная географическая и историческая литература по данной тематике, использованы письменные источники, а также материалы из архивов и статьи профессиональных ученых и исследователей. В статье был использован географический метод, метод историзма, причинно – следственной связи, сопоставления.

Ахты – пара в политическом отношения накануне присоединения к России представляла собой феодальную общественно-политическую организацию. Если сравнить со старой родовой организацией, то этот строй отличался, во-первых, разделением населения данного вольного общества по территориальному признаку. Если раньше союзы родовой организации возникали на основе кровного родства, были связаны с определенной территорией, то уже в первой половине XIX века эти связи утратили свое прежнее значение [5, с. 18-20, 29, 31-32].

Результаты и обсуждения

К началу XIX века в состав Ахты – пара входили общества или джамааты, которые совершенно не были связаны с родством. Например, в состав Ахтыпаринского вольного общества входили не только лезгинские аулы, но и рутульские – Борч и Хнов. Они также оставались в составе вышеуказанного общества и после вхождения Дагестана в состав Российского государства. Территориальные связи, которые возникли на основе частной собственности, давали возможность представителям этого политического образования претворять в

жизнь свои общественные права и обязанности, по месту поселения независимо от принадлежности к роду и племени [6, с. 150].

Описывая государственный строй в так называемых «вольных обществах», представители дореволюционной историографии стремились показать в своих работах ее патриархальность и отрицали существование в них основ государственности.

Ахтыпаринское вольное общество, хотя и сохранило в себе различные формы родоплеменной организации, однако по своему социальному содержанию оно служило орудием противостояния противоборствующих классов. Основными органами управления и источниками власти являлись аксакалы, совет аксакалов, казии (кадии), а также Народное Собрание. А для управления всем вольным обществом Ахты – пара из наиболее состоятельных тухумов Ахты выдвигались 10 представителей, должность которых переходила по наследству по нисходящей прямой линии [3, с. 12]. Во время войн и конфликтов наиболее храбрый и состоятельный аксакал брал на себя ответственность военачальника. Все остальные аулы должны были подчиняться совету и руководству Ахтынских аксакалов [1, с. 191-200].

Аксакалы Ахтов формально, по установившимся обычаям, несмотря на замещение должностей по наследству, избирались только на Народном Собрании. Но Народное Собрание еще задолго до вхождения в состав России не представлялось политической силой периода военной демократии, так как оно находилось в руках богатой знати и только ей принадлежало это решающее право. Помощником Ахтынских аксакалов по управлению был главный кадий, который занимал весьма состоятельное и влиятельное положение при аксакалах именно в ауле Ахты. В местные органы управления входили сельские аксакалы (кевхи), курухчи и кадии. Вышеназванные лица занимались решением самых разных вопросов хозяйственного и административно-судебного характера внутри вольного общества [7, с. 200].

А сельские аксакалы, которые выбирались от каждого квартала в количестве 1 человека, занимались решением дел по адатам, а дела гражданского характера решались по шариату и поэтому на судебном заседании обязательно присутствовал кадий.

Решения суда и исполнение приговоров вели чауши. Они избирались вольным обществом по рекомендации аксакалов и получали в год по одному быку. Кроме того, на свадьбах и похоронах они также получали масло, мясо, дрова и крупу. Для охраны общественных угодий и полей от потрав назначались сторожи (курухчи) [2, с. 1-19].

По словам Энгельса, появление должностных лиц с установленными полномочиями уже само по себе свидетельствует о зарождении государственной власти. Развитие экономики, повышение производительности и увеличение численности населения порождают как общие, так и конфликтующие интересы между отдельными общинами и более крупными группами. Эти новые условия, в свою очередь, стимулируют дальнейшее разделение труда и создание специализированных органов для управления общими делами и урегулирования разногласий.

По словам Энгельса, эти органы обретают большую независимость, что обусловлено как передачей должностей по наследству, так и участившимися конфликтами с другими группами, которые, в свою очередь, повышают потребность в этих органах.

В целях борьбы с непокорными общинами для организации набегов и для защиты своих владений аксакалы Ахтов и бахтачияры нуждались в войске [8, с. 300].

Постоянной или можно так описать, профессиональной армии феодальная знать не имела. В случае войны Ахтынские аксакалы обращались к знати общины, которая приводила с собой военные отряды, и они выставляли аулы вольного общества Ахты. Во время войны эти отряды находились под прямым подчинением аксакалов и бахтачияров. Выйти на войну, а также защита территории по адатам считалось обязанностью каждого человека.

Ахтынские аксакалы и бахтачияры использовали народное войско также в своих личных интересах. Собиралось войско по мере их необходимости и уже не имело прежнюю «демократичность», то есть уже не привлекалось к решению дел и задач. Вплоть до вхождения в состав России феодальная знать Ахты вела постоянные войны с соседями [9].

Весьма интересен в этом отношении документ, который был найден патриархом исторической науки Дагестана, доктором исторических наук, профессором Р. М. Магомедовым из хроники «Ахты – наме». В этом документе говорится о том, как шла борьба вольного общества Ахты с нуцалханом Кураха. «Курахский хан, стремясь подчинить себе Ахты, потребовал от местной знати признать его власть. Ахтынцы отвергли это требование, что привело к войне. Жестокая битва у аула Гра, несмотря на большие потери, не сломила их сопротивления. Хан, не сумев покорить Ахты силой, обратился к ним с просьбой о пропуске каравана в Нуху. Ахтынцы согласились, но, воспользовавшись ситуацией, напали на возвращающийся ка-

раван, перебили охрану, захватили ханское богатство и разделили его между собой» [4, с. 118-119].

Экономические причины и сложившаяся военная обстановка послужили одним из стимулов к объединению всех обществ в одно политическое образование, в котором аксакалы Ахтов и бахтачияры – это богатые уздени и представители мусульманского духовенства занимали господствующее положение [10].

Итак, с одной стороны, термин «вольное общество» при определении уровня развития общественного строя Ахты – пары в начале XIX века никак не соответствует социально-экономической и политической структуре данного вольного общества. Ахтыпаринское общество в начале XIX века не было вольным, независимым, демократическим и родоплеменным.

Однако, с другой стороны, данная социально – экономическая характеристика показывает, что в Ахтыпаринском вольном обществе протекал процесс постепенного превращения общинной собственности в собственность феодалов. Но особенностью Ахты – пара являлось и то, что феодальные классовые отношения были более опутаны патриархально-родовыми пережитками, чем в соседних и окружающих феодальных владениях, ханствах и вольных обществах Дагестана.

Выводы

Таким образом, к началу XIX века в состав Ахты – пара входили не только лезгинские аулы, но и рутульские – Хнов и Борч. В политическом отношении Ахты – пара представляла собой феодальную общественно-политическую организацию, где происходили процессы постепенного превращения общинной собственности в собственность феодалов. Именно экономические причины и сложившаяся военная, а также политическая обстановка послужили стимулом к объединению всех обществ, где Ахты занимало особое господствующее положение. Но особенностью Ахты – пара являлось то, что феодальные классовые отношения были сильно опутаны патриархально-родовыми пережитками в отличие от других вольных обществ и ханств Дагестана.

Список источников

1. Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80-х гг. XVIII в. Изд-во АН АзССР. Баку, 1958. 211 с.

2. Адаты южно-дагестанских обществ. ССКГ. Тифлис. 1875. Вып. 8. С. 1 – 19.

3. Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Дело 1584. Л. 12.

4. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - начале XIX веков. Махачкала, 1957. 408 с.

5. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. ЛЛ. 18-20, 29, 31-32.

6. Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 262 с.

7. Горные общества Дагестана в политике России в конце XVIII – первой четверти XIX в. и вступление их в подданство Российской империи. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2017. 254 с.

8. Историческая география Дагестана первой половины XIX в. Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, АЛЕФ, 2021. 574 с.

9. Айтберов Т.М., Каяев А.И. Дагестанские арабоязычные материалы о военно-политических сторонниках и противниках Каджарского Ирана на Восточном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Третьи Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича: Сб. ст. Махачкала, 2015. Ч. 1.

10. Алиев Б.Г. Административно-политическое управление сельских общин Дагестана // Система власти и права у автохтонных народов Кавказа, Российской империи, советов (XVIII-XX вв.): Сравнительный анализ. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Нальчик 18-21 мая 2016 г. Нальчик, КБР, ОФ 18-21.05.2018.

References

1. Abdullaev G.B. From the history of Northeastern Azerbaijan in the 1760-80s. Publishing house of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. Baku, 1958. 211 p.

2. Adats of the southern Dagestan societies. SSCG. Tiflis. 1875. Issue 8. P. 1 – 19.

3. Dalgat B. Customary law and tribal system of the peoples of Dagestan. Scientific archive of the Institute of Historical and Ethnographic Studies DFRC RAS. File 1584. Sheet 12.

4. Magomedov R.M. Socioeconomic and political system of Dagestan in the 18th – early 19th centuries. Makhachkala, 1957. 408 p.

5. Russian State Military Archive. F. VUU. D. 18474. LL. 18-20, 29, 31-32.

6. Khashaev H.-M. O. Social System of Dagestan in the 19th Century. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 262 p.

7. Mining Societies of Dagestan in Russian Politics in the Late 18th – First Quarter of the 19th Century and Their Accession to the Russian Empire. Makhachkala: Institute of Atomic Energy and Ethnography DSC RAS, ALEF, 2017. 254 p.

8. Historical Geography of Dagestan in the First Half of the 19th Century. Makhachkala: Institute of Atomic Energy and Ethnography DFC RAS, ALEF, 2021. 574 p.

9. Aitberov T.M., Kayaev A.I. Dagestani Arabic-language materials on the military and political supporters and opponents of Qajar Iran in the Eastern Caucasus in the late 18th – first half of the 19th centuries. Third All-Russian (with international participation) historical and ethnographic readings dedicated to the memory of Professor Rasul Magomedovich Magomedov: Collection of articles. Makhachkala, 2015. Part 1.

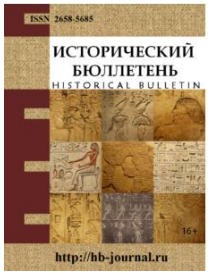
10. Aliyev B.G. Administrative and political management of rural communities of Dagestan. The system of power and law among the autochthonous peoples of the Caucasus, the Russian Empire, and the Soviets (18th-20th centuries): A comparative analysis. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Nalchik, May 18-21, 2016. Nalchik, KBR, OF, May 18-21, 2018.

Информация об авторах

Кельбеханова М.Р., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет

Махадов А.К., аспирант, Дагестанский государственный университет

© Кельбеханова М.Р., Махадов А.К., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(567)

Цифровая трансформация Ирака (1990-2022 гг.) и её влияние на внешнюю политику и международные отношения

[1] Хассан Х.Дж.,
[1] Уральский федеральный университет

Аннотация: в этой статье рассматривается цифровая трансформация Ирака с 1990 по 2022 год. Особое внимание уделяется влиянию этих изменений на государственные структуры, внешнеполитические цели и международное положение страны. В этом исследовании рассматривается развитие цифрового ландшафта Ирака в течение трех основных этапов. Первый – это период изоляции после войны в Персидском заливе в 1990-х годах, когда международные санкции ограничивали развитие информационно-коммуникационных технологий и препятствовали расширению цифровых услуг. Второй – это период после вторжения США после 2003 года, который характеризовался восстановлением инфраструктуры, либерализацией телекоммуникационного сектора и ростом мобильной связи. Третий – это современный. В статье подробно рассматриваются основные компоненты цифровой инфраструктуры, такие как центры обработки данных, широкополосные сети и телефонная связь. Также рассматриваются правительственные инициативы по созданию систем цифровой идентификации, порталов электронного правительства и электронных платежей. Кроме того, оценивается место Ирака в международных индексах электронного управления, таких как Индекс электронного участия ООН и EGDI. Это позволяет оценить эффективность цифровых реформ и уровень глобальной интеграции страны.

Ключевые слова: цифровая трансформация, электронное правительство, цифровая дипломатия, внешняя политика, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), проникновение Интернета, модернизация управления, международные отношения

***Для цитирования**: Хассан Х.Дж. Цифровая трансформация Ирака (1990-2022 гг.) и её влияние на внешнюю политику и международные отношения // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 204 – 210.*

Поступила в редакцию: 3 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The digital transformation of Iraq (1990–2022) and its impact on foreign policy and international relations

[1] Hassan H.J.,
[1] Ural Federal University

Abstract: this paper offers a comprehensive analysis of Iraq's digital transformation from 1990 to 2022, with a particular emphasis on how this change influenced the country's governance institutions, foreign policy goals, and international positioning. The study follows the evolution of Iraq's digital landscape through three crucial phases: the post-Gulf War isolation of the 1990s, the reconstruction period following the 2003 U.S.-led invasion, and the post-ISIS era, which is marked by renewed ambitions for modernization and global reintegration. The study looks

at the evolution of digital infrastructure, such as data hubs like the Silk Route Transit Network, broadband connectivity, and telephony networks. It examines Iraq's national digital government initiatives, such as the establishment of digital identity systems, e-government portals, and payment regulations. Additionally, it assesses Iraq's standing in international indices of digital governance, specifically the UN E-Government Development Index (EGDI) and the E-Participation Index.

Keywords: digital transformation, e-government, digital diplomacy, foreign policy, information and communication technology (ICT), Internet penetration, governance modernization, international relations

***For citation**: Hassan H.J. The digital transformation of Iraq (1990–2022) and its impact on foreign policy and international relations. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 204 – 210.*

The article was submitted: September 3, 2025; Approved after reviewing: November 2, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Цифровой переход Ирака с 1990 по 2022 год иллюстрирует усилия страны по модернизации управления, диверсификации экономики и укреплению международного участия в условиях конфликта, санкций и политических потрясений. Помимо доступа к интернету и автоматизации, цифровые инициативы направлены на улучшение государственного управления, прозрачности и расширение прав граждан. Ключевые инициативы включают платформы электронного правительства, регуляторные реформы, такие как Положение о цифровых платежах, и международное сотрудничество с такими организациями, как ПРООН и USAID. Инфраструктурные инициативы направлены на укрепление региональных связей Ирака и его геополитического влияния. Несмотря на достижения, такие трудности, как цифровая неграмотность, раздробленное управление, недостаточный потенциал ИКТ и политическая нестабильность, сохраняются. В этой статье рассматривается цифровая эволюция Ирака, национальные стратегии, мировые рейтинги и то, как внешняя политика влияет на его цифровую повестку дня.

Материалы и методы исследований

Исследование включало открытые источники, такие как официальные документы правительства Ирака, инициативы цифрового развития, отчеты международных организаций, а также научные и аналитические публикации по цифровой трансформации.

В исследовании использовались три основных качественных метода исследования: историко-описательный метод для выявления этапов цифрового развития Ирака с 1990 по 2022 год, аналитический метод для оценки ключевых направлений цифровой политики и сравнительный подход для сопоставления различных периодов и изменений в государственном управлении.

Результаты и обсуждения

С 1990 по 2022 год цифровой ландшафт Ирака подвергся значительному влиянию политической нестабильности, экономическим изменениям и насилию. В начале 1990-х годов был наблюдаем технический застой из-за санкций ООН, введенных после вторжения Ирака в Кувейт, что изолировало страну от мирового технологического прогресса. Доступ к интернету отсутствовал до 1999 года и оставался ограниченным даже тогда, что ограничивало развитие сектора ИКТ, поскольку администрация предпочитала цензуру и контроль информации вместо инноваций. К компьютерам имели доступ лишь некоторые государственные учреждения, использующие устаревшее оборудование и программное обеспечение [1, p. 25-27].

После смерти Саддама Хусейна в 2003 году Ирак вступил в новую, хотя и сложную, фазу цифрового роста. Оккупация под руководством США и последующие усилия по восстановлению государства открыли страну для глобального бизнеса, либерализовав рынки телекоммуникаций и информационных технологий. Эта либерализация позволила частным и иностранным предприятиям войти в отрасль, что привело к быстрому расширению мобильной и интернет-инфраструктуры. Телекоммуникационные компании, такие как Zain Iraq, Asiacell и Korek Telecom, стали важными игроками, заложив основу для широкого распространения цифрового доступа. Однако отсутствие централизованной политики в области ИКТ привело к фрагментации отрасли, нестабильному качеству услуг и недостаточной координации между министерствами. Несмотря на эти проблемы, участие частного сектора проложило путь цифровому прогрессу Ирака [2, p. 93-97].

Распространение интернета в Ираке постепенно увеличивалось в период с 2002 по 2010 год с 1% до 3%, что свидетельствует об ограниченной доступности в первые послевоенные годы, когда инфраструктура была слабой. С 2010 по 2016 год проникновение резко выросло до 20%, что отражает инициативы после реконструкции, расшире-

ние мобильного интернета и модернизацию телекоммуникационных сетей. В 2017 году был зафиксирован пик в 49%, что свидетельствует о значительном цифровом скачке благодаря увеличению использования смартфонов и проникновению социальных сетей. Однако в 2018 и 2019 годах произошло значительное падение (на 34% и 24% соответственно), что, скорее всего, было связано с задержками в обслуживании и экономическими потрясениями. После этого использование быстро восстановилось, достигнув 54% в 2020 году, 65% в 2021 году и 79% в 2022 году, что свидетельствует о значительном восстановлении и расширении цифровой инфраструктуры и доступности интернета.Эти тенденции демонстрируют, как цифровой сектор Ирака эволюционировал от изоляции к широкому распространению доступа к интернету благодаря совместным инициативам государственного и частного секторов (рис. 1).

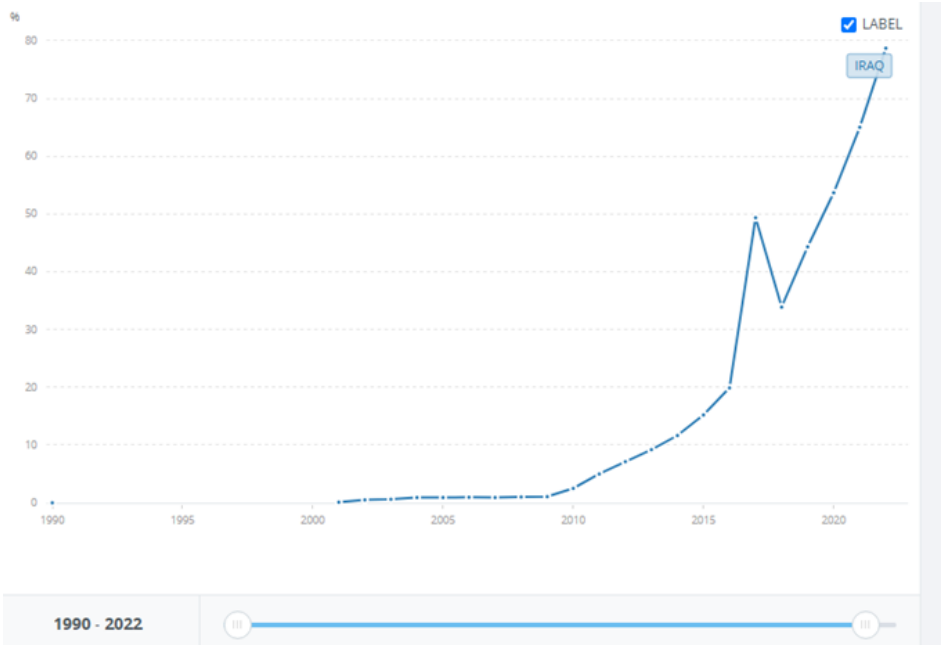


Рис. 1. Доля населения, пользующегося интернетом (в процентах) – Ирак, 2000-2022 гг. [3].
Fig. 1. Individuals Using the Internet (% of Population) – Iraq, 2000-2022 [3].

Долгосрочный план Ирака по созданию цифрового правительства в период с 1990 по 2022 год демонстрирует медленное развитие, обусловленное технологическими, политическими и экономическими ограничениями. Инфраструктура ИКТ страны была серьезно ограничена в начале 1990-х годов из-за международных санкций, которые ограничивали доступ к Интернету и компьютеризацию государственных услуг. Вместо предоставления электронных услуг, ориентированных на граждан, стратегический акцент в этот период до 2003 года делался в основном на фундаментальные вопросы – поддержание основных административных процессов и закладывание основы для будущих цифровых проектов [4, p. 189-193].

Постворженческий этап восстановления после 2003 года стал переломным. Ирак начал разрабатывать правовые рамки, модернизировать свою ИКТ-инфраструктуру и запускать первые инициативы в области электронного правительства, часто при содействии глобальных институтов, таких как Всемирный банк и Организация Объединенных Наций. Чтобы заложить основу для более масштабного предоставления государственных услуг, долгосрочная стратегия уделяла особое внимание цифровизации внутренних государственных процедур, расширению доступа к Интернету и развитию человеческого потенциала в области ИКТ во всех министерствах [5, p. 478-480].

Стратегические цели Ирака изменились с 2014 года, акцентируясь на цифровой интеграции и модернизации. Правительство фокусируется на внедрении решений на основе данных, повышении кибербезопасности и совместимости между министерствами, а также на предоставлении гражданам онлайн-услуг. Для эффективного цифрового управления принимаются меры по расширению мобильных и облачных платформ, улучшению законодательной базы и повышению цифровой грамотности среди госслужащих и населения. Этот этап свидетельствует о переходе от создания ин-

фраструктуры к ориентированному на услуги цифровому управлению.

Долгосрочный план Ирака можно резюмировать как трехфазный подход: первоначальное наращивание потенциала в 1990-х годах, восстановление и развитие нормативно-правовой базы после 2003 года и модернизация с интегрированными цифровыми услугами после 2014 года. Хотя существуют такие препятствия, как низкий человеческий потенциал, раздробленное институциональное управление и нехватка инфраструктуры, стратегия отражает решимость Ирака создать эффективное, прозрачное и ориентированное на граждан цифровое правительство [6, p. 2388-2395].

Период с 1990 по 2022 год внешняя политика сыграла ключевую роль в цифровой трансформации Ирака, обеспечивая финансовую поддержку, техническую помощь и нормативное руководство. Санкции 1990-х годов ограничили доступ государства к оборудованию и международному опыту, но после 2003 года дипломатические отношения стали решающими для восстановления инфраструктуры и институтов ИКТ. Многосторонние субъекты, действуя через дипломатические и программные каналы, приоритизировали ИКТ в восстановлении и экономическом возрождении, интегрируя цифровые усилия во внешние связи Ирака и дипломатию развития.

Внешнеполитические инструменты Ирака укрепляют технический потенциал и институциональное устройство страны через двусторонние и многосторонние меморандумы и соглашения о техническом сотрудничестве. Примером служит сотрудничество Иракского Совета министров с Программой развития ООН и Академией электронного управления Эстонии в 2021-2022 годах для оценки цифрового ландшафта и подготовки дорожных карт по внедрению электронного управления. Эти связи обеспечивают передачу технологий и политических моделей, что позволяет иракским министерствам применять и масштабировать полученные знания [7, p. 137-143].

Внешняя политика Ирака играет нормативную роль в международном бенчмаркинге, включая участие в обзорах электронного правительства ООН и региональных донорских усилиях. Страна согласует элементы своей национальной стратегии с международными стандартами, что делает аргументы в пользу институциональных реформ более убедительными. Продолжающееся использование индикаторов ИРЧП/ИЭП ООН для определения приоритетов доноров подчеркивает важность международного сопоставления.

Внешняя политика Ирака продемонстрировала неоднозначные результаты в контексте цифровой трансформации. Несмотря на внешнюю помощь, недостаточная межведомственная координация и политическая нестабильность препятствуют долгосрочным изменениям. Для успешного перехода к электронному правительству необходима укрепленная внутренняя структура, четкие обязательства по реализации и устойчивое финансирование. Внешняя поддержка может открыть доступ к технологиям и финансированию, но настоящая цифровая трансформация зависит от внутренней поддержки и институционализации [8, p. 205-219].

Цифровая трансформация имеет решающее значение для современного управления, позволяя правительствам предоставлять эффективные, прозрачные и ориентированные на граждан услуги. Цифровая трансформация Ирака особенно важна, учитывая исторические проблемы страны и текущую институциональную реформу. За последние три десятилетия Ирак предпринял ряд усилий по модернизации государственного управления с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Эти усилия включают создание платформ электронного правительства, порталов онлайн-услуг и национальных цифровых политик для повышения доступности и эффективности. Несмотря на эти меры, Ирак по-прежнему сталкивается с такими проблемами, как недостаточная инфраструктура, низкая цифровая грамотность и разрозненная институциональная координация, что влияет на скорость его перехода [9, P. 1435-1449].

Индекс развития электронного правительства (EGDI) Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций оценивает готовность страны к цифровому управлению путем измерения таких компонентов, как индекс онлайн-услуг (OSI), индекс телекоммуникационной инфраструктуры (TII) и индекс человеческого капитала (HCI). Недавние исследования показывают, что путь электронного правительства Ирака все еще находится на начальном этапе, с ограниченным охватом онлайн-услуг, низкой вовлеченностью общественности и недостатками структурной инфраструктуры.Опрос иракских организаций государственного сектора, проведенный в 2024 году, выявил низкий уровень внедрения цифровых услуг и слабую стратегическую согласованность деятельности в области ИКТ. Другое исследование, проведенное в 2022 году в Курдском регионе, показало, что, несмотря на спрос граждан на прозрачные онлайн-услуги, фактическое использование электронных услуг по-прежнему ограничено факторами доверия, доступа и бюрократии. Приверженность Ирака цифровой трансформации требует увеличения инве-

стиций в инфраструктуру, проектирование услуг, ориентированные на граждан каналы и структуры управления [10, p. 5-11].

Несмотря на эти трудности, Ирак добился определенного прогресса в разработке основ цифрового управления. Согласно исследованиям, организационная подготовка, согласование стратегии и лидерство играют важную роль во внедрении электронного правительства в иракских государственных организациях. Национальные инициативы теперь отдают приоритет интероперабельности, развитию цифровых навыков и повышению кибербезопасности. Исследователи предложили модели полной трансформации электронного правительства, которые включают инфраструктуру, управление и ориентированные на граждан методы для повышения эффективности государственных услуг. Эти усилия демонстрируют осведомленность Ирака о международных нормах и его стремление улучшить свои позиции в глобальных рейтингах [11, p. 5743-5758].

Цифровая трансформация Ирака прошла три этапа: изоляция до 2003 года, восстановление и либерализация после 2003 года, и цифровая модернизация после 2014 года. Государственное управление и внешняя политика страны изменялись на каждом этапе. Международные санкции с 1990 по 2003 год препятствовали цифровому развитию, что привело к плохой инфраструктуре и низкому уровню цифровых услуг. После 2003 года началось развитие базовых электронных услуг и интеграция Ирака в глобальные цифровые процессы, хотя политические волнения замедляли их прогресс.

Наиболее заметный прогресс произошел после 2014 года, когда правительство отдало приоритет обновлению ИКТ-инфраструктуры, предоставлению электронных услуг и укреплению международного цифрового сотрудничества. Улучшение цифровой среды стало критически важным для повышения эффективности государственного управления, расширения дипломатических связей и привлечения иностранной поддержки.

Согласно результатам исследования, цифровая трансформация стала важной стратегией для улучшения международного положения Ирака. Однако его расширение по-прежнему сдерживается плохой инфраструктурой, нехваткой рабочей силы и отсутствием долгосрочной стратегии. Несмотря на это, последние тенденции свидетельствуют о прогрессивном сдвиге в сторону более прозрачного, цифрового и интегрированного управления.

Выводы

Цифровая трансформация Ирака с 1990 по 2022 год представляет собой последовательный путь к модернизации, реформированию управления и глобальной интеграции, перейдя от изоляции к основам цифрового правления, способствующего экономическому развитию и административной прозрачности. Развивающийся цифровой ландшафт подчеркивает, что внедрение технологий становится необходимостью для международного взаимодействия и формирования репутации.

Долгосрочная политика Ирака акцентирует важность цифрового управления для развития государства. Меры, начиная с восстановления ИКТ-инфраструктуры после 2003 года и заканчивая акцентом на электронном правительстве и кибербезопасности после 2014 года, демонстрируют намерение использовать технологии для институциональных реформ. Несмотря на существующие проблемы, такие как разрозненная координация и недостаточная цифровая грамотность, предпринимаемые действия способствовали значительному прогрессу в цифровой интеграции и эффективности Ирака. Внешняя политика играет ключевую роль в цифровом развитии Ирака, обеспечивая техническую и финансовую поддержку для реформ и улучшая международный имидж страны.

Цифровая трансформация Ирака с 1990 по 2022 год представляет собой стратегическую эволюцию в управлении и дипломатии, служа как инструмент внутреннего развития, так и внешней политики. Устойчивый прогресс будет зависеть от способности Ирака институционализировать цифровое управление, содействовать межведомственной координации и использовать международные партнерства для обеспечения прозрачности и стабильности.

Список источников

1. Гульмохамад З. Формирование внешней политики в Ираке: политические фракции и правящая элита. Лондон: Bloomsbury Publishing, 2021. С. 25 – 27.

2. Милакович М. Э. Цифровое управление: новые технологии для улучшения государственных услуг и участия граждан. Нью-Йорк: Taylor & Francis, 2012. С. 93 – 97.

3. Всемирный банк. Доля населения, использующего Интернет (% от общей численности населения) – Ирак [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=IQ, 2025 (дата обращения: 03.08.2025)

4. Хассан Махмуд Х. Электронное правительство в Ираке // Журнал инженерии и устойчивого развития. 2010. Т. 14. № 4. С. 189 – 193.

5. Кадер Н.Н., Хедер М.К. Проблемы и факторы, влияющие на внедрение электронного правительства в Ираке // Журнал Университета развития человека. 2016. Т. 2. № 3. С. 478 – 480.

6. Мутар А.Ф., Абдулла А.Р., Джасим О.М., Сааре М.А., Лашари С.А. Комплексный метод перехода к электронному правительству для устойчивого развития в Ираке // Бюллетень электротехники и информатики. 2022. Т. 11. № 4. С. 2388 – 2395.

7. Фаек М.К., Алкаса К., Аль Матари Э.М. Внедрение технологий и инновации в электронном правительстве в Республике Ирак // Азиатские социальные науки [Электронный ресурс]. 2015. Т. 11. № 3. С. 137 – 143. Режим доступа: https://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/43897 (дата обращения: 03.08.2025)

8. Бьола К., Холмс М. (ред.). Цифровая дипломатия: теория и практика. – Лондон: Routledge, 2015. С. 205 – 219.

9. Джассим З.К., Алгазали Ф.Р. Цифровая трансформация и её влияние на достижение высокой эффективности государственных организаций Ирака // Журнал экономических и административных наук «Al-Ghary». 2024. Т. 20. № 00. С. 1435 – 1449. doi:10.36325/ghjec.v20i00.17024.

10. Абубакр М., Кая Т. Сравнение систем электронного правительства между развитыми и развивающимися странами: выборочные примеры Ирака и Финляндии // International Journal of Electronic Government Research. 2021. Т. 17. № 1. С. 5 – 11.

11. Альбадри Р.Ф., Альсаллал М.Д., Абдульсатар А.С., Аббас К.Х. Готовность к внедрению электронного правительства в Ираке: исследование провинции Аль-Мутанна // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. Т. 24. № 4. С. 5743 – 5758. https://doi.org/10.37200/IJPR/V24I4/PR2020380

References

1. Gulmohamad Z. Foreign Policy Making in Iraq: Political Factions and the Ruling Elite. London: Bloomsbury Publishing, 2021. P. 25 – 27.

2. Milakovic M. E. Digital Governance: Emerging Technologies for Improving Public Services and Citizen Participation. New York: Taylor & Francis, 2012. P. 93 – 97.

3. World Bank. Proportion of Population Using the Internet (% of Total Population) – Iraq [Electronic resource]. Available at: https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=IQ, 2025 (date of access: 03.08.2025)

4. Hassan Mahmoud H. E-Government in Iraq. Journal of Engineering and Sustainable Development. 2010. Vol. 14. No. 4. P. 189 – 193.

5. Kader N.N., Kheder M.K. Problems and Factors Affecting the Implementation of E-Government in Iraq. Journal of the University of Human Development. 2016. Vol. 2. No. 3. P. 478 – 480.

6. Mutar A.F., Abdullah A.R., Jasim O.M., Saare M.A., Lashari S.A. An Integrated Method of Transition to E-Government for Sustainable Development in Iraq. Bulletin of Electrical Engineering and Information Science. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 2388 – 2395.

7. Faeq M.K., Alkasa K., Al Matari E.M. Implementation of Technologies and Innovations in E-Government in the Republic of Iraq. Asian Social Sciences [Electronic resource]. 2015. Vol. 11. No. 3. P. 137 – 143. Available at: https://www.ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/view/43897 (date of access: 03.08.2025)

8. Bjola K., Holmes M. (eds.). Digital Diplomacy: Theory and Practice. London: Routledge, 2015. P. 205 – 219.

9. Jassim Z.K., Alghazali F.R. Digital Transformation and Its Impact on Achieving High Performance of Public Organizations in Iraq. Al-Ghary Journal of Economic and Administrative Sciences. 2024. Vol. 20. No. 00. P. 1435 – 1449. doi:10.36325/ghjec.v20i00.17024

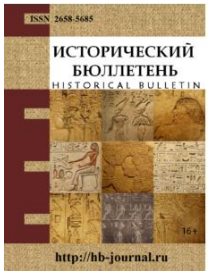
10. Abubakr M., Kaya T. Comparison of e-government systems between developed and developing countries: Selected cases of Iraq and Finland. International Journal of Electronic Government Research. 2021. Vol. 17. No. 1. P. 5 – 11.

11. Albadri R.F., Alsallal M.D., Abdulsatar A.S., Abbas K.H. Readiness for e-government implementation in Iraq: A study of Al-Muthanna province. International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. T. 24. No. 4. P.5743 – 5758. https://doi.org/10.37200/IJPR/V24I4/PR2020380

Информация об авторе

Хассан Х.Дж., аспирант, Уральский федеральный университет, 620000, г. Екатеринбург, ул. 100-летия Уральского университета, 6/2, hevarjalal2017@gmail.com

© Хассан Х.Дж., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 39; 38

К вопросу об изучении М.Е. Шереметевой историко-этнографических районов на территории Калужской губернии в 1925-1929 годах по материалам Государственного архива Калужской области

[1] Кузнецов А.Н.,
[1] Штепа А.В.,
[2] Моисеенко Н.А.,
[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
[2] Этнографический музей Юхновграда

Аннотация: в представленной статье целью исследования является анализ деятельности видного калужского краеведа, этнографа Марии Евгеньевны Шереметевой во второй половине 1920-х гг. по изучению культурно-этнографических районов, располагавшихся на территории Калужской губернии, основываясь на материалах, выявленных в фондах Государственного архива Калужской области. В задачу исследования также входило составление в хронологическом порядке максимально полного перечня письменных работ, опубликованных М.Е. Шереметевой с 1925 г. по 1929 г. по результатам её полевых этнографических исследований. В ходе исследования выявлено 13 таких работ, которые отражают вклад М.Е. Шереметевой в изучение материальной культуры (жилище, утварь, традиционный костюм) и духовной (обрядность, фольклор) культуры. В статье сделан вывод о значимости трудов М.Е. Шереметевой для сохранения этнокультурного наследия, получившего научное признание на уровне государства.

Ключевые слова: Калужская губерния, 1925-1929 годы, М.Е. Шереметева, этнография, Государственный архив Калужской области

Для цитирования: *Кузнецов А.Н., Штепа А.В., Моисеенко Н.А. К вопросу об изучении М.Е. Шереметевой историко-этнографических районов на территории Калужской губернии в 1925-1929 годах по материалам Государственного архива Калужской области // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 211 – 221.*

Поступила в редакцию: 3 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

On M.E. Sheremeteva's study of historical and ethnographic zones in the Kaluga Province (1925-1929): evidence from the State archive of the Kaluga Region

[1] Kuznetsov A.N.,
[1] Shtepa A.V.,
[2] Moiseenko N.A.,
[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,
[2] Yukhnovgrad Ethnographic Museum

Abstract: this article examines the scholarly activities of Maria Evgenievna Sheremeteva, a prominent Kaluga local historian and ethnographer, during the second half of the 1920s. The study focuses on her investigation of cultural and ethnographic zones within the Kaluga Province, drawing on materials from the funds of the State Ar-

chive of the Kaluga Region. Another objective was to compile a chronologically ordered, comprehensive list of M. E. Sheremeteva's published works (1925-1929) based on her field ethnographic research. The analysis identified 13 such publications, which document Sheremeteva's contribution to the study of both material culture (dwellings, household utensils, traditional costume) and spiritual culture (rituals, folklore). The article concludes that Sheremeteva's works are of significant value for the preservation of ethnocultural heritage, having received state-level scientific recognition.

Keywords: Kaluga Province; 1925-1929, M.E. Sheremeteva, ethnography, State Archive of the Kaluga Region

***For citation**: Kuznetsov A.N., Shtepa A.V., Moiseenko N.A. On M.E. Sheremeteva's study of historical and ethnographic zones in the Kaluga Province (1925-1929): evidence from the State archive of the Kaluga Region. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 211 – 221.*

The article was submitted: September 3, 2025; Approved after reviewing: November 2, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Этнография как часть исторической науки, изучает вопросы происхождения народов, их быт, материальную и духовную культуру. В подавляющем большинстве случаев результаты этнографической работы не выходит за рамки научных статей и становятся достояниям только узкой группы специалистов. В тоже время, принятый 9 ноября 2022 г. Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» рекомендует популяризацию объектов культурного наследия как среды, формирующей историческое сознание. Народные традиции отражают опыт, накопленный поколениями, напрямую влияют на формирование культурной и национальной идентичности. Их сохранение и трансляция в современную социально-культурную среду должно стать одним из важнейших факторов духовно-нравственного воспитания населения России.

По мнению видного советского краеведа, историка, этнографа М.Е. Шереметевой одной из задач этнографии является изучение «той массы мелких этнографических групп, на которые делится великорусское племя в зависимости от историко-колонизационных и культурно-сословных отношений. Эти мелкие этнографические группы отличаются от соседей всем укладом своей жизни – костюмом, жилищем, говором, и понять эту пёструю современность народного быта можно только осветив её историческими данными, идя в своих розысканиях от настоящего, известного – к прошлому, в глубь истории» [23, с. 5].

Материалы и методы исследований

В данной статье впервые предпринята попытка расположить в хронологическом порядке материалы из Государственного архива Калужской области (далее – ГАКО), показывающие вклад Марии Евгеньевны Шереметевой в изучение культурно-этнографических районов современной Калужской области, а тогда Калужской губернии в период с 1925 г. по 1929 г., а так же составить максимально полный перечень письменных работ, отражающий её этнографические исследования за этот период.

Важным достижением планомерных и последовательных полевых экспедиций М.Е. Шереметевой является комплексное изучение историко-этнографических районов – Гамаюнщины и Монастырщины, расположенных на территории бывшей Калужской губернии. У населения таких обособленных районов в силу географического расположения, исторических факторов и социально-экономического развития, складываются и впоследствии сохраняют уникальные этнологические признаки: этноним (название, под которым известна общность), территория проживания, общий язык, история (осознание общего прошлого и исторической судьбы), этническое самосознание (чувство единства и противопоставление себя другим группам («мы» – «они»)). В материальной культуре – типах традиционного жилища, средств передвижения, особенностях приготовления пищи, изготовлении утвари, одежды, обуви, украшений, а также традиционной духовной культуре – календарные обряды, обычаи, верования, фольклор. В отличие от субэтносов, обладающих самосознанием, этнографические группы не всегда осознают себя как отдельную общность и выделяются только в ходе специальных этнографических исследований.

В настоящей статье в качестве исследовательского инструментария привлечены историко-типологический, историко-сравнительный, элементы этнографического метода.

По словам Д.К. Зеленина, население Центрально-Промышленной области является носителем богатого этнографического материала, доживающего свои последние годы и готового исчезнуть

[15, с. 23]. Как историк [19], активный член Калужского общества истории и древностей, зав. подотделом [3, л. 6] и инструктор по охране памятников искусства и старины [1, л. 2] Калужского губернского комитета по делам музеев, охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (Губмузея), научный сотрудник [2, л. 106] Калужского исторического музея [1, л. 5] и в дальнейшем Калужского государственного областного музея, М.Е. Шереметева не могла не осознавать всей важности и необходимости в кратчайшие сроки заняться описанием историко-этнографических районов, а так же сбором и картографированием стремительно исчезающего материального и духовного наследия, проживающих там этнографических групп.

В исследовании использованы архивные материалы из четырех фондов ГАКО: Калужский губернский комитет по делам музеев, охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы Калужского губернского отдела народного образования (Ф. Р-32); Отдел народного образования исполнительного комитета Калужского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. Р-38); Калужское губернское общество истории и древностей (Ф. Р-324); Калужский государственный краеведческий музей Калужского областного отдела культурно-просветительской работы (Ф. Р-2878) и из фонда Калужского объединенного музея-заповедника (КП-13752).

Статья обладает элементами научной новизны, поскольку в ней впервые отражен организационный подход к методике полевых исследований, осуществлённых под руководством М.Е. Шереметевой в период ее членства в Калужском губернском Обществе истории и древностей.

Результаты и обсуждения

Первым районом, к которому обращается в исследовании М.Е. Шереметева, является Гамаюнщина. Можно предположить, что предпосылкой для выбора района исследования стала статья Г.Н. Потанина «Гамаюнщина», напечатанная в 1862 г. в «Памятной книжке Калужской губернии на 1862 и 1863 годы». В ней автор подробно описывает вотчину, «лежащую на правом берегу Оки против Калуги» по этнологическим признакам: этноним – «сохранила до настоящего времени и свой давнишний состав и особенное имя – Гамаюнщины»; единая территория – «всех деревень считается в ней семнадцать, именно: село Ромоданово, Секиотова, село Игумново, Пучкево, Яловка, Колюпанова, Животинкино, Горенск, Слаково, Завод, село Рождествино, село Чижовка, Грачи, Шопина, Воровая, Верховая, Квань» (В книге «Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда» М.Е. Шереметева добавит еще одну деревню – Сивково), общая культура и традиции – «идеальное хозяйство здесь состоит в том, чтоб не продавать в город произведений земли, а оставлять для собственно употребления. Из таких хозяйств сбываются только телята, цыплята, яйца, молоко и конопляное семя. Остальное же – хлеб, овёс, овощи, иногда даже конопля – потребляется дома»; «В одежде гамаюнские крепко держатся старины и не знают моды… Они в детстве ходили в таких же китайках [разновидность сарафана] и занавесках, как и теперь, ходят. Костюм здешних женщин состоит из китаек, занавесок и кичек… Девица вместо кички повязывает голову одним платком, который складывается в ладонь шириной, во внутрь платка подкладывается бумага... Старухи, идя в церковь, обвязывают кичку большим куском кисеи, концы которой завязываются сзади кички узлом и висят на спине»; «В каждой деревне здесь бывает «моление об исполнении плодов земных»… утром мужики и женщины отправляются к обедне в приходскую церковь, там, выстояв обедню, поднимают образа, … большие доски с тяжёлыми медными украшениями несут бабы и девицы, мужики выбирают что полегче, – крест, хоругви, фонарь. Возле деревни, где-нибудь возле нивы, устраиваются подмостки под иконы, тут служится молебен, после которого в чьём-нибудь сарае бывает на общественный счёт закуска: покупают водки, волжских сельдей, белуги и приносят из домов пирогов и лепёшек. В этой закуске участвуют священник и причетники…». «В Троицу девицы ходят в лес, который возле ржи, венки завивать...» «Приданого за невестою не бывает. Делаются только во время свадьбы взаимные подарки; во время девичника приезжают в дом невесты четыре мужика и четыре бабы и привозят с собой в подарок невесте от жениха шубку [разновидность сарафана], коты, чулки, зеркало и пряник, на оборот невеста обдаривает их рушниками или «вырезами» (узорами) на рушники и посылает один рушник жениху. Кичка надевается в церкви после венца; причем и коса заплетается надвое» [17] и т.д. Из дневников Татьяны Николаевны Шереметевой – дочери Марии Шереметевой, сохранившихся в личном архиве Л.А. Нестеровой (правнучка М.Е. Шереметевой) известно, что М.Е. Шереметева в летний период проживала с семьёй в с. Ромоданово. Следовательно, была знакома с особенностями жизни гамаюнов не понаслышке: «Летом мы жили в Ромоданове на даче, снимали в саду старый домик с террасой у дьячка Ивана Ивановича Румянцева», «На Троицу в Ромоданово бывал большой престольный праздник, съезжались из других де-

ревень. Приезжали свадьбы на «тройках», лошади украшены лентами и колокольчиками. Вокруг церкви на лугу была ярмарка, торговали: сладкие бобы («жамки»), пряники, конфеты длинные в бумажках».

1 мая 1925 г. Этнографическая секция Калужского общества истории и древностей (далее – КОИД) приступает к изучению Калужского и бывшего Перемышльского уездов Калужской губернии. Руководит экспедициями председатель секции М.Е. Шереметева, при участии В.Г. Попова, О.И. Малининой, П.И. Васильевой, Б.И. Сосницкого и кружка слушательниц педагогического техникума (6 чел.), который был прикомандирован к Этнографической секции на летнюю полевую работу для практического изучения методов обследования крестьянского быта [31, с. 288-289].

Решение избрать Гамаюнщину для этнографического обследования, было принято 11 мая 1924 г. на собрании Этнографической секции КОИД после доклада М.Е. Шереметевой о необходимости изучения одного района, резко ограниченного и выделяющегося рядом этнологических признаков [7]. Согласно большой программе было необходимо: наряду с более полным изучением быта всей Гамаюнщины (собирался материал в селениях: Квань, Чижовка, Ромоданово, Секиотово, Колюпаново, Покров, Пучково и др.), остановиться более детально на изучении одного селения, а именно деревни Верховой, сохранившей много архаичных бытовых черт.

С 24 июля по 7 августа 1925 г. в Калужском уезде работа велась по следующим вопросам: 1) жилище и хозяйственные постройки; 2) одежда и украшения; 3) пища; 4) семейный быт; 5) игрушки; 6) праздники; 7) суеверия [13, л. 43].

Были произведены следующие работы: 1) жилище: в д. Верховой обследована курная изба, составлен её план и план усадьбы, сделано: письменное описание избы с внешней и внутренней стороны со всей обстановкой, акварельный рисунок; обследованы избы бедняка, середняка, зажиточного крестьянина: составлены планы изб; описаны разные хозяйственные постройки из известняка, дерева и плетневые стены; описаны разного типа изгороди, сделаны акварельные рисунки землянки и плетневого сарая; 2) одежда и украшения: обследована и описана летняя и зимняя детская, мужская, женская одежда, головные женские уборы («чехры», «поднизи», «поднизки», «сороки», позатыльни); женские украшения (бусы, ожерелья, ожерелки, «нашейные языки», серьги); обувь – валенки, лапти, чуни; культовая одежда; 3) описана будничная и праздничная пища, сбор ягод, грибов и орехов, сушка, соленье; пища обрядовая – «короваец», крестьянская каша, мёд в поминальные дни; 4) семейный быт: «роды» и «крестины» (со слов старухи-повитухи 67 лет), «обряд «покрывания каши» на крестинах», «свадебный обычай» (подробно записан со слов старухи 87 лет): сговор, «поклуш», девичник, «поезжанье», отводная, причитания и плач невесты; «ловля девиц» парнями во времена крепостного права, умыканье; плач по покойникам и их поминание: хождение на погост 4 раза в год на могилы «жмуриков», приношения – пироги, мёд, обрядовые сосудики; 5) игрушки: покупные и самодельные (вылепленные детьми из глины, трещотки деревянные, птички соломенные); 6) описаны праздники: Святки (ряжение), гаданья под Новый год (гадание на тынинах, с валенком, с дровами), Масленица (чучело из снопа, сажение чучела на снежный бугор, катание чучела по деревне на санях), Егорьев день (первый выгон скота, обряд с вербами, угощение пастуху), Пасха, Троицын день, Спас, Рождество Богородицы (приготовление к престольному празднику, обед с гостями из других деревень), песни длинные и короткие (прибаутки); 7) суеверия: со слов старухи 67 лет записан старинный обряд опахивания деревни и песня, исполнявшаяся при этом обряде; записан ряд заговоров: «от глазу», «от укуса козюли» (змеи) и др., разные способы лечения травами, приметы; 6) записаны со слов стариков и слепцов рассказы о колдуньях, «о заломах» во ржи, о присыпухах, о «благом духе», о кладах, повесть «о колчушке», о «привитухах», о «картавом» и предания о гибели разбойника Кудеяра и о «Кудеяровом острове» [13, л. 43об – 44]. Кудеярова гора близ деревни Чижовки [31, с. 288-289].

За лето 1925 г. было совершено 27 полевых экспедиций в места обследования на правом берегу р. Оки. Изучение селений и анализ собранного материала наглядно показали, что в Калужском уезде, недалеко от центра губернии, имеется обособленный район – Гамаюнщина, с обширным сходным этнографическим материалом: в области духовной культуры: песни, заговоры, свадебные обычаи и поминальные обряды; в области культуры материальной: жилище, утварь, одежда и украшения: «китайки», «шубки», «поднизи», низанные из бисера, «чехры», «ожерелки», «нашейники», «языки», шали, «золотные сороки», «сборники», «позатыльни», шелковые и парчовые повойники; вышивки с узорами: «куколки», «солдатики», «кони», свастика и пр.; обрядовые предметы: «кадиленки» глиняные, «погостники» и стаканчики для мёда и другие предметы быта.

К сожалению, ни у Калужского областного музея, ни у КОИД для приобретения коллекции ценнейших бытовых предметов, быстро исчезавших

из крестьянского обихода под влиянием городской культуры, не было средств. На деньги музея удалось купить лишь один парчовый сборник [13, л. 44об]. Некоторые предметы удалось приобрести на средства членов секции и выставить их в музее [31, с. 288–289]. В Этнографический отдел Исторического отделения музея научным сотрудником Шереметевой переданы: «чехры» из лент и дутиков, нашейник (приставной воротник), «скоречница» долбленая самодельная, коробка липовая для ягод, лукошко из бересты для яиц, кадиленка глиняная для окуривания покойников и скота в праздничные дни, образчик дерюги из верчи, образчик верчи льняной, кувшин глиняный для воды [13, л. 44об].

8 октября 1925 г. на Правлении КОИД принято постановление издать по итогам полевых экспедиций весенне-летнего сезона работу М.Е. Шереметевой «Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины» с 8 рисунками на отдельных листах [8, л. 24], которая и была опубликована в Трудах КОИД в количестве 1150 экз. на личные средства автора [23, с. 2]. А 18 октября на общем собрании КОИД был заслушан доклад М.Е. Шереметевой о крестьянской одежде Гамаюнщины, сопровождавшийся выставкой крестьянских костюмов и фотографическими снимками [7, л. 23].

В рецензии на указанную брошюру Н.П. Гринкова отметила, что «в работе даются подробные описания и хорошие фотографии, дающие представление о гамаюнских костюмах, но приходится пожалеть, что не имеется чертежей, по которым можно было бы проследить детали покроя. Последнее в настоящее время является особенно ценным, так как общие типы и формы более или менее известны и особый интерес представляют те или иные местные варианты. Между прочим, было бы интересно иметь покрой гамаюнской женской рубахи, в большинстве случаев закрытой на фотографиях сарафаном или занавеской, в частности, смертной рубахи, в которой дана интересная деталь – «долгие узкие рукава»: если здесь речь идёт об узких рукавах, длиною до кисти, то это очень любопытное сохранение в Гамаюнщине в качестве ритуальной одежды старинной формы, доживающей ещё в некоторых глухих углах Калужской губернии. Точно так же желательны покрои занавесок, представляющих большой интерес при изучении южно-великорусской женской одежды, а также и сарафанов двух типов, сменяющих, как и в других местах, где бытовали сарафаны, один другой. При описании сарафана даны любопытные указания на шитьё их в монастыре, откуда идут украшения на них из шелков XVIII века. Это весьма ценная чёрточка, указывающая исследователям лишний раз на то, как осторожно приходится оперировать с материалом, не освещённым бытовыми наблюдениями в том или ином районе. Напрашивается пожелание иметь такое же указание на изготовление золотых вышивок для головных уборов; приводимые автором узоры на этих вышивках, между прочим, весьма характерны не только для Гамаюнщины, но и для многих мест Перемышльского, Калужского и Жиздринского уездов. Возможно, что в эти места данное шитьё шло из одного определённого пункта. Некоторые детали одежды представляют особый интерес, в частности украшение головного убора – «чехры» – известное, кроме того, в Перемышльском уезде, а также «подшейный язык». Ценны так же сведения, приводимые по ритуальной одежде. Весь материал сопровождается многими бытовыми подробностями, весьма оживляющими самое описание одежды… В общем, настоящая работа является ценным вкладом в изучение одежды Калужской губернии…» [14, с. 367–368]. М.Е. Шереметева учтёт замечания, озвученные в рецензии, в следующих своих работах, в частности, в книге «Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии» появятся выкройки сарафанов, рубах и занавески, но к рисункам кроя гамаюнских костюмов не вернётся. В этом же году М.Е. Шереметева готовит работу «Песни и обряды Гамаюнщины» [31, с. 289].

С 29 марта по 2 апреля 1926 г. М.Е. Шереметева находилась в командировке в Москве для участия в 1-м Этнологическом совещании по Центрально-Промышленной области при Государственном музее Ц.П.О, где вчтупила с докладом: «Эволюция одежды в Гамаюнщине Калужской губернии» с демонстрацией гамаюнских костюмов и украшений [6, л. 39об]. Командировку пришлось оплачивать из собственных средств, ввиду отсутствия денег в ГОНО [4, л. 61], хотя в заявке от 15 марта 1926 г. и.о. заведующего областным музеем С.А. Петровский в Губполитпросвет просил изыскать для М.Е. Шереметевой 10–15 руб. «для оплаты, по крайней мере, проезда в Москву и обратно» [4, л. 59].

В прениях по докладу М.Е. Шереметевой Наталья Ивановна Лебедева предположила, что попытка выделить район по чисто этнологическому признаку весьма целесообразна. Но не согласилась с мнением, что Гамаюнщина это целый район, а лишь не база для отыскания более крупного района, который объединит Гамаюнщину с другими районами. Что касается костюма, то Н.И. Лебедева указала на некоторые архаичные типы, не упомянутые в докладе: не указан белый колпак, который распространён в Полесье, но который был и в Га-

маюнщине. Текст доклада «Смена форм костюма в Гамаюнщине» издан в 1927 г. в Москве в сборнике «Вопросы этнологии Центрально-Промышленной области» [28, с. 17–19].

М.Е. Шереметева понимала, что для выделения Гамаюнщины в историко-этнографический район и всеобъемлющего его описания, собранного материала недостаточно. Поэтому, говоря на совещании о работе Этнографической секции при КОИД по обследованию быта Гамаюнщины, указала, что весь собранный материал нуждается в дальнейшем углублении и пополнении, что, по возможности, и будет производиться летом 1926 года.

В мае 1926 г. состоялась собрание членов секций КОИД, на котором обсуждался вопрос о летних этнографических работах. Решено было продолжать обследование Гамаюнщины Калужского уезда, начатое в 1925 г., и, по мере возможности, расширять территорию обследования, собирая этнографический материал в соседних уездах губернии [6, л. 39об]. 20 мая 1926 г. М.Е. Шереметева получает удостоверение на изучение Гамаюнщины (песен, старинных обрядов, одежды, жилища и проч.) и удостоверение на изучение древнерусских обрядов, связанных с Семицким четвергом [9, лл. 115, 116]. В этом же месяце записывает подробности крестьянских свадебных обрядов в с. Чижовка Калужского уезда [9, л. 115] и далее в течение лета в деревнях Квань, Верховая, Шопино, Сивково, Горенское, Еловка, Пучково, Вырка Верхняя, Секиотово; селах Покров, Рождественно, Ромоданово.

При сотрудничестве В.Г. Попова, Н.П. Ракова, В.Н. Ченцова и Л.И. Цыпулиной детально записаны сведения по «старой» свадьбе: 1) невесту смотрят под окном, 2) сватовство, 3) «пропой», 4) девичник, 5) утро в день свадьбы у жениха и невесты, 6) «поезжанье», 7) «почестные», 8) на другой день свадьбы, 9) «похмелки», 10) отводы (отводная), 11) блины у тёщи, 12) первый сноп молодой, 12) «пойматые» – ловля невест и насильственные браки в крепостное право; по «новой» свадьбе: 1) взгляды на брак в современной гамаюнской среде, 2) знакомство молодёжи обоего пола, 3) современный пропой, 4) прощание невесты с родными, 5) пирушка в доме молодого, 6) хождение молодых на колодец, 7) ряженые на свадьбах. Записаны свадебные песни, величальные плясовые и плясовые «фаллического» характера, плачи и причитания невесты и подруг. Данные, относящиеся к «старой» свадьбе – записаны со слов местных старожилов; данные, относящиеся к «новой» свадьбе – зафиксированы самой М.Е. Шереметевой во время пребывания в качестве гостя на трёх гамаюнских свадьбах [10, лл. 1 – 1об]: «одну я смотрела, а на двух – «гуляла» [27, с. 90]. Так же сделаны фотографические снимки, произведены записи мелодий свадебных песен [26, с. 225]. Для записи песен крестьянки из отдалённых деревень Гамаюнщины вызывались в Калугу, где «с помощью рояля Н.П. Раковым точно записывались мелодии песен» [6, л. 39об].

Желая выяснить, отличается ли свадьба в соседних с Гамаюнщиной районах, М.Е. Шереметева посетила три деревни Калужского уезда: Тинино, Желыбино и Андреевское. Сделанные во время экспедиций записи послужили дополнительным (контрольным) материалом и показали, что свадебный обычай во всей Гамаюнщине один и тот же. Найденные же в селениях отличия в одежде и в свадебном обряде могли говорить о выходе за границы историко-этнографического района – Гамаюнщины и начале территории других районов. Так, в д. Тинино костюм замужней женщины в старину состоял из рубахи, распашной понёвы, занавески и кички с сорокой. Кичка была ниже гамаюнской и без загибов вперёд. В д. Желыбино (ранее принадлежавшая Спасскому монастырю на Угре) – кичек, головного убора замужних женщин не помнили, а только сборники и шёлковые круглые «сколки». Женщины носили сарафаны с белой рубахой и фартуком. Изотканных рубах и занавесок, типичных для Гамаюнщины, и в старину не имели. В д. Андреевское – костюм замужней женщины был: распашная понёва, завязывавшаяся сбоку, так что одно полотнище закрывало живот, а два в сборках приходились на спине (боковой разрез), рубашка, занавеска и на голове – рогатая кичка с сорокой [27, с. 110].

Следующим историко-этнографическим районом исследования становится местность, называемая крестьянами соседних деревень «Монастырщиной» и охватывающая те селения, которые до 1764 г. принадлежали монастырям: Лютикову, Гремячеву, Шаровкину, Перемышльскому Резванскому и Перемышльскому Рождественскому Девичьему монастырю [20, с. 4].

В виду того, что сведения об изучении данного района на тот момент отсутствовали, и в Калужском музее не была представлена материальная культура бывшего Перемышльского уезда [22, с. 174], М.Е. Шереметева в июне 1926 г. как научный сотрудник Калужского Государственного областного музея посещает с. Троице-Корекозово, находящееся в районе Монастырщины, и г. Перемышль. Во время поездки на музейные средства приобретает экспонаты, относящиеся к крестьянскому быту – одежду и вышивки. В с. Корекозове приобретает траву «кукушка», одетую в сарафан-

чик и рубашечку (к обряду «похороны кукушки»). Кроме одежды, свадебного обряда, обряда «похорон кукушки» собирается материал по обрядовому печенью, «закликанию» птиц, «вещеванью», «присыпухам», порче [26, с. 225].

В августе и сентябре 1926 г. на средства, отпущенные Калужскому областному музею музейным отделом Главнауки (из Главнауки дали 100 руб. на производство сверх плана этнографических работ), Мария Евгеньевна совершает две поездки в район Монастырщины (б. Перемышльский уезд) и в район «Низина» Козельского уезда (селения Клюксы, Березичи, Дешовки) для обследования этих местностей по вопросам: одежда, утварь и тип избы: 21-31 августа 1926 г. – поездки в Мещовский и Лихвинский уезды с научной целью [селения бывшего Перемышльского уезда], 10-17 сентября 1926 г. – в Калужский и Козельский уезды для исследований крестьянского быта [4, лл. 133, 238, 239].

По итогам экспедиций на собрании научных сотрудников Исторического отдела музея М.Е. Шереметева делает два доклада: «Одежда, утварь и тип избы в районе Монастырщины» [30, с. 225-226] и «Одежда, утварь и тип избы в Козельском уезде» [6, л. 32об]; («Жилище, утварь и одежда в районах Волосово-Дудино и «Низина» Козельского уезда» [6, л. 15]) с демонстрацией приобретённых во время обследований экспонатов.

Осенью 1926 г. М.Е. Шереметева на средства КОИД (25 руб.) закупает в Гамаюнщине ряд экспонатов, среди которых: «китайка», рубаха, «занавеска» со старинным шитьем, рушник красный венчальный, бисерная «поднизь», парчовые и шелковые «сборники», «вырезы» с изображением львов и несколько других мелких вещей [6, л. 39об].

С 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. М.Е. Шереметева объехала 16 селений Перемышльского и Козельского уездов и «вывезла богатый этнографический материал» [4, л. 218]. На заседании Правления КОИД от 20.10.1926 г. было принято постановление о целесообразности приобретения председателем Этнографической секции М.Е. Шереметевой этнографической коллекции, ей выразили благодарность за труды по её собиранию и предложили «Калужскому музею выставить коллекцию в музее от имени КОИД» [8, л. 14об].

В результате летних обследований Этнографический подотдел Калужского областного музея значительно пополнился экспонатами: в 1925 г. в подотделе их было 285, а за 1926 год прибавилось 130 новых предметов. От КОИД поступила в музей коллекция костюмов Гамаюнщины Калужского уезда.

В 1927 г., работая в этнографической секции КОИД, М.Е. Шереметева систематизировала и обрабатывала материал, собранный летом 1926 г. при обследовании района Гамаюнщины Калужского уезда. Был подготовлен доклад на тему свадебного обряда калужских гамаюн: «Старая и новая свадьба в Калужской Гамаюнщине» [22, с. 174], заслушанный 16 января 1927 г. на общем собрании членов КОИД [10, л. 1]. Доклад иллюстрировался 12-ю фотоснимками, сделанными на месте В.Н. Ченцовым, и пением 8 свадебных песен [5, л. 181], записанных с голоса Н.П. Раковым и исполненных В.А. Покровской под аккомпанемент на рояле М.П. Толстой [10, л. 1об]. 1 декабря 1927 г. принято постановление Правления КОИД об издании книги «Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда» в Трудах КОИД на 7 печатных листах с приложением карты обследованного района с 12 иллюстрациями и 13 мелодиями свадебных песен [22, с. 175] со всеми их особенностями: припевами, повторениями, прилелекиваниями и проч. Следует отметить, что на музыку было положено 16 свадебных песен [10, л. 1об].

Весной 1927 г. членами секции совершается поездка в бывшие вотчины Воротынского Спасского монастыря и соседние с ним селения: с. Спасское, д. Орешково, д. Городец, и с. Сокорево, где сделаны записи по одежде этой местности и некоторым весенним обрядам [5, л. 181]. Осуществляется поездка в д. Большие Козлы Калужского района для обследования местной одежды и обрядов [6, л. 32об]. Так, 9 (по н. с. 22) марта во время наблюдения обряда «закликания весны» делались зарисовки и записи весенних песен «закликанья» [22, с. 174].

Летом 1927 г. секция КОИД приступает к собиранию материала по обычаям и обрядам, связанным со скотоводством в Калужской губернии. Для облегчения собирания сведений на эту тему М.Е. Шереметевой составлена рабочая программа – вопросник, включающий 71 позицию [5, л. 181].

От Калужского Государственного областного музея М.Е. Шереметева продолжает работу по обследованию быта «Монастырщины» Перемышльского уезда. Ею посещены и опрошены ткачихи, вышивальщицы, «китаешницы», «веношницы», «серёжницы» и мастерицы по изготовлению бисерных украшений. Для собирания сравнительного материала, совершена поездка в бывшие вотчины Лихвинского монастыря. Выяснено, что этот интересный район заслуживает самостоятельного обследования, здесь же попутно собирался материал по обрядовому печенью, коллекция которого доставлена в музей [22, с. 174].

07 декабря 1927 г. М.Е. Шереметева выступает на 2-м Этнологическом совещании в Москве при Музее Ц.П.О. с докладом: «Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии» с демонстрацией фотоснимков. 9 декабря там же прочитан доклад «Этнографическая работа в Калуге в 1926-1927 гг.» [12, л. 24об]. Оба доклада опубликованы в 1929 г. в сборнике статей «Культура и быт населения Центрально-Промышленной области»: «Женский костюм в районе «Монастырщина» бывшем Перемышльского уезда Калужской губернии» [21, с. 97-99] и «Краткая информация об этнографической работе в Калуге в 1926–1927 гг.» [22, с. 174-175].

Подготовлена к печати работа «Женский костюм в бывшем Перемышльском уезде» с 20 иллюстрациями, составленная на основании материала, собранного в 1926-1927 гг. во время командировок от Калужского музея [5, л. 181].

В «Отчете о деятельности Калужского общества истории и древностей за 1927 год» записан план на 1928 г.: Этнографической секцией КОИД под руководством М.Е. Шереметевой планируется продолжить собирание этнографического материала на темы: «Обряды, связанные со скотоводством», «Порча на свадьбах в Калужском уезде». Намечены этнографические поездки в район д. Большие Козлы и в Лихвинский уезд [5, лл. 176, 186об, 187].

В зимние месяцы Марией Евгеньевной проделана работа по подготовке к летним этнографическим обследованиям на местах: проработаны рабочие программы – вопросники по литературным данным и личным полевым записям за предыдущие годы. Составлены рабочие программы: «Хлебопечение в народном быту (110 вопросов) и производство набойки в Калужской губернии (102 вопроса), которые и были использованы летом 1928 г. при этнографических обследованиях в бывшем Перемышльском и Калужском уездах.

9 марта 1928 г. Мария Евгеньевна командирована музеем в Лихвинский уезд в д. Б. Сушки для наблюдения древнего сельскохозяйственного обряда «закликания» весны. Записаны течение обряда и формулы «закликания», привезены в музей экспонаты – обрядовое печенье – «жаворонки» [12, л. 24].

1 апреля 1928 г. на общем собрании членов КОИД прочитан доклад: «Женская одежда в б. Перемышльском уезде» с демонстрацией коллекции костюмов из этнографического подотдела музея [11, л. 18 – 18об.]. Присутствовала крестьянка в полном старинном наряде из с. Корекозово. 29 апреля М.Е. Шереметева делает информационное сообщение в КОИД – «Второе этнологическое совещание в Москве при музее Ц.П.О. 7-10 декабря 1927 года» [12, лл. 24об., 25].

13 мая 1928 г. на Годовом общем собрании Государственного Русского Географического Общества (далее – ГРГО) объявлено о присуждении М.Е. Шереметевой малой Серебряной медали [16, л. 8] за работы по этнографии Калужского края [18, с. 258]. В январе 1928 г. напечатана работа «Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда», на 7 печатных листах с иллюстрациями, изданная на средства автора в «крайне ограниченных размерах» – 500 экз. [27, с. 5]. В «Отчёте о работе с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г.» М. Шереметева отмечает, что именно этот труд награждён медалью ГРГО в Ленинграде [12, л. 25]. В письме ГРГО от 30 ноября 1928 г. академиком В.Л. Комаровым сообщается, что М.Е. Шереметева избрана действительным членом Общества: «Уважаемая Мария Евгеньевна! Государственное Русское Географическое Общество, желая пользоваться просвещенным участием Вашим в трудах своих, избрало Вас своим Действительным членом» [16, л. 9].

В июне 1928 г. Шереметевой совершены две поездки в б. Перемышльский (в последующем – Калужский) уезд, на этнографические обследования. Одна поездка с 20 по 24 июня на средства Губкустпрома (40 руб.) для обследования кустарной мастерской по набиванию крестьянского холста («синельни») (производства набойки) в с. Перемышль [12, л. 16]. Были сделаны подробные записи по технике этого производства и истории промысла, зафотографирован процесс производства, приобретены орудия производства для экспозиции их в музее. Собранный материал был обработан для печати и издано две работы: в 1929 г. в журнале «Краеведение» – статья «Производство набойки в с. Перемышль Калужского уезда» [25], в 1930 г. – отдельное издание «Набивание холста в Калужском крае» [24].

В ходе командировки от Калужского Госмузея с 24 июня по 1 июля в б. Перемышльский уезд (район бывших экономических селений: Поляна, Горки и Варварёнки (Калужский и Мещовский уезды) был собран материал на тему: «Хлеб и обрядовое печенье» (о хлебопеченьи будничном, праздничном, обрядовом), и сделаны записи по вопросу о ткачестве на руках без стана с «косарьком». Куплены для музея экспонаты – принадлежности хлебопеченья, пополнена музейная коллекция костюмов данного района – два женских головных убора, еще не имеющихся в коллекциях Госмузея [12, лл.16, 17об., 24об.].

На основании собранных материалов в 1929 г. на 3-х печатных листах с 26 рисунками была напе-

чатана: «Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии» по постановлению Калужского государственного областного музея от 5 мая 1928 г. тиражом 500 экз. [12, лл.16, 17об., 24об.], и на 2 $^{1}/_{2}$ печатных листа с рисунками статья «Хлеб и обрядовое печенье в б. Перемышльском у. Калужской губернии» – в журнале «Известия Государственного Русского Географического Общества». [12, л. 25; 20, с. 2; 29].

Выводы

В заключение необходимо отметить, что в ходе системного всестороннего исследования территорий Калужского и бывшего Перемышльского уездов Калужской губернии в 1925-1929 гг. М.Е. Шереметевой были выделены два историко-этнографических района – Гамаюнщина и Монастырщина, опубликовано 13 работ, среди которых один девятистраничный оттиск, 9 статей, из них две объемом от 23 до 32 страниц, три отдельные брошюры объемом от 29 до 112 страниц [20-32].

Работа по поиску и анализу архивных документов в Государственном архиве Калужской области продолжается. В связи с этим, материалы данной статьи в следующих публикациях могут быть дополнены новыми фактами и уточняющими подробностями.

Список источников

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Р-32. Оп. 1. Д. 6.
2. ГАКО. Р-32. Оп. 1. Д. 14.
3. ГАКО. Р-32. Оп. 2. Д. 8.
4. ГАКО. Р-38. Оп. 1. Д. 534.
5. ГАКО. Р-38. Оп. 1. Д. 543.
6. ГАКО. Р-38. Оп. 1. Д. 544.
7. ГАКО. Р-324. Оп. 1. Д. 2.
8. ГАКО. Р-324. Оп. 1. Д. 5.
9. ГАКО. Р-324. Оп. 1. Д. 8.
10. ГАКО. Р-324. Оп. 1. Д. 14.
11. ГАКО. Р-324. Оп. 1. Д. 24.
12. ГАКО. Р-2878. Оп. 1. Д. 40.
13. ГАКО. Р-2878. Оп. 3. Д. 18.
14. Гринкова Н.П. Рецензия: М.Е. Шереметева. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Этнографический очерк с 9 рисунками на отдельных листах [Труды Калужского общества истории и древностей]. Калуга, 1925. 29 с. // Этнография. 1926. № 1-2. С. 367 – 368.
15. Зеленин Д.К. Перспективный план работ по этнографическому изучению Центрально-Промышленной области // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области (этнологические исследования и материалы), 2-е Совещание этнологов Ц.П.О. 7-10 декабря 1927 г.: сборник статей. М.: Государственный музей Центрально-Промышленной области, 1929. С. 23 – 27.
16. Калужский объединенный музей-заповедник. КП-13752.
17. Потанин Г.Н. Гамаюнщина // Памятная книжка Калужской губернии на 1862 и 1863 годы. Калуга: Калужский губернский статистический Комитет, 1863. С. 233 – 244.
18. Список лиц, получивших награды Русского Географического общества после 1908 года. Удостоены малой серебряной медали // Известия Всесоюзного Географического Общества. 1946. Т. 78. Вып. 2. С. 258.
19. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф-918. Оп. 1. Д. 3903. Женский Педагогический Институт. Петроград. 1903-1918. Аттестаты окончивших полный курс (1905-1909).
20. Шереметева М.Е. Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. Калуга: Гос. тип. КГСНХ, 1929. 56 с. (Калужский государственный областной музей).
21. Шереметева М.Е. Женский костюм в районе «Монастырщина» бывш. Перемышльского уезда Калужской губернии // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области (Этнологические исследования и материалы), 2-е Совещание этнологов Ц.П.О. 7-10 декабря 1927 г.: сборник статей. М.: Типогр. ПТО МОНО, 1929. С. 97 – 99. (Государственный музей Ц.П.О.).
22. Шереметева М.Е. Краткая информация об этнографической работе в Калуге в 1926-1927 гг. // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области (Этнологические исследования и материалы), 2-е Совещание этнологов Ц.П.О. 7-10 декабря 1927 г.: сборник статей. М.: Тип. ПТО МОНО, 1929. С. 174 – 175. (Государственный музей Ц.П.О.).
23. Шереметева М.Е. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины: этнографический очерк. Калуга: 1-я Гос. тип. ГСНХ, 1925. 29 с. (Труды Калужского общества истории и древностей).

24. Шереметева М.Е. Набивание холста в Калужском крае. Калуга: Гостипография ОСНХ, 1930. 9 с. (Калужский государственный музей).

25. Шереметева М.Е. Производство набойки в с. Перемышль Калужского уезда // Краеведение. 1929. Т. 6. № 8. С. 481 – 504.

26. Шереметева М.Е. Работы в Этнографической секции при Калужском обществе истории и древностей 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 225.

27. Шереметева М.Е. Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга: Гос. тип. КГСНХ, 1928. 112 с. – (Труды КОИД).

28. Шереметева М.Е. Смена форм костюма в Гамаюнщине // Вопросы этнологии Центрально-Промышленной Области. Первое Этнологическое Совещание по Центрально-Промышленной области при Государственном музее Ц.П.О. 29-30 марта 1926 года: сборник статей. М.: Типография Серпуховского «ПРОМТОРГА», 1927. С. 17 – 18. (Государственный музей Ц.П.О.).

29. Шереметева М.Е. Хлеб и обрядовое печенье в б. Перемышльском у. Калужской губернии. // Известия Государственного Русского Географического Общества. 1929. Т. 61. Вып. 2. С. 215 – 244.

30. Шереметева М.Е. Этнографическая работа в Калужском областном музее в 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 225 – 226.

31. Шереметева М.Е. Этнографическая секция при Калужском обществе истории и древностей за 1925 г. // Этнография. 1926. № 1-2. С. 288 – 290.

32. Шереметева М.Е. Этнографический отдел в Калужском областном музее // Этнография. 1926. № 1-2. С. 287 – 288.

References

1. State Archives of Kaluga Oblast (GAKO). R-32. Op. 1. D. 6.

2. GAKO. R-32. Op. 1. D. 14.

3. GAKO. R-32. Op. 2. D. 8.

4. GAKO. R-38. Op. 1. D. 534.

5. GAKO. R-38. Op. 1. D. 543.

6. GAKO. R-38. Op. 1. D. 544.

7. GAKO. R-324. Op. 1. D. 2.

8. GAKO. R-324. Op. 1. D. 5.

9. GAKO. R-324. Op. 1. D. 8.

10. GAKO. R-324. Op. 1. D. 14.

11. GAKO. R-324. Op. 1. D. 24.

12. GAKO. R-2878. Op. 1. D. 40.

13. GAKO. R-2878. Op. 3. D. 18.

14. Grinkova N.P. Review: M.E. Sheremeteva. Peasant Clothing of the Kaluga Gamayun Region. Ethnographic Essay with Nine Drawings on Separate Sheets [Proceedings of the Kaluga Society of History and Antiquities]. Kaluga, 1925. 29 p. Ethnography. 1926. No. 1-2. P. 367 – 368.

15. Zelenin D.K. Long-term work plan for the ethnographic study of the Central Industrial Regionю Culture and life of the population of the Central Industrial Region (ethnological studies and materials), 2nd Meeting of ethnologists of the Central Industrial Region. December 7-10, 1927: collected articles. Moscow: State Museum of the Central Industrial Region, 1929. P. 23 – 27.

16. Kaluga United Museum-Reserve. KP-13752.

17. Potanin, G.N. Gamayunshchina. Commemorative book of Kaluga Province for 1862 and 1863. Kaluga: Kaluga Provincial Statistical Committee, 1863. P. 233 – 244.

18. List of persons who received awards of the Russian Geographical Society after 1908. Awarded a small silver medal. Bulletin of the All-Union Geographical Society. 1946. Vol. 78. Issue 2. P. 258.

19. Central State Historical Archives of St. Petersburg (TSGIA SPb). F-918. Op. 1. D. 3903. Women's Pedagogical Institute. Petrograd. 1903-1918. Certificates of completion of the full course (1905-1909).

20. Sheremeteva M.E. Women's clothing in the former Peremyshlsky district of Kaluga province. Kaluga: State print. KGSNH, 1929. 56 p. (Kaluga State Regional Museum).

21. Sheremeteva M.E. Women's costume in the "Monastyrshchina" district of the former Peremyshl District, Kaluga Province. Culture and Life of the Population of the Central Industrial Region (Ethnological Research and Materials), 2nd Meeting of Ethnologists of the Central Industrial Region. December 7-10, 1927: a collection of articles. Moscow: Tipogr. PTO MONO, 1929. P. 97 – 99. (State Museum of the Central Industrial Region).

22. Sheremeteva M.E. Brief Information on Ethnographic Work in Kaluga in 1926-1927. Culture and Life of the Population of the Central Industrial Region (Ethnological Research and Materials), 2nd Meeting of Ethnologists of the Central Industrial Region. December 7-10, 1927: a collection of articles. Moscow: Tip. PTO MONO, 1929. P. 174 – 175. (State Museum of the Central Pomeranian Society).

23. Sheremeteva M.E. Peasant Clothing of the Kaluga Gamayun Region: An Ethnographic Essay. Kaluga: 1st State Printing House of the State National Economy, 1925. 29 p. (Proceedings of the Kaluga Society of History and Antiquities).

24. Sheremeteva M.E. Canvas Printing in the Kaluga Region. Kaluga: State Printing House of the State National Economy, 1930. 9 p. (Kaluga State Museum).

25. Sheremeteva, M.E. Printing Production in the Village of Peremyshl, Kaluga District. Local History. 1929. Vol. 6, No. 8. P. 481 – 504.

26. Sheremeteva M.E. Work in the Ethnographic Section of the Kaluga Society of History and Antiquities, 1926. Ethnography. 1927. No. 1. P. 225.

27. Sheremeteva M.E. Wedding in Gamayunshchina, Kaluga District. Kaluga: State Printing House of the KGSNH, 1928. 112 p. (Proceedings of the KOID).

28. Sheremeteva M.E. Changes in Costume Forms in Gamayunshchina. Issues of Ethnology of the Central Industrial Region. First Ethnological Conference on the Central Industrial Region at the State Museum of the Central Industrial Region, March 29-30, 1926: Collection of Articles. Moscow: Printing House of the Serpukhov "PROMTORG", 1927. P. 17 – 18. (State Museum of the Central Industrial Region).

29. Sheremeteva M.E. Bread and ritual cookies in the former Peremyshl district of Kaluga province. Bulletin of the State Russian Geographical Society. 1929. Vol. 61. Issue 2. P. 215 – 244.

30. Sheremeteva M.E. Ethnographic work in the Kaluga Regional Museum in 1926. Ethnography. 1927. No. 1. P. 225 – 226.

31. Sheremeteva M.E. Ethnographic section of the Kaluga Society of History and Antiquities for 1925. Ethnography. 1926. Nos. 1-2. P. 288 – 290.

32. Sheremeteva M.E. Ethnographic department in the Kaluga Regional Museum. Ethnography. 1926. No. 1-2. P. 287 – 288.

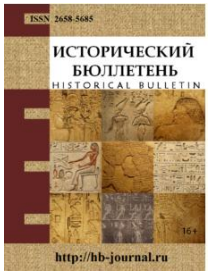
Информация об авторах

Кузнецов А.Н., аспирант, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права, Калужскийо государственный университет им. К.Э. Циолковского

Моисеенко Н.А., главный специалист ЧУ «Этнографический музей Юхновграда»

© Штепа А.В., Кузнецов А.Н., Моисеенко Н.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47)

Семен Федорович Казанский. Основоположник отраслевой железнодорожной гигиены

[1] Шувалов Е.Г.,
[1] Российский университет транспорта (МИИТ)

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию специфики и формирования отраслевых стандартов железнодорожной гигиены на рубеже XIX-XX столетий. В рамках анализа выявлены ключевые детерминирующие факторы, оказавшие влияние на развитие санитарного режима железнодорожного транспорта. Особое внимание уделено роли транспортных коммуникаций в эпидемическом процессе и функциональному предназначению железных дорог в аспекте реализации превентивных мероприятий. Установлено, что адекватный контроль над функционированием транспортной инфраструктуры в условиях неблагоприятной эпидемиологической ситуации требует внедрения модели централизованной государственно санкционированной регуляции. Железнодорожный транспорт рассматривается не только как важный вид транспорта, обеспечивающий перемещение людей и товаров, но и как мощный инструмент реализации профилактических мероприятий против массовых заболеваний и эпидемий. Железные дороги выступают площадкой для реализации целевых государственных проектов, включающих карантинные мероприятия, контроль состояния здоровья пассажиров и обслуживающего персонала, проведение массовой вакцинации и дезинфекционных работ. Решение обозначенной проблематики заключается в создании научно обоснованных концептуально методологических подходов, согласующихся с общей идеологией формирующегося общественно политического уклада государства. Рассмотрены отдельные инициативы профессора С.Ф. Казанского, направленные на оптимизацию санитарно-эпидемиологического состояния железнодорожных станций и прилегающих территорий.

Ключевые слова: С.Ф. Казанский, Н.А. Семашко, история транспорт, история медицины, железная дорога, санитарно-гигиенические мероприятия, эпидемии

***Для цитирования**: Шувалов Е.Г. Семен Федорович Казанский. Основоположник отраслевой железнодорожной гигиены // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 222 – 229.*

Поступила в редакцию: 4 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Semyon Fedorovich Kazansky. Founder of industrial railway hygiene

[1] Shuvalov E.G.,
[1] Russian University of Transport (MIIT)

Abstract: this article is devoted to studying the specifics and formation of industry standards for railway hygiene at the turn of the 19th and 20th centuries. The analysis identifies key determinants that influenced the development of sanitary regulations governing rail transport. Special attention is given to the role of transportation communications in epidemic processes and the functional purpose of railways as a means of implementing preventive measures. It has been established that adequate control over the functioning of transport infrastructure under

unfavorable epidemiological conditions requires implementation of a centralized state-sanctioned regulation model. Rail transport is not only considered an important mode of transport providing movement of people and goods but also a powerful tool for implementing preventive measures against mass diseases and epidemics. Railroads serve as platforms for targeted government projects including quarantine measures, health monitoring of passengers and staff, mass vaccination campaigns, and disinfection activities. The solution lies in creating scientifically grounded conceptual methodological approaches consistent with the overall ideology of the emerging socio-political order of the state. Separate initiatives by Professor S.F. Kazansky aimed at optimizing the sanitary-epidemiological condition of railway stations and adjacent territories are discussed.

Keywords: S.F. Kazansky, N.A. Semashko, history of transport, history of medicine, railway, sanitary and hygienic measures, epidemics

***For citation**: Shuvalov E.G. Semyon Fedorovich Kazansky. Founder of industrial railway hygiene. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 222 – 229.*

The article was submitted: September 4, 2025; Approved after reviewing: November 3, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Вопрос соблюдения гигиены – основополагающий элемент, влияющий на здоровый образ жизни и общий уровень здравоохранения в обществе. Простые гигиенические процедуры позволяют предотвратить многие вирусные инфекции. Сегодня, после одной из крупнейших пандемий в современной истории, общество особенно остро осознает необходимость регулярной профилактики.

Нерациональное применение современных транспортных сетей оказывает существенное негативное воздействие на динамику эпидемического процесса инфекционных заболеваний. Зараженный субъект, оперативно перемещающийся на значительные расстояния, способствует экспансии патогенна в другие географические зоны, инициируя формирование новых эпидемиологических очагов. Эпидемиологическая ситуация 2019–2020 гг., обусловленная пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, ярко иллюстрирует необходимость строгого мониторинга перемещения населения и оперативного введения ограничительных санитарно-эпидемиологических мер в условиях глобализации и интенсификации межконтинентальных миграционных потоков [2].

Функционирование современной высокоскоростной транспортной инфраструктуры представляет собой важнейший фактор ускорения темпов распространения патогенных микроорганизмов среди человеческой популяции [18]. Недостаточная эффективность первичных карантинных мероприятий на начальном этапе распространения вируса SARS-CoV-2 привела к формированию множества вторичных локусов инфекции далеко за пределами региона первоначального возникновения заболевания. Это обстоятельство свидетельствует о критической значимости комплексного подхода к профилактике инфекционных угроз, включающего мониторинг транспортного движения, раннюю диагностику случаев заражения и организацию эффективных изоляционно-карантинных зон. Таким образом, существует прямая корреляция между скоростью передвижения индивидов и динамикой прогрессирования инфекционного процесса, зависящая от качества реализации превентивных санитарных мероприятий и уровня функционирования транспортной сети [20]. Сократить скорость распространения инфекции возможно лишь в многоуровневой связке научно-технических и гуманитарных дисциплин при централизованной поддержки государственной системе [14].

Сегодня Министерство транспорта и Министерство здравоохранения совместно реализуют ряд проектов по сокращению распространения инфекционных заболеваний, деятельность которых регулируется федеральными законами [19]. Новые реалии и старый опыт позволяют актуализировать теоретические и практические подходы к обеспечению гигиенической, санитарно-эпидемиологической и экологической безопасности на транспорте. Актуализации проблемы способствует юбилейная дата – 100-летие со дня основания Института гигиены транспорта Роспотребнадзора (Федеральное государственное унитарное предприятие «Всероссийский научно-исследовательский институт гигиены транспорта Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (ВНИИЖГ)»).

Материалы и методы исследований

В процессе исследования были использованы историко-сравнительный, генетический и статистический методы. Эти методы позволили отразить общее положение санитарно-гигиенического направления в транспортной отрасли начала XX

века. Основой исследования послужили труды С. Ф. Казанского и его вклад в развитие гигиены железнодорожного и других видов транспорта. По результатам исследования были сформулированы общие положения и выявлены проблемы отраслевой железнодорожной гигиены. Выделены особенности антисанитарных условий в поездах, на вокзалах и привокзальных территориях.

Результаты и обсуждения

Сто лет назад вопрос санитарно-гигиенического аспекта, в контексте тяжелой экономических и социальных потрясений, стоял в основе решения первостепенных задач. Россия в начале XX в. с экономическими, политическими, социальными вызовами столкнулась с колоссальными проблемами [16]. Одной из которой является формование централизованной медицинской системы отвечающие идеологической структурой нового государственного устройства [16]. Первостепенной задачей была ликвидировать эпидемии тифа [17], дифтерии, дизентерии [15]. Формировались полномочные санитарные и военно-санитарные комиссии, работу которых направлял Совет народных комиссаров РСФСР. В РККА этим занимался Военно-санитарный отдел (РГВА Ф. 34, 1018 ед.). Создана сеть карантинов, изоляционно-пропускных пунктов и фронтовых госпиталей для зараженных инфекциями, велась пропаганда чистоты [23].

Ключевую роль в становление совестного здравоохранения сыграл Семашко Н.А.: «*Советская власть, есть власть трудящихся, и советская медицина есть медицина трудящихся. В капиталистическом строе нельзя было охранять здоровья не разрушив строй. Как можно было охранять труд рабочего в городе и деревни, когда это труд являлся источником наживы для эксплуататоров. Когда вся цель, капиталистического общества заключалась в том, чтобы извлечь при помощи этого труда как можно больше прибыли. Как можно было говорить об улучшении жилищных условий бедноты, когда существовала частная собственность. Когда рядом с бедняком, загнанным со своей семьей в подвалы, жил богач в огромных особняках. Лечение пролетария в капиталистическом строе, занимались постольку, поскольку нужно было подлечить рабочего, что завтра бросить его в круговорот капиталистической эксплуатации. Только социализм, только коммунизм, разрушит все эти социальные препятствия для санитарных и лечебных мероприятий в пользу городской и деревенской бедноты. Только власть рабочих может составить правильную охрану труда и регулировать все личные вопросы в интересах бедноты. Только рабочая и крестьянская власть может поставить лечебное дело так, чтоб лечение было правильное и квалифицированное, всем равное и всем доступное*» [22].

Рациональное распределение ресурсов, централизация всех элементов медицины, вкупе с ликвидацией неграмотности и государственным обеспечением, породили новую модель национальной системы здравоохранения, обеспечивающую иерархическую систему государственных учреждений, основанную на профилактике и социальной гигиене, единых принципах организации, централизации системы здравоохранения, доступности для всех граждан, первоочередном внимании детству и материнству, единстве профилактики и лечения, вовлеченности общественности в дела здравоохранения [21].

Борьба с эпидемиями и инфекционными заболеваниями становится эффективной лишь тогда, когда органы здравоохранения централизованно контролируют и отслеживают пути распространения инфекции. Практически весь XX век, особенно его начало, основными транспортными магистралями были железные дороги [12]. Вокзалы и железнодорожные составы становились местами интенсивного скопления народа. Высокая мобильность социальных групп пассажиров вкупе с антисанитарией способствовали возникновению и быстрому распространению разных видов вирусных заболеваний.

Всем, кому сегодня приходится ездить по железным дорогам и водным путям, провожать или встречать уезжающих или прибывающих родных и знакомых, хорошо известно, что вокзалы и вагоны – место большого скопления народа. В начале XX века, с учетом всех экономических и социальных потрясений, ситуация складывалась значительно хуже. В мастерских и депо далеко не везде решен вопрос об удалении дыма и копоти. Неисправны ремонтные канавы для паровозов, неровные полы, недостаточно света, пыль, закопченные стекла окон, отсутствие душевых и сушилок – все это затрудняет эффективную работу. Недостает спецодежды, белья, прачечных и сушилок. Нет нормальных бытовых условий проживания рабочих. Повсеместна нехватка воды и нарушения водоснабжения. Хорошее санитарное состояние мест работы и отдыха, а также жилья является важнейшим условием повышения производительности труда на транспорте и выполнения транспортно-финансового плана.

Для того чтобы правильно наметить пути оздоровления транспорта, нужно разобраться в причинах столь сложной транспортной обстановки: тяжелое наследие прошлого, когда прежние вла-

дельцы железных дорог заботились лишь о получении прибыли, часто пренебрегая общим комфортом и гигиенической составляющей. «Незатянутые раны» от Первой мировой, Гражданской войн и интервенций – разрушенные станции, угнанные подвижные составы, нарушенное железнодорожное полотно и многие другие негативные факторы – стали большой проблемой для всей транспортной системы. Отсутствие единой системы перевозок в условиях классовых различий негативно сказывалось на общем положении транспорта.

Санитарное благоустройство пассажирского железнодорожного транспорта в значительной мере зависело от хозяйственных органов, которые лишь создавали видимость санитарных мероприятий. Общая смертность от тех или иных болезней чаще всего представляет собой результат совокупности негативных факторов, влияющих на здоровье человека и общества в целом. Ответственность за неблагоприятные последствия принимает обезличенную форму. Например, плохие санитарно-гигиенические условия в вагонах, служащие центрами распространения сыпного тифа, способны вызвать значительное число смертей, но все это происходит вдали от вокзалов - тихо, в отдельных квартирах и больницах, где руководство транспортной системы уже никакой ответственности не несет.

На вокзалах существует большой риск заразится как от пассажиров, так и от работников вокзала [1]. Одни из самых опасных распространителей инфекции являются блохи, вши, клопы, малярия, мухи, клещи [25]. На вокзальной и привокзальной территории существует вероятность заразиться также болезнями, общими как для человека, так и для животных: бешенство, сибирская язва, сап, глисты и другие. Небрежных путешественников могут настичь желудочно-кишечные заболевания, такие как брюшной тиф, паратиф, кровавый понос, дизентерия и прочие. Источниками таких болезней являются грязные уборные, некипяченая вода, испорченные продукты питания и прочее.

Перед здравоохранением и гигиеной отрасли начала XX века стояли следующие проблемы: разработка методов профилактики инфекционных и паразитарных заболеваний, установление правил дезинфекции и дезинсекции в условиях подвижного пассажирского состава, создание технологий перевозки химических и радиоактивных грузов [9]. Требовалось разработать учебно-методические и просветительские программы среди работников железнодорожного транспорта, оптимизировать проведение клинических исследований и выявить взаимосвязи профессиональных и производственно-обусловленных заболеваний [10]. Разработать профилактические мероприятия и методы лечения как стационарно, так и амбулаторно. Сформировать гигиенические основы и практические рекомендации по экологическим и природоохранным направлениям. Систематизировать нормы стандартов в сфере транспортной гигиены и рационального питания пассажиров [13] дальнего следования [11], а также сотрудников железнодорожного транспорта. Особое внимание уделялось суточному распределению калорийности пищи, которая должна была соответствовать энергозатратам человеческого организма, удовлетворяя потребность в белках, аминокислотах, жирах, включая растительные масла с полиненасыщенными жирными кислотами, витаминами и минеральными солями. Важнейшей задачей являлось проведение исследований по профилактике и устранению медико-санитарных последствий, улучшению условий труда на транспорте. Перед руководством стояли исключительно сложные задачи, решение которых требовало учета множества факторов, стремительно меняющихся в транспортных условиях [11].

Одним из первых кто в начале XX в. начал решать вышеуказанные вопросы в области железнодорожной гигиены был Семен Федорович Казанский. Родился Семен Федорович в Запорожской губернии в селе Дмитровка в 1877 г. 30 августа, в семье священника. После окончание духовной семинарии (1899 г.) и поступил на медицинский факультет Юрьевского университета. Однако, за «политические забастовки» на третьем курсе был исключен без права в дальнейшем поступления в русские высшие учебные заведения. Уезжает в Швейцарию, проходит конкурс в Базельском университете медицинского факультета. В 1905 г. заканчивает обучение. Получает доктора медицины за дипломную работу «Хирургическое лечение опухолей пищевода» Уже через год, возвращаясь на Родину, сдает экзамены в Императорском Харьковском университете и получает степень лекаря. С 1906-1923 работает земским врачом в Бердянском уезде. 1912-1916 гг. санитарным врач Мариупольского уезда, 1916-1919 заведует санитарным бюро Екатеринославской губернии, 1919–1922 г. руководит санитарным отделом Екатеринославского губернаторском отделе здравоохранения. Параллельно Семен Федорович работает заведующим кафедрой гигиены в Высшем институте народного образования в г. Екатеринославле (Днепропетровск Украина).

Среди трудов Семена Федоровича, написанных в это время, можно выделить следующие работы: «Трахома в Мариупольском уезде» (1915), «Об

учреждении санатория для легочных больных в Бердянском уезде», «Туберкулез легких в Мариупольском уезде» (1902-1911), «Физическое развитие и заболеваемость учащихся в земских школ Мариупольского уезда» (1916), «Из материалов по истории земской медицины в Мариупольском уезде» (1917),«Санитарное состояние школ Мариупольского уезда» (1919).

В 1922 г. Казанский уезжать в Москву и здесь приступает к работе в отделе Народного комиссариата путей сообщения СССР. С 1922-1925 гг. активно участвует во Всероссийских съездах санитарных врачей и эпидемиологов НКПС СССР. В 1924 г. включается в работу санитарных курсов эпидемиологической комиссии Лиги Наций. До 1932 г. заведует организацией Центральной научно-исследовательской лаборатории эпидемиологии [5]. С 1932-1934 гг. руководит транспортным отделом Института коммунальной гигиены Наркомздрава СССР. Был редактором журнала «Гигиена и эпидемиология» [7]. В 1939 г. присуждается ученое звание профессора.

Профессор Казанский в 1946 году издал «Справочник железнодорожного санитарного врача» [24]. Данный труд отвечал на ключевые вопросы транспортной гигиены и предлагал конкретные практические решения [6]. За два года до своей смерти, в 1950-м, профессор Семен Федорович Казанский завершил одну из своих фундаментальных работ -«Железнодорожная гигиена» [8]. Этот труд стал первым фундаментальным учебным пособием в данной области, которое многие десятилетия служило руководством для гигиенистов, физиологов труда, промышленно-санитарных врачей и сотрудников лечебно-профилактических учреждений в их повседневной практике. «Железнодорожная гигиена» стала результатом тридцатилетних исследований Семена Федоровича.

Одним из эффективных способов минимизации рисков возникновения кризисных явлений в сфере гигиенической практики и медицинской деятельности является осуществление информационно-просветительской работы среди населения посредством распространения фундаментальных знаний профилактического характера и простейших терапевтических мер. Важную роль здесь играют визуальные средства коммуникации, такие как агитационные плакаты, выполняющие функцию демонстрационного учебного материала. Дополнительно публикуются профильные периодические издания научного содержания, включая журнал «Вестник железнодорожной медицины и гигиены» [3] и специализированный сборник статей «Гигиена и санитария железнодорожного транспорта», способствующие распространению актуальной научной информации среди медицинских работников соответствующих отраслей здравоохранения [4].

С.Ф. Казанский предлагает ввести меры по контролю зала железнодорожного вокзала для решения санитарно-гигиенических проблем вокзалов и привокзальных территорий, выделив следующие вопросы:

1. Большая скученность пассажиров.
2. Отсутствие контроля качества питания.
3. Общая санитарная обработка вокзала.
4. Санитарная очистка привокзальной территории.

Для начала необходимо четко распределить пассажиропоток. Систематизировать и отрегулировать движение людей путем вывесок и оповещений. Разделить зоны ожидания, прибытия пассажиров, дальних и пригородных направлений. Выделить отдельное пространство для приема пищи и питья. Выход пассажиров с прибывших поездов следует изолировать от входа на посадку. Посадку осуществлять через несколько дверей, согласно расписанию. Обеспечить вокзал и буфеты качественной кипяченой питьевой водой. Постоянно следить за исправностью кипятильников и точек раздачи воды (фонтанчиков, бочек, киосков). Исключить использование общей посуды. Мыть столовую и чайную посуду горячей водой. Составить график влажной уборки вокзальных помещений. Использование пылесосов. Обеспечение помещения урнами и плевательницами. Регулярное проветривание. В вокзальных помещениях, помимо искусственного освещения, должен обеспечиваться доступ естественного света через чистые окна, поскольку ультрафиолет уничтожает большую часть бактерий, находящихся в воздухе. В малярийных районах окна оборудуются матерчатыми сетками, предотвращающими попадание опасных насекомых внутрь здания при проветривании. Кроме того, на привокзальной территории необходимо ликвидировать природные и искусственные водоемы со стоячей водой, осушив их либо залив нефтью (это убивает личинки комаров и других насекомых-переносчиков инфекций). Следует исключить доступ на территорию диких животных, законопатить щели в полу и стенах складских помещений. Регулярно осуществлять дезинфекционные и дератизационные мероприятия. Эффективна борьба с мухами путем тщательной уборки и ежедневного вывоза мусора.

Выводы

Образцовое санитарное состояние вокзалов нашей необъятной Родины помогает сохранить здоровье транспортников и предупредить распространение заболеваний среди населения. Работы С. Ф. Казанского легли в основу практического -

прикладного направления санитарно-эпидемиологических мероприятий, заложив основы отраслевой железнодорожной гигиены. Сегодня, несмотря на хорошо развитую гражданскую авиацию, для многих железная дорога остается приоритетным выбором при путешествиях, особенно внутри страны. Во многих регионах пригородные электрички и поезда являются едва ли не единственными важными транспортными артериями. Многие направления отраслевой транспортной гигиены, заложенные в начале XX века, в частности С. Ф. Казанским, продолжают существовать и развиваться и в современном мире.

Список источников

1. Белевцев К.И., Казанский С.Ф. Советы врача работнику вокзала. Москва: Трансжелдориздат, 1939. 16 с.

2. Брико Н.И., Каграманян И.Н., Никифоров В.В., Суранова Т.Г. и др. Пандемия COVID-19. Меры борьбы с ее распространением в Российской Федерации // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2020. № 2. С. 4 – 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-covid-19-mery-borby-s-ee-rasprostraneniem-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 11.08.2025)

3. Вестник железнодорожной медицины и санитарии: редкая книга / ред. С.П. Рощевский. Саратов: Типография Союза Печатного, 1916. 56 с.

4. Гигиена и санитария путей сообщения: журнал, посвященный вопросам медицины, гигиены и санитарии транспорта / издание здравотделов Ленинградского железнодорожного узла. Петроград : б.и., 1923-1924. № 1: 1-3 с.; № 2. С. 1 – 4.

5. Гигиена и эпидемиология: журнал. Москва, Ленинград : Медгиз, 1922-1931. № 1-80. 127 с.

6. Казанский С.Ф. Санитарная памятка для администрации и других работников пристани и вокзала на водном транспорте / Водолечсанупр. Наркомздрава СССР. Москва: Медгиз, 1944. 40 с.

7. Казанский С.Ф. Как транспортнику уберечься от заразных болезней. Москва; Ленинград: Гос. мед. изд-во, "Мосполиграф", 1929. 48 с.

8. Казанский С.Ф. Железнодорожная гигиена / под ред. И.И. Могилевского; Центр. науч.-исслед. лаборатория гигиены и эпидемиологии Главсанупра МПС. Москва : Гл. врачебно-сан. упр. Мин-ва путей сообщ., 1950 (1-я тип. Трансжелдориздата). 492 с.

9. Казанский С.Ф., Лысый А.В., Щербаков И.М. Справочник транспортного врача / под ред. нач. медико-санитарн. упр. путей сообщения НКЗ РСФСР М.Г. Тракмана. Москва: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1928. XXIII, 451 с.

10. Казанский С.Ф. Санитарная памятка для администрации и других работников пристани и вокзала на водном транспорте / Водолечсанупр. Наркомздрава СССР. Москва: Медгиз, 1944. 22 с.

11. Казанский С.Ф. Санитарный минимум на транспорте. Ленинград ; Москва: Огиз – Государственное медицинское издательство, тип. изд-ва «Крестьянская газета» в Москве, 1930. 32 с.

12. Капцов В.А., Прохоров, А.А. Этапы развития гигиены железнодорожного транспорта // Гигиена и санитария. 1995. № 5. С. 8 – 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-gigieny-zheleznodorozhnogo-transporta (дата обращения: 11.08.2025)

13. Казанский, С.Ф. Как транспортнику получить здоровую воду. Москва: Гос. мед. изд-во, 1929 (13-я тип. «Мысли печатника»). 63 с.

14. Капцов В.А. Отечественному научному центру железнодорожной гигиены – 80 лет. Москва: Издательство, 2005. 120 с.

15. Кривошеев Г.Ф., Андроников В.М., Буриков П.Д. Россия и СССР в войнах XX века: книга потерь. Москва: Вече, 2010. 624 с.

16. Лисицын Ю.П. Здоровье населения и современные теории медицины. Москва: Медицина, 1982. 325 с.

17. Позднякова А.С., Вычугжанина Е.Ю. Организация борьбы с эпидемией сыпного тифа в Вятке в 1918-1920 гг. // Исторический журнал: Научные исследования. 2018. № 6. С. 1 – 15.

18. Рекомендации по организации работы транспорта и транспортных предприятий в условиях сохранения рисков распространения COVID-19: методические указания МР 3.1/2.5.0172/4-20 / Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор). Москва: Роспотребнадзор, 2020. 10 с.

19. Рекомендации по проведению профилактических мероприятий и дезинфекции автотранспортных средств для перевозки пассажиров в целях недопущения распространения новой коронавирусной инфекции: методические рекомендации МР 3.1/2.5.0163/1-20 / утверждены 13 февраля 2020 г. Москва: Роспотребнадзор, 2020. 8 с.

20. Информация для пассажиров и транспортных организаций в связи с распространением COVID-19. https://mintrans.gov.ru/: [сайт]. URL: https://www.mintrans.gov.ru/activities/289 (дата обращения: 06.04.2025)

21. Семашко Н.А. Введение в социальную гигиену. Москва: Работник просвещения, 1927. 52 с.

22. Семашко Н.А. Из выступления 19.12.1918 г. «О социальном значении здравоохранения в пролетарском государстве» // Советская медицина. 1918. 19 декабря. С. 1 – 4.

23. Сизов С.Г. Эпидемическая ситуация в белом Омске в 1918-1919 гг. и ее влияние на повседневную жизнь горожан // Кубанские исторические чтения. VIII Международная научно-практическая конференция. Краснодар, 2017. С. 1 – 12.

24. Справочник железнодорожного санитарного врача / СССР, МПС, Главное врачебно-санитарное управление, Центральная научно-исследовательская лаборатория гигиены и эпидемиологии. Москва: Гос. трансп. ж.-д. изд-во, 1946-1948. 2 т. 1000 с.

References

1. Belevtsev K.I., Kazansky S.F. Doctor's Advice to Station Workers. Moscow: Transzheldorizdat, 1939. 16 p.

2. Briko N.I., Kagramanyan I.N., Nikiforov V.V., Suranova T.G., et al. The COVID-19 Pandemic. Measures to Combat Its Spread in the Russian Federation. Epidemiology and Vaccine Prevention. 2020. No. 2. P. 4 – 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-covid-19-mery-borby-s-ee-rasprostraneniem-v-rossiyskoy-federatsii (accessed: 11.08.2025)

3. Bulletin of Railway Medicine and Sanitation: Rare Book. ed. S.P. Roshchevsky. Saratov: Printing House of the Union of Printers, 1916. 56 p.

4. Hygiene and Sanitation of Transport Routes: A Journal Dedicated to Issues of Medicine, Hygiene, and Sanitation of Transport. Published by the Health Departments of the Leningrad Railway Junction. Petrograd: biography, 1923-1924. No. 1: 1-3 p.; No. 2. P. 1 – 4.

5. Hygiene and Epidemiology: Journal. Moscow, Leningrad: Medgiz, 1922-1931. No. 1-80. 127 p.

6. Kazansky S.F. Sanitary Instructions for the Administration and Other Employees of the Wharf and Station on Water Transport. Vodolechsanupr. of the USSR People's Commissariat of Health. Moscow: Medgiz, 1944. 40 p.

7. Kazansky S.F. How a transport worker can protect himself from contagious diseases. Moscow; Leningrad: State Medical Publishing House, "Mospoligraf", 1929. 48 p.

8. Kazansky S.F. Railway Hygiene. edited by I.I. Mogilevsky; Central Research Laboratory of Hygiene and Epidemiology of the Main Sanitary Directorate of the Ministry of Railways. Moscow: Main Medical and Sanitary Directorate of the Ministry of Railways, 1950 (1st type of Transzheldorizdat). 492 p.

9. Kazansky S.F., Lysy A.V., Shcherbakov I.M. Transport Doctor's Handbook.edited by M.G. Trakman, Head of the Medical and Sanitary Directorate of Railways of the People's Commissariat of Health of the RSFSR. Moscow: Publishing House of the People's Commissariat of Health of the RSFSR, 1928. XXIII, 451 p.

10. Kazansky S.F. Sanitary Instructions for the Administration and Other Employees of the Pier and Station on Water Transport.Vodolechsanupr. of the People's Commissariat of Health of the USSR. Moscow: Medgiz, 1944. 22 p.

11. Kazansky S.F. Sanitary Minimum in Transport. Leningrad; Moscow: Ogiz – State Medical Publishing House, published by Krestyanskaya Gazeta in Moscow, 1930. 32 p.

12. Kaptsov V.A., Prokhorov, A.A. Stages of Development of Railway Transport Hygiene. Hygiene and Sanitation. 1995. No. 5. P. 8 – 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-gigieny-zheleznodorozhnogo-transporta (date accessed: 11.08.2025)

13. Kazansky S.F. How a Transport Worker Can Get Healthy Water. Moscow: State Medical Publishing House, 1929 (13th type. "Printer's Thoughts"). 63 p.

14. Kaptsov V.A. The National Scientific Center for Railway Hygiene is 80 years old. Moscow: Izdatelstvo, 2005. 120 p.

15. Krivosheev G.F., Andronikov V.M., Burikov P.D. Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century: A Book of Losses. Moscow: Veche, 2010. 624 p.

16. Lisitsyn Yu.P. Population Health and Modern Theories of Medicine. Moscow: Meditsina, 1982. 325 p.

17. Pozdnyakova A.S., Vychugzhanina E.Yu. Organization of the Fight Against the Typhus Epidemic in Vyatka in 1918-1920. Historical Journal: Scientific Research. 2018. No. 6. P. 1 – 15.

18. Recommendations for the Organization of Transport and Transport Enterprises in the Context of Persistent Risks of COVID-19 Spread: Methodological Guidelines MR 3.1/2.5.0172/4-20. Federal Service for Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Wellbeing (Rospotrebnadzor). Moscow: Rospotrebnadzor, 2020. 10 p.

19. Recommendations for the implementation of preventive measures and disinfection of vehicles for the carriage of passengers in order to prevent the spread of a new coronavirus infection: methodological recommendations MR 3.1/2.5.0163/1-20. approved on February 13, 2020. Moscow: Rospotrebnadzor, 2020. 8 p.

20. Information for passengers and transport organizations in connection with the spread of COVID-19. https://mintrans.gov.ru/: [website]. URL: https://www.mintrans.gov.ru/activities/289 (date of access: 06.04.2025)

21. Semashko N.A. Introduction to social hygiene. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya, 1927. 52 p.

22. Semashko N.A. From the speech of 19.12.1918 "On the Social Significance of Health Care in a Proletarian State". Sovetskaya Meditsina. 1918. December 19. P. 1 – 4.

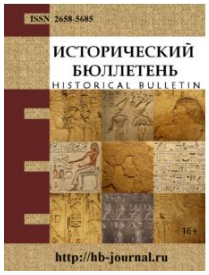
23. Sizov S.G. The Epidemiological Situation in White Omsk in 1918-1919 and Its Impact on the Everyday Life of Citizens. Kuban Historical Readings. VIII International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2017. P. 1 – 12.

24. Handbook of a Railway Sanitary Doctor. USSR, MPS, Main Medical and Sanitary Administration, Central Research Laboratory of Hygiene and Epidemiology. Moscow: State Transport Railway Publishing House, 1946-1948. 2 vol. 1000 p.

Информация об авторе

Шувалов Е.Г., ассистент, Российский университет транспорта (МИИТ)

© Шувалов Е.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 398.22

Башкиры и Сибирское ханство: обзор историографии

[1] Антонов И.В.,
[1] Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Аннотация: в статье рассматривается проблема взаимоотношений башкир и Сибирского ханства по данным историографии. Хронологические рамки статьи охватывают период XV-XVII веков. Это время взаимодействия башкир с правителями Сибирского ханства и их наследниками. Рассматриваемый период слабо освещен в источниках. Схематичные данные башкирских шежере и неполные сведения русских летописей не позволяют восстановить последовательный ход событий. Историография представлена разделами в коллективных трудах и монографическими исследованиями. Установлено, что Сибирскому ханству подчинялись зауральские башкиры, хотя временами сибирские ханы могли претендовать на власть и над приуральской частью Башкирии. Поскольку Сибирское ханство не имело твердо очерченных границ, точно определить пределы распространения власти сибирских ханов над башкирами не представляется возможным. В цитируемых работах отмечается, что башкиры, вошедшие в состав Сибирского ханства, обитали по рекам Яик (Урал), Тобол, Миасс и Исеть. Среди башкирских племен, входивших в состав Сибирского ханства, наиболее часто называются табынцы, катайцы, салъюты, сынрянцы. Не желая подчиняться сибирским ханам, башкиры переселялись с восточной на западную сторону Уральских гор. Однако начавшаяся русская колонизация привела к обратному переселению с западной на восточную сторону Уральских гор. Башкиры в Сибирском ханстве облагались ясаком и несли военную повинность. Нет оснований включать башкирские племена, подвластные Сибирскому ханству, в число казахов или татар. Все эти племена не подверглись ассимиляции и сохранили свою башкирскую идентичность. Возможно, зауральские башкиры стали главной опорой хана Кучума и его наследников в борьбе с Русским государством. Сделан вывод, что в изложении истории Сибирского ханства необходимо учитывать роль башкир.

Ключевые слова: башкиры, Башкирия, Южный Урал, Сибирское ханство, Кучум, Кучумовичи, историография

Для цитирования: *Антонов И.В. Башкиры и Сибирское ханство: обзор историографии // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 230 – 243.*

Поступила в редакцию: 5 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Bashkirs and the Siberian Khanate: a review of historiography

[1] Antonov I.V.,
[1] R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the article examines the problem of the relationship between the Bashkirs and the Siberian Khanate according to historiography. The chronological framework of the article covers the period XV-XVII centuries. This is the time of Bashkir interaction with the rulers of the Siberian Khanate and their heirs. The period under review is poorly covered in the sources. The schematic data of the Bashkir shezhere and incomplete information from the Russian chronicles do not allow us to reconstruct the consistent course of events. Historiography is represented by sections in collective works and monographic studies. It has been established that the Trans-Ural Bashkirs were subordinate to the Siberian Khanate, although at times the Siberian khans may have claimed authority over the Ural part of Bashkiria. Since the Siberian Khanate did not have clearly defined borders, it is not possible to accurately determine the extent of the Siberian khans' authority over the Bashkirs. The cited works note that the Bashkirs who became part of the Siberian Khanate lived along the Yaik (Ural), Tobol, Miass, and Iset rivers. Among the Bashkir tribes that were part of the Siberian Khanate, the most commonly mentioned are the Tabyns, the Katays, the Salyuts, and the Synryans. Unwilling to submit to the Siberian khans, the Bashkirs migrated from the eastern to the western side of the Ural Mountains. However, the beginning of Russian colonization led to a reverse migration from the western to the eastern side of the Ural Mountains. The Bashkirs in the Siberian Khanate were subject to yasak taxation and military service. There is no reason to include the Bashkir tribes that were under the control of the Siberian Khanate among the Kazakhs or Tatars. These tribes did not undergo assimilation and retained their Bashkir identity. It is possible that the Trans-Ural Bashkirs became the main support for Khan Kuchum and his successors in their struggle against the Russian state. It is concluded that the role of the Bashkirs should be taken into account when studying the history of the Siberian Khanate.

Keywords: Bashkirs, Bashkiria, Southern Urals, Siberian Khanate, Kuchum, Kuchumovichs, historiography

***For citation**: Antonov I.V. Bashkirs and the Siberian Khanate: a review of historiography. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 230 – 243.*

The article was submitted: September 5, 2025; Approved after reviewing: November 3, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

XV и XVI века – наименее изученный период в истории Башкирии. Этот период, наступивший после распада Золотой Орды, заканчивается вхождением Башкирии в состав России. Как известно, в это время территория Башкирии оказалась разделенной между Ногайской Ордой, Казанским и Сибирским ханствами. Рассматриваемый период слабо освещен в источниках и недостаточно полно разработан в историографии. Меньше всего внимания обращалось на взаимоотношения башкир и Сибирского ханства. В то же время история Сибирского ханства, по сравнению с Казанским ханством и Ногайской Ордой, оказалась более продолжительной. Возникнув в XV в., это ханство просуществовало до конца XVI в., а попытки его воссоздания предпринимались вплоть до третьей четверти XVII в. Часть башкир, связанная с Сибирским ханством, активно сопротивлялась русской колонизации. Поэтому тема взаимоотношений башкир и Сибирского ханства представляет значительный интерес в истории Южного Урала. В статье сделана попытка рассмотреть проблему взаимоотношений башкир и Сибирского ханства по данным отечественной историографии советского и современного периодов. Работы историков проанализированы в хронологическом порядке. Рассматриваемая проблема так или иначе затрагивается практически во всех обобщающих изданиях по истории Башкирии и некоторых сопредельных регионов. Исследователи часто ограничиваются повторением одних и тех же сведений общего характера: в составе Сибирского ханства находилась восточная часть башкир, которая несла определенные повинности, тем самым вольно или невольно поддерживая сибирских ханов в их борьбе с Россией. Исследования более конкретного характера раскрывают племенной состав башкир, находившихся в составе Сибирского ханства, выявляют исторические события, анализируют причины длительного пребывания башкир под властью сибирских ханов. Наиболее дискуссионным

оказался вопрос об этнической принадлежности перечисляемых исследователями племен, их предлагается считать не только башкирскими, но и с таким же успехом татарскими, а то и казахскими. В этом вопросе позиция различных авторов связана с их собственной принадлежностью к тем или иным региональным центрам современной науки. Различные мнения высказываются и по другим вопросам.

Материалы и методы исследований

В статье дан обзор историографии по проблеме взаимоотношений башкир и Сибирского ханства в XV-XVII вв. Проанализированы разделы в коллективных трудах и монографические исследования. Хронологический метод позволил проследить эволюцию взглядов исследователей, выделить общее и особенное, новые положения и повторения уже высказанных мнений предшественников. Обзор событий, приводимых в работах исследователей, позволил выделить основные этапы в истории взаимоотношений башкир и Сибирского ханства. Сравнительный анализ использованных работ позволил установить племенной состав башкир, подвластных Сибирскому ханству, территорию, на которой обитали башкирские племена, повинности, которые несли башкиры в пользу сибирских ханов. Выделены различные мнения современных исследователей об этнической принадлежности табынцев, катайцев, салъютов, сынрянцев и других племен, ныне сохранившихся в составе башкир. Критический анализ позволил не согласиться с мнением ряда авторов о принадлежности перечисленных племен к числу казахов или татар. Объективный метод позволил проследить значительную роль башкир в истории Сибирского ханства, особенно на последнем этапе его существования, считать башкирские племена главной опорой Кучума и Кучумовичей в упорном и длительном сопротивлении русской колонизации.

Результаты и обсуждения

С.И. Руденко в историко-этнографической монографии о башкирах, впервые изданной в 1955 г., ограничился утверждением о том, что зауральские районы Башкирии признали свою зависимость от Сибирского ханства [23, с. 27].

После 1557 г., когда основная часть Башкирии вошла в состав России, лишь небольшая восточная и северо-восточная части Башкирии оставались подвластными Сибирскому ханству. Эти части Башкирии подчинились Москве в конце XVI – начале XVII в., после падения Сибирского ханства в 1598 г. [23, с. 28].

«Очерки по истории Башкирской АССР» ограничились утверждением, что зауральские башкиры признали свою зависимость от образовавшегося в начале XV в. Сибирского ханства [32, с. 52].

Р.Г. Кузеев, впервые обратившись к рассматриваемой теме, писал: «Северо-восточные башкиры, кочевавшие по рекам Аю, Юрюзани, а также зауральские башкиры вошли в состав Сибирского ханства, которое в конце XV века освободилось от подчинения ногайским мурзам и стало независимым». Остальные башкиры подчинились Казанскому ханству и Ногайской Орде. Впрочем, даже твердо очерченных границ эти политически непрочные феодальные государства не имели. Они жестоко угнетали порабощенные ими народы [9, с. 20-21].

Северо-восточные башкирские племена позднее других присоединились к Русскому государству. «В середине XVI века и позднее башкиры, жившие по рекам Аю, Юрюзани, на северных отрогах Южного Урала и в Зауралье, были в зависимости от Сибирского ханства, враждебно настроенного против России». Эти башкиры не могли направить свои посольства в Казань, к наместнику русского царя [9, с. 59].

Только в конце XVI в., когда Россия развернула активное наступление на Сибирское ханство, северо-восточные башкиры присоединились к Русскому государству. Объединенными усилиями русских и башкир были наголову разбиты сибирские царевичи Аблай и Тевкель, которые совершили опустошительный набег в Башкирию, пытаясь заставить Русское государство отказаться от постройки города Уфы. После покорения Сибирского ханства посольства в Москву направили Ай, Кудей, Сальют и другие северо-восточные башкирские племена, которые получили жалованные грамоты и вошли в состав Русского государства. Присоединение Башкирии к Русскому государству завершилось окончательно [9, с. 64].

З.Я. Бояршинова отмечает, что правители Сибирского ханства с конца XV в. «вели широкую завоевательную политику, пытаясь увеличить количество ясачных людей. Границы Сибирского ханства расширялись за счет включения некоторых башкирских племен, обитавших на восточных склонах Среднего Урала», вогулов, остяков и других этнических групп [4, с. 115-116]. Неизученность вопроса не позволила уточнить, какие башкирские племена имеются в виду. Получается, что зауральские башкиры, наряду с хантами и манси, вошли в состав Сибирского ханства. Все завоеванные народы несли одинаковые повинности.

Кучум в 1563 г. захватил власть в Сибирском ханстве, «обложив татарские улусы, остяцкие, вогульские и башкирские племена данью-ясаком. Последний выплачивался шкурками соболей и ли-

сиц, рыбой и другими продуктами хозяйства местного населения» [4, с. 116-117].

За неимением данных Р.Г. Кузеев считал невозможным ответить на вопрос, входили ли башкиры в состав Сибирского царства до начала правления хана Кучума, прибывшего в Западную Сибирь в 1555 г. Но торговые связи, а возможно, и этнические контакты между башкирами и сибирскими татарами имели место уже в то время. «С начала второй половины XVI в. часть зауральских башкир объявила себя подданными русского государя, однако некоторые племена и роды были вовлечены Кучумовичами в борьбу против России. Несмотря на то, что основная часть территории Зауральской Башкирии входила во вновь образованный Уфимский уезд, временами та или иная группа башкир подпадала под власть хана Кучума или его сыновей». Лишь в конце XVI в. с полным разгромом Кучумовичей Зауральская Башкирия окончательно стала частью Русского государства [10, с. 173]. Но в конце XVI в. был разгромлен Кучум, а Кучумовичи еще продолжали борьбу.

В «Истории Сибири» отмечается, что Кучум, захвативший власть в Сибирском ханстве в 1563 г., обложил данью в свою пользу башкирские и угорские племена, ранее подчиненные сибирским правителям [5, с. 372]. Какие именно башкирские племена подчинялись сибирским правителям, в издании не уточняется.

Р.Г. Кузеев признавал, что вопрос о взаимоотношениях башкир в XVI – начале XVII в. с ханом Кучумом и его наследниками малоразработан. Отмечая, что с сибирскими татарами исторически и этнически наиболее тесно связанными были табынцы, Р.Г. Кузеев ссылался на предания и хроники башкир-табынцев, в которых остались весьма неприятные воспоминания о былых котактах со знатью иртышско-ишимских племен. Так, одна из хроник (в изложении М. Уметбаева) рассказывает, что хан Ибак (Ибрагим) из дома Шейбанидов, правивший во второй половине XV в., приказал убить табынских биев Асади и Шикарали, которые бежали от него «к западу от Урала». Такие отношения, по словам Р.Г. Кузеева, «дружественными никак не назовешь».

Р.Г. Кузеев не отождествлял подвластную Сибирскому ханству часть Башкирии с позднейшей Сибирской дорогой, отмечая, что на этой территории «в XV в. целиком хозяйничали еще ногайские мурзы, и эпизодические набеги сибирских татар едва ли могли изменить общую картину». Башкир в Сибири он считал пришлым населением.

Более или менее активные контакты башкир с Кучумом и Кучумовичами начались лишь в конце XVI в. «Сотрудничество» башкирской знати с татарской аристократией Сибири было обусловлено бегством башкир, прежде всего катайских, на восток, в Зауралье. «На новых местах башкиры готовы были отстаивать себя от колонизационного натиска царизма и видели в лице Сибирского ханства неизбежного союзника. Кучумовичи же в своей безнадежной попытке собрать обломки былого величия стремились привлечь башкир и активно включить их в борьбу против Русского государства». В борьбу на стороне Кучумовичей постепенно включились и табынцы, «хотя давняя вражда и неприязнь не были забыты».

Но и в такой обстановке «сотрудничество» зачастую принимало форму насилия Кучумовичей над башкирами. «И все же дольше других не покидали Кучумовичей табынцы. Объяснялось это тем, что до основных табынских земель власть Русского государства докатилась позже и часть табынцев еще держалась за Кучумовичей, «дружба» с которыми то и дело переходила во взаимную борьбу».

Этническое воздействие сибирских татар на формирование северо-восточных башкир Р.Г. Кузеев не считал «сколько-нибудь существенным» [11, с. 282-285].

Незначительным он считал и политическое влияние Сибирского ханства на башкир до середины XVI в., отмечая, что власть сибирских владетелей не распространялась на запад дальше Зауралья. В целом же источники (а точнее, их отсутствие) не позволяют говорить о подвластности северо-восточной Башкирии сибирским ханам и зависимости от них башкир. «Лишь с середины XVI в., в связи с активизацией русской политики на востоке, походами Ермака и наступлением Русского государства на Сибирское ханство, часть зауральских башкир (табынцы, катайцы, салъюты, сынрянцы, терсяки и др.) была вовлечена (порой насильственно) в борьбу на стороне Кучумовичей. В этот период сибирским правителям удалось подчинить своей власти некоторую часть северовостоных башкир, однако политическое господство Кучумовичей здесь было не стабильным и непродолжительным» [11, с. 484].

Состояние Северо-Восточной (Зауральской) Башкирии под властью Сибирского ханства рассмотрено А.Н. Усмановым. О башкирах, живущих на восточных склонах Урала, он пишет: «Зауральские башкиры с XV до конца XVI в. находились под властью Сибирского ханства».

Автор ссылается на шежере юмран-табынцев и собственно табынцев, где говорится, что сибирские ханы преследовали и разоряли башкир, которые в ряде случаев были принуждены покинуть родные места и бежать на западную сторону Ура-

ла. Но значительная часть табынцев и другие башкирские племена навсегда остались за Уралом.

«Сибирское ханство не ограничивалось подчинением зауральских башкир. Во времена своего политического могущества это ханство распространяло власть и на тех башкир, которые жили в горах Урала». Сибирские ханы даже претендовали на всю Северо-Восточную Башкирию [28, с. 81-88]. А.Н. Усманов, таким образом, представлял сферу влияния Сибирского ханства более обширно, чем Р.Г. Кузеев.

По мнению А.Н. Усманова, границы владений последнего хана Сибирского царства Кучума «временами переходили Уральские горы, захватывая северо-восточную часть Башкирии, приблизительно ту область этой страны, которая впоследствии называлась Сибирской дорогой». «Таким образом, владения Кучума распространялись и на европейскую сторону Уральских гор, захватывая и север Башкирии».

Башкирские племена, входившие в состав Сибирского ханства, кочевали по верховьям Яика, Тобола, по Ую, Миассу и Исети, хотя некоторые исследовали не отличают их от татар. Племенные вожди или старейшины башкир подчинялись хану или его сыновьям, будучи обязаны платить ясак [28, с. 155-157].

Сибирские летописи свидетельствуют о принудительном участии башкир в набегах сибирских татар на русские пределы в 1572 и 1581 гг. [28, с. 161-164].

Процесс вхождения зауральских башкир в состав России оказался затяжным. Основная часть северо-восточных башкир приняла русское подданство без сопротивления в 1586 г., когда шла борьба с сибирским ханом Кучумом. Меньшая часть зауральских башкир, включавшая некоторые родовые группы табынцев, сынрянцев и отчасти мякотинцев, до конца первого десятилетия XVII в., оставаясь в лагере Кучумовичей, участвовала в борьбе против России, войдя в ее в состав уже после окончательного разгрома Сибирского ханства [28, с. 179-180].

В «Истории Урала с древнейших времен до 1861 г.» отмечается, что «зауральские башкиры до конца XVI в. оставались под властью Сибирского ханства» [22, с. 152]. Вопрос об отношениях между зауральскими башкирами и Сибирским ханством не ставится.

Р.Г. Кузеев, специально не рассматривая характер взаимосвязей башкир с сибирскими татарами, отмечал, что отношения башкир и сибирских татар в конце XVI – начале XVII в. стали приобретать преимущественно конфликтный характер. «Зауральская часть башкир окончательно приняла подданство русского царя в первой четверти XVII в., когда сибирские татары во главе с кучумовичами еще пытались продолжать борьбу. С этого момента сложные и противоречивые связи зауральских башкир с сибирскими татарами в политическом отношении заметно ослабляются и постепенно сходят на нет» [12, с. 127].

Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова, рассматривая историю Башкортостана в XV – начале XVI в., ограничились очень неопределенным замечанием о том, что Сибирское ханство включало восточную часть Башкортостана [13, с. 317].

Алматинский исследователь М. Абдиров основным населением ханства Кучума считает сибирских казахов. Так якобы называлось местное кочевое тюркоязычное население, проживавшее в Сибири с давних пор. «В этногенезе сибирских казахов приняли участие и бежавшие в Сибирь казанские татары, а также башкиры и ногайцы, местные угорские племена. Жители ханства разговаривали на языке кыпчакской группы тюркских языков» [1, с. 45]. Очевидно, это обстоятельство и позволило автору называть все тюркоязычное население Сибирского ханства казахами. Однако татары, башкиры и ногайцы также являются носителями кыпчакских языков.

Главной опорой детей Кучума, по мнению М. Абдирова, стали «казахские племена, а также ногаи, калмыки, башкиры-табынцы и башкиры-зырянцы (очевидно, имеется в виду племя сынрян. – И.А.), другие сибирские народы, которые видели в них по-прежнему законных владетелей Сибири. Все недовольные русским завоеванием бежали к ним, у них искали защиты и поддержки» [1, с. 134].

М. Абдиров приводит следующие сведения. В 1600 г. с четырьмя сыновьями Кучума Али, Канаем, Азимом и Кубей-Муратом «было около 250 табынцев и зырянцев, бежавших из Тюменского и Уфимского уездов». Далее Канай и Азим кочевали «со 150 табынцами», а «Али с 300 башкирами-зырянцами». В 1603 г. с Али «было много аулов башкир-зырянцев», которые «совершали набеги на сибирские земли». Из этих сведений следует, что с сыновьями Кучума, кроме башкир племен табын и сынрян, как будто бы никого и не было. В таком случае не казахские, а башкирские племена надо считать главной опорой Кучумовичей [1, с. 135].

В «Истории Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в.» башкиры наряду с сибирскими татарами, ногайцами, а также хантами, манси и другими рассматриваются как один из народов Сибирского ханства. Имеются в виду, скорее всего, не башкиры как народ, а племена, роды и аймаки айлинцев, табынцев, мякотинцев,

сынрянцев, салжаутцев, катайцев, тамьянцев, живших по восточным склонам Урала, в бассейнах рек Исети, Миасса, Уя, которых в русских письменных памятниках не всегда отличали от татар и ногайцев и чаще всего вместе с ними называли «татарами» [29, с. 133].

Отмечается чрезвычайная обременительность сибирского ясака, который взимался не с используемых угодий, а с каждой души мужского пола. По этой причине некоторые башкирские аймаки вынуждены были покидать родные места и бежать на западную сторону Урала [29, с. 134].

Б.А. Азнабаев отмечает, что восточные башкирские племена табын, катай, салъют, сынрян и терсяк, поддержавшие Кучума в конце XVI в., составили основу его отрядов, которые участвовали во всех выступлениях против России [2, с. 57, 194].

Г.Л. Файзрахманов отмечает, что западные границы Сибирского ханства «проходили по восточным склонам Уральских гор, включая территорию расселения зауральских башкир. Местами границы ханства охватывали башкирские земли, расположенные на западе Урала» [30, с. 136]. В изложении истории Сибирского ханства башкиры не упоминаются. Отмечается лишь участие башкир в борьбе сыновей и внуков Кучума против русских завоевателей [30, с. 183-185].

В статье о Сибирском ханстве в «Башкирской энциклопедии» отмечается, что в сфере влияния Сибирского ханства были башкиры Зауралья, которые облагались ясаком, несли военную и другие повинности. Во второй половине XVI в. в армию сибирского хана Кучума входили бикатин, катай, салъют, сынрян, табын и другие башкирские племена [14, с. 497].

Более подробно вопрос рассмотрен в новом издании монографии Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой, один из параграфов которой назван «Башкортостан в составе Сибирского ханства». С историей Сибирского ханства авторы связывают историю зауральской (восточной) группы башкир XV-XVI вв. [15, с. 446]. Авторы отмечают, что в многочисленных публикациях по истории Сибири XIV-XVI вв. «почти полностью обойден вопрос о пребывании группы башкир в составе Тюменского ханства, Сибирского ханства и роли этих ханств в истории Башкортостана, без чего изложение истории этих государственных образований будет неполным» [15, с. 448]. Соглашаясь с цитируемыми авторами, можно отметить, что такое состояние вопроса вызвано почти полным отсутствием источников.

По мнению Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой, башкирское население, проживавшее в рассматриваемое время на левобережном Иртыше, в обобщении многих исследователей теряется под собирательным именем сибирские тюрки или сибирские татары. Исследователи обращают внимание на присутствие в этническом составе населения Тюменского и Сибирского ханств таких групп, как айле, дуван, кошсы, табын, иштяк, которые представлены и в составе современных башкир [15, с. 448]. Таким образом, башкирский компонент в составе тюркоязычного населения Сибирского ханства, безусловно, был.

Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова приходят к заключению о том, что правители Сибирского ханства вступили в открытую борьбу за сферу влияния над Башкортостаном с правителями Ногайской Орды и Казанского ханства [15, с. 450].

Ю.М. Юсупов, специально не рассматривая отношения башкир с Сибирским ханством, рассматривает проблему в связи с историей башкир-табынцев. Он считает мало разработанным вопрос о взаимоотношениях потомков родоначальника табынцев Майкы-бия, улус которого в XIII-XIV вв. входил в улус Шейбанидов, с теми самыми Шейбанидами, стоявшими во главе Сибирского юрта. Автор пишет об уходе с северо-восточных территорий исторического Башкортостана части «Майкыбиевичей» во главе кара-табынцев. «Основными причинами ухода части кара-табынцев, с одной стороны, являются враждебные отношения с правящими династиями в Сибирском юрте, с другой – поступление на службу к казанскому хану». Таким образом, «Майкыбиевичи», выйдя из подчинения сибирским ханам, подчинились казанским ханам [33, с. 151-152].

История восточных табынцев известна довольно слабо. Их взаимоотношения с правящими династиями Сибирского юрта нельзя назвать ровными. Это можно сказать и по отношению к Тайбугидам, сменившим Шейбанидов. Табынцы по-прежнему мигрируют на запад. Сменить сюзерена оказалось достаточно просто [33, с. 154].

В написанном Н.А. Мажитовым и И.В. Зайцевым очерке «Башкортостан после распада Золотой Орды» выделен очень небольшой параграф «Башкиры в составе Сибирского ханства». Авторы не претендуют на изложение истории Сибирского ханства, связанной с зауральскими башкирами, которые рассматриваются как коренное население территории между Уралом и Иртышом. В частности, земли по Иртышу были исторической родиной табынцев. Эти обстоятельства, по мнению авторов, доказывают нахождение башкир в составе Сибирского ханства [16, с. 200-202].

А.З. Асфандияров, говоря о принятии северо-восточными башкирами русского подданства, от-

мечает, что по рассматриваемой теме мало опубликованных источников, архивные фонды изучены еще недостаточно, а историография вопроса крайне бедна. Но в имеющихся источниках перечисляются подвластные Сибирскому ханству башкирские племена, которые нередко ошибочно называются татарскими. Автор разделяет мнение историков о том, что процесс включения башкир Сибирской дороги в состав Русского государства был действительно затяжным, так как на стороне Кучумовичей долгое время добровольно находились отдельные башкирские роды и племена – табынцы и сынрянцы, частично айлинцы, куваканцы, мякотинцы. Материалы земельных отношений показывают, что большая часть зауральских башкир (около 60 %) вошла в состав Русского государства по собственной воле, меньшая (около 40 %) была завоевана. Башкиры первой категории получили жалованные грамоты на землю и стали вотчинниками, башкиры второй категории не получили жалованные грамоты на землю и стали припущенниками [3, с. 56-58]. Следовательно, большая часть зауральских башкир не находилась на стороне Кучумовичей.

В.В. Трепавлов приводит сведения о проживании Кучума в башкирских землях. Кучуму платили ясак башкиры будущей Каратабынской волости – одной из самых юго-восточных местностей расселения башкир в верховьях Яика и Миасса. Основание города Уфы в 1586 г. русское правительство оправдывало необходимостью защиты башкир от Кучума. Автор признает, что владения Кучума в башкирских землях простирались гораздо западнее области расселения табынцев. В 1695/96 в Сибирском приказе рассматривался земельный спор, когда более 1300 местных башкир-старожилов различных слобод на территории современных Челябинской и Свердловской областей утверждали, будто те земли и угодья принадлежали Кучуму. «Сомнительно, чтобы пределы Сибирского ханства при Кучуме простирались так далеко на запад, но, впрочем, анализ этого вопроса не входит в нашу задачу» [26, с. 19-20].

В.В. Трепавлов отмечает, что репутацию самых преданных сторонников Кучума имели каратабынские башкиры, хотя данные о непосредственном участии табынцев в военных предприятиях хана автору не попадались. Грамота уфимского воеводы тобольскому 1601 г. упоминает о приходе в Кара-Табынскую волость двадцати башкирских семей, прежде бывших вместе с Кучумом и вернувшихся на родину после смерти своего патрона. «Тем не менее именно каратабынцы составили впоследствии относительно долговременную опору Кучумовичей в их противостоянии с русскими властями». Есть основание считать табынцев, наряду с башкирами-катаями, сальютами, сынрянами и терсяками, основой отрядов Кучума в конце XVI в.

Автор обращает внимание и на давнюю этнокультурную связь части башкир с тюркским населением Западной Сибири. Шеджере сообщают о переселении табынцев на Южный Урал из Сибири. «Таким образом, восточные табынцы, во-первых, были исторически связаны с Сибирским юртом как со своей прародиной; во-вторых, воспринимали тамошних ханов в качестве своих исконных и законных сюзеренов, обладающих правом на сбор ясака и мобилизацию ополчения» [26, с. 26-28].

Стоит добавить, что, наряду с восточными, были и западные табынцы, которые, хотя и считали Сибирский юрт своей прародиной, отказались признавать сибирских ханов своими сюзеренами и, не желая служить им, ушли на территорию современной Башкирии.

Показательно, что в семитомной «Истории татар» вопрос о башкирах в составе Сибирского ханства не рассматривается. Так, на карте Сибирского ханства 1420-1593 гг., составленной И.Л. Измайловым в качестве приложения к статье А. Нестерова, среди народов Сибирского ханства обозначены татары, манси, ханты, остяки (?), ненцы. Башкиры не упомянуты [21, с. 205].

Верными сторонниками Кучума названы сибирские татары, покинувшие Поволжье в 1550-1570-х гг., и население Прииртышья и Барабы, представленное переселенными ханом на территорию своего государства представителями родовых подразделений Ногайской и Казахской орд, а также узбеками. Это население формировало самую боеспособную часть войск Сибирского ханства. По мнению А. Матвеева и С. Татаурова, «в борьбе с отрядом Ермака Кучум опирался преимущественно на некоренное население Западной Сибири». У потерпевшего поражение Кучума в подчинении осталась только восточная часть ханства [20, с. 217-218].

Ю. Худяков, рассматривая военное дело сибирских татар в период борьбы за восстановление Сибирского ханства в начале – третьей четверти XVII в., отмечает, что в распоряжении старшего сына Кучума Али, провозглашенного ханом после гибели Кучума в 1601 г., «оказалось около 300 татарских воинов и некоторое количество башкир». Прибытие в 1603 г. в ставку хана Али отряда ногайцев с присоединившимися к ним татарами и башкирами значительно увеличило воинские силы хана Али. Сибирские татары в союзе с ногайцами и башкирами строили планы возобновления воен-

ных действий против России, но эти планы так и не осуществились [31, с. 728].

Д.Н. Маслюженко приводит сведения русских летописей о нападении татар, хантов, манси, удмуртов и башкир в 1582 г. на пермские городки и вымские погосты. Согласно данным разных источников, походом руководил либо пелымский князь, либо старший сын Кучума Алей, либо сам сибирский царь. По мнению Д.Н. Маслюженко, восстание приуральских народов «совпало с походом сибирских войск, скорее всего, под руководством Алея» [17, с. 193-194].

Эти данные свидетельствуют о совместных действиях башкир и сибирских татар. Остается неясным, подчинялись ли башкиры сибирскому хану или просто выступали его союзниками. Очевидно, восстание приуральских народов произошло не стихийно, оно было вызвано приходом сибирских войск.

Д.М. Исхаков отмечает, что русские власти обосновывали необходимость строительства города Уфы в 1586 г. приходом к башкирам беглого сибирского царя Кучума, который стал среди башкир кочевать и ясак с них собирать. «Более того, после смерти хана Кучума некоторые из его детей продолжали сотрудничать с кланом табын, население которого в конце XVI – начале XVII вв., определялось то как башкиры, то как татары, что свидетельствует о сохранении у табынцев, как выходцев из Западной Сибири – исторической памяти относительно старых связей их предков с населением Тюменского и Сибирского ханств». Автором выявлены общие с сибирскими татарами компоненты в этническом составе тюркского населения Волго-Уральского региона [7, с. 204-205].

«Об условиях подчинения зауральских башкир татарским правителям Сибири практически ничего не известно», – отмечается в коллективной монографии «Башкиры». Исключение представляют предания и легенды, сообщающие о переселении части башкир из Западной Сибири на Южный Урал. Оставшиеся башкиры (племена табын, сынрян и бикатин) в конце XVI – первой половине XVII в. поддерживали Кучума и Кучумовичей в их борьбе против русских пришельцев, завоевавших Сибирский юрт [27, с. 89].

Д. Маслюженко и Г. Самигулов, считая Западное Приуралье объектом притязания сибирских ханов, рассматривают их взаимодействие с казанскими ханами и ногайскими мурзами. Очевидно, источники не позволяют настолько же подробно рассмотреть взаимодействие сибирских ханов с башкирами. Авторы констатируют факт практически постоянного присутствия сибирских ханов из династии Шибанидов в Западном Приуралье до начала XVII в. В XVII – первой половине XVIII в. Кучумовичи, представители династии Шибанидов, выступали лидерами и символами антирусского сопротивления части башкир. «Большое сходство кланового и племенного состава татар (почему не башкир? – И.А.) Западного Приуралья и юга Западной Сибири действительно может быть косвенным фактором, подтверждающим значительные связи этих территорий, если и не прямое их вхождение в состав ханств Шибанидов» [18, с. 255-256].

Сходство кланового и племенного состава на самом деле может свидетельствовать лишь об общих компонентах в процессе формирования башкир и сибирских татар. Таким образом, прямых данных о наличии в Западном Приуралье владений Шибанидов в распоряжении авторов нет.

Д.М. Исхаков отрицает возможность «вычленения у сибирских татар XV-XVI вв. позднезолотоордынских составных в лице ногайцев, узбеков, казахов, казанских татар и башкир как полностью обособленных этнических общностей в ситауции, когда их этногенез еще не был окончательно завершен». Башкиры вплоть до начала XVII в. в некоторых зонах Среднего Приуралья и Зауралья имели общую с сибирскими татарами «остяцкую» составляющую. Имеются в виду угорские предки сибирских татар и башкир [8, с. 142-143].

Д.Н. Маслюженко и Г.Х. Самигулов отмечают, что население большинства волостей Южного Зауралья в XVII-XVIII вв. в русской делопроизводственной документации называется татарами. «Вопрос о том, насколько при этом отдельные представители местных племен на самом деле осознавали свою связь с татарами или башкирами, в источниках не находит ответа. Складывается впечатление, что для большинства из них отнесение к племени, роду или клану было гораздо более важным». «Таким образом, попытки четкого отнесения тех или иных родов, кланов и племен к сибирскотатарским или башкирским отражают именно и только современное положение этих групп, но не сложившуюся в рассматриваемое время ситуацию». Авторы предлагают использовать общее наименование «тюркские группы» [19, с. 322].

В.А. Иванов и В.А. Злыгостев присоединяются к мнению Р.Г. Кузеева о том, что политическое влияние Сибирского ханства на зауральских, а тем более приуральских, башкир до середины XVI в. было незначительным и, возможно, носило фрагментарный характер [6, с. 243]. В то же время авторы отмечают, что сибирские ханы, начиная с Ходжи-Мухаммада (с 1420-1421 гг.), уже имели в качестве подданных зауральских башкир [6, с. 244].

А.С. Сальманов делает вывод, «что в первой половине XVII в. зауральские башкиры оставались под властью Кучумовичей» [24, с. 242].

По мнению А.С. Сальманова, башкирское объединение табын относилось к одной из тоболо-иртышских групп тюрок Западной Сибири, которые были ядром Сибирского юрта. Восточные башкиры, находившиеся в Сибирском юрте, теряются среди племен, которые в современных работах называются собирательным именем «сибирские тюрки или сибирские татары» [25, с. 413]. В бассейне Иртыша и Ишима шла война между тюменским ханом Ибрагимом и внуком первого хана кочевых узбеков Абул-Хайр-хана Шейбани-ханом. Табынцы оказали поддержку Шейбани-хану, чего не потерпел Ибрагим. Часть табынской аристократии в Сибири была вынуждена искать убежище. «Вследствие этого некоторые табынские роды (или большая их часть) бежали на запад во главе с потомками Майкы-бия Асади-бием и Шикарли-бием» [25, с. 415]. Миграция табынцев в Поволжье была связана с активными действиями хана Ибрагима в 1480-х гг. В последней четверти XV в. из Сибирского ханства в восточные районы Казанского ханства был осуществлен крупный переход табынской группы племен [25, с. 416]. Табынцы, обитавшие по рр. Тобол, Миасс и Исеть, вошли в состав Сибирского ханства при Кучуме, внуке Ибрагима. Вместе с племенем сынрян они были с Кучумом с самого начала его борьбы за власть в Сибирском юрте – с середины XVI в. Ханом башкир считают Кучума многие исследователи, на которых ссылается А.С. Сальманов [25, с. 426].

«Таким образом, есть все основания утверждать, что главной опорой Кучума, а не только его потомков, были не «тобольские татары», а зауральские башкиры, расселявшиеся по Тоболу» [25, с. 427].

Главной движущей силой среди зауральских башкир были восточные табынцы. Они, благодаря своим тесным связям с Кучумовичами и кочевыми народами (калмыками, каракалпаками и казахами), «долгое время находились вне досягаемости российских властей, в связи с чем их вхождение в состав Российского государства растянулось почти на полтора века с 1600-х до 1740-х гг.». Это был период противостояния зауральских башкир русской колонизации [25, с. 475-477].

Выводы

Таким образом, проблема взаимоотношений башкир и Сибирского ханства в отечественной историографии рассмотрена настолько полно, насколько позволяет состояние источников. Источников по этой теме крайне мало: исследователи обычно ссылаются на данные башкирских шежере и сведения русских летописей. Эти источники освещают лишь некоторые события в истории башкир. Данные шежере, воспроизводящие по устной памяти события многовековой давности, схематичны и фрагментарны. Сведения русских летописей отрывочны, упоминания башкир очень редки.

Большинством авторов отмечается, что зависимость от Сибирского ханства признавали зауральские башкиры. Р.Г. Кузеев пишет о северо-восточных и зауральских башкирах, отмечая, что до середины XVI в. власть сибирских ханов не распространялась на запад дальше Зауралья, но с этого времени им удалось подчинить своей власти некоторую часть не только зауральских, но и северо-восточных башкир. А.Н. Усманов пишет, что Сибирское ханство не ограничивалось подчинением зауральских башкир, границы владений хана Кучума захватывали и северо-восточную часть Башкирии на европейской стороне Уральских гор. Сходное мнение высказывает Г.Л. Файзрахманов. Р.Г. Кузеев еще в 1957 г. отмечал, что Ногайская Орда, Казанское и Сибирское ханства не имели твердо очерченных границ, следовательно, точно определить пределы распространения власти Сибирского ханства над башкирами не представляется возможным.

В такой ситуации географическим ориентиром могут служить названия рек, приводимые в работах исследователей. Р.Г. Кузеев писал, что в состав Сибирского ханства вошли башкиры, кочевавшие по рекам Ай и Юрюзань. А.Н. Усманов писал, что башкирские племена, входившие в состав Сибирского ханства, кочевали по рекам Яик, Тобол, Уй, Миасс и Исеть. В работах Н.А. Мажитова и его соавторов башкиры, связанные с Сибирским ханством, рассматриваются как коренное население территории между Уралом и Иртышом. По данным В.В. Трепавлова, Кучуму платили ясак башкиры, жившие в верховьях рек Яик и Миасс. А.С. Сальманов считает, что башкиры-табынцы, вошедшие в состав Сибирского ханства, обитали по рекам Тобол, Миасс и Исеть. Таким образом, всеми исследователями называются реки, берущие начало на Южном Урале и текущие, как в западном, так и восточном направлении. Наиболее часто называются Яик (Урал), Тобол, Миасс и Исеть.

Среди башкирских племен, входивших в состав Сибирского ханства, называются табынцы, катайцы, салъюты, сынрянцы, терсяки (Р.Г. Кузеев), табынцы, катайцы, салъюты, сынрянцы, мякотинцы, айлинцы, тамьянцы (А.Н. Усманов), табынцы, сынрянцы (М. Абдиров), табынцы, катайцы, салъюты, сынрянцы, терсяки (Б.А. Азнабаев), табынцы, катайцы, салъюты, сынрянцы, айлинцы,

бикатинцы, дуванцы, кошсинцы, иштяки (Н.А. Мажитов, А.Н. Султанова, И.В. Зайцев), табынцы (Ю.М. Юсупов), табынцы, сынрянцы, мякотинцы, айлинцы, куваканцы (А.З. Асфандияров), табынцы, катайцы, салъюты, сынрянцы, терсяки, бикатинцы (В.В. Трепавлов), табынцы (Д.М. Исхаков), табынцы, сынрянцы (А.С. Сальманов). Таким образом, наиболее часто называются табынцы, катайцы, салъюты, сынрянцы.

Дискуссионным является вопрос о времени вхождения башкир в состав Сибирского ханства. Источники не позволяют ответить на вопрос, подчинялись ли башкиры сибирским ханам до середины XVI в. Возможно, правители Сибирского ханства пытались увеличить количество своих подданных за счет включения некоторых башкирских племен, но такие попытки могли и не привести к желаемому результату. Хану Ибаку во второй половине XV в. не удалось удержать табынцев, которые бежали от него к западу от Уральских гор. Не подлежит сомнению, что хан Кучум, захватив власть в Сибирском ханстве в начале второй половины XVI в., подчинил себе зауральских и, возможно, северо-восточных башкир. Неверным оказалось мнение, что в конце XVI в. с полным разгромом Кучума Зауральская Башкирия окончательно стала частью Русского государства. В это время как раз начались активные контакты башкир с наследниками Кучума. Некоторые башкирские племена, сопротивлявшиеся колонизационному натиску царизма, вступили в союз с Кучумовичами, стремившимися возродить Сибирское ханство. Борьба продолжалась на протяжении всего XVII и даже в начале XVIII в. Союзные отношения не освобождали башкир от подчинения Кучумовичам, которые использовали их в своих интересах.

Таким образом, в истории взаимоотношений башкир и Сибирского ханства можно выделить два этапа. На первом этапе (вторая половина XV – первая половина XVI в.) башкиры, не желая подчиняться сибирским ханам, переселялись с восточной на западную сторону Уральских гор. Там они подчинялись казанским ханам, очевидно, на более выгодных для себя условиях. На втором этапе (вторая половина XVI – первая половина XVII в.) башкиры, не желая признавать власть русского царя, переселялись с западной на восточную сторону Уральских гор, т. е. на территорию Сибирского ханства. Однако в условиях неравенства сил возродить Сибирское ханство оказалось невозможным. Все попытки сопротивления русской колонизации потерпели поражение.

Исследователи редко останавливались на вопросе о повинностях башкир. Очевидно, башкиры, как и другие народы Сибирского ханства, включая самих татар, облагались ясаком, который выплачивался продуктами хозяйства местного населения. Возможно, практиковалась особенно обременительная подушная форма обложения. Участие башкир в борьбе Сибирского ханства против России говорит о воинской повинности. Выступление зауральских башкир на стороне Кучумовичей затормозило процесс их вхождения в состав России. Этот процесс окончательно завершился только в XVIII в.

Некоторые исследователи без достаточных оснований включают башкирские племена, подвластные Сибирскому ханству, в число казахов (М. Абдиров) или татар (Д.М. Исхаков). Многочисленные упоминания башкир в средневековых письменных источниках свидетельствуют против этого мнения. Русские источники действительно не всегда отличали башкир от татар, но такое представление было ошибочным. Башкирские племена, входившие в состав Сибирского ханства, сохранили свою этническую идентичность, не растворились ни среди казахов, ни среди татар. Сказанное не исключает возможность использования общего наименования «тюркские группы», предложенного Д.Н. Маслюженко и Г.Х. Самигуловым. В то же время использование такого наименования не означает, что башкир среди этих групп не было. А.С. Сальманов считает главной опорой Кучума и Кучумовичей не «тобольских татар», а зауральских башкир, расселявшихся по Тоболу.

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, башкиры являлись одним из народов Сибирского ханства. Во-вторых, в Сибирском ханстве башкиры были обложены ясаком и несли военную повинность, использовались сибирскими ханами в войнах с Россией. В-третьих, изложение истории Сибирского ханства будет неполным без учета роли башкир.

Финансирование

Работа осуществлена в рамках выполнения государственного задания по теме «Археология поселений Южного Урала. Структура расселения и организация жизненного пространства в условиях природной и культурной трансформации» № 1022040500498-5-6.1.2

Список источников

1. Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы: Жалын, 1996. 176 с.
2. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: Башкирский государственный университет, 2005. 230 с.
3. Асфандияров А.З. Присоединение северо-восточных башкир // История башкирского народа. Т. III / Ред. колл.: И.Г. Акманов и др. Уфа: Гилем, 2011. С. 56 – 58.
4. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Специальный курс по истории народов Сибири для студентов-заочников исторического факультета университета. Томск: Издательство Томского университета, 1960. 152 с.
5. Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIII-XVI вв. // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I. Древняя Сибирь / Под ред. А.П. Окладникова. Ленинград: Наука, 1968. С. 353 – 372.
6. Иванов В.А., Злыгостев В.А. Башкирский юрт Золотой Орды (1236-1437). Уфа: Китап, 2021. 272 с.
7. Исхаков Д. Взаимосвязи тюрко – татарских государств Западной Сибири и других регионов // История и культура татар Западной Сибири / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 195 – 205.
8. Исхаков Д.М. История и специфика формирования населения (до середины XVI в.) // Тюменское и Сибирское ханства / Под ред. Д.Н. Маслюженко и др. Казань: Издательство Казанского университета, 2018. С. 141 – 145.
9. Кузеев Р.Г., Юлдашбаев Б.Х. 400 лет вместе с русским народом: присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1957. 115 с.
10. Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В. Шитова С.Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв.) // Археология и этнография Башкирии. Т. I / Под ред. Р.Г. Кузеева и К.В. Сальникова. Уфа: Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, 1962. С. 171 – 267.
11. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
12. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
13. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: Китап, 1994. 360 с.
14. Мажитов Н.А. Сибирское ханство // Башкирская энциклопедия. Т. 5 / Гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2009. С. 497.
15. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2009. 496 с.
16. Мажитов Н.А., Зайцев И.В. Башкортостан после распада Золотой Орды // История башкирского народа. Т. II / Ред. колл.: С.Г. Кляшторный и др. Уфа: Гилем, 2012. С. 195 – 204.
17. Маслюженко Д. Тюменское и Сибирское ханства // История и культура татар Западной Сибири / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 177 – 195.
18. Маслюженко Д., Самигулов Г. Земли Приуралья в составе Тюменского и Сибирского ханств // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства / Научный руководитель Р.С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 250 – 263.
19. Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские группы Южного Зауралья // Тюменское и Сибирское ханства / Под ред. Д.Н. Маслюженко и др. Казань: Издательство Казанского университета, 2018. С. 314 – 327.
20. Матвеев А., Татауров С. Сибирское ханство в конце XVI – начале XVII вв. // История татар с древнейших времен. Т. IV. Татарские государства XV-XVIII вв. / Гл. ред. Р. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 215 – 222.
21. Нестеров А. Сибирское ханство в составе Шейбанидского государства (вторая половина XVI в.) // История татар с древнейших времен. Т. IV. Татарские государства XV-XVIII вв. / Гл. ред. Р. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 203 – 215.

22. Оборин В.А. Развитие феодальных отношений у народов Урала. Урал в составе Российского государства (X – начало XVII в.) // История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1989. С. 130 – 174.

23. Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.

24. Сальманов А.С. Попытки Кучумовичей и башкир воссоздать Сибирское ханство // Oriental Studies. 2021. Vol. 14. Is. 2. С. 238 – 247.

25. Сальманов А.С. Специфика этногенеза тюркских народов Евразии: формирование башкирского племенного объединения табын. Уфа: Мир печати, 2022. 563 с.

26. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.

27. Трепавлов В.В. Социальная история в XIII – начале XVI века // Башкиры / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко. М.: Наука, 2015. С. 84 – 92.

28. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. 336 с.

29. Усманов А.Н. Присоединение Башкортостана к Русскому государству // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа: Китап, 1996. С. 126 – 153.

30. Файзрахманов Г.Л. История татар Западной Сибири (с древнейших времен до начала XX века). Казань: Татарское книжное издательство, 2007. 431 с.

31. Худяков Ю. Военное дело и военная культура Сибирского ханства // История татар с древнейших времен. Т. IV. Татарские государства XV-XVIII вв. / Гл. ред. Р. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 723 – 734.

32. Чулошников А.П. Башкирия после распада Золотой орды // Очерки по истории Башкирской АССР / Под ред. А.П. Смирнова, Н.В. Устюгова, А.И. Харисова, Г.Ф. Шафикова, Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1956. Т. I. Часть первая. С. 52 – 55.

33. Юсупов Ю.М. История Башкортостана XV-XVI веков (социально-политический аспект). Уфа: Гилем, 2009. 192 с.

References

1. Abdirov M. Khan Kuchum: Known and Unknown. Almaty: Zhalyn, 1996. 176 p.

2. Aznabaev B.A. Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (second half of the 16th – first third of the 18th centuries). Ufa: Bashkir State University, 2005. 230 p.

3. Asfandiyarov A.Z. Annexation of the northeastern Bashkirs. History of the Bashkir people. Vol. III. Ed. coll.: I.G. Akmanov et al. Ufa: Gilem, 2011. P. 56 – 58.

4. Boyarshinova Z.Ya. Population of Western Siberia before Russian colonization. (Types of economic activity and social structure of the local population). Special course on the history of the peoples of Siberia for correspondence students of the history faculty of the university. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 1960. 152 p.

5. Boyarshinova Z.Ya., Stepanov N.N. Western Siberia in the 13th-16th centuries. History of Siberia from Ancient Times to the Present Day. Vol. I. Ancient Siberia.Ed. by A. P. Okladnikov. Leningrad: Nauka, 1968. P. 353 – 372.

6. Ivanov V.A., Zlygostev V.A. Bashkir Yurt of the Golden Horde (1236-1437). Ufa: Kitap, 2021. 272 p.

7. Iskhakov D. Interrelations between the Turkic-Tatar States of Western Siberia and Other Regions. History and Culture of the Tatars of Western Siberia. Ed. by G. F. Gabdrakhmanov. Kazan: Institute of History named after. Sh. Marjani AN RT, 2015. P. 195 – 205.

8. Iskhakov D.M. History and specifics of population formation (until the middle of the 16th century). Tyumen and Siberian Khanates. Ed. D.N. Maslyuzhenko and others. Kazan: Kazan University Publishing House, 2018. P. 141 – 145.

9. Kuzeev R.G., Yuldashbaev B.Kh. 400 years together with the Russian people: the annexation of Bashkiria to the Russian state and its historical significance. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1957. 115 p.

10. Kuzeev R.G., Bikbulatov N.V. Shitova S.N. Trans-Ural Bashkirs (ethnographic sketch of life and culture of the late 19th – early 20th centuries). Archeology and ethnography of Bashkiria. T. I. Ed. R.G. Ku-zeev and K.V. Salnikova. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 1962. P. 171 – 267.

11. Kuzeev R.G. Origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of settlement. M.: Nauka, 1974. 571 p.

12. Kuzeev R.G. Peoples of the Middle Volga region and Southern Urals: an ethnogenetic view of history. M.: Nauka, 1992. 347 p.

13. Mazhitov N.A., Sultanova A.N. History of Bashkortostan from ancient times to the 16th century. Ufa: Kitap, 1994. 360 p.

14. Mazhitov N.A. Siberian Khanate. Bashkir Encyclopedia. T. 5. Ch. ed. M.A. Ilgamov. Ufa: Bashkir Encyclopedia, 2009. P. 497.

15. Mazhitov N.A., Sultanova A.N. History of Bashkortostan. Antiquity. Middle Ages. Ufa: Ki-tap, 2009. 496 p.

16. Mazhitov N.A., Zaitsev I.V. Bashkortostan after the collapse of the Golden Horde. History of the Bashkir people. T. II. Ed. coll.: S.G. Klyashtorny et al. Ufa: Gilem, 2012. P. 195 – 204.

17. Maslyuzhenko, D. The Tyumen and Siberian Khanates. History and Culture of the Tatars of Western Siberia. Ed. G.F. Gabdrakhmanov. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2015. P. 177 – 195.

18. Maslyuzhenko, D., Samigulov, G. The Lands of the Urals as Part of the Tyumen and Siberian Khanates. History of the Tatars of the Western Urals. T. I. Nomads of the Great Steppe in the Urals. Tatar Medieval States. Supervisor R. S. Khakimov. Kazan: Institute of History. Sh. Mar-dzhani RAN RT, 2016. P. 250 – 263.

19. Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. Turkic groups of the Southern Trans-Urals. Tyumen and Siberian Khanates. Ed. D.N. Maslyuzhenko et al. Kazan: Kazan University Publishing House, 2018. P. 314 – 327.

20. Matveyev A., Tataurov S. The Siberian Khanate in the late 16th – early 17th centuries. History of the Tatars from ancient times. Vol. IV. Tatar states of the 15th-18th centuries. Ed. R. Khakimov. Kazan: Institute of History named after Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 2014. P. 215 – 222.

21. Nesterov A. The Siberian Khanate as part of the Sheibanid State (second half of the 16th century). History of the Tatars from Ancient Times. Vol. IV. Tatar States of the 15th – 18th Centuries. Ed. R. Khakimov. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 2014. P. 203 – 215.

22. Oborin V.A. The Development of Feudal Relations among the Peoples of the Urals. The Urals as Part of the Russian State (10th – Early 17th Centuries). History of the Urals from Ancient Times to 1861. Ed. A. A. Preobrazhensky. Moscow: Nauka, 1989. P. 130 – 174.

23. Rudenko, S. I. Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays. Ufa: Kitap, 2006. 376 p.

24. Sal'manov A.S. Attempts of the Kuchumovichs and Bashkirs to Recreate the Siberian Khanate. Oriental Studies. 2021. Vol. 14. Is. 2. P. 238 – 247.

25. Sal'manov A.S. Specifics of the Ethnogenesis of the Turkic Peoples of Eurasia: The Formation of the Bashkir Tribal Association Tabyn. Ufa: Mir Pechati, 2022. 563 p.

26. Trepavlov V.V. Siberian Yurt after Ermak: Kuchum and the Kuchumovichs in the Struggle for Revenge. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2012. 231 p.

27. Trepavlov V.V. Social history in the XIII – early XVI centuries. Bashkirs. Rep. ed. R.G. Kuzeev, E.S. Danilko. M.: Nauka, 2015. P. 84 – 92.

28. Usmanov A.N. Voluntary accession of Bashkiria to the Russian state. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1982. 336 p.

29. Usmanov A.N. Accession of Bashkortostan to the Russian state. History of Bashkortostan from ancient times to the 60s of the 18th century. Ed. Kh.F. Usmanov. Ufa: Kitap, 1996. P. 126 – 153.

30. Fayzrakhmanov G.L. History of the Tatars of Western Siberia (from ancient times to the early 20th century). Kazan: Tatar Book Publishing House, 2007. 431 p.

31. Khudyakov Yu. Military affairs and military culture of the Siberian Khanate. History of the Tatars from ancient times. Vol. IV. Tatar states XV-XVIII centuries. Ch. ed. R. Khakimov. Kazan: Institute of History named after. Sh. Marjani AN RT, 2014. P. 723 – 734.

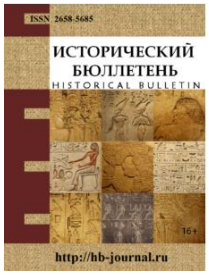
32. Chuloshnikov A.P. Bashkiria after the collapse of the Golden Horde. Essays on the history of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. Ed. A.P. Smirnova, N.V. Ustyugova, A.I. Kharisova, G.F. Shafikova, R.G. Kuzeeva. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1956. T. I. Part one. P. 52 – 55.

33. Yusupov Yu.M. History of Bashkortostan XV-XVI centuries (socio-political aspect). Ufa: Gilem, 2009. 192 p.

Информация об авторе

Антонов И.В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1188-1785, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, 450077, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 6, igan73@yandex.ru

© Антонов И.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 39.398.22

Татарская волшебная сказка в работах фольклористов 40-х-80-х гг. XX в.

[1] Гизатуллина Д.Н.
[1] Иванов Г.А.,
[1] Заляев Р.И.,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в настоящей статье рассмотрен период развития национальной татарской фольклористики и традиций изучения жанра волшебной сказки как ее части. Обозначены этапы сбора, фиксации и публикации фольклорных материалов по мифологии казанских татар в целом и по исследованию татарской волшебной сказки, в частности. Выбранный нами период 40-х-80-х гг. XX века происходило развитие и популяризация этнографии как науки, отмечен и ростом уровня культуры у народов, проживающих на тот момент в СССР. Предложено теоретическое обоснование жанра татарской волшебной сказки. Изучены тексты научных работ указанного периода, посвященные анализу народного сознания через татарские мифологические образы и сказочные сюжеты.

Ключевые слова: татарский фольклор, национальная татарская фольклористика, народное творчество, устная традиция

***Для цитирования**: Гизатуллина Д.Н., Иванов Г.А., Заляев Р.И. Татарская волшебная сказка в работах фольклористов 40-х-80-х гг. XX в. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 244 – 249.*

Поступила в редакцию: 6 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Tatar fairy tale in the works of folklorists of the 40s-80s of the XX century

[1] Gizatullina D.N.,
[1] Ivanov G.A.,
[1] Zalyaev R.I.,
[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: this article examines the period of development of the national Tatar folklore and traditions of studying the genre of fairy tales as a part of it. The stages of collecting, recording and publishing folklore materials on the mythology of the Kazan Tatars in general and on the study of the Tatar fairy tale in particular are outlined. The period we have chosen in the 40s-80s of the twentieth century was the development and popularization of ethnography as a science, marked by an increase in the level of culture among the peoples living in the USSR at that time. A theoretical justification of the Tatar fairy tale genre is proposed. The texts of scientific works of the specified period devoted to the analysis of national consciousness through Tatar mythological images and fairy-tale plots are studied.

Keywords: Tatar folklore, national Tatar folklore, folk art, oral tradition

***For citation**: Gizatullina D.N., Ivanov G.A., Zalyaev R.I. Tatar fairy tale in the works of folklorists of the 40s-80s of the XX century. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 244 – 249.*

The article was submitted: September 6, 2025; Approved after reviewing: November 4, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Новый этап предзнаменовало 16 апреля 1937 г., когда Президиум ЦИК ТАССР принял постановление о создании Татарского научно-исследовательского института языка и литературы. 7 октября 1939 г. произошло уникальное событие – открытие Института языка, литературы и искусства, что послужило новым этапом для развития татарской фольклористики и жанра татарской волшебной сказки. При Институте сразу же сформировался отдел по изучению фольклора [2].

Материалы и методы исследований

Методологической основой настоящего исследования являются сравнительно-сопоставительный и типологический анализ, посредством которых были изучены работы ученых, посвященные татарской сказке и мифологии казанских татар. Предпринята попытка выявить наиболее значимые исследования по указанному жанру, заложившие основу для развития национальной фольклористики.

Результаты и обсуждения

Первым руководителем, заведующем «сектором фольклора» стал исследователь, татарский фольклорист Х.Х. Ярмухаметов (известный под издательским именем Х. Ярми). Главными задачами «сектора» на тот момент были:

1) необходимость организации на постоянной основе полевых экспедиций;

2) публикация материалов, полученных в ходе работы «в поле»;

3) выявление, решение и научное обозрение проблем татарского фольклора.

В период 1944-1947 гг. Х. Ярми был непосредственным заведующим данного отдела ИЯЛИ, и поэтому постоянно занимался непосредственными полевыми исследованиями[7].

Следующим исследователем сказок был писатель Г.Г. Баширов. В 1939 г. Г.Г. Баширов под псевдонимом «Г. Разин» (Гумер Разин) опубликовал свою статью «Сказки и сказочники» (1939). В конце 30-х-начале 40-х гг. XX в. одним из первых Г. Разин отметил, что записывать сказки необходимо от непосредственных «сказителей» или «сказочников», т.е. от носителей и рассказчиков данных сказок. В период конца 30-х-начала 40-х гг. XX в. «Г. Разин» работал в редакции журнала «Советская литература», собирал материал для публикаций, в следствии чего объездил районы ТАССР и произвел запись татарских народных сказок, в том числе и волшебных сказок у самих «сказочников»[1].

Результатом коллективной научной работы таких фольклористов и исследователей, как Х. Ярми, Г. Разина, Э.С. Касимова, Ш. Маннура, Р. Гайнанова и Л. Лесной в довоенный период был научный труд – «Народное творчество» (1938), выпущенное под редакцией Х. Ярми и А.С. Ахметова. За два года до этого события в журнале «Красная Татария» за 1936 г. от 12 июля (повторная заметка была выпущена 3 октября 1938 г.) вышла заметка о предстоящем событии, а именно о подготовке к изданию в Москве сборника «татарского народного творчества»[8].

Повторно данная научная работа была опубликована через два года в 1940 г. Издание было дополнено добавлениями авторов, а также статьей с рецензией и комментариями С. Гарипова. Данная научная работа повествовала о жанровом разнообразии татарского фольклора. Работа была научно структурирована по жанрам. В работе «Народное творчество» фольклор был структурирован на несколько жанровых видов: в начале работы есть вступительная статья авторов, а далее фольклорный раздел, посвященный культам В.И. Ленина и И.В. Сталина, раздел по военному фольклору, посвященный Гражданской войне, новый советский фольклор крестьян и рабочих, раздел баитов, раздел пословиц, раздел загадок и, конечно же, раздел со сказками.

В начале 50-х гг. XX в. была написана первая фундаментальная научная работа – антология «Татарское народное творчество». Работа базировалась на материалах, полученных в ходе экспедиций. Впервые данный труд был издан в 1951 г. [3] и выпущен повторно с дополнениями в 1954 г. [4]. Составителями были известные Х. Ярми (главный редактор), Г.Г. Баширов, Х. Госман и А. Шамов. В данной работе татарский фольклор был структурирован и каждый жанр был проанализирован в отдельности. Все жанры были проиллюстрированы множеством примеров. На примерах, авторы научно обосновали систему дифференциации татарского фольклора. Данная научная работа послужила первым учебником и хрестоматией для филологических факультетов различных ВУЗов.

В начале работы авторами была написана статья, характеризующая татарский народный фольк-

лор, далее в первой части, читатель видел историографический и источниковедческий анализ исследователей, которые описывали жанр баита, сказки, загадок и т.д. Однако главным преимуществом данной работы являлось то, что исследователи предприняли первую научную попытку изучить раннее собранные материалы по советскому фольклору, чем ранее никто не занимался.

В антологии Х. Ярми рассматривал, по его мнению, два главных направления фольклора. Таковыми направлениями, по мнению Х. Ярми, являлось лирическое направление, к которому автор относил «обрядовый фольклор», т.е. колыбельные и свадебные песни, причитания, заговоры, заклички, считалки, а также танцы, заговоры и другие обычаи и ритуалы, которые соответствовали периоду определенных календарных праздников. Значительную часть данного направления татарского фольклора составляла народная лирика. Древнейшей жанровой разновидностью, по мнению ученого, являлись обрядовые песни, сопровождавшие хозяйственные работы, календарные и семейно-бытовые обряды. Х. Ярми писал, что для татар наиболее характерным являлось создание «четырёхстрочных песен» на основе каких-либо событий, что автор именовал как «сюжетные песни». Примером здесь, также может служить следующее календарное обрядовое действие: пожелание хорошего урожая, с фразой, входящего дом «Пусть легкой будет моя нога» - данная примета гласила, что это сулит благополучный год. Примета относилась к татарскому празднику Сабантуй весенне-летнего цикла.

Следующее направление, которое выделял в своей работе Х. Ярми – эпическое направление. К данному направлению исследователь относил следующие жанры татарского фольклора: сказки, мифы, легенды, исторические песни, дастаны, а также баиты, последним ученый уделял наибольшее внимание в данной работе. К данному направлению относят прежде всего жанр дастана, который описывал архаико-героическую, историческую и любовно-лирическую тематику.

О жанре сказки Х. Ярми писал, что сказка являлась одним из самых ранних эпических жанров татарского фольклора. Сказка, по мнению исследователя, представляла собой основную и в художественном отношении, наиболее выразительную часть татарского прозаического фольклора, которая возникла еще в первобытную эпоху. В особенности Х. Ярми отмечал сказки о животных и волшебные сказки, которые, по мнению фольклориста, отражали особенности мышления человека того времени. Данная научная работа стала одной из основополагающих работ по исследованию татарского фольклора. После введения данной работы в научный оборот татарской фольклористики, в терминологический аппарат последней полноправно вошёл термин «татарское народное творчество», который употреблялся на уровне термина «фольклор» и стал его прямым синонимом.

В 1963 г. была опубликована статья, посвящённая 20-летним исследованиям татарского фольклора с одноименным названием. Данная статья была опубликована учеником Х. Ярми фольклористом Э.С. Касимовым[5]. В данной публикации автор описал историю формирования национальной фольклористики основой, которой были исследования Г. Рахима, Г.Г. Ибрагимова, Ф. Туйкина, Х. Багъди, М.А. Васильева, Г.Г. Тулумбайского и др. Ученый проанализировал вклад каждого исследователя в национальную фольклористку, а также описал результаты и достижения предшественников. В дальнейшем ученый занимался исследованиями татарской сказки и выявил отдельный жанр – сатирические сказки по которым в 1966 г. под руководством Х. Ярми защитил кандидатскую диссертацию[6].

В 1967 г. вышла работа Х. Ярми «Татарское народное поэтическое творчество»[9]. Редактором данной научной работы был ученик Х. Ярми - фольклорист Э.С. Касимов. Работа была написана на татарском языке и опубликована Татарским книжным издательством в 1967 г. Данная работа Х. Ярми была структурирована исследователем на несколько глав: вступительное слово автора начале работы, первая глава о собирателях татарского фольклора, историография, вторая глава посвящена сказкам, третья глава о баитах, четвертая глава о пословицах и рассказах, пятая глава о загадках, шестая глава о песнях, седьмая глава посвящена новому советскому татарскому фольклору рабочих и крестьян, завершает научный труд – библиография.

Вторая глава как уже говорилось выше, была посвящена сказкам и имела следующую структуру: сначала автор рассказывал об истории жанра, далее анализировал сказки о животных, в следующем параграфе анализировал волшебные сказки, в последнем параграфе данной главы ученый писал о бытовых сказках. В начале главы Х. Ярми рассказывал о развитии сказки с древнейших времён, об устной передаче сказочного сюжета «из уст в уста», а также о значении волшебных сказок для людей, т.к., по мнению, исследователя в волшебных сказках отражались различные верования, обряды культы, посвященные птицам, животным и духам-хозяевам.

В параграфе о волшебных сказках Х. Ярми также упомянул, что данный жанр сказок являлся

наиболее сложным в сюжете, объёме, метафорических приёмах и структуре в отличии от сказок о животных. Исследователь отмечал, что волшебные сказки были интересны сюжетами, которые могли включать и реальные события, и приключения, и фантастику. Х. Ярми указывал, что сюжет в волшебных сказках всегда начинался с одних и тех же метафорических фраз, фабула соответствовала следующей, предлагаемой ученым схеме: положительный герой сражался с драконом и побеждал. Таким образом, посредством сказочных образов в волшебной сказке выражалось противостояние добра и зла. В данной работе Х. Ярми особо выделил татарскую волшебную сказку как отдельный жанр татарского фольклора.

В этом же году молодой ученый-фольклорист Ф.И. Урманчеев – ученик Х. Ярми – защитил кандидатскую диссертацию по теме «Пути развития основных жанров татарского советского народно-поэтического творчества». В начале работы автор пишет об истории сбора и изучения фольклорных материалов[7]. Так, например, исследователь писал о том, что первые описания «поверий» можно было найти еще в описаниях как российских, так и зарубежных этнографов XIX в. Также ученый отмечал, что после открытия Казанского Императорского университета исследования в области татарского фольклора стали более популярны. В 40-х и 50-х XIX в. ученые Императорского университета выпустили несколько учебников и хрестоматий по татарскому фольклору. В данной работе Ф.И. Урманчеев также отметил научный вклад в собирание и изучение татарского фольклора таких исследователей, как Г. Насыри, П.А. Полякова, Г. Тукая и Г. Рахима. Исследователь отметил, что после Октябрьской Революции была образована «Сказочная комиссия» для фиксации и анализа фольклорных материалов. Однако с начала и до конца 30-х гг. XX в. в национальной фольклористике, по мнению автора, был «застой», хотя и публиковались научно-популярные сборники, в т.ч. и со сказками, например, таковым был сборник Г. Баширова.

По мнению Ф.И. Урманчеева, новый этап в формировании национальной фольклористики начался с момента открытия ИЯЛИ. Исследователь отмечал, что с открытием ИЯЛИ началась активная экспедиционная работа в результате, которой было собрано около 400 печатных листов с различными эпическими произведениями, в т.ч. и сказками. Нужно отметить, что самыми издаваемыми на тот момент были именно сказки. Резюмируя, исследователь подчеркнул, что основной проблемой (на момент 1967 г.) было отсутствие научно-популярных сборников, в т.ч. и сказочных сборников, на русском языке.

Началом нового этапа стал приход в 1972 г. в ИЯЛИ фольклориста, кандидата филологических наук, собирателя фольклора, в т.ч. и татарских сказок – Л.Ш. Замалетдинова. В ИЯЛИ он продолжил работу своего учителя Х. Ярми. Л.Ш. Замалетдинов много работал с источниками. Ученый исследовал историю зарождения татарского фольклора, этапы формирования новых жанров, а также был одним из основоположников национальной фольклористики. Результатом многолетней работы Л.Ш. Замалетдинова была диссертация «Татарская народная сказка и литературные сказки Г. Тукая»[7]

Ученый ездил в экспедиции в период 70-х и 80-х гг. XX в., где собирал, классифицировал, переводил сказки, создавал «паспорта сказок». Л.Ш. Замалетдинов, также не забывал и о собранных ранее его предшественниками сказках. Так, Л.Ш. Замалетдинов включал ранее записанные и неопубликованные сказки в свои новые сборники. Ученый при отсутствии «научного паспорта сказки» переводил и классифицировал сюжет, проводил сравнительно-сопоставительный анализ с уже зафиксированными в других регионах похожими текстами сказок, выявлял различия и схожести, противопоставлял сюжеты и героев из русских, финно-угорских и татарских сказок, собранных в ТАССР за всю историю сбора татарского фольклора.

Л.Ш. Замалетдинов был составителем одного из самых известных и наиболее фундаментальных сборников татарских сказок с одноименным названием «Татарские народные сказки». Проделанная Л.Ш. Замалетдиновым работа по классификации и переводу татарских сказок на русский язык, популяризовала татарский фольклор. Выпуск данного сборника позволил прочесть сказки миллионам читателей в СССР, СНГ и современной России, тем самым, способствовал включению ряда персонажей татарских волшебных сказок в общероссийский культурный код.

Л.Ш. Замалетдинов проработал в ИЯЛИ до 1989 г., собрав множество волшебных татарских сказок в десятке экспедиций. Сказки, собранные ученым в 70-х – 80-х гг. прошлого века до сих пор вызывают огромный интерес и у современной аудитории читателей, т.к. массово переиздаются в сборниках, составленных еще самим Л.Ш. Замалетдиновым. Работы Л.Ш. Замалетдинова и поныне исследуются учеными ИЯЛИ, публикуются статьи и диссертации, по образцам его «научных сказочных паспортов» современные фольклористы создают документы новым сказкам [2].

Выводы

Таким образом, начало второго периода (1939-1988) было связано с развитием фольклора в стенах Института языка, литературы и искусства. Посредством сбора фольклорных материалов в десятках экспедиций, а также многолетней научной работы по анализу и сравнению, полученных материалов, в научном обороте был выделен и обоснован новый жанр – волшебная татарская сказка.

В ходе работы учеными – фольклористами было установлено, что сбор фольклорного материала необходимо осуществлять в непосредственном «поле», чтобы получать информацию напрямую из первых уст, от носителей языка и культуры, потому что только так информация была наиболее достоверной. По этой причине исследователи данного периода активно организовывали экспедиции и несмотря на все трудности посещали самые отдаленные регионы, где так или иначе сохранилась информация.

Исследования под руководством Х. Ярми были наиболее плодотворными и кардинально изменили представление о фольклоре: о сборе, публикации, анализе и т.п. Научные изыскания Х. Ярми и работа с источниками, дали новый импульс развития для национальной фольклористки, и в т.ч. для развития татарской волшебной сказки. Однако Великая Отечественная Война и изменение политической конъектуры по отношению к деятельности Х. Ярми и его наиболее известной работы – дастану «Идегей» временно приостановил научную деятельность самого исследователя и отчасти ИЯЛИ. Однако работа не была полностью остановлена, даже во время ВОВ, т.к. выпускались фольклорные сборники, публиковались научные работы, защищались диссертации.

Следующий виток развития татарской волшебной сказки знаменовал приход молодого фольклориста Л.Ш. Замалетдинова, который объединил все научные изыскания предыдущих исследователей, продолжил по примеру Х. Ярми заниматься исследованиями в области национальной фольклористики. Он занимался изучением научных работ за XX в., т.е. за весь советский период. Ученый организовывал фольклорные экспедиции и на базе полученного материала создал уникальный сборник, который стал самым популярным сборником татарских народных сказок за все время исследований национальной фольклористики и татарской волшебной сказки.

Список источников

1. Абдулхакова А.Р. Жанр сказки в татарской советской детской книге // Вопросы истории. 2010. 4 с.
2. Арпентьева М.Р. Фольклорное наследие татарского народа // Омский научный вестник. Серия: «Общество. История. Современность». 2017. С. 37 – 42.
3. Баширов Г., Шамов А., Ярми Х.Х., Усманов Х., Татарское народное творчество. Казань: Татгосиздат, 1951. 524 с.
4. Баширов Г., Шамов А., Ярми Х., Госман Х. Татарское народное творчество. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 604 с.
5. Касимов Э. С. Двадцать лет советской фольклористике // Советская литература. 1963. № 3.
6. Касимов Э.С. Сатира и юмор в татарских народных сказках: автореф. дис. канд. филол.наук. Казань, 1966. 27 с.
7. Ямалтдинов И.И. Татарская фольклористика 20-60-х гг. XX века. Собирание, публикация и научное изучение фольклора. Казань: ИЯЛИ, им.Г.Ибрагимова, 2016. 184 с.
8. Ярми Х. Х., Ахметов А.С., Народное творчество. Казань: Татгосиздат, 1938. 268 с.
9. Ярми Х.Х. Татарское народное поэтическое творчество. Казань: АН ТАССР, Институт языка, литературы и истории, Г. Ибрагимова. Таткнигоиздат, 1967. 308 с.
10. Ярмухаметов Х.Х. Поэтическое творчество татарского народа: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1969. 73 с.

References

1. Abdulkhakova A.R. The fairy tale genre in the Tatar Soviet children's book. Questions of history. 2010. 4 p.
2. Arpentyeva M.R. Folklore heritage of the Tatar people. Omsk Scientific Bulletin. Series: “Society. Story. Modernity". 2017. P. 37 – 42.
3. Bashirov G., Shamov A., Yarmi X.Kh., Usmanov X., Tatar folk art. Kazan: Tatgo-sizdat, 1951. 524 p.
4. Bashirov G., Shamov A., Yarmi X., Gosman X. Tatar folk art. Kazan: Tatknigo-izdat, 1954. 604 p.
5. Kasimov E. S. Twenty years of Soviet folklore. Soviet literature. 1963. No. 3.
6. Kasimov E.S. Satire and humor in Tatar folk tales: abstract. dis. Ph.D. philological sciences Kazan, 1966. 27 p.

7. Yamaltdinov I.I. Tatar folkloristics of the 20-60s. XX century. Collection, publication and scientific study of folklore. Kazan: IYALI, named after G. Ibragimov, 2016. 184 p.

8. Yarmi Kh. Kh., Akhmetov A.S., Folk art. Kazan: Tatgosizdat, 1938. 268 p.

9. Yarmie X.H. Tatar folk poetry. Kazan: Academy of Sciences of the TASSR, Institute of Language, Literature and History, G. Ibragimova. Tatknigoizdat, 1967. 308 p.

10. Yarmukhametov Kh.Kh. Poetic creativity of the Tatar people: abstract. dis. ... Dr. Philol. Sci. Alma-Ata, 1969. 73 p.

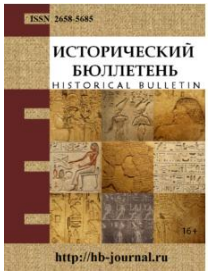
Информация об авторах

Гизатуллина Д.Н., ассистент, ORCID: http://orcid.org/0009-0009-1288-1427, Казанский (Приволжский) федеральный университет, di4na.gizatullina@yandex.ru

Иванов Г.А., ассистент, ORCID: http://orcid.org/0009-0007-3588-4853, Казанский (Приволжский) федеральный университет, gleb.g1v4.ivanov@gmail.com

Заляев Р.И., кандидат исторических наук, доцент, ORCID: http://orcid.org/0000-0003-1921-4300, Казанский (Приволжский) федеральный университет, rustemzalyaev@mail.ru

© Гизатуллина Д.Н., Иванов Г.А., Заляев Р.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Психология личности российского казака

[1] Шуралёв А.В.,
[1] Московский институт современного академического образования

Аннотация: статья о внутреннем стержне характера российского казака. Для его постоянного воспроизводства были в казачьей среде все механизмы. Это, прежде всего: *историческая память*, – никто так не знал своё прошлое как казак; *специфика восприятия родины* – у казака оно было обострено до предела и всегда было его любовью; «*воля вольная*» – которую казак ни за что не предавал, так как она была его жизнью; *честь* – казак всегда соблюдал нравственный долг перед собой, родом, казаками; *достоинство* – он великолепно знал своё казачье дело и соблюдал твёрдость в военной доблести; *вера* в себя и во всех своих покровителей, было у него намного сильнее религиозного фанатизма; *служение и справедливость* – казак всегда был искренен по отношению к своему избранному пути жизни, дружбе, обществу и вождю.

Ключевые слова: историческая память, специфика восприятия Родины, «воля вольная», честь, достоинство, служение и справедливость, менталитет, психологический характер, военная доблесть и подвиг казака, казачий круг и казачий атаман

***Для цитирования**: Шуралёв А.В. Психология личности российского казака // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 250 – 253.*

Поступила в редакцию: 6 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Psychology of the Russian cossack

[1] Shuralyov A.V.,
[1] Moscow Institute of Modern Academic Education

Abstract: an article about the inner core of the Russian Cossack's character. All the mechanisms were in place among the Cossacks to ensure its constant reproduction. These are, first of all: historical memory, – no one knew his past like a Cossack; the specifics of the perception of the motherland – the Cossack had it sharpened to the limit and was always his love; "free will" – which the Cossack would not sell for anything, since it was his life; honor – the Cossack always respected moral duty to himself, his family, and the Cossacks; dignity – he knew his Cossack business perfectly and observed firmness in military valor; faith in himself and in all his patrons was much stronger than religious fanaticism; service and justice – the Cossack was always sincere towards his chosen right path of life, friendship, society, and The leader.

Keyword: historical memory, the specifics of the perception of the Motherland, "free will," honor, dignity, service, and justice, mentality, psychological character, military valor and heroism of the Cossack, the Cossack circle, and the Cossack ataman

***For citation**: Shuralyov A.V. Psychology of the Russian cossack. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 250 – 253.*

The article was submitted: September 6, 2025; Approved after reviewing: November 4, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Очень мало исследователей обращается к данной теме, поэтому вопрос остаётся открытым до сих пор. К тому же во времена тотального контроля и недопущения всего свободного в обществе, не то, чтобы своеволия, а простого своеобразия людей, также не способствует его решению. В некоторых научных работах говорится об этом обобщённо и выдвигается лишь тезис, что казаки имеют своеобразный менталитет, но не более.

С появлением теории Л.Н. Гумилёва о пассионарности, стали говорить в отдельных научных кругах, что эта ментальность казачества заключается в его суперпассионарности, подразумевая под ним способность жизнь отдать за идею. По мнению этих исследователей казаки представляли собой полиэтнический сплав сильных личностей-пассионариев со всех краев, областей и кочевий, что и обусловило их склад характера как богатырей-героев.

Некоторые современные исследователи из стран, которые входили в СССР проводят параллель между русскими и казаками, из-за постоянной склонности их к войнам. Данная особенность превалирует только у двух этих народов в мире, заявляют они. При этом эти учёные не говорят об исторической необходимости, которая вынудила русский этнос и казачий суперэтнос постоянно воевать. А именно занимаемая ими территория, которая имеет срединное и пограничное положение между Востоком и Западом, где многие народы постоянно претендуют её захватить. Поэтому так сильно в менталитете казака отождествление мужчины и воина. Оружие для казака – необходимый атрибут полноценного, свободного человека. Его праздничная одежда – военная форма.

Кроме этого, заявляют исследователи вопроса, в казачьем менталитете и во всём их характере заложена психология вольницы и вечевого народовластия, благодаря чему у них, ещё в Запорожской Сечи появились уникальные люди – характерники, которые обладали экстрасенсорными способностями, эзотерическими знаниями и умениями. Это стало возможным из-за глубокой осведомленности в знаниях духовного и материального мира, так как все казаки поголовно владели письменностью. В Запорожской Сечи родилась также самая прогрессивная модель человеческого народовластия и появились первые конституции, которые были использованы при образовании Речи Посполитой.

Как это было возможно в истории, что могли родиться такие выдающиеся люди – казаки, что до сих пор к ним такое пристальное внимание. Всё дело в том, что они являются свободным проявлением человеческой природы, обусловленное исторической необходимостью быть на передовой в постоянном столкновении с народами разных цивилизаций.

Благодаря знанию психологии личности мы можем заключить, что из-за возможности к постоянному саморазвитию у казака были сильно развиты личностные параметры, что делало его уникальным представителем человеческого рода, претендующим на полную самореализацию своей характерной сущности. Казак спокойно чувствовал себя в любых отношениях в обществе и всегда стремился обратить их себе на пользу. Он был также готов к любому проявлению себя, если эти отношения заходили за рамки его психологической автономности и претендовали изменить коренные взгляды и убеждения. Умение чётко провести грань между собственным «Я» и окружающим миром, давало казаку всегда достигать в этих конфликтных ситуациях успеха [1, 2, 3, 4].

Материалы и методы исследований

Материалами для исследования послужили доклады и тезисы научных конференций, посвящённых вопросам менталитета российского казачества, а также научные труды известных отечественных историков и психологов. В приоритете были научные статьи и книги, касающиеся психологической составляющей личности казака, её основных механизмов становления на протяжении различных исторических эпох. В качестве методов исследования были использованы системный подход и традиционные методы диалектического мыслетворчества, принципы историзма и конкретности. Новизна заключается в том, что ставится проблема возможности государственного решения вместе с возвращением в российскую действительность института казачества, возрождение менталитета личности казака, что было бы закономерно для оздоровления современного российского общества.

Результаты и обсуждения

Характер казака был двойственный: к врагам он всегда проявлял беспощадность, но в отношении своих и гостей любезен и щедр. В любую минуту он мог быстро поменять настроение. Всё за-

висело от того, с кем он находится в настоящий момент. И это являлось результатом его постоянной деятельности – охранителя границ государства и воина. Но если казак с чувством выполненного долга находился дома среди своих казаков или семьи он полностью отдавался выпавшим счастливым часам досуга и радости от того, что видел себя и других живыми. И, тогда не было предела для его философии и поэзии жизни, в которых он также был великий мастер. Его морально-нравственная сторона базировалась на религии предков, из которой 10 Заповедей Господних были всегда основой его принципов жизни, которые он строго соблюдал сам и прививал своим детям.

Самым неприглядным недостатком у казака было пристрастие к алкоголю. Во всём мире знали столько выпить сколько казак не выпьет никто. И с этим недугом боролись казаки жестоким образом. Правда этот пагубный недостаток был свойственен казакам лишь в свободное от основной деятельности время, от которого они быстро переходили к своим ратным делам, наказывая любого, кто позволит слабинку во время военных походов. И в большинстве случаев это пристрастие к алкоголю было свойственно лишь рядовым казакам, старшин и атаманов просто не стали бы терпеть над собой в командирах, если они были с таким изъяном [5, 6, 7, 8].

Было в обычае у казаков наказывать провинившихся собратьев. Особенно жестокие казни были в Запорожской Сечи. Так казаки наказывали своих собратьев за измену, трусость, убийство и воровство. За убийство товарища, братоубийцу закапывали в землю живого в одном гробу с убитым. Смертью наказывались также укрывательство краденой вещи, связь с женщиной, содомской грех, мародерство в христианских селениях, самовольная отлучка и дерзость против начальства.

Казаки в общежитии своем были привязаны друг к другу как братья, гнушались воровства между собой, что не распространялось на грабеж у неприятеля. Трусов не терпели и вообще считали первейшими добродетелями целомудрие и храбрость. Не признавали краснобайства, считая, что от лишних слов слабеют руки. Очень интересным фактом является то, что казаки являлись очень чистоплотным народом, что прививалось им в семье с детства. Не терпели они никаких татуировок на теле так как белизна, чистота кожи представляла для них самоценность.

Храбрость, мужество, отвага – и в то же время осторожность, находчивость, изобретательность казаков получили высочайшую оценку специалистов и великих полководцев. Служить родному Отечеству с оружием в руках, было у казака воспитано с молоком матери. Казаки готовились к военной службе с детства и продолжали до конца жизни под бдительным вниманием казачьего круга, атаманов, казачьей старшины и всей казачьей общины [9, 10, 11, 12].

Уважая историческую память, казаки, таким образом, берегли себя от искусственной дегенерации, так как история есть тот необходимый опыт любому поколению, который жизнь даёт всем осмысленно и всегда двигаться к своему будущему. Вот поэтому, так живо помнят в настоящих казачьих семьях боевые заслуги предков и генеалогию своих фамилий.

Главный стержень психологического характера казака заключается в его свободе личного выбора. Казак не будет рабски подчиняться кому-то ни было, а только своему признанному и достойному лидеру. В личном общении казак вспыльчив, неуживчив, злопамятен, горд, но верен в дружбе. В критических ситуациях он может быть подвержен ярости, но среди своих прямодушен и открыт, пока не почувствует угрозу своей чести.

Выводы

Российский казак – есть явление достойное подражания до сих пор, так как в нём заложены не только базовые принципы славянской культуры, но и способы как её беречь и охранять.

Именно в менталитете казака мы находим необходимое качество, которое в настоящее время напрочь исчезло у большинства россиян, а именно: любить свою страну как родную мать, не позволяя даже мысли родиться о предательстве ей.

Казак является историческим воплощением честной и благородной доблести по защите своей Отчизны.

Список источников

1. Герасимов И.В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности // Российская история: проблемы ментальности. Тезисы докладов научной конференции. Москва. 4-6 октября 1994. М., 1994. С. 10.

2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Издательство RUGRAM, 2012. 316 с.

3. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 6.

4. Лукичев П.Н., Скорик А.П. Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность: Сб. науч. Статей к V Всероссийской (Международной) научной конференции. Новочеркасск, 1995. С. 44.

5. Котикова Е.И. Феномен казачества: методологический аспект // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Первой региональной Кубанско-Терской конференции / Под ред. В.Б. Виноградова, С.Н. Лукаша. Армавир – Железноводск, 1988. 75 с.

6. Яковенко, И.Г. Подвижен, отчаян и храбр // Родина. 1995. № 10. С.71.

7. Мадии Сальваторе Теории личности: сравнительный анализ. Спб: Речь, 2002. 539 с.

8. Парыгин Б.Д. Социальная психология истоки и перспективы / Б.Д. Парыгин; С-Петерб. гуманит. у-т. профсоюзов – Санкт-Петербург. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2010. 532 с.

9. Психология личности: учебное пособие / под ред. проф. П.Н. Ермакова, проф. В.А. Лабунской. М.: Эксмо, 2007. 653 с.

10. Подоляк Я.В. Личность и коллектив, психология военного управления. Москва: Воениздат, 1989. 349 с.

11. Терновая Л.О. История российского казачества: учебник. НИЦ ИНФРА-М., 2025. 346 ст.

12. Шафажинская Н.Е. Этнопсихологические и духовные проявления российского казачества в системе межкультурных коммуникаций // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 3 (50). С. 25 – 28.

References

1. Gerasimov I.V. Modernization of Russia as a Process of Mentality Transformation. Russian History: Problems of Mentality. Abstracts of Papers from a Scientific Conference. Moscow. October 4-6, 1994. Moscow, 1994. P. 10.

2. Gurevich A.Ya. Categories of Medieval Culture. RUGRAM Publishing House, 2012. 316 p.

3. Likhachev D.S. On the National Character of Russians. Questions of Philosophy. 1990. No. 4. P. 6.

4. Lukichev P.N., Skorik A.P. Cossacks: A Historical and Psychological Portrait. The Revival of the Cossacks: History and Modernity: Collection of Scientific Articles for the V All-Russian (International) Scientific Conference. Novocherkassk, 1995. P. 44.

5. Kotikova E.I. The Phenomenon of the Cossacks: A Methodological Aspect. From the History and Culture of the Linear Cossacks of the North Caucasus. Proceedings of the First Regional Kuban-Terek Conference. Ed. by VB Vinogradov, SN Lukash. Armavir-Zheleznovodsk, 1988. 75 p.

6. Yakovenko, IG Agile, Desperate, and Brave. Rodina. 1995. No. 10. P. 71.

7. Madii Salvatore Personality Theories: A Comparative Analysis. St. Petersburg: Rech, 2002. 539 p.

8. Parygin BD Social Psychology: Origins and Prospects. BD Parygin; St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions – St. Petersburg. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2010. 532 p.

9. Personality Psychology: A Textbook. Edited by Prof. P.N. Ermakov, Prof. V.A. Labunskaya. Moscow: Eksmo, 2007. 653 p.

10. Podolyak Ya.V. Personality and Collective, Psychology of Military Command. Moscow: Voenizdat, 1989. 349 p.

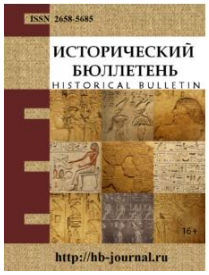
11. Ternovaya L.O. History of Russian Cossacks: A Textbook. Research Center INFRA-M, 2025. 346 p.

12. Shafazhinskaya N.E. Ethnopsychological and Spiritual Manifestations of Russian Cossacks in the System of Intercultural Communications. Cultural Life of the South of Russia. 2013. No. 3 (50). P. 25 – 28.

Информация об авторе

Шуралёв А.В., кандидат философских наук, доцент, Московский институт современного академического образования

© Шуралёв А.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 391.7 (=512.141)

Традиционный башкирский нагрудник: мост между прошлым и будущим

[1] Исламова Р.Х.,
[1] Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук

Аннотация: представлен анализ непрерывности традиционной культуры и ее роли на примере башкирского женского нагрудника. В статье рассматривается эволюция семантики и функций башкирского нагрудника от оберега до современного культурного символа. Основу исследования составляют полевые материалы и женские рукодельные изделия, собранные в ходе этнографических экспедиций в различные населенные пункты Республики Башкортостан. Автор отмечает, что на конкретных примерах можно раскрыть сакральные знания, заложенные в орнаменте и технике изготовления, которые способствуют сохранению и актуализации национального наследия. Также выявлены ключевые факторы, влияющие на трансформацию традиционных женских башкирских нагрудников, и проанализированы механизмы их творческой переработки современными мастерицами, дизайнерами и др. Благодаря способности к интеграции в новые контексты, такие как стилизованные миниатюрные броши, сувенирная продукция, изделия в стиле высокой моды и др., позволяют нагруднику не оставаться музейным артефактом, а продолжать жить в качестве культурно-исторического наследия башкир. Это позволяет утверждать, что на основе уникального традиционного башкирского нагрудника современные стилизованные изделия являются важным инструментом для сохранения культуры башкир, и продвижения национального бренда.

Ключевые слова: традиционная культура, башкиры, нагрудное украшение, стилизация, прошлое, современное

Для цитирования: *Исламова Р.Х. Традиционный башкирский нагрудник: мост между прошлым и будущим // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 254 – 260.*

Поступила в редакцию: 7 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The traditional Bashkir breastplate: a bridge between the past and the future

[1] Islamova R.H.,
[1] Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the analysis of the continuity of traditional culture and its role is presented on the example of the Bashkir women's breastplate. The article examines the evolution of the semantics and functions of the Bashkir breastplate from an amulet to a modern cultural symbol. The research is based on field materials and women's needlework collected during ethnographic expeditions to various settlements of the Republic of Bashkortostan. The author notes that using specific examples, it is possible to reveal the sacred knowledge embedded in the ornament and manufacturing techniques that contribute to the preservation and actualization of the national heritage. The key factors influencing the transformation of traditional Bashkir women's bibs have also been identified, and the mechanisms of their creative processing by modern craftsmen, designers, etc. have been analyzed. Due to its ability to

integrate into new contexts, such as stylized miniature brooches, souvenirs, high-fashion items, etc., the bib does not remain a museum artifact, but continues to live as a cultural and historical heritage of Bashkirs. This suggests that, based on the unique traditional Bashkir breastplate, modern stylized products are an important tool for preserving Bashkir culture and promoting the national brand.

Keywords: traditional culture, Bashkirs, breast jewelry, stylization, past, modern

***For citation**: Islamova R.H. The traditional Bashkir breastplate: a bridge between the past and the future. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 254 – 260.*

The article was submitted: September 7, 2025; Approved after reviewing: November 5, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Традиционный башкирский костюм представляет собой целостную систему, отражающую этническую историю, социальные устои и эстетические идеалы народа. Он отличается сложностью конструкции, символической насыщенностью и включает в себя несколько компонентов. Среди всего разнообразия женских украшений центральное место занимает башкирский традиционный нагрудник, сочетающий функциями оберега, маркера региональной принадлежности и показателя благосостояния семьи.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование базируется на комплексном подходе, включающем анализ опубликованных и неопубликованных источников. При этом, в работе применяется совокупность методов, направленных на всесторонний анализ башкирского нагрудника.

Изучением башкирского нагрудного украшения интересовались многие этнографы, искусствоведы и историки. Большую научную ценность представляет коллекция украшений и одежды башкир, собранная С.И. Руденко, которая составляет основу экспозиций Государственного этнографического музея в Санкт-Петербурге. Фундаментальные труды башкирских этнографов Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, С.И. Руденко, С.Н. Шитовой и других подчеркивают многофункциональную роль нагрудного украшения в традиционной культуре башкир. На основе материалов этнографических исследований учеными была разработана типология нагрудников с этнотерминологией: «селтәр», «һаҡал», «яға», «муйынса», «алмаиҙеү», «түшелдерек», ареал распространения которых ограничен определенными локально-территориальными группами башкир [8, с. 157; 12, с. 103].

Важно отметить, что в наши дни традиционные башкирские украшения переживают «второе рождение». Это выражается в растущем интересе современных дизайнеров и проведении тематических мероприятий, что обусловливает актуальность данного исследования.

Кроме того, важную роль в изучении традиционных изделий играют фондовые материалы. Так, например, в начале 60-х годов XX столетия с целью сбора информации и этнографических материалов в Абзелиловском районе Республики Башкортостан (далее – РБ) работала экспедиция, где активное участие принимали ученые из Института истории, языка и литературы (далее – ИИЯЛ). В этих годах был зафиксирован на фото башкирский женский нагрудник, который на сегодняшний день хранится в фотоархиве ИИЯЛ. Девочка в башкирском женском нагруднике представлен на рис. 1.

Рис. 1. Девочка в башкирском женском нагруднике, этнографическая экспедиция 1962 г.
Fig. 1. A girl in a Bashkir women's breastplate, an ethnographic expedition in 1962.

Эти материалы в совокупности позволяют провести всесторонний анализ башкирского нагрудника – от его традиционных форм и функций до современных интерпретаций в контексте актуализации культурного наследия.

Результаты и обсуждения

По результатам исследований выявлено, что традиционный башкирский нагрудник является полифункциональным элементом костюма, включающим в себя утилитарную, охранительную и знаковую функции.

Важно отметить, что раньше эти ценные и уникальные изделия представляли собой настоящее богатство, которое могли позволить себе лишь состоятельные семьи. По мнению некоторых ученых, «в конце XIX века стоимость богато расшитых серебром и кораллами нагрудников была равнозначна цене коровы или хорошего скакуна…» [7, с. 322]. Это подтверждается и полевыми материалами автора. Например, некоторые рукодельницы из Абзелиловского района РБ отмечают: «Раньше, когда мы были еще детьми, бабушки рассказывали, что за одну козу можно было приобрести один нагрудник» [ПМА]. При этом некоторые исследователи отмечают, что «не все семьи могли позволить себе богато украшенные нагрудники» [1, с. 212]. Важно то, что и сегодня во многих семьях встречаются ценные старинные предметы и изделия традиционной культуры башкир, которые бережно хранятся и передаются из поколения в поколение.

Сегодня, как и раньше, нагрудное украшение является обязательным атрибутом свадебного приданого башкирских девушек, что зафиксировано как в этнографических трудах ученых [10, с. 141], так и в художественной литературе. Например, в повести «Айбикә» известной башкирской писательницы Хадии Давлетшиной имеется упоминание, что издавна у башкирок было очень много украшений, и когда девушек выдавали замуж, им матери надевали нагрудники: «Түшенә әсәһенең Айбикәгә тип ҡыҙының ҡара йәшенән бирле йыйнаштырып яһаған һаҡалын һалындырҙы» (пер. с баш. на русс. яз.: «С раннего детства подготовленное мамой Айбики нагрудное украшение было приданым для нее») [3, с. 33]. Подобная традиция до сих пор существует в некоторых районах РБ и сохранился обычай передавать нагрудник по женской линии как семейную реликвию.

В ходе проведения этнографических исследований по проекту РНФ «Женский мир Урало-Поволжья (на примере историко-этнографического изучения традиционных башкирских ремесел)» в Абзелиловском районе РБ зафиксирован мастер-класс по изготовлению женского нагрудного украшения «селтәр». Женское нагрудное украшение «селтәр» представлено на рис. 2.

Рис. 2. Женское нагрудное украшение «селтәр», этнографическая командировка 2024 г.
Fig. 2. Women's breast ornament "seltar", ethnographic business trip in 2024.

По данным С.Н. Шитовой, название подобного нагрудного украшения характерно для юго-восточных башкир РБ.

Описание, классификация и анализ башкирского нагрудника представлены в работе С.Н. Шитовой: «У тамъянцев Абзелиловского района нашивалось шесть-семь горизонтальных рядов монет, а также столбцы монет располагались по краям нагрудника “селтәр”, состоявший из коралловой понизи. Плетенная из кораллов сетка занимала

нижнюю половину украшения и завершалась коралловой бахромой. Грудка плотно зашивалась кораллами, образующими круги, где вписывались перламутровые пластинки, медальоны с сердоликом или граненым стеклом, крупные монеты «…» между низом и верхом нагрудника располагалось несколько рядов монет, верхний край украшения, вырезанный по шее, обводился серебряными цепочками» [11, с. 103].

Издавна важная роль башкирского нагрудника заключалась в охранительной функции. Это обеспечивалось как материалом в виде монет, кораллов, натуральных камней, являющимся оберегами от сглаза и дурных взглядов, так и конструкцией.

Так, например, особенности художественного стиля нагрудного украшения башкир представлены в трудах А.С. Камалиевой: «На красном фоне, образованном плотной вышивкой крупного кораллового бисера строгими рядами распределялись старинные серебряные монеты и бляхи, на поверхности которых были выгравированы молитвы из Корана «…» особенностью композиции “селтәр” являлось то, что в горизонтальном членении преобладала цифра два (нагрудник делился на две половины, два ряда монет), в то время как в вертикальном направлении нагрудного украшения заметно деление на три (три крупные бляхи, делящие верхнюю часть на три), усиленное подвесками в нижней части с тремя свободно свисающими цепочками из ажурных фигур» [4, с. 190].

В ходе командировок исследователям не раз приходилось услышать из уст рукодельниц народную пословицу, которая гласит: «Башкирскую женщину сначала услышишь, и только потом увидишь». И это действительно так, сначала мы слышим звон монет, украшающих традиционный женский костюм, а потом только увидим башкирскую красавицу. На основе исследований некоторые ученые отмечают «характерную черту башкирских украшений, где особо выделяется их «подвижность» и «мелодичность» за счет широкого использования бахромы из монет, серебряных пластин, тонких подвесок» [4, с. 195]. Из вышеизложенного видно, что именно декор нагрудных изделий является охранительной функцией. Известный ученый А.Г. Янбухтина также свидетельствует, что: «Алые бусинки кораллов символизировали зарождение, начало новой жизни и обладали тайной магической силой оберега» [12, с. 45].

Традиционный женский нагрудник представляет собой не просто украшение, а является полифункциональным элементом костюма башкир, выполняющий также знаковую нагрузку и отражающий ключевые аспекты традиционного мировоззрения.

Например, этнограф Р.Р. Баязитова рассматривает башкирский народный костюм и его элементы не просто как одежду, а как важный элемент знаковой системы традиционного общества, представляющий «визитную карточку» народа и являющийся мощным инструментом социальной коммуникации и трансляции культурных норм [2, с. 90].

На основе данного исследования выявлен активный процесс «второго рождения» женского башкирского нагрудника, который проявляется в следующих формах.

Во-первых, важным инструментом для реконструкции служат старинные фотографии из семейных архивов [9, с. 182]. Как показывает практика, многие мастерицы воссоздают башкирские нагрудники основываясь на фотографии своих бабушек, прабабушек, что обеспечивает преемственность традиций. Кроме того, искусные рукодельницы передают свой бесценный опыт, знания и умения молодым реконструкторам, максимально сохраняя в современных коллекциях дух традиционных башкирских изделий, форму и технологию изготовления. Наряду с этим наблюдается активная стилизация нагрудников, их интеграция в современную одежду и аксессуары (броши в стиле этно, принты на футболках, сувенирную продукцию и др.) [6, с. 137-318].

Во-вторых, богато украшенный традиционный костюм, включающий в себя множество разнообразных элементов, и сегодня служит колоритным дополнением праздничного башкирского костюма. Доказательством тому является проведение в регионе различных национальных фестивалей, конкурсов, ремесленных выставок и др. (Сабантуй, День национального костюма). Так, например, Международный конкурс «Тамга» ежегодно собирает искусных мастериц с разных уголков нашего региона и соседних областей, где они представляют уникальные рукодельные изделия, в том числе и нагрудные украшения.

В рамках реализации проекта РНФ «Женский мир Урало-Поволжья» удалось посетить мероприятия, посвященные женскому рукоделию. Например, мастер-класс «Брошь в стиле этно», проходивший в Национальном музее РБ, этнографические выставки «Золотые руки мастеров», где были представлены экспозиции аутентичных и реконструированных нагрудников из фондов музеев, фольклорный фестиваль «Салауат йыйыны» в Салаватском районе РБ, народный праздник Сабантуй в Мелеузовском, Чишминском районах РБ, где были представлены лучшие работы мастериц по башкирскому костюму и элементов. Его украшения – все это является новым явлением для

передачи опыта и знаний о традиционных изделиях.

В-третьих, многие современные дизайнеры уделяют башкирским нагрудникам немало внимания в своих коллекциях. Важно отметить, что современные мастера, ориентируясь на актуальные тенденции и модные коллекции, все чаще обращаются к народным мотивам, создавая стилизованные украшения для модных показов и фестивалей. Дизайнеры не только заимствуют элементы традиционного башкирского костюма, но и создают такие образы, которые воплощают в себе суть башкирской культуры. Становится модным трендом создание авторских коллекций современной женской одежды с мотивами и орнаментом традиционного костюма башкир. Пример современной интерпретации башкирского женского нагрудного украшения «алмиҙеү» представлен на рис. 3.

Рис. 3. Современный вариант башкирского женского нагрудного украшения «алмиҙеү», 2024 г. [13].
Fig. 3. A modern version of the Bashkir women's breast jewelry "almie", 2024 [13].

Так, например, коллекция «ZAMAN» является одной из них. В переводе с башкирского ее название означает «время», что символизирует связь прошлого с будущим. Коллекция раскрывает этнические мотивы в современной моде, фокусируясь на уникальных деталях башкирской культуры, таких как орнаменты и символика. Соединяя традиции и современность, она представляет собой модный этнический тренд и была представлена дизайнерами в г. Москве [5, с. 87]. Подобных коллекций, в которых зашифрованы не только история, но и культура, и социальные коды башкирского народа на сегодняшний день становятся все больше.

Выводы

Таким образом, традиционный женский нагрудник будучи ценным и уникальным предметом национального достояния башкир, представляет собой сложный полифункциональный элемент костюма, выполняющий в том числе, функции оберега, социального маркера и носителя этнической идентичности. При этом сохранение и актуализация традиции осуществляются через реконструкцию изделий мастериц на основе архивных материалов и семейных реликвий, а также посредством стилизации и интеграции элементов башкирского нагрудника в современный этнодизайн и массовую культуру. Кроме того, ключевую роль в популяризации традиционных изделий, в том числе и башкирского нагрудника, играют различные национальные мероприятия (фестивали, конкурсы, выставки и мастер-классы и др.), проводимые в Республике Башкортостан.

Источники

ПМА – Полевые материалы автора, 2024 г. РБ, Абзелиловский район, д. Кирдасово, Автор Р.Х. Исламова.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Женский мир Урало-Поволжья (на примере историко-этнографического изучения традиционных башкирских ремесел)» (№ 24-28-01650 от 29.12.2023 г.)

Список источников

1. Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. 258 с.

2. Баязитова Р.Р. Знаковые функции народной одежды в традиционной культуре башкир // Oriental Studies. 2018. Т. 39. № 5. С. 89 – 96.

3. Давлетшина Х. Айбикә: пер. с башк. Р. Ахмеров. Уфа: Башкирское книжн. изд-во, 1985. 85 с.

4. Камалиева А.С. Особенности художественного стиля башкирских женских украшений // Вестник КемГУКИ. 2015. № 32. С. 187 – 195.

5. Лимаренко О.В., Гайсина Д.Р., Трегубина К.А. Авторская коллекция одежды как отражение традиционных мотивов башкирской культуры в современности // Мотивы культурных традиций и народных промыслов в коллекциях современной одежды, обуви и аксессуаров: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 84 – 89.

6. Нечвалода Е.Е. Башкирская народная одежда в фотографиях и реконструкциях: Каталог изделий призеров Международного конкурса «Тамга» 2020–2022 гг. и материалы фотоархивов. Уфа, 2022. 330 с.

7. Рахматуллина З.Я., Хусаинова Г.Р. Традиционные украшения башкирских женщин: этнокультурный взгляд с XXI века // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 2. С. 320 – 330.

8. Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.

9. Усманова С.М. Проблемы реконструкции башкирской народной одежды по этнографическим фотографиям середины XIX – начала XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022. Т. 164, кн. 6. С. 180 – 190.

10. Хасанова З.Ф. Нагрудник в современной жизни башкирских женщин: к проблеме сохранения традиций // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2020. № 2 (49). С. 135 – 146.

11. Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. 1-е изд. Уфа: Китап, 1995. 240 с.

12. Янбухтина А.Г. Декоративное искусство Башкортостана. XX век: От тамги до авангарда. Уфа: Китап, 2006. – 224 с.

13. Образ из новой коллекции «Заман». URL: https://vk.com/wall-24221870_8587?z=photo-24221870_457243960Fwall-24221870_8587 (дата обращения: 23.08. 2025)

References

1. Avizhanskaya S.A., Bikbulatov N.V., Kuzeev R.G. Decorative and applied art of the Bashkirs. Ufa, 1964. 258 p.

2. Bayazitova R.R. Significant functions of folk clothing in the traditional culture of the Bashkirs. Oriental Studies. 2018. T. 39. No. 5. P. 89 – 96.

3. Davletshina H. Aibikə: trans. from the head R. Akhmerov. Ufa: Bashkir Book. publishing house, 1985. 85 p.

4. Kamalieva A.S. Features of the artistic style of Bashkir women's jewelry. Bulletin of KemGUKI. 2015. No. 32. P. 187 – 195.

5. Limarenko O.V., Gaysina D.R., Tregubina K.A. Author's clothing collection as a reflection of traditional motifs of Bashkir culture in modern times. Motifs of cultural traditions and folk crafts in collections of modern clothing, footwear, and accessories: Proceedings of the International scientific and practical conference. Moscow, 2024. P. 84 – 89.

6. Nechvaloda E.E. Bashkir folk clothing in photographs and reconstructions: Catalog of products of the winners of the International Competition "Tamga" 2020-2022 and materials from photo archives. Ufa, 2022. 330 p.

7. Rakhmatullina Z.Ya., Khusainova G.R. Traditional Jewelry of Bashkir Women: An Ethnocultural View from the 21st Century. Ufa Archaeological Bulletin. 2023. Vol. 23. No. 2. P. 320 – 330.

8. Rudenko S.I. Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays. Ufa: Kitap, 2006. 376 p.

9. Usmanova S.M. Problems of Reconstructing Bashkir Folk Clothing Based on Ethnographic Photographs of the Mid-19th – Early 20th Centuries. Scient. not. Kazan. University. Series: Humanitarian Sciences. 2022. Vol. 164, Book 6. P. 180 – 190.

10. Khasanova Z.F. The Breastplate in the Modern Life of Bashkir Women: Toward the Problem of Preserving Traditions. Bulletin of Archaeology, Anthropology, and Ethnography, 2020, No. 2 (49). P. 135 – 146.

11. Shitova S.N. Bashkir Folk Clothing. 1st ed. Ufa: Kitap, 1995. 240 p.

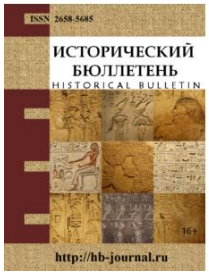
12. Yanbukhtina A.G. Decorative Art of Bashkortostan. 20th Century: From Tamga to Avant-Garde. Ufa: Kitap, 2006. 224 p.

13. Image from the new "Zaman" collection. URL: https://vk.com/wall-24221870_8587?z=photo-24221870_457243960Fwall-24221870_8587 (date of access: 23.08. 2025)

Информация об авторе

Исламова Р.Х., младший научный сотрудник, ORCID ID: https://orcid.org/009-0001-6936-924X, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, 450054, г. Уфа, ул. проспект Октября, д. 71, Лит. У, У1, isrezeda@gmail.com

© Исламова Р.Х., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 379.85

Туризм в России: исторический опыт и вызовы современности

[1] Карпов Д.В.,
[1] Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Аннотация: статья посвящена анализу исторической эволюции туризма в России с акцентом на его трансформацию под влиянием социально-экономических и политических факторов. Рассматриваются ключевые этапы развития отрасли – от зарождения индивидуальных туристических маршрутов в Древней Руси до современного этапа вынужденной переориентации на внутренний рынок. Особое внимание уделяется процессу институционализации туризма, изменению его роли в государственной политике и адаптационным механизмам в условиях внешних вызовов. Исследование демонстрирует, что исторический опыт служит основой для формирования устойчивой модели туриндустрии, способной эффективно использовать национальный культурно-природный потенциал.

Ключевые слова: история туризма, этапы развития, российский туризм, импортозамещение, государственное регулирование, внутренний туризм

***Для цитирования**: Карпов Д.В. Туризм в России: исторический опыт и вызовы современности // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 261 – 267.*

Поступила в редакцию: 8 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Tourism in Russia: historical experience and modern challenges

[1] Karpov D.V.,
[1] N.P. Ogarev Mordovian State University

Abstract: the article is devoted to the analysis of the historical evolution of tourism in Russia with an emphasis on its transformation under the influence of socio-economic and political factors. The key stages of the industry's development are considered – from the emergence of individual tourist routes in Ancient Russia to the modern stage of forced reorientation to the domestic market. Special attention is paid to the process of institutionalization of tourism, changing its role in public policy and adaptation mechanisms in the face of external challenges. The study demonstrates that historical experience serves as the basis for the formation of a sustainable model of the tourism industry, capable of effectively using the national cultural and natural potential.

Keywords: history of tourism, stages of development, Russian tourism, import substitution, state regulation, domestic tourism

***For citation**: Karpov D.V. Tourism in Russia: historical experience and modern challenges. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 261 – 267.*

The article was submitted: September 8, 2025; Approved after reviewing: November 6, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Туризм в России, пройдя путь от аристократических «вояжей» до плановых маршрутов советской эпохи, накопил уникальный исторический опыт. Это не просто хроника смены видов путешествий, а отражение глубинных социокультурных изменений в государстве. Многолетние традиции курортного дела сформировали мощный каркас отечественной туриндустрии. Однако сегодня этот богатый потенциал сталкивается с вызовами глобального мира, требующими осмысленного синтеза прошлого и будущего.

Зарождение путешествий в России, уходящее корнями в эпоху Древней Руси, представляет собой протяженный процесс. Его периодизация, хотя и следует мировой парадигме, имеет выраженную национальную специфику и более детальную градацию на этапы, обусловленные социально-экономическими особенностями страны.

Для более конкретного представления исторического развития русского туризма можно выделить определенные этапы его становления.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на комплексный анализ исторических, нормативных и статистических источников, охватывающих период от зарождения путешествий на Руси до современных этапов трансформации туристской отрасли. В качестве эмпирической базы использованы опубликованные архивные документы, законодательные акты, официальная статистика въездных и выездных потоков, материалы органов государственного управления туризмом, а также научные труды, отражающие эволюцию туристских практик и институциональных моделей. Методологическую основу составили историко-генетический и историко-сравнительный методы, позволившие выявить этапность развития туризма и установить причинно-следственные связи между социокультурными, политическими и экономическими процессами различных периодов. Для систематизации исторической динамики применён периодизационный подход, обеспечивший структурирование материала по ключевым хронологическим этапам, тогда как элементы контент-анализа использовались для интерпретации нормативных источников и программных документов. Комплекс методов позволил реконструировать эволюцию туристской деятельности в России, выявить факторы её трансформации и определить особенности современного этапа развития отрасли.

Результаты и обсуждения

Первый этап: зарождение туризма в России. Российские территории, служившие мостом между цивилизациями, с древности имели интенсивные международные связи, изначально торговые. После христианизации Руси мощным катализатором взаимодействия стали духовные миссии и паломничества, а экспансия купечества способствовала интеграции страны в мировую экономику.

Отправной точкой российского туризма считается инициатива В. Генша, который в 1777 году предложил в «Московских ведомостях» первый план группового образовательного путешествия по Европе для молодых дворян. Его программа совмещала обучение в университете с ознакомительным турне по промышленным и культурным центрам, а индивидуальные контракты определяли финансовые условия этого коммерческого предприятия [6].

Данный прецедент ознаменовал переход от спорадических поездок к созданию комплексного туристского продукта. Появление детализированной коммерческой программы В. Генша свидетельствует, что последняя четверть XVIII века стала моментом зарождения туризма как системного явления в России [5].

К концу XVII столетия в российской культурной практике фиксируется возникновение специализированных путеводителей. Сам факт их появления и читательского внимания свидетельствует о зарождении значимой социальной тенденции.

В 1779 году в Санкт-Петербурге увидел свет фундаментальный труд под названием «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга...». Его автором выступил А. Богданов, занимавший должность библиотекарского помощника Академии наук и архивариуса. Издание предлагало читателю систематизированные данные по истории города, его архитектурным памятникам и музейным коллекциям. Он представляется одним из первых полноценных туристских путеводителей в России [7].

Таким образом, формирование туристской практики в России на начальном этапе характеризовалось рядом устойчивых признаков. На начальном этапе туристская практика в России характеризовалась примитивной транспортной инфраструктурой и сугубо утилитарной мотивацией, где путешествие было не целью, а средством для решения коммерческих, образовательных, духовных или медицинских задач. Существенным социальным ограничением являлась элитарность этой деятельности, доступной лишь привилегированным слоям населения.

Качественный переход на новый этап в развитии отечественного туризма был обеспечен прогрессом транспортных систем.

Параллельно наблюдалась консолидация туристского сообщества через создание специализированных досуговых организаций. Учреждение таких объединений, как «Тифлисский альпинистский клуб», «Крымский горный клуб» и «Российское общество туристов», способствовало коммерциализации туристической деятельности в стране.

Третий этап ознаменовался парадоксальным зарождением массового туризма в России, который продемонстрировал удивительную жизнеспособность, несмотря на войны и революции. Это объясняется сменой идеологических ориентиров, когда туризм стал рассматриваться как элемент строительства нового общества, что привело к его институционализации и формированию модели доступного отдыха для широких слоев населения.

Периодизация развития российского туризма отражает ключевые стадии генезиса национальной туристской системы. Выделение пяти последовательных этапов позволяет проследить его трансформацию от частных инициатив к системному социальному явлению.

Просветительский этап (до 1890 г.) характеризовался эпизодическим использованием экскурсий с доминирующей образовательно-исследовательской функцией. Эти практики были органично включены в социально-просветительские задачи, что предопределило их активное освоение демократической интеллигенцией, видевшей в путешествиях инструмент познания и преобразования действительности.

Период становления капиталистических отношений в России ознаменовал наступление предпринимательского этапа в сфере туризма. Данный период характеризовался интенсивным развитием национального туристского рынка. На формирующемся рынке чётко обозначилась сегментация: с одной стороны, элитарный туризм привилегированных классов, с другой – рекреационный отдых демократической интеллигенции.

Активная предпринимательская инициатива выразилась в создании многочисленных туристских фирм, бюро и обществ. Однако начавшаяся Первая мировая война прервала естественное развитие отрасли. Наметившийся организационно-хозяйственный прогресс был полностью блокирован экстремальными условиями военного времени.

Период организационно-централизованного туризма (1927-конец 1960-х гг.) характеризовался преобладанием идеологической составляющей над хозяйственной. Хотя интерес к социальным функциям туризма проявляли различные политические силы дореволюционной России, именно большевики реализовали его системную идеологизацию. Этот процесс стал частью общей тенденции политизации социальных сфер – образования, здравоохранения и культуры.

Создание Общества пролетарского туризма (1928 г.) и последующая передача функций профсоюзам привели к монополизации отрасли. Это обеспечило экстенсивное развитие самой масштабной в мире бюджетной системы туризма, однако к концу периода исчерпало себя. Низкие цены при растущем спросе вызвали кризис доступности, потребовавший пересмотра социальных нормативов и перехода к следующему этапу.

Период административно-нормативного регулирования (1969-1990 гг.) продемонстрировал парадоксальную динамику: при формальном расширении системы социального туризма нарастало критическое отставание в качестве услуг от международных стандартов. Административные меры стимулирования, характерные для плановой экономики, не только не устраняли системные противоречия, но и усугубляли их. Однако анный этап имел и конструктивные результаты: активизацию научных исследований, становление рекреационного проектирования и формирование системы профессионального образования в туризме. К концу периода стало очевидно, что дальнейшее развитие отрасли требует перехода к экономическим механизмам регулирования, что и предопределило смену парадигмы.

В процессе трансформации российского туристского пространства после 1991 года можно выделить четыре хронологических периода, сформировавших современный облик отрасли:

- первый период (1991-1995) ознаменовался структурной перестройкой системы управления и массовым освоением международных туристских направлений российскими гражданами;

- второй период (1996-2014) характеризовался адаптацией зарубежного опыта для развития отечественного регионального туризма при сохранении высокой популярности зарубежных поездок;

- третий период (2014-2019) отмечен курсом на импортозамещение в условиях геополитической нестабильности и активной государственной поддержкой внутреннего туризма как фактора регионального развития.

- четвертый период (с 2020 года) связан с преодолением последствий пандемии COVID-19 и формированием новых моделей функционирования туриндустрии в постковидную эпоху.

Период с 1991 по 1995 годы стал временем кардинальных перемен в российском туризме. Профсоюзы, которые раньше организовывали большинство путешествий, потеряли свою главную роль. Государство почти перестало финанси-

ровать туристическую отрасль, и её развитие взяли в свои руки частные компании и инвесторы.

В это же время самодеятельный туризм (походы, самостоятельные путешествия) перестал активно развиваться. Главной причиной стало снижение доходов населения – у людей просто не оставалось денег на такой отдых. Государство больше не поддерживало это направление, и оно постепенно пришло в упадок.

В это же время в России произошли важные изменения: общество стало более открытым, границы открылись, люди начали привыкать к рыночной экономике. Это сразу отразилось на туризме: россияне стали активно выезжать за границу, а внутренний туризм почти перестал развиваться.

Цифры показывают явный перевес в сторону зарубежного отдыха. Количество выехавших из России туристов значительно превышало число приехавших иностранцев:

- в 1993 году – в 1,6 раза больше;
- в 1994 году – в 2,2 раза больше;
- в 1995 году – в 2,1 раза больше [10].

Такой разрыв явно показывал, что российские путешественники предпочитают зарубежные поездки отдыху внутри страны.

В начале 1990-х годов население России, ранее ограниченное рамками советского туристского пространства, массово обратилось к международному туризму. Этот процесс выявил существенное отставание отечественной туриндустрии в качестве услуг, организации и разнообразии предложения. В российском руководстве укреплялось понимание экономического потенциала туризма, однако существовал явный дисбаланс между богатым культурно-природным наследием страны и его слабым использованием. Отставание от западных стран объяснялось недостаточной туристской инфраструктурой и низким уровнем жизни населения.

Формирование системы государственного управления туризмом прошло несколько этапов:

- 1992 г. – взаимосвязь с культурой (впервые в истории страны было создано Министерство культуры и туризма);
- 1992-2000, 2008-2012 гг. – подчинение спортивным ведомствам;
- 2000-2004, 2018-2020 гг. – работа в структуре Минэкономразвития;
- 2004-2008 гг. и по настоящее время – прямое подчинение Правительству РФ (Ростуризм).

Ключевым событием конца XX века в сфере туристского образования стало открытие в 1995 году специализированного Университета туризма и сервиса, где впервые в России начала готовить специалистов по направлению «Туризм». Инициатива быстро получила распространение в высшей школе, вследствие чего соответствующие программы стали появляться даже в непрофильных вузах. Столь быстрое развитие образовательной инфраструктуры было обусловлено двумя факторами: практической потребностью отрасли в квалифицированных кадрах и высоким спросом со стороны абитуриентов, видевших в туриндустрии перспективную карьерную траекторию.

Переломным моментом стало принятие в 1996 году Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Данный акт не только систематизировал ключевые понятия отрасли и разграничил полномочия органов власти, но и законодательно закрепил статус туризма как приоритетной сферы экономики. Дальнейшее развитие правового поля продолжилось через принятие профильных нормативных актов, включая закон «Об объектах культурного наследия» (2002 г.) и целевую программу «Развитие внутреннего и выездного туризма» (2011-2018 гг.). Совокупность этих мер ознаменовала возобновление активной роли государства в регулировании туриндустрии и переход к стратегическому использованию рекреационного потенциала страны.

С 1996 года в структуре туристических потоков России наблюдается кардинальный перелом: въезд иностранных граждан начал устойчиво превышать выезд отечественных туристов. Статистические данные демонстрируют сохранение данной тенденции на протяжении трех лет – коэффициент превышения составил 1,3 в 1996 году, 1,6 в 1997 году и 1,4 в 1998 году.

Смена вектора миграционных потоков свидетельствует о преодолении первоначальной модели, характерной для начала 1990-х годов. Данная трансформация обусловлена комплексом экономических факторов: снижением платежеспособности российских граждан в условиях финансового кризиса и растущей привлекательностью России как направления для бюджетного туризма благодаря сохранявшемуся ценовому преимуществу.

Период с 2003 по 2014 год ознаменовался стремительной динамикой рынка туристских услуг, объем которых согласно официальной статистике вырос более чем в восемь раз. Данный количественный рост отражает структурные изменения в потребительском поведении, выразившиеся в устойчивом расширении спроса на туристский продукт.

На рубеже XXI века российский туризм претерпел качественные изменения, трансформировавшись в сферу частного предпринимательства.

Возникновение коммерческих туроператоров и гостиничных сетей стимулировало формирование комплексных туристских продуктов для внутреннего и выездного рынков.

Период 2003-2006 годов характеризуется всплеском научного интереса к туристской отрасли. Данный тренд стал ответом академического сообщества на потребности практики, испытывавшей дефицит теоретического осмысления.

Российский туристский рынок начал активно диверсифицироваться, предлагая новые форматы услуг. Значительно расширились возможности для индивидуальных путешественников – от семейного размещения до организации трансферов и аренды транспортных средств. Это ознаменовало переход от стандартизированного «казарменного туризма» советского периода к модели, где определяющим фактором стали личные предпочтения и финансовые возможности потребителя.

На туристском рынке сформировался устойчивый спрос на посещение объектов, обладающих уникальным историко-культурным и природным потенциалом. Параллельно расширялась сеть национальных парков, превысившая 50 территорий по всей стране. Статистическая значимость этих объектов подтверждается их непропорционально высоким вкладом в общие показатели посещаемости: занимая менее 5 % в структуре музейного фонда, они обеспечивают до 35 % всех музейных визитов в России [8].

Третий этап трансформации российского туризма (2014-2019 гг.) был обусловлен геополитическими изменениями, связанными с интеграцией Крыма и введением международных санкций. Сложившаяся внешнеполитическая ситуация активизировала процесс импортозамещения в туристской сфере, который стал ключевым драйвером развития внутренних маршрутов.

Государственная поддержка отразилась в реализации целевых программ, ориентированных на различные социальные группы, с особым акцентом на молодежный сегмент. Туризм был интегрирован в общегосударственную стратегию пространственного развития, что подтвердило его переход из социально-ориентированной сферы в инструмент региональной экономической политики [11].

Четвертый этап (с 2020 года) характеризуется адаптацией отрасли к условиям пандемии COVID-19. Глобальный кризис туриндустрии проявился в России через сокращение мобильности населения, закрытие международных границ и снижение платежеспособного спроса. Эти факторы обусловили трансформацию туризма в одну из наиболее пострадавших экономических сфер [2]. Пандемийные ограничения, с одной стороны, замедлили темпы развития отрасли и сократили участие граждан в туристской деятельности. С другой стороны, они стимулировали внедрение инновационных решений и создали потенциал для реализации отложенного потребительского спроса в посткризисный период [9].

Период с 2022 года ознаменовал наступление нового, пятого этапа в развитии российского туризма, который можно охарактеризовать как этап структурной переориентации в связи с проведением специальной военной операции.

Воздействие специальной военной операции на сферу туризма в России оказалось комплексным. Геополитическая напряженность и введение международных санкций привели к кардинальной переориентации всей отрасли. Российский туристический рынок, ранее активно интегрированный в глобальную индустрию, столкнулся с необходимостью стремительной адаптации к новым реалиям [3].

Наиболее заметным последствием стала практическая остановка международного туризма, создавшая беспрецедентные вызовы для турбизнеса. Это вызвало массовую переориентацию спроса на внутренние курорты, такие как Крым и Краснодарский край, которые столкнулись с резким ростом турпотока и недостаточностью инфраструктуры.

Качественные изменения затронули и структуру турпродукта. Наблюдается рост интереса к историко-патриотическим маршрутам, промышленному туризму и другим направлениям, позволяющим глубже познакомиться с национальным культурным наследием [1].

Выводы

Подводя итог, можно сделать вывод, что исторический путь российского туризма, от элитарных путешествий до массового советского туризма и вынужденной переориентации на внутренний рынок, всегда отражал социально-экономические и политические процессы в стране. Его дальнейшее развитие зависит от эффективного использования культурно-природного потенциала России и создания качественной туристской инфраструктуры.

Список источников

1. Акимова О.Е., Кожухова М.Т., Айбазова М.С. Развитие туризма в России на современном этапе: вызовы и перспективы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5, Экономика. 2025. № 1 (355). С. 17 – 27.
2. Башлыкова В.Д. Влияние пандемии Covid-19 на рынок туризма в России // Вестник науки. 2025. № 1 6 (87). С. 2241 – 2245.
3. Буторов С.А. Туризм в России на современном этапе: проблемы и перспективы // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2025. № 2 (57). С. 46 – 59.
4. Молчанов И.Н. Особенности управления развитием туризма в России // Лидерство и менеджмент. 2025. № 12 (5). С. 1311 – 1328.
5. Овчаров О.А., Махов С.Ю. История развития туризма в России // Наука-2020. 2017. № 3 (14). С. 108 – 115.
6. Попкова А.А. Третьякова О.В. Развитие внутреннего туризма в России: социальный аспект // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2025. № 18 (1). С. 76 – 88.
7. Смирнов С.Н. Состояние и перспективы развития туризма в Российской Федерации // Экономические и социальные проблемы России. 2023. № 4 (56). С. 48 – 65.
8. Шульгин П.М. Культурное наследие Российской Федерации: первый ежегодный государственный доклад // Россия и современный мир. 2013. № 3 (80). С. 197 – 208.
9. Шульгина О.В., Шульгина Д.П. Постсоветский период в истории развития туризма в России: кардинальные преобразования и особенности развития // Genesis: исторические исследования. 2023. № (3). С. 62 – 73.
10. Афанасьев О.Е., Бушуева И.В., Вапнярская О.И.; Энциклопедия туризма: монография / под общей ред. А.А. Федулина. М.: НП «КиТ»: ФГБОУ ВО «Российский гос. ун-т туризма и сервиса». 2017. 495 с.
11. Рейтинг субъектов Российской Федерации по развитию туризма. [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/dohody-gruzii-ot-turizma-v-2024g-vyrosli-na-7-3-do-rekordnyh-4-4-mlrd (дата обращения: 27.08.2025)

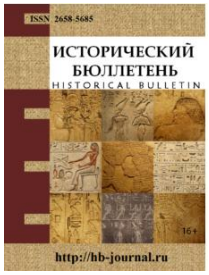
References

1. Akimova O.E., Kozhukhova M.T., Aybazova M.S. Tourism development in Russia at the present stage: challenges and prospects. Bulletin of Adyghe State University. Series 5, Economics. 2025. No. 1 (355). P. 17 – 27.
2. Bashlykova V.D. The impact of the Covid-19 pandemic on the tourism market in Russia. Science Bulletin. 2025. No. 1 6 (87). P. 2241 – 2245.
3. Butorov S.A. Tourism in Russia at the present stage: problems and prospects. Culture and education: scientific information journal of universities of culture and arts. 2025. No. 2 (57). P. 46 – 59.
4. Molchanov I.N. Features of tourism development management in Russia. Leadership and management. 2025. No. 12 (5). P. 1311 – 1328.
5. Ovcharov O.A., Makhov S.Yu. History of tourism development in Russia. Science-2020. 2017. No. 3 (14). P. 108 – 115.
6. Popkova A.A., Tretyakova O.V. Development of domestic tourism in Russia: social aspect. News of higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics. 2025. No. 18 (1). P. 76 – 88.
7. Smirnov S. N. State and prospects of tourism development in the Russian Federation. Economic and social problems of Russia. 2023. No. 4 (56). P. 48 – 65.
8. Shulgin P. M. Cultural Heritage of the Russian Federation: First Annual State Report. Russia and the Modern World. 2013. No. 3 (80). P. 197 – 208.
9. Shulgina O.V., Shulgina D.P. The Post-Soviet Period in the History of Tourism Development in Russia: Radical Transformations and Features of Development. Genesis: Historical Research. 2023. No. (3). P. 62 – 73.
10. Afanasyev O.E., Bushueva I.V., Vapnyarskaya O.I.; Encyclopedia of Tourism: Monograph. edited by A.A. Fedulin. Moscow: NP "KiT": FGBOU VO "Russian State University of Tourism and Service". 2017. 495 p.
11. Ranking of Subjects of the Russian Federation by Tourism Development. [Electronic resource]. URL: https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/dohody-gruzii-ot-turizma-v-2024g-vyrosli-na-7-3-do-rekordnyh-4-4-mlrd (date of access: 08.27.2025)

Информация об авторе

Карпов Д.В., аспирант, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, gaz_978@mail.ru

© Карпов Д.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 39; 98

К вопросу о письменных источниках изучения традиционного женского костюма жителей Калужской губернии

[1] Кузнецов А.Н.,
[1] Штепа А.В.,
[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: а данной статье отображено авторское понимание дошедших до наших дней письменных свидетельств, сохранившихся в виде публикаций в региональной прессе – «Калужских губернских ведомостях» середины XIX века, а также в ряде очерков этнографического характера, увидевших свет в 1920-1930-х гг., как своеобразного корпуса письменных источников, который позволяет проследить историю традиционного женского костюма жителей Калужской губернии XIX – первой трети XX века.

Привлекая материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева, а также труды М.Е. Шереметевой, Н.И. Лебедевой и Н.П. Гринковой авторы сосредотачивают внимание на систематизации сведений об эволюции локальных комплексов одежды и их ареалах. В статье показано, что что в сохранившихся письменных источниках зафиксированы не только состав и конструктивные особенности костюма, но и его социальные, обрядовые и этнокультурные функции, подчеркивается, что степень сохранности традиционной одежды коррелирует с культурной замкнутостью локальных групп (Гамаюнщина, Монастырщина, Полесье). Авторы приходят к убеждению о значимости письменных источников для реконструкции традиционных комплексов одежды, восстановления локальных норм бытования костюма и понимания культурной специфики населения Калужского края.

Ключевые слова: Калужская губерния, традиционный костюм, письменные источники, этнография, М.Е. Шереметева, Гринкова Н.П., Лебедева Н.И.

***Для цитирования**: Кузнецов А.Н., Штепа А.В. К вопросу о письменных источниках изучения традиционного женского костюма жителей Калужской губернии // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 268 – 279.*

Поступила в редакцию: 9 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

On the written sources for studying the traditional female costume of Kaluga Governorate inhabitants

[1] Kuznetsov A.N.,
[1] Shtepa A.V.,
[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: this article presents the authors' interpretation of extant written evidence preserved in the form of publications in the regional press – specifically, the Kaluga Governorate Gazette (Kaluzhskie Gubernskie Vedomosti) from the mid-19th century – as well as in a number of ethnographic essays published in the 1920s–1930s. These materials constitute a distinct corpus of written sources that allows tracing the history of the traditional fe-

male costume worn by inhabitants of the Kaluga Governorate from the 19th century to the first third of the 20th century.

In their research, the authors draw on materials from Prince V.N. Tenishev's Ethnographic Bureau, along with scholarly works by M.E. Sheremeteva, N.I. Lebedeva, and N.P. Grinkova. The focus is placed on systematizing data concerning the evolution of local clothing complexes and their geographic distribution. The study demonstrates that the surviving written sources document not only the composition and structural features of the costume but also its social, ritual, and ethnocultural functions. Furthermore, the research emphasizes that the degree of preservation of traditional clothing correlates with the cultural isolation of local groups, including the Gamayunshchina, Monastyrshchina, and Polesie communities. Based on their analysis, the authors conclude that written sources are of crucial importance for reconstructing traditional clothing complexes, restoring local norms of costume usage, and deepening the understanding of the cultural specificity of the population of the Kaluga region.

Keywords: Kaluga province; traditional costume, written sources, ethnography, M.E. Sheremeteva, Grinkova N.P.; Lebedeva N.I.

***For citation**: Kuznetsov A.N., Shtepa A.V. On the written sources for studying the traditional female costume of Kaluga Governorate inhabitants. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 268 – 279.*

The article was submitted: September 9, 2025; Approved after reviewing: November 7, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Народный костюм – это самый яркий элемент традиционной культуры, квинтэссенция эстетических представлений населения. При этом костюм является бесценным историческим источником. Народная одежда содержит информацию об этногенезе населения; о половозрастной и социальной стратификации общества; о ремесле и быте народа. Наконец, традиционный костюм отражает обряды и мифологию наших предков. Научная ценность традиционного костюма жителей Калужского края заключается в том, что он является одним из самых архаичных костюмов русского народа, который к концу XIX века сохранился в основном в западной и юго-западной части Калужской губернии, где проживало более трети населения губернии. Его своеобразие и отличие от костюмов соседних регионов, говорят о локальной этнокультурной традиции, которая сформировалась под влиянием особенностей исторического пути развития населения Калужского края.

Материалы и методы исследований

Выбор методологии исследования, имеющий этнографический характер определяется не только специфика самой дисциплины и поставленными задачами, но и возможностью источниковой базы. Комплекс источников по изучению традиционного женского костюма крестьянок Калужской губернии в настоящее время можно разделить на четыре основные группы. К первой группе относятся материальные источники, которые представляют собой фонды текстиля музеев, домов культуры, фольклорных коллективов и частных коллекционеров. Вторая группа представляет собой письменные источники. Так как в официальных документах упоминание калужского костюма практически не отражено, то единственными доступными источниками являются заметками краеведов и этнографические очерки. К третей группе относятся устные источники, записанные на диктофон, видеокамеру или письменно. Как правило такие интервью взяты у носителей народной культуры. Четвёртую группу составляют рисунки, фото и видеоматериалы, особенную ценность представляют те, что зафиксировали костюм в период его бытования.

Без описания бытования того или иного комплекса одежды, многие предметы были бы не понятны, а некоторые важные элементы могли быть не приняты во внимание. Поэтому в данной статье внимание будет обращено на сохранившиеся письменные свидетельства, анализ которых и планируется провести. В статье применялись общенаучные и специальные методы позволяющие обобщить и систематизировать полученную информацию.

Важное значение имеет историко-генетический метод, позволяющий исследователям проследить и объяснить изменения, происходящие в народном калужском костюме с конца XIX до 1930-х гг., что способствовало разработке классификации комплексов одежды по времени бытования. Метод сравнительного анализа необходим для атрибуции и верификации предметов традиционного костюма.

Результаты и обсуждения

Хронологически письменные свидетельства по исследуемой теме по мере их возникновения можно разделить на дореволюционные и советские. По принципу происхождения, основная масса как дореволюционных, так и ранних советских источников относиться к источникам личного происхож-

дения, которые обобщённо можно охарактеризовать как мемуары. Как правило это этнографические очерки отражающие личные впечатления авторов, которые целенаправленно или случайно наблюдали бытование народной одежды и зафиксировали свои воспоминания на бумаге. Более ценные источники отражают результаты полевых экспедиций, целенаправленно исследовавших традиционный костюм в той или иной местности Калужской губернии.

Самое раннее описание традиционного костюма калужских крестьян встречается в краеведческих заметках, опубликованных в неофициальной части газеты «Калужские губернские ведомости» (далее – «КГВ»). Особенно ценны статьи таких авторов как П. Ляметри [7], А. Толмачева [13], датируемые серединой и второй половиной XIX века (см. Приложение 1). Более подробно останавливается на описании народного костюма Г. Потанин в статье «Гамаюнщина» [9], где описывает хозяйственную замкнутость деревень Гамаюнской вотчины, (ныне – Правобережье г. Калуги) живущей натуральным хозяйством. Г. Потанин приводит слова глубоких старух о том, что на их памяти женский костюм не претерпел никаких изменений. «В одежде, как я уже сказал, гамаюнские крепко держаться старины, и не знают моды» [9, с. 241]. Автором описан костюм Гамаюнщины состоявший из сарафана-китайки, который, как выяснилось, шили в Калуге, занавески и конструкция кички, которая дополнялась поднизью и подзатыленем. Г. Потанин сообщает, что кички носят мистически-обрядовое значение для замужних женщин и в его время одевались только по праздникам, хотя раньше их носили ежедневно. Значительный интерес представляет сравнения сообщения Г. Потанина 1861 г. и исследование одежды этого же района М.Е. Шереметевой в 1925 году. Больших изменений в традиционном костюме Гамаюнщины за 64 года не произошло, что наводит на мысль о важном этноопределяющем значении костюма для замкнутых локальных групп.

Очерки краеведов середины XIX в., в которых упоминается традиционный костюм в основном посвящены свадебному обряду. Помимо краткого упоминания одежды жениха и невесты, в них перечисляются предметы одежды в составе так называемой «кладки», которые невестина родня выговаривала у жениха. Среди прочего мы узнаем о том, что традиционными подарками родни жениха невесте, должны были быть: шуба, сапоги или коты, чулки. Подробно о покупке женихом дорогой одежды для невесты рассказывает М.Е. Шереметева в работе 1928 г. «Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда» [19].

Источников, отразивших целенаправленное исследование крестьянского костюма Калужской губернии в период до 1917 г. не много. Один из них это статья этнографа Е.Н. Елеонской «Женский костюм в пригородных деревнях г. Козельска» напечатанная в 1908 г. в журнале «Этнографическое обозрение» [2]. Е.Н. Елеонская известна своими работами, посвящёнными фольклору и сказкам. По материалам исследования Калужской губернии она опубликовала в 1912 г. работу, раскрывающую архаичный обряд «Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях» [3]. Описывая понёвный комплекс с занавеской д. Дешёвки Козельского уезда, Е.Н. Елеонская подчёркивает дифференциацию украшения понёв по степени праздничности и указывает способ их ношения. Подробно описан сложный головной убор понёвного комплекса, приведено интересное наблюдение, относящиеся к влиянию городской культуры на крестьянский костюм, показан процесс вытеснения домотканых материалов покупными, в первую очередь крашенными ситцами. Цветные ситцы и кумачи заменяли на рубахе и занавеске трудоемкую вышивку и бранные узоры, а иногда и полностью верх рубахи. Е.Н. Елеонская указывает, что крестьяне, побывавшие в отхожих промыслах, насмешливо относятся к традиционному костюму с понёвой.

Другим дореволюционным источником выступают труды «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева, информация для которых была собрана с 1899 по 1901 год. Изданные впервые в 2005 г. в 8-ми томах «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы, материалы представляют собой ответы корреспондентов «Этнографического бюро» из великорусских губерний на специально составленную анкету. Как правило корреспонденты бюро были представителями деревенской интеллигенции, собиравшими информацию согласно анкете, состоявшей более чем из 1000 вопросов. Корреспонденты описывали жизнь и быт крестьян своей местности. Достаточно часто они упоминали имена, прозвища и фамилии тех крестьян, жизнь которых они описывали. Третий том издания посвящён ответам корреспондентов из Калужской губернии [10]. Из 17 корреспондентов Калужской губернии пятеро ответили на вопрос анкеты касающейся народной одежды.

Более полно описан праздничный костюм Грибовской волости Жиздринского уезда (ныне с. Мокрое Куйбышевского района Калужской области). Корреспондент М.И. Зорина делает детальное описание понёвного комплекса, подробно описывая такой сложносоставной головной убор как кичка. Особенный интерес представляет ука-

зание корреспондента на то, что описанный костюм начинает встречаться сразу по пересечении границы Смоленской и Калужской губерний в районе указанной описываемой волости, что даёт нам основание наметить западную границу бытования понёвного комплекса с кичкой. Описание состава кички верифицируется сообщением Н. Лебедевой спустя 25 лет из соседних волостей Жиздринского уезда. Сестра М.И. Зориной В.И. Зорина также описывает кички указанной волости, вышитые шерстью и украшенные блестками и мишурой, которые в этот период заменялись на кички из позумента. При том что в соседней Бутчинской волости (ныне пос. Бетлица Куйбышевского района) продолжали бытовать вышитые кички. В.И. Зорина это объясняет тем, что у женщин Бутчинской волости мало поденщины, и им не на что покупать себе наряды. Эта информация объясняет единовременное бытование архаичных комплексов народной одежды по соседству с более современными вариантами. Экономические возможности крестьян являлись значительным тормозом проникновения новых веяний в традиционный костюм.

Также ответы на вопрос анкеты о местной крестьянской одежде прислали корреспонденты из Медынского, Калужского и Мещовского уездов. В своих отчётах они не упоминают старинных форм одежды. Только в сообщении из Мещовского уезда корреспондент сообщает, что по самым большим праздникам женщины надевают «Наколку» – старинный головной убор похожий на кокошник и кичку. Корреспонденты описываемых уездов в один голос говорят об огромном влиянии на местный костюм городской моды, привносимой в деревню отходниками. «Девушки и молодые женщины с недавнего времени начали употреблять душистое мыло, класть на лицо пудру и румяна, иные стали выходить на гулянье с солнечными зонтиками больших размеров» [10, с. 436]. Ещё более городским описывается мужской костюм, в котором редкие элементы традиционной одежды, такие как синие или набивные домотканые порты, сохранились только в рабочем варианте костюма. Мужской праздничный костюм по описанию корреспондентов полностью соответствовал последней городской моде: порты из покупного материала, нанковая или суконная жилетка с свисающей цепочкой для часов, из-под неё кумачная или ситцевая рубаха, картуз с блестящим козырьком, лакированные сапоги или резиновые калоши, которые одевали даже в сухую погоду. Интересно замечания корреспондента «Этнографического бюро» из с. Сугоново Калужского уезда (ныне Ферзиковский район) о набоечном деле. Описывая синий набивной домотканый сарафан с мелким желтым рисунком как будничную женскую одежду, автор сообщает, что набивным делом всегда занимались пришлые мастера, и набойка стремительно выходит из моды [10, с. 302].

Комплексные и целенаправленные исследования традиционной культуры были предприняты в середине 1920-х гг. Этот период можно назвать расцветом советской этнографии и краеведения. Этнографов 1920-х гг. отличал комплексный подход в этнографических исследованиях. Основным способом сбора информации были полевые экспедиции. Цели исследования сводились к сбору информации, объясняющей формирование крупнейших этносов на территории Восточно-европейской равнины. В Калужском крае в этот период проводили свои исследование такие молодые учёные как М.Е. Шереметева, Н. Лебедева, Н. Гринкова.

Мария Евгеньевна Шереметева (26.10.1886 – 05.04.1963) окончила высшие женские Бестужевские курсы, прошла стажировку в Оксфорде. Семья М.Е. Шереметевой каждое лето проводила в родовом имении недалеко от г. Юхнов. В 1921 г. М.Е. Шереметева поступает на работу в Калужский краеведческий музей. В 1920–1930-х гг. было опубликовано около 20 работ исследователя, посвящённых народной культуре Калужского края [11, с. 310]. В 1925 г. Калужское общество истории и древности начало исследовать район Гамаюнщины – ряд населённых пунктов на правом берегу Оки, напротив города Калуги. Целью исследования были: жилище, хозяйство, быт, одежда, пища, праздники и суеверия. За 1925 г. было осуществлено 27 поездок, в которых были собраны предметы народного текстиля для коллекции музея. По результатам экспедиций М.Е. Шереметева опубликовала работу «Крестьянская одежда Калужской гамаюнщины» [15]. С 1926 г. М.Е. Шереметева изучает обряды Гамаюнщины и публикует работу «Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда» [19]. В 1927 и 1928 годах она проводит полевые экспедиции в бывшие Перемышльский, Козельский и Лихвинский уезды. По результату этих поездок для музея было приобретено 130 предметов и опубликованы работы: «Женская одежда в бывшем Перемышльском уезде Калужской губернии» [14], «Набивание холста в Калужском крае» [17]. Работа «Масленица в Калужском края» [16], написанная по результатам этих экспедиций выходит только в 1936 году. Все статьи исследователя сопровождается фотографиями, сделанными во время экспедиций. С 1930 г. Калужский музей был вынужден больше заниматься полит-просветительной деятельностью вместо исследовательской. Для М.Е. Шереметевой единственной формой

публикации своих этнографических статей, вплоть до 1945 г., стала периодическая пресса. Г.Б. Сафоновой удалось выявить 32 статьи М.Е. Шереметевой изданные в калужских газетах в период с 1937 по 1945 год [11, с. 310], а также 217 предметов из коллекции Калужского объединённого музея заповедника принадлежащие сбору М.Е. Шереметевой.

Особенно ценными источниками для нашего исследования являются работы М.Е. Шереметевой посвящённые традиционной крестьянской одежде. Этнографический очерк «Крестьянская одежда Калужской гамаюнщины» [14] описывает бытование в Гамаюнщине комплекса с косоклинным сарафаном. Хотя М.Е. Шереметева и повторяет выводы Д.К. Зеленина [4] о том, что сарафан не является исконным калужским костюмом, она сообщает, что понёву в Гамаюнщине не помнили даже 90-летние старухи «у нашего барина понёвы ни в одной деревне не носили … у нашего барина носили сарафаны да кички» [15, с. 10]. При этом сами крестьяне сарафан не изготавливали, а отдавали шить в Девичий Казанский монастырь в Калуге. М.Е. Шереметева отмечает, что кички носить уже бросили, но при этом продолжают одевать по большим праздникам сороку «золотную» – нарядный чехол от кички, покрывая ее шалью концами назад, а девицы отпарывают «золотный» околыш от сороки и делают из него повязку. Также исследователь сообщает о проникновении в Гамаюнщину в недавнем времени прямого сарафана-«шубки» из покупного материала. Особенное внимание автор уделила обрядовой одежде, которая исчезала быстрее бытовой.

В своей работе М.Е. Шереметева пытается реконструировать бытование старинного костюма, многие предметы которого постепенно вытесняются более современными или просто исчезают из быта. Она ставит перед собой задачу проследить изменения в традиционном костюме, влияние на него из вне, его эволюцию и приходит к выводу о том, что «в XVIII веке древний боярский костюм перешёл в народную среду и сохранился в ней в качестве торжественных, праздничных одежд» [14, с. 28]. Факты такого заимствования автор приводит на примере набойки холста, золотного шитья, а вышивку калужского орнамента в виде павлинов с хвостом в форме ёлочки и коней с процветшими хвостами относит к отражению узоров XVII века. Вызывает любопытство сравнение М.Е. Шереметевой головных уборов Гамаюнщины и мордвы. Действительно кичка с сорокой гамаюнок очень схожа с головным убором мокши, как по форме, так и по цвету и оформлению. Так как головной убор до промышленного переворота был очень устойчивым элементом одежды, можно констатировать безусловную культурную связь крестьян Гамаюнщины с мокшей. Но для подтверждения этой гипотезы необходимо провести специальное исследование.

Другая работа М.Е. Шереметевой «Женская одежда в бывшем Перемышльском уезде Калужской губернии» [13] была посвящена костюму крестьян Монастырщины б. Перемышльского уезда. В отличие от барских (когда-то владельческих) крестьян Гамаюнщины, крестьяне исследуемого района в прошлом принадлежали ряду местных монастырей, от чего и получили своё название. После секуляризации церковных земель бывшие монастырские крестьяне попали под контроль Коллегии экономии синодального правления, получив статус «экономических», стали лично свободными и платили подати только государству. Владельческие же крестьяне до отмены крепостного права, помимо податей, не менее половины недели отрабатывали барщину, и считались беднее «экономических». Исконный комплекс одежды исследованной местности состоял из понёвы, рубахи, «вислой» занавески и рогатой кички. Вызывает удивление сообщение М.Е. Шереметевой о том, что параллельно с понёвой в Монастырщине бытовал косоклинный сарафан, как праздничная одежда. Причём время его появления местные жители не помнят. Это был архаичный распашной сарафан, встретить такой даже в конце XIX в. было практически негде. М.Е. Шереметева выяснила, что в Монастырщине рубаха бытовала с прямыми поликами, такая же, как и в Гамаюнщине, но помимо кроя с подставой здесь шили и «суцельные» (цельнокроеные) рубахи. Рубаху архаичного типа «со спусками» (рубахи с косыми поликами) бытовавших в соседних Лихвинском и Козельском уездах информанты исследователя не помнили. Понёвы Монастырщины значительно отличались от соседних районов, они делались на подкладке из набивного холста и имели сзади широкую парчёвую прошву. С таким украсом длина «добрых» понёв доходила до 2,3 метров и часто гофрировалась. Описания понёв подобной длины не в одном районе Калужской губернии не встречается. М.Е. Шереметева сделала важное наблюдение, что отделка понёв в каждой местности одинакова до мелочей. По её мнению, это говорит об устойчивом характере украса понёвы в традиционном костюме, что можно использовать в качестве маркёра при атрибуции традиционных комплексов одежды региона. М.Е. Шереметева подробно останавливается на описании сложносоставного головного убора, состоящего из 6-8 предметов, отличительными чертами которого были рогатая кичка и

увязка в виде 16 шелковых шнуров с кистями длиною 40 см. Во время экспедиции М.Е. Шереметевой в деревни Монастырщины оставалось не много крестьянок, умеющих правильно одеть этот убор, а тех, кто умел называли «Уборщицы», а рогатую кичку одевали только на большие праздники и после венчания. Если в деревне не оставалось рогатой кички, то сваха ездила просить «рога» для молодой в другую деревню. М.Е. Шереметева выяснила, что рогатые кички встречались ещё в Лихвинском уезде. На остальных территориях, окружающих Монастырщину, головные уборы тоже носили названия «рога» или «роги», при этом фактическую рогатость утратили.

Из обрядовой одежды М.Е. Шереметева упоминает ещё венчальную тельную белую рубаху с узкими «долгими» рукавами, которую одевали задом наперёд под вторую рубаху. Заканчивал убранство невесты сарафан «китайка» и вислая занавеска с белыми вырезами-перевитью. Интересно, что перед венчанием невесте полностью покрывали голову и лицо до губ кисеей, раскрывая только после первой брачной ночи. Праздничный наряд с понёвой и вислой занавеской невеста одевала только после свадьбы, чаще всего через несколько дней.

М.Е. Шереметева указывает границу локальных традиций одежды Монастырщины. На западе до станции Бобынино, на юго-востоке до границы с Лихвинском уездом, где бытовала рубаха «со спусками» и другой тип понёвы – круглой с прошвой или распашной с боковым разрезом. На севере до Воротынска носили лопатообразную кичку и понёву с боковым разрезом. Для лучшего понимания границ локальной культуры Монастырщины необходимо обратить внимание на своеобразный говор местных крестьян приведённый М.Е. Шереметевой, который значительно отличается от говора соседней Гамаюнщины а также от говора Лихвинского уезда. По мнению М.Е. Шереметевой на костюм Монастырщины, при всём его внешнем южнорусском характере оказала влияние северновеликорусская традиция. Это выражено в бытовании старинной формы косоклинного сарафана на ровне с понёвой и в крое рубахи с прямыми поликами.

Статья «Производство набойки в с. Перемышль Калужского уезда» [17] освещает историю возникновения и функционирования набоечной мастерской в г. Перемышле, организованной в середине XIX века переселенцем из Тверской губернии. Набойка не являлась традиционным промыслом в южнорусских губерниях, и в Калужской, в частности. Но с появлением набоечной мастерской, набойка заняла определённое место в традиционном костюме Перемышльского уезда. Её появление свидетельствует о механизме влияния привнесенной моды на локальные традиции.

Наталья Ивановна Лебедева (1894-1978) выдающейся советский этнограф, стоявшая у истоков создания новой методологии и методики этнографии. С 1922 по 1931 год она работала в центральном музее народоведения (бывший Румянцевский музей), по направлению которого провела полевые экспедиции в Рязанской, Московской, Тульской, Калужской, Псковской, Новгородской, Смоленской губерниях и в Белоруссии.

Для нашего исследования важное значение имеет монография «Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки...» опубликованная в 1927 г. по результатам экспедиций в Калужскую, Брянскую и Смоленскую губернии [5]. Работу сопровождают 117 изображений, включающих фотографии, рисунки и схемы предметов одежды. Основной целью экспедиций было исследования материальной культуры территориально замкнутых малых этнических групп. В процессе экспедиций Н.И Лебедева собирала материал для Государственного музея этнографии народов СССР, Государственного Русского музея и многих других. Направляясь в Калужскую (упразднена в 1929 г.) и Брянскую губернии (существовала в 1920 – 1922 гг.), она в первую очередь шла в Орловско-Калужское «Полесье», для изучения полехов – жителей лесных территорий этих губерний. Два основных вопроса поставленных исследователем были следующие: границы территории полехов и их отличительные этнокультурные черты, для чего Н.И Лебедевой было намечено обследование огромной территории, состоящей из бывших Лихвинского, Козельского, Мосальского и Жиздринского уездов Калужской губернии и бывших Брянского, Карачевского, Трубчевского и Севского уездов Орловской губернии. Так как охватить всю территорию было сложно, исследователь по предварительной рекогносцировке выясняла районы с однотипными сёлами и выбирала для стационарного посещения самые глухие из них. Хотя работа носит в целом обзорный характер, в ней встречаются конкретные описания предметов некоторых населённых пунктов. Структура монографии построена на последовательном описании элементов, составляющих костюм, начиная от рубахи и заканчивая головным убором и украшениями. Описывая предметы одежды Н.И. Лебедева приводит примеры из различных районов исследованной территории.

Н.И. Лебедева выделяет четыре основных типа рубахи: туникообразная бесполиковая (старушечья), с косыми поликами (со спусками), и рубахи с

прямыми поликами и без полик из покупного материала, как привнесённые на эту территорию. Отдельно автор отмечает, как позднее наслоение, появление подставы, цельного рукава и короткой рубахи манишки. Лебедева выделяет особый, калужский тип рубахи, характеризующейся кроем из четырёх полотен, соединительные швы которых симметрично расположены по центру спереди и сзади стана, и по бокам. Древнейшим местным типом она считает рубаху с косыми поликами «со спусками». На рубахах б. Бутчинской волости Жиздринского, а с 1922 г. Бежецкого уезда (ныне – Куйбышевский р-н) Лебедева подчёркивает наличие «росшвы» архаичного украшения недошитого центрального шва на подоле с помощью вышивки. Автор указывает на аналогию такого приёма в рубахах северных районов Смоленской губернии, приводя пример древнерусских и мордовских рубах с таким украсом. Отличие женских и девичьих рубах автор находит в оформлении подола.

Понёвы Н.И. Лебедева делит на два основных типа: распашную и с прошвой. В распашной поневе (разнополке) боковые полотна (полки) не сшиваются между собой открывая переднюю часть рубахи. Носят такие понёвы «распустивши» и «подтыкавши», когда одну или обе боковые полки подтыкают за пояс. В некоторых района понёвы укрощали с изнанки, специально, чтобы носить с подтыком. Как исключение, Лебедева указывает способ одевания распашной понёвы на правый бок в д. Добужа (современный Барятинский р-н). Бытование распашных понёв Лебедева отмечает на всей исследованной территории Калужской губернии за исключением населённых пунктов, граничащих с Тульской губернией, где встречается только поневы второго типа, «круглые» с синей прошвой. По цвету понёвы Калужской губернии Лебедева разделяет на синие и чёрные, считая последние более архаичными, особенно понёвы сёл Бояновичи и Подбужье Хвостовического района (б. Жиздринский уезд). Также Лебедева приводит пример принципа украшения праздничных «духовских» понёв в различных районах калужского региона. Значительное внимание Лебедева уделяет моменту, при котором понёву одевали в первый раз, в период полового созревания девушки. Лебедева застала бытование такого обряда только на территории современного Куйбышевского района Калужской области. В таком случае надевали праздничную «духовскую» понёву на Пасху или Троицу, как идти к обедне. В остальных местах понёву одевали девушке непосредственно перед свадьбой. Там, где понёва недавно была замещена сарафаном, её одевали перед свадьбой под сарафан. При этом сам обряд во всех приведённых случаях был однотипен. «Девка прыгала по лавке, а мать говорила: прынь, прынь моя дитятко в вечный хомут». «Хочу прыну, хочу нет» – отвечала девушка и так до трёх раз [5, с. 47]. Автор делает вывод об обрядовой функции понёвы, как основной, с чем и связывает её консерватизм.

В разделе сарафанов Н.И. Лебедева приводит три основных типа бытовавших на исследованной территории. Старинный косоклинный сарафан бытовал в Гамаюнщине, в пригороде Сухиничи, в Перемышльском районе. А также в местах компактного проживания староверов на территории современного Ульяновского и Кировского районов Калужской области. Ситцевый прямой сарафан «шубка», является нововведением и проникает практически во все районы, в которых он заменяет как косоклинные сарафаны, так и понёвы. Третий тип представляет собой юбку, соединённую с лифом на лямках или с плечиками. Этот сарафан характерен для большей части Смоленского региона, в Калужский он проник только в современный Куйбышевский район (б. Жиздринский и Мосальский уезды) из соседнего Рославльского района Смоленской области, как новая форма, заменяющая понёву.

Отдельный раздел посвящён нагрудникам. Бытование этого предмета под названием костолан Н.И Лебедева встречает в основном только на территории современного Кировского района (б. Жиздринский уезд) в определенном кругу деревень, перечень которых она приводит. Этот нагрудник изготавливался из рядного холста, тканного на 4 подножках. Носили его и женщины, и девушки. В с. Слобода Хвастовичского района она описывает похожий нагрудник под названием шушпан. О бытовании нагрудников в других районах исследователь приводит только воспоминания старух.

Классифицируя передники, Н.И Лебедева выделяет: шушман, запон-занавеску и завеску. Шушман самый архаичный тип передника, отмеченный автором только у старух с. Пеневичи Хвостовичского района. По её мнению, основанному на расспросе старух, шушман являлся прототипом всех запонов и занавесок, бытовавших на исследованной территории. Самый архаичный тип такого передника она встретила в с. Бояновичи Хвостовичского района. Праздничные занавески имели рукава. На территории современного Барятинского района Н.И. Лебедева отмечает использование клетчатой домотканой пестряди для изготовления занавесок с рукавами. В деревнях Кировского района, где бытовал костолан, занавески не носили. Излюбленным украшением занавесок была прош-

вы вышитые цветной перевитью (вырезы).

Головные уборы Лебедева подразделяет на девичьи и женские. К девичьим она относит: обруч, налобник, тканка, подпластик, чехры, полотенчатый головной убор. Самым старинным она считает обруч, изготавливавшийся из обшитого и украшенного лубяного кольца. Некоторые элементы девичьих головных уборов затем перешли в женские после замужества. Из женских головных уборов, помимо полотенчатых, Н.И. Лебедева подробно описывает состав кичкообразных головных уборов исследованной местности. В нескольких сёлах исследователь ещё застала их бытование. По её мнению, все типы кичек, которые сохранили на исследованной территории название «рога», или «роги», когда-то действительно были рогатыми.

На протяжении всей работы Н.И Лебедева регулярно проводит сравнение исследованных предметов одежды, элементов быта и говора с соседними регионами, намечая границы распространения культурного влияния тех или иных групп населения. Эти выводы Н.И Лебедевой помогают и сегодня в составлении карты локальных традиций калужского костюма.

Интерес для исследуемой темы представляет статья Н.П. Гринковой «Одежда западной части Калужской губернии» [1], написанная по результатам экспедиции 1924 года. В эти годы Н.П. Гринкова, ученица А.А. Шахматова и Д.А. Золотарёва, была сотрудником Этнографического отдела Государственного Русского музея (ЭО ГРМ) и преподавала диалектологию в Педагогическом и Географическом институтах. В 1920-е гг. Н.П. Гринкова принимала активное участие в многочисленных экспедициях, в том числе в Калужскую и Брянскую губернии, в которых совместно с коллегой Е. Э. Бломквист исследовала и приобретала предметы «живого быта» для ЭО ГРМ. В экспедиции Н.П. Гринкова изучала традиционную калужскую одежду трёх крупных сёл и окружающих их деревень в северо-западной части Калужской губернии: с. Милятино, с. Шемелинки б. Мосальского уезда (современный Барятинский р-н) и с. Дуброво б. Жиздринского уезда (современный Кировский р-н).

Н.П. Гринкова указывает на отличия девичей и женской рубахи. В девичей рубахе, подол чаще вышивается крестиком, а в женской украшается тканной «перетыкой». На рубахах Жиздринского уезда у замужних украшается только подол передних двух полотнищ, в отличие от девичьих, в которых вышивка идёт по кругу подола. В старушечьих рубахах подол не украшается. Автор приводит пояснение местных жителей о том, почему они носят рубаху с выпущенной из-под опояски большой пазухой: «бис пазухи никрасива, а с пазухой красивёй, чилавек круглее» [1, с. 20].

Пересмотрев большое количество понёв в районах исследования, Н.П. Гринкова делает вывод о том, что все они однотипны как по форме, так и по структуре украшения. В старину местные понёвы окрашивали в синий цвет, чёрные появились только после войны, из-за отсутствия красителей. Н.П. Гринкова классифицирует понёвы по степени украса на будничные и «наряженные». Значительное отличие имеют понёвы в районе с. Мелятино. По информации исследователя, местные жители покупают их в Спас-Деменщине у женщин, которые перестали их носить. Также она отмечает, что в с. Милятино в отличие от двух остальных исследованных района, не известен такой предмет одежды, как костолан.

Костолан, он же нос***о***в, сукня, представляет собой просторную одежду с укорочёнными рукавами и длинною до колен, которую носят поверх рубахи. В деревнях Большие и Малые Савки Н.П. Гринкова зафиксировала более узкий и длинный костолан, похожий на рубаху. Как на ближайший по территории бытования аналог такого предмета одежды, исследователь указывает на нос***о***в Духовщинского уезда Смоленской губернии. Со слов автора, без костоланов на улице могут появляться только девочки, девушки и женщины без него не выходят. Праздничные костоланы обильно украшают от пояса до подола. Ворот и рукава обшикают красным кумачом или ситцем. Подпоясывали костолан плетённым пояском красно-зелёного цвета. На смену костолану на исследуемой территории приходит такой предмет как занавеска-передник, одеваемый через голову. По наблюдениям Н.П. Гринковой параллельно с занавеской в моду входит сарафан, представляющий из себя юбку, собранную и пришитую к широкому поясу с лямками на плечах.

Из верхней одежды исследователь описывает суконный «коротыш» длиною до колен с неразрезной спинкой и фалдами по бокам. Зимние шубы из овчины кроят также как «коротыш». Более модная форма верхней одежды называется поддёвка и шьётся с отрезной спинкой и сборами на спине ниже пояса.

Головной убор описываемой местности представляет собой повойник с твёрдым очельем, украшенным нашитыми бусами, блёстками и стеклянными пуговицами. На повойник повязывают ситцевые платки преимущественно красных оттенков. Кички по информации респондентов Н.П. Гринковой носили только их матери.

Основными шейными украшениями на исследуемой территории являлись «карали» – дутые разноцветные бусы из тонкого стекла. При том, что в соседних районах, по сведениям Н.П. Гринковой носят длинные гайтаны и «жерелки» из бисера. Также, автор приводит интересные сведения о широком распространении у девушек и женщин простых серебряных и медных колец, которые носили на всех пальцах рук кроме большого по несколько штук на каждом.

Лапти, основную обувь исследуемой местности, Гринкова подразделяет на будничные и праздничные. Праздничные лапти – «писанные» отличаются мелким плетением головки из красного или коричневого лыка. Онучи накручивают по несколько штук, чтобы нога казалась толще. Подвязывают лапти к ноге чёрными плетёнными оборами – «дорганцами».

Выводы

Подводя итоги анализа письменных этнографических источников, можно сделать несколько выводов. Авторы подавляющего большинства дореволюционных источников делают акцент на том, что старинный костюм теперь редкость и встретить его можно только в глухих уголках. А первые исследователи советской эпохи, чьи экспедиции пришлись на середину 1920-х гг., напротив, указывают на удивительную сохранность старинной одежды в калужском регионе. Рассматривая географию экспедиций первых советских этнографов, мы видим не только самые глухие уголки, но и территории, прилегающие к развитым промышленным центрам. Напрашивается вывод о том, что самые архаичные формы традиционной одежды сохранились на территориях, которые заселяли малые локальные группы. Культурная обособленность и относительная закрытость от окружающего мира способствовали консервации местных традиций. В Полесье, Гамаюнщине и Монастырщине старинный костюм продолжал бытовать ещё в 1920-х гг., хотя и испытывал значительное влияние общекультурных тенденций извне.

Таблица 1

Список письменных источников, зафиксировавших бытование традиционного костюма в Калужской губернии (1851-1927 гг.).

Table 1

List of written sources documenting the existence of traditional costume in the Kaluga province (1851-1927).

Исследователь и год публикации	Районы исследования	Библиографическая ссылка	Информация для использования в рамках этнографического проекта
Неизвестный автор 1851 год	б. Мосальский у., сельцо Петроселье (ныне д. Петроселье Куйбышевского р-на)	Свадьба в сельце Петроселье Мосальском уезда // КГВ. 1851. Неоф. ч. №№. 42, 43.	Описание одевания понёвы на невесту сразу после сватовства, подарок женихом «писанных» лаптей невесте и убирание невесты в кичку на паперти церкви после венчания.
Ляметри П. 1855 год	б. Мещовский уезд	Ляметри П. Свадьбы крестьян Мещовского уезда // КГВ. 1855. Неоф. ч. №№. 47, 48, 50.	Описание того, как невеста просит подвенечный наряд для венчания у жительницы села, считающейся счастливой в браке. Обряд покрывания головы и лица невесты полотенцем.
Толмачева А. 1860 год	б. Малоярославецкий уезд	Толмачева А. Крестьянская свадьба в Малоярославецком уезде // КГВ. 1860. Неоф. ч. № 20.	Описание «кладки», своеобразного выкупа за невесту перед сговором. Традиция вытья невесты. Благословление и продажа косы в день венчания. Одевание повойника на невесту после венчания около церкви.
Потанин Г. 1863 год	б. Калужский уезд, район Гамаюнщины (Правый берег г. Калуги)	Потанин Г. Гамаюнщина // Памятная книжка Калужской губернии. Калуга, 1863. С. 233 – 245.	Описание костюма деревень Гамаюнщины в пригороде Калуги состоявшего из сарафана-китайки, занавески и кички. Кичку описывает подробно.
Попроцкий М. 1864 год	б. Тарусский уезд	Попроцкий М. Свадьба в Тарусском уезде // Материалы для географии и статистики России. Калужская губ. Ч. 2. СПб., 1864. С. 180 – 181.	Описание обряда подвязывания головного убора невесте после венца.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Корреспонденты этнографического бюро князя Тенишева 1899–1901 гг.	б. Жиздринский у. (Куйбышевский р-н); б. Калужский у. (Ферзиковский р-н); б. Медынский у. (Медынский р-н); б. Мещовский у. (Юхновский р-н).	Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т.3. Калужская губерния. СПБ.: Издательство «Деловая полиграфия», 2005. 648 с.	Целенаправленное описание костюмов крестьян четырёх районов Калужского региона. Подробное описание комплекса современного Куйбышевского района
Елеонская Е.Н. 1908 год	Козельский у. (Козельский р-н)	Елеонская Е.Н. Женский костюм в пригородных деревнях г. Козельска // Этнографическое обозрение. 1908. № 3. С. 99 – 101.	Описание костюма крестьян Козельского района д. Дешевки и д. Стенино, а также мещанский костюм г. Козельска.
Малинин Д.И. 1916 год	б. Медынский у. (Износковский р-н)	Малинин Д.И. К вопросу о происхождении медынских «карел» // Живая старина. 1916. Год XXV. Вып. 1. С. 23 – 28.	Описание северорусского комплекса одежды локальной группы корел б.Медынского уезда.
Шереметева М.Е. 1925-1930 гг.	б. Калужский уезд, район Гамаюнщины (Правый берег г. Калуги); б. Перемышльский у. (Перемышльский, Ульяновский, Бабынинский р-ны); б. Лихвинский у. (Суворовский р-н Тул. обл.); б. Козельский у. (Козельский р-н)	1.Шереметева М.Е. Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. Калуга: Гос. тип. КГСНХ, 1929. 56 с. 2.Она же. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины: этнографический очерк. Калуга: 1-я Гос. тип. ГСНХ, 1925. 29 с. 3. Она же. Масленица в Калужском крае // Советская этнография. 1936. № 2. С. 139. 4. Она же. Набивание холста в Калужском крае. Калуга: Гостипография ОСНХ, 1930. 9 с. 5. Она же. Производство набойки в с. Перемышль Калужского уезда // Краеведение. 1929. Т. 6. № 8. С. 481 – 504. 6. Она же. Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга: Гос. тип. КГСНХ, 1928. 112 с.	Исчерпывающее описание крестьянских костюмов деревень Гамаюнщины в пригороде Калуги и сел Монастырщины Перемышльского района, а также костюмов соседних территорий окружающих эти локальные группы.
Лебедева Н.П. 1927 год	б. Лихвинский уезд (ныне Суворовский р-н Тул. обл.); б. Козельский уезд (Ульяновский, Сухинический, Козельский р-ны); б. Мещовский уезд (Сухинический, Мещовский р-н), б. Мосальский у. (Спас-Деменский, Мосальский, Барятинский р-ны); б. Жиздринский у. (Думиничский, Хвостовичский, Кировский, Куйбышевский, Жиздринский, Людиновский р-ны, часть Ульяновского р-на)	1.Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом, в 1926-ом годах) Часть первая. Народный костюм, прядение и ткачество. М., 1927. 167 с. 2. Лебедева Н.И. Этнологическое изучение Калужского Полесья как характерного этнологического района ЦПО // Культура и быт населения ЦПО. М., 1927. С. 161 – 169.	Подробное описание предметов одежды некоторых населённых пунктов бывших 11 уездов Калужской губернии, а ныне 19 современных районов Калужской области и одного – Суворовского района Тульской области. Выводы об изменении традиционных комплексов одежды под влиянием мещанской моды и мануфактурного производства. Определение границ культурного ареала локальной этнической группы полех. Выводы о культурном взаимовлиянии в традиционном костюме на пограничных территориях с сопредельными регионами.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Гринкова Н.П. 1927 год		1. Гринкова Н.П. Одежда западной части Калужской губернии // Материалы по этнографии России / Под ред. Ф.К. Волкова. Т. 3. Вып. 2. Л., 1927. С. 17 – 36.	Целенаправленное описание традиционного костюма трёх районов б. Мосальского и б. Жиздринского уездов. Два из которых были территорией бытования комплекса с костоланом.

Список источников

1. Гринкова Н.П. Одежда западной части Калужской губернии // Материалы по этнографии России / Под ред. Ф.К. Волкова. Т. 3. Вып. 2. Л., 1927. С. 17 – 36.

2. Елеонская Е.Н. Женский костюм в пригородных деревнях г. Козельска // Этнографическое обозрение. 1908. № 3. С. 99 – 101.

3. Елеонская Е.Н. Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях // Этнографическое обозрение. 1912. № 1-2. С. 146 – 154.

4. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1913. XVI, 544 с.

5. Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-м, в 1926-м годах) Часть первая. Народный костюм, прядение и ткачество. М., 1927. 167 с.

6. Лебедева Н.И. Этнологическое изучение Калужского Полесья как характерного этнологического района ЦПО // Культура и быт населения ЦПО. М., 1927. С. 161 – 169.

7. Ляметри П. Свадьбы крестьян Мещовского уезда // Калужские губернские ведомости. Неоф. ч. 1855. №№ 47, 48, 50.

8. Малинин Д.И. К вопросу о происхождении медынских «карел» // Живая старина. 1916. Год XXV. Вып. 1. С. 23 – 28.

9. Потанин Г.Н. Гамаюнщина // Памятная книжка Калужской губернии на 1862 и 1863 годы. Калуга: Калужский губернский статистический комитет, 1863. С. 233 – 244.

10. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 3. Калужская губерния. СПБ.: Издательство «Деловая полиграфия», 2005. 648 с.

11. Сафонова Г.Б. Новые материалы к научной биографии М. Е. Шереметевой (К 125-летию со дня рождения) // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Калуга, 5-7 апреля 2011 г. Калуга: Полиграф-Информ, 2012. 368 с.

12. Свадьба в сельце Петроселье Мосальском уезда // КГВ. 1851. Неоф. ч. №№. 42, 43.

13. Толмачева А. Крестьянская свадьба в Малоярославецком уезде // Калужские губернские ведомости. Неоф. ч. 1860. № 20.

14. Шереметева М.Е. Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. Калуга: Гос. тип. КГСНХ, 1929. 56 с. (Калужский государственный областной музей).

15. Шереметева М.Е. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины: этнографический очерк. Калуга: 1-я Гос. тип. ГСНХ, 1925. 29 с. (Труды Калужского общества истории и древностей).

16. Шереметева М.Е Масленица в Калужском крае // Советская этнография. 1936. № 2. С. 139.

17. Шереметева М.Е. Набивание холста в Калужском крае. Калуга: Гостипография ОСНХ, 1930. 9 с. (Калужский государственный музей).

18. Шереметева М.Е. Производство набойки в с. Перемышль Калужского уезда // Краеведение. 1929. Т. 6. № 8. С. 481 – 504.

19. Шереметева М.Е. Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга: Гос. тип. КГСНХ, 1928. 112 с. – (Труды КОИД).

References

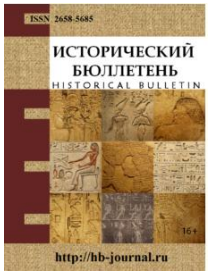
1. Grinkova N.P. Clothing of the Western Part of Kaluga Province. Materials on the Ethnography of Russia. Ed. F.K. Volkov. Vol. 3. Issue 2. Leningrad, 1927. P. 17 – 36.
2. Eleonskaya E.N. Women's Costume in the Suburban Villages of Kozelsk. Ethnographic Review. 1908. No. 3. P. 99 – 101.
3. Eleonskaya E.N. Baptism and Funeral of the Cuckoo in Tula and Kaluga Provinces. Ethnographic Review. 1912. Nos. 1-2. P. 146 – 154.
4. Zelenin D.K. Great Russian Dialects with Inorganic and Intransitive Softening of Vesal Consonants in Connection with the Currents of Later Great Russian Colonization. St. Petersburg: Separate Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1913. XVI, 544 p.
5. Lebedeva N.I. Folk Life in the Upper Desna and Upper Oka Rivers. (Ethnological Expedition in the Bryansk and Kaluga Provinces in 1925 and 1926) Part One. Folk Costume, Spinning, and Weaving. Moscow, 1927. 167 p.
6. Lebedeva N.I. Ethnological Study of Kaluga Polesie as a Characteristic Ethnological Region of the Central Pomerania Region. Culture and Life of the Population of the Central Pomerania Region. M., 1927. P. 161 – 169.
7. Lamettrie P. Weddings of Peasants of the Meshchovsky District. Kaluga Provincial Gazette. Unofficial Part 1855. Nos. 47, 48, 50.
8. Malinin D.I. On the Origin of the Medyn "Karelians". Living Antiquity. 1916. Year XXV. Issue 1. P. 23 – 28.
9. Potanin G.N. Gamayunshchina. Memorandum Book of the Kaluga Province for 1862 and 1863. Kaluga: Kaluga Provincial Statistical Committee, 1863. P. 233 – 244.
10. Russian Peasants. Life. Everyday Life. Customs. Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V.N. Tenishev. Vol. 3. Kaluga Province. SPb: Delovoy Polygrafiya Publishing House, 2005. 648 p.
11. Safonova G.B. New materials for the scientific biography of M.E. Sheremeteva (On the 125th anniversary of her birth). Issues of archeology, history and culture of the Upper Oka region: Materials of the XIV All-Russian scientific conference. Kaluga, April 5-7, 2011. Kaluga: Polygraph-Inform, 2012. 368 p.
12. Wedding in the village of Petrosel'ye, Mosalsky district. KGV. 1851. Unofficial part No. 42, 43.
13. Tolmacheva A. Peasant Wedding in Maloyaroslavets District. Kaluga Provincial Gazette. Unofficial Part 1860. No. 20.
14. Sheremeteva M.E. Women's Clothing in the Former Peremyshl District of Kaluga Province. Kaluga: State Printing House of the KGSNH, 1929. 56 p. (Kaluga State Regional Museum).
15. Sheremeteva M.E. Peasant Clothing of the Kaluga Gamayun Region: An Ethnographic Essay. Kaluga: 1st State Printing House of the GSNH, 1925. 29 p. (Proceedings of the Kaluga Society of History and Antiquities).
16. Sheremeteva M.E. Maslenitsa in the Kaluga Region. Soviet Ethnography. 1936. No. 2. P. 139.
17. Sheremeteva M.E. Canvas Printing in the Kaluga Region. Kaluga: Gosppographiya OSNH, 1930. 9 p. (Kaluga State Museum).
18. Sheremeteva M.E. Print Production in the Village of Peremyshl, Kaluga District. Local History. 1929. Vol. 6. No. 8. P. 481 – 504.
19. Sheremeteva M.E. Wedding in Gamayunshchina, Kaluga District. Kaluga: State Printing House KGSNH, 1928. 112 p. (Proceedings of the KOID).

Информация об авторах

Кузнецов А.Н., аспирант, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Кузнецов А.Н., Штепа А.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(438)

Память о польских восстаниях в Советском Союзе на примере журнала «Польша» в 1968-1985 гг.

[1] Панов С.В.,
[1] Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Аннотация: в статье рассматривается репрезентация истории польских восстаний конца XVIII-XIX вв. в период «застоя» 1968-1985 годов в иллюстрированном журнале «Польша», распространяемом в Советском Союзе правительством Польской народной республики. Рассмотрев источник, автор приходит к выводу, что восстания представлялись как часть общеевропейского революционного движения, а не национальное движение, направленное против российской власти. В журнале подчеркивались связи русских революционеров и польских повстанцев. Таким образом, в официальном дискурсе правящей в Польше Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) , который был представлен в журнале, власть коммунистов в Польше и советско-польский военно-политический союз получали дополнительную легитимацию, будучи представлены как наследие идей польских повстанцев.

Ключевые слова: польские восстания, Польская народная республика, польско-советские отношения, культурная дипломатия, русско-польский революционный союз, СССР

***Для цитирования**: Панов С.В. Память о польских восстаниях в Советском Союзе на примере журнала «Польша» в 1968-1985 гг. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 280 – 285.*

Поступила в редакцию: 9 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Memory of the Polish uprisings in the Soviet Union on the example of the magazine “Poland” in 1968-1985

[1] Panov S.V.,
[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: the article examines the representation of the history of the Polish uprisings of the late 18th–19th centuries during the "Era of Stagnation" (1968–1985) in the illustrated magazine "Poland," which was distributed in the Soviet Union by the government of the Polish People's Republic. After analyzing the source, the author concludes that the uprisings were portrayed as part of a pan-European revolutionary movement, rather than a national movement directed against Russian rule. The magazine emphasized the connections between Russian revolutionaries and Polish insurgents. Thus, within the official discourse of the Polish United Workers' Party (PZPR), which was presented in the magazine, the communist rule in Poland and the Soviet-Polish military-political alliance received additional legitimization by being presented as the legacy of the ideas of the Polish insurgents.

Keywords: Polish uprisings, Polish People's Republic, Polish-Soviet relations, cultural diplomacy, Russian-Polish revolutionary alliance, USSR

***For citation**: Panov S.V. Memory of the Polish uprisings in the Soviet Union on the example of the magazine "Poland" in 1968-1985. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 280 – 285.*

The article was submitted: September 9, 2025; Approved after reviewing: November 7, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Одной из форм культурной дипломатии между Советским Союзом и иностранными государствами был обмен журналами по межправительственным соглашениям. Каждая из сторон соглашения создавала просветительское издание о своей стране на языке аудитории другой стороны. Распространение таких журналов осуществлялось целенаправленно через официальные каналы.

Наиболее известным примером подобного иностранного издания на русском языке в СССР был журнал «Америка», выпускавшийся правительством США с 1946 по 1948 и с 1956 по 1994 гг. (в ответ советское правительство издавало на английском языке предназначенный для распространения в США журнал «Soviet Life»). Среди журналов, издававшихся странами социалистического лагеря, наибольшую известность получил северокорейский журнал «Корея». Однако подобные журналы издавались и другими странами для советской аудитории. Так, Польская Народная Республика с 1955 г. издавала журнал «Польша», в котором для аудитории СССР (а также других стран, с которыми были заключены подобные соглашения – ГДР, Чехословакией и Венгрией) рассказывалось о польской жизни, культуре, истории и языке.

Материалы и методы исследований

Представляя официальную точку зрения партии и правительства ПНР на исторические события и новости культуры на русском языке и повествуя, в частности, о польской истории, журнал «Польша» участвовал в формировании памяти о сюжетах общей русско-польской и советско-польской истории в СССР, в том числе и в отношении таких сложных сюжетов общей истории, как польские восстания против Российской империи в 1794, 1830-1831 гг. и 1863-1864 гг.

Согласно немецкому исследователю исторической памяти А. Ассман, тексты и иконические изображения являются ключевыми носителями и передатчиками культурной памяти. В ходе постоянных обсуждений и появления новых интерпретаций происходит актуализация и возобновление культурной памяти [1].

Задачей данной статьи является выяснение того, каким образом история польских восстаний репрезентировалась на страницах журнала «Польша» в эпоху общего ужесточения культурной политики в СССР, начавшегося в 1968 году [2] и до начала Перестройки с приходом М.С. Горбачева в 1985 г. В этот период журнал был одним из наиболее массовых источников, из которых заинтересованный советский читатель мог почерпнуть информацию об общей русско-польской и советско-польской истории. Польские восстания конца XVIII-XIX в. не были приоритетными темами для освещения на страницах журнала, но тем не менее им уделялось определенное внимание.

Результаты и обсуждения

Тема репрезентации истории польских восстаний в отечественной популярной культуре и публицистике до этого не пользовалась популярностью среди исследователей. Тем не менее, на данную тему было выпущено несколько статей, включенных в сборник «Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши». Так, О.С. Каштанова в статье «Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике» рассмотрела взгляды дореволюционных русских публицистов на польский вопрос и историю польских восстаний, однако публицистика советского периода осталась неохваченной [3]. В статье Л.Е. Горизонтова «Январское восстание в нарративах истории России» [4], представленной в том же сборнике, также рассматривалось, как восстание 1863-1864 гг. отражалось в историографии и публицистике XIX в. – но не в советской.

Таким образом, тема репрезентации польских восстаний в массовой культуре и публицистике советского периода остается неизученной.

Одной из основных тем, при освещении которой в журнале упоминались польские восстания, была предыстория формирования и история развития правящей в ПНР Польской объединенной рабочей партии (сокращенно ПОРП) и польского рабочего движения вообще.

Социализм в Польше имел свою специфику – как отметил исследователь В.В. Волобуев, «в социалистической Польше сохранились «пережитки» капиталистического прошлого с которыми новая власть так и не смогла справиться – господство индивидуального хозяйства в деревне, сильные и независимые позиции церковной иерархии, наличие мелкого предпринимательства в городе и т.д.» [5].

Причиной этого была достаточно низкая популярность коммунистической идеи в Польше как на

момент установления режима в 1944-1948 гг., так и в дальнейшем. Во многом коммунистическая идея воспринималась многими поляками как «русская», что влекло за собой подозрения в «непатриотичности» в отношении коммунистов [6]. Таким образом, ПОРП нуждалась в легитимации своей власти на основании польской истории, чтобы показать свою историческую преемственность от польской левой, революционной традиции. Доказывать, что идеология ПОРП имеет долгую предысторию в польской политической традиции, требовалось не только внутренней аудитории, но и аудитории внешней – чтобы показать ей, насколько прочно польский народ привержен социализму советского типа и насколько логичным развитием польской истории является ПНР.

Так, польские восстания редакция журнала вспоминала, в частности, в связи со столетним юбилеем В.И. Ленина. К примеру, журналист Б. Майтчак писал о том, что «Ленин высоко ценил польское национально-освободительное движение, важность польского вклада в революционную борьбу против реакционного сговора России, Австрии и Германии» [7]. Советский посол в Польше А.Б. Аристов в своем интервью журналу в апрельском номере 1970 года, посвященном столетию В.И. Ленина, сказал, что «самое замечательное в истории польского народа. чем восхищался Владимир Ильич Ленин – это бесстрашие и героизм польских революционеров в национально-освободительном движении, в борьбе совместно с русским пролетариатом против царизма» [8].

Уже в 1971 году авторы журнала подчеркивали, что «Ленин выступал против люксембургианства, отрицавшего прогрессивность национально-освободительной борьбы» [9] – то есть оппонировал взглядам известной польской и немецкой революционерки Р. Люксембург, занимавшей более критическую к польскому национальному движению позицию.

1970 год был годом столетия не только В.И. Ленина, но и Парижской Коммуны – первого пролетарского государственного образования по версии марксистско-ленинской идеологии [10]. Журнал «Польша» не упустил момента рассказать о роли в создании Парижской Коммуны главнокомандующего её вооруженных сил – поляка и ветерана восстания 1863 г. – Ярослава Домбровского. В статье «Генерал Коммуны» [11] говорилось о том, что в Парижской коммуне «многие поляки прославили свои имена как воины, организаторы и командиры». Рассказывалась биография Я. Домбровского, его роль в организации «польских и русских революционеров» в сопротивлении «царскому режиму». Польских повстанцев назвали революционерами.

Ярослава Домбровского редакция журнала вспомнила ещё раз в 1976 г. после премьеры одноименного фильма. В журнале было размещено интервью с режиссером фильма Б. Порембой [12]. Б. Поремба говорил, что он обратился к теме борьбы за независимость Польши, теме, тесно связанной с историей европейского революционного движения. По его словам, лозунг «За вашу и нашу свободу» неотделим от понятия интернационализма.

В 1979 г. журнал «Польша» начал публиковать большую серию материалов, посвященную приближающемуся столетию первой польской марксистской партии – «Пролетариат» – марксистской политической группе, созданной в Варшаве в 1882 г. Л. Варынским [13]. В ноябре 1979 г. была опубликована статья М. Ожеховского «Традиции польского революционного движения» [14]. Автор писал о родословной правящей в ПНР Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) – ведя её от «Пролетариата» через Социал-демократию Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), далее к Коммунистической партии Польши, существовавшей в межвоенный период и наконец к Польской рабочей партии, созданной в 1942 году и ставшей, наряду с Польской социалистической партией, одним из предшественников ПОРП.

Согласно М. Ожеховскому, современный польский патриотизм тесно связан с интернационализмом, унаследовав традиционную польскую солидарность с освободительными движениями других народов, которую выражал лозунг «За вашу и нашу свободу». М. Ожеховский возводил историю польского интернационализма в том числе к «боевому взаимодействию русских и польских революционеров».

Отсылки к истории польских восстаний регулярно использовались журналом для доказательства и обоснования глубины и прочности польско-советской дружбы.

К примеру, в 1971 году в статье «Дружба, союз, сотрудничество», посвященной советско-польскому союзу заместитель председателя Общества польско-советской дружбы Ю. Озга-Михальский писал: «В основе нашей дружбы лежала революционная и патриотическая солидарность первых носителей идеи «За Вашу и нашу свободу». Каленым железом старались выжечь эту идею царские прислужники. Под звон кандалов шли по необъятным пространствам Сибири борцы за свободу, девиз «За вашу и нашу свободу» стал заветом для следующих поколений» [15]. Далее он провел параллель между польскими повстанцами

и революционерами и солдатами Войска Польского, сражавшимися плечом к плечу с красноармейцами.

В том же году председатель названного выше Общества польско-советской дружбы, член ЦК ПОРП Я. Шидляк заявил, что «Польско-советская дружба уходит своими корнями в богатые традиции сотрудничества и совместной борьбы прогрессивных и революционных сил польского и русского народов» [16]. Тот же Я. Шидляк в подобной же идеологической программной статье «Братская дружба и монолитное единство», выпущенной в апреле 1975 года писал, что «в историческом сознании нашего народа навсегда останется память о замечательной дружбе Пушкина и Мицкевича, совместная борьба польских и русских революционных демократов, участников народно-освободительного движения» [17].

В 1972 году польский историк Н. Коломейчик в статье «Поляки в борьбе за власть Советов» писал: «традиции многих десятилетий и практического опыта взаимодействия польских и русских революционеров нашли свое продолжение в борьбе против общего врага – царизма, за национальное и социальное освобождение.

Декабристы – первое поколение русских революционеров – считали освобождение Польши необходимым условием победы прогресса в России. Польские повстанцы 1830-1831 гг. видели в декабристах своих союзников в борьбе „за Вашу и нашу свободу”. Отношения прямого сотрудничества были установлены следующим поколением революционных демократов, что проявилось в деятельности Герцена, Огарева, Чернышевского. Сотни русских демократов участвовали в восстании 1863-1864 гг. В польском рабочем движении с самого начала его зарождения прочно укоренилась идея революционного союза с трудовым народом России» [18].

В 1974 г. заместитель маршала Сейма ПНР, секретарь ЦК ПОРП А. Верблан написал, что «на протяжении многих десятилетий польское и русское революционное движения идут по одному пути» [19].

В 1979 г. в журнале была опубликована статья руководителя ПНР Э. Герека «Независимость, социализм, единство», в которой он говорил, что «в освободительной борьбе» польский народ видел «наивысший моральный наказ», примером чего были «восстание под предводительством Костюшко, польские восстания 1830-1831 и 1863-1864 гг., Краковское восстание и революционное движение 1848 года…» [20].

В 1980 г. все тот же Я. Шидляк в статье «Непоколебимый оплот дружбы» [21], посвященной 35-летию подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Польской Народной Республикой и Советским Союзом 21 апреля 1945 г. написал, помимо прочего, что апрельский договор исходил «из славных традиций совместной деятельности демократических и прогрессивных Польши и России ещё в XIX веке». Я. Шидляк указал, что В.И. Ленин был «наиболее близок к проблемам национального и социального освобождения Польши».

В 1984 г. журнал опубликовал отрывок из выступления лидера ПНР генерала В. Ярузельского, в котором он утверждал, что корнями польско-советской дружбы являются, помимо других факторов, «совместные сражения русских и польских революционеров» [22].

Отсылки к революционному и повстанческому прошлому использовались и для обоснования исторической преемственности дружбы с другими народами социалистического лагеря – например, в одной из заметок декабрьского номера 1970 г. было указано, что «братство с Болгарией связано с освободительной борьбой двух народов» [23] – хотя исторически взаимная поддержка польского и болгарского национального движения не была такой уж безусловной – достаточно вспомнить участие польских добровольцев в Крымской войне на стороне противников России [24].

Нетрудно заметить, что все эти упоминания являются достаточно однообразными и призваны продемонстрировать историческую приверженность поляков либо левой идеологии, либо дружбе с русскими вольнодумцами и революционерами (и, как следствие, СССР).

Американский историк и антрополог А.В. Юрчак в своей монографии «Это было навсегда пока не кончилось» [25] отмечает, что после смерти И.В. Сталина дискурс советской идеологии претерпел важное изменение – в нем стало куда важнее воспроизводить форму идеологических высказываний и ритуалов, нежели передавать соответствующий смысл [25]. Язык стал всё более формализоваться и усложняться [25]. С точки зрения А.В. Юрчака, функция советского идеологического дискурса заключалась уже не в описании реальности, а в создании ощущения, что именно эта репрезентация реальности является единственно возможной и неизбежной [25]. Позднесоветский идеологический язык А.В. Юрчак называет заимствованным у М.В. Бахтина термином «авторитетный дискурс» или же «авторитетный язык» [25].

Выводы

На основании исторических и политических статей, опубликованных в журнале «Польша» в 1969-1985 гг., мы можем сделать вывод о том, что

апелляции к польским восстаниям, как части национальной истории стали частью «авторитетного языка» официальной пропаганды ПНР. Эти исторические отсылки были призваны подчеркнуть историческую приверженность польского народа левой, социалистической идее – а также, как ни парадоксально, союзу с русским народом – точнее, с наиболее прогрессивной, революционно-демократической его частью.

Особенным моментом в репрезентации польских восстаний также являлось то, что их старались представить не как национальное движение, направленное в первую очередь против Российской империи, а как часть европейского революционного, революционно-демократического и социалистического движения, боровшегося против абсолютных монархий по всей Европе и тесно сотрудничавших со своими единомышленниками.

Отдельно продвигался тезис о существовании тесного взаимодействия и даже союза между русскими и польскими революционерами, который был разработан в советской историографии ещё в 1950-е, в качестве концепции русско-польского революционного союза [26].

Однако важно отметить, что хотя польское национальное движение и рассматривалось революционное, и прогрессивное, но всё-таки оно признавалось «несовершенным» и «недопонявшим» выдвинутый уже марксистами постулат о том, что «национально-освободительная борьба» неотделима от борьбы классовой. Польские повстанцы изображались героическими предтечами настоящего польского революционного движения – польских марксистов и коммунистов, группы «Пролетариат» и марксистской партии «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы».

Список источников

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
2. Грациози А. История СССР: пер. с франц. В.П. Любина, И.А. Волковой, А.Н. Кондрашева, В.М. Николаева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 632 с.
3. Каштанова О.С. Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши. М., 2014. С. 51 – 80.
4. Горизонтов Л.Е. Январское восстание в нарративах истории России // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши. М., 2014. С. 96 – 104.
5. Волобуев В.В. Польша в советском блоке: от «оттепели» к краху режима. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. 272 с.
6. Браун А. Взлет и падение коммунизма. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 863 с.
7. Майтчак Б. Ленин, ленинизм, Польша. Польша. 1969. № 5 (177). С. 8.
8. Аристов А.Б. Дружба, продиктованная сердцем. Польша. 1970. № 4 (188). С. 5.
9. История польско-советского союза. Польша. 1971. № 11 (207). С. 17.
10. Ленин В.И. Уроки Коммуны // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 16. Политиздат. М. 1973. С. 451 – 454.
11. Генерал Коммуны. Польша. 1970. №4 (188). С. 17.
12. Орнатовский З. Ярослав Домбровский. Кино. Польша. 1976. № 4 (260). С. 26.
13. Perl F. Dzieje ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim (do powstania PPS). Warszawa: CKW PPS, 1932, 202 s.
14. Ожеховский М. Традиции польского революционного движения. Польша. 1979. №11 (303). С. 4 – 5.
15. Озга-Михальский Ю. Дружба, союз, сотрудничество. Польша. 1971, №4 (201). С. 6 – 7.
16. Шидляк. Я. Залог наших успехов. Польша. 1971. №11 (207) С. 2.
17. Шидляк. Я. Братская дружба и монолитное единство. Польша. 1975. №4 (248) С. 2.
18. Коломейчик Н. Поляки в борьбе за власть Советов. Польша. 1972. №12 (220). С. 18.
19. Верблан А. Единство принципов и целей. Польша. 1974. №4 (236). С. 3.
20. Герек Э. Независимость, социализм, единство. Польша. 1979. № 1 (293). С. 2.
21. Шидляк Я. Непоколебимый оплот дружбы. Польша. 1980. № 4 (308). С. 2.
22. Ярузельский В. Первый секретарь ЦК ПОРП, председатель Совета министров ПНР, генерал армии Войцех Ярузельский. Польша. 1985. № 4 (363). С. 2
23. Польша. 1970. №12 (196). С. 2.
24. Ковальска-Стус Х. Поляки в крымской войне: идейная и личная мотивация // Политическое пространство и социальное время: система координат в меняющемся мире: сб. науч. трудов XXXV Харакского форума / под ред. Т.А. Сенюшкиной, Д. Танчич. Симферополь: АРИАЛ, 2019. С. 107 – 122.

25. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 664 с.

26. Королюк В.Д., Миллер И.С., Третьяков П.Н. под ред. История Польши. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 585 с.

References

1. Assman A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. Moscow: New Literary Review, 2019. 552 p.

2. Graziosi A. History of the USSR: translated from French by V.P. Lyubina, I.A. Volkova, A.N. Kondrasheva, V.M. Nikolaeva. Moscow: Political Encyclopedia, 2016. 632 p.

3. Kashtanova O.S. The 1863 Uprising in Russian Historiography and Journalism. The Polish January Uprising of 1863: Historical Fates of Russia and Poland. Moscow, 2014. P. 51 – 80.

4. Gorizontov L.E. The January Uprising in the Narratives of Russian History. The Polish January Uprising of 1863: Historical Fates of Russia and Poland. Moscow, 2014. P. 96 – 104.

5. Volobuyev V.V. Poland in the Soviet Bloc: From the Thaw to the Collapse of the Regime. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, 2018. 272 p.

6. Braun A. The Rise and Fall of Communism. Moscow: Political Encyclopedia, 2014. 863 p.

7. Maitchak B. Lenin, Leninism, Poland. Poland. 1969. No. 5 (177). P. 8.

8. Aristov A.B. Friendship Dictated by the Heart. Poland. 1970. No. 4 (188). P. 5.

9. History of the Polish-Soviet Union. Poland. 1971. No. 11 (207). P. 17.

10. Lenin V.I. Lessons of the Commune. Lenin V.I. Complete Works. Vol. 16. Politizdat. Moscow, 1973. Pp. 451 – 454.

11. General of the Commune. Poland. 1970, No. 4 (188). P. 17.

12. Ornatovsky, Z. Jarosław Dąbrowski. Cinema. Poland. 1976, No. 4 (260). P. 26.

13. Perl, F. Dzieje ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim (do powstania PPS). Warsaw: CKW PPS, 1932, 202 p.

14. Orzechowski, M. Traditions of the Polish revolutionary movement. Poland. 1979. No. 11 (303). P. 4 – 5.

15. Ozga-Michalski J. Friendship, Alliance, Cooperation. Poland. 1971, No. 4 (201). P. 6 – 7.

16. Szydlyak. J. The Key to Our Success. Poland. 1971. No. 11 (207) P. 2.

17. Szydlyak. J. Fraternal Friendship and Monolithic Unity. Poland. 1975. No. 4 (248) P. 2.

18. Kolomeychyk N. Poles in the Struggle for Soviet Power. Poland. 1972. No. 12 (220). P. 18.

19. Verblanc A. Unity of Principles and Goals. Poland. 1974. No. 4 (236). P. 3.

20. Gierek E. Independence, Socialism, Unity. Poland. 1979. No. 1 (293). P. 2.

21. Szydlyak J. The Unshakable Stronghold of Friendship. Poland. 1980. No. 4 (308). P. 2.

22. Jaruzelski W. First Secretary of the Central Committee of the Polish United Workers' Party, Chairman of the Council of Ministers of the Polish People's Republic, General of the Army Wojciech Jaruzelski. Poland. 1985. No. 4 (363). P. 2

23. Poland. 1970. No. 12 (196). P. 2.

24. Kowalska-Stus H. Poles in the Crimean War: Ideological and Personal Motivation. Political Space and Social Time: A System of Coordinates in a Changing World: Collection of Scientific Papers of the XXXV Kharak Forum. ed. T.A. Senyushkina, D. Tanchich. Simferopol: ARIAL, 2019. P. 107 – 122.

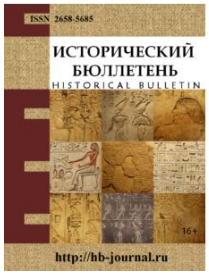
25. Yurchak A. It Was Forever, Until It Ended. The Last Soviet Generation. USSR. Moscow: New Literary Review, 2020. 664 p.

26. Korolyuk V.D., Miller I.S., Tretyakov P.N., eds. History of Poland. Vol. I. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. 585 p.

Информация об авторе

Панов С.В., аспирант, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, rontonak@gmail.com

© Панов С.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(48).022

Образ православия в «Откровениях» Биргитты Шведской: к вопросу об идеологии похода Магнуса Эрикссона на Новгород в 1348 г.

[1] Першин Я.В.,
[1] Новосибирский государственный университет

Аннотация: целью статьи является рассмотрение образа православия в «Откровениях» Биргитты Шведской в период крестового похода на Новгород в 1348-1438 гг. Как правило, в историографии упоминаются призывы Биргитты к походу против Руси без опоры на анализ упоминаний православия в ее«Откровениях». Автор анализирует отношение Биргитты к восточным христианам, которые с одной стороны представлялись как раскольники, отклонившиеся от истинной веры, с другой стороны как благочестивые люди, лишенные знания об истинной роли папского престола. Основное внимание уделяется роли религиозного фактора, в частности, тому, как «Откровения» святой Биргитты Шведской отражают образ «схизматического» православия в шведском обществе. Исследование демонстрирует, что идеология «Откровений» Биргитты могла стать значимым фактором в мобилизации ресурсов и оправдании похода против Новгородской земли, но учитывает, что описание Биргитты как вдохновительницы этого похода восходит к более поздним источникам. Делается вывод о противоречивой роли религиозной риторики в оправдании и мотивации военной кампании Магнуса Эрикссона против Новгорода.

Ключевые слова: православие, образ православия, Биргитта Шведская, идеология похода, Магнус Эрикссон, шведский поход, средневековая дипломатия

***Для цитирования**: Першин Я.В. Образ православия в «Откровениях» Биргитты Шведской: к вопросу об идеологии похода Магнуса Эрикссона на Новгород в 1348 г. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 286 – 291.*

Поступила в редакцию: 10 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The image of Orthodoxy in the Revelations of St. Birgitta of Sweden: on the ideology of Magnus Eriksson's campaign against Novgorod in 1348

[1] Pershin Ya.V.,
[1] Novosibirsk State University

Abstract: the aim of this article is to examine the image of Orthodoxy in the "Revelations" of St. Brigitta of Sweden during the Crusade against Novgorod in 1348-1438. Historiography typically cites Bridget's calls for a campaign against Rus' without analyzing the references to Orthodoxy in her "Revelations". The author analyzes Bridget's attitude toward Eastern Christians, who were, on the one hand, portrayed as schismatics who had deviated from the true faith, and on the other, as pious people ignorant of the true role of the papacy. The primary focus is on the role of religious factors, in particular, how the "Revelations" of St. Brigitta of Sweden reflect the image of "schismatic" Orthodoxy in Swedish society. The study demonstrates that the ideology of Birgitta's "Revelations" could have been a significant factor in mobilizing resources and justifying the campaign against Novgorod, but

takes into account that the description of Birgitta as the inspirer of this campaign comes from later sources. It concludes that religious rhetoric played a contradictory role in justifying and motivating Magnus Eriksson's military campaign against Novgorod.

Keywords: Orthodoxy, image of Orthodoxy, Birgitta of Sweden, ideology of the crusade, Magnus Eriksson, Swedish crusade, medieval diplomacy

***For citation**: Pershin Ya.V. The image of Orthodoxy in the Revelations of St. Birgitta of Sweden: on the ideology of Magnus Eriksson's campaign against Novgorod in 1348. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 286 – 291.*

The article was submitted: September 10, 2025; Approved after reviewing: November 7, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Шведский поход на Русь 1348 г. представляет особый интерес как одно из первых русско-шведский событий, отраженных в источниках с обеих сторон. Свидетельства о нем сохранились и в новгородских летописях, и в «Соединительном стихе» (Förbindelsedikten). Последний из этих источников, как указывает Дж. Линд, является частью так называемой Шведской рифмованной хроники [2], связывающей два самостоятельных произведения: Рифмованную хронику Эрика, завершенную до событий 1348 г., и хронику Карла, которую датируют серединой XV в. Согласно вышеупомянутым текстам, король Магнус пытался вызвать представителей новгородского духовенства на религиозный диспут, а его основной целью было обращение Руси в католичество. Новгородская четвертая летопись сообщает об этом следующим образом: «присла магнуш король свейский черньцы к Новгородцем, рек: пошлите на съезд свои философы, а яз своих пошлю, поговорят про веру, и уведаем чия будет вера лутчи» [3]. Как далее следует из этого источника, дискуссия между новгородцами и шведами не состоялась, так как шведам было предложено обсудить вопросы веры с более высокопоставленными духовными властями из Константинополя. Мы не будем рассматривать военные действия, последовавшие вслед за этими краткими переговорами, но сфокусируем внимание на том, какого рода аргументы были заготовлены шведской стороной для этого диспута. «Откровения», сборник мистических текстов Биргитты Шведской (1303–1373), является наиболее близким источником к походу Магнуса Эрикссона по времени создания, несмотря на то, что Новгород не упоминается в этом тексте напрямую. В видениях Биргитты имеют место призывы к насильственному крещению язычников и возвращению «неверных» в католичество, хотя и невозможно с определенностью сказать, повлияли ли ее слова на решение короля выступить против Руси.

Материалы и методы исследований

К XIX в. в историографии закрепилось представление о том, что поход 1348 г. был инспирирован наставлениями Биргитты, имевшей репутацию провидицы, получавшей видения от самого Иисуса. Образ Биргитты как вдохновительницы крестового похода восходит к одному из фрагментов шведской хроники: «Тогда еще была жива святая Биргитта; через нее бог наставлял его, как ему следует себя вести, но он с этим не считался. Он решил идти в поход на Русскую землю. Дева Мария велела возвестить ему: если он последует ее наставлениям, то она сохранит его от всякого зла…» [4]. Начиная, по меньшей мере, с У. Далина, общим местом стало считать Бригитту вдохновительницей похода Магнуса Эрикссона [7], Со ссылкой на Далина упоминает Биргитту и Н.М. Карамзин при изложении этих событий. Он добавил поэтическое сравнение шведской святой с «вдохновенной пифией», советами которой пренебрег король [1]. В подобном ключе ее упоминают И.П. Шаскольский и Е.А. Рыдзевская, у которой Биргитта показана экзальтированной, религиозной женщиной, чьи тексты проникнуты фанатизмом [5]. Однако «Соединительный стих», даже если и опирается на устную и письменную традицию, составлен в первой половине XV в., период активного распространения культа Биргитты, к тому моменту уже канонизированной [5]. В исследованиях историков нет единого мнения о роли Биргитты при дворе Магнуса Эрикссона. Рыдзевская отметила, что содержание «Соединительного стиха» имеет смысловые и даже «идеологические» совпадения с «Откровениями» Биргитты Шведской. Основываясь на трудах И. Андерссона, С. Тунберга и «Шведской литературной истории» К. Варбурга, она дает характеристику наставлениям, приведенном в этом тексте, как «близким по содержанию к тем произведениям средневековой поучительной литературы, в которых выводится идеал правителя как блюстителя справедливости и верного сторонника церкви» [5]. П. Салмесуори в своем исследовании о власти «живых святых» задается вопросом о том, как Биргитте удалось склонить короля к воплощению своих проектов,

среди которых был крестовый поход на Новгород [8]. Она заключает, что этот поход является хорошим примером того, как «король использовал Биргитту и ее откровения, для легитимации своих действий… внимательно слушая Биргитту, пока это было ему выгодно» [8]. В недавнем исследовании, специально посвященном призывам Биргитты к крестовым походам Р. Блюменфельд-Косински приводит два противоположных мнения: К. Эртеля, который верил в прямую причинно-следственную связь между призывами Биргитты и походом, и «гораздо более скептический взгляд» П. Рихтеровой, которая «видит в нашей святой всего лишь маленькую шестеренку в политической машине, состоящей из важных лидеров, использовавшие ее, но не мотивированные к действию ею». Сама Блюменфельд-Косински приходит к выводу, что «невозможно с определенностью знать, что напасть на Новгород Магнуса подтолкнула, прежде всего, Биргитта» [6]. При этом она считает, что предоставление выбора между мирным обращением в католичество и войной имел давнюю традицию в крестовых походах, и Биргитта не привнесла чего-то принципиально нового. Все эти разночтения связаны с тем, что «Откровения» не упоминают Новгород и Русь, и исследователям приходилось основываться фрагментах, напрямую к обсуждаемому походу не относящихся. Так, пытаясь определить наиболее близкие к исследуемому событию места, историки искали различия между терминами «неверные» (*infideles*) и «язычники» (*paganes)* в «Откровениях» Биргитты. Как обнаружил Дж. Линд, в старошведском переводе с латыни, оба этих термина и вовсе всегда заменяются на слово «язычник», в то время, как в латинской версии, возникшей ранее, слово «язычники» обозначает карелов и ижорцев, а понятие «неверные» относится к православным новгородцам [6]. Это замечание кажется справедливым хотя бы на том основании, что под войной с вероотступниками в Швеции XIV в. вероятнее всего подразумевается именно поход на Русь.

Результаты и обсуждения

В значительной степени указания на походы против «неверных» сконцентрированы в VIII книге «Откровений» Биргитты в рамках более широкого политико-идеологического нарратива. Эта книга начинается с видения великолепного дворца, в котором восседает «Небесный царь (король)», описанный как воплощение идеального и подлинного верховного правителя. Все детали этого образа представляют собой символическое обозначение атрибутов власти. Например, царский венец или корона имеет круглую форму, потому что таким образом символизируется бесконечность власти Христа и при этом приводится параллель между головным убором государя и терновым венцом: «Моя божественность была без начала и нет ей и не будет конца. Поэтому эта божественность справедливо уподобляется короне, потому что корона [по своей форме] не имеет начала и конца. Но подобно тому, как в государстве корона хранится для будущего короля, так и моя божественность теперь хранилась для моей человечности, которой она будет увенчана».

Альфонсо Хаэнский, составитель сборника «Откровений», скомпилировал эту часть таким образом, чтобы с самых первых страниц было отчетливо видно отношение к королевской власти. Для него это было более существенной задачей, чем фактологическое повествование. Поэтому VIII кн., «политическая» глава «Откровений», начинается не с обращений к Магнусу, а с видения Христа Биргиттой:

«Истинно во дворце я увидела чудесный трон, на котором восседал господин неизмеримой силы, видом человека непостижимой красоты, сияющий сильнее солнца и чье великолепие было непостижимо в ширине, длине и глубине».

Христос, изображенный таким образом в этом откровении, называет сам себя «истинным и верховным императором и господином» (*verus et summus imperator et dominus*), и провозглашает, что «нет господина выше него, не было до него и не будет после него, и вся власть исходит от него и через него». Кроме этого, «никто не может называться «истинным государем» кроме него одного» [6]. В «Откровениях» подчеркивается, что король Швеции, зная о видениях Биргитты, сам попросил узнать у Христа, как ему надлежит управлять государством:

«…если король Швеции сам смиренно спрашивает у вас, как ему управлять справедливо и разумно, то я укажу ему на это» [6].

Из десяти наставлений королю, которые дает ему Иисус, (Книга VIII, гл. 2) часть посвящена личному благочестию: призыв регулярно поститься (третье наставление), соблюдать ежедневные молитвы (четвертое), раздавать милостыню и поддерживать бедных (шестое и седьмое наставления). Остальные шесть относятся к удалению алчных (*cupida*) придворных, покровительство основанию монастыря Биргитты, справедливому вознаграждению всех своих поданных, справедливому суду и достойному правлению.

И, наконец, в этом списке есть место предписанию идти в те «места неверных, где может расшириться католическая вера и милосердие» [6]. Особенно подчеркивается, что в делах государствен-

ной службы он не должен отдавать предпочтение иностранцам, не забывать «о своих вассалах и своем роде». Эти наставления можно воспринимать как своеобразную политическую программу, отражающую интересы церкви и феодальной аристократии. Идти «против язычников» королю Швеции всегда предписывалось в связи с искуплением его предыдущих грехов, а именно чрезмерных поборов и войн против других христиан. Так, в «*Extravagantes*» описывается некий поход против язычников, от которого отказался Магнус:

«так как тот, кого я назвал сыном, не подчиняется и больше похож на невоспитанного мальчика, чем на послушного сына, ибо он не последовал первому пути: не пошел к язычникам, поэтому теперь я показываю ему второй путь, если он будет следовать которому, будет блажен. Путь этот заключается в том, что он идет к верховному понтифику… и пусть не устыдится рассказать, как он грабил сословия, как презирал церковь и нарушал публично законы и клятвы».

В «Откровениях» мы не находим явных существенных отличий между походами против «язычников» или «неверных». Точно также нет речи и о том, что под тем или иным термином упоминаются именно православные. Тем не менее, у Биргитты есть упоминание православия, и она совершенно четко отделяла представителей этой конфессии и от язычников, и от католиков. В качестве примера ее взгляда на эти различия можно привести обращение к аристократии Кипра, посещенного ею Биргиттой во время паломничества в Иерусалим. В этом видении ей явился Иисус, велевший передать следующее послание:

«Теперь я говорю слова, ранее сказанные латинским христианам, приверженных Римской Церкви, которые в крещении правой римско-католической веры дали мне обет, но полностью отступились от меня делами, противными мне. Греки, которые знают, что все христиане должны держаться только одной католической веры и подчиняться только одной церкви, а именно Римской, и лишь одного моего викария, а именно Римского верховного понтифика, иметь над собой как духовного пастыря, но все же не желают Римской церкви и моему викарию духовно подчиниться и смиренно повиноваться – то ли из-за своей упрямой гордыни, то ли из жадности или плотолюбия, или чего-то другого мирского – недостойны милосердия и спасения после смерти. А те греки, которые страстно желали бы, но не могут знать католической Римской веры, а если же бы знали и могли, то благочестиво и охотно приняли бы ее и смиренно подчинились бы Римской церкви, тем не менее, согласно своей совести и вере, в которой они находятся, воздерживаются от греха и живут благочестиво, после своей смерти должны иметь мое милосердие, когда они будут призваны на мой суд».

Таким образом, в «Откровениях» присутствует разделение христиан на праведных и отступников, которые могут быть как среди католиков, так и среди православных. В этой системе ценностей приверженность папскому престолу является неотъемлемым условием спасения, но все же допускается, что есть православные, которые по каким-то причинам не знают о нем и могут надеяться на спасение. Для Кипра, находящегося под властью католического короля, это допущение кажется очень странным. Представляется вероятным, что оно этот пассаж изначально появился в другом контексте и попал в повествование о паломничестве в Святую землю уже в ходе редакторской работы после смерти Биргитты. По крайней мере, если этот взгляд на православие был присущ Биргитте и ее окружению, то стремление шведов устроить диспут с православными священниками перед походом на Новгород кажется более понятным. Седьмая книга «Откровений», повествующая о паломничестве Биргитты в Иерусалим, не упоминает посещение каких-либо греко-православных политических образований. Не смотря на это, в вышеупомянутом фрагменте есть обращение Христа к таковым:

«Да знают же те греки, что их государства никогда не будут в безопасности и мире, но всегда будут подчинены своим врагам, от которых они всегда будут терпеть наитяжелейшие поборы и долгие печали, пока сами не покорятся церкви и вере римской с истинным смирением и любовью, полностью сообразуясь со священными установлениями и обрядами этой церкви».

Судя по противопоставлению «греков» и «латинян» здесь имеется в виду именно конфессиональное различие, а не апелляция к этничности или географии. С политической точки зрения, под этими словами могли иметься в виду как православные греки Ближнего Востока, живущие под властью мусульман, так и русские княжества, зависимые от Золотой Орды. Такого рода сообщения слишком ограничены по своему содержанию, поэтому не позволяют точно ответить на вопрос, насколько Биргитта представляла реалии в православных землях. «Откровения» являются проблематичным источником, поскольку они были составлены и отредактированы ее духовниками, Петром Альвастрским и Альфонсо Хаэнским, уже после смерти пророчицы. Образ «греческих» государств, подчиненных их врагам, мог возникнуть на страницах «Откровений» и во время поздней

редактуры, и при жизни Биргитты под влиянием сведений, которые попадали в Швецию через нерегулярные торговые контакты с Русью. В любом случае, этот взгляд отражал настроение, царившее в XIV в. в Швеции.

Выводы

Летописное сообщение о шведском походе на Новгород в 1348 г. действительно свидетельствует о наличии религиозно-идеологических контактов между Русью и Западом, однако о его содержании более уместно судить по «Откровениям» Биргитты Шведской, так как в них есть разъяснение различий между православной и католической конфессиями с точки зрения значительной части шведской элиты. В этом тексте видна отчетливая дихотомия между «истинной» католической верой и греческой церковью. Образ «грека» или «восточного христианина» в «Откровениях» сочетает осуждение за неповиновение Риму с возможностью спасения через смирение. Влияние Биргитты на решение Магнуса Эрикссона остаётся предметом научных дискуссий, но, несомненно, её религиозно-политическая доктрина стала частью риторики, оправдывавшей миссионерскую и военную активность Швеции на востоке. Последующее упоминание пророчества Биргитты в «Соединительном стихе», вероятно, было обращена к политическим деятелям Швеции уже XV в. В тот момент это было особенно актуально на фоне роста авторитета Биргитты в Европе. Этот случай демонстрирует, как религиозные идеи, допускающие разные интерпретации в зависимости от контекста, могли трансформироваться в политический инструмент.

Список источников

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. М., 1988. 300 с.
2. Линд Дж.Х. Религиозно-политические предпосылки «Рукописания короля свейского Магнуша» по шведским и русским источникам: пер. с англ. С.Г. Никольского // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М.: Восточная литература, 2001. С. 211 – 229.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 4. IV. V. Новгородские и Псковские летописи. СПб.: Эдуарда Праца, 1848. 380 с.
4. Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX-XIV вв. М.: Наука, 1978. 240 с.
5. Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранения выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л.: Наука, 1987. 174 с.
6. Blumenfeld-Kosinski. Saint Birgitta’s and Saint Catherine’s Visions of Crusading // A Companion to Birgitta of Sweden: and Her Legacy in the Later Middle Ages. Leiden, 2019. 330 p.
7. Dalin O. Svea Rikes Historia. D. II. Stockholm, 1750. 666 p.
8. Salmesvuori P. Power and sainthood. The case pf Birgitta of Sweden. 2014. 252 p.
9. Sancta Birgitta. Revelaciones. Book VII. Ed. Birger Bergh. Samlingar utgivna av Svenska fornskriftsällskapet, Uppsala: 1967. Ser. 2. Vol. 7. № 7. 220 p.
10. Sancta Birgitta. Revelaciones. Book VIII Ed. A. Jonsson. Samlingar utgivna av Svenska fornskriftsällskapet, Uppsala, 2002. Ser. 2. Vol. 7. № 8. 229 p.

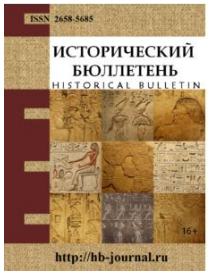
References

1. Karamzin N.M. History of the Russian State. Book 1. Moscow, 1988. 300 p.
2. Lind J.H. Religious and Political Prerequisites of the "Manuscript of King Magnus of Sweden" Based on Swedish and Russian Sources: Translated from English by S.G. Nikolsky. The Earliest States of Eastern Europe. 1999. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. P. 211 – 229.
3. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 4, Part IV, Part V. Novgorod and Pskov Chronicles. St. Petersburg: Eduard Prats, 1848. 380 p.
4. Rydzevskaya E.A. Ancient Rus' and Scandinavia in the 9th–14th Centuries. Moscow: Nauka, 1978. 240 p.
5. Shaskol'kiy I.P. Rus's Struggle to Maintain Access to the Baltic Sea in the 14th Century. Leningrad: Nauka, 1987. 174 p.
6. Blumenfeld-Kosinski. Saint Birgitta's and Saint Catherine's Visions of Crusading. A Companion to Birgitta of Sweden: and Her Legacy in the Later Middle Ages. Leiden, 2019. 330 p.
7. Dalin O. Svea Rikes Historia. D. II. Stockholm, 1750. 666 p.
8. Salmesvuori P. Power and sanctity. The case pf Birgitta of Sweden. 2014. 252 p.
9. Sancta Birgitta. Revelaciones. Book VII. Ed. Birger Bergh. Samlingar utgivna av Svenska fornskriftsällskapet, Uppsala: 1967. Ser. 2. Vol. 7. No. 7. 220 p.
10. Sancta Birgitta. Revelaciones. Book VIII Ed. A. Jonsson. Samlingar utgivna av Svenska fornskriftsällskapet, Uppsala, 2002. Ser. 2. Vol. 7. No. 8. 229 rub.

Информация об авторе

Першин Я.В., независимый исследователь, аспирант, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5728-3433, Новосибирский государственный университет, yaroslav.v.pershin@gmai.com

© Першин Я.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 39.398.22

Татарская волшебная сказка в трудах ученых конца XX века – начала XXI века

[1] Гизатуллина Д.Н.,
[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в настоящей статье рассмотрен период возрождения и популяризации национальной татарской фольклористики и традиций изучения жанра волшебной сказки как ее части. Обозначены этапы сбора, фиксации и публикации фольклорных материалов по мифологии казанских татар в целом и по исследованию татарской волшебной сказки, в частности. Выбранный нами период конца XX в. – начала XXI в., в который произошло возрождение и популяризация этнографии как науки, отмечен и ростом национального самосознания у народов, проживающих на тот момент в Российской Федерации. Предложено теоретическое обоснование жанра татарской волшебной сказки. Изучены тексты научных работ указанного периода, посвященные анализу народного сознания через татарские мифологические образы и сказочные сюжеты.

Ключевые слова: татарский фольклор, национальная татарская фольклористика, народное творчество, устная традиция

***Для цитирования**: Гизатуллина Д.Н. Татарская волшебная сказка в трудах ученых конца XX века – начала XXI века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 292 – 299.*

Поступила в редакцию: 11 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Tatar fairy tale in the works of scientists of the late twentieth century – early twenty-first century

[1] Gizatullina D.N.,
[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: this article examines the period of revival and popularization of national Tatar folklore and traditions of studying the genre of fairy tales as a part of it. The stages of collecting, recording and publishing folklore materials on the mythology of the Kazan Tatars in general and on the study of the Tatar fairy tale in particular are outlined. The period we have chosen at the end of the 20th century and the beginning of the 21st century, during which ethnography was revived and popularized as a science, was also marked by the growth of national consciousness among the peoples living in the Russian Federation at that time. A theoretical justification of the Tatar fairy tale genre is proposed. The texts of scientific works of the specified period devoted to the analysis of national consciousness through Tatar mythological images and fairy-tale plots are studied.

Keywords: Tatar folklore, Tatar national folklore, folk art, oral tradition

***For citation**: Gizatullina D.N. Tatar fairy tale in the works of scientists of the late twentieth century – early twenty-first century. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 292 – 299.*

The article was submitted: September 11, 2025; Approved after reviewing: November 8, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Научные исследования татарских волшебных сказок в конце XX – начале XXI продолжались на основе неизученных экспедиционных материалов, а также создавались историографические работы, различные указатели, монографии, статьи и диссертации, которые повествовали об истории формировании и развитии татарской фольклористики, жанров фольклора, в т.ч. и волшебной сказки, о собирателях и фольклористах, что предзнаменовало началом нового этапа исследований.

Материалы и методы исследований

Методологической основой настоящего исследования являются сравнительно-сопоставительный и типологический анализ, посредством которых были изучены работы ученых, посвященные татарской сказке и мифологии казанских татар. Предпринята попытка выявить наиболее значимые исследования по указанному жанру, заложившие основу для развития национальной фольклористики.

Результаты и обсуждения

В конце 80-х гг. XX в. заведующий отделом народного творчества института языка, литературы и искусства Академии наук РТ был Ф.И. Урманчеев - ученый, исследователь татарского фольклора. В 1989 г. ученый защитил докторскую диссертацию «Формирование и развитие татарских народных баитов». Однако исследователь занимался и изучением легендарных персонажей. Так, например, одним из самых значимых его научных трудов стал трёхтомный словарь – антология «Мифологический словарь татар», который подробно характеризовал легендарных персонажей татарского фольклора таких, как «Шурале», «Су Анасы», «Шайтан» и менее известных, например, «Уряк», «Убыр-кеше», «Албасты» и т.д. [14].

Следующий исследователь татарского фольклора - М.Х. Бакиров. В совей работе «Татарский фольклор» автор отмечал, что существовали классические жанры, которые принято было, в соответствии с классификацией разделять на следующие пункты:

1) эпические жанры (сказки, предания, легенды, эпос-дастаны, анекдоты);

2) лирические жанры (различного рода песни, такмаки, мунаджаты);

3) лиро-эпические жанры (баиты, исторические песни, любовные или бытовые дастаны);

4) жанры, связанные с драматическим началом (обрядовая поэзия, народные игры, игровые и плясовые песни, детский фольклор.

В зависимости от функции, автор писал и об отношении жанра фольклора к обрядовым действиям, соответственно, разделял на «обрядовый фольклор» (календарная обрядовая поэзия, семейно-бытовая обрядовая поэзия, заговоры). К «необрядовому фольклору» исследователь относил жанры эпический и лирический, к которым в т.ч. ученый отнес и сказки.

О татарской волшебной сказке автор писал, что волшебная сказка базировалась на вымысле и фантазии, однако, в сюжете были отражены первобытные и феодальные обряды и обычаи. Например, разрушение матриархата и установление патриархальных отношений в обществе. Так ученый выявляет, что архаичные образы «Убыр Карчык» и «Дива», пришедшие, по мнению исследователя, из ведийской мифологии. По мнению М.Х. Бакирова, данные герои были положительными персонажами в древности, однако, из-за разрешения первобытных матриархальных отношений в современной мифологии приобрели отрицательный характер.

М.Х. Бакиров отмечал, что в татарской волшебной сказке фигурировал обряд инициации юноши, например, наиболее часто обряд инициации, в соответствии с классификацией, проходил младший сын или младший брат. У рассказчика-сказителя особое отношение к этому персонажу, т.к. младший брат или сын был продемонстрирован и наделен рассказчиком-сказителем положительными качествами: он был добрым, доверчивым, ироничным, по своему умным и предприимчивым персонажем.

Такое же отношение М.Х. Бакиров отмечал в сказках и по отношению к сиротам, которым так или иначе в текстах помогали «Баба Яга», «Див», «Белый Волк» или другие персонажи помощники, т.к. сироты, т.е. падчерицы или пасынки в сюжете являлись наиболее униженными и оскорблёнными героями, однако, в кульминации сказки читатель видел, как преображалась сирота из несчастного и жалкого персонажа в героя, а обидчицы-мачехи всегда были наказаны. М.Х. Бакиров писал и о мотиве «веры народа в справедливого царя», который рано или поздно был у власти и смог прогнать

злых и жадных визирей и народ был счастлив и богат.

Таким образом, М.Х. Бакиров сделал вывод о том, что сказки не являлись «обрядовым фольклором», а относились к эпическому жанру. М.Х. Бакиров разделил сказки на три жанра: бытовые сказки, волшебные сказки и сказки о животных. По мнению исследователя, волшебная татарская сказка занимала свое неотъемлемое место в национальной фольклористике, в которой, являясь базовым, первостепенным и основополагающим жанром устного татарского народного творчества, наряду с дастанами, баитами, мэзэками.

В 1999 г. на русском языке была опубликована работа «Типология татарского фольклора», которая кратко освещала жанр сказок. В конце 90-х годов начиналось перевод 25 томного произведения «Татарское народное творчество». Первый том был опубликован в 1999 г. издательством «Раннур». Издательство выпустило том «Сказки» в рамках исследований ИЯЛИ и выпуска серии «Татарское народное творчество», состоящих из 25 томов и опубликованных на татарском языке. В данный том «Сказки о животных и волшебные сказки» были включены сказки о животных, бытовые и волшебные сказки. Это был первый том из 14 томного издания на русском языке. Сборник структурирован по разделам, в котором были и волшебные сказки – 46 текстов.

Более подробные и значимые исследования проводились уже при попытке разбора сюжетных линий и анализа жанра татарской волшебной сказки. Данную информацию мы нашли уже в работах учёных – фольклористов XXI в.

Одним из зачинателей данной традиции была Л.Г. Фузулзянова – исследовательница татарского фольклора, литературовед, автор работы «Представление пространства в татарских народных сказках». Л.Г. Фузулзянова в своей научной публикации раскрыла проблему структуры пространственно-временного континуума в татарской волшебной сказке [12].

Автор писала, что в татарских волшебных сказках не существовало единого течения времени и пространства – «локуса», т.е. локации, где происходило действие сюжета. Однако исследовательница подчеркивала, что структура времени и пространства во всех сказках происходила в двух моделях:

1) действия в сказке происходит с большой скоростью и мгновенно проходит;

2) действия в сказке происходят с замедленной скоростью.

На примере текстов волшебных сказок «Три подарка» и «Нурсылу» Л.Г. Фузулзянова отмечала, что путь и действия героев в данных сказках происходили с определённой средней скоростью, дорога главного персонажа была не слишком сложна и запутана, однако, и непроста, т.е. являлась некой средней формой от двух принятых вышеупомянутых классических моделей по течению времени и пространства в сказках. Исследовательница отмечала, что пространственно-временной континуум ускорялся или замедлялся, на протяжении сюжета, посредством использования различных «приемов», например, «пока чугунные галоши не сотрешь, не найдешь» или «разок дунул на сморщенную, сгорбленную старушку и та превратилась в восемнадцатилетнюю девушку». Данные «приемы» помогали ускорить или замедлить течение пространственно-временного континуума.

Таким образом, автор подчеркивала, что в татарской волшебной сказке не существовало универсальной модели течения пространства и времени, т.к. пространственно-временной континуум формировался в сюжете уже в процессе пути главного героя, т.е. все зависело от его действий: и выбора персонажа и его волшебных «оппонентов», таким образом, и формировался «локус» татарской волшебной сказки.

Г.Р. Яхшисарова в своей научной статье «Мифологические мотивы татарских народных волшебных сказок» на примере волшебных сказок таких, как «Одиннадцатый сын Ахмет», «Богатырь Заря», «Зухра и Айсылу», «Камыр-батыр», «Паршивый жеребенок», «Тан-батыр», также исследовала пространство в татарской волшебной сказке через призму мифа [15].

Исследовательница предполагала, что сюжеты, персонажи, а также структура волшебной сказки идентичны с мифом. Автор отмечал, что в сказках встречались мифологические мотивы космогонических, антропологических, религиозных и солярных мифов. Г.Р. Яхшисарова подчеркивала, что именно через метафоры, которые содержались в волшебных сказках дошли мифологические верования и поверья не только татарского народа, но и всех тюркских народов.

В конце статьи исследовательница отметила следующее:

1) структура волшебной сказки схожа со структурой мифа, т.к. базировалась на «мифологических мотивах», т.е. структура сказки обладала тем же «многоступенчатым» устройством – состояла из верхнего мира, населенного богами, среднего мира, населённого людьми и нижнего мира, населенного нечистью и духами - мир мертвых;

2) главной задачей героя как в сказке, так и в мифе была в избавлении от зла и спасении другого персонажа из нижнего мира;

3) в мотиве как сказок, так и мифов человек возникал из неоткуда;

4) описание местности, природы, предметов и животных в волшебных сказках и мифах идентичны.

Влияние мифа на формирование жанра волшебной сказки рассматривала и И.Г. Закирова в работе «Космогонические мифы и легенды татарского народа». В данной работе автор исследовала взаимосвязь татарских волшебных сказок с мифами, а также легендами о сотворении мира народов Древнего Мира и Античности, например, народов Шумера, Греции, Индии и т.д. По мнению исследовательницы, сюжеты из древних солярных и космогонических мифов переходили из одного сюжета в другой, соответственно, возникал новый мифологический сюжет [3].

Отголоски мифологических сюжетов, по мнению И.Г. Закировой, присутствовали и в мифологических сюжетах татарского народа, например, в сказке «Звезда Зухра», в которой главная героиня – девочка по имени Зухра после всех испытаний стала звездой, т.к. Луна забрала ее на небо. В данном сюжете был представлен один из самых древних вариантов мифа – солярный миф об одушевленных небесных телах, т.е. Луне, Солнце, звездах и т.д. Здесь автор отмечал, что в древности люди считали землю отражением неба и идентифицировали каждый небесный объект, как отдельного человека, проживающего на земле, т.е. в отражении небесного свода.

Исследовательница писала, что в сюжетах волшебных сказок сохранилось устройство мироздания в соответствии с устройством мироздания в мифе, т.е. в описании были верхний, средний и подземные миры, населенные богами, людьми и нечестью. На примере волшебной сказки «Камыр-батыр» И.Г. Закирова продемонстрировала данное соответствие таким образом: главный персонаж спускается в нижний мир «царство Дива» и благополучно возвращался в свой средний, человеческий мир. Здесь автор проводил параллель с мифологическим сюжетом из Древней Греции – «подвиг Орфея», который спустился в подземное «царство Аида», чтобы освободить «Эвридику» [4].

Таким образом, в конце статьи исследовательница отмечала, что в космогонических мифах, легендах, сказках и других устных фольклорных памятниках татарского народа сохранились мифологические сюжеты и поверья, однако, по словам автора: «Даже в преданиях, отражающих историческую реальность, присутствует мифологическая фантазия». Автор подчеркивала, что данная научная публикация являлась попыткой реконструкции и сохранения мифологических сюжетов и образов, подвергшихся изменениям под влиянием глобализации.

В 2010 г. И.И. Ямалтдинов выпустил статью «Из истории издания произведений татарского фольклора (середина XX века)»[14]. В данной статье автор проанализировал этапы становления национальной фольклористики. По мнению исследователя, основы были заложены Г.Г. Ибрагимовым, а также сотрудниками Академцентра. В дальнейшем научная деятельность была продолжена ИЯЛИ и Х. Ярми в 30-х и 40-х гг. XX в. В особенности И.И. Ямалтдинов отметил труд Х. Ярми, опубликованный в 1951 г. – «Татарское народное творчество». Данный труд, по мнению И.И. Ямалтдинова, был практически универсальной работой по жанрам татарского фольклора. Резюмируя, автор написал: «Таким образом, подготовленные и изданные научные сборники были 2-х типов. Если первый тип охватывал все основные жанры татарского фольклора, то сборники второго типа были посвящены одному жанру».

Метафорические образы героев из волшебных сказок рассматривала и исследовательница - фольклорист А. Гусейнова в своей научной публикации «Неземные и демонические существа в фольклоре тюркоязычных народов» [2]. В данной работе автор изучала мифологические образы такие, как «Юха», «Су Анасы» и «Шурале». Исследовательница сравнивала героев из преданий, сказок и легенд тюркских народов. Так, например, образ из преданий азербайджанцев – «Албасты» и образ «Юхи». В конце работы автор определила, что вышеуказанные персонажи были объединены с другими героями из мифологии тюркских народов, например, такими, как «Дию» и «Пери» из башкирских сказок или «Чян гарысы» из азербайджанских сказок.

Резюмируя, А. Гусейнова сделала вывод о том, что тюркские народы, посредством создания различных метафорических образов, а также сказок, легенд, преданий и мифов пытались объяснить топонимы, т.е. названия природных объектов, которые окружали их, а, соответственно, и природные явления.

В 2011 г. Ф.И. Урманчеев опубликовал статью, посвященную проблемам современной татарской фольклористики. В данной статье исследователь выделил несколько проблем национальной фольклористики. Так, например, первая проблема - возникновение, введение и употребление новых понятий в научном терминологическом аппарате. Автор писал о том, что с конца 80-х гг. XX в. по начало XXI вв. в национальной фольклористике возникло множество противоречий и для их обо-

значения были введены новые термины «постфольклор» и «постпостфольклор», по словам автора, в начале XX в. существовал лишь один термин для обозначения всего пласта народного творчества – «народная литература». В 20-х гг. XX в. ученые М.А. Васильев и Г. Рахим ввели новое понятие «фольклор» по отношению к собранным материалам устного народного творчества татар. Резюмируя, автор подчеркнул, что на указанном им этапе сотрудники ИЯЛИ активно занимались исследованиями различных жанров татарского фольклора и национальной фольклористки.

В 2012 г. была опубликована статья И.И. Ямалтдинова, посвященная исследованиям национальной фольклористики в период 60-х гг. XX в. Автор подчеркивал, что создателем национальной фольклористики и зачинателем традиции исследований жанров татарского фольклора был Х. Ярми. И.И. Ямалтдинов отмечал, что 1960-х гг. активно рассматривались вопросы литературы и фольклора, их взаимодействие и взаимовлияние, место фольклора в творчестве отдельных писателей. Результатом данной работы были многочисленные диссертации по татарскому фольклору. Ученый отметил монографию Х. Ярми «Поэтическое творчество татарского народа», в котором Х. Ярми основным аспектом было исследование истории собирания и научного изучения татарского фольклора, а второстепенным были такие аспекты, как развитие и рассмотрение особенностей жанров фольклора, в т.ч. и волшебной сказки. Таким образом, И.И. Ямалтдинов изучил историю развития национальной фольклористики, жанра волшебной сказки и выявил роль и влияние научных трудов Х. Ярми на татарский фольклор.

Образы татарских сказочных персонажей исследовала и С.В. Миронова в работе «Стереотипный образ волка в русском и татарском языковом сознании». В данной работе исследовательница сравнила образ волка-помощника в русских и татарских сказочных сюжетах, определяла характеристики данного персонажа и его роль сказочном повествовании [8].

Автор определила, что в русских сказках волк именуется «Серый Волк», в отличии от татарских сюжетов, в которых персонаж именуется как «Белый Волк». Здесь исследовательница отметила, что белый цвет в семантике тюркских народов имеет неоднозначное место, т.к. символизирует чистоту, добро, молодость и священен для тюрок, однако, одновременно символизирует и потусторонние силы, т.е. иной мир, мир мертвых. В сказках «Белый Волк» был представлен как могущественный персонаж, хозяин леса, который готов и помочь герою при определённом уважительном отношении и поведении, или покарать героя.

Исследовательница провела психолингвистический эксперимент, чтобы выявить словесные ассоциации, которые, могли быть связаны в представлении респондентов с образом «Серого Волка» и «Белого Волка». В данном эксперименте приняли участие 60 студентов филологов, из которых 29 студентов являлись студентами факультета русской филологии, 31 студент был с факультета татарской филологии. В ходе эксперимента студенты характеризовали и описали образы «Белого Волка» и «Серого Волка».

Таким образом, студенты описали и характеризовали образ «Серого Волка», в следствии чего, автор распределила данные характеристики по следующим тематическим группам:

1) «внешние качества», например, «серый, голубоглазый, худой, рычащий»;

2) «внутренние качества», каковыми являлись характеристики «злой, хитрый, алчный, свирепый»;

3) «отвлеченные понятия», например, «грусть, опасность, голод».

Образ «Белого Волка» участники характеризовали в соответствии с выделенными исследовательницей группами такими, как «природные объекты», «внутренние качества», «внешние качества». Здесь автор отметила такие характеристика, как «лес, темный лес, густой лес» – «группа природные объекты»; «злой, жестокий, верный» – «группа внутренние качества»; «серый, голодный, большой, воющий, опасный» – «группа внешние качества».

Таким образом, исследовательница сделала следующий вывод: общность и схожесть вышеуказанных характеристик, исследуемых персонажей, продемонстрировали, по словам ученого, «одинаковое мировидение и мировосприятие народов, еще раз подтверждая тезис о так называемых языковых универсалиях».

В своей научной публикации «Взаимосвязь представлений молодежи об успешном человеке с содержанием народных сказок» исследователи О.А. Браун и Н.Н. Русакова изучили образы богатырей в татарских и чувашский народных сказках, посредством таких эмпирических методов, как тест «20 ответов» М. Куна и Т. Макпартленда, метод незаконченных предложений, метод контент-анализа. В качестве объекта анализа авторами были использованы характеристики главного героя [1].

Исследователи отметили, что в отличии от чувашских сказок, персонажи в татарских народных сказках не демонстрировали свою этническую

принадлежность напрямую, либо в сюжете сказки и вовсе не упоминалась этническая принадлежность героев. Авторы подчеркивали, что, по мнению респондентов, главные герои в сказках отличались личностными качествами, которые воспринимались опрошенными более важными характеристиками, чем внешние характеристики героев, а также обстоятельства, с которыми сталкивались персонажи.

В данном исследовании респондентами было выделено множество характеристик, которые О.А. Браун и Н.Н. Русакова разделили на две группы: интеллектуальные и волевые качества, например, сообразительный и трудолюбивый. Ученые отметили, что в представлении респондентов для героя татарских сказок свойственны характеристики как из первой, так и из второй группы характеристик, однако, для героев из чувашских сказок свойственны лишь «волевые качества».

Резюмируя статью, исследователи выявили следующее:

- во-первых, в коллективном сознании опрошенных «успешность героя» была связана с его личными качествами;

- во-вторых, основными внешними признаками «успешности» являлись материальные блага и специфическая «среда обитания»;

- в-третьих, респонденты-татары при описании успешного человека упоминали «трудолюбие» в два раза чаще, чем чуваши, а «трудолюбие» как характеристика успешного героя стояла на первом месте, а в чувашских сказках на 21 месте.

А.Р. Мотигуллина в своей научной публикации «Образ мудреца в татарском устном народном творчестве и татарской литературе» продолжала исследовать образы татарских сказочных персонажей. А.Р. Мотигуллина изучала образ старика-мудреца через призму таких волшебных сказок, как «Одиннадцатый сын Ахмет», «Охотник», «Царь и старик», «Мудрый старик», «Смышлёный солдат», «Умная девушка», «Плут» [9].

Исследовательница выявила, что образ старика в татарских волшебных сказках отличался от данного образа в сравнении с другими сказками. Во-первых, «старик» в татарских сказках отличался внешне. Так, он имел длинную белую бороду и был одет в белую одежду. Во-вторых, «старик-мудрец» возникал из ниоткуда на пути главного героя. В-третьих, «старик-мудрец» обладал волшебными способностями, посредством которых выручал главного героя из опасной ситуации или оживлял героя. В-четвертых, «старик-мудрец» помогал главному герою советом, а также передавал волшебный предмет. В-пятых, «старик-мудрец» в сказках являлся предсказателем.

Итак, на основе вышеуказанных характеристик персонажа, автор провел аналогию сказочного образа «старика-мудреца» с мифологическим образом верховного божества «Тенгри», а также с легендарным образом путника «Хозыр Ильяса». В конце работы исследовательница отметила, что мифологический и сказочный образ «старика-мудреца» был основой для создания многочисленных литературных образов в работах татарских писателей таких, как К. Шариф, К. Гали, К. Насыри, Г. Ибрагимов, Г. Исхаки и т.д.

Последние научные изыскания по изучению фольклора, сказки, а также национальной фольклористики были проведены И.И. Ямалтдиновым «Татарская фольклористика в 20-60-х гг. XX века» (2012). В данной работе исследователь подробно анализировал основные периоды формирования, а также развития национальной фольклористики в соответствии с историческими и научными событиями.

Например, первый период, который выделил ученый это конец XIX-начало XX вв., когда сформировался базис знаний о татарском фольклоре исследователями и просветителями. Второй период национальной фольклористики, по мнению ученого, начинался с открытия Академического центра при Министерстве Просвещения ТАССР (1921). Данный период исследователь выделил, т.к. в это время были предприняты первые попытки научного сбора информации – эмпирические исследования. И.И. Ямалтдинов отмечал, что исследователи не только собирали фольклор, но и пытались проанализировать полученный материал. По мнению ученого, третий период – открытие Института языка, литературы и искусства (1939). По словам учёного, в ИЯЛИ проводилась комплексная работа по публикации, адаптации и популяризации фольклора, т.е. в данный период исследователи создавали различные научные труды, выпускали фольклорные сборники. Исследовательская работа по национальной фольклористике И.И. Ямалтдинова заканчивалась периодом изучения вплоть до 60-гг. XX в., когда изучение татарского фольклора было крайне популярно, не только среди ученых, но и широкой аудитории.

В 2020 г. в журнале «Научный Татарстан» вышла статья К.М. Миннуллина и И.Г. Закировой об истории возникновения и развития татарской волшебной сказки. В данной статье авторы проанализировали первые работы конца XIX- нач. XX вв., содержащие сказочные тексты. Это сборники М. Иванова, Т. Яхина, Г. Фаизханова, К. Насыри, Г. Балинта, Х. Паасонена, И. Куноша. Далее авторы статьи отметили научную деятельность Г. Рахима и М.А. Васильева на развитие жанра вол-

шебной сказки, а также К.М. Миннуллин и И.Г. Закирова отметили положительное влияние популяризаторской деятельности Г. Тукая., т.к. волшебные сказки «Су Анасы» и «Шурале» в литературной обработке писателя были наиболее известными сказочными сюжетами [7].

Исследователи отметили, что одним из факторов развития жанра волшебной сказки была речь М. Горького на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г., на котором писатель призвал собирать, изучать и работать над своим фольклором. Далее авторы отметили вклад ИЯЛИ и экспедиционную деятельность Г. Баширова и Х. Ярми в формирование и развитие «сказки». Результатом научной работы стал первый сказочный сборник, опубликованный в двух томах на татарском языке. Резюмируя, исследователи подчеркнули, что основной вклад в развитие татарской народной сказки внесли Х. Ярми его соратник Г. Баширов, а также ученики Х. Ярми – Л.Ш. Замалетдинов и Х.Х. Гатина, которые продолжали работу в данном направлении, например, опубликовали многотомное издание с татарскими народными сказками.

Выводы

Таким образом, в данный период отдельные элементы жанра татарской волшебной сказки были популяризированы через различные научно-популярные публикации в сети Интернет. В данных публикациях, а также авторы изучали различные элементы сказки: функции, структуры, задачи, мотивы, персонажей. В электронных указателях и словарях были собраны ссылки на многочисленные труды по татарскому фольклору, в т.ч. и на татарские волшебные сказки.

Нужно отметить, что в данный период сформировались две классификации фольклора М.Х. Бакирова и Ф.И. Урманчеева, и классификация фольклористики И.И. Ямалтдинова. В фольклорных классификациях, М.Х. Бакиров и Ф.И. Урманчеев обосновали жанр татарской волшебной сказки и татарскую мифологическую систему. Классификацию национальной фольклористики создал И.И. Ямалтдинова. Роль данной классификации была в выявлении и научном обосновании национальной фольклористики.

Список источников

1. Браун О.А., Русакова Н.Н. Взаимосвязь представлений молодежи об успешном человеке с содержанием народных сказок (на примере татарского и чувашского этносов) // Вестник КемГУ. 2010. № 3 (43). С. 38 – 44.

2. Гусейнова А. Неземные и демонические существа в фольклоре тюркоязычных народов / Журнал Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств // Языкознание и литературоведение. 2010. С. 1 – 4.

3. Закирова И.Г. Космогонические мифы и легенды татарского народа // Вестник Чувашского Университета. 2010. № 11. С. 11 – 16.

4. Закирова И.Г. Татарская богатырская сказка. Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2017. № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 31 – 34.

5. Махмутов З.А. Конь как один из исторических символов татарской культуры // Грамота. 2016. № 5. С. 5 – 8.

6. Миннуллин К.М., Закирова И.Г. Жанровое своеобразие татарских волшебных сказок // Филологические науки. Вопросы теории и практики // Грамота. 2017. № 10 (76). Ч. 1. С. 42 – 45.

7. Миннуллин К.М., Закирова И.Г. Образ старухи убырлы в татарских волшебных сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. 2019. Т. 12. Вып. 9. С. 81 – 84.

8. Миронова С.В. Стереотипный образ волка в русском и татарском языковом сознании // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 4 (295). Вып. 75. С. 70 – 78.

9. Мотигуллина А.Р. Образ мудреца в татарском устном народном творчестве и татарской литературе // Филология и культура. Языкознание и литературоведение. 2022. № 3 (69). С. 128 – 131.

10. Тахтарова С.С. Сравнительно-сопоставительный анализ мифов республики Татарстан и республики Кореи // Языкознание. 2017. № 1. С. 8 – 14.

11. Усманова Д.М. Татарская периодическая печать (1917-1918): опыт количественной и качественной характеристики национальной прессы революционной эпохи // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2021. № 11. С. 86 – 102.

12. Фузулзянова Л.Г. Представление пространства в татарских народных сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61). Ч. 3. С. 51 – 53.

13. Хакимзянова Д.Ф. Женские образы в тюркской мифологической культуре // Вестник Казгуки. 2016.- № 3. С. 1 – 4.

14. Ямалтдинов И.И. Татарская фольклористика 20-60-х гг. XX века. Собирание, публикация и научное изучение фольклора. Казань: ИЯЛИ, им. Г. Ибрагимова, 2016. 184 с.

15. Яхшисарова Р.Г. Мифологические мотивы татарских народных волшебных сказок. Филологические науки. Вопросы теории и практики // Грамота. 2017. № 2 (68). Ч. 1. С. 45 – 47.

16. Яхшисарова Р.Г. Отражение моральных норм в татарских волшебных сказках. Филологические науки. Вопросы теории и практики // Грамота. 2017. № 5 (71). Ч. 3. С. 44 – 46.

17. Яхшисарова Г.Р. Татарские волшебные сказки: следы мифологических представлений, связанных с табу-запретами. Филология и культура. 2018. № 1 (51). С. 228 – 231.

References

1. Braun O.A., Rusakova N.N. The Relationship between Young People's Ideas about a Successful Person and the Contents of Folk Tales (Based on the Tatar and Chuvash Ethnic Groups). Vestnik of KemSU. 2010. No. 3 (43). P. 38 – 44.

2. Guseinova A. Unearthly and Demonic Creatures in the Folklore of Turkic-Speaking Peoples. Journal of the Kazan State University of Culture and Arts. Linguistics and Literary Studies. 2010. P. 1 – 4.

3. Zakirova I.G. Cosmogonic Myths and Legends of the Tatar People. Vestnik of the Chuvash University. 2010. No. 11. P. 11 – 16.

4. Zakirova I.G. Tatar Heroic Tale. Philological sciences. Questions of theory and practice Tambov: Gramota, 2017. No. 9 (75): in 2 parts. Part 2. P. 31 – 34.

5. Makhmutov Z.A. The horse as one of the historical symbols of Tatar culture. Diploma. 2016. No. 5. P. 5 – 8.

6. Minnullin K.M., Zakirova I.G. Genre originality of Tatar fairy tales. Philological sciences. Questions of theory and practice. Certificate. 2017. No. 10 (76). Part 1. P. 42 – 45.

7. Minnullin K.M., Zakirova I.G. The image of an old woman in Tatar fairy tales. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. Gramota. 2019. Vol. 12. Issue 9. P. 81 – 84.

8. Mironova S.V. The Stereotypical Image of the Wolf in Russian and Tatar Linguistic Consciousness. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2013. No. 4 (295). Issue 75. P. 70 – 78.

9. Motigullina A.R. The Image of the Sage in Tatar Oral Folklore and Tatar Literature. Philology and Culture. Linguistics and Literary Criticism. 2022. No. 3 (69). P. 128 – 131.

10. Takhtarova S.S. Comparative and Contrastive Analysis of Myths of the Republic of Tatarstan and the Republic of Korea. Linguistics. 2017. No. 1. P. 8 – 14.

11. Usmanova D.M. Tatar periodical press (1917-1918): an attempt at quantitative and qualitative characteristics of the national press of the revolutionary era. From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region. 2021. No. 11. P. 86 – 102.

12. Fuzulzyanova L.G. Representation of space in Tatar folk tales. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2016. No. 7 (61). Part 3. P. 51 – 53.

13. Khakimzyanova D. F. Female images in Turkic mythological culture. Vestnik Kazguki. 2016.- No. 3. Pp. 1 – 4.

14. Yamaltdinov I.I. Tatar Folklore Studies of the 1920s-60s. Collection, Publication, and Scientific Study of Folklore. Kazan: IYALI, named after G. Ibragimov, 2016. 184 p.

15. Yakhshisarova R.G. Mythological Motifs of Tatar Folk Fairy Tales. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. Gramota. 2017. No. 2 (68). Part 1. P. 45 – 47.

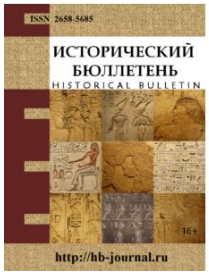
16. Yakhshisarova R.G. Reflection of Moral Norms in Tatar Fairy Tales. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. Gramota. 2017. No. 5 (71). Part 3. P. 44 – 46.

17. Yakhshisarova G.R. Tatar fairy tales: traces of mythological ideas associated with taboos and prohibitions. Philology and Culture. 2018. No. 1 (51). P. 228 – 231.

Информация об авторе

Гизатуллина Д.Н., ассистент кафедры археологии и этнологии, ORCID ID: http://orcid.org/0009-0009-1288-1427, Казанский (Приволжский) федеральный университет, di4na.gizatullina@yandex.ru

© Гизатуллина Д.Н., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 391.2

Формирование и обзор этнографических коллекций пермских башкир в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН

[1] Махмудов А.Р,
[1] Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Аннотация: в данной статье представлено исследование башкирских экспонатов из этнографической коллекции Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН, собранных в конце XX в. в Пермской области. Исследование проводится с целью изучения музейных коллекций, обозначающие своеобразие истории культурных традиций пермских башкир. В качестве основы для исследования использовались музейные коллекции, полевые этнографические записи, полученные в ходе экспедиций в Бардымском районе Пермской области. В дополнение к основным источникам, были проанализированы архивные и фотоматериалы из Научного фонда УФИЦ РАН. В результате исследования были выявлены и проанализированы этнографические данные о предметах быта и одежды, представленных в музейных коллекциях, собранных в ходе экспедиций к пермским башкирам. В рамках данного исследования были применены историко-сравнительный метод, метод классификации и количественный анализ. Эти методы позволили рассмотреть и проанализировать поступление новых этнографических материалов в музей. Новизна исследования заключается в изучении архаичных элементов традиционной культуры пермских башкир, связанным с их земледельческим образом жизни, устройством жилища и традиционным костюмом. Обнаруженные в музее материалы вносят вклад в изучение региональных особенностей, обусловленные природными и географическими факторами в развитии этнической истории и культуры пермских башкир. Полученные материалы могут быть эффективно интегрированы в образовательный процесс, служа основой для преподавания исторических дисциплин, создания музейных каталогов и альбомов, а также для проведения комплексных научных исследований в области истории и этнографии башкирского народа.

Ключевые слова: башкиры, этнография, экспедиция, музей, фонд, каталог, коллекция, экспонат, одежда, орнамент

***Для цитирования**: Махмудов А.Р. Формирование и обзор этнографических коллекций пермских башкир в Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 300 – 306.*

Поступила в редакцию: 12 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Formation and overview of the ethnographic collections of the Perm Bashkirs in the Museum of Archaeology and Ethnography of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

[1] Makhmudov A.R.,
[1] R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract: this article presents a study of Bashkir artifacts from the ethnographic collection of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Institute of Economics, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, collected in the late 20th century in the Perm region. The study aims to examine museum collections that highlight the unique history of the cultural traditions of the Perm Bashkirs. Museum collections and ethnographic field notes obtained during expeditions in the Bardym district of the Perm region served as the basis for the study. In addition to the primary sources, archival and photographic materials from the Scientific Collection of the Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, were analyzed. The study identified and analyzed ethnographic data on household items and clothing represented in museum collections collected during expeditions to the Perm Bashkirs. This study utilized the historical-comparative method, classification, and quantitative analysis. These methods allowed us to examine and analyze the museum's acquisition of new ethnographic materials. The study's novelty lies in its exploration of archaic elements of the traditional culture of the Perm Bashkirs, including their agricultural lifestyle, housing arrangements, and traditional costume. The materials discovered in the museum contribute to the study of regional characteristics, conditioned by natural and geographic factors, in the development of the ethnic history and culture of the Perm Bashkirs. The materials obtained can be effectively integrated into the educational process, serving as a basis for teaching historical disciplines, creating museum catalogs and albums, and conducting comprehensive scientific research in the history and ethnography of the Bashkir people.

Keywords: Bashkirs, ethnography, expedition, museum, fund, catalog, collection, exhibit, clothing, ornamentation

***For citation**: Makhmudov A.R. Formation and overview of the ethnographic collections of the Perm Bashkirs in the Museum of Archaeology and Ethnography of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 300 – 306.*

The article was submitted: September 12, 2025; Approved after reviewing: November 9, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Музейные этнографические коллекции – это бесценный источник знаний о материальной и духовной культуре народов. Благодаря публикации сведений о музейных коллекциях, ценнейшие материалы становятся доступны научному сообществу. Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН располагает обширными этнографическими фондами, представляющими народы Южного Урала и Приуралья: башкир, татар, русских, чувашей, удмуртов, мордвы, украинцев, белорусов и латышей [1-5]. Фонды насчитывается 189 этнографических коллекций, включающих более чем 3,5 тысячами этнографических предметов, которые охватывают быт и культуру различных народов региона, среди которых преобладают экспонаты, связанные с башкирской культурой [6, с. 114]. Музейные экспонаты были собраны учеными этнографами Института истории, языка и литературы РАН в ходе комплексных полевых научных экспедиций. В рамках комплексных экспедиций, проводившихся в разные годы, исследователи собирали ценные экспонаты, на территории Башкортостана, а также география экспедиций охватывала Челябинскую, Оренбургскую, Курганскую, Свердловскую и Пермскую области.

Сотрудники ИЭИ УФИЦ РАН активно работают над публикацией каталогов, посвященных различным аспектам этнографических коллекций, таким как башкирские украшения, предметы религиозных культов, финно-угорские и чувашские материалы. Эти коллекции также становятся предметом научных статей. Тем не менее, значительная часть экспонатов, особенно относящихся к башкирам, остается неописанной и недоступной для широкой научной аудитории.

Материалы и методы исследований

В рамках данного исследования были применены историко-сравнительный метод, метод класси-

фикации и количественный анализ. Эти методы позволили рассмотреть и проанализировать поступление этнографических материалов в музей. Настоящая статья ставит своей целью изучение этнографических собраний, посвященных башкирам Пермского края, которые экспонируются и хранятся в Музее археологии и этнографии. Исследование опирается на широкий круг источников: полевые этнографические записи, научные дневники и фотоматериалы из НА УФИЦ РАН, а также учетно-хранительскую документацию МАЭ (включая книги поступлений и коллекционные описи) и сами музейные экспонаты.

Настоящее исследование вносит вклад в изучение истории формирования музейных коллекций, посвященных пермским башкирам. Опираясь на анализ архивных документов и экспонатов, хранящихся в МАЭ, автор предлагает новую интерпретацию процесса комплектования фондов. Представленные в статье сведения об отдельных предметах могут быть использованы в дальнейших исследованиях этнографами, фольклористами, музееведами и культурологами, специализирующимися на башкирской культуре.

Результаты и обсуждения

Исторический обзор формирования башкирских коллекций, посвященный пермским башкирам, начала формироваться во второй половине XX века. Этнографический сбор музейных экспонатов проходил в несколько этапов. Наибольший приток предметов, связанных с материальной культурой пермских башкир происходил во время экспедиционных выездов, когда музей активно закупал у местного населения предметы быта, украшения, оружие и орудия промысла. Первая из них состоялась в 1965 г. и проходила в селе Барда, деревнях Сараши и Султанай под руководством Р.Г. Кузеева, при участии Н.В. Бикбулатова и С.Н. Шитовой. В 1984 г. экспедицией руководила С.Н. Шитова, в составе которой были Ф.Ф. Фатыхова, М.Г. Муллагулов, Р.Г. Гаделгареева и фотографы Т.К. Сурина, С. Новиков. Исследования охватили Бардымский район, включая населенные пункты Бичурино, Бардабаш, Юкшур, Уймуж, Кудаши, Старый Чад и Барда. В 1990 г. экспедицию возглавил Н.В. Бикбулатов, вместе с этнографами Ф.Ф. Фатыховой, М.Г. Муллагуловым, Б.Х. Юлдашбаевым, аспирант БГУ М.Н. Сулеймановой, искусствоведом Т.А. Масленниковой и З.Г. Зайнуллиной. Исследования, проводились в селах Бардымского района: Барда, Бичурино, Сараши, Султанаево, Танып, а также селах Пермского района: Кояново и Башкултаево [7, с. 6]. Целью этих экспедиций было изучение и сбор полевого материала о пермских гайнинских башкирах. Собранные материалы стали основой для фундаментальных исследований, включая труды С.Н. Шитовой, посвященные о поселениях, жилищах и традиционном костюме [8-11].

В ходе экспедиции было собрано свыше 66 экспонатов, представляющих материальную и духовную культуру гайнинских башкир. Первая часть коллекции фонд 855, насчитывающая 55 предметов, была сформирована С.Н. Шитовой, а вторая коллекция фонд 898, включающая 11 предметов, – Н.В. Бикбулатовым.

Этнографические фонды обогатились уникальными образцами деревянной посуды гайнинских башкир. Эти изделия, созданные с применением различных техник – от цельного долбления до клепки – включают широкий спектр предметов. Среди них представлены емкости для молочных продуктов (молока, кефира, кумыса, ряженки, масла, сметаны), а также приспособления для их приготовления и хранения, такие как подойники, маслобойки и кадки. Особого внимания заслуживают долбленые сосуды со вставным дном, служившие для хранения соли, масла, катыка, а также для отмеривания сыпучих продуктов и приготовления теста. Клепаная посуда предназначалась для хранения кислушки. В коллекции также имеется приспособление для выжимания меда из сот (жом) и плетеная из лыка заплечная корзина для переноски продуктов.

Среди приобретенных этнографами предметов выделяются орудия труда: самодельное круглое решето из луба и лыка (илэк), датируемое 1930-ми гг., и кованые металлические вилы (сэнэк), применявшиеся в хозяйстве. Также в фонды поступили экспонаты, связанные с пчеловодством: инструмент для выдалбливания стволов при создании ульев и посуды и роевня (тубал). Присутствует берестяной туесок круглой формы со вставным дном, без крышки, предназначенный для сбора ягод и хранения сыпучих продуктов. Долбленая посуда, включая корыта для стирки белья и кормления животных, использовалась для хранения жидкостей. В коллекции имеется долбленое из цельной березы корыто для рубки мяса (ит ялгаши).

Этнографами были приобретены различные предметы, связанные с охотой и бытом. Так, в коллекцию поступили металлические орудия: капкан для кротов, состоящий из трех частей и оснащенный палочками для закрепления в земле, а также капканы, предназначенные для охоты на лису и норку. Также из Бардымского района была привезена металлическая подкова, которая выполняла функцию оберега. Ее вешали на забор, сарай,

над дверью дома, а иногда даже прибивали на порог.

Из одежды среди пермских башкир были приобретены женские чулки, известные как тула ойок, изготовленные из домашнего сукна белого цвета, кожаные сапоги черного цвета, называемые читек, а также мужские и женские лапти – сабата, сплетенные из лыка. Для полноты представления о процессе изготовления лаптей в этнографических фондах музея также хранятся кочедык и три деревянные колодки для лаптей. Также в фондах музея хранится женский колпачок, приобретенный у башкир из деревни Юкшур Бардымского района Пермского края. Головной убор сшит из коричневого бархата и декорирован спереди вышивкой серебряной нитью в виде растительного орнамента на передней части. Между полосами вышивки закреплены монеты. Заметим, что исторически сложившиеся торговые и культурные контакты пермских башкир с Казанью привели к заметному влиянию татарской культуры. Это выражалось в заимствовании элементов одежды, таких как головные уборы, обувь, а также в распространении татарских покроев [7, с. 94].

Этнографические коллекции МАЭ ОФ – 855 и МАЭ ОФ – 898, посвященные гайнинским башкирам, в значительной степени представлены ткаными изделиями: полотенцами, скатертями, занавесями, салфетками и дорожками. Для их изготовления использовались разнообразные материалы, включая шерсть, лен и хлопок, а также применялись как простые, так и узорные техники ткачества. Особое место занимала пестрядь – ткань полотняного переплетения с характерным клетчатым или полосатым рисунком, которая служила основой для многих изделий. Концовки же полотенец, скатертей и занавесей часто украшались более сложными браными или выборными узорами.

Среди экспонатов – разнообразные инструменты для работы с нитями и станком: мотовило для намотки нитей основы, ключевые детали ткацкого станка, такие как бердо (кылыс) и нитченки (корос), а также челноки. Для создания сложных узоров применялись специальные приспособления, представляющие собой наборы палочек и дощечек. Также были представлены устройства для перемотки ниток – калтырса и мотушка со льном, служившая для наматывания нитей основы.

В этнографическом отделе музея можно увидеть более десяти старинных домотканых полотенец, каждое из которых представляет собой неповторимый образец народного творчества. Эти изделия, украшенные разнообразными геометрическими узорами, демонстрируют высокое мастерство ткачей. В своих полевых заметках С.Н. Шитова отмечает, что полотенца с тканными концами используют для украшения стен дома, их натягивают на стене или развешивают на гвоздях [12, л. 2]. Полотенца, украшенные орнаментом, выделяются среди прочих изделий своим сакральным смыслом и применением в различных обрядах. Их использовали на свадьбах – как при обмене дарами, так и для оформления брачной комнаты, а также в ритуалах, связанных с рождением, погребением и поминанием [7, с. 104].

Рассмотрим некоторые из них. Тастамал – этот образец, выполненный в технике браного ткачества, демонстрирует яркий многоцветный узор. Три широкие полосы, разделенные тонкими закладными узорами, украшены геометрическими розетками. Цветовая палитра включает желтый, сиреневый, коричневый, бордовый, синий, розовый, голубой и зеленый на контрастном красном фоне. Концовка с ромбами, где представлен сдержанный браный узор кирпичного оттенка на белом фоне. Основной мотив – ромбы, выстроенные в три повторяющиеся горизонтальные полосы, создающие ритмичный рисунок.

Пестрядинное полотенце с яркими красными концами оживлены крупным браным узором. Геометрические фигуры, расположенные в три широкие и четыре узкие горизонтальные полосы, образуют повторяющийся рисунок. Данные экспонаты были приобретены у Нагимы Бухаровой (Лачиновой) из д. Старый Чад, Бардымский района, которые были вытканы в 1924 г. до замужества [12, л. 6].

Полотенце из пестряди с розетками с желто-красной пестрядью, который служит фоном для браного узора на концах. Три горизонтальные полосы заполнены розетками, выполненными в черных, оранжевых, зеленых, сиреневых, синих и желтых тонах. Полотенце с контрастными черными краями, оживленными многоцветным браным узором. Данный узор, выполненный нитями белого, красного, желтого, кирпичного, голубого, серого и розового цветов, образует три горизонтальные полосы с повторяющимися крупными розетками.

Бежевое тканое полотенце с выразительным геометрическим узором, выполненным в технике браного ткачества, у которой три широкие горизонтальные полосы украшены повторяющимися шестиугольными и ромбовидными фигурами, сотканными из серой, желтой, синей, белой и коричневой пряжи. Домотканое полотенце с ярким пестрядинным узором – черная клетка на насыщенном красном фоне. Концы полотенца украшены трехполосным многоцветным браным узором в виде розеток. Между этими полосами проходят узкие закладные полоски с уступообразным орна-

ментом. Данный экспонат был подарен Матишевым Муллаяном Суфыевичем, из д. Кудаши Бардымского района, который он выиграл в борьбе на Барда зиене – сабантуе, когда ему было лет 20 [12, л. 15].

Представлены фрагменты полотенец, украшенные яркими браными узорами на черной основе. Эти узоры вытканы в виде трех широких горизонтальных полос, каждая из которых украшена крупными розетками разнообразных цветов: красного, розового, синего, желтого, зеленого и белого. Полотенца сшиты вертикально из двух идентичных частей и были изготовлены в деревне Бичурино в 1928 г. Другие фрагменты демонстрируют технику пестряди. Еще два образца показывают концовка полотенец с более мелким, но столь же выразительным браным узором в виде розеток. Эти розетки также организованы в три широкие горизонтальные полосы, а между ними пролегают тонкие полоски, выполненные в технике закладного тканья.

Полотенца, выполненные в технике закладного ткачества красноватого оттенка, украшенное на концах вставками из красного хлопчатобумажного полотна. Декор включает узор, выполненный в технике перевити цветными шерстяными нитями, и фабричную бахрому, пришитую вручную по краю. Домотканое полотенце кремового цвета, с красными декоративными полосами по краям. Эти полосы украшены закладной вышивкой, выполненной цветными шерстяными нитями, формирующими геометрический орнамент. Комплект домотканых полотенец с бежевой основой, вдоль которой проходят три продольные красные полосы. К основе вручную пришиты терракотовые полосы, декорированные браной вышивкой с геометрическим узором.

В коллекции хранится шесть домотканых скатертей, называемых «ашъяулык». Они сшиты из нескольких одинаковых полотенечных полотнищ и украшены горизонтальными полосами геометрического орнамента, включающего крупные и мелкие розетки. Также имеется домотканый занавес «шаршау», выполненный в технике пестряди. Он имеет полосатый рисунок: узкие полоски синего, белого и желтого цветов контрастируют с красно-синим фоном. Верхняя часть занавеса украшена пришитой полосой пестрого сатина. Занавес состоит из семи тканых полотнищ. Приобретены две домотканые дорожки. Заметим, что в ткачестве и вышивке гайнинских башкир используются особые слова, которые не встречаются у других групп. Например «үргеч» – палка для намотки полотна и «шәбә» – палочка для разделения нитей основы при тканье узоров, «тупырча» – матушки и многое другое [12, л. 10].

Выводы

В Музее археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН хранится значительная коллекция этнографических предметов, раскрывающих особенности материальной и духовной жизни гайнинских башкир Пермского края. Источники пополнения этих коллекций были разнообразны. Вторая половина XX века стала периодом активного пополнения музея: были собраны предметы бытовой утвари, повседневной одежды и образцы ткачества, которые наглядно демонстрируют ремесленное мастерство гайнинских башкир и предоставляют богатый материал для их глубокого изучения. Среди экспонатов особое место занимает разнообразная посуда, в основном изготовленная из дерева, предназначенная для хранения и обработки пищи. В отличие от скотоводческих регионов, в пермских деревнях домотканые изделия играли существенную роль, активно применяясь как в оформлении жилищ, так и в одежде мужчин и женщин. Широко распространенные в Пермском крае орнаментированные полотенца обладали многогранным значением: они служили для бытовых нужд, украшали интерьер, выступали в роли оберегов и использовались в ритуальных целях. Среди них выделяются полотенца, отличающиеся своей уникальностью благодаря самобытной технике исполнения, оригинальным узорам и яркой, контрастной расцветке, что является ярким проявлением национальных черт башкирского искусства. Представленная коллекция открыла широкие возможности для всестороннего научного анализа уникальности и многообразия декоративно-прикладного искусства башкирского народа.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 1022040500512-4-6.1.1 «Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН как фактор сохранения историко-культурного наследия Южного Урала» (2025-2027 гг.)

Список источников

1. Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН / ответ. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН: Информреклама, 2007. 220 с.
2. Предметы религиозных культов народов Южного Урала из собрания Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. Каталог. Ч. 1. Христианство / сост.: А.Б. Юнусова (ответ. ред.), И.Г. Петров, З.Ф. Хасанова, А.И. Тузбеков / спец. фотосъемка А.М. Акбулатова. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 42 с.
3. Финно-угорские народы в коллекциях Музея археологии и этнографии Центра этнологических исследований УНЦ РАН: Каталог / сост. Е.Е. Никонорова; вступ. ст. Р.Р. Садикова; отв. ред. Ф.Г. Ахатова. Уфа: Информреклама, 2006. 120 с.
4. Чувашские коллекции в этнографических фондах Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН: каталог-альбом /сост. И.Г. Петров. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН; ГУП РБ Издательство «Белая река», 2017. 124 с.
5. Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет / сост. Н.Г. Рутто; вступ. ст. С.Н. Шитова. Уфа: Информреклама, 2006. 92 с.
6. Галиева Ф.Г., Садиков Р.Р., Петров И.Г., Нечвалода Е.Е., Хасанова З.Ф. Коллекции Музея археологии и этнографии по этнографии народов Башкортостана // Известия Уфимского научного центра РАН. 2018. №3. С. 113 – 124.
7. Башкиры-гайнинцы: история и современность. Уфа: Китап, 2012. 264 с.
8. Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995. 237 с.
9. Шитова С.Н. История архитектурного декора в башкирских аулах. Уфа: Гилем, 2004. 219 с.
10. Шитова С.Н. Резьба и роспись по дереву у башкир. Уфа: Китап, 2001. 168 с.
11. Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX – первая четверть XX в. М.: Наука, 1984. 252 с.
12. Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 25.

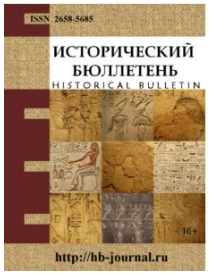
References

1. Museum of Archaeology and Ethnography: Catalog of the museum exhibition of the Center for Ethnological Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. editor A.B. Yunusova. Ufa: CER Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: Informreklama, 2007. 220 p.
2. Religious objects of the peoples of the Southern Urals from the collection of the Museum of Archaeology and Ethnography of the R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Catalog. Part 1. Christianity. compiled by A.B. Yunusova (editor), I.G. Petrov, Z.F. Khasanova, A.I. Tuzbekov. special photography by A.M. Akbulatov. Ufa: IER Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2011. 42 p.
3. Finno-Ugric peoples in the collections of the Museum of Archaeology and Ethnography, Center for Ethnological Research, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: Catalogue. compiled by E.E. Nikonorova; introduction by R.R. Sadikova; ed. by F.G. Akhatova. Ufa: Informreklama, 2006. 120 p.
4. Chuvash collections in the ethnographic funds of the Museum of Archaeology and Ethnography, R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: catalogue-album. compiled by I.G. Petrov. Ufa: IEI Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; State Unitary Enterprise of the Republic of Bashkortostan, Belaya Reka Publishing House, 2017. 124 p.
5. Bashkir pectoral ornaments made of corals and coins. compiled by N.G. Rutto; introduction by S.N. Shito-va. Ufa: Informreklama, 2006. 92 p.
6. Galieva F.G., Sadikov R.R., Petrov I.G., Nechvaloda E.E., Khasanova Z.F. Collections of the Museum of Archeology and Ethnography on the ethnography of the peoples of Bashkortostan. News of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 3. P. 113 – 124.
7. Bashkirs-Gayni: history and modernity. Ufa: Kitap, 2012. 264 p.
8. Shitova S.N. Bashkir folk clothing. Ufa: Kitap, 1995. 237 p.
9. Shitova S.N. History of architectural decoration in Bashkir villages. Ufa: Gilem, 2004. 219 p.
10. Shitova S.N. Wood carving and painting among the Bashkirs. Ufa: Kitap, 2001. 168 p.
11. Shitova S.N. Traditional settlements and dwellings of the Bashkirs. Second half of the 19th – first quarter of the 20th century. M.: Nauka, 1984. 252 p.
12. Scientific archive of the UFITs RAS. F. 113. Op. 1. D. 25.

Информация об авторе

Махмудов А.Р., младший научный сотрудник, аспирант, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2449-4255, 89223119647, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450077, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 6, alic3842@yandex.ru

© Махмудов А.Р., 2025



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
УДК 327.5

Процесс выработки развязок пограничных конфликтов и пути реализации национальных интересов

[1] Тотх Даниел,
[1] Московский государственный лингвистический университет

Аннотация: данная статья посвящена пограничным конфликтам и путям реализации национальных интересов. В статье рассматриваются виды конфликтов, а также факторы, которые оказывают влияние на появление конфликтов. Представлены основные характеристики вооруженного конфликта, к которым относятся следующие: использование силы военного характера; наличие двух или нескольких сторон, преследующих свои интересы и цели; характерные особенности, к примеру, отсутствие четкой линии фронта; использование формирований нерегулярного характера; ведение боевых действий в ассиметричном порядке; применение информационного и невоенного действия в отношении стороны противника. В статье обсуждаются отличия между вооружённым конфликтом и полномасштабной войной. Отмечено, что в первую очередь война вызывается глубокими противоречиями в экономической и политической сферах, война имеет решительные намерения, разрешение данных противоречий в свою очередь отвечает жизненно важным интересам нации. В вооружённых конфликтах, как правило, преобладают менее значительные территориальные споры, национальные, этнические, религиозные и другие разногласия, являющиеся, по сути, производными от основных противоречий Основные вопросы рассматриваются на примере поддержки Россией стран РВАО в сохранении стабильной обстановки в регионе. Государственные институты берут на себя особые функции, власть централизуется, права, свободы граждан ограничиваются, все ресурсы страны мобилизуются, экономика и социальная сфера перестраиваются для достижения победы. Во время войны применяется использование всех форм борьбы – информационной, юридической, дипломатической, экономической, военной и других, тогда как вооружённые конфликты в основном ограничиваются столкновениями с применением обычных вооружений.

Ключевые слова: пограничный конфликт, национальный интерес, вооруженный конфликт, война, полномасштабная война

***Для цитирования**: Тотх Даниел Процесс выработки развязок пограничных конфликтов и пути реализации национальных интересов // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 307 – 313.*

Поступила в редакцию: 15 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 ноября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

The process of developing solutions to border conflicts and ways to realizing national interests

[1] *Toth Daniel,*
[1] *Moscow State Linguistic University*

Abstract: this article focuses on border conflicts and ways to realize national interests. It examines the types of conflicts and the factors that influence their emergence. It presents the key characteristics of armed conflict, including the use of military force; the presence of two or more parties pursuing their own interests and goals; distinctive features, such as the absence of a clear front line; the use of irregular formations; asymmetrical combat; and the use of information and non-military actions against the enemy. The article discusses the differences between armed conflict and full-scale war. It is noted that war is primarily caused by profound contradictions in the economic and political spheres; war has decisive intentions; and the resolution of these contradictions, in turn, meets the vital interests of the nation. Armed conflicts are typically dominated by smaller territorial disputes, as well as national, ethnic, religious, and other differences, which are essentially derivatives of the underlying contradictions. War leads to fundamental changes in the state and the military, with martial law being declared during war. State institutions assume special functions, power is centralized, the rights and freedoms of citizens are restricted, all the country's resources are mobilized, and the economy and social sphere are restructured to achieve victory. During war, all forms of combat are employed – informational, legal, diplomatic, economic, military, and others-while armed conflicts are generally limited to clashes involving conventional weapons.

Keywords: border conflict, national interest, armed conflict, war, full-scale war

***For citation**: Toth Daniel The process of developing solutions to border conflicts and ways to realizing national interests. Historical Bulletin. 2025. 8 (8). P. 307 – 313.*

The article was submitted: September 15, 2025; Approved after reviewing: November 12, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Проблема безопасности в современном мире имеет такое же важное значение, что и проблема постоянного развития. Данная проблема тесно связана с выживанием человека в будущем при сложившихся условиях постоянной глобализации и связанных с ней обостряющихся проблем. В связи с этим понятие безопасности является как никогда актуальным на сегодняшний день.

За последнее четверть века истории беспокойств и кровопролития в регионе Великих озёр преобладали рассказы о том, что слабые стороны в руководстве Конго – начиная от неэффективности правительственных органов и заканчивая коррумпированностью и агрессивностью национальных войск страны, особенно на востоке, способствовали развитию благоприятной среды для возникновения и укоренения военизированных формирований различного толка и происхождения, а также для поиска ими способов выживания и формирования взаимовыгодных, прагматичных альянсов.

Материалы и методы исследований

В данной статье были использованы следующие методы:

1. Анализ.
2. Синтез.
3. Обобщение.

Данная литература была написана на базе следующих авторов: Абдурахманов М.И., Варфоломеев А.А., Кокошин А.А., Конкин В.С., Малышев, А.С., Рыжов В.А., Санникова С.С., Сугак О.А. Также был использован Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ.

Изменения, которые происходят на сегодняшний день в мире, вероятность появления пограничных конфликтов немного уменьшилась. Опасения по поводу их возникновения не подтвердились. Но, несмотря на это, появились конфликты следующих видов:

1. Классические нетрадиционные внутриполитические столкновения, проявляющиеся в виде масштабного терроризма и партизанской борьбы, направленные на перестановку власти в государствах.
2. Традиционные конфликты обособленного характера.
3. Сепаратистские противостояния с международной поддержкой.
4. Нестандартные межгосударственные споры из-за пограничных зон.

5. Конвенциональные локальные войны между влиятельными регионами за контроль над ресурсами или землями.

Анализ событий последних пяти лет свидетельствует о высокой вероятности возникновения внутренних территориальных споров, связанных с изменением правового положения определенных областей. В данной статье события рассматриваются на примере Великих Озер. Особое внимание уделяется провалам в управлении ДРК, что создает почву для вооруженных групп. Заметны существенные трансформации в военно-политической природе современных войн: наблюдается стирание различий между мало- и среднеинтенсивными конфликтами, а также тенденция к их объединению. На данный процесс оказывают влияние следующие факторы: возможность ведения долгих конфликтных действий вооруженного характера; доступность тяжелого вооружения и военной техники; ограниченность ресурсов у противоположной стороны; большой объем живой силы, которая может принимать участие в пограничных конфликтах [9, с. 215].

Другой стороной выступает стирание военно-политических границ между конфликтами внутри государства и конфликтами между государствами [1, с. 112].

Смена людей на руководящих должностях в ДРК является способом начать разговор на уровне правительства. В данном случае будут рассматриваться причины конфликта в регионе [8; 10].

В данной статье проведен анализ возможных видов конфликтов вооруженного характера, а также освящены возможные пути реализации национальных интересов.

Пограничные конфликты отличаются от войны меньшим масштабом, в некоторых случаях отсутствием военного положения, частичным применением или отсутствием международных норм [3; 4].

Военные эксперты выделяют ряд ключевых отличий между вооружённым конфликтом и полномасштабной войной.

Во-первых, война вызывается глубокими противоречиями в экономической, политической сферах и ведётся с решительными намерениями, а разрешение этих противоречий отвечает жизненно важным интересам нации. В то время как в вооружённых конфликтах обычно преобладают менее значительные территориальные споры, национальные, этнические, религиозные и другие разногласия, являющиеся, по сути, производными от основных противоречий [7, с. 150].

Во-вторых, война приводит к фундаментальным изменениям в государстве и армии, вводится военное положение. Государственные институты берут на себя особые функции, власть централизуется, права, свободы граждан ограничиваются, все ресурсы страны мобилизуются, экономика и социальная сфера перестраиваются для достижения победы. Проводится полная или частичная мобилизация экономики и вооружённых сил, осуществляется их стратегическое и оперативное развертывание. Вооружённый конфликт, напротив, затрагивает в основном только вооружённые силы или их часть. Боевые действия обычно проводятся частью войск мирного времени [5, с. 2293].

В-третьих, война подразумевает использование всех форм борьбы – информационной, юридической, дипломатической, экономической, военной и других, тогда как вооружённые конфликты в основном ограничиваются столкновениями с применением обычных вооружений, хотя и не исключается использование других форм, но в меньшем масштабе. Следовательно, вооружённый конфликт – это не война.

Пограничный вооружённый конфликт – это особая форма, которой предшествуют пограничные инциденты или провокации, вооружённые акции, призванные обострить ситуацию на границе и развязать конфликт. Это организованные столкновения между вооружёнными лицами или пограничными войсками соседних государств на границе.

Целями применения вооружённых сил в таких конфликтах могут быть разгром и ликвидация этих формирований, создание условий для урегулирования конфликта в соответствии с конституцией и законами страны.

К примеру, за прошедшие четверть века истории беспокойств и кровопролития в регионе Великих озёр в основном рассказывались о причинах, коренящихся в неэффективности власти в ДРК. Слабость государственных органов, отсутствие действенных институтов, а также коррумпированность и агрессивное поведение ДРК, прежде всего на востоке страны, способствовали распространению различных вооружённых формирований. Эти группы, независимо от их идеологии и численности, смогли укрепить свои позиции, обеспечить себя ресурсами и сформировать выгодные, хотя и временные, альянсы.

Нестабильное состояние и постоянное насилие, происходящее на территории Великих Озер, имело под собой такие основания, которые заключались в провалах, состоящих в управлении ДРК, особенно на территории ее восточной части. В результате этого произошло образование большого числа вооруженных групп различного состава, были образованы оппортунистические союзы.

Выход из положения в данном случае виден в смене руководства в ДРК. Назрела необходимость в открытом обсуждении политических вопросов на высоком государственном уровне по всему региону. В рамках этого разговора следует комплексно проанализировать коренные причины конфликтов, охвативших весь ареал Великих озёр, выходя за рамки исключительно факторов, связанных с ДРК. Особое внимание стоит уделить теневым экономическим схемам и усилиям, направленным на дестабилизацию местных властей, а также скрытым военно-политическим операциям, проводимым в ответ на вполне обоснованные риски для безопасности. Именно этот политический диалог, и последовавшие за ним преобразования внутри правительств стран региона, станут основой устойчивости и прогресса в Центральной Африке.

Интересы транснационального характера в области безопасности и угроз должны иметь поддержку со стороны властей государства. Интересы одной страны не должны быть выше интересов какой-либо другой страны, о чем всегда нужно помнить.

Не так давно стало отмечаться появление антируандийских вооруженных групп. В Верхних плато провинции Южное Киву с 2017 года действует военизированное формирование Руандийский национальный конгресс (РНК) под руководством генерала Фаустина Каюмбы Ньямвасы, бывшего соратника президента Поля Кагаме. Точное число членов этой организации и источники их финансирования остаются неизвестными, однако накапливаются свидетельства о взаимодействии между ДСОР и РНК. Руанда возлагает ответственность за поддержку РНК на Уганду и Бурунди и, начиная с 2019 года,осуществляла ряд скрытых действий против данной группы на востоке ДРК, предположительно получив одобрение от властей Конго.

Уже двадцать лет спустя Группа экспертов ООН неуклонно фиксирует продолжающуюся масштабную торговлю нелегальными природными ресурсами из ДРК, в которой задействованы предприниматели, политики, военные и различные вооружённые формирования региона. Пути перемещения драгоценного сырья – золота, олова, вольфрама, тантала, кобальта и прочих минералов – из ДРК через Кигали, Бужумбуру и Кампалу приводят к существенному сокращению государственных поступлений страны. Вооружённые группировки тесно связаны с незаконной добычей полезных ископаемых, что обеспечивает им значительное финансирование. Эта преступная схема включает в себя обширную сеть как гражданских, так и военных лиц из ДРК, Руанды, Уганды и Бурунди, извлекающих прибыль от подобной деятельности. Фактически сформировалась мощная региональная структура, объединяющая вооружённые силы, политиков, бизнесменов и военных руководителей, совместно действующие и получающие огромную финансовую выгоду от широкого спектра незаконной торговли минералами и сопутствующими товарами.

Легкие доступы к ресурсам природного характера и доходам, которые можно от них получить, являются одним из главных факторов движения и участия Руанды и Уганды в восточной части ДРК. Это происходит почти после тридцати лет после их первого участия под предлогом обеспечения своих интересов в области безопасности. Вооруженные группы национального и международного характера принимают активное участие в эксплуатации природных ресурсов незаконным образом. При этом одни группировки воюют в основном с целью собственного обогащения, а другие используют доходы от добычи полезных ископаемых для поддержки своей вооруженной борьбы. Несмотря на многочисленные международные и региональные программы, направленные на контроль и подтверждение происхождения продукции, подобные системы отслеживания и сертификации зачастую остаются без внимания со стороны, как покупателей, так и поставщиков. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Совет Безопасности ООН призывают всех звеньев цепочки поставок минералов из региона Великих озёр применять меры предосторожности и минимизировать вероятность поддержки вооружённых формирований посредством торговли.

Финансирование Международной ассоциации развития (IDA), которое составляет 250 миллионов долларов США, целенаправленно содействует торговле, осуществляющейся на границе, в первую очередь она ориентирована на мелких торговцев и женщин-торговцев, располагающихся в приграничных районах района Великих озер.

Данный проект состоит из мероприятий, которые включают в себя реформы политики и процедуры для устранения ряда ограничений, связанных, помимо остального, с плохой инфраструктурой, отсутствием безопасности, обременительными торговыми требованиями, плохим обращением с продуктами после производства и ограниченным доверием между торговцами и пограничными органами, среди других факторов. Кроме торговцев (особенно женщин и молодежи), бенефициарами являются производители, поставщики торговых услуг, такие как перевозчики и операторы лодок, рыночные торговцы в приграничных районах,

портовые власти и пограничники, средние и малые предприятия.

В решении конфликтов должно быть участвовать Правительство всех заинтересованных стран.

Предыдущие попытки понять причины конфликтов в регионе Великих озёр были неполными, поскольку недостаточно учитывали влияние политики и действий недемократических режимов соседних государств. Только открытый, честный и принципиальный политический диалог между странами региона, поддержанный изменением подхода международного сообщества, способен принести ощутимые перемены. Утверждение о допустимости компромиссов в области прав человека и демократии ради сохранения региональной стабильности представляется несостоятельным. Республика получила шанс определить и продвигать собственные внешнеполитические цели, сформировать экономическую стратегию и занять определенную позицию в геополитическом ландшафте.

Развязка пограничных конфликтов имеет прямую зависимость от большого количества факторов, основным из которых является урегулирование мирным путем. Мирное урегулирование базируется на переговорах, а также праве и соглашениях международного масштаба. Если пограничный конфликт не удается решить мирным путем, тогда принимается сила [6, 8].

Прекращение многолетних столкновений и сдерживание обостряющейся обстановки между главными государствами африканского региона Великих Озер требует запуска новой инициативы по урегулированию кризиса при участии лидеров стран. Эту программу следует основывать на свежем исследовании конфликтных ситуаций и выявлении всех заинтересованных сторон, что позволит выявить факторы, способствующие миру и стабильности, и использовать их для стимулирования переговоров между лидерами по важнейшим вопросам.

Результаты и обсуждения

Выработка решений пограничных конфликтов и реализация национальных интересов включает анализ ситуации, переговоры, посредничество, арбитраж и другие мирные средства. Пути реализации национальных интересов зависят от контекста, но часто включают отношения дипломатического характера, экономическое сотрудничество и, в крайних случаях, обращение к международным судам. Ключевым является поиск взаимоприемлемых решений через переговоры и сотрудничество, а не соперничество.

Рекомендациями к урегулированию конфликта являются следующие: АС: взаимодействовать с президентами ДРК, Уганды, Руанды и Бурунди по вопросам динамики регионального мира и безопасности и необходимости регионального политического процесса для решения растущей напряженности, внутренних причин насилия, незаконной экономической деятельности и вопросов управления на национальном уровне; назначить бывшего главу государства для руководства и посредничества в этом процессе; обеспечить, чтобы вопрос регионального мира регулярно включался в повестку дня Совета мира и безопасности АС; САДК и МКРВО: работать совместно над безопасностью в районе Великих озер; открыто обсуждать какие-либо политические разногласия; офису UNSEGL: проводить интеграцию региональную дорожную карту мира в PSC-F; действовать в качестве поддержки посредника АС; Международному сообществу: разработать общую политику безопасности; международная контактная группа по Великим озерам, в которую входят Ангола и Южная Африка, должна быть перепрофилирована для поддержки такого процесса; Совету Безопасности ООН: включить региональную ситуацию в районе Великих озер в повестку дня Совета Безопасности ООН [2, с. 3].

Выводы

Правительство и Пограничная служба Российской Федерации активно работают над формированием механизма противодействия вызовам национальным интересам, возникающим на границах страны. Тем не менее, результативная защита этих интересов не может быть обеспечена исключительно усилиями пограничного ведомства. Она предполагает комплексное применение общегосударственных мер политического, экономического, оперативного, военного, режимного, правового, административного, экологического, социального и других характеров, а также активное участие общества и каждого гражданина в предотвращении и компенсации ущерба, наносимого России [10, 11].

Со стороны России есть подтверждения принципиальной позиции о невозможности решить конфликт в ДРК и в районе Великих озер в целом военными методами и призывают все вовлеченные стороны к сдержанности.

Москва считает, что урегулирование обстановки долгое время требует активизации региональных и международных усилий по выполнению рамочного соглашения о мире, безопасности и сотрудничестве в ДРК и районе Великих озер.

Каждое государство имеет право, обращаться за военной помощью к другим государствам или нет.

Список источников

1. Абдурахманов М.И., Баришполец В.А., Манилов В.Л., Пирумов В.С. Основы национальной безопасности России. М., 1998. С. 111 – 156.

2. Варфоломеев А.А., Иванов О.П., Сурма И.В., Трефилова Ю.В. Российская система внешнеполитической экспертизы // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13(5). С. 266 – 292. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-266-292

3. Кокошин А.А. Россия может остаться без высоких технологий // Независимая газета – политэкономия. 1999. № 10. С. 128.

4. Конкин, В.С. Национальная безопасность современной России. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnayabezopasnost-sovremennoy-rossii (дата обращения: 15.04.2023). С. 48.

5. Малышев, А.С. Национальная безопасность России в современном мире // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2291 – 2295. URL: http://e-koncept.ru/2016/86487.htm (дата обращения: 15.04.2023)

6. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 дек.

7. Рыжов В.А. 2018. Аналитика и экспертиза в информационном обществе. Экономические стратегии. № 2. С. 140 – 155.

8. Санникова С.С. Принципы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/printsipy-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 15.04.2023). С. 22.

9. Сугак О.А. Процесс принятия внешнеполитических решений США. Молодой учёный. 2012. № 7 (42). С. 214 – 217.

10. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности». Статья 2. Основные принципы обеспечения безопасности. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=187049&fld=134&dst=100011,0&rnd=0.90072656 33401429#06607263768765612 (дата обращения: 15.04.2023). С. 15.

11. Pantserev K.A., Sidorova G.M., Zherlitsina N.A. African Countries in the Epoch of Information Globalization: New Challenges in the New Age. SPb., 2020. С. 590 – 605.

References

1. Abdurakhmanov M.I., Barishpolets V.A., Manilov V.L., Pirumov V.S. Fundamentals of National Security of Russia. Moscow, 1998. P. 111 – 156.

2. Varfolomeev A.A., Ivanov O.P., Surma I.V., Trefilova Yu.V. Russian System of Foreign Policy Expertise. MGIMO University Bulletin. 2020. No. 13(5). P. 266 – 292. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-266-292

3. Kokoshin A.A. Russia May Be Left Without High Technologies. Nezavisimaya Gazeta – Political Economy. 1999. No. 10. P. 128.

4. Konkin, V.S. National Security of Modern Russia. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnayabezopasnost-sovremennoy-rossii (date of access: 15.04.2023). P. 48.

5. Malyshev A.S. National Security of Russia in the Modern World. Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2016. Vol. 11. P. 2291 – 2295. URL: http://e-koncept.ru/2016/86487.htm (date of access: 15.04.2023)

6. Putin V.V. Russia at the Turn of the Millennium. Nezavisimaya Gazeta. 1999. December 30.

7. Ryzhov V.A. 2018. Analytics and Expertise in the Information Society. Economic Strategies. No. 2. P. 140 – 155.

8. Sannikova S.S. Principles of Ensuring National Security in the Russian Federation. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/printsipy-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-v-rossiyskoy-federatsii (accessed: 15.04.2023). p. 22.

9. Sugak O.A. The Process of Making US Foreign Policy Decisions. Young Scientist. 2012. No. 7 (42). P. 214 – 217.

10. Federal Law of 28.12.2010 No. 390-FZ (as amended on 05.10.2015) "On Security". Article 2. Basic Principles of Ensuring Security. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=187049&fld=134&dst=100011,0&rnd=0.90072656 33401429#06607263768765612 (date of access: 04.15.2023). P. 15.

11. Pantserev K.A., Sidorova G.M., Zherlitsina N.A. African Countries in the Epoch of Information Globalization: New Challenges in the New Age. SPb., 2020. P. 590 – 605.

Информация об авторе

Тотх Даниел, Московский государственный лингвистический университет, 19tohdani95@gmail.com

© Тотх Даниел, 2025